This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 833,548

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

книги

Вл. МИХНЕВИЧА:

КАРТИНКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ

съ 10-ю рисунками, неподц. въ Вѣнѣ. 380 стр. in 8°. Изд. 1884 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 ф.

СОДЕРЖАНІЕ

Серія I-я.

Бродячій Петербургъ.

I. Сановникъ не у дѣлъ.
II. Всеобщій папочка.
III. Клубскій «дядя».
IV. «Нашъ извѣстный любимецъ публики».
V. «Всемірный путешественникъ».
VI. Журнальный верблюдъ.
VII. Газетный парія.
VIII Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.
IX. Мать-камелія.
X. Текстъ къ картинкѣ.
XI. Не бывать бы счастью, да несчастье помогло.
XII. Захудалый.

Серія II-я.

Святочныя разсказы.

I. Дѣтская логика.
II. Филантропическая елка.
III. Святочная мелодія.
IV. Супружескій подарокъ на елку.

Серія III-я. Два юмористическихъ романа: I. Супруги-любовники. II. Романъ въ нѣсколькихъ звукахъ.

Историческіе Этюды Русской Жизни.

Томъ I-й.

Очеркъ Исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи (I. Дохристіанская Старина; II. Византійско-Московская Тишина; III. Шпильманская хитрость изъ-за моря; IV. Опереточный вѣкъ; V. Кавосъ и его время). 1879 г.

310 стр. in 8°.

Цѣна **2** р. **25** к. перес. за 2 ф.

Томъ II-й.

Народная копилка Христа ради. — Исторія русской бороды. — Исторія одного проклятаго вопроса. — Объединители. — Пляска на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ. — Извращеніе народнаго пѣснотворчества. 1882 г.

430 стр. in 8°.

Цѣна **2** р. **25** к., перес. 2 ф.

Готовится къ печатанію III-й томъ „Историч. Этюдовъ“:

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

ВАРШАВА и ВАРШАВЯНЕ

Наблюденія и замѣтки: I. Вступительн. замѣтки. — II. Значеніе Варшавы польско-національное и обще-славянское. — III. Варшава какъ городъ. — IV. Варшавяне. — V. Варшавская общественная жизнь. — VI. Прошлое польскаго театра. — VII. Современная польская комедія. — VIII. Варшав. театры и музеи. — IX. Крашевскій и его юбилей. — X. Чего хотятъ и куда идутъ привислян. поляки? — XI. Послѣднее слово польской исторической науки. — XII. Варшавская журналистика. 1881 г. 215 стр.

Ц. **1** р. **25** к., перес. за 1 ф.

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОМУТѢ.

Романъ-фельетонъ изъ временъ войны 1877 года. Изд. второе. 1879 г. 420 стр.

Ц. **1** руб. **25** коп., перес. за 1 ф.

МЫ, ВЫ, ОНИ, ОНѢ.

Юмористическіе очерки и шаржи, въ трехъ серіяхъ: I. Отголоски изъ временъ войны. II. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. III. Дачныя картинки. 1879 г. 415 стр.

Ц. **1** руб. **60** коп., перес. за 1 ф.

СОЧИНЕНІЯ
ПАВЛА ЯКУШКИНА

(I. Разсказы; II. Путевыя письма; III. Народные стихи и пѣсни),

съ портретомъ автора,

его біографіей С. В. Максимова и товарищескими о немъ воспоминаніями П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. В. Горбунова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, В. С. Лѣскова, Д. Д. Минаева, В. О. Португалова и др. Изданіе Вл. Михневича. 830 стр. in 8° уборист. шрифта.

Ц. **4** р. **30** коп., перес. за 3 ф.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

у **В. О. Михневича.** СПб., Измайловскій полкъ, Троицкій пр., № 6.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.
Выписывающіе не менѣе пяти экземпляровъ каждаго изданія пользуются уступкой 20%.

У всѣхъ книгопродавцевъ продаются книги

Н. А. ЛЕЙКИНА.

ХРИСТОВА НЕВѢСТА. КУСОКЪ ХЛѢБА.

Романъ и повѣсть. 1884 г., 288 стр. Изд. 3-е.
Ц. 1 руб. 50 к.

КАРАСИ И ЩУКИ.

Юмористическіе разсказы. 1883 г. 336 стр. убор. печати.
Ц. 1 руб. 50 коп.,

ТЕПЛЫЕ РЕБЯТА.

(Съ портретомъ автора). 1882 г. 316 стр., 62 юмор. разсказа.
Ц. 1 руб. 50 коп.

ГУСИ ЛАПЧАТЫЕ.

1881 г., 300 стр., 56 разск. Ц. 1 р. 50 к.

МУЧЕНИКИ ОХОТЫ.

1880 г., 268 стр., 53 разск. Ц. 1. 50 к.

МѢДНЫЕ ЛБЫ.

1880 г., около 300 стр., 35 разск. Ц. 1 р. 50 к.

САВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г., около 300 стр., 72 разск. Ц. 1 р. 50 к.

НАШИ ЗАБАВНИКИ.

(Изд. 2-е дополн.). 1881 г., 81 юмор. разск., 315 стр.
Ц. 1 р. 50 к.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.

(Изд. 2-е, дополн.); 1881 г., 42 юмор. разск., 300 стр.
Ц. 1 руб. 50 коп.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.

(Изд. 2-е, дополненное). 1880 г., 87 юмор. разск., 320 ст.
Ц. 1 руб. 50 коп.

Выписывающіе отъ автора (С.-Петербургъ, Николаевская ул., 48), за пересылку не платятъ.

Mikhnevich, V.

НАШИ ЗНАКОМЫЕ

ФЕЛЬЕТОННЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННИКОВЪ

1000 ХАРАКТЕРИСТ

русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей, художниковъ, коммерсантовъ промышленниковъ и пр.

Вл. Михневича.

СЪ 71-МЪ ПОРТРЕТАМИ-КАРИКАТУРАМИ

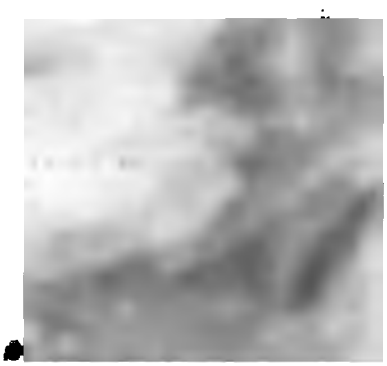
(на 59 листахъ),

[illegible] художниками А. И. ЛЕБЕДЕВЫМЪ, М. Е. МАЛЫШЕВЫМЪ и А. А. СЕРЕБРЯКОВЫМЪ,

по наброскамъ автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп., № 58.
1884.

DK
188.3
.M64



Stacks
Exchange
All Union St Lib of For Lit
6/12/78
12657666 293

Оглавленіе.

Къ читателямъ V

Списокъ портретовъ-каррикатуръ VII

Алфавитный указатель VIII

Словарь 1

Дополненіе 268

Книга эта стоила многихъ сомнѣній и долгихъ колебаній. Пугала ея задача — тѣмъ болѣе трудная, что до сихъ поръ она, сколько извѣстно, не имѣла въ нашей литературѣ надлежащаго, законченнаго опыта. Правда, за нее брались нѣкоторые писатели и прежде, но очень скоро оставляли, очевидно подъ давленіемъ тѣхъ-же сомнѣній, которыя и меня удручали.

Я рѣшился выполнить ее до конца, въ мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ и въ мѣрѣ возможности, зависящей отъ внѣшнихъ условій; но заранѣе, безъ всякой ложной скромности сознаюсь, что трудъ мой оставляетъ многаго желать и со стороны полноты и относительно обработки. Это — не болѣе какъ опытъ, оправдываемый убѣжденіемъ въ необходимости такой книги. Убѣжденіе это во мнѣ твердое, и оно даетъ мнѣ мужество выступить съ настоящимъ моимъ изданіемъ и спокойно ждать суда надъ нимъ, какъ бы ни былъ онъ суровъ. Пусть мой опытъ слабъ и не удовлетворителенъ, тѣмъ не менѣе, какъ починъ дѣла необходимаго и полезнаго — думается, — онъ сослужитъ свою службу, хотя-бы только отрицательную: найдутся другіе, лучшіе мастера, которые его повторятъ, но, имѣя передъ глазами исполненный мною *первый* опытъ, не повторятъ уже его промаховъ и недостатковъ. Такимъ порядкомъ всякое дѣло дѣлается.

Въ задачу мою входило собрать въ этой книгѣ всѣхъ *нашихъ знакомыхъ* т. е., все, что есть только замѣчательнаго и интереснаго, какъ въ положительномъ такъ и въ отрицательномъ отношеніи, въ наличномъ, за данный моментъ, составѣ русскаго общества, притомъ во всевозможныхъ его слояхъ и сферахъ. Государственные люди, общественные дѣятели, ученые, писатели, художники, представители торговли и промышленности, и, вообще, чѣмъ-нибудь пріобрѣвшіе извѣстность современники, какъ *прямые*, такъ и *кривые*, — всѣ должны были найти себѣ здѣсь мѣсто.

Такимъ образомъ, собралось до *тысячи* именъ; но, конечно, внимательный читатель найдетъ не мало пропусковъ, а въ то-же время найдетъ и кое-что лишнее. Пропуски были частію невольные, по недогляду*), частію — завѣдомые, во-первыхъ, по некомпетентности автора судить о нѣкоторыхъ лицахъ и, во-вторыхъ, по соображеніямъ, не нуждающимся, полагаю, въ поясненіи. Затѣмъ, въ предлагаемый словарь попало нѣсколько именъ покойниковъ, умершихъ послѣ того, какъ они

*) Въ концѣ книги дано дополненіе, въ которое вошли многія пропущенныя въ текстѣ имена.

были уже помѣщены здѣсь, — обстоятельство весьма естественное, ибо всѣ *современники* смертны и каждый день кто-нибудь изъ нихъ выбываетъ ad patres.

При составленіи моего словаря, я положилъ дать не сухія хронологическія справки и біографическіе «послужные списки», а главнымъ образомъ — *характеристики*, т. е., портретные наброски современниковъ въ выдающихся индивидуальныхъ чертахъ ихъ личностей и ихъ дѣятельности.

Это-то и составляло главную трудность и щекотливость задачи! Нужно было соблюсти вѣрность каждой характеристики, справедливость и безпристрастіе въ оцѣнкѣ талантовъ и заслугъ. Обыкновенно говорятъ, что такое дѣло должно подлежать исключительно нелицепріятному суду исторіи; но, въ сущности, это ходячее общее мѣсто, придуманное фальшивой моралью, не что иное, какъ пустая фраза. На самомъ дѣлѣ, исторія вовсе не отвлекается отъ современности, ибо всякая сегодняшняя современность завтра становится исторіей. Отнимать же у современности право суда надъ ея представителями уже потому нелогично, что неосуществимо. Каждое сознающее себя общество цѣнитъ и судитъ своихъ представителей по мѣрѣ ихъ заслугъ и — иначе это быть не можетъ.

Отсюда, книга, подобная предлагаемой, должна имѣть цѣлью отразить съ возможной точностью сложившуюся въ общественномъ мнѣніи репутацію каждаго выдающагося современника. Въ какой степени достигнута мною эта цѣль — судить не мнѣ; могу сказать только, что я не выпускалъ ея изъ виду, стараясь избѣжать всякихъ личныхъ или партіонныхъ пристрастій и не страшась обидчивости уязвленныхъ самолюбій. «Правда глаза колетъ», и, конечно, многіе изъ современниковъ, которымъ здѣсь открыто высказано то, что о нихъ говорятъ въ обществѣ, обрушатся, какъ водится, не на источникъ сложившагося о нихъ мнѣнія, а на его органъ. Я и это предвидѣлъ; но если меня что безпокоитъ, такъ только невѣрности и ошибки, невольно, быть можетъ, вкравшіяся, за которыя заранѣе прошу меня простить.

Еще одно слово — о характерѣ и планѣ этого изданія.

Предлагаемыя характеристики написаны въ легкомъ, фельетонномъ, частью въ юмористическомъ родѣ. Въ этомъ-же родѣ скомпонованы и прилагаемые при немъ каррикатуры-портреты наиболѣе замѣчательныхъ современниковъ. Всѣ они исполнены по наброскамъ автора; большинство ихъ рисованы лучшимъ и талантливѣйшимъ изъ современныхъ русскихъ каррикатуристовъ, художникомъ Александромъ Игнатьевичемъ Лебедевымъ. Было обращено особое вниманіе на сходство портретовъ, которое и соблюдено, кажется, въ большинствѣ случаевъ.

Михневичъ.

СПИСОКЪ
ПОРТРЕТОВЪ-КАРИКАТУРЪ.

Портреты обозначены номерами въ нижерасположенномъ порядкѣ.

№№

1. Айвазовскій, И. К.
2. Аксаковъ, И. С.
3. Бекетовъ, А. И.
4. Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.
5. Боборыкинъ, П. Д.
6. Боткинъ, С. П.
7. Ваземъ.
Радина. } Балерины.
Соколова.
8. Валуевъ, графъ П. Д.
9. Варламовъ.
Давыдовъ.
Дюжикова. } Актеры.
Сазоновъ.
10. Вейнбергъ, П. И.
11. Верещагинъ, В. В.
12. Главачъ.
13. Гончаровъ, И. А.
14. Горбуновъ, И. Ѳ.
15. Градовскій, А. Д.
16. Григоровичъ, Д. В.
17. Гротъ, Я. К.
18. Губонинъ.
19. Давыдовъ.
20. Зорина.
21. Иловайскій.
22. Кавелинъ, К. Д.

~~23.~~ . . . . Этого № нѣтъ въ книгѣ

24. Костомаровъ, Н. И.
25. Краевскій, А. А.
26. Крыловъ, В. А.
27. Лейкинъ, Н. А.
28. Лентовскій, М. В.
29. Ланинъ.
30. Майковъ, А. А.
31. Лорисъ-Меликовъ, графъ.

№№

32. Маковскій.
Крамской.
Микѣшинъ. } Художники.
Рѣпинъ.
33. Мельниковъ.
Корсовъ.
Направникъ. } Артисты русской оперы.
Каменская.
Славина.
34. Менделѣевъ, Д. И.
35. Немировичъ-Данченко, В. И.
36. Островскій, А. Н.
37. Плещеевъ, А. Н.
38. Потѣхинъ, А. А.
39. Полонскій, Я. П.
40. Рубинштейнъ, А. Г.
41. Поляковъ, С. С.
42. Пыпинъ, А. Н.
43. Савина, М. Г.
44. Салтыковъ, М. Е.
45. Склифассовскій.
46. Соловьевъ, В. С.
47. Спасовичъ, В. Д.
48. Стрепетова, П. А.
49. Сѣченовъ, И. М.
50. Толстой, графъ Л. Н.
51. Суворинъ, С. А.
52. Чижовъ.
53. Стасюлевичъ, М. М.
54. Полонскій, Л. А.
55. Успенскій, Г. И.
56. Чайковскій.
57. Шелгуновъ, Н. В.
58. Миклуха-Маклай.
59. Самойловъ, В. В.
60. Ѳедотова, Г. Н.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Звѣздочками обозначены имена, помѣщенныя въ дополненіи.

		стр.
1.	Абаза, А. А. *	268
	Абаза, Н. А.	1
	Абаринова	2
	Абатуровъ	—
	Абрикосова сыновья	—
	Авенаріусъ, В. И.	—
	Аверкіевъ, Д. И.	—
	Авсѣенко	3
	Ададуровъ	—
10.	Айвазовскій, И. К.	—
	Аксаковъ, И. С.	4
	Аксаковъ, А. Н.	—
	Александровъ, П. Я.	5
	Аллопеусъ, И. С.	—
	Аловертъ	—
	Альбертини, Н. В. *	268
	Альбовъ *	—
	Аммосова	5
	Андреевскій, И. Е.	—
20.	Андреевскій	6
	Анненковъ	—
	Антокольскій, М. М.	—
	Антоновичъ, В. В.	—
	Антоновичъ, М.	—
	Апраксинъ, гр.*	269
	Арди	7
	Аристовъ, В. И.	—
	Арсеньевъ, К. К.	—
	Арсеньевъ, И. А.	—
30.	Артемовская, Гулакъ.	—
	Архангельскій, врачъ*	269
	Архангельскій *	—
	Астафьевъ	7
	Ауэръ.	8
	Ахматова	—
	Бажина	9
	Бажинъ	—
	Базилевскій	—
	Байковъ	—
40.	Баймаковъ	10
	Бакстъ, О. И.*	269
	Балабуха *	—
	Балакиревъ, М. А.	10
	Балашовъ	—
	Балинскій, И. М.	11
	Барановъ, Н. М.	—
	Барановъ, графъ	—
	Баранцевичъ	12
	Барсовъ	—
50.	Барсуковъ А. П.	—
	Бартеневъ, П. И.	—
	Барчъ.	—
	Баталинъ, проф.	12
	Баталинъ, врачъ	13
	Баталинъ, врачъ.	—
	Баталинъ, изд. «Земл. Г.»	—
	Баталинъ (Оса)	—
	Бахметьевъ	—
	Беггровъ	14
60.	Безобразовъ, В. П.	—
	Бекетовъ, А. Н.	—
	Белюстинъ, І.	15
	Венардаки, К. Д.	—
	Бенуа	—
	Бергъ, Ѳ.	—
	Бергъ, Н. В.	—
	Бергъ, антрепр.	16
	Бердъ	—
	Бергамаско	—
70.	Березинъ, И. Н.	—
	Верже, А. П. *	269
	Вернардъ	16
	Бернштамъ *	270
	Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.	17
	Бильбасовъ, В. А.	—
	Бланкъ, Петръ	18
	Бліохъ	—
	Воборыкинъ, П. Д.	—
	Бобринскіе, графы	19
80.	Бобринскій, гр. А. П.	—
	Бобровъ, В. А.	20
	Богдановичъ, Е. В.	—
	Богдановскій, Е. И.	—
	Богаевскій	—
	Богдановъ, Н. А.	21
	Богдановъ, Н. Г.*	270
	Богдановъ, танцовщ.	21
	Боголюбовъ, А. П.	—
	Богровъ	—
90.	Богушевичъ	—
	Болинъ	22
	Борель	—
	Борель, П. Ѳ.*	270
	Борманъ, Жоржъ	22
	Бородинъ, А. П.*	270
	Бостанджогло	—
	Боткинъ, М. П.	—
	Боткинъ, С. П.	23
	Бочаровъ, М. И.	—
100.	Брикнеръ, А. Г. *	270
	Бродниковъ	23
	Бродскіе	—
	Бродскій, проф.	—
	Брянниковъ, Ѳ. А.	24
	Бруно	24
	Будиловичъ, А.	—
	Бухахъ *	270
	Булгаковъ, Ѳ. И. *	—
	Булюбашъ	24
110.	Вунге, Н. Х.	—
	Вунтковскій, В. Я.	25
	Бурдинъ	—
	Буренинъ, В. П.	—
	Бурлакъ, Андреевъ	26
	Буслаевъ, Ѳ. И.	—
	Бутинъ	—
	Бутлеровъ, А. М.	—
	Бушъ	27
	Быковъ, М. В.	—
120.	Быковъ, П. В.	—
	Быстровъ, Н. И.	—
	Бычковъ, А. Ѳ.	—
	Бычковъ	—
	Бѣловъ, И. Д.	28
	Бюлеръ, бар. Ѳ. А.*	271
	Вагенгеймъ	29
	Вагнеръ, Н. П.	—
	Вадбольскій, князь	—
	Ваземъ	30
130.	Валуевъ, графъ П. А.	—
	Ванновскій, П. С.	32
	Варадиновъ, Н. В.	—
	Варгунинъ	—
	Варламовъ	—
	Варшавскій	33
	Василевскій, И. Ѳ.	—
	Васильева	34
	Васильевъ, проф.	—
	Васильевъ	35
140.	Васильчиковъ, князь	—
	Васильчиковъ, А. А.	36
	Васнецовъ.	—
	Ватсонъ, Э. К.	—
	Введенскій, Ар. *	271
	Веберъ	37
	Везовскій, И. В.	251
	Вейнбергъ, Павелъ	—
	Вейнбергъ, П. И.	—
	Венгеровъ	38
150.	Венюковъ, М. И.	—
	Венявскій.	39
	Вересай, Остапъ, *	271
	Верещагинъ, В. П.	39
	Верещагинъ, П. П.	—
	Верещагинъ, В. В.	—
	Верещагинъ, Н. И. *	271
	Веселаго, Ѳ. Ѳ.	40
	Веселитскій-Божидаровъ.	—

		стр.
	Веселовскій, К. П.	41
160.	Веселовскій. А. Н.	—
	Весинъ, В.	—
	Весинъ, И.	—
	Вилневальде	—
	Вильде	42
	Вильде, актеръ	—
	Вильдъ *	271
	Винтергальтеръ	42
	Висковатовъ	—
	Владимірскій	—
170.	Владиславлевъ	43
	Водовозовъ, В. И.	—
	Волковъ	—
	Волконскій, князь М. С.	44
	Волконскій, князь С. В.	—
	Волкенштейнъ	—
	Волоцкой	—
	Вольфа товарищество	—
	Вольфъ, А. И. *	272
	Волынская	45
180.	Воронинъ	—
	Воропановъ	46
	Вреденъ	—
	Всеволожскіе	—
	Всеволожскій, И. А.	—
	Вырубовъ	47
	Вышнеградскій, И. А.	—
	Вяземскій, кн. П. П.*	272
	Вяземскій, кн.*	—
	Габель	48
190.	Гаевскій, В. П.	—
	Гайдебуровъ, П. А.	—
	Галаганъ	49
	Галаховъ, А. Д.	—
	Галкинъ-Врасскій, М. Н.	—
	Галлеръ, К. П.	50
	Ганецкій	—
	Ганзенъ	—
	Гантоверъ	—
	Гаркави, А. Л.	51
200.	Гаршинъ	—
	Гацисскій	—
	Ге, Н. Н.	—
	Ге	52
	Гебгардтъ	—
	Гедеоновъ, С.	—
	Гезеліусъ *	272
	Гейденъ, графъ *	—
	Гейнсъ	52
	Георгіевскій, А. И.	53
210.	Герардъ	54
	Гердтъ	—
	Герье, В. И.	—
	Гивартовскій	55
	Гіероглифовъ	—
	Гильдебрандтъ, П. А.	—
	Гиляровъ-Платоновъ	56
	Гинцбургъ, баронъ	—
	Гирсъ, Дмитрій	57
	Гирсъ, Н. К. *	273
220.	Главачъ	57
	Глазенапъ	—
	Глазенапъ, С. П.	58
	Глазуновъ, И. И.	—
	Глама-Мещерская	—
	Глѣбова	59
	Годунъ	—
	Голенищевъ-Кутузовъ, графъ А.	—
	Голенищевъ-Кутузовъ, графъ П.*	273
	Голике	59
230.	Голицынъ, князь Н. Н.	60
	Головачевъ, А. А.	—
	Головнинъ, А. Б.	61
	Голубевъ	—
	Голубинскій, проф.*	273
	Гольдбергъ, Исидоръ	61
	Гончаровъ, И. А.	62
	Гоппе, Г. Д.	—
	Гоппе, Э. Д.	—
	Горбуновъ, И. Ѳ.	63
240.	Горвицъ	64
	Гордѣенко, Е. С.	—
	Горевъ	65
	Горнъ*	273
	Горшеневъ, Е. А.	65
	Горшенкова	—
	Готъ	—
	Градовскій, А. Д.	—
	Градовскій, Г. К.	66
	Грачевъ	67
250.	Грегеръ	—
	Грейгъ	274
	Грессеръ*	—
	Григоровичъ, В. Д.	67
	Григорьевъ, С.	68
	Гродековъ, Н. Ц.	—
	Громова	69
	Гротъ, Я. К.	—
	Груберъ	—
	Грузинскій	—
260	Губонинъ	70
	Гурко, И. В.	—
	Гюбнеръ	—
	Давыдовъ, В. А.	71
	Давыдовъ	—
	Давыдовъ, проф	—
	Данилевскій, Г. П.	72
	Данилевскій, Н. Я.	—
	Дациаро	—
	Дашковъ, П. Я. *	274
270	Деляновъ *	—
	Демидовъ, кн. Санъ-Донато	73
	Дендевиль	—
	Денкеръ	—
	Де-Пуле, М. И.	—
	Де-Роберти	74
	Деспотъ-Зеновичъ	—
	Дестунисъ	75
	Дитятинъ, проф.*	274
	Дмитріевъ-Кавказскій, *	275
280	Дмитріевъ-Оренбургскій*	—
	Доброславинъ	75
	Добротворскій, д-ръ	—
	Добротворскій, инж.	—
	Добротворскій, уч.	—
	Дойниковъ	—
	Долгоруковъ, кн. В. А.*	275
	Домонтовичъ, И. И.	76
	Дононъ	—
	Доротъ	—
290	Драгомировъ, М. И.	—
	Дубасовъ	77
	Думашевскій, А. В.	—
	Дурдинъ	—
	Душкинъ	—
	Дюжикова	78
	Дюссо	78
	Дьяковъ-Незлобинъ	—
	Евтушевскій	79
	Егаревъ	—
300	Езерскій	—
	Екшурскій	—
	Елисеевъ, Г. З.	80
	Елисеевъ	—
	Енгалычева, княжна	81
	Ермолова	—
	Есипова	—
	Есиповъ, Г. Б.	—
	Есиповъ	—
	Ефименко.*	275
310.	Ефремовъ, П. А.	81
	Жедановъ	83
	Жемчужниковъ, А. М.	—
	Жемчужниковъ В. А.	—
	Жемчужниковъ	84
	Жижиленко	—
	Жилинскій	—
	Жукова	—
	Жуковскій, Н. Н. *	275
	Жуковскій, Ю. Г.	84
320.	Жуковскій, адв.	85
	Жуковъ	—
	Жулева	—
	Журавлевъ	—
	Забѣлинъ. А. И	—
	Забѣлинъ, И. Е.	—
	Забѣлло, П. П.	87
	Завалишинъ *	275
	Завьяловъ	87
	Загуляевъ	—
330.	Закъ	—
	Запольская	88
	Зарубинъ, П. А.	—
	Зарудный *	275
	Засодимскій	88
	Захарьинъ	89
	Здекауеръ *	276
	Зейдлицъ *	—
	Зеленскій	89
	Зеленый	—
340.	Зембрихъ	90
	Зиновьевъ, П. А.	—
	Зиссерманъ	—
	Зичи *	276
	Златовратскій	90
	Зорина	91
	Зотовъ, В. Р.	—
	Зубаревъ	92
	Зубовъ	—
	Зыковъ, С. П.	—
350.	Ивановъ, А. Ѳ.	93
	Ивановъ	—
	Иверсенъ	—
	Игнатьевъ, гр.*	276
	Иконниковъ, В. С.	93
	Иловайскій, Д. И.	94
	Ильинскій	—
	Ильинская, М. В.	95
	Ильинъ, А. А.	—
	Ильинъ, Р. Ѳ.	—
360.	Иностранцевъ, проф.*	277
	Іогансонъ*	—
	Іонъ	95
	Кавелинъ, К. Г.	96
	Кази, М. И.	—
	Калачевъ, Н. В.	97

		стр
	Каменская, М. Д.	97
	Каменскій *	277
	Капнистъ, графъ	97
	Каптеревъ	—
370.	Каразинъ, Н. Н.	98
	Кардо-Сысоевъ	—
	Карновичъ, Е. П.	—
	Картавовъ	99
	Катковъ, М. Н.	—
	Кауфманъ К. П.	100
	Кауфманъ	—
	Кашеварова-Руднева	101
	Каширинъ	—
	Келлеръ	—
380.	Кенигъ	—
	Кившенко	—
	Киселевскій	102
	Кистеръ, баронъ	—
	Клеверъ	—
	Кичеевъ, Н. П.	103
	Клейстъ, баронъ	—
	Клодтъ, баронъ	—
	Ключевскій	—
	Клюшниковъ	104
390.	Книримъ	—
	Кобеко	—
	Ковако	—
	Ковалевскій *	277
	Ковалевскій, М. М. *	—
	Коганъ	104
	Козловъ, А. А.	105
	Козловъ, Н. А.	—
	Кокоревъ, В. А.	—
	Кокшаровъ, Н. И.	106
400.	Колюпановъ, Н. П.	—
	Комаровъ, А. В.	—
	Комаровъ, В. В.	—
	Комиссаржевскій, Ѳ. К.	107
	Кондратенко *	277
	Кони, А. Ф.	107
	Кононовъ	—
	Кондоянаки	—
	Кондратьевъ	108
	Конради	—
410.	Константиновъ	—
	Корзухинъ	—
	Корниловъ	109
	Корнфельдъ	—
	Коровинъ	—
	Коровяковъ	—
	Королевъ	—
	Корпусъ	110
	Корсаковъ, Д. А.	—
	Корсаковъ-Римскій	—
420.	Корфъ, Н. А., баронъ	—
	Корфъ, П. Л., баронъ	111
	Костомаровъ, Н. И.	—
	Котляревскій	112
	Кохановская *	278
	Кохановъ	112
	Кочетова, З. Р.	—
	Кочкуровъ	113
	Кошелевъ, Н. А. *	278
	Кошлаковъ	113
430.	Кояловичъ, М. О.	—
	Краевичъ	114
	Краевскій, А. А.	—
	Крамской, Н. Н.	115
	Кренке	116
	Кривенко, С. Н.	—

		стр
	Красовскій, А. Я.	116
	Крестовскій, Всеволодъ	—
	Кронебергъ	117
	Крутикова	—
440.	Крыловъ	—
	Куинджи	—
	Кулишъ П. А.	118
	Кульковъ	—
	Кумбергъ	—
	Куропаткинъ	—
	Курочкинъ, С. Н.	119
	Кшесинскій	—
	Кюи, Ц. А.	—
	Лаверецкій	120
450.	Лавровская	—
	Лавровскій, П. А.	121
	Лагоріо, Л Ф.	—
	Лакутинъ	—
	Ламанскій, В. И.	—
	Ламанскій, Е. И.	122
	Лампе	—
	Ландау, А. Е.	123
	Ландсбергъ	—
	Ланинъ	—
460.	Лансере, Е. А.	—
	Ларошъ, Г. А.	—
	Латкинъ, Н. В.	124
	Лафермъ	—
	Лебедевъ, А. И.	—
	Лебедевъ, Н. К.	—
	Левашевы, графы *	278
	Левицкій	124
	Левкѣева	125
	Лееръ, Г. А.	—
470.	Лейкинъ, Н. А.	—
	Леманъ *	278
	Ленскій	126
	Лентовскій	—
	Леонардъ	—
	Леонидовъ	127
	Леонова, Д. М.	—
	Леонтьевъ	—
	Лермонтовъ	—
	Лесевичъ, В.	128
480.	Лессаръ	—
	Леухинъ	—
	Ливенъ, князь	—
	Линниченко	129
	Линевъ	—
	Литвиновъ, Н. Н.	—
	Лихачевъ, В. И.	—
	Лихачевы	—
	Лишинъ	130
	Лодій *	278
490.	Ломачъ	—
	Лопухинъ	—
	Лорисъ-Меликъ, графъ	—
	Лохвицкій	131
	Лукашевичъ	—
	Лукинъ, А. И.	—
	Лысенко *	278
	Лѣсковъ, Н. С.	132
	Любимовъ, Н. А.	133
	Магавли, И. Х.	134
500.	Маевъ	—
	Мазуринъ	—
	Майковъ, А. Н.	—
	Майковъ, А. А.	135
	Майновъ, В. Н.	—
	Макалинскій	—

		стр.
	Макаровъ, Н. П.	135
	Макаровъ-Юневъ	136
	Маковскій, К. Е.	—
	Маковскій, В. Е.	—
510.	Маковскій, Н. Е.	—
	Маковская, А. Е.	—
	Максимовичъ	137
	Максимовъ	—
	Максимовъ, Н. В.	—
	Максимовъ, С. В.	—
	Макушевъ, В. В.	138
	Макшеевъ	—
	Малафѣевъ	—
	Малаховецъ	—
520.	Малкіель	—
	Мальцевъ *	278
	Мамонтовы	139
	Манасеинъ, В. А.	—
	Маннъ	—
	Манухинъ	140
	Маркевичъ, В.	—
	Маркевичъ, М. А.	—
	Марковъ, В. М.	141
	Марковъ, Е.	—
530.	Мартенсъ, Ѳ. Ѳ.	—
	Мартыновы	—
	Мартьяновъ	142
	Марцинкевичъ	—
	Матушевичъ *	279
	Махина	142
	Маховъ	—
	Межовъ, В. И.	—
	Мей, С.	—
	Меккъ, фонъ	143
540.	Мельниковъ	—
	Менгденъ, графиня	—
	Менделѣевъ, Д. И.	—
	Меньшикова	—
	Мержеевскій, И. П.	144
	Мессарошъ	—
	Мечниковъ, И. И.	—
	Мещерскій	—
	Мещерскій, В. П., князь	—
	Миклуха-Маклай, Н. Н.	145
550.	Микѣшинъ, М. О.	—
	Миллеръ, О. Ѳ.	146
	Миллеръ	—
	Миллеръ, поручикъ	—
	Мильбретъ	147
	Милюковъ, А. П.	—
	Милютинъ, Д. А., графъ	—
	Минаевъ, Д. Д.	—
	Минаевъ, И. П.	148
	Миропольскій	—
560.	Михайловскій, Н. К.	—
	Михаловскій, Д. Л.	149
	Михельсонъ, М. И.	149 и 279
	Модестовъ, В. И.	150
	Мозеръ	—
	Молчановъ	—
	Монтеверде, П. А.	—
	Мордовцевъ, Д. Л.	151
	Морозовъ, книгопрод. *	279
	Морозовъ, П.	151
570.	Морозовы	—
	Муравьевъ	152
	Мураневичъ	—
	Муромцевъ *	279
	Мурузи, князь	152
	Мясоѣдовъ, Г. Г.	—

стр.

Мясоѣдовъ, П. А. . . . 152
Набоковъ, Д. Н. . . . 154
Навроцкій. . . . . —
Направникъ * 279
580. Натарова 154
Наумовъ, Н. И. 155
Невревъ. . . . . —
Незеленовъ, А. . . . . —
Нелюбова . . . . . —
Неклюдовъ, Н. А. . . . —
Неклюдовъ, С. М. . . . —
Неклюдовъ * 279
Немировичъ-Данченко, В. И. 156
Неустроевъ, А. Н. . . . —
590. Нефедовъ . . . . . —
Никитинъ, В. Н. . . . —
Николадзе. 157
Николаи, баронъ. . . . —
Никольскій, Ѳ. . . . . —
Нильскій . . . . . —
Нильскій, И. Ѳ. 158
Нобель . . . . . —
Новикова-Карѣева * . . 280
Новиковъ, Н. И. . . . 158
600. Новинскій. . . . . —
Новосельскій. * . . . 280
Норденшильдъ. 159
Нотовичъ, О. К. . . . . —
Оболенскій. 160
Обручевъ, Н. Н. . . . —
Обрѣзковъ, М. Д. . . . 161
Овсянниковъ, Ф. В. . . —
Овсянниковъ, Т. Г. . . —
Огарева (См. Читау) . . —
610. Одинцовъ . . . . . —
Одноушевскіе . . . . . —
Оголейтъ . . . . . —
Огородниковъ 162
Озмидовъ * 280
Окрейцъ, С. С. 162
Оливье . . . . . —
Опекушинъ, А. М. . . . —
Орловскій, проф. . . . —
Орловскій, К. 163
620. Орловъ . . . . . —
Орловъ, князь . . . . . —
Осининъ И. Т. . . . . —
Осокинъ 164
Островскій, А. Н. . . . —
Островскій, М. Н. . . . —
Острогорскій В. П. . . 165
Пальминъ, Л. И. . . . 166
Пальмъ, А. И. . . . . —
Панаевъ, Ипполитъ . . 167
630. Панчина (См. Читау). . —
Пасекъ, Т. П. . . . . —
Пастуховъ * 280
Патти. 168
Пахманъ . . . . . —
Пашино, П. И. . . . . —
Пашковъ . . . . . —
Песковскій, М. Л. . . . 169
Петипа, балетм. . . . . —
Петипа, балерина . . . —
640. Петипа, актеръ . . . . —
Петровскій . . . . . —
Петровъ, Н. И. . . . . —
Петровъ, П. Н. 170
Петровъ. . . . . —

стр.

Петровы, К. и П. . . . 170
Петрушевскій, Ѳ. Ѳ. . . —
Пильцъ * 281
Писаревскій 171
Писаревъ . . . . . —
650. Пихлеръ * 281
Пихно. 171
Плещеевъ, А. Н. . . . 172
Плещеевъ, А. А. . . . —
Побѣдоносцевъ * 281
Погребовъ. . . . . —
Пожалостинъ, И. П. . . 173
Познякъ. Ѳ. Ф. . . . . —
Полежаевъ, П. И. . . . —
Полевой, П. Н. . . . . —
660. Полетика, В. А. 174
Половцовъ, В. А. . . . —
Половцовъ, А. А. . . . —
Полонскій, Л. А. . . . 175
Полонскій, Я. П. . . . —
Поляковъ, С. С. * . . . 281
Поповицкій, А. И. . . . 175
Поповъ, адмир. 176
Поповъ . . . . . —
Португаловъ, В. О. . . —
670. Посьетъ, К. Н. . . . . —
Потанинъ 177
Потѣхинъ, А. А. . . . —
Потѣхинъ, Н. А. . . . —
Потѣхинъ, П. А. . . . —
Праведный 178
Прангъ . . . . . —
Праховъ * 282
Премацци 179
Пржевальскій, Н. М. . —
680. Пржевальскій . . . . . —
Пржецлавскій, О. А. . . —
Прибытковъ. 180
Пригожій . . . . . —
Приклонскій. . . . . —
Протопоповъ. . . . . —
Пругавинъ . . . . . —
Путилинъ. 181
Пушкаревъ . . . . . —
Пясецкій . . . . . —
690. Пятковскій, А. П. . . —
Пыляевъ, М. И. . . . . —
Пыпинъ, А. Н. 182
Раабъ 183
Рабонъ . . . . . —
Рагозинъ, В. И. . . . . —
Рагозинъ, Е. И. . . . . —
Радецкій 184
Радина . . . . . —
Разумовскій . . . . . —
700. Раппопортъ . . . . . —
Раппъ, Е. К. 185
Ратьковъ-Рожновъ, П. А. —
Регель, Е. В. . . . . —
Резановъ * 282
Редстокъ 185
Рейнбольдъ 186
Рейтернъ, М. Х. . . . —
Ренненкампфъ. * . . . 282
Риццони, А. А. 186
710. Ровинскій, Д. А. . . . 187
Ровинскій. * 282
Родивановскій, Н. И. . 189
Родиславскій, В. Н. . . —
Родзевичъ. . . . . —

стр.

Розенблюмъ 188
Розенгеймъ, М. И . . . —
Розенталь . . . . . —
Роллеръ, А. А. 189
Россицкій * 283
720. Ротины 189
Рохель, д-ръ. . . . . —
Ру . . . . . —
Рубецъ . . . . . —
Рубинштейнъ, А. Г. . . 190
Рузановъ . . . . . —
Румянцовъ . . . . . —
Рыкачевъ 191
Рыковъ . . . . . —
Рѣпинъ, И. Е. . . . . —
730. Сабанѣевъ 192
Сабуровъ . . . . . —
Сабуровъ . . . . . —
Савина, М. Г. . . . . —
Савичъ, А. Н. 193
Сазиковъ . . . . . —
Сазоновъ . . . . . —
Саккети. 194
Салтыковъ, М. Е . . . —
Сальясъ-де-Турнимеръ 195
740. Самаринъ, И. В. . . . . —
Самаринъ 196
Самойловъ, В. В. . . . —
Самоквасовъ. 197
Санъ-Галли. . . . . —
Сара . . . . . —
Сверчковъ, Н. Е. . . . —
Свиридовъ * 283
Свободинъ. * . . . . . —
Свѣдомскій, П. А. . . . 198
750. Свѣдѣнцовъ, Г. Н. . . . —
Свѣнтицкій и Уземблo . —
Семевскій, В. И. . . . —
Семевскій, М. И. . . . —
Семеновъ, П. П. . . . 199
Сементковскій, Р. И. . —
Семирадскій, Г. И. . . —
Сергѣевичъ, В. И. . . —
Сибиряковъ 200
Сименсъ . . . . . —
760. Синебрюховы . . . . . —
Синельниковъ . . . . . —
Скабичевскій . . . . . —
Скальковскій, К. А. . . 201
Скаратинъ . . . . . —
Склифассовскій 202
Славина . . . . . —
Славянскій . . . . . —
Слонимскій . . . . . —
Случевскій . . . . . —
770. Смирнова 203
Соболевскій . . . . . —
Соколовъ, А. А. 204
Соколовъ, И. И. . . . . —
Солдатенковъ, К. Т. . . —
Соллогубъ . . . . . —
Соловьевъ, Всеволодъ . 205
Соловьевъ, В. С. . . . . —
Соловьевъ, Н. . . . . —
Соловьевъ, Н. Ф. . . . 206
780. Солодовниковъ. . . . . —
Сольскій, Д. М. . . . . —
Сомовъ, А. И. . . . . —
Спасовичъ, В. Д. . . . —
Станюковичъ, К. М. . . 207

стр.

Старчевскій, А. В. . . 207
Стасовъ, В. В. 208
Стасюлевичъ, М. М. . . 209
Стаховичъ 210
Стахѣевъ, Д. И. . . . . —
790. Стелловскій . . . . —
Стоюнинъ, В. Я. . . . —
Стояновскій, Н. И. . . . —
Стояновъ, А. Н. . . . —
Стравинскій . . . . . —
Страховъ Н. И. . . . 211
Стрепетова, П. А. . . . —
Строгановъ, А. Г. . . . —
Струве, А. Э. 212
Струве, О. В. . . . . —
800. Струйская, Е. П. . . . —
Стрѣльская . . . . . —
Субботинъ . . . . . —
Суворинъ, А. С. 213
Судковскій, Г. 214
Суриковъ, В. И. . . . —
Суслова, Н. П. . . . . —
Сухово-Кобылинъ . . . 215
Сухомлиновъ, М. И. . . —
Сухоровскій . . . . . —
810. Сущовъ. . . . . —
Сѣдовъ, Г. С. 216
Сѣтовъ . . . . . —
Сѣтова. . . . . —
Сѣченовъ, И. М. . . . —
Сюзоръ, лекторъ. . . . 217
Сюзоръ, архитект. . . . —
Таганцевъ, Н. С. . . . 218
Тамберликъ . . . . . —
Танѣевъ. . . . . —
820. Тарасова домъ 219
Тарасовъ . . . . . —
Тарновскіе. . . . . —
Тарновскій, Веніаминъ —
Тарновскій, Ипполитъ. . —
Тархановъ. . . . . —
Тедески. . . . . —
Терпигоревъ, С. Н. . . . 220
Тиманова . . . . . —
Тимашевъ, А. Е. . . . —
830. Тимирязевъ. . . . . —
Тихонравовъ, Н. С. . . —
Тогольскій, Д. . . . . —
Токаревъ . . . . . —
Толстой, Д. А., графъ. 221
Толстой, Л. Н., графъ. . 222
Толченовъ 223
Толычева . . . . . —
Топоровъ, А. В. . . . . —
Торнтонъ . . . . . —
840. Трачевскій, А. С. . . . —
Треповъ, Ѳ. Ѳ. . . . . —
Третьяковъ, П. М. . . . 224
Трироговъ, В. Г. . . . —
Трофимовъ . . . . . —
Трубецкая. . . . . —
Трубниковъ, К. В. . . . —
Трутовскій, К. А. . . . 225
Турба. . . . . —
Уайненсъ. 226
850. Уваровъ, А. С., графъ. . —
Уманецъ, Ѳ. М. 227

стр.

Унковскій, А. М. . . . 227
Унковскій, С. В. . . . . —
Урлаубъ, Е. Ѳ. . . . . —
Урусовъ, А. И., князь. . 228
Усовъ, П. С. . . . . —
Успенскій, Глѣбъ . . . —
Успенскій, И. И. 229
Успенскій, Н. В. . . . . —
860. Устряловъ, Ѳ. Н. . . . 230
Утинъ, Я. И. . . . . —
Утинъ, Е. И. . . . . —
Фаминцынъ, А. С. . . 231
Фаминцынъ, Ал С. . . . —
Федоровъ, М. П. . . . . —
Фейкъ. 232
Фену . . . . . —
Фетъ, А. А. . . . . —
Фигнеръ. . . . . —
870. Филиппо. 233
Филипповъ, М. А. . . . —
Филипповъ, Т. И. . . . —
Филипповъ . . . . . —
Филоновъ, А. . . . . —
Философова, А. П. . . . 234
Флеровскій . . . . . —
Флиге. . . . . —
Фойницкій. . . . . —
Фонбергъ. . . . . —
880. Фонтана. . . . . —
Фридериксъ 235
Фругъ. . . . . —
Харламовъ, Ѳ. С. . . . 236
Хартулари, К. Ѳ. . . . —
Хвощинская, Н. Д. . . 237
Хилкова. . . . . —
Хлудовы. . . . . —
Хлѣбникова 238
Хлѣбниковъ . . . . . —
890. Хойнацкій, А. Ѳ. . . . —
Худековъ, С. Н. . . . . —
Цабель, Г. 240
Цебрикова, М. К. . . . —
Цедербаумъ . . . . . —
Ценковскій, Л. С. . . . —
Цертелева. кн. 241
Циммерманъ. . . . . —
Цимсенъ. . . . . —
Цитовичъ . . . . . —
900. Ціонъ. 242
Цѣлибѣевы . . . . . —
Цѣхановецкій, Г. М. . . —
Чаевъ, Н. 243
Чайковскій, И. И. . . . —
Чайковскій, М. С. . . . —
Черкесовъ 244
Черняевъ, В. В. . . . . —
Черняевъ, М. Г. . . . . —
Чечотъ, О. А. 245
910. Чигоринъ . . . . . —
Чижовъ, М. А. . . . . —
Чиколевъ, Д. . . . . —
Чистовичъ, И. А. . . . —
Чистовичъ, А. А. . . . —
Чистяковъ, М. Б. . . . —
Чистяковъ, П. П. . . . 246
Чихачевъ . . . . . —

стр.

Чичеринъ, Б. Н. 246
Чуйко, В. В. 247
920. Шамшинъ, П. М. . . . 248
Шапиро. . . . . —
Шарлемань, А. І. . . . —
Шауманъ 249
Шелгуновъ, Н. В. . . . —
Шеллеръ, А. К. . . . . —
Шеншинъ. 250
Шереметевъ. . . . . —
Шестаковъ 1-й . . . . —
Шестаковъ 2-й . . . . —
930. Шишковъ, И. А. . . . . —
Шишкинъ, И. И. . . . —
Шопенъ. . . . . —
Шохинъ, Н. В. 251
Шпажинскій, И. В. . . —
Шпилевскій, С. М. . . . —
Шпилевъ . . . . . —
Шредеръ . . . . . —
Шрейеръ, Ю. О. . . . . —
Штеллеръ. 252
940. Штиглицъ. . . . . —
Штритеръ. . . . . —
Шубертъ . . . . . —
Шубинскій, С. Н. . . . —
Шуваловы. . . . . —
Щебальскій, П. К. . . 254
Щербакъ, А. В. . . . . —
Щиглевъ, В. Р. 255
Эберманъ, А. Л. . . . 256
Эвальдъ. . . . . —
950. Эйхвальдъ, Э. Э. . . . —
Энгель 257
Энгельгардтъ . . . . . —
Эрисманъ . . . . . —
Эртель . . . . . —
Эфруссн 258
Южаковъ 259
Юзефовичъ . . . . . —
Юнге . . . . . —
Юневичъ . . . . . —
960. Юргенсонъ . . . . . —
Юрьевъ . . . . . —
Юсуповъ, князь 260
Юханцевъ . . . . . —
Яблонскій 261
Яблочкина 1-я . . . . . —
Яблочкина 2-я . . . . —
Яблочкинъ . . . . . —
Яблочковъ . . . . . —
Ягичъ, проф. 262
970. Ядринцевъ . . . . . —
Языковъ . . . . . —
Якобій, проф. . . . . —
Якушкинъ, Е. 263
Янжулъ . . . . . —
Янсонъ, проф. . . . . —
Янышевъ . . . . . —
Ярошенко . . . . . —
Ясинскій 264
Яхонтовъ . . . . . —
980. Ѳедорова 265
Ѳедотова, Г. Н. . . . . —
Ѳедотовъ, А. Ѳ. . . . 266
Ѳеоктистовъ Е. М. . . —

А.

Абаза, Н. С. — сенаторъ, бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, на каковомъ поприщѣ достигъ апогея своей извѣстности и оставилъ по себѣ добрую память.

Всѣ «разбойники пера», по классификаціи г. Катковымъ журналистовъ и, вообще, пишущей братіи, взирали на г. Абазу, какъ на одного изъ тѣхъ начальниковъ, начальствованіе которыхъ не чувствуется подчиненными или чувствуется съ пріятностью. Въ старину такихъ начальниковъ называли «отцами-командирами», позднѣе „либералами“ (а въ «Моск. Вѣдомостяхъ» — попустителями), хотя это не всегда вѣрно, потому что для мягкаго и справедливаго управленія нужны умъ, тактъ, добрая воля и строгая лойальность, а либерализма можетъ и вовсе не быть.

Извѣстно, что такое реномэ утвердилось за г. Абазой еще тогда, когда онъ былъ губернаторомъ въ Рязани, гдѣ оставилъ по себѣ наилучшую память. Ранѣе онъ стяжалъ себѣ извѣстность на поприщѣ филантропіи, въ качествѣ главнаго уполномоченнаго общества «Краснаго Креста» на театрѣ минувшей войны, о которой составилъ потомъ замѣчательный и драгоцѣнный для исторіи «скорбный листъ», въ видѣ обширнаго «отчета» въ предѣлахъ дѣятельности «Краснаго Креста».

Человѣколюбіе отличало г-на Абазу и на занятомъ имъ постѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, съ высоты котораго до него, какъ древле съ Олимпа, такъ часто неслись густыя тучи «предостереженій» и «запрещеній» и метались грозные опустошительные перуны въ многогрѣшную русскую журналистику.

Вступленіе г. Абазы въ помянутую должность было принято, какъ знаменіе милостиваго снисхожденія къ бытію печати, вообще, и отвѣчало только что установившемуся тогда въ нашей «внутренней политикѣ» прохладному и благорастворенному сезону «вѣяній». И дѣйствительно, со вступленіемъ Н. С. въ должность, на нашемъ Олимпѣ не стало вдругъ ни тучки, ни облачка; грозные перуны, выйдя изъ обычнаго употребленія, начали было ржавѣть въ своемъ колчанѣ, а въ оживившемся саду россійской журналистики зацвѣли разноколерные цвѣточки, защебетали спущенныя съ привязи птички, — сло-

вомъ, вся литературная «тварь суща» вдругъ встрепенулась и вправѣ была въ одинъ голосъ спѣть хвалебный гимнъ, въ томъ смыслѣ, что теперь ей, наконецъ,—

И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!

(«Плачется» только потому, конечно, что, вѣдь, слова изъ пѣсни не выкинешь).

Такая тишь, да гладь, да божья благодать продолжались втеченіе всего кратковременнаго завѣдыванія г. Абазою судьбами россійской прессы и почти, можно сказать, до послѣднихъ его дней.

Абаринова — эксъ-пѣвица, нынѣ драматическая актриса. Съ успѣхомъ играетъ роли «кокетокъ» и «злодѣекъ» и, въ изображеніи страстей, проявляетъ такой пламень, что отъ прикосновенія къ ней могутъ даже огнеупорныя сигары Крафта зажигаться.

Абатуровъ, именующійся Луи на своихъ визитныхъ карточкахъ, — парижанинъ изъ Никольскаго рынка, занимается «постными маслами», засѣдаетъ гласнымъ въ петербургской думѣ, гдѣ однажды раскрылъ ротъ и сразу прославился на всю россійскую имперію. Раскрылъ ротъ Луи Абатуровъ для того лишь, чтобъ высказаться противъ чествованія памяти Тургенева... Совсѣмъ коротенькое словечко сказалъ, а стяжалъ безсмертіе!

Абрикосова сыновья — точно ради каламбура, въ самомъ дѣлѣ вѣдь славятся удивительными абрикосовыми и всякими фруктовыми и иными вареньями, пастилами и сластями. Абрикосовскія издѣлія — одинъ изъ предметовъ гордости хлѣбосольной Москвы, и каждый москвичъ, отправляясь въ Петербургъ, обязательно везетъ ихъ въ гостинецъ петербургскимъ лакомкамъ. Лакомки кушаютъ и одобряютъ. Удивительно, какъ г. Аксаковъ, заманивая петербуржцевъ „домой“, въ Москву, пряниками славянофильства, не догадался поманить ихъ и абрикосовской пастилой... Кто знаетъ, устояли-ли-бы они тогда?

Авенаріусъ — писатель мимолетной и не весьма завидной извѣстности. Объявился впервые вначалѣ 60-хъ годовъ скандалезной повѣстью „Повѣтріе“ клубнично-сыскнаго направленія и — смолкъ, устыдившись. Оказалось, впрочемъ, что г. Авенаріусъ устыдился, но не совсѣмъ: позднѣе онъ выступилъ съ „Образцовыми сказками русскихъ писателей для дѣтей“ уже контрафакторскаго направленія. Этобы еще не бѣда, а обидно то показалось обобраннымъ „образцовымъ“ писателямъ, что г. Авенаріусъ вздумалъ исправлять ихъ слогъ, ихъ стихи и просто разсказывать ихъ „своими словами“, въ блаженной вѣрѣ, что онъ лучше разскажетъ.

Аверкіевъ, Д. В. — примѣчательный театральный критикъ и знаменитый драматургъ, извѣстный больше подъ именемъ «замоскворѣцкаго Шекспира», однако-жъ, «Короля Лира» и «Гамлета, принца датскаго» не онъ сочинилъ, и—это слѣдуетъ помнить. Творецъ многихъ превосходныхъ россійско-гишпанскихъ историческихъ драмъ: «Каширская старина», «Франческа ди-Римини», «Фролъ Скобѣевъ» и друг.; но самая геніальная изъ нихъ—«Сидоркино дѣло», которая долго лежала въ авторскомъ портфелѣ и, подобно, своего рода, торпедѣ, наводила ужасъ на александринскихъ бенефиціантовъ, пока г. Аверкіеву не удалось, наконецъ, «заложить» ее, сколько помнимъ, подъ ветхаго г. Марковецкаго, которому, все равно, нужно было разваливаться. Послѣднее же и самое найгеніальнѣйшее его твореніе—„Трогирскій воевода“, драма историческая и

1

«Сіи моря, сей водный сонмъ,
Обширны хляби и бездонны
. . . . . .
Себѣ ты создалъ для утѣхъ!»

Наши знакомые.

дозв. ценз. С.-Петерб., 23 ноября 1883 г.

Русская Графическая Мастерская М. И. Рухомикова, Старо-Петергофскій, № 10.

истерическая, стихоточивая, слезоточивая, кровоточивая и огнедышащая, душу изъ зрителя выматывающая, по кожѣ морозомъ подирающая и дыбомъ волосы на головѣ поднимающая... Увидѣть—умереть!

Авсѣенко — „коленкоровыхъ манишекъ безпощадный ювеналъ“ и умиленный пѣвецъ манишекъ батистовыхъ съ брюссельскими кружевами. Воздѣлыватель бель-этажной эстетики на страницахъ „Русскаго Вѣстника“; пишетъ свои романы по тому-же плану, по какому суздальскіе Рафаэли малюютъ страшный судъ: одесную праведники, типы *положительные*, — это beau monde, гдѣ ослѣпительно-благородные графы и изящно-прекрасныя графини вперяютъ другъ въ друга „лучистые“ взоры, вспыхиваютъ идеальной любовью и на протяженіи всего романа продѣлываютъ ея галантерейный пантомимъ, а въ антрактахъ читаютъ сочиненія гг. Авсѣенки и Б. Маркевича; ошую грѣшники, типы *отрицательные*, — презрѣнные разночинцы-демократы въ коленкоровыхъ манишкахъ и безъ оныхъ, либералы и нигилисты, которые, вмѣсто идеальной любви, исповѣдуютъ кровосмѣшеніе, ѣдятъ маленькихъ дѣтей и закусываютъ ихъ женой паклей, въ помыслахъ имѣютъ одни злодѣянія, въ Бога не вѣрятъ и романовъ гг. Авсѣенки и Б. Маркевича не читаютъ.

Недавно г. Авсѣенко вступилъ на арену газетной публицистики, въ руководящей роли редактора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и возвѣстилъ новую эру „перехода отъ фразы къ дѣлу“. До сихъ поръ, однако-же, никакого *своего* дѣла онъ не обнаружилъ, политично обративъ редижируемую имъ газету въ филіальное отдѣленіе „Моск. Вѣдомостей“, что̀, кажется, и требовалось доказать.

Ададуровъ—желѣзнодорожный pontifex maximus, священнодѣйствующій на желѣзнодорожныхъ съѣздахъ и предсѣдательствующій въ такомъ множествѣ правленій, что едва, бѣдный, успѣваетъ росписываться въ полученіи окладовъ, общая цифра которыхъ у него равняется, какъ говорятъ, годовому доходу Бразильской имперіи. Миссія г. Ададурова — отстаивать желѣзныя дороги. И какже ему не постоять за эти воистину усовершенствованные пути... къ безстыдной наживѣ?! Вѣдь когда ихъ не было, представители безъискусственныхъ большихъ дорогъ и помыслить-бы не смѣли объ ададуровскихъ кушахъ!

Айвазовскій, И. К. — маринистъ-виртуозъ, могущій изображать кистью на полотнѣ не только форму морскихъ водъ, но также ихъ шумъ и плескъ, ихъ запахъ и температуру и даже ихъ горько-соленый вкусъ. Ходитъ слухъ, что г. Айвазовскій еще въ молодости продалъ свою душу Нептуну за обладаніе его дочерью, коварной, измѣнчивой и шаловливой красавицей—*морской волною*, съ которой онъ и вступилъ въ законный художественный бракъ. Съ проницательностью влюбленнаго, онъ изучилъ всѣ ея тайны, привычки и капризы, и она, съ своей стороны, до сихъ поръ ему не измѣнила. Слава нашего мариниста велика и качественно, и количественно: съ одной стороны, онъ пишетъ воду такъ живо и вкусно, что при ея видѣ на его картинахъ зрителю непремѣнно захочется пить, а въ жаркую погоду и выкупаться; съ другой—плодовитость и быстропись его феноменальны! На своемъ вѣку г. Айвазовскій, по вычисленію одного опытнаго интенданта, исписалъ своими «видами» столько полотна, что послѣдняго хватило-бы на снаряженіе бѣлья для

всего гвардейскаго корпуса, а, по соображеніямъ одного ученаго геолога, еслибы всю воду, воспроизведенную кистью г. Айвазовскаго, выплеснуть изъ его картинъ, то на землѣ неизбѣжно повторился-бы всемірный потопъ. Быстроту письма маринистъ нашъ, какъ извѣстно, довелъ до того, что ему не трудно было-бы набрасывать свои этюды, пролетая мимо полотна на курьерскомъ поѣздѣ.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ, — писатель, ораторъ и «первый человѣкъ» партикулярной Москвы. «Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ», въ Москвѣ-же—всего лишь директоръ коммерческаго банка. По знаменитости и вѣсу, соперничаетъ съ царь-пушкой, по краснорѣчію и звонкости органа,—съ царь-колоколомъ, если-бы только послѣдній не безмолвствовалъ. Знаменоносецъ сильно порѣдѣвшей московской славянофильской рати, да и самое знамя этой рати въ его рукахъ ужь не прежнее: оно и изветшало, и обтрепалось, и подозрительными пятнышками попачкалось и не однажды примыкало къ зловѣщему стягу фанатическаго мракобѣсія. Г. Аксаковъ—публицистъ несомнѣнно талантливый, но въ послѣднее время, въ издаваемой имъ „Руси“, онъ только топчется на одномъ мѣстѣ, перезванивая однѣ и тѣ-же риторически-закругленныя, искусственно-подогрѣтыя, широковѣщательныя фразы о „самобытности“, давно потерявшія обаяніе даже со стороны музыкальной. Дальше патетическихъ выкриковъ, притомъ, весьма сомнительнаго пафоса, въ родѣ знаменитаго „домой! домой!“, ученіе его не шло и, очевидно, не пойдетъ. Вся сила его заключалась въ критикѣ петербургскаго режима, т. е., его слабыхъ сторонъ, которыхъ, конечно, не мало; но, разя иногда очень мѣтко петербургскіе порядки и наше „холопство предъ Европой“, отрицая Петра и весь петровскій періодъ нашей исторіи, отрицая, наконецъ, европейскій „правовой порядокъ“ на русской почвѣ, г. Аксаковъ никогда не умѣлъ точно и опредѣленно намѣтить свою программу и свои идеалы. Творческая сторона его публицистическаго толка безпочвенная и ничтожная—она вся вертится на чревовѣщательномъ обращеніи къ спасительной народной „самобытности“, сущность которой для него самого, очевидно, темна и невѣдома. Оттого-то, чуть г. Аксакову приходится высказаться *положительно* по какому-нибудь вопросу, онъ или впадаетъ въ унисонъ съ „Московскими Вѣдомостями“, или примыкаетъ къ либеральному согласію (напр., въ вопросѣ о печати). Оттого-то онъ до тѣхъ поръ только интересенъ, пока воюетъ и критикуетъ; едва-же начнетъ учить и наставлять, какъ намъ быть,—скученъ, туманенъ и несостоятеленъ даже для самаго непроницательнаго читателя... Нѣтъ, не аксаковская „Русь“ станетъ ковчегомъ нашего новаго завѣта!

Аксаковъ, А. Н. — просвѣщенный интеллигентъ и, какъ таковой, фигурировалъ въ числѣ достопамятныхъ „свѣдущихъ людей“ по обсужденію питейнаго вопроса. Дѣйствительно, г. Аксаковъ прекрасно изучилъ питейное дѣло въ Россіи, что доказалъ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ „О народномъ пьянствѣ“. Другъ трезвости, онъ въ то-же время, по чисто русской странности, одинъ изъ усерднѣйшихъ апостоловъ спиритическаго одурманивающаго суевѣрія. Петербургскій домъ его гостепріимно открытъ для всесвѣтныхъ медіумовъ; самъ онъ неутомимо благовѣствуетъ о спиритизмѣ и словомъ, и дѣломъ: пишетъ, печатаетъ, издаетъ спиритическія сочи-

2

— *Мама! «домой! домой!»...*

Дозв. ценз. С.-Петерб., 2 ноября 1883 г.

нія, издаетъ даже на свой коштъ заграницей спеціально-спиритическій журналъ „Psychische Studien“; но неизвѣстно — заслужитъ ли этимъ признательность потомства?

Александровъ — присяжный повѣренный, вышедшій изъ «товарищей прокурора» и — очень кстати. Пока *обвинялъ* — оставался въ безъизвѣстности и на очень скромномъ окладѣ; сталъ *защищать* — и въ одинъ день составилъ себѣ громкую славу, благодаря одному знаменитому процессу, а одновременно посыпались на счастливца и «куши» (Зри: «Кутаисское дѣло»). Пользуется реномэ адвоката «съ направленіемъ»; выступилъ повѣреннымъ г-жи Кашеваровой въ ея искѣ на автора, редактора и комментаторовъ скандалезнаго пасквиля «Самохвалова-Самолюбова», и, если не заставилъ ихъ пролить слезы раскаянія, то во всякомъ случаѣ испортилъ имъ не мало крови, а подъ конецъ и коекого изъ нихъ усадилъ-таки и въ мѣсто злачно. Его добродѣтельную репутацію чуть-чуть-было затемнила одна пылкая дѣвица, оскандализировавшая и себя и его примѣрнымъ покушеніемъ на жизнь г. Александрова; но это дѣло было замято, да и то сказать: былъ молодцу не укоръ!

Аллопеусъ — директоръ училища правовѣдѣнія, мужъ скромной, но солидной наружности, всецѣло проникнутый великостью своей миссіи—повсечасно руководить, воспитывать и изготовлять будущихъ прокуроровъ, законодателей и государственныхъ людей Россійской имперіи. За непрестанной заботой объ этомъ важномъ дѣлѣ, не успѣлъ прославиться на какомъ-нибудь иномъ поприщѣ.

Аловертъ — совершенно мифическое имя въ русской журналистикѣ, еженедѣльно красующееся, въ качествѣ «редактора», на задней страницѣ журнала «Огонекъ». Впервые открыто, обозначено и внесено въ пантеонъ россійскихъ «лѣтѣраторовъ» Шамполіономъ «Всемірной Иллюстраціи», Германомъ Гоппе. Филологи долго спорили о его истинномъ обозначеніи: одни называли его *Уховертомъ*, другіе *Недовертомъ*, третьи *Перевертомъ* и т. д., но, наконецъ, остановились на *Аловертѣ*.

Аммосова — одна изъ первостепенныхъ сильфидъ петербургскаго балета; съумѣла своими граціозными ногами вытанцовать себѣ «почетное имя» и карьеру гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это удается достичь многимъ мудрецамъ самыми благоустроенными головами.

Андреевскій, И. Е. —профессоръ, систематизаторъ и столбъ полицейскаго права, подъ параграфы котораго методично пріурочилъ всѣ функціи жизни органической и неорганической. Твердо исповѣдуетъ, что Господь Богъ, прежде созданія земли и неба, сотворилъ полицейское право, каковое и положилъ въ основу міросозданія. На этомъ основаніи, почтенный профессоръ полагаетъ, что безъ воздѣйствія полицейскаго права (сост. проф. Андреевскій, 2 тома, цѣна три руб., пересылка за 6 фунтовъ) не могъ-бы родиться на свѣтъ ни одинъ законорожденный младенецъ, не было бы ни любви, ни поэзіи и вся планетная система обратилась бы въ первобытный хаосъ. Это ученіе почтенный профессоръ проводитъ не въ однѣхъ только своихъ лекціяхъ, но изрѣдка и въ газетныхъ статейкахъ, сочиненію которыхъ посвящаетъ свои досуги. Шутки шутками, но что г. Андреевскій—несомнѣнный авторитетъ въ юриспруденціи это всѣми признано и доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что мы

его видѣли засѣдающимъ въ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, гдѣ онъ, какъ было слышно, выступилъ горячимъ сторонникомъ принциповъ реформы 1864 г.... честь ему и хвала!

Андреевскій, П. А.—адвокатъ, посвятившій себя журналистикѣ и очень кстати: издаетъ въ Кіевѣ газету «Заря»—одинъ изъ опрятнѣйшихъ и солиднѣйшихъ провинціальныхъ органовъ. «Заря» г. Андреевскаго блеститъ не ярко и, по свойству нашего суроваго климата, заволакивается иногда тучками и мглою, но свѣтъ ея чистый, ровный и прогрессивный; враги упрекаютъ его въ юдофильской и украинофильской окраскахъ, но такое обвиненіе въ послѣднее время стало у нашихъ Менцелей ходячимъ дешевымъ орудіемъ вредить опаснымъ соперникамъ въ мнѣніи толпы.

Анненковъ, П. В. — извѣстенъ не столько самъ по себѣ, сколько по Пушкину, какъ его издатель, біографъ и комментаторъ. Поэтому многіе просвѣщенные россіяне впервые узнали о существованіи г. Анненкова на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Почтенный библіографъ до того отождествился съ Пушкинымъ, что самый монументъ ему принялъ въ личное себѣ одолженіе, какъ, съ другой стороны, каждое не «анненковское» изданіе сочиненій поэта, каждое постороннее біографическое и библіографическое изысканіе о немъ, г. Анненковъ въ душѣ считаетъ за личную себѣ обиду и, отчасти, за контрафакцію его литературной собственности.

Антокольскій, М. М.—волшебникъ, заставляющій «камни говорить» человѣческими глаголами, и съ такимъ краснорѣчіемъ, на какое способны и очень, очень немногіе живые организмы. Славный скульпторъ, изъ-подъ рѣзца котораго вышли величайшіе образы человѣчества самыхъ разнообразныхъ типовъ и историческихъ эпохъ: Христосъ и Петръ Великій, Іуда искаріотскій и Иванъ Грозный, Ярославъ мудрый и комическій Мошка — портной изъ Шклова... Удивительная сила творческаго воображенія! глубочайшее проникновеніе въ вѣчныя красоты человѣческаго генія!

Антоновичъ, В. Б., профессоръ кіевскаго университета, — многоученый, трудолюбивый и талантливый докторъ исторіи — титулъ рѣдкій въ нашемъ ученомъ сословіи. Г. Антоновичъ—глубокій спеціалистъ по археологіи и исторіи юго-западнаго края, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ. Его трудамъ главнымъ образомъ обязано капитальное изданіе „Архива Ю.-З. Руси“. Въ житіи г. Антоновича есть одинъ, нынѣ забытый, замѣчательный шагъ: во время польскаго движенія 60 гг., онъ, еще на университетской скамьѣ, всталъ во главѣ молодыхъ ополяченныхъ малороссовъ, открыто порвавшихъ тогда съ польщизной и горячо отдавшихся своей коренной родинѣ.

Антоновичъ, М. А. — самъ себя упразднившій критикъ - публицистъ, хотя незыблемо исповѣдуетъ, что, если въ Россіи былъ и есть талантливѣйшій критикъ, то это безъ сомнѣнія М. А. Антоновичъ, и если у насъ былъ и есть кто-нибудь, заслуживающій титулъ публициста-гражданина, то это, опять-таки, никто иной, какъ М. А. Антоновичъ. Современной русской журналистики не признаетъ и полагаетъ, что на Руси «честныя» мысли и «честное» слово въ печати прекратились съ прекращеніемъ журнала «Современникъ» и съ той минуты,

какъ умолкъ столбъ его—знаменитый критикъ-публицистъ М. А. Антоновичъ. Изъ всей новѣйшей русской словесности читаетъ одни только сочиненія М. А. Антоновича и находитъ ихъ единственными въ своемъ родѣ.

Арди — даровитый актеръ александринскаго театра, любимецъ публики, но имѣетъ одинъ большой органическій недостатокъ: у театральнаго начальства не умѣетъ заискать, а потому и содержится имъ въ черномъ тѣлѣ.

Аристовъ, Василій Ивановичъ, — «человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ, историческій». Извѣстенъ, какъ любитель свободныхъ художествъ» и какъ филантропъ-увеселитель. Впрочемъ, апогея славы достигъ въ рядахъ знаменитой «кружечной коммиссіи», во время сербской войны, когда онъ снабжалъ нашихъ «добровольцевъ» необыкновенно теплыми полушубками. Терпѣть не можетъ г. Мартьянова (бывшаго ревизора «кружечной коммиссіи») и, при встрѣчѣ съ нимъ, падаетъ въ обморокъ.

Арсеньевъ, К. К.—ученый, юристъ и публицистъ. Говоритъ, какъ пишетъ, а пишетъ онъ *по* «Вѣстнику Европы», т. е., ужасно длинно, ужасно учено и ужасающе скучно. Пользуется у читателей славой «серьезнаго писателя», и они относятся, обыкновенно, къ его статьямъ съ такимъ благоговѣніемъ, что даже не дерзаютъ ихъ разрѣзывать. Слѣдуетъ, однако, отдать справедливость — г. Арсеньевъ одинъ изъ полезнѣйшихъ и выдающихся у насъ литературныхъ дѣятелей, не говоря уже о его солидныхъ юридическихъ работахъ. Онъ прекрасно перевелъ нѣсколько хорошихъ книгъ („Исторію цивилизаціи“ Гизо, „Исторію революціи“ Минье и др.) и написалъ множество журнальныхъ статей. Послѣдній его критическій трактатъ, „Щедринъ, какъ сатирикъ“, обратилъ вниманіе. Строгій, точный умъ, большое образованіе, чисто-научное трудолюбіе и прогрессивный образъ мыслей — не такъ часто встрѣчаются среди нашей пишущей братіи, чтобы обладающій этими качествами г. Арсеньевъ не заслуживалъ вниманія и почета.

Арсеньевъ, Илья, — нынѣ забытъ и относится уже больше къ субстанціямъ ископаемымъ, коллекціи окаменѣлостей. Въ свое время былъ извѣстенъ отмѣнно литературнымъ изложеніемъ доносовъ, для чего спеціально предпринималъ даже періодическія изданія.

Артемовская, Гулакъ,—падшій ангелъ; мастерски объигрывала въ «дурачки», но не съумѣла одурачить Ѳеміду...

А счастье было такъ возможно, такъ близко...

Въ честь ея петербургскіе картежники, въ игрѣ, ея именемъ называютъ пиковую даму, и — это все, что осталось «отъ звуковъ лиры и трубы», гремѣвшихъ нѣкогда славу г-жѣ Артемовской.

Астафьевъ, П. Е. — кіевскій ученый мизогинъ. Всѣ мы грѣшимъ женолюбіемъ, а вотъ г. Астафьевъ, желая прославиться, отличился нещаднымъ женоненавистничествомъ. Въ 1880 г. онъ издалъ ученую брошюру, въ которой повторилъ, со ссылками на физіологію, психологію и повивальное искусство, допотопное наблюденіе народной мудрости, что «курица — не птица, а баба — не человѣкъ». Разумѣется, произошелъ скандалъ, но славолюбивому г. Астафьеву того только и нужно было: имя его вдругъ стало извѣстно всей читающей Россіи!

Ауэръ—артистъ скрипачъ, солистъ императорскихъ театровъ, обладаетъ такимъ, поистинѣ, волшебнымъ смычкомъ, что можетъ имъ съ одинаковымъ искусствомъ извлекать труднѣйшія «пиччикато» и блистательнѣйшіе «аллегро» не только изъ скрипки Страдиваріуса, но и изъ ея футляра, а въ экстренномъ случаѣ даже изъ любаго березоваго полѣна. Въ качествѣ истаго виртуоза, взираетъ на міръ какъ на большую концертную залу, а человѣчество дѣлитъ на двѣ коренныя рассы: концертантовъ и ихъ слушателей или публику. Другой этнологіи и иной философіи не признаетъ.

Ахматова — древнѣйшая въ плеядѣ издательницъ «собраній иностранныхъ романовъ» въ русскомъ переводѣ. Не смотря, однако, на конкуренцію, до сихъ поръ остается неподражаемой по образцовому вполнѣ *иностранному* «ахматовскому» переводу означенныхъ романовъ, свободному отъ всякихъ путъ и узъ русской грамматики.

Б.

Бажины — сочинитель и сочинительница супруги, не особенно талантливые, за то неслыханно, феноменально добродѣтельные. Пустынножители и безсребренники, «изъ принципа» питающіеся акридами и дикимъ медомъ. Гг. Бажины получили первоначальное воспитаніе, въ радикализмѣ и добродѣтельномъ житіи, въ суровой школѣ Благосвѣтлова, чѣмъ отчасти и объясняются ихъ привычки къ сухояденію и умерщвленію плоти. Оба пишутъ въ строгомъ гражданско-ипохондрическомъ направленіи и въ повѣствовательно-протокольномъ родѣ (ибо искусство отрицаютъ, за изъятіемъ одного повивальнаго); оба принадлежатъ къ симпатичной партіи «народниковъ», сотворившей себѣ кумиръ въ «мужикѣ» и ничего, кромѣ «мужика», въ мірѣ видимомъ и невидимомъ не признающей.

Базилевскій — представитель богатѣйшей золотопромышленной фамиліи, золото которой во славу ея имени и «la patrie» нѣкогда гремѣло отъ береговъ Енисея до береговъ Невы, звенѣло на рулеточныхъ столахъ нѣмецкихъ «Баденовъ» и рѣкой лилось въ Парижѣ, гдѣ французы разѣвали рты, дивясь на знаменитый «Hôtel de grand seigneur russe Basileffsky». Все это теперь, впрочемъ, одни семейныя преданія, да и «золотое дно» сибирскихъ пріисковъ теперь сильно обмелѣло. Современный намъ г. Базилевскій—скромный житель Петербургской стороны, почитатель «умѣренности и аккуратности», любитъ уединеніе и науки, развлекается, какъ говорятъ, спиритизмомъ и немножко филантропіей. Покровительствуетъ онъ также литературѣ, и—одно время были слухи, что г. Базилевскій, соблазненный, вѣроятно, меценатскимъ починомъ другого богача, князя Санъ-Донато, тоже хотѣлъ сдѣлаться «основателемъ» своего органа—не то газеты, не то журнала, подъ названіемъ не то «Прогресса», не то «Регресса», а не то—просто: «Это мой капризъ»... На этотъ счетъ извѣстія нѣсколько сбивчивы и, по справкѣ, не подтвердились.

Байковъ — директоръ, арендаторъ и неограниченный сатрапъ надъ кавказскими минеральными водами. Принадлежитъ къ коллегіи своеобраз-

ныхъ *водяныхъ* «генераловъ», такъ блистательно превращающихъ наши «цѣлебные источники» въ неизсякаемые *источники* алчной наживы для себя и всякаго рода лишеній, огорченій и притѣсненій для паціентовъ. Прославился искусствомъ производить чудодѣйственный «нарзанъ» изъ простой рѣчной воды, помощью разлива оной въ надлежащей формы бутылки, съ соотвѣтствующими ярлыками. Вообще, по части эксплоатаціи *желѣзныхъ ключей*—мастеръ высшей школы: побывавшіе въ его «заведеніяхъ» паціенты возвращаются, если не съ поправленнымъ здоровьемъ, то всегда съ опорожненными шкатулками и кошельками. Неуязвимъ и безсмертенъ, ибо, не взирая на градъ тяжкихъ жалобъ паціентовъ и на безпрерывные залпы обличительныхъ стрѣлъ печати, не терпитъ никакого ущерба ни въ своемъ здоровьи, ни въ своемъ «водяномъ» маестатѣ, ни въ своихъ владѣтельныхъ правахъ. Былъ слухъ, что царству его приближается конецъ, но уповательно, что г. Байковъ благополучно переживетъ всякіе такіе слухи.

Баймаковъ — «иже истреби вѣрующихъ яко три тысящи», скажетъ о немъ мартирологія банкирскихъ «краховъ». Говоримъ о трехъ тысячахъ увѣровавшихъ въ г. Баймакова жертвахъ его достопамятнаго банкротства. Одинъ изъ типичныхъ банкократовъ и спеціалистовъ по вымолачиванію ржи на обухѣ; ничтожество, съ десятью пальцами загребистыхъ рукъ, въ видѣ «основнаго капитала», и во всеоружіи гостинодворской жантильности, онъ открываетъ банкирскую контору «на вѣрѣ», каковую и снискиваетъ моментально у тысячей «милостивыхъ государей», ведетъ милліонные обороты, заводитъ *свой* салонъ, *своихъ* Фенелоновъ, *своихъ* рысаковъ, *свою* «большую» политическую газету, *свою* «политику»... Но—«прахъ еси и въ прахъ обратишься». Аэростатъ фортуны и славы г. Баймакова какъ внезапно вздулся, такъ-же внезапно и лопнулъ...

И упалъ онъ въ дальне море
На невѣдомый гранитъ,

а если не на «гранитъ», то на столбцы «Нов. Времени», гдѣ велъ и можетъ быть до сихъ поръ ведетъ анонимныя биржевыя хроники по пятачку за строчку... Увы и ахъ!

Балакиревъ, М. А.—маститый патріархъ въ семьѣ русскихъ музыкантовъ, рукоположенный еще Глинкой и Даргомыжскимъ, признавшими его своимъ преемникомъ. Талантливый композиторъ на небольшія вещи, превосходный капельмейстеръ, трудолюбивый учитель и хорошій, честный истинно-русскій человѣкъ. Нынѣ покоится на лаврахъ, каковыми единодушно всѣ музыкальныя „партіи“ и „кучки“ устилаютъ ему путь, при каждомъ его появленіи передъ публикой.

Балашовъ — бывшій содержатель ресторана въ Лѣтнемъ саду, прославившійся изобрѣтеніемъ знаменитыхъ противужелудочныхъ «балашовскихъ обѣдовъ». Имя его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было такъ-же популярно въ Петербургѣ, какъ «тильманскія капли», «касторовое масло» и иныя противухолерныя снадобья, громадному потребленію которыхъ г. Балашовъ блестяще способствовалъ своей «тонкой» кухней. Въ Римѣ папа, а въ Петербургѣ Балашовъ одинаково были достопримѣчательны, потому что быть въ Римѣ и не видѣть папы равнялось точка въ точку тому, что быть лѣтомъ въ Петербургѣ во время процвѣтанія Балашова и — не пообѣдать у него. Послѣдовавшее въ 1883 году упраздненіе балашовскихъ обѣдовъ въ

Лѣтнемъ саду было оплакано многими виверами и самимъ Балашовымъ, нащедшимъ, впрочемъ, нѣкоторое утѣшеніе въ кругленькой суммѣ, выплаченной ему «за выходъ».

Балинскій, И. М. — извѣстный докторъ-психіатръ. Знаетъ душу человѣческую, какъ свое портмоне, и можетъ излечивать какія угодно душевныя немочи и болѣзни, исключая неизлѣчимыхъ. Отъ глупости тоже излѣчивать не можетъ, хотя и принято неизлѣчимыхъ глупцовъ адресовать къ нему. Завалент практикой и имѣетъ свою лечебницу умалишенныхъ; впрочемъ, и весь земной шаръ разсматриваетъ, какъ огромный «домъ сумасшедшихъ», чему находитъ неотразимое доказательство во «всеобщей исторіи» тысячелѣтнихъ безумствъ человѣчества. Необыкновенно пріятный и обходительный джентльменъ, такъ что, при знакомствѣ съ нимъ, впечатлительному человѣку невольно захочется попасть къ нему въ пацієнты.

Барановъ, Н. М. — герой «Весты», одинъ изъ счастливѣйшихъ и популярнѣйшихъ «питомцевъ славы». Исторія запишетъ двѣ его знаменитыя побѣды—морскую, надъ турками, и сухопутную, надъ прокуроромъ военно-морского суда и лейтенантомъ Рождественскимъ, по злокозненности котораго былъ предпринятъ памятный неудачный «походъ аргонавтовъ» противъ аппробованной въ формулярномъ спискѣ и, слѣдственно, нерушимой славы героическаго командира «Весты». Изъ сего можно заключить, что г. Барановъ одинаково храбръ и непобѣдимъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, или, говоря языкомъ народной мудрости, не тонетъ въ водѣ, не горитъ въ огнѣ и не страшится даже «мѣдныхъ трубъ». Рѣчистъ, владѣетъ перомъ, владѣетъ собой и—что всего главнѣе—владѣетъ благоволеніемъ фортуны. Съ переходомъ изъ морского вѣдомства въ сухопутное, вполнѣ всталъ на высоту своего новаго призванія, заявивъ себя дѣятельнымъ и талантливымъ администраторомъ. Былъ ковенскимъ губернаторомъ, былъ петербургскимъ градоначальникомъ, былъ потомъ архангельскимъ губернаторомъ, а нынѣ управляетъ славной родиной достопамятнаго Минина. Вездѣ г. Барановъ запечатлѣлъ свое управленіе какимъ-нибудь благимъ начинаніемъ по части порядка и благоустройства, и хотя не всякое изъ нихъ получило вожделѣнное осуществленіе, но ужь это таково свойство нашей «родной почвы», на которой, по словамъ поэта, «что ни посѣешь —

Одной ерундой разродится!

Барановъ, графъ, генералъ-отъ-кавалеріи: о побѣдахъ его на полѣ брани мало извѣстно, но мужество графа не подлежитъ никакому сомнѣнію и запечатлѣно по истинѣ героическимъ подвигомъ. Въ качествѣ предсѣдателя правительственной желѣзнодорожной подкоммиссіи, г. Барановъ проѣхался по всѣмъ, сплошь, россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ и не только самъ, лично, остался цѣлъ и невредимъ, но и изъ всего комплекта сопровождавшей его подкоммиссіи не потерялъ ни одного человѣка убитымъ, ни одного раненымъ и ни одного «безъ вѣсти пропавшимъ». Удивительно! Описанная славная экскурсія графа пролила яркій свѣтъ на тайны желѣзнодорожнаго темнаго царства, а собранные имъ статистическіе и бытописательные матеріалы послужили для многихъ мудрыхъ мѣропріятій по желѣзнодорожному дѣлу и еще послужатъ, вѣроятно.

Баранцевичъ—авторъ книги «Подъ гнетомъ», молодой беллетристъ съ симпатичнымъ дарованіемъ. Характеристическая черта его та, что онъ пишетъ не чернилами, а слезами, обильно проливаемыми имъ надъ горемъ и несчастьемъ маленькихъ, обойденныхъ судьбою людишекъ.

Барсовъ — профессоръ - историкъ; пріобрѣлъ нѣкоторую популярность, сотрудничая въ историческихъ журналахъ, гдѣ его изслѣдованія о томъ (сколько помнится), «какого, именно, завода и какой масти былъ конь, отъ котораго, по преданію, погибъ великій князь Олегъ», а также о томъ, «что было на томъ мѣстѣ, гдѣ основанъ первопрестольный градъ Москва, въ то время, когда тамъ ничего не было», обратили на себя вниманіе ученаго міра и съ удовольствіемъ были прочитаны публикой.

Барсуковъ, А. П. — «свѣдущій человѣкъ» по исторической части, прекрасно издалъ «Дневникъ Храповицкаго»; въ послѣднее время снискиваетъ въ потѣ лица хлѣбъ насущный, воздѣлывая семейный архивъ родовитаго и щедраго на руку графа Шереметева, выпустилъ уже въ свѣтъ три пуда... то бишь! — три тома циклопическаго объема похвальной исторіи «Рода Шереметевыхъ»; кончитъ свое изданіе (всеконечно, на графскій коштъ), вѣроятно, въ XX столѣтіи, а когда кончитъ — получится не книга, а колоссальный монументъ славному «роду», прямо хоть на площадь ставь! Впрочемъ, въ трудѣ г. Барсукова, хотя и посвященномъ главнымъ образомъ славолюбивому баловству исторіей, находятся и цѣнныя для науки страницы.

Бартеневъ, Петръ,—основатель «Русскаго Архива» — журнала, опоздавшаго выходомъ въ свѣтъ на три съ половиною столѣтія (нынѣ, впрочемъ, г. Бартеневъ передалъ свой журналъ г. Иловайскому). По точному извѣстію хронографовъ, г. Бартеневъ родился въ одинъ годъ съ лѣтописцемъ Пименомъ и вмѣстѣ съ нимъ начерталъ «послѣднее сказаніе». Такимъ образомъ, самъ г. Бартеневъ, по древности, представляетъ важную московскую археологическую рѣдкость. Безъ сомнѣнія, онъ мудръ, какъ змій, и ученъ, какъ весь румянцовскій музей, въ которомъ состоитъ библіотекаремъ. Справедливость требуетъ сказать, что П. И. заслуживаетъ большой признательности отечественной Кліо: онъ основалъ первый у насъ частный историческій журналъ и, издавая его безъ малаго двадцать лѣтъ, сообщилъ массу драгоцѣннѣйшихъ и любопытнѣйшихъ матеріаловъ по русской исторіи.

Барчъ — одинъ изъ врачей-филантроповъ Максимиліановской лечебницы, ежедневно значащійся въ спискѣ ея консультантовъ и ежедневно въ ней отсутствующій. Этимъ своимъ хроническимъ «отсутствіемъ» г. Барчъ составилъ себѣ имя: многочисленные паціенты Максимиліановской лечебницы заглазно вѣрятъ въ его медицинскій авторитетъ съ такой пламенностью, что многіе изъ нихъ получаютъ исцѣленіе отъ одного созерцанія громкаго имени г. Барча на табличкѣ дневныхъ консультацій лечебницы... Во всякомъ случаѣ, они не могутъ пожаловаться, чтобы онъ кого-нибудь изъ нихъ уморилъ.

Баталины. Въ счетѣ достославныхъ Баталиныхъ легко собьется самый опытный историкъ-біографъ. Знаменитыхъ Баталиныхъ неисчислимое множество, но вотъ, по крайней мѣрѣ, извѣстнѣйшіе изъ нихъ:

1) *Баталинъ* — профессоръ ботани-

ки, пропагаторъ буколическихъ «прогулокъ» въ пріятномъ и просвѣщенномъ обществѣ любителей «ботаническихъ бесѣдъ», каковыя онъ и устраиваетъ каждое лѣто въ окрестностяхъ столицы, восполняя тщедушную и скудную петербургскую флору пышными цвѣтами и плодами своей ботанической элоквенціи.

2) *Баталинъ*— врачъ с.-петербургской городской полиціи.

3) *Баталинъ*— земскій врачъ... Можетъ быть, еще существуютъ и другіе врачи—Баталины, но чѣмъ, именно, всѣ они знамениты — рѣшительно неизвѣстно.

4) *Баталинъ*— редакторъ, издатель, сочинитель и едва-ли не единственный читатель «Земледѣльческой Газеты» и «Сельско - хозяйственнаго Журнала», принадлежащихъ къ категоріи тѣхъ замѣчательныхъ россійскихъ органовъ, о существованіи которыхъ читающая публика узнаетъ только изъ календарей, да изъ бюджетовъ разныхъ казенныхъ вѣдомствъ. Какъ «земледѣлецъ» и «сельскій хозяинъ», г. Баталинъ не знаетъ неурожаевъ и скотскихъ падежей, ибо на плодородной издательской нивѣ его неукоснительно произростаетъ въ изобиліи казенная *субсидія*, засѣваемая изъ житницъ министерства государственныхъ имуществъ.

5) *Баталинъ* (Оса) — журналистъ, одинъ изъ самыхъ нецеремонныхъ и необузданныхъ наѣздниковъ «маленькой прессы». Сей г. Баталинъ уже безспорно достославенъ, ибо онъ самъ не однажды Христомъ-Богомъ увѣрялъ публику, что «имя его, Осы, *хорошо извѣстно* ей, читающей публикѣ, въ особенности столичной»... И точно, г. Баталинъ пользуется въ столицѣ *извѣстностію*, но такою, которая вѣнчается не лаврами, а фиговыми листиками.

Извѣстно, что оса—тварь злая, хищная и чужеядная, а осиныя гнѣзда медомъ не изобилуютъ. Тѣмъ не менѣе, основанное г. Баталинымъ журнальное осиное гнѣздо (газета «Минута» и журналъ «Колосья») существуетъ, производитъ много шуму и жужжанья, и, къ удивленію и назиданію потомства, находитъ, повидимому, читателей. Г. Баталинъ самъ какъ-то превосходно опредѣлилъ и свое міровоззрѣніе и свое публицистическое призваніе, сказавъ, что онъ проповѣдуетъ «отъ чрева», а, правду сказать, чревовѣщательное «направленіе» у насъ всегда находило и находитъ спросъ.

Бахметьевъ, Н. — директоръ пѣвческой капеллы, дѣйствительный статскій (а, можетъ, даже и тайный) совѣтникъ и композиторъ по церковно-вокальной части. Не очень давно справлялъ юбилей, если не ошибаемся, третьяго пятидесятилѣтія служенія своего вокальной музыкѣ въ офицерскихъ чинахъ, и по этому случаю признательная Россія узрѣла портретъ его превосходительства (а, можетъ, даже высокопревосходительства) на гостепріимныхъ страницахъ «Всемірной Иллюстраціи». Около того-же времени «открылъ отечеству *всю* истину», въ письмѣ, напечатанномъ въ «Новомъ Времени». А въ чемъ состояла «вся истина» г. Бахметьева, тому слѣдуютъ пункты: а) «что касалось *науки* (?), то А. Ѳ. Львовъ и я,—пишетъ г. Бахметьевъ, — всегда шли рука объ руку и между нами откровенность была нашимъ девизомъ»; б) гимнъ «Боже Царя храни» сочинилъ «рука объ руку» съ авторомъ Львовъ (предшественникъ г. Бахметьева), сочинилъ изъ «Не бѣлыхъ снѣговъ»: «взявъ F — dur за тонику, послѣ краткой стойки, взялъ

квартъ-сектъ-аккордъ и»... и, вдругъ, вышло «Боже Царя храни!»; и в) по мнѣнію автора, «C—dur херувимская Львова была превосходнѣе всѣхъ семи херувимскихъ Бортнянскаго, которыя, въ сравненіи съ ней, не болѣе какъ petite bierre» (о, дружба, это — ты!)... Такова «*вся* истина» г. Бахметьева!

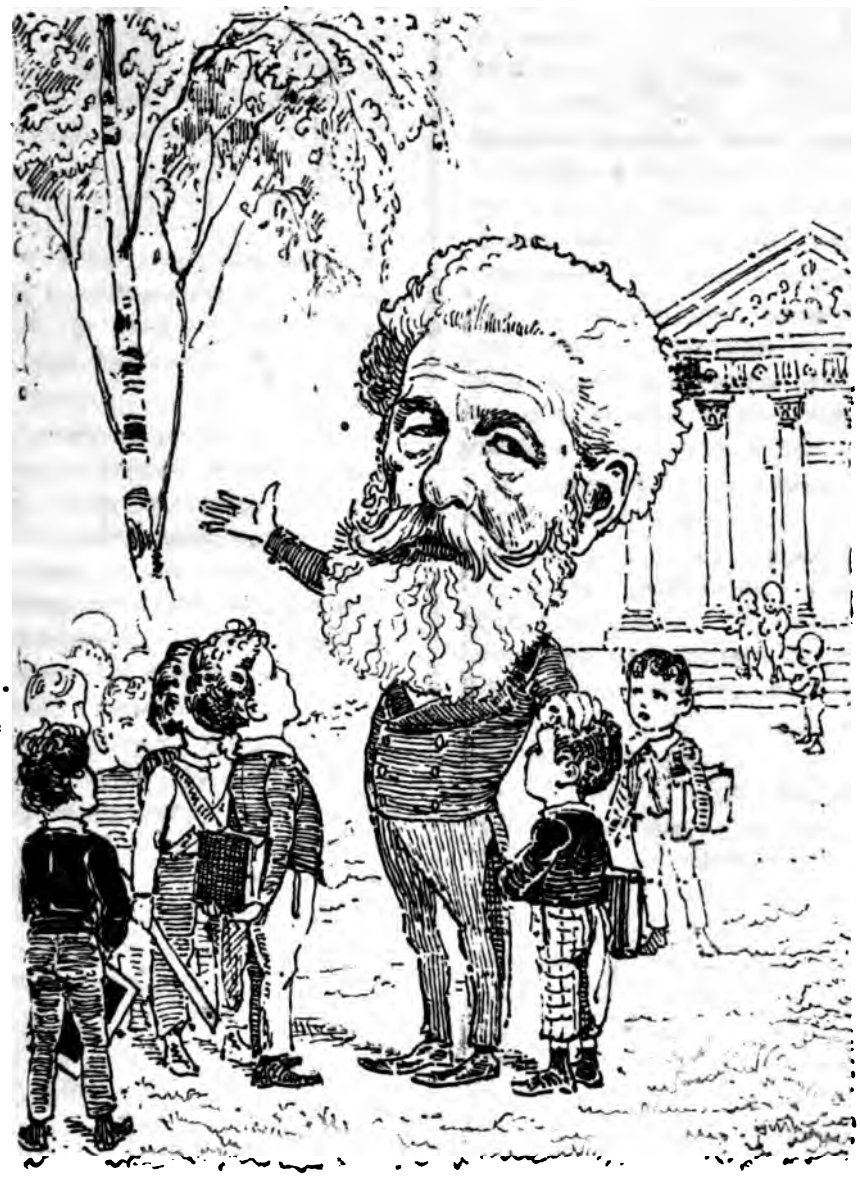
Остается пожалѣть, что А. Ѳ. Львовъ померъ и, слѣдовательно, невозвратно унесъ въ могилу отвѣтный, равнозначущій комплиментъ и «превосходнымъ» херувимскимъ г. Бахметьева.

Беггровъ — именуетъ себя «художникомъ», вѣроятно, потому только, что торгуетъ на Невскомъ проспектѣ художественными произведеніями. Г. Беггровъ съ неменьшимъ правомъ могъ-бы назваться и литераторомъ, ибо онъ торгуетъ также типографской краской. Любитъ начинающихъ талантливыхъ художниковъ, пока они въ черномъ тѣлѣ и пока, поэтому, работаютъ на него, сбывая въ его магазинъ за безцѣнокъ свои картины.

Безобразовъ, В. П. — академикъ, профессоръ и журналистъ. Не смотря на высокій ученый титулъ, тогу мудреца и зрѣлыя лѣта, отличается нѣкоторой легкостью мыслей, болтливостью, веселымъ нравомъ и превосходнымъ пищевареніемъ. «Засѣдая» въ академіи и въ разныхъ ученыхъ обществахъ, предпочитаетъ, однако-же, «засѣданія» за хорошо сервированнымъ обѣденнымъ столомъ, снабженнымъ «благородными» напитками. Учредитель, такъ называемыхъ, «экономическихъ обѣдовъ» и дѣятельный членъ бывшаго «гастрономическаго общества», рановременно прекратившаго свои дни, вслѣдствіе, надо полагать, вздорожанія хлѣба и мяса. Почитатель живой пластики, покровитель начинающихъ легкаго жанра артистокъ и, какъ болтаютъ нескромные языки, въ игривыя минуты пишетъ имъ—конечно, анонимные—мадригалы, въ прозѣ и въ стихахъ. Въ уединеніи-же любитъ иногда воображать себя министромъ финансовъ...

Аѳинянинъ-эпикуреецъ, по натурѣ, почтенный Владиміръ Павловичъ обладаетъ умомъ столь-же дѣятельнымъ, какъ и его желудокъ, но только и умъ и желудокъ у него вовсе не *академическіе*. Онъ—журнальный публицистъ, нѣсколько многоглаголивый и туманный, но безспорно даровитый, знающій и умный. Въ «Голосѣ», гдѣ онъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ, многія изъ лучшихъ, преимущественно экономическихъ, передовыхъ статей принадлежали его перу; ихъ легко было отличить, потому что онѣ всегда оканчивались примѣрно, такимъ обѣщаніемъ: «о томъ-же, о чемъ мы собрались побесѣдовать съ читателями, *мы поговоримъ въ слѣдующій разъ*». Г. Безобразовъ большой мастеръ на «предисловія» и «введенія», на которыхъ нерѣдко и истощается его духъ изслѣдованія. Такимъ-же «предисловнымъ» характеромъ отличился онъ и въ самостоятельной издательской дѣятельности: начавъ какъ-то издавать дѣльный и солидный періодическій «Сборникъ государственныхъ знаній», онъ выпустилъ нѣсколько его книжекъ, а «продолженіе» ихъ отложилъ, по своему обыкновенію, до зловѣщаго «слѣдующаго раза», котораго, конечно, мы ужь не дождемся.

Бекетовъ, А. Н. — профессоръ ботаники и бывшій ректоръ петербургскаго университета. Замѣчательный ученый, очень добрый и мягкій человѣкъ, но, какъ о ректорѣ-начальникѣ, о немъ толковали разно: вверху говорили — «слабый», внизу говорили—«гибкій». Такъ говорили въ «под-

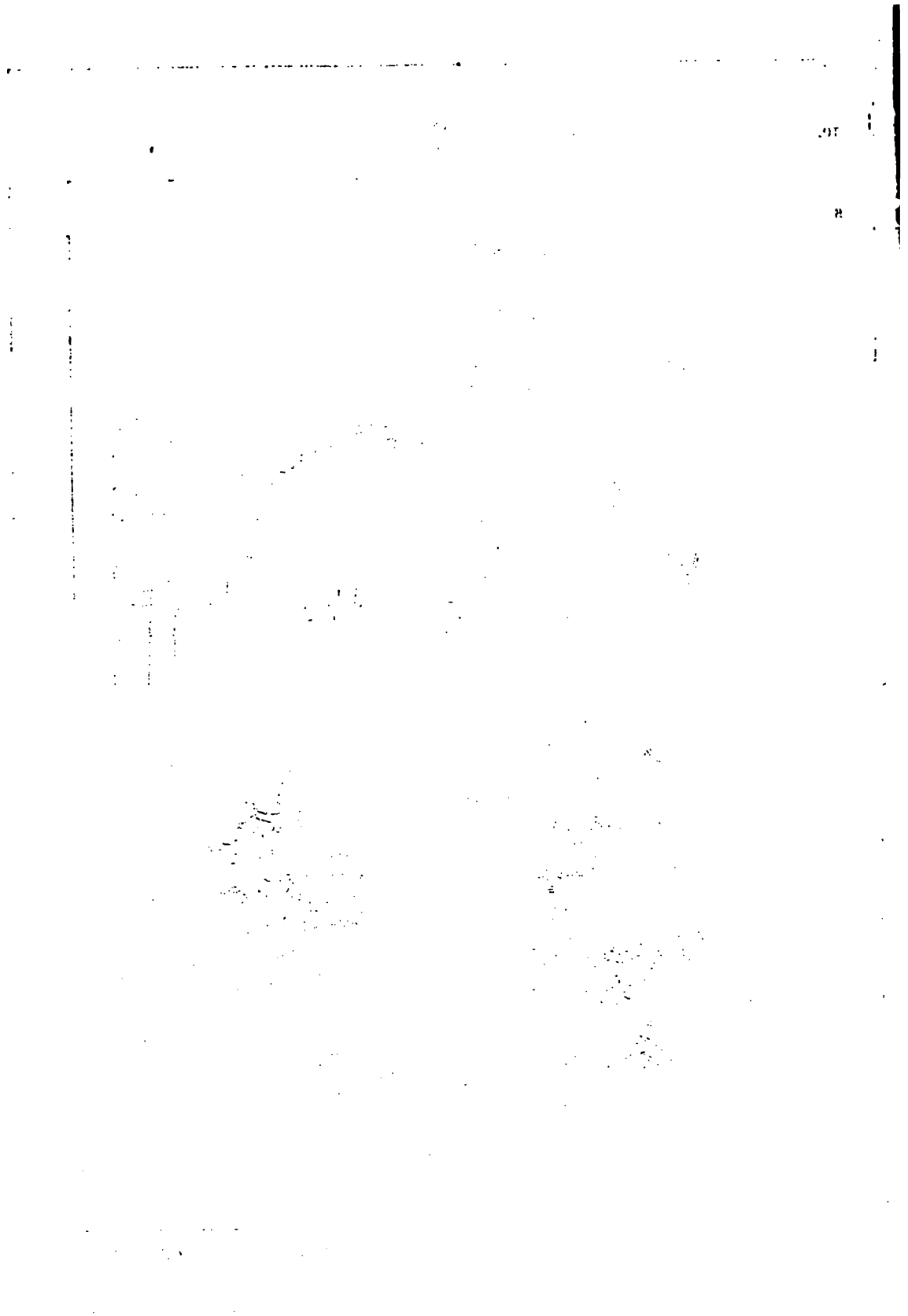


Профессоръ ботаники. *Знаете, дѣтки, какое это дерево?*

Дѣти. *Betula alba, г. профессоръ!*

Профессоръ. *Такъ смотрите-же: будьте умными и учитесь хорошенько!*

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 1893 Г.



жащихъ» сферахъ, и отсюда — въ неподлежащихъ, т. е., въ публикѣ, сложилось мнѣніе, что г. Бекетовъ — какъ ректоръ, былъ, будто-бы, ни рыба, ни мясо. Будущій біографъ г. Бекетова, конечно, приметъ во вниманіе щекотливость и трудность его роли и воздастъ должное его заслугамъ и его доброй волѣ.

Беллюстичъ I., протоіерей, — калязинскій Саванарола и Ювеналъ. Свѣтскій прогрессивный писатель и публицистъ, по призванію, духовная особа, по чину и назначенію, о. Беллюстинъ является жертвой довольно трагическаго противорѣчія: на литературномъ поприщѣ онъ пожинаетъ розы и лавры, на пресвитерскомъ— волчцы и тернія. Та самая публицистическая дѣятельность, которая доставила ему популярность въ свѣтской публикѣ, въ духовномъ мірѣ, особенно въ мнѣніи высшей его іерархіи, порицается и наказуется. Впрочемъ, о. Беллюстинъ, кажется, хорошо вошелъ во вкусъ славы маленькаго Саванаролы и, если чувствуетъ себя «мученикомъ», то такимъ, который «вседцѣ уязвленъ, вседцѣ у-й-й-я-звленъ!»

Бенардаки. — Въ «общемъ спискѣ лицъ, которыя могутъ быть присяжными засѣдателями по С.-Петербургу», значится, между прочими, *титулярный совѣтникъ К. Д. Бенардаки*, каковаго мы и заносимъ въ нашъ словарь, въ удостовѣреніе, что прославившійся во время винныхъ откуповъ, а потомъ «захудавшій» родъ Бенардаки, благодареніе Богу, не пресѣкся и по наши дни.

Бенуа — есть такой, среди гласныхъ петербургской думы, смирный старичекъ-архитекторъ, а, можетъ, его уже нѣтъ тамъ; можетъ быть, даже г. Бенуа вовсе никогда и на свѣтѣ не существовало... Однимъ Бенуа на свѣтѣ меньше или больше—не все-ли это равно передъ вѣчностью?!

Берги. — Историкъ Бергъ недавно замѣтилъ, что между нѣмцами Берговъ такая-же пропасть, какъ между русскими—Ивановыхъ. Достославные-же россійскіе Берги суть:

1) *Бергъ*, Ѳита—эксъ-поэтъ. Въ свое время прославился тѣмъ, что, однажды, до того проникся участіемъ къ горькой долѣ «бѣдныхъ сѣрыхъ утицъ», что самъ себя вообразилъ сѣрой утицей и сталъ квакать по утиному, о чемъ и повѣдалъ въ достопамятной своей аллегорической поэмѣ «Утица», смысла которой до сихъ поръ никто не разгадалъ. Въ некрологѣ печальной памяти газеты «Русскій Міръ», въ числѣ ея редакторовъ-издателей, значится и г. Бергъ, немало посодѣйствовавшій — надо отдать ему справедливость — сооруженію прочной могилы этому изданію. Нынѣ анонимно редактируетъ журналъ «Ниву» и обучаетъ русской грамотѣ ея гласнаго редактора, г. Маркса, но, кажется, не весьма успѣшно.

2) *Бергъ*, Н. В.—профессоръ варшавскаго университета, написалъ довольно живо и обстоятельно исторію послѣдняго польскаго возстанія, чѣмъ и упрочилъ свою извѣстность, но въ то-же время нажилъ немало и хлопотъ. По мѣрѣ печатанія своего труда въ историческихъ журналахъ, г. Бергъ каждый разъ, когда скупился на ѳиміамъ отечественнымъ героямъ—побѣдителямъ и усмирителямъ, былъ осаждаемъ и блокированъ со стороны послѣднихъ, а, за ихъ кончиной, отъ ихъ родственниковъ до седьмаго колѣна и друзей жесточайшими «возраженіями» и «опроверженіями», и, такимъ образомъ, самъ очутился, какъ-бы, въ положеніи «повстанца», обстрѣливаемаго неустра-

шимыми ревнителями славы русскаго оружія.

3) *Бергъ* — воздухоплаватель и балаганщикъ-увеселитель, одинъ изъ старѣйшихъ въ Петербургѣ. Больше о немъ сказать нечего, да и самъ г. Бергъ, по древности лѣтъ, скорѣе относится къ историческимъ достопримѣчательностямъ, чѣмъ къ современнымъ.

Бердъ—бывшая фирма старѣйшаго и богатѣйшаго въ Петербургѣ желѣзодѣлательнаго и механическаго завода, до сихъ поръ именуемаго въ народѣ ея именемъ. Замѣчательно, что съ верфи Берда былъ спущенъ *первый* въ Россіи пароходъ (въ 20-хъ годахъ). Еще замѣчательнѣе, что каждый разъ, когда на насъ ополчались «просвѣщенные мореплаватели», Берды—англичане pur sang—всегда энергично служили своими заводами къ вящему пріумноженію и вооруженію нашего флота, и, слѣдовательно, къ вящему посрамленію своихъ «коварныхъ» соотечественниковъ. Конечно, русскій патріотизмъ этихъ почтенныхъ сыновъ Альбіона всегда щедро вознаграждался русскими-же рублями. Впрочемъ, Берды обрусѣли настолько, что, распоряжаясь всякаго сорта молотами, отлично постигли русскій секретъ—«ковать желѣзо, пока оно горячо», а, производя всевозможные котлы, мастерски выучились «варить пиво» съ нашими корабельными инженерами.

Бергамаско — модный фотографъ, особенно любимый салонными Адонисами обоего пола и не напрасно: «художественная» фотографія Бергамаско, очень беззаботная на счетъ сходства портретовъ, всѣхъ дамъ изображаетъ красавицами и всѣхъ молодящихся старичковъ—полными силъ, цвѣтущими молодцами. За то и цѣны деретъ г. Бергамаско вполнѣ *художественныя*.

Березинъ, И. Н., профессоръ, — воздвигъ себѣ заживо нетлѣнный монументъ, въ видѣ «Энциклопедическаго словаря», который, по грузности, непроходимости и циклопичности отдѣлки, весьма подобенъ хеопсовой пирмидѣ. Объять сей капитальный (цѣна 50 рублей—развѣ не *капитальная?*) *памятникъ* письменности не смогъ еще ни одинъ любознательный читатель, да и самъ г. Березинъ не успѣлъ его еще прочитать, чѣмъ и должно извинить безчисленное множество ошибокъ, пропусковъ и нелѣпостей, злодѣйски «вкравшихся» въ «словарь», очевидно, безъ вѣдома ученаго профессора—издателя. Во всякомъ, однако, случаѣ, «словарь» г. Березина—въ современной русской литературѣ единственное, въ своемъ родѣ, изданіе, по относительной полнотѣ, свѣжести и законченности, а если, говорятъ, и ракъ на безрыбьи сходитъ за рыбу, то почему-бы и г. Березину не сойти у насъ за россійскаго Дидро, Брокгаузомъ пріумноженнаго?

Бернардъ — владѣлецъ старѣйшаго въ Петербургѣ музыкальнаго магазина и издатель столь-же старѣйшаго музыкальнаго журнала «Нувеллистъ«. Взирая на музыкальныя произведенія, какъ на «товаръ», оцѣниваетъ ихъ не столько по достоинству, сколько по объему и вѣсу, и продаетъ ихъ, притомъ, чисто на аптекарскій вѣсъ. Недавно праздновалъ пятидесятилѣтнюю годовщину своего журнала, на страницахъ котораго находили и находятъ себѣ гостепріимство композиціи отечественныхъ талантовъ, а еще больше безталантностей. Г. Бернардъ очень щедръ на преміи къ «Нувеллисту»—остроумное средство съ выгодой избавляться отъ залежавшагося нотнаго хлама, который, безъ этого, пришлось-бы сбывать на Щу-

«Отци и братія, еже писалъ и не дописалъ, не клепите, Бога дьля, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ» (Несторъ).

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 1883 г.

кинъ дворъ на пуды для обертокъ. Теперь-же и г. Бернарду легко на душѣ, и подписчикъ «Нувеллиста» считаетъ себя одолженнымъ.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—профессоръ-историкъ. Слѣдуя классическому примѣру Оукидида, изъ соревнованія ставшему историкомъ, г. Бестужевъ-Рюминъ, соревнуя славѣ отечественныхъ историіографовъ, вознамѣрился во время оно непремѣнно написать свою исторію и, дѣйствительно, начерталъ I-й томъ «*Русской исторіи: Введеніе*», объявивъ, при этомъ, подписку на слѣдующіе томы. «Введеніе» г. Бестужева-Рюмина, въ которомъ онъ, вызвавъ на бой варяговъ, разбиваетъ ихъ на голову и побѣдоносно изгоняетъ изъ начальныхъ страницъ «исторіи государства россійскаго», обратило на себя вниманіе, какъ трудъ замѣчательный, по талантливости и новизнѣ взглядовъ. Въ ученомъ мірѣ заговорили о «*молодомъ* выдающемся историкѣ»... Но, вотъ, проходятъ годы, перья, нѣкогда острыя, ржавѣютъ, зубы крошатся, волосы сѣдѣютъ и падаютъ, «замѣчательное» «Введеніе» давно прочитано и забыто, а г. Бестужевъ-Рюминъ все еще почіетъ на лаврахъ перваго сбора, все продолжаетъ слыть за неувядаемо - «*молодаго* выдающагося историка», ибо дальше I-го тома *своей* исторіи не идетъ. Въ послѣднее время нашъ «молодой выдающійся историкъ» имѣлъ какое-то прикосновеніе къ славянскому комитету и къ «сочувствію» южнымъ славянамъ, сталъ поигрывать въ славянофильскую дудку и на этомъ основаніи сочинилъ, между прочимъ, превыспреннюю апологію Іоанну Грозному, за что и былъ жестоко побитъ г. Костомаровымъ.

Бильбасовъ, В. А. — экъ-профессоръ и экъ-дѣйствительный редакторъ экъ-«Голоса», скрывавшійся за маститой спиной его экъ-титулярнаго редактора, г. Краевскаго. О своей профессорской дѣятельности г. Бильбасовъ не любитъ вспоминать, да и не ей онъ обязанъ славой, хотя и написалъ тогда хорошую книгу о Кирилѣ и Меѳодіи. Въ послѣднее время у г. Бильбасова, если и былъ червь—такъ это его вынужденная анонимность, съуживавшая пышныя вѣтрила его популярности. Позиція его дѣйствительно была нѣсколько деликатная.

Видали вы аллегорическіе картинки-ребусы, въ такомъ родѣ: изображенъ, напр., козелъ, а подпись гласитъ: «ищите Араби-пашу!» Перевернешь картинку вверхъ ногами, и—козелъ превращается въ обликъ неудачнаго египетскаго Кромвеля.

Жаль, что г. Бильбасовъ не достигъ еще апогея извѣстности, а то-бы навѣрно въ гостинномъ дворѣ намъ предлагали и такую картинку: изображенъ г. Краевскій единолично, подъ нимъ подпись: «ищите Бильбасова!» Мы переворачиваемъ г. Краевскаго внизъ головой и—глядь: на томъ-же мѣстѣ выступаетъ благообразный, вкрадчиво улыбающійся ликъ г. Бильбасова, съ дипломатичнымъ выраженіемъ, которое какъ-бы хочетъ сказать: «мы сейчасъ конфиденціально бесѣдовали съ его превосходительствомъ о государственныхъ тайнахъ».

Такая картинка вполнѣ отвѣчала-бы дѣйствительности, ибо г. Бильбасовъ, на самомъ дѣлѣ, представлялъ соипостасіе г. Краевскаго и былъ его метаморфозой. Онъ состоялъ главнымъ жрецомъ и руководителемъ „Голоса“, такъ какъ г. Краевскій давно отдыхаетъ на лаврахъ и, имѣвъ лишь «общее наблюденіе» за газетой, на подобіе великаго Далай-ламы, священнодѣйство-

валъ за редакторской конторкой въ одни высокоторжественные дни.

Съ достовѣрностью можно сказать, что всѣ патетическія призыванія имени Господа Бога всуе, всѣ либеральные знаки препинанія, дерзновенные апострофы и ядовитыя подчеркиванья, въ передовыхъ статьяхъ и фельетонахъ „Голоса“, принадлежали острому перу г. Бильбасова. *Сочинитель* онъ плодовитый, изобрѣтательный и, кажется, въ свое время сочинилъ *своего* «Юрія Милославскаго»...

Въ данную минуту бездѣйствуетъ, къ сожалѣнію просвѣщенныхъ читателей либеральнаго образа мыслей.

Бланкъ, Петръ (не слѣдуетъ смѣшивать съ Луи Бланомъ). Московскій экономистъ и публицистъ легкаго славянофильскаго оттѣнка; питаетъ органическую антипатію къ Петербургу, къ невской водѣ и къ невской бюрократіи и радъ былъ-бы утопить послѣднюю въ водѣ собственныхъ сочиненій, если-же не утопилъ до сихъ поръ, то не по недостатку въ нихъ водянистости, а только потому, что бюрократія—какъ ни такъ, все же казенная собственность, которая, извѣстно, въ водѣ не тонетъ. Экономическіе вопросы рѣшаетъ по точному смыслу «Слова о полку Игоря», земскому самоуправленію ищетъ опоры въ «Русской Правдѣ», а на паденіе курса нашего рубля взираетъ, какъ на дьявольское навожденіе, навѣянное на Русь «гнилымъ» Западомъ. Пишетъ нынче рѣдко—такъ рѣдко, что въ промежуткахъ между двумя статьями разъучивается грамотѣ и долженъ каждый разъ выучиваться ей съизнова.

Бліохъ—желѣзнодорожно-финансовое «чудище обло, стозѣвно, стоглавно и лаяй»; держитъ въ своихъ когтяхъ всю сѣть южныхъ желѣзныхъ дорогъ, ворочаетъ стихіями въ финансовомъ мірѣ и могъ-бы купить себѣ, для титула и дачнаго времяпрепровожденія, какое-нибудь средней руки королевство, но не хочетъ. Человѣческимъ чувствамъ доступенъ: всегда подастъ грошикъ филантропіи, даже если она о томъ его не проситъ; можетъ говорить, хотя и на непонятномъ языкѣ; однажды вообразилъ себя сочинителемъ-финансистомъ и — удивленный міръ узрѣлъ его имя на страницахъ «Вѣстника Европы» подъ политико-экономической статьею, написанной, очевидно, перомъ скромнымъ, услужливымъ и хорошо оплаченнымъ.

Боборыкинъ, П. Д.—для краткости и по причинѣ своего французско-нижегородскаго міросозерцанія именуемый *Пьеромъ Бобо*. Одинъ изъ плодовитѣйшихъ, универсальнѣйшихъ и болтливѣйшихъ сочинителей, какіе когда-либо украшали собою не только россійскую, но и всемірную словесность. Подробный формулярный списокъ его служенія въ литературѣ могъ-бы составить цѣлый томъ. Литературную карьеру свою началъ, кажется, драмой «Ребенокъ», кажется, во младенчествѣ-же имъ и написанной и, можетъ быть, еще въ утробѣ матери задуманной. Вначалѣ 60-хъ годовъ издавалъ довольно плачевно «Библіотеку для Чтенія», въ ретроградно-прогрессивномъ направленіи, и съ большимъ успѣхомъ похоронилъ ее на всегда. Чтобъ утѣшиться въ этой утратѣ, эмигрировалъ налегкѣ въ Парижъ, гдѣ и воспиталъ въ себѣ легкость пера, легкость мыслей и свою французско-нижегородскую, подрумяненную либерализмомъ физіономію. Писалъ одновременно и разновременно, притомъ, на всякихъ языкахъ: повѣсти, корреспонденціи чуть не со всѣхъ частей свѣта, романы, драмы, критики, театральныя рецензіи, фельетоны, трак-

Русскіе блины à l'Europe.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 1883 г.

Русская Графическая Мастерская М. Д. Рудомётова. Свято-Петергофскій, № 10.

таты и статьи по политикѣ, по физіологіи, по соціологіи, по антропологіи, по эстетикѣ, и т. д.. и т. д. Въ то-же время, читалъ публичныя лекціи о разныхъ высокихъ матеріяхъ; давалъ уроки декламаціи и пріятныхъ манеръ, посредствомъ которыхъ пробовалъ, между прочимъ, культивировать замоскворѣцкихъ барышень, но неудачно. Къ слову, въ Москвѣ года три тому назадъ почтенный Петръ Дмитріевичъ хотѣлъ было, вообще, разыграть роль маленькаго Pierre le Grand: онъ пытался насадить на берегахъ Москвы-рѣки европейскую цивилизацію, для чего собирался издавать тамъ свою газету, но, кажется, московскіе Киты Китычи встрѣтили его миссію довольно холодно. За то и досталось-же имъ отъ П. Д. въ его превосходномъ, впрочемъ, романѣ «Китай-городъ», который, по справедливости, можетъ назваться художественной физіологіей московскаго Маммона.

Г. Боборыкинъ знаетъ всю Европу и вся Европа его знаетъ. Съ Гамбетой онъ былъ на «ты», съ Гладстономъ вмѣстѣ парился на одномъ полкѣ въ банѣ, нюхалъ табакъ изъ табакерки Тьера, кушалъ варцинскій картофель «въ мундирахъ» изъ одной тарелки съ Бисмаркомъ, со Спенсеромъ игралъ въ «свои козыри», съ Викторомъ Гюго танцовалъ визави въ кадрили и однажды обѣдалъ даже за однимъ столомъ съ Дарданелами. Особенно-же сдружился въ послѣднее время П. Д. съ Эмилемъ Зола, сдѣлавшись, съ обычной своей экспансивностью, однимъ изъ пламеннѣйшихъ его поклонниковъ и учениковъ. Послѣднія его произведенія носятъ явные слѣды подражанія протокольному, не всегда сиромному натурализму Зола и самой манерѣ его письма, за что критика нашего романиста не похваливаетъ. Одно время г. Боборыкинъ былъ у насъ модным романистомъ, да и во всякое время онъ на виду въ литературѣ. Беллетристъ онъ талантливый, наблюдательный, плодовитый и легко читаемый. Захватываетъ онъ жизнь не глубоко, но мѣтко уловляетъ ея нервъ, ея «злобу», мастерски набрасываетъ эскизы образовъ и явленій, еще съ большимъ мастерствомъ освѣщаетъ ихъ и оттѣняетъ. Вообще, П. Д.—литераторъ въ полномъ смыслѣ слова, образованный, начитанный, много видѣвшій, впечатлительный и чутко отзывающійся на всякіе общественные вопросы и треволненія... Такихъ литераторовъ у насъ еще немного и—давай Богъ побольше!

Бобринскіе, графы, — одни изъ немногихъ счастливыхъ людей въ Россіи, которые не имѣютъ причинъ жаловаться на нынѣшнія «трудныя времена»; ландлорды, съумѣвшіе сохранить не только престижъ своего аристократическаго имени, но и свое богатое достояніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, безъ всякаго содѣйствія поземельнаго и инаго «благодѣтельнаго» кредита. Наслаждаясь жизнью сами, стремятся усладить ее и возможно большему числу соотечественниковъ своимъ сахаромъ. Ихъ свеклосахарный заводъ въ Смѣлой (кіевской губ.) едва-ли не первый въ Россіи по качеству и размѣру производства. Не всегда, однако-жь, и не всѣ представители этого славнаго рода услаждали жизнь ближнихъ, какъ можно судить по знаменитому дѣлу люторичскихъ крестьянъ, которымъ такъ солоно и горько пришлось отъ нещадной эксплоатаціи своего бывшаго барина—московскаго гр. Бобринскаго.

Одинъ изъ современныхъ Бобринскихъ, графъ Алексѣй Павловичъ, познавъ также сладость и горечь поло-

женія «калифа на часъ», бывши недолгое время министромъ путей сообщенія, которые въ его управленіе, сколько извѣстно, не сдѣлались ни бархатными по удобству и благоустройству, ни баснословными по дешевизнѣ для казны и для публики.

Бобровъ, В. А.— художникъ-портретистъ. Безспорно даровитый, г. Бобровъ считается модным портретистомъ и особенно любимъ свѣтскими дамами зрѣлыхъ лѣтъ, начинающими въ тайнѣ души сомнѣваться въ свѣжести своего колорита и живописности своихъ формъ, а также имѣющими слабость тщеславиться своими роскошными атурами. Волшебная кисть г. Боброва, воспроизводя ихъ портреты, наглядно и неотразимо убѣждаетъ ихъ въ неувядаемой свѣжести ихъ красотъ, а что касается дамскихъ атуровъ, то кисть г. Боброва съ такой-же волшебной правдивостью изображаетъ брюссельскія кружева, ліонскіе бархаты и фаи... У впечатлительныхъ зрительницъ невольно рука протягивается пощупать ихъ добротность и спросить: «По чемъ покупали?» Благоволятъ къ г. Боброву и звѣздоносцы, кавалеры многихъ орденовъ, потому что кисть его также неподражаема и въ искусствѣ живописанія регалій и золотаго шитья генеральскихъ мундировъ.

Богдановичъ, Е. В. — генералъ. Хотя, сколько извѣстно, крѣпостей не завоевывалъ и сраженій не выигрывалъ, но тріумфальныя шествія совершалъ, изъ коихъ исторія особенно прославитъ совершенное его превосходительствомъ въ страны гиперборейскія, по «южному направленію» проектированной сибирской желѣзной дороги. Къ сожалѣнію, почтенный генералъ не повторилъ свое тріумфальное шествіе по тому-же «направленію» уже въ качествѣ канцессіонера; но, такъ какъ г. Богдановичъ—генералъ необыкновенно благочестивый и богомольный, то вѣроятно предпочелъ суетной концессіи приличную дань благодарности... Особенно-же прославился почтенный генералъ на поприщѣ богоугодномъ въ бытность свою старостой Исакіевскаго собора. Здѣсь онъ организовалъ проповѣдническую каѳедру и ея душеспасительные продукты издалъ и распространилъ на счетъ доброхотныхъ дателей въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ совершенно безкорыстно,—себѣ онъ только взялъ за это благое дѣло славу и признательность отечества, къ каковымъ весьма не равнодушенъ.

Богдановскій, Е. И.—профессоръ, извѣстный хирургъ; человѣкъ угрюмый и «тяжелый», за то славится *легкостью* руки, когда она вооружается у него хирургическимъ ножемъ, и среди медиковъ считается «осторожнымъ» операторомъ. Сомнѣвающіеся—могутъ убѣдиться въ этомъ во всякое время на опытѣ, но только подъ слѣдующими непремѣнными условіями: 1) визитъ съ операціей—не менѣе 100 рублей, и 2) операція должна быть *серьезная*, чтобы было что рѣзать, такъ какъ для пустячной операціи почтенный профессоръ не станетъ и ножа своего пачкать, да еще выругается, что его изъ за вздора побезпокоили. У всякаго великаго мужа своя амбиція.

Богаевскій— присяжный повѣренный, не изъ знаменитостей, но въ «кушахъ» смакъ знаетъ, а также умѣетъ ихъ выколачивать и округлять, какъ показала недавно одна конкурсная истуаръ, въ которой г. Богаевскій разъигралъ роль «перваго любовника». На судоговореніи г. Богаевскій хранитъ свирѣпый видъ, лю-

бить сильныя выраженія и взираетъ на г. прокурора съ такой плотоядностью, какъ будто собирается съѣсть его.

Богдановъ, Н. А.—даровитый акварелистъ-рисовальщикъ, *первый любовникъ* «Стрекозы» по ея художественно-клубничному отдѣлу, къ которому питаетъ истинное призваніе, ибо женолюбивъ и отчасти женоподобенъ духомъ и тѣломъ. Равнымъ-ли образомъ Николай Антоновичъ женолюбивъ—это его секретъ; но достовѣрно, что въ него страстно влюбленъ г. Корнфельдъ, издатель «Стрекозы», ревнуетъ его, какъ турокъ, ко всѣмъ издателямъ-соперникамъ и радъ былъ-бы запереть его въ гаремѣ, если-бы Н. А. не предпочиталъ вольную жизнь художника-бонвивана.

Когда-то въ юности г. Богдановъ узрѣлъ въ патетическую минуту шикарно-граціозную лоретку-куколку, съ сказливой, но фарфорово-бездушной рожицей, до смерти влюбился въ нее и съ той поры ничего больше не рисуетъ, кромѣ ея одной. Рисуетъ онъ ее въ тысячѣ видовъ, соотвѣтственно измѣненіямъ модной парижской картинки, въ разнообразныхъ, всегда возбудительныхъ позахъ и подъ всевозможными ярлыками: аристократки, кухарки, матери семейства, кокотки,—это ему все равно, развѣ только добродѣтельную женщину онъ нѣсколько менѣе декольтируетъ, чѣмъ не добродѣтельную. За то ужъ рисуетъ онъ свой трафаретный «идеалъ» такъ, какъ никто, чѣмъ и снискалъ себѣ популярность среди аматеровъ наркотически-скоромной пластики.

Богдановъ,—одинъ изъ корифеевъ петербургскаго балета; талантливый танцовщикъ и того мнѣнія, что въ борьбѣ за существованіе и въ достиженіи славы были-бы у человѣка хорошо устроенныя, выдрессированныя ноги, а головы можетъ и не быть вовсе.

Боголюбовъ, А. П. — профессоръ живописи, маринистъ. Нѣкогда его артистическая ладья быстро неслась къ славѣ по адріатическимъ, балтійскимъ и инымъ *водамъ*, которыя онъ мастерски воспроизводилъ на своихъ картинахъ. Нынѣ она—у тихой пристани. Нынѣ г. Боголюбовъ пишетъ мало, по крайней мѣрѣ, мало выставляется, да и хорошо дѣлаетъ: послѣдніе его «виды» носили печать упадка таланта и были случаи, что профаны принимали на нихъ воду за сушу, а морскія бурныя волны—за развороченныя вѣтромъ копны сѣна.

Богровъ — писатель, пріобрѣвшій нѣкоторую извѣстность изображеніемъ и изобличеніемъ еврейскаго быта. Во всѣхъ его повѣствованіяхъ неизбѣжно фигурируетъ, въ качествѣ главнаго героя, молодой, добродѣтельный и ужасно прогрессивный еврейчикъ, своего рода «Іосифъ прекрасный», который борется съ «заѣдающей средой» ретроградовъ—отцовъ и неизбѣжно выходитъ побѣдителемъ... Ахъ, еслибъ и въ жизни всегда такъ было!

Богушевичъ — живой примѣръ коловратности судебъ смертнаго, погнавшагося за двумя зайцами. Нѣкогда г. Богушевичъ, стоя у главнаго рычага цензурныхъ репрессалій, задался курьезной дилеммой—одновременно и цензурный прессъ нажимать и подъ тѣмъ же прессомъ въ журнальномъ издательствѣ попробовать счастья. Опытъ кончился жестокимъ фіаско: г. Богушевичъ и съ служебнаго рычага сорвался и журналистомъ не сдѣлался. Послѣ того онъ долго былъ журнальнымъ безпріютнымъ «скитальцемъ», котораго даже г. Цитовичъ находилъ «неудобнымъ», и наконецъ обрѣлъ себѣ

нынѣ теплый пріютъ и успокоеніе въ хорошо оплоченной должности редактора «Сельскаго Вѣстника».

Болинъ—обольститель, заставившій столько горячихъ женскихъ сердецъ сладко и томительно биться, сколько не билось ихъ ради самого Донъ-Жуана; фабрикуетъ, обдѣлываетъ и продаетъ самые вѣрные и неотразимые на этотъ счетъ талисманы—тѣ крошечные камушки, которые, послѣ классическаго яблока, погубившаго нашу праматерь, составляютъ для ея кокетливыхъ дщерей предметъ побѣдоноснѣйшаго искушенія. Короче сказать, Болинъ—фирма самого богатаго и моднаго въ столицѣ ювелирнаго магазина.

Борель—фирма извѣстнаго ресторана въ Большой Морской, въ стѣнахъ котораго нерѣдко проѣдаются и пропиваются въ одинъ присѣстъ такія деньги, которыхъ хватило-бы на продовольствіе иной голодной деревни въ теченіе цѣлаго года. На самомъ дѣлѣ, подлиннаго мусье Бореля давно не существуетъ—остались только его престижъ и традиціи, свято хранимые его преемниками. А традиціи сіи суть: баснословная дороговизна, бѣлые галстуки и татарскія физіономіи «гарсоновъ», наименованіе простыхъ голубей—«пижонами», воробьевъ—«бекасами», очищенной—l'eau de vie и т. д. Все это даетъ ресторану престижъ несомнѣнной «аристократичности» и дѣлаетъ его доступнымъ для однихъ лишь фешенебльныхъ бонвивановъ, особенно охотно продовольствующихся въ немъ «въ минуту жизни трудную», когда у нихъ не бываетъ «*при себѣ* наличныхъ»... Этимъ господамъ у Бореля—всегда открытый кредитъ, процвѣтающій на основаніи довольно остроумной комбинаціи. Мусье Борель высчиталъ, что изъ десяти съѣденныхъ у него en crédit котлетокъ только за одну будетъ заплачено, поэтому аккуратный плательщикъ платитъ ему за свою котлетку такую цѣну, сколько стоятъ всѣ десять. На основаніи такого вѣрнаго коммерческаго разсчета, мы, Dieu merçi, блистательно ведемъ наши дѣлишки и не оскудѣваемъ хлѣбосольствомъ.

Борманъ, Жоржъ,—кондитеръ и шоколадный фабрикантъ: необыкновенно сладкій человѣкъ, особенно любящій «дарить» передъ праздниками лакомокъ прекраснаго пола своими «исполинскими шоколадными яйцами». Мастеръ кондитерскаго зодчества, могъ-бы построить изъ шоколада даже яхту-поповку и, говорятъ, искалъ въ этомъ смыслѣ заказа у адмирала Попова; для себя-же предпочитаетъ строить дома каменные.

Бостанджогло—старѣйшій; въ свое время очень популярный, табачный фабрикантъ въ Москвѣ. Можно догадываться, что славный Бостанджогло внушилъ Гоголю идею изобразить своего Скудронджогло, быть можетъ задуманнаго поэтомъ подъ вдохновительнымъ вѣяніемъ дыма бостанджогловскаго «вакштафа» (Навести объ этомъ справку у библіографа Ефремова).

Боткинъ, М. П.—профессоръ академіи художествъ, хорошій живописецъ, еще лучшій человѣкъ и одинъ изъ усерднѣйшихъ соревнователей процвѣтанія отечественнаго искусства. Его картины: «Погребеніе мученика», «Возвращеніе съ Голгоѳы», «Концертъ для выздоравливающей» и многія другія, обратили на себя вниманіе не только дома, но и заграницей. Что касается его разнообразныхъ «содѣйствій» родному искусству, то всего ярче онъ заявилъ себя при организаціи художественнаго отдѣла на московской всероссійской выставкѣ 1882

Veni, vidi, vici!

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 189

года. Его стараніемъ и на его средства былъ превосходно изданъ первый у насъ въ своемъ родѣ «иллюстрированный каталогъ» названнаго отдѣла, съ 280, большею частью факсимильными, снимками съ картинъ. Это—карманная галлерея русской живописи за 25 лѣтъ, доступная для самаго тощаго кармана по своей баснословно-дешевой цѣнѣ (1 р. 25 коп.)!

Боткинъ, С. П. — профессоръ и первостепенное свѣтило россійской медицины; довелъ терапевтическую діагностику до такого совершенства, что можетъ съ точностью опредѣлить не только болѣзнь каждаго паціента, но также чѣмъ болѣла его бабушка и чѣмъ будутъ болѣть его внуки. Оттого болящіе россіяне вѣрятъ въ г. Боткина также свято, какъ мусульмане въ Магомета, и чаютъ, что одно прикосновеніе его чудесно врачуетъ самые неизлѣчимые недуги, и—это, говорятъ, бываетъ. Однако-жь, «на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты». Во время недавней чумной паники г. Боткинъ, какъ извѣстно, обезсмертилъ и себя и знаменитаго Наума Прокофьева возведеніемъ простыхъ „опухолей“ въ чумную заразу. Впрочемъ, эта маленькая ошибка, хотя и послужила источникомъ большаго скандала, нисколько не умалила ни славы, ни ученаго авторитета достопочтеннаго Сергѣя Петровича.

Бочаровъ, М. И.—хорошо знакомое имя петербургскимъ театраламъ, которые заранѣе уже знаютъ, что, когда на афишѣ обозначено: «декораціи Бочарова»,—стало быть, они увидятъ нѣкое волшебство. Талантливый декоративный живописецъ по пейзажной части.

Бродниковъ—актеръ александринскаго театра; *комикъ* въ полномъ смыслѣ слова, ибо много лѣтъ уже притворяется актеромъ, тогда какъ онъ просто видный мужчина плотнаго тѣлосложенія. Очень натураленъ въ роляхъ поваровъ, кучеровъ и дворниковъ, и неоцѣнимъ, какъ похоронный распорядитель.

Бродскіе—одесскіе богачи-коммерсанты. Принадлежа къ еврейской *денежной* аристократіи, стремятся стать въ то-же время ландлордами, помѣщиками: любятъ сельскую природу, а еще болѣе любятъ украшать ея пейзажи сооруженіемъ винокуренныхъ и сахарныхъ заводовъ, знаютъ агрономію никакъ не менѣе того агронома—воробья, который не далъ поймать себя на мякинѣ, уважаютъ трудъ земледѣльца, если онъ усердно и по сходной цѣнѣ на нихъ работаетъ, и, по всѣмъ этимъ причинамъ, скупаютъ имѣнія въ южномъ краѣ себѣ не въ убытокъ. Извѣстенъ сахарный заводъ Бродскихъ и извѣстно большое скандалезное санитарно-слѣдственное дѣло, возбужденное на этомъ заводѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ за того, что на немъ, какъ говорили, не очень сладко будто-бы жилось рабочимъ... Извѣстенъ также одинъ изъ Бродскихъ, какъ представитель думской фронды въ Одессѣ, составившій себѣ славу чего-то, въ родѣ маленькаго одесскаго Мирабо.

Бродскій, профессоръ скульптуры,—славится, какъ компетентный и точный истолкователь на мраморѣ женскихъ формъ подъ платьемъ. Слѣдитъ, притомъ, за модой и одѣваетъ своихъ мраморныхъ Венеръ и Психей чуть не по послѣдней парижской картинкѣ Пикантность и шикъ его статуэтокъ наркотичны въ такой степени, что стыдливыхъ людей бросаетъ въ краску уже одинъ перечень его произве-

деній, напр.: «Шалости амура съ нимфою», «Купидонъ въ раковинѣ», «Венера въ упоеніи» и т. под.

Бронниковъ, Ѳ. А. — профессоръ исторической живописи, съ большими претензіями, во всякомъ случаѣ значительно превосходящими размѣры его таланта. Изрѣдка даритъ академическую выставку своими полотнами, всегда съ громкими названіями, часто на итальянскомъ діалектѣ, но съ весьма мизернымъ и курьезнымъ содержаніемъ, почерпаемымъ преимущественно изъ quasi-римской исторіи и итальянской жизни. Вотъ нѣкоторыя изъ картинъ г. Бронникова, сколько можемъ припомнить: «Ватиканъ, отражающійся въ дождевой лужѣ», «Цицеронъ на трибунѣ, во время приключившейся съ нимъ икоты», «Діоклитіановскіе мученики, вычесывающіе изъ себя своихъ мучителей», и т. п.

Брюно—извѣстный въ Петербургѣ шляпный фабрикантъ. Снабжаетъ высшую столичную интеллигенцію модными цилиндрами, столь искусно приспособленными для своей цѣли, что въ нихъ даже и совершенно *безголовые* интеллигенты кажутся на видъ съ вполнѣ благоустроенными, культурными головами; знаетъ подробно въ сантиметрахъ объемъ череповъ многихъ государственныхъ мужей и сановниковъ, и могъ-бы дать по этому предмету сравнительно-статистическую таблицу, драгоцѣнную для краніологіи, вообще, и для антропологіи петербургскаго сановника, въ особенности, но monsieur Брюно скроменъ и вѣроятно имѣетъ основанія хранить свои, любопытныя для исторіи петербургскаго ума, свѣдѣнія подъ большимъ секретомъ.

Будиловичъ, А. профессоръ, — ученый историкъ и филологъ. Извѣстны его труды: «Ломоносовъ, какъ писатель», и опытъ изученія нашей доисторической старины по филологическимъ даннымъ—опытъ новый и весьма оригинальный. Г. Будиловичъ, проникая въ глубь корней и суффиксовъ, пытается возстановить бытъ, нравы, характеръ, даже физіономическія черты, исторію, политику внѣшнюю и внутреннюю нашихъ допотопныхъ предковъ, а удачно или неудачно—судить не намъ, профанамъ!

Булюбашъ — имя нарицательное опустошительнаго повѣтрія, чего-то въ родѣ «числа звѣрина» недавняго «смутнаго времени», когда Булюбаши, подобно кузькамъ и гесенскимъ мухамъ, стали объявляться по всему лицу земли русской въ ужасающемъ множествѣ, а г. Щедринъ встрѣтилъ представителя этой нашей общественной „филоксеры“ даже на дѣвственныхъ вершинахъ швейцарской Юнгфрау, въ лицѣ характеристичнаго „кіевскаго дяденьки“. Исторія скажетъ, что Булюбашъ объявился первоначально въ Кременчугѣ, въ лицѣ того вольнопрактикующаго „кременчугскаго дяденьки“, который прославился своимъ облыжнымъ доносомъ на нѣсколькихъ молодыхъ людей. Поддержанный „Московскими Вѣдомостями“, г. Булюбашъ старался установить вольнопрактикующее сикофанство на прочномъ основаніи, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней гражданственности; но ни власти, ни общество, ни мѣстный судъ не убѣдились его доводами, вслѣдствіе чего онъ, между прочимъ, запечатлѣлъ свой подвигъ тюремнымъ заключеніемъ (за ложный доносъ) и сталъ въ нѣкоторомъ родѣ «мученикомъ идеи».

Бунге, Н. Х. — министръ финансовъ. Не часто встрѣчающійся на бѣломъ свѣтѣ живой примѣръ скромнаго

ученаго труженика, достигшаго «степеней извѣстныхъ» единственно своими учеными трудами и дарованіемъ. Съ другой стороны, г. Бунге представляетъ собою столь-же рѣдкое соединеніе профессора-теоретика, познавшаго всю глубину *чистой* науки, съ финансистомъ-практикомъ, умѣющимъ «изыскивать» *источники*. Благодаря этому, г. Бунге, въ политикѣ государственнаго хозяйства, представляетъ собою финансоваго Нестора. Онъ не изобрѣтатель и не сторонникъ блестяще-смѣлыхъ прожектовъ и «изысканій» «милліардовъ въ туманѣ», во вкусѣ Джона Лоу.

Не закрывая глазъ ни себѣ, ни другимъ на «затруднительное» положеніе нашихъ финансовъ, осторожный и благоразумный, онъ ставитъ девизомъ финансовой политики ту мудрую курицу, которая «по зернышку клюетъ» и оттого сыта бываетъ.

Буняковскій, В. Я. — вице-президентъ академіи наукъ. Одинъ изъ старѣйшихъ академиковъ по физико-математическому отдѣленію и одинъ изъ немногихъ счастливцевъ среди русскихъ ученыхъ, которымъ удалось, не перекрещиваясь въ нѣмцы, попасть въ члены россійской де-сіансъ академіи однѣми своими учеными заслугами. Глубокій математикъ, въ послѣднее время г. Буняковскій посвящаетъ себя главнымъ образомъ разработкѣ отечественной статистики, въ которой онъ признается первостепеннымъ авторитетомъ, даже въ мнѣніи скептиковъ, отрицающихъ бытіе россійской статистики, вообще. Съ ихъ точки зрѣнія выходитъ такая странность, что у насъ есть знаменитый статистикъ и нѣтъ вовсе статистики... Странность, не лишенная, впрочемъ, юмора.

Бурдинъ — бывшій актеръ александринскаго театра. Нѣкогда г. Бурдинъ составилъ себѣ репомэ «умнаго», просвѣщеннаго актера; но позднѣе какъ-то такъ вышло, что г. Бурдинъ утратилъ это репомэ вмѣстѣ съ ногами, которыя ему подкосила злодѣйка-подагра. Оставшись, такимъ образомъ, ни съ чѣмъ, онъ, тѣмъ не менѣе, долго еще продолжалъ показывать со сцены благосклонной публикѣ свои немощи, вѣроятно, для рекламы театральной дирекціи въ томъ, что, если у нея мало вкуса, за то много филантропическаго милосердія.

Буренинъ, В. П. — острый критикъ, жгущій своими язвительными глаголами самыя ледяныя авторскія сердца. Даже философъ «Отечествен. Записокъ», г. Михайловскій, призналъ его *сердитымъ существомъ* «Нов. Времени». Дѣйствительно, въ послѣднее время г. Буренинъ не столько критиковалъ и разбиралъ, сколько все сердился и сердился, въ сущности, неизвѣстно на кого и на что... Можетъ быть у него печень болитъ, а можетъ быть самолюбіе, что всего вѣроятнѣе. Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Буренинъ расклинился, такъ сказать, на двухъ діаметрально противоположныхъ другъ другу Буренинныхъ: 1) Буренина прежняго, изъ «Современника», «Дѣла», «Искры» и «Спб. Вѣдомостей» временъ Корша, когда онъ красовался въ пушистой, ярко-оцвѣченной шуркѣ либеральнаго живчика—«грызуна»; и 2) Буренина настоящаго, вылинявшаго отъ прежней шерстки и не успѣвшаго до сихъ поръ нагулять новую, а, за ея недостаткомъ, прикрывающаго свою наготу ношенными шубами, взятыми съ чужаго плеча на подержаніе... Вотъ это-то ему и оби-

дно! Обидно ему также то, что его прежній двойникъ не перестаетъ укоризненно напоминать ему его насущную наготу и его отступничество. Отсюда ожесточенная грызня между Буренинымъ № 1-й и Буренинымъ № 2-й; отсюда—хроническая «сердитость» и разлитіе желчи. Любители словесности жалѣли объ этомъ искренно, ибо г. Буренинъ—даровитый сочинитель и даже отчасти поэтъ. Его прежніе фельетоны и журнальныя обозрѣнія, легкіе и неглубокіе, но остроумные и часто мѣткіе, читались съ удовольствіемъ; читаются и нынѣ имъ сочиняемые, но уже безъ особеннаго удовольствія, благодаря ихъ мелочно-самолюбивой, безразборчивой «сердитости», въ ослѣпленіи которой г. Буренинъ договаривается нерѣдко до крайне антипачныхъ выходокъ. Впрочемъ, нынѣ онъ перешелъ на «серьезную», «удлиненно-протяженную» критику, спеціально занявшись разборомъ «полныхъ собраній сочиненій» Тургенева, Гончарова и др.

Бурлакъ, Андреевъ, В. Н.—актеръ, разсказчикъ и отчасти писатель; личность отмѣнно симпатичная и весьма даровитая. Долго актерствовалъ съ успѣхомъ въ провинціи и заставилъ говорить о себѣ столицы, главнымъ образомъ художественнымъ воспроизведеніемъ гоголевскаго Поприщина и Мармеладова Достоевскаго. Въ немъ сказалась здѣсь рѣдкая способность—гармонически сочетать комическое съ трагическимъ. Поприщинъ, въ исполненіи г. Андреева-Бурлака, увѣковѣченъ въ различныхъ нюансахъ фотографомъ Шапиро, чѣмъ, въ свою очередь, г. Андреевъ, разумѣется, увѣковѣченъ Поприщинымъ.

Буслаевъ, Ѳ. И., академикъ,—авторъ классической, въ своемъ родѣ, книги «Исторія русской народной словесности» и первостепенный знатокъ нашего народнаго эпоса. Любитъ свой предметъ и очень много и дѣльно потрудился надъ его разработкой, не безъ профессіональныхъ, однако, увлеченій. Нерушимо вѣритъ въ самобытность и неподдѣльную національность всѣхъ кіевскихъ богатырей и поломалъ изъ-за этого не мало ученo-полемическихъ копій. Большой другъ и почитатель Ильи Муромца и Микулы Селяниновича, г. Буслаевъ не совсѣмъ одобряетъ легкое поведеніе Алеши Поповича, крайне возмущается вольнымъ обращеніемъ Тугарина Змѣевича съ княгиней Апраксѣевной и отъ всего сердца ненавидитъ Соловья-Разбойника. Сроднившись съ эпическимъ временемъ, въ тайнѣ души скорбитъ, что нынче нѣтъ уже такой руки, которая подняла-бы мечъ-кладенецъ въ полтораста пудовъ, нѣтъ такой глотки, которая однимъ духомъ «охлестывала-бы» чару зелена вина «въ полтретья ведра», нѣтъ ни «вѣщихъ» бояновъ, ни гуслей-самогудовъ, ни живой воды, ни многихъ другихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, съ которыми такъ легко и славно жилось нашимъ «большимъ» и «малымъ» богатырямъ при «Красномъ Солнышкѣ».

Бутинъ — первостепенное свѣтило сибирской золотопромышленности, сибирской комерціи и сибирскаго комерческаго форса, нѣсколько омрачившееся въ послѣдніе дни легкимъ, скоропреходящимъ банкротствомъ... такъ, что-то милліончиковъ на пять.

Бутлеровъ, А. М. — академикъ, бывшій профессоръ, одно изъ свѣтилъ русскаго естествознанія. Впрочемъ, г. Бутлеровъ обязанъ своей популярно-

стью въ публикѣ не столько своимъ ученымъ заслугамъ, имѣющимъ европейскую извѣстность, сколько своимъ, увлеченіемъ спиритизмомъ, въ защиту котораго онъ потратилъ много эрудиціи и остроумія и не мало испортилъ себѣ крови. Съ почтеннымъ именемъ г. Бутлерова неразрывно связаны имена профессора Вагнера, Аксакова и, къ сожалѣнію, цѣлаго ряда безбожно освистанныхъ медіумовъ, въ родѣ пресловутыхъ Бредифа, Кэтъ Кингъ и др. Продолжаетъ-ли г. Бутлеровъ до сихъ поръ разнообразить свои ученыя занятія столоверченіемъ, вѣрить въ «матеріализацію» и въ «четвертое измѣреніе» и интимно бесѣдовать съ кокетливымъ духомъ таинственной китаянки Жеке—«Записки» и «Бюллетени» академіи наукъ объ этомъ умалчиваютъ.

Бушъ—печальной памяти генералъ отъ морской медицины, низверженный по суду со своего высокаго поста, за возведенное во всеобъемлющую систему и въ перлъ созданія мздоимство, въ «мѣста отдаленныя».

Быковы—два одноименные и одинакалиберные, по скромному размѣру дарованій и извѣстности, сочинителя. Вслѣдствіе этого, ихъ часто смѣшиваютъ, хотя одинъ г. Быковъ—календарнаго стиля прозаикъ, почему-то, однако, забракованный издателями календарей, гг. Суворинымъ и Гоппе, и поэтому «съ горя», надо полагать, горестно ведущій библіографическій листокъ, кажется, въ «Спб. Вѣдомостяхъ»; другой-же г. Быковъ—піитъ, стишки котораго читаются тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что онъ пишетъ ихъ рѣдко и они у него всегда отличаются драгоцѣннымъ достоинствомъ — краткостью. Кромѣ того, г. Быковъ-піитъ писался одно время «отвѣтственнымъ» редакторомъ журнала «Дѣло», но такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ не былъ повиненъ тамъ ни въ одной редакторской запятой, то обыкновенно, когда г. Быкова величали «господиномъ редакторомъ», онъ, къ его чести, стыдливо потуплялъ взоры.

Быстровъ, Н. И.—популярный въ Петербургѣ дѣтскій врачъ. Не смотря на свою богатырскую фигуру и почти свирѣпую наружность, нѣжнѣйшій другъ дѣтей, само собою разумѣется, за приличную повизитную плату; умѣетъ съ ними обращаться и былъ-бы въ ихъ глазахъ вполнѣ «милымъ дядей», еслибъ, при его видѣ, въ ребяческомъ впечатлительномъ воображеніи не рисовались во всемъ ужасѣ клистирныя трубки, цитварная «кашка», ревенный настой и тому подобныя страшныя вещи, отравляющія счастливые дни нашего младенчества.

Бычковъ, А. Ѳ.—академикъ и директоръ Императорской публичной библіотеки. Библіографъ и большой знатокъ древне-русской письменности, г. Бычковъ составилъ и образцово издалъ (конечно, на казенный счетъ) нѣсколько каталоговъ и «описаній» рѣдкихъ старинныхъ книгъ. Преклоняясь передъ этой археологической заслугой г. Бычкова, нельзя, однако, не пожалѣть, что общая библіографія нашей публичной библіотеки, повидимому, не пользуется равномѣрнымъ его вниманіемъ и оставляетъ еще многаго желать.

Бычковъ—нѣкогда извѣстный педагогъ, содержатель «образцоваго» пансіона для благородныхъ отроковъ; позднѣе—герой возмутительнѣйшаго и постыднѣйшаго содомскаго грѣха, такъ

что самое имя Бычкова стало чуть не нарицательнымъ, и произносить его въ обществѣ дамъ и дѣтей почитается неприличнымъ.

Бѣловъ, И. Д. — маститый педагогъ и писатель, кроткій, смиренномудрый и немножко сентиментальный въ маниловско—славянофильскомъ вкусѣ. Говоримъ объ его литературныхъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ.

В.

Вагенгеймъ,— сынъ знаменитаго въ свое время и старѣйшаго въ Петербургѣ зубнаго врача, унаслѣдовавшій отъ покойнаго родителя славу и искусство, пломбируя зубы паціентовъ, пломбировать свой карманъ рублями и изъ выдернутыхъ, порченныхъ зубовъ строить себѣ исправные дома.

Вагнеръ, Н. П. — профессоръ, даровитый ученый и писатель, прославившійся, однако, не столько своими учеными трудами и сочиненіями, сколько страстнымъ увлеченіемъ спиритическими бреднями. Изъ всѣхъ адептовъ новой спиритической вѣры, г. Вагнеръ наиболѣе пострадалъ за нее: одно время не было такого журнальчика, не было такой газетки, которые не предавали бы почтеннаго профессора сугубому поруганію и посмѣянію. Не очень давно г. Вагнеръ выступилъ было на журнальное поприще со своимъ періодическимъ изданіемъ «Свѣтъ», въ задачу котораго входило, главнымъ образомъ, разсѣяніе тучъ предубѣжденія и отрицанія къ спиритизму; но, повидимому, пророческій гласъ г. Вагнера вопіялъ въ пустынѣ равнодушія публики, вслѣдствіе чего онъ и смолкъ... Потомъ говорили, что г. Вагнеръ состоялъ въ числѣ учредителей, почему-то не учредившагося однако, «идеалистическаго общества», которое намѣревалось заняться насажденіемъ небесныхъ миндалей на Васильевскомъ островѣ и распространеніемъ искусства факировъ, состоящаго въ блаженномъ созерцаніи кончика носа, какъ самаго радикальнаго средства отвлечься отъ презрѣннаго реализма жизни.

Нельзя не упомянуть, что г. Вагнеръ обладаетъ весьма оригинальнымъ беллетристическимъ талантомъ, обнаруженнымъ въ его извѣстныхъ «Сказкахъ кота—мурлыки», въ которыхъ наклонность автора къ фантастическому нашла себѣ благодарную почву и выразилась въ симпатичныхъ граціозныхъ образахъ, согрѣтыхъ глубокимъ чувствомъ любви къ природѣ и человѣку.

Вадбольскій, князь,—извѣстенъ въ финансовомъ мірѣ, какъ практикъ и дѣлецъ въ области поземельнаго кредита. Въ глазахъ-же профановъ явился чѣмъ-то въ родѣ банковаго Ильи Му-

ромца, просидѣвшаго невѣдомо гдѣ и какъ тридцать, а, можетъ, и больше лѣтъ въ безъизвѣстности, прежде чѣмъ выступить на бой съ вражьей силой и стяжать себѣ славу. Популярность князя начинается со времени бывшаго въ Петербургѣ съѣзда членовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, гдѣ онъ выступилъ отважнымъ ратоборцемъ-обличителемъ обнаруженныхъ имъ въ дебряхъ этого кредита «соловьевъ-разбойниковъ». Здѣсь онъ много и краснорѣчиво ораторствовалъ, поражалъ противниковъ цѣлой тучей «каленыхъ стрѣлъ» на страницахъ газетъ и даже, какъ истый герой, «потерпѣлъ за правду» въ извѣстномъ скандалѣ, ознаменовавшемъ вышепомянутый съѣздъ. Не всегда счастливый и побѣдоносный въ своей гражданственной дѣятельности, князь, тѣмъ не менѣе, заслуженно упрочилъ за собою репутацію честнаго и просвѣщеннаго земца и банковаго дѣльца. Послѣдній подвигъ его столь-же доблестный и столь-же несчастливый: харьковскому земству онъ представилъ проектъ земскаго поземельнаго банка, имѣвшаго цѣлью покровительствовать не одному только крупному, но и мелкому землевладѣнію; но и въ этотъ разъ нашъ Илья Муромецъ не одолѣлъ харьковскихъ «соловьевъ-разбойниковъ» и—проектъ его провалился mit grossem Skandal...

Ваземъ — примадонна петербургскаго балета, своего рода знаменитость, но Лермонтовъ едвали-бы назвалъ ея «ножку» «божественной», а Пушкинъ не сказалъ-бы, что она

Летитъ, какъ *пухъ* отъ устъ Эола...

Балетоманы восхищаются въ г-жѣ Ваземъ не столько ея пластической воздушностью, молодостью и красотой (довольно, кажется, спорными), сколько мощью и упругостью ея развитыхъ мышцъ и неистощимой энергіей. Мы, впрочемъ, не отрицаемъ ни «талантливости» ногъ г-жи Ваземъ, ни «геніальности» ея «стальнаго» носка, ни «высокой школы» и рѣдкой «добросовѣстности» ея танца; трудолюбію-же ея мы положительно удивляемся. Много лѣтъ исполняя первыя роли во всѣхъ почти балетахъ Большаго театра, г-жа Ваземъ въ иной спектакль проплясываетъ такое пространство, которое въ сложности равняется промежутку между двумя станціями почтоваго тракта (Предостереженіе для читателя съ пылкимъ воображеніемъ: изъ этого еще не слѣдуетъ, однако, чтобы балерина могла быть почтовой лошадью и—наоборотъ—почтовая лошадь балериной).

Валуевъ, графъ П. А.—Одинъ изъ первостепенныхъ государственныхъ мужей современной Россіи, точнѣе сказать—Россіи пореформенной, такъ какъ цвѣтущій періодъ его службы совпадаетъ съ эпохой важнѣйшихъ преобразованій и благихъ начинаній прошлаго царствованія. Имя графа въ памяти людей шестидесятыхъ годовъ неразрывно связано съ самой бойкой порой «обновленія» и оживленія нашей общественности — съ ея, такъ сказать, медовыми мѣсяцами, когда онъ, управляя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не только не стремился отравить медъ этихъ мѣсяцевъ терпкимъ оцтомъ зависѣвшихъ отъ него репрессалій и затормозить аллюръ общественныхъ надеждъ и иллюзій, но относился къ сангвинической рѣзвости юнаго прогресса съ отеческой снисходительностью. Отсюда его популярность и твердо опредѣлившаяся въ обществѣ репутація просвѣщеннаго и снисходительнаго адми-

«Пухъ отъ устъ Эола» въ Большомъ театрѣ.

Русская Графическая Мастерская М. И. Рукомитова. Стапо-Петергофскій, № 10.

нистратора прогрессивнаго оттѣнка. Репутація эта утверждается за графомъ тѣмъ прочнѣе, что въ наступившій потомъ періодъ реакціи онъ стоитъ въ сторонѣ отъ руководящихъ функцій «внутренней политики». Гр. Валуевъ занималъ постъ министра (различныхъ вѣдомствъ) безсмѣнно въ теченіи двадцати лѣтъ—довольно рѣдкій счастливый примѣръ въ исторіи нашей администраціи. Съ наступленіемъ свѣжей эпохи, такъ называемыхъ, «вѣяній», гр. Валуевъ снова выступилъ на первый планъ, и—уже одно его назначеніе предсѣдателемъ комитета министровъ принималось обществомъ, какъ знаменіе новаго поворота во «внутренней политикѣ», новаго движенія не назадъ, а впередъ.

Въ послѣднее время, на отдыхѣ, онъ посвятилъ себя отчасти изящной словесности: было извѣстно, что онъ принималъ очень дѣятельное участіе въ недолго существовавшемъ, умномъ, серьезномъ, умѣренно-прогрессивномъ журналѣ «Отголоски»; затѣмъ, уже за полной подписью графа, явился большой романъ его «Лоринъ», имѣвшій блестящій успѣхъ и обратившій на себя общее вниманіе. Въ «Лоринѣ» графъ Валуевъ, пользуясь беллетристической формой, подѣлился съ публикой богатымъ запасомъ своихъ наблюденій и высказалъ свои взгляды по многимъ общественно-государственнымъ вопросамъ. Это—скорѣе мемуары, чѣмъ романъ, но во всякомъ случаѣ—книга полная интереса и талантливо написанная.

Графъ Валуевъ несомнѣнно одна изъ крупныхъ историческихъ фигуръ нашего времени, и — вполнѣ правильный, нелицепріятный судъ надъ нимъ выскажемъ не мы, конечно, а исторія.

Добавимъ къ нашей блѣдной характеристикѣ нѣсколько портретно-біографическихъ штриховъ. Сколько помнится, въ «Русской Старинѣ» разсказанъ эпизодъ, послужившій толчкомъ блестящей карьерѣ графа. Какъ-то, еще въ молодости, графъ присутствовалъ на придворномъ балѣ въ Москвѣ и обратилъ на себя вниманіе императора Николая своей статной, прекрасной наружностью, изяществомъ манеръ и тактомъ—вѣрными признаками ума и хорошаго воспитанія. Ближайшее знакомство, безъ сомнѣнія, убѣдило государя, что милостивое вниманіе его, привлеченное внѣшними качествами, вполнѣ оправдывается и внутренними достоинствами счастливца.

О личныхъ качествахъ графа находимъ довольно подробный панегирикъ въ брошюркѣ нѣкоего г. Воронича, очевидно, лица, знающаго графа лично.

Г. Вороничъ представляетъ графа человѣкомъ «любезнымъ, обходительнымъ, очень хорошо говорящимъ». И такимъ, по словамъ автора, знаетъ его «вся образованная Россія».

«Его, продолжаетъ г. Вороничъ, никто другимъ не почитаетъ и ничего, кромѣ глубочайшаго уваженія, къ нему не чувствуетъ, неговоря, конечно, о всюду и во всемъ неизбѣжныхъ исключеніяхъ. Графа, стоявшаго около двадцати лѣтъ на посту министра, ежечасно на каждомъ шагу платившаго одною любезностью и душою всѣмъ, съ кѣмъ только ему приходилось быть въ сношеніяхъ—графа, отличнаго особенною теплотою и ласковостью въ общеніи *съ меньшимъ*, русскаго до костей, одинаково доступнаго *бѣдняку-горемыкѣ*, какъ знатному сановнику...» и т. д.

Съ своей стороны, мы охотно соглашаемся съ отзывомъ г. Воронича, но не можемъ не пожалѣть, что графъ

Валуевъ нашелъ въ немъ такого неискуснаго въ сочинительствѣ и, отчасти, малограмотнаго панегириста.

Ванновскій, П. С., военный министръ, — маститый, заслуженный воинъ, выдвинувшійся въ послѣднюю русско-турецкую войну; соединяетъ въ себѣ практическое знаніе сложнаго механизма военнаго распорядка и хозяйства съ боевымъ и «строевымъ» опытомъ и близкимъ, личнымъ знакомствомъ съ русскимъ солдатикомъ. На своемъ нынѣшнемъ высокомъ постѣ, генералъ Ванновскій уважается, какъ министръ-*практикъ*, представляющій собою во многомъ существенную противоположность *кабинетнымъ* военнымъ администраторамъ. Говорятъ, онъ питаетъ большую и очень похвальную слабость къ строгой экономіи; но солдата бережетъ какъ въ военное время, такъ и въ мирное, какъ отъ «внѣшнихъ» непріятелей, такъ и отъ «внутреннихъ» (въ интендантскихъ мундирахъ), въ чемъ удостовѣряетъ, между прочимъ, тотъ краснорѣчивый фактъ, что изъ сихъ послѣднихъ столько въ его управленіе перебывало на скамьѣ подсудимыхъ! Изъ реформъ — немногихъ по числу—въ министерство генерала Ванновскаго заставило много о себѣ говорить возобновленіе военныхъ корпусовъ, а что выйдетъ изъ этой реформы — покажетъ будущее.

Варадиновъ, Н. В.—докторъ правъ, компетентнѣйшій знатокъ исторіи нашей «внутренней политики» съ древнѣйшихъ временъ. Написалъ капитальный, огромный и очень цѣнный трудъ: «Исторію министерства внутреннихъ дѣлъ», съ его основанія. Книгу эту очень немногіе знаютъ и, конечно, никто, кромѣ автора, всю ее не прочиталъ и прочитать не въ состояніи, по ея узловатой сухости и канцелярскому изложенію.

Варгунинъ —фирма бумажной фабрики, одной изъ самыхъ солидныхъ по размѣру производства и по «высокой» *цѣнности* ея фабрикантовъ (дороже варгунинской бумаги развѣ одна только гербовая). Цвѣтущая фирма, по сердцамъ представителей ея не чужда нѣкоторая, если можно такъ выразиться, тряпично-литературная скорбь. Скорбятъ они оттого, что въ достолюбезномъ отечествѣ все еще очень мало тряпья и очень мало литературы, а притомъ, по ихъ замѣчанію, въ то время, какъ тряпье все дорожаетъ, литература и ея продукты все ниже падаютъ въ цѣнѣ и мало находятъ спроса. Впрочемъ, Варгунины, вообще, слывутъ за друзей просвѣщенія, словесности и искусства, и въ такой степени, что одинъ изъ нихъ запечатлѣлъ, напр., свою любовь къ россійской драмѣ кончиной въ александринскомъ театрѣ, на спектаклѣ. Сочувствуя литературѣ и радуясь ея успѣхамъ, фирма Варгуниныхъ, однако, очень дурнаго мнѣнія о нашихъ книгопродавцахъ и издателяхъ, неоплаченныхъ «счетовъ» на которыхъ, по слухамъ, въ ея семейномъ архивѣ хранятся будто-бы цѣлыя стопы.

Варламовъ—александринскій лицедѣй, весьма одобряемый въ «раю», въ угоду которому онъ нерѣдко и пересахариваетъ въ «слезной» драмѣ, играя блаженненькихъ, и пересаливаетъ въ буффонствѣ, играя въ водевилѣ. Загримироваться, для пущаго комизма, подъ цвѣтъ полосатой гіены, надѣть «невыразимыя» самаго скандалезно-потѣшнаго свойства и покроя, отломать колѣнце посмѣшнѣе—г. Варламовъ мастеръ перваго сорта и настолько упрочилъ свою славу въ этомъ

отношеніи, что уже одно его появленіе на сценѣ заставляетъ «реготать» и «надрывать животики» впечатлительныхъ меломановъ изъ гостиннаго двора. Г. Варламову нельзя однако отказать въ крупномъ комическомъ дарованіи и когда онъ постарается, то можетъ исполнить подходящую роль вполнѣ прилично и художественно, даже на изысканный вкусъ.

Варшавскій — громкое имя, діапазонъ котораго равняется оглушительному звону цѣлаго каскада «презрѣннаго» металла,—имя, съ которымъ соединяется представленіе уже не о человѣкѣ, не о смертномъ, а о какомъ-то исполинскомъ количествѣ, въ родѣ «числа звѣрина» со многими ноликами въ концѣ. Въ юности — мелкій гешефтмахеръ, промышлявшій въ Полтавѣ «факторствомъ» и содержаніемъ почтовыхъ станцій, нынѣ—финансистъ, желѣзно-дорожникъ, подрядчикъ и, при всемъ томъ, «генералъ» Варшавскій—одно изъ первостепенныхъ свѣтилъ еврейской плутократіи, немножко, однако, потускнѣвшее со времени послѣдней восточной войны, если не матеріально, то морально, и если не въ зоркихъ глазахъ звѣздочетовъ финансоваго неба, то въ мнѣніи строгихъ патріотовъ. Всѣмъ памятенъ, а всѣхъ болѣе вѣроятно самому г. Варшавскому, доставившій ему, вмѣстѣ съ барышами, столько хлопотъ, непріятностей и оскорбленій (чутьли даже не «дѣйствіемъ»), огромный подрядъ его по поставкѣ подводъ и погонщиковъ для дунайской арміи. Еще недавно въ печати только лѣнивый не забрасывалъ г. Варшавскаго жесточайшими обвиненіями и издѣвательствами. Въ какой степени правъ или виноватъ онъ былъ въ плачевномъ исполненіи и въ драматическихъ послѣдствіяхъ означеннаго подряда, это одна изъ неразрѣшимыхъ тайнъ «полеваго интендантства». Тѣмъ не менѣе, по слухамъ, съ того времени г. Варшавскій сталъ видѣть дурные сны. Чаще всего ему снится голодный, холодный и оборванный хохолъ—погонщикъ съ кнутикомъ въ рукахъ, какъ единственнымъ благопріобрѣтеніемъ, которое онъ принесъ домой съ выгоднаго подряда. Эта печальная фигура, будто-бы, вопіетъ къ г. Варшавскому: «Ицка! гдѣ моя коняка? Отдай мині мою коняку!.. Рятуйте, люде добрые!»

Василевскій, И. Ѳ. — извѣстенъ больше по псевдониму «Буква», подъ которымъ пишется редакторомъ художественно-юмористической «Стрекозы» и пишетъ фельетоны въ сей послѣдней, а также: въ «Новостяхъ», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» и прочая, и прочая и проч. Принадлежитъ къ новѣйшей характерной генераціи журнальныхъ сочинителей, повергающихъ въ несказанное изумленіе, почти въ ужасъ «отцовъ» литературы, своей неутомимостью, плодовитостью и практичностью. Въ то время, какъ «отцы» привыкли священнодѣйствовать надъ каждой строчкой и, случалось, годами высиживали свои «взглядъ и нѣчто» или какую-нибудь повѣстушку,—нынѣшніе молодые сочинители жарятъ свои статьи и фельетоны, какъ блины, да еще и копѣйку на нихъ зашибить умѣютъ про черный день. Нынѣ бойкое и гибкое стальное перышко удачливаго и трудолюбиваго журналиста вырабатываетъ больше иного «сталелитейнаго» завода.

Съ удовольствіемъ свидѣтельствуя успѣхи И. Ѳ. въ указанныхъ отношеніяхъ, еще съ большей пріятностью признаемъ въ немъ присутствіе оригинальнаго фельетоннаго таланта и

неистощимаго остроумія. Талантъ его, именно, фельетонный, «обозрѣвательскій»: беллетристическое творчество, фантазія и поэтическое чувство не его стороны или, по крайней мѣрѣ, его слабыя стороны. За то схватить въ самый патетическій моментъ данную общественную «злобу дня», рельефно и эффектно выставить ее, а въ особенности ея комическія мѣста, ударить, какъ говорится, въ нервъ явленія, ярко и мѣтко охарактеризовать того или другаго «дѣятеля», набросать мастерскими штришками его портретъ или забавную каррикатуру, —г. Буква можетъ въ совершенствѣ. Его перо упрекаютъ въ кое-какихъ опискахъ и кляксахъ относительно либеральнаго вѣроисповѣданія и—можетъ быть, не безъосновательно; упрекаютъ его также въ нѣкоторой холодности и сухости. Во всякомъ случаѣ, оно у него лучше всего тамъ, гдѣ онъ настроенъ отрицательно, гдѣ онъ смѣется, шутитъ и язвитъ тонкими, отточенными булавками своего остроумія. Слогъ его весьма своеобразенъ и красивъ: это—филигранная работа, бойкая и изящная, въ цѣломъ и мелочахъ, и особенно въ мелочахъ. Слогъ этотъ можно-бы сравнить съ игрой шампанскаго—такой онъ искристый, острый и пѣнистый.

Васильева — актриса александринскаго театра, не столько «любимая», сколько «уважаемая» театралами за скромное, но солидно обработанное дарованіе, скромную «симпатичную» наружность и артистическую добросовѣстность. И играетъ съ успѣхомъ г-жа Васильева все больше «уважаемыхъ» лицъ: добродѣтельныхъ, «серьезныхъ» дѣвицъ и молодыхъ дамъ, особенно изъ *новыхъ* и особенно въ томъ случаѣ, когда онѣ—угнетенная невинность. Роли обольстительно-рѣзвыхъ «дикарокъ», «Марусей» и «Фру-фру» ей не удаются, быть можетъ, потому, что «уважаемая» артистка гнушается порокомъ и легкомысліемъ, что, конечно, весьма похвально.

Васильевъ—профессоръ, извѣстный синологъ, познавшій всю китайскую премудрость и всѣ тонкости китайскаго языка. Къ сожалѣнію, такое прилежное изученіе китайской письменности прошло для него не совсѣмъ безнаказанно. Однажды, не очень давно, почтенный профессоръ, забывъ, что онъ не въ Пекинѣ, а въ Петербургѣ, и что самъ онъ не желтолицый сынъ неба, а европейскій ученый, разразился въ одной газетѣ статьей, до того пропитанной китайскими воззрѣніями и чисто-китайской ненавистью къ Европѣ и ея цивилизаціи, что, по слухамъ, здѣшнее китайское посольство хотѣло было испросить для него у своего правительства мандаринскій шарикъ на шапку «за трудолюбіе и искусство».

Долгъ справедливости требуетъ сказать, что г. Васильевъ не польстился ни мандаринскимъ шарикомъ, ни благодарной миссіей проповѣдника китаизма и мракобѣсія. Съ нимъ, просто, случился пароксизмъ прискорбной забывчивости, которой онъ самъ сейчасъ-же устыдился. Нынѣче, не переставая время отъ времени разнообразить свои ученыя занятія газетной публицистикой, г. Васильевъ даетъ содержательныя и дѣльныя статьи о Китаѣ и, въ особенности, о его политикѣ и военной силѣ, которыя онъ ни въ грошъ не ставитъ, настойчиво совѣтуя нашей дипломатіи не церемониться съ пекинскимъ кабинетомъ во всѣхъ этихъ «кульджинскихъ» и «амурскихъ» вопросахъ, а, въ случаѣ его упорной строптивости, разгромить Китайскую имперію безъ всякой поща-

ды. Сомнѣнія въ успѣхѣ войны съ Китаемъ онъ не допускаетъ.

Васильевъ—пѣвецъ петербургской русской оперы (нынѣ въ отставкѣ). Обладая разрушительнымъ basso profundo, носилъ его въ себѣ, какъ драгоцѣнную стѣнобитную машину въ футлярѣ, и потому—имѣлъ на сценѣ совершенно деревянный видъ, никогда не сгибался, изъ боязни сломаться и переломить въ себѣ свой органъ, а въ роляхъ, гдѣ требовалась человѣческая мимика, съ успѣхомъ изображалъ на своемъ каменномъ лицѣ движенія страха, гнѣва, радости и проч., соотвѣтствующими смѣлыми штрихами жженой пробкой. Впрочемъ, несмотря на богатырскіе стѣнобитные размѣры своего голоса, г. Васильевъ *владѣлъ* имъ мастерски и заслуженно, пользовался почетнымъ титуломъ *перваго* баса.

Васильчиковъ, князь А. И., — публицистъ, экономистъ и земскій дѣятель, къ общему сожалѣнію недавно скончавшійся; но такъ какъ его замѣчательные труды и идеи до сихъ поръ неувядаемо живутъ, то мы и оставляемъ здѣсь характеристику его прекрасной личности такъ, какъ она вылилась изъ подъ нашего пера при его жизни.

Князь Александръ Иларіоновичъ былъ однимъ изъ немногихъ носителей княжеской короны, украсившихъ своимъ именемъ пантеонъ россійской словесности. Имѣя въ своемъ родословномъ древѣ цѣлыя поколѣнія государственныхъ мужей, полководцевъ и просто генераловъ отъ кавалеріи и инфантеріи, князь А. И. предпочелъ широкой стезѣ титуловъ и почестей скромную тропинку партикулярнаго сочинителя, да еще (Horreur!) либерально-демократическаго оттѣнка.

Своими, замѣчательными массою свѣдѣній, трезвостью и серьезностью взглядовъ, трудами по вопросамъ о самоуправленіи, объ общинномъ землевладѣніи и крестьянствѣ, кн. Васильчиковъ стяжалъ себѣ общее уваженіе и такую прочную славу, которой могли-бы позавидовать и многіе полководцы. Въ литературѣ русскаго землевладѣнія князь справедливо считался авторитетомъ. Едва-ли не ему первому принадлежало роковое и обидное сомнѣніе въ классическомъ повѣрьѣ, что у насъ «велика и обильна земля»... крестьянскаго надѣла. Ему-же приписывали не менѣе огорчительное для патріотическихъ сердецъ открытіе, поколебавшее нашу вѣру въ немыслимость пролетаріата въ Россіи,—открытіе въ нѣдрахъ нашихъ «житницъ» того пренепріятнаго соціально-зоологическаго вида, который извѣстенъ подъ именемъ «безземельнаго хлѣбопашца» или—общѣе—«безземельнаго крестьянина». Къ тому-же, зловредный видъ этотъ былъ открытъ княземъ Васильчиковымъ въ такомъ числѣ и въ такомъ пышномъ разнообразіи индивидуальностей, что патріоты почувствовали себя жестоко уязвленными, и, какъ это всегда водится—князь, въ ихъ мнѣніи, попалъ въ реестръ «опасныхъ» вольнодумцевъ, недостаточно любящихъ свое отечество. Какъ-то незадолго передъ смертью князя А. И., въ собраніи смоленскаго губернскаго земства одинъ изъ мѣстныхъ вольно-практикующихъ «охранителей» обвинялъ его даже въ исповѣданіи коммунизма и чуть-ли не въ сообщничествѣ съ разрушителями вандомской колонны... Сей смоленскій Цицеронъ подкрѣпилъ себя неопровержимой уликой, а именно тѣмъ, что князь Васильчиковъ дерзалъ сочувствовать разрушительнѣйшей идеѣ развитія мелкаго, крестьянскаго по-

земельнаго кредита — идеѣ, которая нашла такое широкое, по иниціативѣ правительства, осуществленіе въ учрежденіи крестьянскихъ земскихъ банковъ. Какъ-бы порадовался князь Александръ Илларіоновичъ этимъ банкамъ, о которыхъ онъ мечталъ, если-бы до нихъ дожилъ... вѣчная ему память!

Васильчиковъ, А. А. — не князь, тѣмъ не менѣе, человѣкъ съ *именемъ* въ области искусства, исторической и антикварной литературы, которую онъ обогатилъ нѣсколькими добросовѣстными изслѣдованіями и монографіями (Напримѣръ: «Liste alphabètique de portraits russes»). Главнымъ-же образомъ, г. Васильчиковъ посвящалъ свое перо и свой антикварскій духъ изслѣдованія начертанію исторіи достославнаго «Семейства Разумовскихъ». Подъ такимъ названіемъ онъ издалъ большой трудъ въ трехъ томахъ. Это —не изслѣдованіе и не біографія, а, просто, собраніе матеріаловъ и въ томъ числѣ множества новыхъ, драгоцѣнныхъ для исторіи русской жизни второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, вообще, и для поучительной исторіи россійскихъ помпадуровъ, въ особенности. А. А. вѣдаетъ музей Императорскаго эрмитажа.

Васнецовъ — даровитый живописецъ новой реалистической школы. Обратилъ на себя вниманіе своими жанровыми картинками изъ быта маленькихъ людишекъ и, такъ называемой, «шуперы», которыхъ пишетъ, если не всегда художественно и щеголевато, за то—правдиво, живо и тепло. Въ послѣднее время пробуетъ силы въ «историческомъ родѣ», какъ самомъ нынѣче модномъ и наиболѣе благодарномъ. Очевидно, помышляетъ о профессорской тогѣ и о меценатскихъ «кушахъ» изъ третьяковской сокровищницы.

Ватсонъ, Э. К.—журналистъ, бывшій вице-редакторъ «Спб. Вѣдомостей» при Коршѣ и «Молвы» при Полетикѣ, мало извѣстный публикѣ, но въ свое время весьма популярный въ литературномъ міркѣ, гдѣ онъ пользовался незыблемой репутаціей «хорошаго человѣка» и безпорочно-добродѣтельнаго публициста либеральнаго лагеря. Публицистическая безпорочность—едва-ли не единственная «особая примѣта» Э. К., ибо, вѣроятно, самые близкіе друзья его затруднились-бы опредѣлить его литературную физіономію и подкрѣпить его литературныя способности и заслуги ссылками на его сочиненія, изъ коихъ ничего никому неизвѣстно. Дѣло въ томъ, что г. Ватсонъ избралъ самый неблагодарный для славы родъ сочинительства—газетную «внѣшнюю политику» и всецѣло посвятилъ себя черной редакціонной работѣ, на которой даже надорвался.

Какъ редакторъ—это было олицетворенное трудолюбіе, хронометрическая пунктуальность, безъукоризненная граматикальность и неусыпная «цензурность»; но—странно: будучи, такимъ образомъ, чуть не идеальнымъ редакторомъ съ одной стороны, съ другой—г. Ватсонъ признавался редакторомъ убійственно-несчастливымъ для газеты.

— Какой труженикъ, какой прекраснѣйшій человѣкъ Эрнестъ Карловичъ, но какъ жаль, что не на своемъ мѣстѣ! — соболѣзновали о немъ друзья. — Ему-бы канцеляріей управлять, а онъ вдругъ редакторъ газеты, не имѣя для того и признаковъ публицистическаго темперамента, чутья и жилки журналиста, бойкости пера...

«Не шей ты мнѣ, матушка, узкій сарафанъ!»

дозв. ценз. с.-петерб., 2 ноября 1883 г.

Русская Графическая Мастерская М. Д. Рудометова, Старо-Петергофскій, № 10.

— Правда! правда! — со вздохомъ помыслитъ здѣсь и В. А. Полетика, бывшій издатель бывшей «Молвы», если только эти строки удостоются попасть ему на глаза.

Веберъ—имя, при произнесеніи котораго у многихъ лакомокъ текутъ слюнки, а въ пылкомъ воображеніи поднимаются цѣлыя горы необыкновенно вкусныхъ булочекъ, кренделей, пирожковъ и тому подобныхъ художественныхъ произведеній хлѣбопекарской скульптуры. Хотя, по исчисленіямъ наблюдателей, изъ десяти нѣмецкихъ булочниковъ — непремѣнно одинъ Веберъ, но изъ многочисленныхъ петербургскихъ Веберовъ, извѣстность которыхъ съѣдается вмѣстѣ съ ихъ произведеніями, считаемъ долгомъ сохранить для потомства имя лишь одного.

Вейнбергъ, Павелъ,—гордость россійскаго скоморошества и скорбь своего роднаго брата, достоуважаемаго Петра Вейнберга. Безъ сомнѣнія, Павелъ Исаевичъ извѣстенъ всей городской Россіи, которую онъ задался миссіей разсмѣшить своими потѣшными разсказами о «еврейской націи». Даровитый карикатуристъ-разсказчикъ, онъ «передразниваетъ» евреевъ (и не столько самихъ евреевъ, сколько ихъ акцентъ) тѣмъ удачнѣе, что самъ немножко сродни имъ. Для болѣе осязательнаго знакомства съ родомъ и качествомъ его дарованія, передаемъ сущность одного изъ его новѣйшихъ разсказовъ.

Еврей-ростовщикъ очень недоволенъ расширеніемъ предѣловъ Россійской имперіи, посредствомъ непрерывныхъ завоеваній, ибо каждое такое завоеваніе служитъ надежнымъ убѣжищемъ для его должниковъ.

— Придешь къ одному за деньгами: —„Дома?“—„Нѣту!“—„А гдѣ?“—„Поѣхалъ на Ташкентъ“... Ну, пишешь на Ташкентъ... Придешь къ другому: —„Дома?“—„Нѣту!“—„А гдѣ?“—„Поѣхалъ на Сахалинъ“... Ну, пишешь и на Сахалинъ...

Затѣмъ, многіе сами кредиторы уѣхали, во время русско-турецкой войны, на югъ. Нашъ еврей бросается вслѣдъ за ними и пріѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ тоже успѣха особеннаго не имѣетъ, но за то пользуется случаемъ полюбоваться на лиманъ.

— Какъ-же она вамъ показалась?— спрашиваютъ его. — „Ахъ! пашкудство“! — отвѣчаетъ онъ. — „Почему-же пашкудство“? — „Ну, посудите сами, что это за такой пароходъ, у котораго нѣтъ ни кормы, ни носа, и когда оно плаваетъ, то даже капитанъ его незнаетъ, куда оно плаваетъ — напередъ-ли, или назадъ, а когда ему нужно повернуться, то для этого надо, чтобъ его увазъ на буксиръ другой пароходъ и повернулъ куда ему слѣдуетъ... Развѣ не пашкудство?! Я спрашивалъ: для чего такого пашкудство построено? — Мнѣ говорятъ: отъ непріятеля... — А позвольте узнать, сколько оно стоитъ?— Восемь милліоновъ. — Я даже испугался: — Восемь милліоновъ!— говорю. Да вы лучше давали-бы непріятелю два милліоновъ, чтобы онъ не воевалъ, и тогда шесть милліоновъ остались-бы у васъ въ карманѣ“...

Вейнбергъ, П. И. — журналистъ, педагогъ и безсмѣнно стихотворецъ, по призванію, прославившійся своими превосходными переводами Гейне и другихъ, острымъ умомъ, нѣмецкихъ повтовъ. Переводчикъ par excellence, Петръ Исаевичъ однажды переведъ съ нѣмецкаго на русскій даже собственную свою фамилію—изъ Weinberg'а въ *Виногорова*, и въ этомъ остроумномъ переводѣ увѣковѣчилъ се-

бя въ исторіи россійской журналистики 50-хъ годовъ, какъ злосчастный обличитель нѣкоей губернской Сафо за крайне выразительную пластичность ея декламированія «Египетскихъ ночей» передъ публикой. То было горячее время всякихъ «эмансипацій» и женской, по преимуществу, а потому невинное и даже небезъосновательное, по существу, обличеніе было, съ громомъ и трескомъ гражданственныхъ перуновъ, опротестовано всей либеральной журналистикой, какъ *«безобразный поступокъ* «Вѣка»—журнала, который П. И. тогда издавалъ. Какимъ-то чудомъ г. Вейнбергъ не испепелился отъ этого пламеннаго протеста; но, почувствовавъ, весьма естественно, нѣкоторое охлажденіе къ партикулярной и независимой журналистикѣ, перешелъ на казенную, въ качествѣ редактора «Варшавскаго Дневника», въ которомъ и посвящалъ свои силы и таланты задачамъ «обрусенія»...

Быть можетъ, біографы назовутъ эту послѣднюю страницу въ житіи П. И. прискорбной описки, въ соотвѣтствіи съ требованіями либеральнаго цѣломудрія; но, вѣдь, не описывается одинъ только Господь Богъ.

Въ настоящее время г. Вейнбергъ, какъ профессоръ русской словесности, просвѣщаетъ умы и воспитываетъ сердца юнаго женскаго поколѣнія, во всестороннемъ культивированіи котораго онъ справедливо признается вполнѣ компетентнымъ спеціалистомъ, какъ это засвидѣтельствовало торжественное и чудное прощанье съ нимъ воспитанницъ и воспитателей женской гимназіи, въ которой онъ былъ нѣсколько лѣтъ инспекторомъ. Въ часы досуга П. И. не перестаетъ мокать свое перо въ струи Иппокрены, являясь то въ остроумныхъ эпиграммахъ на разныя «злобы дня», то въ капитальныхъ переводахъ лучшихъ произведеній нѣмецкой поэзіи и драмы, то, наконецъ, вдохновляясь въ высокоторжественные дни, слагаетъ хвалебныя оды со своимъ обычнымъ талантомъ и лирическимъ жаромъ...

Венгеровъ—журнальный критикъ изъ «молодыхъ», либерально-раціоналистическаго направленія. Началъ свою литературную карьеру довольно курьезнымъ опытомъ — пересказываніи «своими словами» сочиненій Тургенева, но славы этимъ не заслужилъ; много и трудолюбиво писалъ въ газетахъ и журналахъ, а все въ славнаго критика не выслуживался; наконецъ, сочинилъ жестокую, бранчивую, узко-тенденціозную, на коротенькій либеральный аршинчикъ, критику Писемскаго (къ полному собранію его сочиненій, изд. Вольфа) и—достигъ желанной «извѣстности». За эту критику на г. Венгерова ополчились всѣ любители россійской словесности, а «Новое Время», напр., разразилось такой отровенной бранью, что уязвленный ею критикъ потребовалъ отъ г. Суворина «сатисфакціи» (къ счастью, пролиты были однѣ чернила и—ни капли крови); наконецъ, самъ г. Вольфъ, внимая общему ропоту, вырвалъ критику г. Венгерова изъ своего изданія и предалъ ее постыдному уничтоженію.

Венюковъ, М. И.—человѣкъ военный и, хотя, сколько извѣстно, кровь за отечество не проливалъ, но имя свое нѣкоторымъ родомъ обезсмертилъ. Пользуется извѣстностью, какъ путешественникъ и ученый географъ, въ особенности-же, какъ знатокъ Средней Азіи въ границахъ, отмежеванныхъ русскимъ богатырскимъ штыкомъ (Его сочиненія по этому предмету: «Путешествіе по окраинамъ рус-

Мастерская и мастерство «нашего знаменитаго» мастера.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 1883 г.

ской Азіи», «Обозрѣніе русскихъ границъ въ Азіи» и друг.). Въ свое время, когда Средняя Азія, со своими пестрыми халатами, шелковистыми коврами и булатными ятаганами, была у насъ въ модѣ, г. Венюковъ дебютировалъ къ качествѣ ея «перваго любовника», съ средне-азіатской пылкостью популяризируя ее среди столичной публики, въ своихъ «ташкентскихъ лекціяхъ», «самаркандскихъ скиццахъ» и «бухарскихъ картинахъ», съ которыми онъ выступалъ во всѣхъ ученыхъ «говорильняхъ», въ разныхъ спеціальныхъ «обществахъ», клубахъ и чуть-ли даже не въ танцъ-классахъ. Много-ли пріобрѣли «наука» и «чернь непросвѣщенна» отъ этихъ чтеній почтеннаго географа—не знаемъ, но г. Венюковъ этимъ путемъ безспорно популярность себѣ нажилъ, что и требовалось доказать.

Венявскій, Генрихъ, — профессоръ петербургской музыкальной консерваторіи, солистъ Императорскаго Двора, извѣстенъ не только во всей Россіи, но и въ Европѣ, въ Америкѣ, въ Азіи и кажется даже въ Бѣлой Арапіи. Несравненный виртуозъ—скрипачъ, каждый концертъ котораго составляетъ событіе въ исторіи музыки, а въ бюджетѣ самого концертанта—«капиталъ».

Верещагины — три одноименныхъ художника-живописца: 1) профессоръ В. П. Верещагинъ, 2) академикъ П. П. Верещагинъ, и 3) просто «нашъ знаменитый» В. В. Верещагинъ.

1) *Верещагинъ*, В. П., прославился больше иконописной и стѣнной живописью. Большія полотна, размашистая кисть, яркія краски, «академическій» рисунокъ, высокія тэмы и высокія цѣны—суть отличительныя черты Верещагина-профессора. По иконописи, замѣчательны его работы для московскаго храма Спасителя. По стѣнной живописи—колоссальныя иллюстраціи русскаго эпоса для дворцовыхъ залъ, какъ, напримѣръ: «Богатырь Добрыня», «Поединокъ Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ» и проч. По части «исторіи», любитъ богословско-поучительныя тэмы, въ родѣ: «Григорій Великій наказываетъ сребролюбіе», но не прочь иногда пошалить кистью и въ изображеніи нагой красоты... О талантѣ умалчиваемъ, ибо кто дерзнетъ усомниться въ его присутствіи у патентованнаго профессора?

2) *Верещагинъ*, академикъ, — невѣроятно плодовитый и столько-же монотонный пейзажистъ. Въ сотняхъ «видовъ» изобразилъ, можно сказать, всю Россійскую имперію, и полное собраніе его картинъ могло-бы служить прекраснымъ «пособіемъ» для ея географіи, если-бы его пейзажи не страдали однообразіемъ тона. Кропотливую старательность рисунка у П. П. Верещагина портитъ то обстоятельство, что всюду у него небо смотритъ—иногда на прелестнѣйшіе пейзажи—какъ-бы однимъ глазомъ. Пишетъ-ли онъ виды «хладнаго» сѣвера, или «пламенной Колхиды»,—всюду у него одинъ и тотъ-же блѣдновато-сѣрый, монотонный и, такъ сказать, одноглазый колоритъ.

3) *Верещагинъ*—просто «нашъ знаменитый», съ неслыханной гордыней отвергнувшій во время оно академическій титулъ, составилъ себѣ не только всероссійскую, но и европейскую славу многочисленными коллекціями своихъ картинъ и этюдовъ Туркестана, Индіи и послѣдней русско-турецкой войны. Правда и реализмъ, доведенные до «послѣдняго слова», составляютъ неподражаемую силу кисти г. Верещагина, притомъ, всегда вдохновленной извѣстной идеей, съ «идеа-

ленiемъ». Художникъ-публицистъ и мыслитель, онъ немного хлопочетъ о рисункѣ, о техникѣ—лишь-бы они выражали данную идею, а потому, съ строгой точки зрѣнія академическихъ классиковъ, цѣнится не высоко. Это откровенно высказалъ, на велій конфузъ для себя, въ печати, простодушный (нынѣ покойный) академикъ Тютрюмовъ; его единомышленники (а ими полна академія) живы по сіе время, но благоразумно молчатъ, ибо сознаютъ, что противъ рожна общественнаго вкуса прати нельзя. Недавно на рожонъ этотъ накололось, и пребольно, «Нов. Время» своей неодобрительной критикой, съ точки зрѣнія квасного патріотизма и батальнаго жанра въ суздальскомъ вкусѣ, неподкупно-правдивыхъ картинъ послѣдней войны г. Верещагина. Общество осталось глухо къ этимъ художественно-критическимъ инсинуаціямъ. Весь Петербургъ ходилъ смотрѣть картины г. Верещагина, а когда назначенъ былъ имъ достопамятный аукціонъ, онѣ пошли на расхватъ въ такія лакомыя цѣны, что у соперниковъ нашего художника «въ зобу дыханье сперло» отъ соревнованія...

Веселаго, Ѳ. Ѳ. — штатный исторіографъ морскаго вѣдомства и первостепенный авторитетъ въ исторіи мореплаванія, кораблестроенія и морской войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что могъ-бы подробно объяснить конструкцію Ноева ковчега и то, какимъ образомъ совершилъ онъ свое плаваніе; но когда и какимъ чудомъ поповка «Ливаdія» станетъ нести «морскую», а не какую-нибудь сухопутную или воздухоплавательную службу—постичь сіе не дано, кажется, и пытливому генію г. Веселаго. Впрочемъ, какъ историкъ, г. Веселаго спеціально приноравливался къ веселому и славному прошлому русскаго флота, когда не было еще «грустныхъ страницъ» въ лѣтописи послѣдняго, когда не было ни эпидемическаго самоистребленія и самосокрушенія судовъ въ каждую навигацію, ни убыточныхъ для казны морскихъ заводовъ, ни огромныхъ непроизводительныхъ затратъ на кораблестроительные фантазіи и капризы, не было ни «поповокъ», ни даже самого адмирала Попова.

Въ своей обширной, трудолюбиво обработанной «исторіи», г. Веселаго съ спокойной совѣстью могъ сказать, что *исторія* русскаго флота—исторія славная, исполненная гигантскихъ замысловъ и дѣяній, богатырскихъ подвиговъ русскаго оружія на всѣхъ моряхъ и знаменитыхъ моряковъ, изъ коихъ—

Однихъ ужь нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ

и какъ могъ-бы сказать и г. Веселаго въ эпиграфѣ къ своей книжкѣ. Недавно почтенный ученый заслуженно отпраздновалъ юбилей своей многолѣтней службы на пользу отечества.

Веселитскій-Божидаровичъ — знаменитость безъ опредѣленныхъ занятій и съ довольно загадочной репутаціей. Въ разгаръ славянолюбиваго настроенія—одинъ изъ первыхъ «братушекъ», снискавшихъ родственное теплое «сочувствіе» русскаго столичнаго общества, въ которомъ онъ, одно время, разъигрывалъ роль Петра Пустынкина, и устно и письменно разжигая сердца краснорѣчивымъ глаголомъ о жестокостяхъ турокъ. Особенно успѣшно дѣйствовалъ онъ тогда на сердца «благотворительныхъ дамъ» (г. Божидаровичъ—мужчина представительный) и членовъ «кружечной комиссіи» Славянскаго комитета, отъ которыхъ и получилъ посланничество и полновѣсную общественную ленту

на руки для облагодѣтельствованія пострадавшихъ «братушекъ»... Затѣмъ, во время достопамятной делиградской войны, о дѣяніяхъ г. Божидаровича, заодно съ другими славными дѣятелями этой траги-комической эпохи, прошли было не совсѣмъ лестныя повѣтствованія. Затѣмъ, о г. Божидаровичѣ перестаютъ говорить, и онъ самъ куда-то исчезаетъ. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро г. Божидаровичъ снова обнаружился въ Петербургѣ и, какъ говорили, состоялъ при газетѣ «Россія», гдѣ велъ *политику*... съ одной стороны, съ княземъ Санъ-Донато, съ другой, съ г. Спичаковымъ. Затѣмъ, газета «Россія» съ трескомъ проваливается, и—мы опять теряемъ изъ виду находчиваго и на всѣ руки дѣловитаго г. Божидаровича, столь блистательно прошедшаго, какъ говорится, сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы.

Веселовскіе — два однофамильца-академика, одинъ—по физико-математическому отдѣленію, другой—по историко-филологическому; послѣдній, къ тому-жь, состоитъ непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ. Одинъ—археологъ, вопрошающій тайны прошлаго, другой—метеорологъ, испытующій тайны атмосферическія. Ученый трудъ К. П. Веселовскаго «О климатѣ Россіи» считается въ своемъ родѣ классическимъ и пользуется общей извѣстностью. Въ нелицепріятномъ жизнеописаніи г. Веселовскаго — непремѣннаго секретаря академіи будетъ вѣроятно упомянуто, что онъ однажды огорчилъ патріотическія сердца, оказавшись, въ дѣлѣ знаменитой забаллотировки профессора Менделѣева, въ лагерѣ академическихъ «дядюшекъ»-нѣмцевъ, подавъ свой голосъ заодно съ ними противъ избранія въ академики достославнаго профессора.—Словесникъ А. Н. Веселовскій обогатилъ исторію литературы, преимущественно отечественной, многими замѣчательными, хотя и мало извѣстными читающей публикѣ изслѣдованіями («О методѣ и задачахъ исторіи литературы», «Сравнительная миѳологія», «Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада» и друг.). Только въ послѣднее время почтенный ученый отвлекся отъ академическихъ матерій для «злобы дня», выступивъ на страницахъ «Вѣстника Европы» горячимъ и убѣдительнымъ защитникомъ «западничества» въ прошлой русской литературѣ. Его статьи произвели впечатлѣніе и журналистика много о нихъ толковала и pro и contra.

Весинъ—молодой газетный публицистъ, преимущественно по хозяйственно-экономическимъ вопросамъ. Г. Весинъ извѣстенъ и въ ученой литературѣ, которую онъ обогатилъ своимъ обширнымъ и замѣчательнымъ библіографическимъ трудомъ, а именно—историко-критическимъ обзоромъ учебно-географической литературы въ Россіи.

Библіографо-систематизаторскія способности, надо полагать, въ роду гг. Весиныхъ. У вышеизображеннаго г. Весина имѣется братъ, который выпустилъ въ свѣтъ занимательную книгу: «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ»,—въ томъ-же жанрѣ, какъ и трудъ г. Весина—географа.

Виллевальде — батальный живописецъ, артистически воспроизводитъ на полотнѣ аммуницію и мундиры всѣхъ родовъ оружія. На картинахъ у него всегда «музыка играетъ... штандартъ скачетъ»... турки валятся, какъ чурки, а что касается «вещеваго довольствія» храбрыхъ воиновъ, то подъ кистью Вил-

левальде солдатское сукно и сапожный товаръ выходятъ всегда такими добротными и красивыми, что гг. Малкіели, напр., смѣло могли-бы ссылаться на его картины, какъ на неотразимое доказательство добросовѣстности интендантскихъ поставокъ, вообще, и ихъ собственныхъ, по преимуществу.

Вильде — смиреномудрый, кроткой души, литературный мущинка изъ «черной половины» «Голоса», гдѣ онъ, съ основанія этой газеты по ея кончину, такъ прочно акклиматизовался, что, говорятъ, самъ г. Краевскій не могъ себѣ представить «Голоса» безъ Вильде и Вильде безъ «Голоса». Благодаря своей безпримѣрной усидчивости, г. Вильде, сверхъ того, высидѣлъ себѣ репутацію театральнаго критика, и притомъ одного изъ старѣйшихъ. И дѣйствительно въ недавнее еще время не было бенефиса, не было дебюта, на которыхъ не свѣтилась-бы въ партерѣ лучезарно-плѣшивая, незлобливо-хихикающая, миніатюрная головка г. Вильде, очень напоминающая собою голову сейчасъ только родившагося на свѣтъ и необыкновенно обрадовавшагося своему рожденію младенца. И въ своихъ критикахъ г. Вильде былъ истый младенецъ, по незлобію: желая у всѣхъ заслужить и боясь ошибиться въ своихъ приговорахъ, онъ бывало всѣмъ и всему расточаетъ похвалы съ такимъ постоянствомъ, что даже г. Краевскій—на что ужь добрый человѣкъ!—жаловался иногда на полное отсутствіе соли и перцу въ медоточивыхъ «отчетахъ» своего критика.

Вильде — актеръ московскаго русскаго драматическаго театра, братъ вышеописаннаго, считается однимъ изъ лучшихъ корифеевъ московской труппы; въ свое время ознаменовалъ себя, сверхъ того, учрежденіемъ въ Москвѣ «Артистическаго кружка», имѣже, по маломъ времени, и похороненнаго со всѣми скандалезными аксессуарами банкротской ликвидаціи. Пробовалъ себя также и на поприщѣ драматургіи, но также неудачно (зри его комедію «Арахнея», не безъосновательно перефразированную острословами въ *Ахинею*).

Винтергальтеръ — патентованный органный мастеръ и, своего рода, трактирный Орфей. Его оглушительно-трескучими органами и оркестріонами снабжены всѣ лучшіе петербургскіе трактиры въ томъ-же тактическомъ разсчетѣ, въ какомъ боевую колонну, идущую на штурмъ крѣпости, снабжаютъ, обыкновенно, военной музыкой. Подъ «любимые мотивы» винтергальтеровскихъ «машинъ» трактирные «завсегдатаи» смѣлѣй и веселѣй вступаютъ въ бой съ Ивашкой Хмѣльницкимъ, а многіе изъ нихъ и костьми ложатся.

Висковатовъ — профессоръ дерптскаго университета по русской словесности, писатель и немножко поэтъ. Пріобрѣлъ извѣстность въ читающей публикѣ своими «теплыми» корреспонденціями изъ Сербіи, во время достопамятныхъ операцій въ делиградскомъ «мѣшкѣ». Писалъ либретто для оперъ Рубинштейна, но не сошелся съ нимъ во вкусахъ и въ правилахъ стихосложенія, которыя г. Рубинштейнъ, по праву генія, хотѣлъ было вновь сочинить, спеціально и примѣнительно для своихъ лишь композицій.

Владимірскій — издатель «Петербургскаго Листка». Почтенное имя это начало украшать собою петербургскую прессу съ семидесятыхъ годовъ и, притомъ, въ двухъ экземплярахъ: Владимірскаго-pére'а и Владимірскаго-

fils'a. Къ тому-же времени относится слѣдующій анекдотъ:

Нѣкто въ компаніи сталъ похваляться тѣмъ, что у него *Владимірскій крестъ на шеѣ*, а случившійся здѣсь одинъ изъ соиздателей «Петербургскаго Листка» на это возразилъ:

— Помилуйте! У меня *два Владимірскихъ на шеѣ*, да я и то молчу!

Нынѣ существуетъ одинъ лишь Владимірскій, бывшій fils'омъ и, всеконечно, имѣющій всѣ права титуловаться и ре́ге'омъ. Хорошій человѣкъ, общительнаго, веселаго нрава и, хотя, по нѣсколько мрачной и зловѣщей внѣшности, имѣетъ видъ настоящаго «разбойника пера», но, на самомъ дѣлѣ, невиненъ, какъ агнецъ... по крайней мѣрѣ, въ грѣхахъ литературныхъ. Принадлежитъ къ категоріи тѣхъ типичныхъ «журнальныхъ дѣятелей», которые соизмѣряютъ процвѣтаніе отечественной журналистики и свои успѣхи въ ней по количеству получаемаго ими дивиденда на свой капиталъ, вложенный въ изданіе.

Владиславлевъ, профессоръ психологіи,—одинъ изъ вольно-практикующихъ философовъ Васильевскаго острова, обогатившій въ свое время нашу литературу многими по своей спеціальности трактатами и статьями. Не очень давно безъ имени г. Владиславлева почти немыслимъ былъ ни одинъ толстый «серьезный» журналъ; нынѣ-же г. Владиславлевъ окончательно вытѣсненъ съ почетнаго поста *перваго* журнальнаго философа плеядой юныхъ Аристотелей и Кантовъ, съ г. Михайловскимъ во главѣ. Славное имя его давно уже не красуется на обертках журналовъ и, вообще, исчезло изъ обращенія на рынкѣ ученo-литературныхъ цѣнностей. Впрочемъ, читатели едва-ли отъ этого въ потерѣ, ибо для нихъ, и безъ философскихъ трактатовъ г. Владиславлева, всегда находится въ текущихъ журналахъ довольно «серьезныхъ» статей, которыхъ они никогда не разрѣзываютъ, чѣмъ и поддерживается въ нихъ культъ благоговѣйнаго поклоненія философскому глубокомыслію... Г. Владиславлевъ могъ-бы этимъ утѣшиться въ своемъ теперешнемъ уединеніи.

Водовозовъ, В. И. — почтенный старецъ-педагогъ, издавшій на своемъ вѣку столько учебниковъ и всякихъ «руководствъ», сколько у него волосъ на головѣ не было даже и въ молодости. Вопреки извѣстному афоризму, что «науки однихъ юношей *питаютъ*», старцамъ-же всего лишь невещественную «отраду подаютъ»,—г. Водовозовъ, благодаря своей издательской предпріимчивости, обрѣлъ для себя въ «наукахъ» такую *питательную* статью, которая и на самый алчный коммерческій аппетитъ составила-бы лакомый кусочекъ. Его «руководства» и «пособія», главнымъ образомъ по исторіи русской словесности, справедливо, впрочемъ, пользуются распространенностью за свою толковость и общедоступность.

Волковъ—дворянинъ и землевладѣлецъ санктъ-петербургской губерніи, на поприщѣ-же славы—homo novus. Самая искусная стряпуха не съумѣетъ съ такой чудодѣйственной быстротою выпечь блинъ, съ какою г. Волковъ вдругъ выпекся было у насъ въ россійскаго Дантона на восторгъ и удивленіе современниковъ. Это случилось въ эпоху освѣжительныхъ «вѣяній». Въ одно прекрасное утро, г. Волковъ, засѣдая въ губернскомъ собраніи мѣстнаго дворянства, всталъ со своего стула безъизвѣстнымъ и обыкновеннѣйшимъ смертнымъ, постоялъ съ минутку въ позѣ Цицерона, изрекъ нѣ-

которое *слово* и — сѣлъ на тотъ-же стулъ уже всероссійски-знаменитымъ героемъ. «Слово» г. Волкова произвело въ свое время огромную сенсацію и, благодаря гласности и алчности россіянъ ко всему смѣлому и запретному (но только вчужѣ), безъ сомнѣнія, облетѣло всѣ интеллигентныя сферы въ столицѣ, и въ провинціи. Слѣдовательно, не констатируя его сущности здѣсь, мы не только свою невинность соблюдаемъ, но и славѣ г. Волкова ущерба не причиняемъ.

Волконскій, князь М. С.,—просвѣщенный товарищъ министра народнаго просвѣщенія. Извѣстенъ, кромѣ того, въ мірѣ желѣзнодорожномъ, какъ предпріимчивый концессіонеръ. Его концессіонерская дѣятельность выразилась, между прочимъ, въ крупномъ участіи по сооруженію и управленію грязе-царицынской желѣзной дороги, о цвѣтущемъ состояніи которой гласитъ слѣдующее текущій биржевой бюллетень: «акціи грязе-царицынской желѣзной дороги — 125 р. номинальныхъ; 94 р. — продавцы; покупателей нѣтъ». Во-вторыхъ, князь пользуется лестной извѣстностью въ сферѣ фешіонебльнаго спорта, какъ достопримѣчательный, страстный охотникъ и искусный стрѣлокъ. Въ-третьихъ... въ-третьихъ, быть можетъ, его сіятельство знаменитъ и еще на какомъ-нибудь поприщѣ, но, къ сожалѣнію, намъ сіе неизвѣстно.

Волконскій, князь С. В., — одинъ изъ тѣхъ «патріотовъ своего отечества» и истинно-*земскихъ* людей, которыхъ въ старину называли у насъ «лутчими». Гражданскія дѣянія князя С. В. не громки и не пышны, но весьма почтенны и стоютъ признательности потомства. Онъ былъ въ числѣ первыхъ ревнителей по освобожденію крѣпостныхъ, участвовалъ въ работахъ редакціонныхъ комиссій и стоялъ въ меньшинствѣ за полный одновременный выкупъ крестьянъ государствомъ; онъ много лѣтъ несъ съ честію службу землѣ въ роли предводителя дворянства и предсѣдателя земской (раненбургской) управы; онъ многократно призывался, какъ «свѣдущій человѣкъ, въ петербургскія комиссіи по разнымъ внутреннимъ, земскимъ вопросамъ, включительно до вопроса объ искорененіи пьянства.

Волкенштейнъ — жардиньерочный ботаникъ, соревнователь петербургскаго общества садоводства, его штатный поэтъ, исторіографъ, протоколистъ и экспертъ. Редактируетъ курьезный «Журналъ садоводства» и, вообще, всячески обогащаетъ жардиньерочную литературу.

Волоцкой—петербургскій мировой судья-юмористъ, одинъ изъ многочисленныхъ въ средѣ мироваго института подражателей знаменитаго судьи Трофимова, который первый догадался превратить храмъ Ѳемиды въ балаганно-увеселительный «театръ», а судопроизводство—въ арлекинаду, гдѣ нелицепріятный судія, для потѣхи публики, надѣваетъ шутовскіе колпаки на тяжущихся и ихъ повѣренныхъ и на самого себя, и гдѣ, вмѣсто статей «Свода законовъ», цитируются статейки и куплетики «Стрекозы» или, просто, крѣпкіе, самоцвѣтные перлы «народной мудрости»... Впрочемъ, г. Волоцкой, не имѣя и капли остроумія своего прототипа, отличался не столько юморомъ, сколько самодурствомъ и взбалмошностью дурно воспитаннаго и, притомъ, почему-то невыспавшагося человѣка.

Вольфа товарищество — извѣстная петербургская издательско-книгопродавческая фирма, краса и гордость

Quorum pars nonnulla fui.

дозв. ценз. С.-ПЕТЕРБ., 9 ноября 1883 г.

Русская Графическая Мастерская М. Д. Рудомётова. Старо-Петергофскій, № 10.

гостиннаго двора, вообще, и книжнаго «ряда», въ особенности. Нужно сказать нѣсколько словъ о недавно скончавшемся достославномъ родоначальникѣ этой фирмы, Мавpикіѣ Осиповичѣ Вольфѣ. Безспорно, Мавpикій Осиповичъ былъ недюжинный человѣкъ и, по степени просвѣщенности, знанію дѣла и ширинѣ предпріимчивости, у него не было соперниковъ въ нашемъ книгопродавческомъ мірѣ. Его издательская дѣятельность была монументальная и ея результаты, по вѣсу и объему поглощенной ею печатной бумаги, составили-бы, въ сложности, величину, равную Монблану. На праздновавшемся лѣтъ пять тому назадъ юбилеѣ двадцатипятилѣтія своей дѣятельности, М. О. торжественно заявилъ своимъ изумленнымъ гостямъ, что у него въ складахъ лежитъ книжнаго «товара» на пять милліоновъ рублей (конечно, по номинальной цѣнѣ); но, при этомъ, добавилъ, съ меланхолическимъ вздохомъ, что «товаръ» этотъ—увы и ахъ!—на рынкѣ цѣнностей и съ точки зрѣнія коммерческой стоитъ дешевле оберточной бумаги и даже пареной рѣпы. Покойникъ могъ-бы, въ этомъ случаѣ, подкрѣпить свои слова ссылкой на живые примѣры изъ личной практики, когда онъ самъ по такой точно оцѣнкѣ скупалъ книжный «товаръ» у прогорѣвшихъ издателей и авторовъ.

Въ своей издательской дѣятельности фирма Вольфа сходится нѣсколько со вкусами Собакевича, у котораго, какъ припомните, «коли свинина — всю свинью давай на столъ, баранина — всего барана тащи»... Точно также и Вольфы не любятъ пачкаться мелочами: ужь у нихъ коли *изданіе*— такъ чуть не съ гору, въ безчисленномъ количествѣ томовъ, и что ни томъ, то—въ своемъ родѣ Собакевичъ, толстый и обломистый, in folio, съ сотнями картинокъ, политипажей и всякихъ типографскихъ биляндрасовъ. Ну, натурально, и цѣна вольфовскимъ изданіямъ такая, что ой—ой! Такихъ «капитальныхъ» изданій покойный Вольфъ произвелъ множество; вѣнцомъ-же ихъ и, какъ-бы, заключительнымъ камнемъ воздвигнутаго имъ книжнаго Монблана явилось, понынѣ еще не конченное, коллосальное и великолѣпное, иллюстрированное изданіе: «Живописная Россія», съ которымъ покойникъ «носился и нянчился», по его выраженію, какъ со своимъ «дорогимъ дѣтищемъ», видѣлъ въ немъ свою «гордость гражданина» и даже «памятникъ, который мы, *мы*, товарищество Вольфа, Dei gracia, думали по себѣ оставить Россіи».

Слѣдуетъ замѣтить, что «дѣтище» это, дѣйствительно, *дорогое,* а именно: по 15 руб. за томъ, всѣхъ-же томовъ выйдетъ *восемь;* слѣдовательно, цѣна всей этой книжечки будетъ 120 руб., а съ пересылкой—полтораста!!!

Наслѣдники знаменитаго М. О. продолжаютъ заведенное имъ дѣло, не ослабѣвая и не съуживая его размѣровъ. Это хорошо, но будетъ еще лучше, если молодые Вольфы оставятъ ту спекулянтскую сноровку, тотъ оттѣнокъ рыночной фабричности, которыми — нечего грѣха таить — отличались до сихъ поръ очень многія вольфовскія изданія.

Волынская — одна изъ каскадныхъ примадоннъ русской оперетки и — само собой разумѣется—школы Лентовскаго, въ театрѣ котораго разцвѣла и прославилась сперва на всю Москву, потомъ на весь Петербургъ, а затѣмъ и на всю Россійскую имперію.

Воронинъ — профессоръ ботаники, прославившійся, однако, отнюдь не своей ученостью, а... съ позволенія

сказать, своими банями въ Фонарномъ переулкѣ. Странная игра фортуны, дающая право предположить, что въ числѣ баньщиковъ г. Воронина скрываются, легко можетъ быть, Гумбольдты, Бюффоны и Кювье,—и это тѣмъ болѣе, что въ изысканно-роскошныхъ, по отдѣлкѣ, воронинскихъ баняхъ моютъ, обыкновенно, прескверно. Добавимъ, что г. Воронинъ извѣстенъ еще, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ домовладѣльцевъ Петербурга, что тоже, кажется, къ области ботаники не относится.

Воропановъ—малоизвѣстный и малочитаемый журнальный политико-экономъ, довольно рѣшительнаго образа мыслей, въ стилѣ—сухой и сжатый, какъ прессованное сѣно. Безпощадный критикъ существующей въ достолюбезномъ отечествѣ финансово-экономической системы, что, однакожь, не мѣшаетъ ему служить чиновникомъ въ министерствѣ финансовъ. Впрочемъ, человѣкъ симпатичный и даже сердобольный, какъ это явствуетъ изъ того, что г. Воропановъ безвозмездно состоитъ казначеемъ въ благотворительномъ «нищенскомъ комитетѣ»... то, бишь!—въ «обществѣ литературнаго фонда».

Вреденъ, профессоръ политической экономіи и статистики,—на самомъ дѣлѣ совершенно *не вреденъ*, и какъ человѣкъ, и какъ политико-экономъ; исполняетъ должность дѣйствительнаго статскаго Адама Смита при какой-то «хозяйственной» канцеляріи; участвуетъ временами въ различныхъ учено-снотворныхъ говорильняхъ и потомъ съ удовольствіемъ прочитываетъ свои «рефераты» и свое имя въ никѣмъ, обыкновенно, нечитаемыхъ газетныхъ «отчетахъ» объ этихъ говорильняхъ; вложилъ не малый «вкладъ» въ сто одинъ томъ «трудовъ» «коммиссіи имярекъ» по ученотехническому переливанію изъ пустаго въ порожнее; написалъ нѣсколько учебниковъ и «курсовъ» по своей спеціальности, а также статей и трактатовъ. За всѣмъ тѣмъ, сколько извѣстно, пороху не выдумалъ и при открытіи Америки не присутствовалъ.

Всеволожскіе—фамилія, до послѣдняго времени славившаяся тѣмъ, что ее носитъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи родовъ, ведущихъ свое начало со временъ откуповъ и разцвѣта золотопромышленности. Одинъ изъ нынѣшнихъ Всеволожскихъ (Н. А.), бывшій таврическій губернаторъ, владѣетъ, напр., 800 т. десятинъ земли, не считая другихъ «маетностей».

И. А. Всеволожскій—пріумножилъ славу своей фамиліи еще и служеніемъ музамъ, на постѣ директора императорскихъ театровъ. Музы, по женской природѣ, капризны и своенравны; чтобы управлять ими и успѣшно содѣйствовать ихъ производительности—нужны опытъ, неусыпная энергія и твердый характеръ, т. е., все то, чего, говорятъ, не достаетъ г. Всеволожскому. Представитель большаго свѣта, очень добрый, мягкій человѣкъ, просвѣщенный дипломатъ, по воспитанію и предшествовавшей службѣ, тонкій эстетикъ и, отчасти, самъ художникъ (И. А. славится, какъ бойкій каррикатуристъ), г. Всеволожскій, на поприщѣ театральнаго директорства заявилъ себя цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ обѣщаній и «благихъ начинаній» на пользу отечественной сцены—несомнѣнно искреннихъ и прекрасныхъ по мысли, но, къ сожалѣнію, оставшихся въ области pium desiderium. Это можно сказать о судьбѣ всей почти театральной реформы, произведенной г. Всеволожскимъ, весьма

много обѣщавшей, но принесшей довольно тощіе плоды.

Вырубовъ — офранцузившійся россіянинъ, продолжающій, впрочемъ, сидя безвыѣздно въ Парижѣ, любить отечество, что и доказалъ въ минувшую нашу войну съ турками своимъ участіемъ, въ качествѣ врача, въ дѣятельности «Краснаго Креста», въ тылу русской арміи. Кромѣ того, г. Вырубовъ довольно дѣятельно участвовалъ прежде въ петербургской журналистикѣ, обогащая ее своими философскими статьями и политическими корреспонденціями «изъ прекраснаго далека», и—было время, что русскіе читатели благоговѣйно взирали на него, какъ на великаго философа-публициста, хотя, правду сказать, ничѣмъ великимъ онъ ни разу не обмолвился. У читателей такая вѣра въ г. Вырубова сложилась подъ впечатлѣніемъ того факта, что онъ въ Парижѣ терся среди европейскихъ свѣтилъ науки, былъ въ дружбѣ съ знаменитымъ Литтре, издавалъ вмѣстѣ съ нимъ журналъ «Позитивная Философія» и, по этой причинѣ, считался однимъ изъ апостоловъ сей послѣдней.

Вышнеградскій, И. А., математикъ, профессоръ механики,—большой и грузный корабль, съ большимъ плаваніемъ по пучинамъ финансово-акціонернаго міра. Счастливцы изъ простыхъ смертныхъ родятся въ сорочкѣ, а г. Вышнеградскій родился на свѣтъ готовымъ директоромъ акціонернаго «общества по вымолачиванью ржи на обухѣ» и тотчасъ-же по выходѣ изъ утробы матери росписался въ полученіи награды за то, что родился, на славу и гордость плутократіи и концессіонерско-акціонернаго живоглотства. Съ той поры перезасѣдалъ въ директорскихъ креслахъ всевозможныхъ банковъ, обществъ и компаній (нынѣ особенно радѣетъ о пивоваренной славѣ завода «Баварія») и переглоталъ столько «кушей» и «окладовъ», сколько хватило-бы на покупку евреямъ земли Ханаанской. Одновременно преуспѣвалъ и въ государственной службѣ, гдѣ достигъ «степеней извѣстныхъ» и не малыхъ отличій, какъ это явствуетъ, между прочимъ изъ того, что на послѣдней всероссійской выставкѣ въ Москвѣ онъ занималъ почетный постъ «главнаго комиссара».

Г.

Габель — музыкантъ, пѣвецъ и просто добрый малый. Кажется, сродни нѣсколько пресловутому доктору Цыбулькѣ; во всякомъ случаѣ, одновременно съ нимъ и со множествомъ другихъ соотечественниковъ-чеховъ, прибылъ въ Россію шить себѣ шубу во имя всеславянскаго братства. Нынѣ г. Габель уже въ шубѣ, съ которой можно его отъ души поздравить, такъ какъ она сшита на счетъ несомнѣннаго дарованія и искусства.

Гаевскій, В. П. — дѣйствительный статскій совѣтникъ, по табели о рангахъ, адвокатъ и «дѣлецъ» по профессіи, «любитель просвѣщенія», словесности и искусствъ, включительно до кулинарнаго, по внутреннему призванію,—словомъ, то, что называется—«и швецъ, и жнецъ и въ дуду игрецъ». Ловкій человѣкъ, Викторъ Павловичъ всюду поспѣваетъ и на всѣ руки мастеръ: онъ и въ журналахъ пописывалъ, и въ сочиненіи и защитѣ крючкотворныхъ «ходатайствъ» собаку съѣлъ не плоше всякаго другаго «прелюбодѣи мысли»; онъ и Пушкина, походя, цитируетъ наизусть, и въ ссылкахъ на статьи «Вексельнаго Устава» не собьется; онъ и въ литературно-артистическихъ «сообществахъ» представительствуетъ «съ честью», и въ мірѣ плутократіи и акціонернаго «гэшефта»—свой человѣкъ; покровитель и знатокъ музыкальнаго искусства, онъ до тонкости знаетъ смакъ и въ эпикурейскихъ наслажденіяхъ гастрономіи и бонвиванства. Добавимъ, что Викторъ Павловичъ одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ средѣ столичной интеллигенціи и недоброжелателей не имѣетъ, ибо представляетъ собою олицетворенную благовоспитанность, покладистость, „умѣренность и аккуратность“. Вѣроятно, въ молодости былъ-бы очень хорошъ въ роли Молчалина, если-бы, конечно, игралъ на сценѣ.

Гайдебуровъ, П. А. — журналистъ, издатель газеты „Недѣля“, одна изъ „силъ“ петербургской большой прессы. Безспорно заслуженная г. Гайдебуровымъ извѣстность, какъ журналистомъ честнымъ и неизмѣнно прогрессивнымъ, носитъ, однако, на себѣ отпечатокъ нѣкотораго довольно фатальнаго и нѣсколько комическаго не-

9

Любимыя дѣти Александринской Таліи.

Дозв. ценз. С.-Петерб., 23 ноября 1883

доразумѣнія. Смирный, осторожно-разсчетливый практикъ, не особенно-бойкій писатель и еще менѣе рѣшительный реформаторъ, не разъ обмолвившійся наивно-идиллическими иллюзіями, граничившими съ идеалами съ одной стороны—Кифы Мокіевича, съ другой—философа Емели, Павелъ Александровичъ, тѣмъ не менѣе, пріобрѣлъ себѣ во время оно не совсѣмъ удобную славу и въ публикѣ и въ глазахъ начальства, какого-то страшно „краснаго“ и опаснаго enfant terrible россійскаго либерализма. Едва-ли былъ и есть у насъ другой органъ, который испыталъ-бы столько репрессивныхъ каръ и гоненій, сколько вынесла ихъ въ прошломъ газета г. Гайдебурова.

За издателемъ «Недѣли» упрочилась репутація «страшнаго ребенка» и осталась за нимъ отчасти до нашихъ дней, несмотря на то, что онъ давно уже сталъ солиднымъ и степеннымъ мужемъ, мастерски умѣющимъ лавировать среди подводныхъ камней и мелей журнальнаго моря. Извѣстно, что въ послѣднее время «Недѣля», никогда, впрочемъ, не отличавшаяся самостоятельностью «направленія», завязнувъ на полдорогѣ между «народничествомъ» радикальнаго оттѣнка и кваснымъ народофильствомъ «Руси», не только круто свернула съ опасной тропы либерализма, но очутилась—кажется, неожиданно для самой себя—въ рядахъ ярыхъ гонителей сего послѣдняго.

Галаганъ—представитель одной изъ наивельможнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій малороссійской знати. Другъ «грековъ и латиновъ», и вѣроятно г. Каткова, увѣковѣчилъ свое имя основаніемъ на свой коштъ классической коллегіи въ Кіевѣ, въ память своего умершаго сына. Во всякомъ случаѣ—дѣло доброе, заслуживающее признательности современниковъ и потомства.

Галаховъ, А. Д.—одно изъ популярнѣйшихъ именъ среди грамотной Россіи. По учебнику русской словесности и хрестоматіямъ Галахова обучался несмѣтный рядъ поколѣній, проходившихъ гимназическій курсъ. «По Галахову» мы въ юности впервые вкусили и познали сокровища и красоты отечественной изящной словесности: объ руку съ нимъ мы всходили на высоты россійскаго Парнаса и Геликона, преклонялись передъ божественнымъ Аполлономъ и внимали Аполлону Майкову, вдохновлялись краснорѣчіемъ отечественныхъ Златоустовъ и Цицероновъ, восхищались «высокимъ» слогомъ нашихъ Геродотовъ и Тацитовъ и заслушивались народными сказками и былинами.

Какъ систематизаторъ-эстетикъ и педагогъ, г. Галаховъ всегда отличался научной обстоятельностью, трезвымъ критическимъ взглядомъ и правильнымъ вкусомъ; но на его долгомъ вѣку столько произошло переворотовъ и въ «теоріи поэзіи» и въ общественно-литературныхъ взглядахъ, а русская словесность пріумножилась столькими новыми, своеобразными талантами, что за тѣми и другими онъ не всегда изловчался поспѣвать, а подъ конецъ и совсѣмъ отсталъ. Въ своей, очень трудолюбиво написанной, «Исторіи русской словесности», цѣнной, впрочемъ, не столько своимъ текстомъ, сколько «примѣчаніями», г. Галаховъ остановился на литературѣ 20-хъ годовъ и, если не ошибаемся, дальше не пошелъ. Suum cuique!

Галкинъ-Врасскій, М. Н.—администраторъ, достигшій трудомъ и талантливостью «степеней извѣстныхъ», и не только «степеней извѣстныхъ»

(что еще не особенно удивительно), но и всеобщаго уваженія и симпатіи въ публикѣ. Прославился впервые на губернаторскомъ поприщѣ, какъ начальникъ дѣятельный и просвѣщенный, справедливый и милостивый, за что, при разлукѣ, и удостоился отъ признательныхъ россіянъ подвѣдомственнаго района необыкновенно радушныхъ и торжественныхъ проводовъ. Нынѣ стоитъ на челѣ тюремнаго вѣдомства въ имперіи и признается однимъ изъ солиднѣйшихъ и компетентнѣйшихъ тюрьмовѣдовъ. При вступленіи на этотъ постъ, возбудилъ толки въ печати и обществѣ о «коренныхъ» реформахъ по тюремной части и, какъ было слышно, выработалъ на этотъ предметъ рядъ проектовъ, въ которые, однакожъ, не входитъ упраздненіе тюремъ, что было-бы, конечно, самой лучшей въ данномъ случаѣ реформой, если-бы только въ тюрьмахъ упразднилась и надобность.

Галлеръ, К. П.—музыкальный критикъ, большой меломанъ и немножко композиторъ. Мягкій, рыхлый и добродушнѣйшій человѣкъ, внѣ музыки—невиненъ, какъ агнецъ; за то жестокъ и неумолимъ тамъ, гдѣ дѣло коснется нарушенія священныхъ правъ «контрапункта» и «генералъ-баса», въ честь которыхъ онъ и переломилъ множество копій въ полемическомъ бою со своими музыкальными супостатами.

Ганецкій, генералъ-отъ-инфантеріи,—маститый воинъ, сподвижникъ на полѣ чести почти всѣхъ знаменитыхъ русскихъ полководцевъ послѣдняго полустолѣтія, завершилъ свою долголѣтнюю боевую службу геройскимъ подвигомъ, поставившимъ его самого въ рядъ славнѣйшихъ военноначальниковъ нашего времени. Участвуя въ достопамятномъ «сидѣніи» подъ Плевной, въ качествѣ командира гренадерскаго корпуса, не далъ, со своими войсками, прорвать наше «желѣзное кольцо» героическому Осману-пашѣ, храбро выдержалъ его натискъ и заставилъ положить оружіе. Нынѣ, увѣнчанный лаврами, побѣдитель Османа-паши состоитъ комендантомъ славной Петропавловской крѣпости.

Ганзенъ—магнетизеръ и очень находчивый нѣмецъ; освистанный въ своемъ Vaterland'ѣ, какъ шарлатанъ, догадался эмигрировать nach Russland, гдѣ и обрѣлъ поклонниковъ, патентъ на знаменитость и немалую толику «презрѣннаго металла», въ видѣ пошлины съ нашего «просвѣщеннаго» суевѣрія и «интеллигентнаго» невѣжества. Въ свое время «гипнотическіе» сеансы Ганзена произвели въ Петербургѣ цѣлое событіе; чтобы взглянуть на чародѣя и какъ онъ, мановеніемъ перста, любаго «блондина» лишаетъ воли, обращаетъ въ безчувственное состояніе, а потомъ еще пляшетъ у него на брюхѣ,—любознательная публика (точно ей все это въ диковину!) брала штурмомъ мѣста, доходила до «протоколовъ» въ участкѣ и чуть было не разнесла по кирпичикамъ Соляной городокъ. Даже жрецы нашей медицины встревожились и, подъ знаменемъ патентованной науки, яростно ополчились, съ профессоромъ Тархановымъ на челѣ, противъ заѣзжаго жреца науки самозванной. Походъ этотъ былъ, однако, не особенно счастливый: пришлось признать, что «много есть на свѣтѣ такого, о, другъ Гораціо, о чемъ и не снилось нашимъ мудрецамъ»...

Гантоверъ—не то собирательное, не то нарицательное имя цѣлаго созвѣздія адвокатовъ. На подобіе того, какъ на тверди небесной существуютъ созвѣздія «дракона», «гидры», «возничаго съ козою», и т. д., точно

также существуетъ цѣлое созвѣздіе Гантоверовъ: Гантоверъ 1-й, Гантоверъ 2-й, Гантоверъ 3-й и т. д. Всѣ они—присяжные повѣренные, всѣ обоюдоострые, какъ законники, всѣ одинаково знаютъ, гдѣ раки зимуютъ въ конкурсахъ и опекахъ, всѣ одинаково не любятъ «кушей» (особенно маленькихъ); но, за всѣмъ тѣмъ, опредѣлить, гдѣ начинается Гантоверъ 1-й и гдѣ кончается Гантоверъ 2-й, 3-й и т. д.,—мы рѣшительно не компетентны.

Гаркави, А. Л.—профессоръ, извѣстный оріенталистъ, въ особенности-же знатокъ еврейской литературы, которая для него, притомъ,—литература отечественная. Оказалъ немалую услугу русской исторіи, трудолюбиво собравъ и издавъ на русскомъ языкѣ извѣстія древнихъ еврейскихъ и арабскихъ писателей о славяно-руссахъ и хозарахъ. Несмотря на сухость и точность своей спеціальности, не чуждъ поэтическихъ увлеченій въ юдофильскомъ жанрѣ; по крайней мѣрѣ, пробовалъ, на основаніи своей археологической фантазіи, доказывать присутствіе евреевъ въ древности во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара и чуть-ли даже самихъ загадочныхъ варяговъ, съ Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ, не выводилъ по прямому адресу изъ земли Ханаанской, въ прямомъ колѣнѣ отъ Авраама и Сары. Впрочемъ, г. Гаркави такой глубокій спеціалистъ, что простой читатель боится и заглянуть въ него, да, пожалуй, въ большинствѣ случаевъ не подозрѣваетъ и о его существованіи. Съ удовольствіемъ свидѣтельствуемъ, что онъ, точно, существуетъ и признается украшеніемъ науки.

Гаршинъ—лучшая надежда молодой беллетристики «Отечественныхъ Записокъ», но, кажется, гораздо менѣе чреватая талантомъ и художественной плодовитостью, чѣмъ протрубили о ней друзья и дружеская критика. Началъ г. Гаршинъ блистательно—превосходными, оригинальными по письму и проникнутыми жгучимъ чувствомъ человѣчности, разсказами о бойнѣ и страстотерпствѣ на войнѣ 1877 г., въ которой онъ лично принималъ участіе. Къ сожалѣнію, съ той поры выше, краше и лучше онъ ничего не написалъ. Муза его весьма скудна продуктивностью и до сихъ поръ ничего большаго, выдающагося не произвела... Впрочемъ, г. Гаршинъ еще молодъ и—будущность его впереди. Отличительная черта творчества г. Гаршина глубокое сомнѣніе въ жизни, въ счастьи, которыя въ глазахъ его и его героевъ оказываются печальной суетой суетъ, что, быть можетъ, и съ обстоятельствами дѣла согласно.

Гацисскій—одинъ изъ видныхъ, заслуженныхъ и почтенныхъ губернскихъ литераторовъ. Г. Гацисскій процвѣтаетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, кажется, въ качествѣ редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, и давно уже трудолюбиво, талантливо и основательно обогащаетъ своими трудами нижегородскую исторію, нижегородскую этнографію и статистику.

Ге, Н. Н.—профессоръ живописи, знаменитъ и славенъ своими историческими картинами: «Петръ I укоряетъ царевича Алексѣя», «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы», «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» и др. Кромѣ техническихъ достоинствъ письма, реализма и исторической точности портретовъ и бытовой обстановки, Н. Н. обладаетъ рѣдкимъ искусствомъ воспроизводить на своихъ картинахъ внутренній духъ, идею и характеръ дѣйствующихъ лицъ даннаго историческаго момента, данной сцены. Посмотрѣвъ, напр., на его

царевича Алексѣя, зритель уразумѣетъ эту несчастную личность, ея отношенія къ отцу и всю ея трагическую судьбу гораздо яснѣе и образнѣе, чѣмъ изъ прочтенія грузной пятитомной «Исторіи Петра Великаго» Устрялова. Это замѣчательное свойство таланта г. Ге проявилъ впервые въ своей извѣстной картинѣ «Тайная вечеря», которая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ произвела фуроръ въ публикѣ и литературѣ, и сразу сдѣлала имя ея автору.

Ге — неопредѣленныхъ занятій мущина, именующійся «драматургомъ»; написалъ, сколько помнится, «кумедь», въ четыре яруса, съ антресолями, съ турусами на колесахъ и великолѣпнѣйшимъ бенгальскимъ освѣщеніемъ: «Жестокая любовь или сапоги въ смятку»; написалъ также комедію «На новыхъ началахъ», въ которой, къ общему удивленію, нашелся человѣческій смыслъ, но это потому, что она оказалась цѣликомъ украденной у польскаго писателя Залевскаго, что г. Ге хотѣлъ было скрыть и даже не постыдился взять за чужую пьесу обманнымъ способомъ премію Вучины. Даемъ здѣсь мѣсто г-ну Ге единственно, какъ представителю цѣлой плеяды «лѣтіраторофъ», наводнявшихъ въ послѣднее время, къ стыду русскаго театра, своими невозможными, по безграмотству и нелѣпости, «дрррамами» александринскій репертуаръ.

Гебгардтъ — особа положительно безсмертная и несомнѣнно историческая въ Петербургѣ! Даже теперь, когда г-жа Гебгардтъ, на сто пятидесятомъ году жизни, промѣняла свое достославное имя на имя, плѣнившаго ее и бракосочетавшагося съ нею, акробата Роста, петербуржцы по прежнему зовутъ ее «Гебгардшей». Прославилась, какъ основательница и содержательница петербургскаго зоологическаго сада: типичная старуха, мафусаиловыхъ лѣтъ, вѣчно красующаяся въ старомодномъ голландскомъ головномъ уборѣ съ золотыми бляхами, безспорно представляетъ собою самый рѣдкостный «экземпляръ» въ своемъ звѣринцѣ и могла-бы показывать себя за деньги; но Herr Ростъ не утилизируетъ свою дражайшую половину для этой цѣли, потому что, и безъ того, дѣла зоологическаго сада идутъ блистательно.

Гедеоновъ, С. — историкъ, авторъ превосходной книги «Варяги и Русь», которая въ рукахъ новѣйшей русской исторической школы сослужила службу, своего рода, богатырскаго мечакладенца въ борьбѣ съ партіей норманнистовъ. Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, съ глубокой научностью, ясностью и остроуміемъ, г. Гедеоновъ выбилъ традиціонныхъ норманновъ со всѣхъ пунктовъ и позицій на пространствѣ всей русской исторіи и окончательно ихъ разсѣялъ такъ, что если они гдѣ-нибудь еще удержались, то развѣ только въ ветхихъ головахъ отсталыхъ историіографовъ кайдановопогодинскаго пошиба.

Гейнсъ—генералъ, блестящая карьера котораго представляетъ любопытный (хотя не единственный) образчикъ коловратности служебныхъ судебъ въ Россіи. Спеціалистъ по военно-академической части, этнографъ, великолѣпно изучившій Туркестанъ и описавшій его въ великолѣпной книгѣ, даровитый литераторъ-публицистъ, г. Гейнсъ въ одно прекрасное утро является на поприщѣ полицейской дѣятельности, въ высокой и отвѣтственной роли одесскаго градоначальника. Фактъ примѣчательный вдвойнѣ: во-первыхъ, онъ даетъ право заключить о разносторонности талан-

товъ почтеннаго генерала, а, во-вторыхъ, что изученіе геодезіи, топографіи, этнографіи и т. п. предметовъ дѣлаетъ у насъ счастливо одаренныхъ людей компетентными не только въ этихъ наукахъ, но и въ полицейской. Впрочемъ, сколько извѣстно, кратковременное градоправленіе г. Гейнса ничѣмъ особенно—творческимъ не ознаменовалось. Какъ публицистъ, г. Гейнсъ имѣетъ свой «взглядъ» и свое «нѣчто» по части субординаціонно-бюрократическаго переустройства Россіи, пишетъ свои статьи съ апломбомъ государственнаго ума и въ такой формѣ, чтобы онѣ, при случаѣ, могли послужить готовыми законопроектами, если не законоположеніями. По крайней мѣрѣ, его перу былъ приписанъ рядъ, въ такомъ именно смыслѣ составленныхъ статей, появившихся на странно-пріимныхъ листахъ одной «большой», но не пользующейся большимъ кредитомъ газеты.

Георгіевскій, А. И. — тайный совѣтникъ по табели о рангахъ, а также — и по своей дѣйствительной роли при нашемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. По крайней мѣрѣ, принципіальные враги классической системы, вообще, и ея главнаго проводника и архистратига— г. Георгіевскаго, въ частности, всегда старались, не скупясь на краски, изобразить почтеннаго Александра Ивановича, съ одной стороны, чѣмъ-то въ родѣ шекспировскаго Яго по отношенію къ министру, а, съ другой, какимъ-то классическимъ Полифемомъ относительно учащагося молодаго поколѣнія. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что г. Георгіевскій, представляя собою рѣдкій у насъ примѣръ человѣка *системы*, человѣка твердыхъ, опредѣленныхъ, хотя, можетъ быть, и нѣсколько крайнихъ взглядовъ, при всемъ томъ — безспорно талантливаго и блестяще образованнаго, былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ и ревностныхъ дѣятелей по насажденію въ русской школѣ классицизма, со всей сопровождавшей его, хорошо знакомой, ригорической обстановкой. Онъ же, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ дружномъ союзѣ съ гг. Катковымъ, Любимовымъ и покойнымъ Леонтьевымъ, бдительно стоя на стражѣ названной системы, являлся однимъ изъ самыхъ пламенныхъ и неутомимыхъ бойцовъ за нее и на публицистическомъ полѣ, нерѣдко, можно сказать, съ героической неразборчивостью въ средствахъ обороны, отражая сыпавшіеся на нее изъ непріятельскаго лагеря удары.

Можно быть противъ классической системы, но нельзя не признать, по отношенію лично къ г. Георгіевскому, что онъ послужилъ ей вѣрой и правдой, какъ дай Богъ, чтобы служили дѣлу всѣ русскіе чиновники. Въ пользу его твердости и постоянства убѣжденій говоритъ, между прочимъ, то, что онъ остался вѣренъ своему знамени даже и тогда, когда оно на одну минуту, какъ казалось, было свернуто, и, рискуя своимъ положеніемъ, не говоря уже о популярности (которой, впрочемъ, А. И. никогда не пользовался), мужественно продолжалъ, всевозможными путями, отстаивать и *свою*, какъ казалось, разрушавшуюся систему и ея главнаго творца, прямо въ упоръ и новымъ «богамъ», и новымъ «вѣяніямъ», и побѣдоносному кличу враждебнаго лагеря, не долго, однако, торжествовавшаго...

Оффиціальное положеніе А. И. опредѣляется постомъ предсѣдателя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, до котораго онъ достигъ долголѣтней службой въ учеб-

номъ вѣдомствѣ—сперва въ качествѣ профессора ришельевскаго лицея, потомъ редактора «Журнала Министерства Народн. Просвѣщ.» и т. д. Не мало потрудился онъ и на учено-литературномъ поприщѣ: кромѣ множества приписывавшихся его перу газетныхъ полемическихъ, такъ называемыхъ, «министерскихъ» статей, онъ принималъ дѣятельное участіе въ различныхъ журналахъ, какъ-то: «Сіонъ», «Пропилеи» и пр. Изъ его спеціально-ученыхъ, отдѣльно изданныхъ трудовъ, библіофиламъ извѣстна книга: «Галлы въ эпоху Юлія Цезаря».

Герардъ — одинъ изъ выдающихся петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Краснорѣчивъ, пылокъ и стремителенъ; но, подобно всѣмъ собратамъ-«софистамъ» даже самой «чистой воды», способенъ съ одинаковымъ жаромъ и убѣдительностью распинаться и за угнетенную невинность, и за угнетающій ее порокъ, и за дѣву Орлеанскую и за мать Митрофанію (конечно, если защита послѣдней щедро оплачена)... Положимъ, ни дѣвы Орлеанской, ни матери Митрофаніи г. Герардъ не защищалъ, но злопамятные современники никогда не забудутъ, какъ онъ исторгалъ благодарныя слезы у купца Овсянникова и его сообщниковъ, по знаменитому поджогу, своими пламенными рѣчами въ ихъ оправданіе, увы! не состоявшееся. Добавимъ, что г. Герардъ — артистъ въ душѣ и любитъ посвящать свои досуги драматическому искусству. Его видѣли на домашнихъ любительскихъ сценахъ, гдѣ онъ является всегда въ роляхъ благородныхъ героевъ и особенно хорошо декламируетъ извѣстный монологъ Чацкаго:

«А судьи кто?»...

Гердтъ — балетный танцовщикъ, солистъ, обладаетъ до того гибкими и выразительными ногами, что могъ-бы наглядно объяснять ими алгебраическія задачи, философскія схемы и санскритскіе суффиксы. По своей-же необычайной вертлявости, съ удобствомъ могъ-бы замѣнить шестерню въ любой паровой машинѣ, на условіи, конечно, приличныхъ «разовыхъ» и бенефиса. Титулуется онъ на афишахъ Гердтомъ 1-мъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что благодѣтельная природа производитъ Гердтовъ цѣлыми выводками для пущаго процвѣтанія петербургскаго балета.

Герье, В. И. — профессоръ всеобщей исторіи, одно изъ первостепенныхъ свѣтилъ московской университетской науки. Большой фаворитъ у старой грѣшницы Кліо, извѣстенъ своей короткой интимностью съ нею, а также необъятностью и неутомимостью приносимыхъ ей жертвоприношеній. Истый жрецъ науки, г. Герье, по начитанности и эрудиціи, едва-ли имѣетъ у насъ соперниковъ среди своихъ собратовъ — «всеобщихъ» историковъ, и, конечно, ученѣе всей Москвы и даже всей московской губерніи. Вопреки обычаю многихъ другихъ жрецовъ науки, обезпеченныхъ хорошими казенными окладами, непрестанно слѣдитъ за обширной литературой своего предмета и, въ качествѣ свѣтила, обильно разсѣеваетъ лучи своей учености въ средѣ не только университетскихъ слушателей, но и «черни непросвѣщенной». Говоримъ о многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ г. Герье (въ «Вѣстникахъ»: «Европы», «Русскомъ», «Историческомъ» и пр.), всегда очень научныхъ, очень обстоятельныхъ, очень глубокомысленныхъ и—само собою разумѣется, всегда очень «скучныхъ» на вкусъ

интеллигентной «черни». Впрочемъ, г. Герье, быть можетъ, и потому еще мало читается, что, будучи жрецомъ *чистой* науки, онъ слишкомъ высоко паритъ въ ея эмпиреяхъ, въ сторонѣ отъ преходящихъ, суетныхъ «злобъ» и «направленій», чтобы поглощенная ими послѣдними «чернь» могла и хотѣла до него подниматься.

Гивартовскій — потомственный почетный гражданинъ града Москвы, пріобрѣвшій весьма не почетную извѣстность на «скамьѣ подсудимыхъ». Впервые мы его видимъ на этой скамьѣ въ компаніи «излюбленныхъ» и «довѣренныхъ» попустителей хищенія общественнаго достоянія, проглядѣвшихъ, какъ у нихъ между пальцевъ ускользнули изъ охранявшейся ими кассы московскаго коммерческаго банка семь милліоновъ въ алчныя лапы всесвѣтнаго хапуги Струсберга. Еще съ большимъ стра̀момъ, подъ гулъ всеобщаго негодованія, предсталъ г. Гивартовскій предъ суровое лицо Ѳемиды въ наши дни, въ качествѣ «хозяина» фабрики, такъ заботливо и предусмотрительно устроенной, что въ ней не только превосходно выжималася сокъ изъ рабочихъ, но еще до семидесяти изъ нихъ, во время пожара, были съ совершенствомъ зажарены въ ней, какъ рябчики въ кастрюлѣ. На судѣ г. Гивартовскій пытался тронуть жестокую Ѳемиду, великодушно предложивъ (можете-ли себѣ представить?!) «до пяти тысячъ руб.» своимъ не совсѣмъ дожареннымъ рабочимъ-истцамъ, но, увы!—Ѳемида не тронулась и присудила московскаго тысячника къ четырехмѣсячному уединенію въ тюрьмѣ.

Гіероглифовъ—писатель, но скорѣе въ томъ отношеніи, что, дѣйствительно, очень много на своемъ вѣку *писывался* въ полученіи разныхъ непріятныхъ «повѣстокъ» за казенными печатями; журналистъ — издатель, но только потому, что подъ его фирмой совершена длинная серія журнально-издательскихъ скандаловъ и хищеній, въ родѣ, напр., сотворенной имъ, въ союзѣ съ художникомъ Микѣшинымъ, очень большой пакости съ подписчиками журнала «Пчела», которыхъ они обобрали и неудовлетворили, или, въ родѣ, пакости маленькой, произведенной имъ solo съ недавно предпринятой имъ, эфемерной газетой «Гласность», которая, по программѣ, обѣщала выходить два раза въ день, а, въ дѣйствительности, стала выходить разъ въ недѣлю и, устыдившись самой себя, на второмъ нумерѣ исчезла съ лица земли. Вообще, г. Гіероглифовъ въ журналистикѣ—своего рода «вѣчный жидъ», котораго онъ напоминаетъ, отчасти, своимъ изступленнымъ видомъ, а, главное, тѣмъ, что онъ вѣчно злоумышляетъ, хотя не всегда успѣшно, на уловленіе, плохо лежащаго, читательскаго рубля, вѣчно тонетъ и не утопаетъ, горитъ и не прогораетъ, и вовсе неуязвимъ ни для стыда, ни даже для X-го тома «Свода Законовъ». Прибавимъ, что многіе убѣждены, будто, никакого Гіероглифова на свѣтѣ не существуетъ, а это только замысловатый псевдонимъ, подъ которымъ скрывается *нѣкто*—весьма не церемонный и скандалезный предприниматель, съ крючкотворными и буйными наклонностями.

Гильтебрандтъ, П. А. — Его не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ «славнымъ рыцаремъ Гильтебрандтомъ», потому что П. А. Гильтебрандтъ и не «рыцарь», и не «славный», а просто чиновникъ, занимающійся изъ-за семейныхъ обстоятельствъ (— Жена, дѣти... Жалованьице малень-

кое... Дороговизна...) исторической литературой, какъ доходной статьею. Состоя членомъ нѣкоторыхъ «ученыхъ» обществъ, мастерски умѣетъ примащиваться къ ихъ изданіямъ на счетъ казенныхъ и общественныхъ суммъ, чѣмъ, главнымъ образомъ, и снискиваетъ пропитаніе. Въ послѣднее время занятъ изданіемъ по истинѣ египетскаго труда—именнаго и матеріальнаго словаря къ Священному Писанію, который, безъ сомнѣнія, будетъ находкой для богослововъ и самому плохому изъ нихъ доставитъ легкую возможность щеголять блестящей эрудиціей.

Гиляровъ - Платоновъ, — баккалавръ богословскихъ наукъ и редакторъ-издатель московской газеты «Современныя Извѣстія». Свѣдущій и талантливый публицистъ, но весьма своеобразнаго склада мыслей, носящаго тотъ характерный «особый отпечатокъ» всего истинно-московскаго, который еще подмѣтилъ Грибоѣдовъ и который весьма рельефно лежитъ на г. Гиляровѣ-Платоновѣ и его газетѣ. Иной разъ—читаешь—пишетъ дѣльно, толково, бойко, да, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, и брякнетъ «кололацы» Ивана Яковлевича Корейши, либо начнетъ козлогласовствовать, а не то запоетъ ку-ку-реку! Оригинальная смѣсь умнаго человѣка съ юродивымъ, пономаря съ публицистомъ и «любителя просвѣщенія» съ московской просфирней. Вообще, г. Гиляровъ-Платоновъ—человѣкъ анекдотическій, и «полное собраніе» сочиненныхъ имъ въ разное время литературныхъ юродствъ, богословскихъ nonsens'овъ, финансово-экономическихъ турусовъ на колесахъ и политическихъ парадоксовъ могло-бы составить цѣнный вкладъ въ нашу юмористическую литературу.

Гинцбургъ, баронъ,—громкое имя, при произнесеніи котораго у каждаго правовѣрнаго сына Израиля невольно протягивается рука почтительно снять ермолку, если только, разумѣется, онъ самъ еще не «баронъ», не «генералъ» и не живетъ на англійской набережной въ собственномъ палаццо съ ливрейными лакеями. Знаменитый родъ *барановъ* Гинцбурговъ ведетъ свое начало со временъ несчастливой и разорительной для Россіи крымской войны, когда, по преданію, сложенному русскимъ солдатомъ, самъ Господь Богъ въ ужасѣ «стоялъ на Араратѣ и смотрѣлъ, какъ грабятъ въ коммиссаріатѣ», при дружномъ содѣйствіи подрядчиковъ. Въ числѣ послѣднихъ выступилъ тогда впервые на историческое поприще славы, богатства и почестей и родоначальникъ нашихъ барановъ. Начавъ «поставку» чуть-ли не съ одной бочки зелена вина, онъ, путемъ патріотическаго усердія и посредствомъ какихъ-то геніально-искусныхъ химическихъ манипуляцій, превращавшихъ стоградусный пьяный спиртъ въ совершенно почти трезвую воду, въ кратчайшее время благопріобрѣлъ столько «карбованцевъ», сколько ихъ даже во снѣ не снилось самому библейскому царю Соломону, который, какъ извѣстно, умѣлъ зашибить копѣечку.

Впрочемъ, нынѣшній представитель фамиліи Гинцбурговъ ничего не имѣетъ общаго съ вышеизображеннымъ своимъ темнымъ родоначальникомъ (кромѣ, конечно, унаслѣдованныхъ отъ него капиталовъ), по роду и качеству занятій, да, можетъ быть, не любитъ объ этомъ и вспоминать. Баронъ—человѣкъ просвѣщенный, съ деликатными и изящными вкусами, весьма ревнивъ къ своему баронскому титулу и, яко баронъ, имѣетъ «свои фантазіи»,

части скудость своего таланта, особенно въ глазахъ театральныхъ рецензентовъ, лакомыхъ къ благосклонной женской красѣ. По жанру игры и амплуа, принадлежитъ къ безчисленнымъ соперницамъ и подражательницамъ неподражаемой Савиной; но благоразумно избѣгаетъ невыгоднаго для себя сравненія съ нею, подвизаясь большею частью на провинціальныхъ сценахъ и въ Москвѣ.

Глѣбова — извѣстная провинціальная актриса на драматическія роли, несомнѣнное дарованіе которой одобрено, можно сказать, всей Россійской имперіей, отъ «финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Втеченіе, довольно уже продолжительной, артистической карьеры своей, играла почти во всѣхъ губернскихъ театрахъ и своей игрою столько воспламенила казанскихъ, рязанскихъ, астраханскихъ и иныхъ сердецъ благороднымъ эстетическимъ *огнемъ*, что никогда не нуждалась ни въ топливѣ, ни въ освѣщеніи.

Годунъ — художникъ, въ рангѣ класснаго академика по исторической живописи. Благочестивый старецъ иконописнаго вида, въ византійскомъ стилѣ, съ аскетическими воззрѣніями на «прелесть» міра сего, что и доказалъ, много лѣтъ безпорочно прослуживши казначеемъ «спб. собранія художниковъ», въ кассовыхъ сундукахъ котораго никогда, впрочемъ, особенной «прелести» не содержалось. Какъ художникъ, г. Годунъ во времена незапамятныя былъ признанъ одной изъ «надеждъ» академіи и поощренъ отъ нея золотой медалью за довольно большую, но и довольно ординарную, рутинно-академическаго письма, картину: «Тѣнь Самуила предъ царемъ Сауломъ». Впослѣдствіи, однако, г. Годунъ презрѣлъ суетную славу и посвятилъ свою кисть «хлѣбной» иконостасной живописи.

Голенищевъ-Кутузовъ, графъ. — Не довольствуясь графскимъ титуломъ, возжелалъ заслужить еще и титулъ *поэта*, для чего, въ потѣ лица своего, написалъ множество рифмованныхъ строкъ, по всѣмъ правиламъ стихосложенія, и все на самые поэтическія тэмы: «О розѣ», «о лиліи», «о полевой незабудкѣ», «о зефирѣ», «Ей», «Княжнѣ NN», «Небожительницѣ», «Ручейку» и т. под. Похвальное прилежаніе его сіятельства не прошло незамѣченнымъ: его стишки печатались въ журналахъ, самолично читались имъ на литературныхъ чтеніяхъ передъ благосклонной публикой и, частію, изданы на его собственный коштъ отдѣльной книжкой. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о томъ — точно-ли гр. Голенищевъ-Кутузовъ *поэтъ*—остается по сіе время открытымъ, не говоря уже о литературныхъ зоилахъ, для которыхъ тутъ даже и вопроса никакого нѣтъ. Впрочемъ, графъ, кажется, еще молодой человѣкъ и, слѣдовательно, пока не можетъ быть лишенъ драгоцѣннаго права «подавать надежды» и пользоваться всѣми, присвоенными сему праву, преимуществами.

Голике — юркій и предпріимчивый петербургскій нѣмчикъ по печатному дѣлу. Вполнѣ компетентный и счастливый «редакторъ-издатель» визитныхъ карточекъ, бутылочныхъ ярлыковъ, афишекъ и т. под. литературныхъ произведеній, сталъ въ послѣднее время покушаться и на журнальную дѣятельность, но съ довольно перемѣннымъ счастьемъ. Такъ, издавалъ «Собранія картинъ», но безъуспѣшно; потомъ основалъ «художественно-юмористическій» журналъ «Осколки», каковой и понынѣ издаетъ въ союзѣ съ

г. Лейкинымъ довольно удачно, благодаря участію сего послѣдняго.

Голицынъ, князь Н. Н., — единственный въ своемъ *родѣ*, какъ въ буквальномъ, такъ и въ иносказательномъ смыслѣ слова. Говоримъ о той микроскопической, почти мнимой журнальной «силѣ», которая, подъ этимъ громкимъ титулованнымъ именемъ, скрывалась въ лицѣ редактора «Варшавскаго Дневника». Впрочемъ, князь Голицынъ и «Варшавскій Дневникъ» при немъ одинъ другаго стоили: первый постолько-же журналистъ и литераторъ, посколько послѣдній имѣлъ право на названіе *газеты*, и даже очень трудно сказать, кто для кого здѣсь существовалъ—князь-ли-редакторъ для «Дневника», или «Дневникъ» для редактора-князя, въ видѣ синекуры и казеннаго пособія за добродѣтели и за «ультра-консервативное направленіе», которое онъ особенно ставилъ себѣ въ заслугу? Послѣднее предположеніе всего вѣрнѣе, такъ какъ «Варшавскій Дневникъ», подъ редакціей князя, не представлялъ никакого иного raison d'être. Основанный и издаваемый на казенныя деньги, съ широкой и высокой задачей представлять и проводить въ привислянскомъ краѣ русскіе интересы, онъ, подъ руководствомъ кн. Голицына, въ состояніи быть только ронять эти интересы, своей безтактностью, неуклюжествомъ, невѣжествомъ а, порой, и совершенной дикостью взглядовъ. Это, наконецъ, было замѣчено и—кн. Голицына смѣстили, при чемъ оказались въ бюджетной отчетности редакціи «Дневника» кое-какія описки и какъ будто-бы растраты... Есть за кн. Голицынымъ и несомнѣнная заслуга: онъ — библіографъ и очень старательно собралъ и систематизировалъ свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ писательницахъ.

Головачовъ, Алексѣй Адріановичъ,—тотъ самый, о которомъ говорятъ не иначе, какъ—«нашъ извѣстный экономистъ и публицистъ». Несомнѣнно, А. А. имѣетъ довольно лестную репутацію и—что на Руси встрѣчается несравненно рѣже литературной извѣстности,—репутацію безукоризненно честнаго человѣка и гражданина, не только въ мнѣніи друзей, но и противниковъ своихъ. Какъ экономистъ, А. А.—ревностный фридредеръ, какъ публицистъ, принадлежитъ къ самымъ крѣпкимъ и непоколебимымъ столбомъ либеральнаго стана; твердъ и неподкупенъ въ убѣжденіяхъ, праведенъ и благочестивъ въ жизни, почти недоступенъ никакимъ слабостямъ, исключая развѣ грѣха большаго авторскаго самолюбія. Грѣхъ, тѣмъ легче извиняемый, что Алексѣй Адріановичъ имѣетъ всѣ права на уваженіе и признательность современниковъ за свои многочисленныя и замѣчательныя литературныя работы, изъ коихъ уже одна извѣстная и, въ своемъ родѣ, классическая книга его: «Десять лѣтъ реформъ», ставитъ его на ряду съ лучшими русскими публицистами нашего времени. Перо свое г. Головачовъ посвящаетъ, главнымъ образомъ, вопросамъ экономическимъ и финансовымъ, являясь безпощаднымъ критикомъ всѣхъ промаховъ, злоупотребленій и аномалій въ различныхъ отрасляхъ вѣдѣнія народнаго хозяйства. Всегда строго-логичный, съ ногъ до головы вооруженной убійственными цифрами и, при всемъ томъ, всегда одушевленный ревностью къ общественному благу, онъ безстрашно и глубоко разсѣкаетъ ножемъ анализа разныя наши политико-экономическія и финансовыя болячки, не об-

— *Отчего я такъ много доволенъ?*
— *Оттого я много доволенъ, что всѣхъ я люблю.*

Дозв. ценз. с.-петерб., 17 окт. 1884

ращая вниманія—нравится-ли это, или не нравится вѣдающимъ эти болячки и нерѣдко усиливающимся стыдливо прикрыть ихъ красиво и хитро сплетенными повязками съ надписью: «Все обстоитъ благополучно»... Вѣдающіе знаютъ А. А. съ этой стороны и нерѣдко, несмотря на свое олимпійское величіе, позволяютъ себѣ пококетничать съ нимъ. Благодаря тѣмъ-же качествамъ, г. Головачовъ пользуется значительной популярностью въ средѣ петербургской промышленно-капиталистической интеллигенціи; засѣдалъ одно время въ правленіи «с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита», но—«блаженъ мужъ иже не идетъ на совѣтъ нечистивыхъ»—высидѣлъ тамъ очень недолго, убѣдившись, что одинъ въ полѣ не воинъ. Потомъ, не разъ громилъ правленіе на общихъ собраніяхъ, но также безуспѣшно, быть можетъ, потому отчасти, что А. А.—ораторъ, не изъ «блестящихъ».

Головнинъ, Александръ Васильевичъ,—бывшій министръ народнаго просвѣщенія (съ 1861 по 1866 г.), нынѣ членъ государственнаго совѣта. У насъ немного было министровъ, которые въ столь короткій срокъ упрочили-бы за собой такую незыблемую и широкую популярность, какою пользуется г. Головнинъ въ средѣ русскаго общества и русской печати, за изъятіемъ развѣ немногочисленныхъ сторонниковъ г. Каткова, столько вотще потратившаго своихъ грязныхъ чернилъ на помраченіе добраго имени Александра Васильевича. Нужно замѣтить, что этой популярности много способствовалъ слишкомъ рѣзкій контрастъ между льготно-реалистической системой просвѣщенія г. Головнина и смѣнившейся сурово-классической, такъ что и до сихъ поръ многіе «отцы», и «дѣти» не перестаютъ малодушно вздыхать о благодатныхъ временахъ г. Головнина, какъ, въ нѣкоторомъ родѣ, о «золотомъ вѣкѣ», когда «науки юношей питали» и «отраду старцамъ подавали», на самыхъ общедоступныхъ, льготныхъ основаніяхъ.

Голубевъ — желѣзнодорожный козырный тузъ, съигравшій однажды очень козыристую «пульку», на самопрославленіе, съ тузомъ фельетоннымъ, г. Незнакомцемъ. Задѣтый обличительнымъ перомъ г. Незнакомца, г. Голубевъ прибѣгъ къ очень оригинальному способу «опроверженія»: онъ взялъ въ наймы на цѣлый мѣсяцъ первыя страницы нѣсколькихъ газетъ и ежедневно въ нихъ печаталъ стереотипомъ вывѣсочными шрифтами, что «онъ, Голубевъ, есть невинный агнецъ, а г. Незнакомецъ есть авторъ лжи и клеветы». Игра вышла очень азартная и дорогая, но цѣль была достигнута: и себя самого г. Голубевъ прославилъ, и г. Незнакомцу прибавилъ извѣстности процентовъ на девяносто. За мелки и карты заплатилъ, конечно, одинъ г. Голубевъ.

Гольдбергъ, Исидоръ, — типографщикъ, словолитчикъ, комиссіонеръ и, вообще, необыкновенно «скоропечатный» и оборотливый комерсантъ по печатному дѣлу, хотя изъ всѣхъ произведеній печати читаетъ одинъ только «Вексельный уставъ», но за то съ большимъ прилежаніемъ. Спекулируя типографіями, устраиваетъ оныя и содержитъ, продаетъ и покупаетъ, и, съ особеннымъ удовольствіемъ перекупаетъ и перепродаетъ, оптомъ и враздробь, «на выносъ и распивочно», словомъ — на какихъ угодно условіяхъ, всегда самыхъ выгодныхъ... для Исидора Гольдберга. Въ то же время выписываетъ всевозможныя машины и самъ—превосходный механикъ по гз-

шефтмахерской части; льетъ шрифты и еще лучше, по поговоркѣ, «отливаетъ пули», безъ промаха бьющія по карману маломальски неосмотрительныхъ кліентовъ monsieur Исидора. Вообще, мастеръ на всѣ руки и никакъ не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ розинямъ, которымъ можно безнаказанно класть пальцы въ ротъ.

Гончаровъ, Иванъ Александровичъ. Есть счастливыя имена, отмѣченныя геніемъ, съ произнесеніемъ которыхъ, сразу въ благоговѣйномъ представленіи читателя какъ-бы воздвигается готовый «памятникъ нерукотворный», и рука, сама собой, поднимается снять передъ нимъ шапку. Все въ немъ уже законченно, полно и отдѣлано рѣзцомъ времени начисто: вотъ колоссальный бюстъ, съ знакомыми чертами вѣщаго лица, вотъ лавровые вѣнки, сложенные у его подножія, вотъ величественный пьедесталъ и на немъ золотыя слова: «благодарные любители отечественной словесности великому русскому поэту»...

Къ такимъ рѣдкимъ баловнямъ литературной славы, заживо воздвигшимъ себѣ монументъ въ благодарномъ сознаніи всѣхъ читающихъ современниковъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ, по всѣмъ правиламъ, И. А. Гончаровъ,—и, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ всякій другой изъ его соперниковъ и товарищей по перу и таланту. Такія классическія вещи, какъ его «Фрегатъ Паллада» и «Обломовъ», съ ихъ неувядаемой, спокойной красотой картинъ и образовъ, съ ихъ глубокимъ чисто-художественнымъ анализомъ человѣческаго сердца, при полномъ объективизмѣ творчества, чуждаго тенденцій и «злобъ дня»,—всегда и всѣмъ равно нравятся и будутъ долго нравиться, безъ различія мнѣній и «направленій», какъ не принимаются во вниманіе послѣднія, когда мы любуемся, напр., красивымъ липомъ, мирнымъ русскимъ деревенскимъ ландшафтомъ, картиной широкаго «раздолья» Волги и пр. Все это одинаково прекрасно и мило для каждаго глаза, способнаго ощущать красоту и, въ особенности, красоту родную, русскую, которая, именно, такъ плѣнительна, такъ здорова и свѣжа въ поэтическихъ твореніяхъ г. Гончарова... Но—писать ему оцѣнку въ то время, когда объ этомъ уже написаны цѣлые томы и будутъ еще написаны новые болѣе компетентными перьями и, въ то время, когда его давно оцѣнила, по достоинству, вся грамотная Россія, было-бы здѣсь неумѣстно. Равнымъ образомъ, и прибавить славы Ивану Александровичу мы не могли-бы ни на одинъ лавровый листикъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ отказался пріумножать ее... Пресытился-ли онъ, или боится ее испортить; но, во всякомъ случаѣ, слава его—совершенно готовая и законченная, и—не знаемъ—можетъ быть, она, въ самомъ дѣлѣ, отлита уже на какомъ-нибудь бронзовомъ заводѣ. Наше дѣло—почтительно только склонить передъ ней голову и пригласить сдѣлать тоже самое читателя.

Гоппе, Германъ и Эдуардъ, или знаменитость о двухъ равномѣрно острыхъ лезвіяхъ «нѣмецкой работы», которыя, въ родственномъ союзѣ, превосходно «стригутъ, брѣютъ и кровь отворяютъ» на поприщѣ русскаго издательскаго и печатнаго дѣла. Лезвіе первое — Германъ Гоппе извѣстенъ, какъ хозяинъ цѣлой журнально-издательской фабрики, на которой выпекаются: «Всемірная Иллюстрація», «Всеобщій Календарь», «Огонекъ», «Модный Свѣтъ» и проч. и проч. Замѣчательно, при этомъ, что г. Гоппе,

Сцена изъ «Обломовщины».

Захаръ. *Вы куды?—Никого не велѣно принимать. Баринъ опочиваютъ и не очень здоровы.*

— Господи! да, вѣдь, это нашъ Иванъ Ѳедоровичъ!...

Нѣкоторые изъ созданныхъ г. Горбуновымъ типовъ многимъ петербуржцамъ извѣстны и у каждаго изъ нихъ, при одномъ ихъ названіи, встаютъ во весь ростъ, какъ живые, хотя они никогда не были переданы ни полотну, ни бумагѣ, и, вѣроятно, умрутъ вмѣстѣ съ ихъ творцомъ... дай Богъ ему долго здравствовать!

Кто въ Петербургѣ не знаетъ, напр., уморительнаго, никогда несуществовавшаго «генерала Дитятина», который, безъ сомнѣнія, популярнѣе весьма многихъ существующихъ, настоящихъ генераловъ и гораздо долѣе многихъ изъ нихъ пребудетъ безсмертнымъ? Генералъ Дитятинъ—человѣкъ стараго закала, фронтовикъ и формалистъ, взираетъ на современные порядки съ точки зрѣнія брюзжащаго скептицизма и неудовольствія. — «*Въ наше время* было лучше... Тогда были люди, а теперь пошли мальчишки; тогда былъ *строй*, а теперь пошло разстройство», — обыкновенно начинаетъ онъ свои желчныя іереміады. Но чтобъ воспроизвести генерала Дитятина цѣликомъ, надо написать цѣлую монографію, да и никакое перо никогда не передастъ той колоритности, жизненности и комизма, которыми блещетъ это лицо въ образномъ, устномъ воспроизведеніи Ивана Ѳедоровича.

Кстати сказать, генералъ Дитятинъ неизвѣстенъ публикѣ, какъ равно не знаетъ она и множества другихъ однородныхъ перловъ сатирическаго творчества нашего безподобнаго комика-разсказчика. Все это—достояніе однихъ близкихъ друзей Ивана Ѳедоровича. Театральную-же публику онъ тѣшитъ своими стереотипными, общеизвѣстными «сценами изъ народнаго быта», изъ коихъ многія очень хороши; но авторъ такъ ихъ много и повсемѣстно повторялъ и повторяетъ, что самые смѣшливые его почитатели ощущаютъ иногда отъ нихъ оскомину. Новыхъ сценъ для своего театральнаго репертуара И. Ѳ. сочиняетъ мало, но это происходитъ не отъ ослабленія или скудости творчества, а оттого, что многіе и лучшіе продукты его онъ вынужденъ оставлять для самого себя, да для своихъ пріятелей... Сила наблюдательности въ немъ огромная и неистощимая, но, къ сожалѣнію, по самому свойству и роду таланта г. Горбунова, какъ устнаго *разсказчика*—не болѣе, все накопленное имъ сокровище не сдѣлается достояніемъ нашей письменности.

И. Ѳ., по профессіи, актеръ, но своей славой онъ очень мало обязанъ своимъ слишкомъ двадцатилѣтнимъ сценическимъ трудамъ. Горбуновъ - актеръ, приличный, старательный, мѣстами типичный и выдающійся,—совершенно исчезаетъ въ Горбуновѣ-разсказчикѣ, съ его неизсякаемымъ юморомъ, глубокой наблюдательностью и неослабѣвающей творческой силой. Въ такомъ-же пропорціональномъ отношеніи къ Горбунову-разсказчику стоитъ и Горбуновъ-писатель. И. Ѳ. писалъ и пишетъ небольшія сценки и разсказы изъ народнаго быта, которые читаются съ удовольствіемъ, но далеко не передаютъ всего того, что художественно создается авторомъ въ его сознаніи и въ живомъ словѣ.

Горвицъ. (См. Грегеръ).

Гордѣенко, Е. С. — харьковскій Цинцинатъ, добродѣтельный, просвѣщенный и либеральный земецъ, громко заявившій себя краснорѣчивымъ сторонникомъ мечтательнаго «право-

Садовникъ— птлецъ въ саду русской словесности, какихъ давай Богъ побольше!

праву; 2) дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ; 3) журнальный публицистъ. Соотвѣтственно сему, троякой извѣстностью пользуется и мзду трояку емлетъ. Въ университетѣ извѣстенъ за хорошаго профессора, «добраго» наставника и «друга» молодежи; у читателей «Голоса» стяжалъ славу очень смѣлаго либеральнаго публициста, а, за всѣмъ тѣмъ, и у высшаго начальства на отличномъ счету. Правда, злые языки болтаютъ, будто г. Градовскій, заискивая у молодежи, играетъ лишь на популярность, а, фигурируя на газетныхъ столбцахъ въ амплуа jeune premier либерализма, въ тиши кабинета мечтаетъ будто-бы о министерскомъ портфелѣ; но злые языки чего не наболтаютъ!

Какъ публицистъ, Александръ Дмитріевичъ безспорно лучшая журнальная сила: талантливъ, краснорѣчивъ, обладаетъ блескомъ учености и умѣетъ околдовать читателя, — именно, *околдовать*, потому-что обыкновенно, по прочтеніи его забористыхъ статей, впечатлительный читатель и «телячій восторгъ» испытываетъ и, какъ будто, «гусемъ въ туманѣ» себя чувствуетъ, но—что всего лучше—безъ всякаго почти обремененія головы. Никто не умѣетъ такъ мастерски и элегантно владѣть *фразой*, какъ г. Градовскій, и никто, какъ онъ, не искусился такъ въ публицистической эквилибристикѣ: — «нельзя, съ одной стороны, не сознаться», и, «съ другой стороны, должно признаться»... И все это всегда съ аппломбомъ и престижемъ учености, горячаго убѣжденія и гражданской доблести.

Но имѣетъ-ли *свои* убѣжденія А. Д. и какому, именно, «направленію» онъ искренно преданъ—сія тайна велика есть! Мы видѣли, какъ онъ въ свое время «леталъ сизымъ орломъ подъ облаки» славянофильства, видѣли, какъ онъ металъ враждебные перуны въ эти самые облаки и какъ «растекался сѣрымъ волкомъ» либерализма по спорнымъ лужайкамъ западничества... Гдѣ и въ какомъ новомъ обликѣ увидимъ мы его завтра—аллахъ вѣдаетъ, да можетъ быть не вѣдаетъ этого и самъ почтенный профессоръ-публицистъ!

Градовскій, Григорій,—публицистъ съ довольно трагической или, какъ выразился одинъ зоилъ, съ «подмоченной» репутаціей. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ вотъ ужь сколько лѣтъ изъ кожи лѣзетъ увѣрить всѣхъ, что онъ ярый либералъ и—никто, хоть убей, этому не вѣритъ.

Пишетъ онъ не иначе, какъ на «предостереженіе», а редакторы, черкая его статейки, ехидно мыслятъ:—«Напрасно, милый другъ! ни аренды этимъ не выслужишь, ни читателя не проведешь»...

Однажды, для пущаго доказательства своего либерализма, сталъ онъ даже свою газету издавать, съ совершенно неукротимымъ «направленіемъ»... Правда, цензурѣ хлопотъ надѣлалъ онъ не мало, а читатель (эдакій, вѣдь, Ѳома невѣрный!) всетаки къ нему не пошелъ...

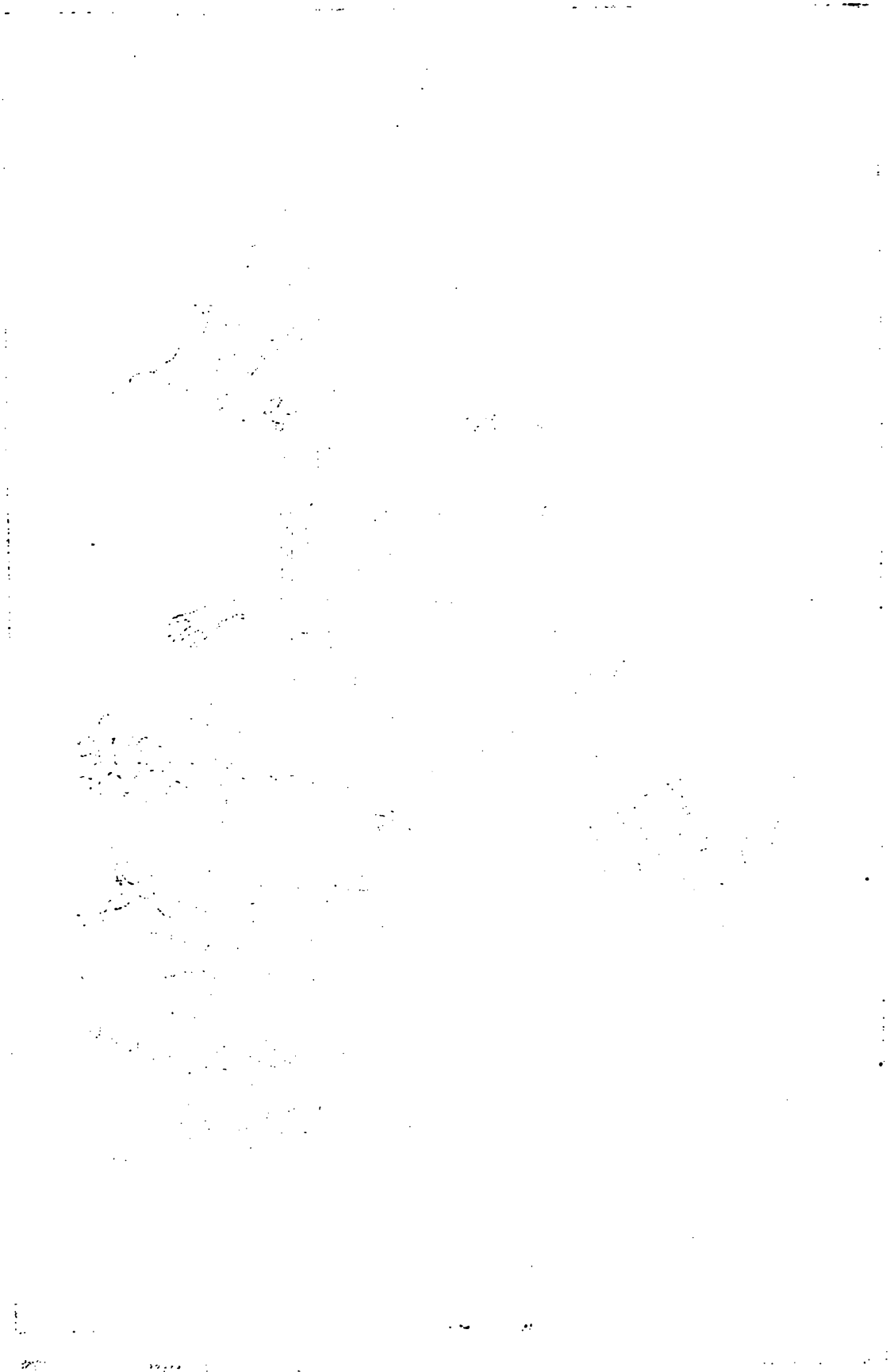
Всегда и всюду г. Градовскій стремится аттестовать себя неслыханно-смѣлымъ радикаломъ и, однако-жь, до сихъ поръ ни одному, самому мнительному блюстителю и въ голову не приходило взять его «подъ сомнѣніе»... Посмотрѣли-бы вы на него въ обществѣ:

> Когда о честности высокой говоритъ,
> Какимъ-то демономъ внушаемъ:
> Глаза въ крови, лицо горитъ,
> Самъ плачетъ, и...

вотъ-вотъ, кажется, сейчасъ начнетъ

Современный Янусъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 18 НОЯБРЯ 1889 г.



«назе́нные стулья ломать», но — что станете дѣлать?—не вѣрятъ, хоть разорвись... Трагическое положеніе!

Люди злопамятные спрашиваютъ, когда именно г. Градовскій былъ вѣренъ себѣ и искрененъ: тогда-ли, когда, служа при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, занимался «обрусеніемъ» по программѣ «Москов. Вѣд.», за что удостоился аренды; тогда-ли, когда въ «Гражданинѣ», съ кн. В. Мещерскимъ и подъ его руководствомъ, насаждалъ ретроградныя «точки», за что аренды не удостоился; или, наконецъ, теперь, когда онъ, усиливаясь прослыть чѣмъ-то, въ родѣ коллежскаго ассессора Рошфора изъ Подъяческой улицы, безпощадно отрицаетъ и «обрусеніе», и «Моск. Вѣдомости», и «Гражданинъ», и «точки», и кн. Мещерскаго, и даже... даже на генералъ-губернаторовъ дерзаетъ иногда писать критику, но допишется-ли до аренды—неизвѣстно?.. Кто-жь поручится, что г. Градовскій не сегодня—завтра изъ Рошфоровъ не переведется въ акцизные чиновники?!

Такова репутація г. Градовскаго, какъ публициста, и — не наша, конечно, вина, что она столь трагическая...

Грачевъ—извѣстный петербургскій садоводъ и огородникъ, гордость «общества садоводства», украшающій его выставки совершенно неправдоподобными овощами, за которые получилъ въ награду столько «большихъ», «среднихъ» и «малыхъ» медалей, что могъ-бы составить изъ нихъ цѣлый минцъ-кабинетъ. Много-ли пользы принесъ г. Грачевъ россійскому садоводству—сказать трудно; но несомнѣнно, что выращиваніемъ своихъ монструозныхъ овощей онъ съ успѣхомъ стремится, съ одной стороны оправдать сказанія крыловскаго лгуна о «римскомъ огурцѣ», а, съ другой, опровергнуть повѣрье, будто, напр., «дешевле рѣпы», ничего не можетъ быть. Его рѣпа, картофель и друг. овощи, по выставочнымъ цѣнамъ, стоютъ не дешевле ананасовъ.

Грегеръ — одно изъ ипостасій неудобозабываемаго трехглаваго товарищества по продовольствію арміи въ войну 1877—1878 гг.: «Грегеръ, Коганъ и Горвицъ». Говорить объ одномъ изъ нихъ, значитъ—говорить о всѣхъ трехъ, ибо когда больно Грегеру, то Коганъ плачетъ, а Горвицъ чешетъ больное мѣсто, и—наоборотъ—когда Горвицу кладутъ въ ротъ бомбошку, то Коганъ жуетъ, а Грегеръ глотаетъ, и т. д. Міръ еще не видѣлъ болѣе тѣснаго, болѣе нѣжнаго тройственнаго единенія интендантскихъ гарпій, на подобіе трехъ грацій, цѣпко сплевшихся хищными руками около лакомаго солдатскаго пайка! Все, съ математической точностью, дѣлилось у нихъ натрое—и барыши, и подкупы, и начеты, и всякія злоупотребленія, и только стыдомъ товарищи не дѣлились, потому что ни у кого изъ нихъ въ наличности его не оказалось. Даже, когда русскій солдатъ голодалъ, благодаря заботливости товарищества, или грызъ его гнилые сухари, поминая его добрымъ словомъ, то и тогда равномѣрно икалъ Грегеръ, икалъ Коганъ, икалъ Горвицъ... Поикавши, товарищи говорили другъ другу:—«Это ничего—пройдетъ...» И дѣйствительно, теперь имъ не икается, такъ какъ свой разсчетъ съ казною они покончили, къ совершенному удовольствію Грегера, къ совершенному удовольствію Когана и къ совершенному удовольствію Горвица.

Григоровичъ, Д. В. — одинъ изъ нашихъ маститыхъ беллетристовъ тур-

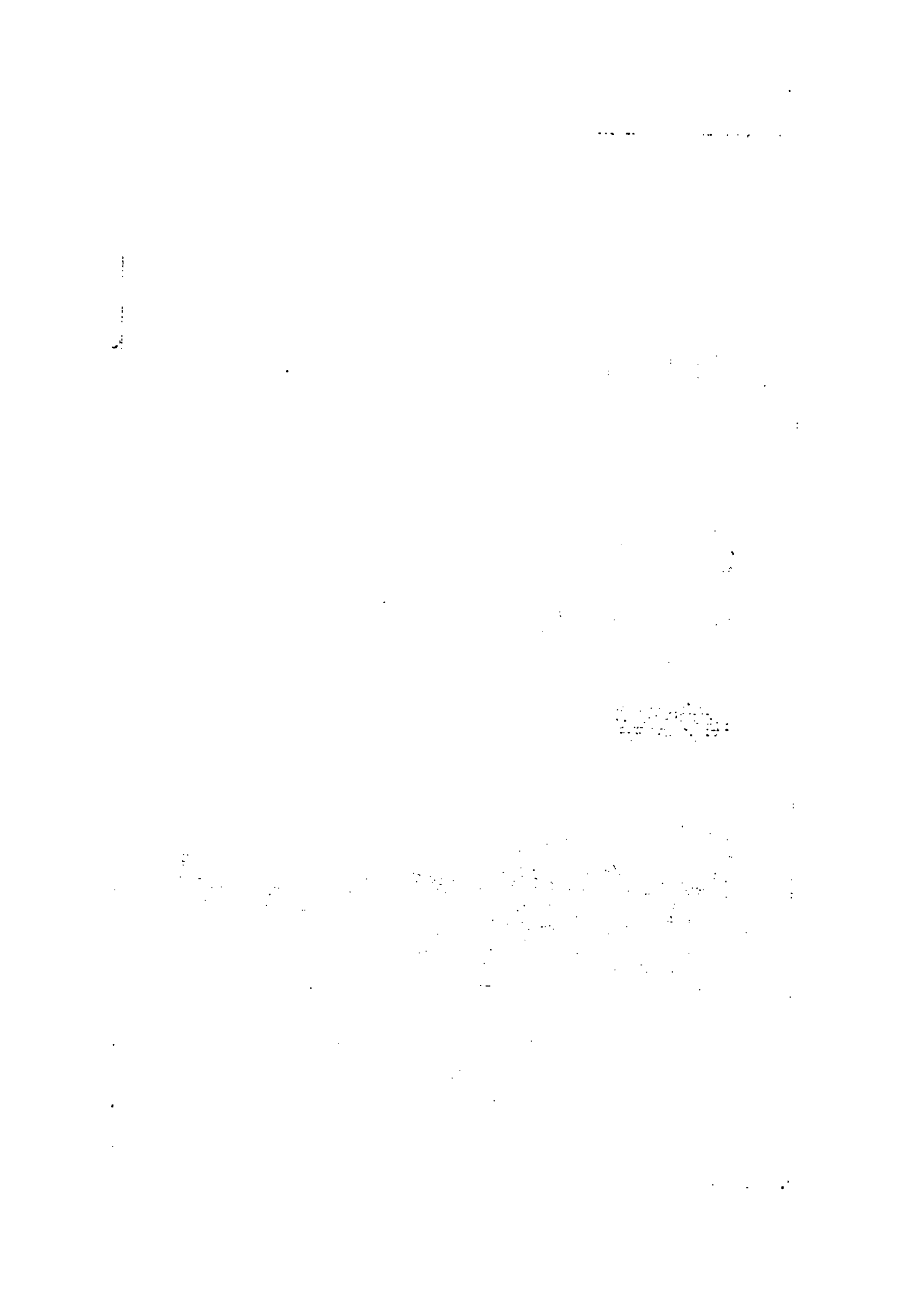
геневской плеяды. Когда на литературномъ обѣдѣ, данномъ въ 1879 г. въ честь И. С. Тургенева, одинъ изъ ораторовъ, воздавая хвалу дорогому гостю, упомянулъ, что онъ, своими «Записками охотника», *первый* изъ нашихъ беллетристовъ возбудилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, то Иванъ Сергѣевичъ тогда-же возразилъ, что честь эта принадлежитъ не ему, а, тутъ-же находившемуся, Дмитрію Васильевичу Григоровичу, который гораздо ранѣе его, своимъ «Антономъ Горемыкой» и другими, участливо-теплыми къ крестьянской долѣ разсказами, явился первымъ въ литературѣ провозвѣстникомъ отмѣны крѣпостнаго права. Это дало поводъ къ патетической сценкѣ: оба беллетриста, въ порывѣ товарищескаго великодушія, стали пререкаться, отказываясь другъ для друга отъ предложенной хвалы. Тѣмъ не менѣе, Тургеневъ былъ исторически правъ. Несомнѣнно, г. Григоровичъ *первый* сталъ у насъ писать «народные разсказы», т. е., изъ крестьянскаго быта, и можетъ назваться предтечей новѣйшихъ нашихъ беллетристовъ - «народниковъ»: Левитова, Слѣпцова, Рѣшетникова, Успенскихъ, Максимова, А. Потѣхина и др. Разница только та между ними, что г. Григоровичъ, въ своихъ повѣстяхъ, смотритъ еще на крестьянина сверху, глазами «барина» — правда, барина очень гуманнаго, свободолюбиваго и чувствительнаго. Оттого онъ, желая выставить мужика въ наилучшемъ свѣтѣ и показать, что и въ немъ душа человѣчья, надѣлилъ его совершенно барскими добродѣтелями и качествами; оттого мужикъ у него приторно-сентименталенъ и скорѣе на фарфороваго «пейзана» походитъ, чѣмъ на живаго русскаго поселянина. Оттого-то быть можетъ, наконецъ, г. Григоровичъ, въ тактичномъ разсчетѣ, и писать почти пересталъ—«спѣлъ, молъ, свою пѣсенку» и — довольно, всецѣло посвятивъ себя организаторскому служенію свободнымъ художествамъ. Нынѣ онъ состоитъ «непремѣннымъ секретаремъ» и главнымъ дѣятелемъ богатаго «Общества поощренія художниковъ», и, вообще, слыветъ за любителя и знатока пластики; но, при всемъ томъ, меценатствуя самъ, и себя не забываетъ пристроить подъ теплое крыло меценатовъ болѣе высшаго полета...

Григорьевъ, Спиридонъ,—трактирный далай-лама и одинъ изъ вождей «черной сотни» въ петербургской думѣ. Полномочный глава трактирнаго цеха, распоряжается раскладкой трактирныхъ повинностей и этимъ содержитъ свою братію въ безграничномъ страхѣ и повиновеніи,—«пытаму отъ нашего произволенія зависитъ либо человѣку ходъ дать, либо прижать и съ масломъ съѣсть... Ндраву нашему нѣтъ препятствій!» Съ точки зрѣнія этого-то «ндрава», тяготѣющаго къ цѣлковому, Спиридонъ Ивановичъ ведетъ трактирную политику въ думѣ и высоко держитъ красно-синее знамя своей «партіи», съ надписью: «нхотъ въ завѣдѣніе — распивочно и навынось».

Гродековъ, Н. И., генералъ,—блестящій штабный офицеръ, у котораго даже иностранцы находятъ «чему поучиться». Г. Гродековъ началъ свою карьеру въ Средней Азіи и отличился не только «на полѣ чести и на полѣ брани», но еще болѣе—на военно-литературномъ поприщѣ, какъ писатель свѣдущій, строго - правдивый и талантливый. Участвуя въ нѣсколькихъ компаніяхъ (въ ахалъ-текинскую онъ состоялъ адъютантомъ Скобелева), онъ каждую изъ нихъ описалъ съ

Ревнивый къ славѣ Винкельмана,
Любилъ онъ музы и антики,
И создалъ русскихъ «мужичковъ»...

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 9 НОЯБРЯ 1903



большимъ знаніемъ и точностью. Таковы его объемистые труды: «Война Хивинская», «Война въ Туркменіи» и др. Г. Гродековъ извѣстенъ еще, какъ смѣлый путешественникъ, и—въ свое время его путешествіе по Афганистану обратило на себя общее вниманіе и не на шутку испугало «коварный Альбіонъ». Вообще, г. Гродековъ считается однимъ изъ самыхъ компетентныхъ и многосвѣдущихъ знатоковъ Средней Азіи въ географическомъ, политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.

Громова—актриса Александринскаго театра на роли старухъ, которыхъ играетъ тѣмъ успѣшнѣе, что не имѣетъ нужды прибѣгать ни къ гриммировкѣ, ни къ притворству: *натуральнѣе* старухи нельзя себѣ представить!

Гротъ, Яковъ Карловичъ, — академикъ по русскому отдѣленію. Одинъ изъ немногихъ патентованныхъ мудрецовъ нашей де-сіансъ-академіи, которые знаютъ русскую грамоту, признаютъ Россію своимъ отечествомъ и, пользуясь щедрымъ содержаніемъ изъ русскаго казначейства, совѣстятся посвящать свои таланты и труды исключительно нѣмецкому Vaterland'у. Напротивъ, Яковъ Карловичъ, несмотря на свое инородческое происхожденіе, принадлежитъ къ самымъ ревностнымъ и плодовитымъ труженикамъ русской науки и русской литературы. Его работамъ по русской филологіи и грамматикѣ, по русской библіографіи и исторіи словесности — нѣсть числа, и онъ давно упрочилъ за собой въ этой области репутацію первокласснаго авторитета. Капитальнѣйшимъ-же его трудомъ, которымъ онъ воздвигъ себѣ на вѣки нерушимый памятникъ, является образцовое изданіе сочиненій Державина, которое, по невѣроятному обилію и точности примѣчаній и объясненій издателя, правильнѣе было-бы назвать: „Державинъ въ Гротѣ". Дѣйствительно, г. Гротъ до того поглотилъ въ себѣ Державина, что послѣдній въ его книгѣ представляется чѣмъто, въ родѣ изюминъ, воткнутыхъ въ тѣсто и въ немъ затерявшихся. И пожалуй, что ученыя примѣчанія г. Грота, какъ тѣсто, гораздо питательнѣе для читателя, чѣмъ риторическій изюмъ пѣвца Фелицы.

Груберъ — профессоръ медико-хирургической академіи, извѣстный анатомъ, прославившійся многими учеными изслѣдованіями и открытіями; однакожь, знаменитое въ анатоміи открытіе „языка безъ костей" не ему принадлежитъ... Мудрецъ и счастливецъ, которому невѣдомо разочарованіе въ людяхъ, ибо въ каждомъ изъ нихъ безусловно онъ признаетъ и всегда безошибочно находитъ *сердце* и *мозгъ*; каждый изъ нихъ въ его глазахъ равно — вѣнецъ творенія, если только не очень предавшійся гнилостному состоянію. За всѣмъ тѣмъ, каждый «субъектъ» равно годится у него въ актеры... анатомическаго театра, разумѣется, и — что такое глупый, дрянной или подлый человѣкъ—ему неизвѣстно. Большое есть подозрѣніе, что нашъ знаменитый анатомъ, чего добраго, въ тайнѣ души отрицаетъ различіе «бѣлой кости» отъ «хамской» и породистой крови отъ худородной. Почемъ знать, можетъ быть онъ даже исповѣдуетъ полное анатомическое равенство человѣковъ, но только, конечно, подъ большимъ секретомъ.

Грузинскій—художникъ, извѣстный своими картинами Кавказа, которыя у него такъ-же пестры и безпорядочны, такъ-же знойны, по колориту, и почти такъ-же необозримы, по огромности полотенъ, какъ Кавказъ. Знаменитѣйшей изъ нихъ признается

«Выселеніе горцевъ», которое изображено на ней съ такой энергической экспрессіей, что зритель невольно сторонится, чтобы дать ему дорогу и самому не попасть подъ колеса кабардинскихъ арбъ и подъ копыта круторогихъ буйволовъ.

Губонинъ — одинъ изъ богатырей желѣзнодорожнаго эпоса. Предтеча Разуваевыхъ и Колупаевыхъ и, подобно имъ, началъ карьеру въ черномъ тѣлѣ и «вышелъ въ люди» чуть-ли не изъ-за стойки питейнаго заведенія. Впрочемъ, по времени и по объемамъ, г. Губонинъ относится къ разуваево-колупаевскому типу новѣйшей формаціи въ такой-же точно пропорціи, въ какой, въ древне-русскомъ эпосѣ, большіе или «старшіе» богатыри, «охлестывавшіе» чары меда сыченаго «въ полтретья ведра», относились къ богатырямъ «малымъ», аппетиту которыхъ не предоставлялись уже такого размѣра куши. Одинъ былъ эпическій Змѣй Горынчище—одинъ стоитъ и Губонинъ, передъ которымъ Разуваевы—пигмеи. Онъ первый или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ первыхъ постигъ, что

Тайна жизни—*гарантія*,
А *субсидія*—вѣнецъ,

то есть, «гарантія» желѣзнодорожная, а «субсидія» — сверхсмѣтныя, напр., ассигновки по казеннымъ подрядамъ. Теперь г. Губонинъ въ апогеѣ славы и величія, теперь онъ—

...тузъ—богачъ въ итогѣ,

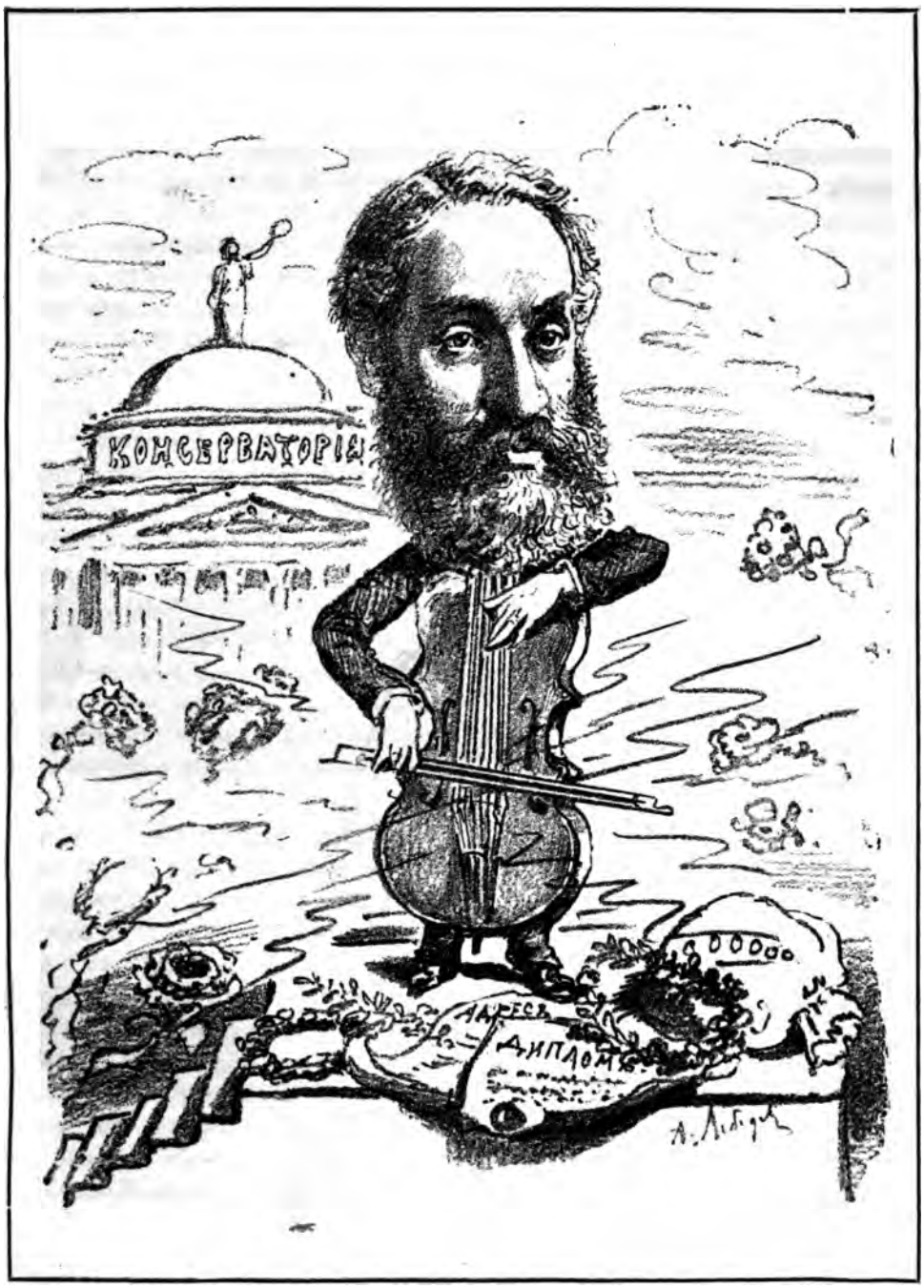
И (чтобъ не выбрасывать слова изъ пѣсни) «сказались барыши

Лишней гривною въ налогѣ
Съ податной души...

Губонинскія желѣзныя дороги — не хуже и не лучше другихъ, а еслибы онѣ и оказывались негоднѣе другихъ, такъ не на вѣкъ-же онѣ строены. Въ послѣднее время г. Губонинъ разлакомился было на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Болгаріи и, желая, при этомъ, оттереть иностранныхъ конкурентовъ, старался огорошить «братушекъ» патріотизмомъ и дипломатичнымъ отождествленіемъ своего личнаго карманнаго гэшефта съ интересами Россіи и Славянства, но, кажется, «политика» эта не выгорѣла...

Гурко, I. В., генералъ отъ инфантеріи, варшавскій генералъ-губернаторъ,—пріобрѣлъ громкую боевую извѣстность въ послѣднюю русско-турецкую войну, какъ одинъ изъ ея выдающихся побѣдоносныхъ героевъ. Неуклонная твердость, рѣшительность и воинственное мужество — отличительныя черты доблестнаго генерала, и какъ полководца и какъ администратора.

Гюбнеръ — извѣстный врачъ-санитаръ, авторъ замѣчательнаго труда по санитарной статистикѣ Петербурга. Весьма дурнаго мнѣнія о нашей сѣверной Пальмирѣ и, если его послушать, такъ она, за свое неряшество, давно заслужила участь Содома и Гоморры. Это-же, по внутреннему убѣжденію г. Гюбнера, было-бы и самымъ радикальнымъ способомъ «оздоровленія» петербургской занавоженной почвы и петербургскихъ гнилыхъ стѣнъ.



Карьера хорошо налаженной виолончели.

ли знакомые.

дозв. ценз. С.-Петерб., 25 ноября 1893 г.

Д.

Давыдовъ, В. А. — молодой актеръ александринскаго театра, обладающій большимъ и необыкновенно разностороннимъ талантомъ. Безподобный Бальзаминовъ, типичнѣйшій «Женихъ изъ долговаго отдѣленія», вообще—замѣчательный комикъ, г. Давыдовъ бываетъ не менѣе силенъ въ роляхъ драматическихъ, возвышаясь иногда до истиннаго трагизма. Вѣрность пониманія характеровъ и тончайшихъ движеній сердца человѣческаго, соединяется въ немъ съ удивительной способностью до иллюзіи правдиваго художественно-пластическаго выраженія этихъ характеровъ и этихъ движеній. Смѣло можно сказать, что среди современныхъ русскихъ лицедѣевъ у г. Давыдова въ указанномъ отношеніи нѣтъ соперниковъ.

Давыдовъ—актеръ московской оперы-буффъ Лентовскаго.

— Восточный человѣкъ, но играетъ, душэ моя, на тэатерѣ, какъ самый настоящій французъ, а когда запоетъ, такъ всѣ барышны ему въ зубы смотрятъ... Аллахъ-верды!

Давыдовъ—первоклассное свѣтило русскаго музыкальнаго міра, взошедшее къ намъ, впрочемъ, съ *запада*: свое музыкальное образованіе окончилъ и свою извѣстность славнаго віолончелиста упрочилъ г. Давыдовъ первоначально заграницей. Въ Петербургѣ онъ водворился лишь съ шестидесятыхъ годовъ и—будемъ льстить себя увѣренностью—навсегда. Что касается національности, то, кажется, віолончель нашего маэстро—космополитка: она «поетъ» и «говоритъ» на всѣхъ языкахъ, включительно до волшебнаго діалекта сильфовъ, сиренъ и русалокъ и могла-бы заговорить даже языкомъ херувимовъ, еслибъ не боялась упрека въ кощунствѣ. По своему рѣдкому искусству, г. Давыдовъ въ правѣ былъ-бы титуловаться Орфеемъ, но онъ предпочелъ званіе директора петербургской музыкальной консерваторіи и императорскаго солиста, а, вмѣсто того, чтобъ, подобно Орфею, плѣнять сон amore идиллическую природу своей игрою, даетъ концерты въ Большомъ театрѣ и из-

влекаетъ своимъ чародѣйскимъ смычкомъ такіе сборы, которые мифическому Орфею показались-бы въ свою очередь мифомъ.

Данилевскій, Г. П. — извѣстный беллетристъ; находится уже въ томъ періодѣ литературной зрѣлости, когда сочинители начинаютъ издавать «полныя собранія» своихъ сочиненій, полагаютъ, что они «въ предѣлахъ земнаго свершили все земное» для незыблемой признательности къ нимъ современниковъ и потомства, мечтаютъ о своемъ юбилейномъ торжествѣ и носятъ голову съ такимъ фасономъ, какъ еслибъ ежеминутно боялись смять лежащій на ней вѣнокъ безсмертія. И точно, г. Данилевскій пишетъ уже чуть-ли не вторую юбилейную давность и, со времени появленія его удачнаго, á la Куперъ, романа: «Бѣглые въ Новороссіи», произведенъ критикой въ рангъ «нашего извѣстнаго романиста», который и носитъ до сихъ поръ съ честію. Въ послѣднее время куперовскій жанръ онъ покинулъ для вальтеръ-скоттовскаго, написавъ, обратившій на себя общее вниманіе, историческій романъ, «Мировичъ», а также—рядъ повѣстей и разсказовъ въ томъ-же родѣ. Беллетристическое призваніе и литературная карьера не помѣшали г. Данилевскому блестяще преуспѣть и на поприщѣ служебномъ, на которомъ онъ достигъ «степеней извѣстныхъ» и теплаго казеннаго мѣстечка — редактора «Правительственнаго Вѣстника».

Данилевскій, Н. Я. — одинъ изъ тѣхъ «блуждающихъ огней» публицистики, которые, выдѣляясь во время ненастья изъ затхлой болотной почвы, назойливо маячатъ странными призраками въ глазахъ читателей—морочатъ ихъ и сбиваютъ съ толку. Какъ изслѣдователь рыболовства на Каспійскомъ морѣ, какъ авторъ проектовъ обезпеченія продовольствія и даже какъ искоренитель филоксеры въ Крыму, г. Данилевскій могъ-бы считаться дѣятелемъ компетентнымъ и полезнымъ; но, на несчастье его и его читателей (если только таковые имѣются), онъ время отъ времени макаетъ свое суетливое перо въ чернильницу г. Каткова и суется въ «политику», въ обсужденіе нашихъ соціальныхъ немочей. Прѣетъ человѣкъ въ какомъ-нибудь захолустномъ Мшакѣ, ничего не видя дальше своего носа и сидящей на немъ филоксеры, да вдругъ и бацнетъ ни съ того ни съ сего въ какомъ-нибудь неразборчивомъ столичномъ изданіи невообразимо-ретроградную, старчески-неряшливую ахинею — точь въ точь, выплеснетъ на улицу изъ своего окна домашній сосудъ съ собственнаго издѣлія помоями... Хорошо-ли это —посудите?

Даціаро—въ русскомъ переводѣ—артистическій Карповичъ для художниковъ, имѣющихъ несчастье прибѣгать къ его посредству, по сбыту своихъ произведеній. Въ коммерческомъ отношеніи—фирма картиннаго магазина, въ окнахъ котораго всегда выставлена, на изощреніе эстетическаго вкуса зѣвакъ Невскаго проспекта, какая-нибудь художественная диковина, поджидающая любителя, готоваго заплатить за нее шальныя деньги. Здѣсь можно найти: „Видъ пупа земли“, фотографическіе портреты „Чорта въ стулѣ“ и „Бабы-яги“, „Людей съ песьими головами», снятыхъ съ натуры и пр. Все это, смотря по сезону и настроенію минуты, къ которымъ сеньоръ Даціаро—нужно отдать ему справедливость—весьма отзывчивъ. Весною, напр., въ его окнахъ непремѣнно фигурируютъ голыя непотребныя

Орфей Павловскаго вокзала.

Дозв. ценз. С.-Петерб., 2 ноября 188

—фантазіи возвышенныя и грандіозныя, соизмѣримыя милліонами банкирскихъ операцій. Справедливо считаетъ себя всемогущимъ и великимъ, и потому, въ оффиціальныхъ случаяхъ, говоритъ отъ своего лица: «мы»... „мы, баронъ Гинцбургъ I-й..." Въ силу того-же культа самопоклоненія, уполномочиваетъ себя иногда говорить и ходатайствовать отъ лица всего еврейскаго народа, не спрашивая его о томъ, но и не встрѣчая отъ него, въ такихъ случаяхъ, оппозиціи. И понятно: можетъ-ли баронъ Гинцбургъ, великій, знаменитый баронъ Гинцбургъ, нуждаться въ чьемъ нибудь мнѣніи и совѣтѣ?

Гирсъ, Дмитрій, или «игралище превратной судьбы»... Былъ, какъ говорится, и на конѣ, и подъ конемъ. Выступилъ на жизненное поприще во всеоружіи армейскаго пѣхотнаго субалтернъ-офицера и, кажется, даже «проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь за отечество»; но, почувствовавъ призваніе божественныхъ музъ, снялъ военный мундиръ, повѣсилъ бранный мечъ на гвоздикъ и вооружился перомъ. Искусно-ли владѣлъ г. Гирсъ мечемъ—не знаемъ, беллетристическое-же перышко пришлось ему какъ разъ къ рукѣ. Его разсказы изъ военнаго быта, а въ особенности,—начатый, но, «по обстоятельствамъ, отъ редакціи независѣвшимъ», неконченный романъ «Молодая Россія»,—обнаружили въ немъ несомнѣнный талантъ и обратили на него благосклонное вниманіе любителей россійской словесности. Къ сожалѣнію, прихотливая судьба не захотѣла создать изъ него основательнаго беллетриста и сдѣлала его игралищемъ всевозможныхъ журнальныхъ случайностей. Во время войнъ сербской и за независимость Болгаріи мы видимъ г. Гирса, безсмѣнно въ высочайшихъ ботфортахъ, въ рядахъ кочующихъ по театрамъ войны «спеціальныхъ» корреспондентовъ; вслѣдъ затѣмъ, видимъ его въ щегольскихъ штиблетикахъ на петербургскихъ паркетахъ, видимъ съ грустью въ роли неудачнаго редактора-издателя неудачной газеты «Русская Правда», скоротечно угасшей отъ истощенія; наконецъ, въ настоящее время мы его вовсе не видимъ... Гдѣ онъ, чѣмъ занятъ—аллахъ вѣдаетъ!

Главачъ—Орфей павловскаго вокзала, гдѣ священнодѣйствуетъ «на музыкѣ», въ качествѣ ея дирижера; одинъ изъ популярнѣйшихъ «братушекъ»-чеховъ, акклиматизовавшихся въ Россіи въ послѣднюю славянолюбивую эпоху, а что касается впечатлительныхъ къ изящнымъ искусствамъ и къ изящнымъ артистамъ столичныхъ дамочекъ, то многія изъ нихъ неравнодушны къ усамъ и талантамъ г. Главача даже болѣе, чѣмъ сестры, по племянному родству. Г. Главачъ пользуется заслуженной извѣстностью прекраснаго капельмейстера и даровитаго музыканта-композитора; играетъ съ равнымъ искусствомъ на всевозможныхъ инструментахъ и въ послѣднее время ухищрился единолично играть за полный оркестръ, на такъ-называемомъ «оркестріонѣ», чѣмъ удивилъ не только Россію, но и Европу. Трудолюбивъ, пунктуаленъ и знаетъ счетъ денежкѣ.

Глазенапъ—принадлежитъ къ лику желѣзнодорожныхъ бонзъ, заживо канонизированныхъ въ кумиры желѣзнодорожнаго культа. Опекаетъ балтійскую желѣзную дорогу, въ качествѣ ея инспектора; исправнѣе-ли она отъ такой опеки и тепло-ли, или холодно кому-нибудь отъ этого—не знаемъ; но достовѣрно, что самъ г. Глазенапъ никакъ не можетъ пожаловаться

на свою судьбу. Не менѣе достовѣрно и то, что, когда онъ лично проѣзжаетъ по «линіи», то на ней всегда безусловно все въ порядкѣ и все обстоитъ благополучно.

Глазенапъ, С. П. — извѣстный астрономъ, безспорно «умъ высокій», ибо паритъ въ поднебесьи, прогуливается по «млечному пути», какъ у себя дома, сосчиталъ всѣ звѣзды, всѣ «лучи планетъ», и вполнѣ постигъ тайны мірозданія. Время отъ времени спускается съ неба на землю, собственно—въ аудиторію Солянаго городка, гдѣ дѣлится съ «чернью непросвѣщенной», въ популярныхъ лекціяхъ, своими богатыми познаніями въ звѣздочетствѣ, чѣмъ и снискалъ заслуженную признательность отечества.

Глазуновъ, Иванъ Ильичъ,—одинъ изъ благополучнѣйшихъ гражданъ города Санктъ-Петербурга, съ его основанія до нашихъ дней; родился въ батистовой сорочкѣ, и—благосклонный перстъ фортуны неизмѣнно почіетъ на немъ съ младенчества до преклонныхъ лѣтъ; фортуна-же наворожила ему—быть у насъ городскимъ головою. Словомъ, всѣмъ своимъ счастливымъ и благочестивымъ житіемъ, усѣяннымъ розами и удачами, почтенный И. И. неопровержимо доказалъ справедливость народныхъ афоризмовъ, которые гласятъ: «не родись талантливъ, а родись удачливъ»; «не хитеръ парень, да счастливъ, не казистъ, да ему бабка ворожитъ», и т. д. Никто и никогда не слышалъ о какихъ-нибудь талантахъ г. Глазунова,—по крайней мѣрѣ онъ ничѣмъ, никакимъ примѣтнымъ дѣяніемъ на общественную пользу, ихъ не обнаружилъ, и развѣ только отъ долгой практики усвоилъ себѣ способность осанисто «засѣдать» на президентскихъ креслахъ и съ величавой граціей звонить въ предсѣдательскій колокольчикъ. Ораторскія рѣчи его изобилуютъ—правда—всегда весьма внушительными и краснорѣчивыми: «э-э-э-э»..., «гм... гмм»..., и тому подобными выразительными междометіями, но Цицерономъ его едва-ли можно назвать. По части литературы, заслуги г. Глазунова еще менѣе извѣстны и, хотя онъ, будучи представителемъ старѣйшей и богатѣйшей въ Петербургѣ книгопродавческой фирмы, отпечаталъ разновременно немало изданій; но, кажется, изданныя имъ, напр., сочиненія Лермонтова, Тургенева, Гончарова и друг. знаменитыхъ авторовъ, а также «Судебные Уставы» не имъ написаны. По части общественной дѣятельности въ думѣ, онъ, сколько извѣстно, ни пороху не выдумалъ, ни Калифорніи не открылъ, — напротивъ, вся его многолѣтняя думская дѣятельность носитъ печать полной безцвѣтности и развѣ въ томъ только выразилась, что онъ всегда почти высказывался противъ нововведеній. За то въ срываніи «кушей» и жирныхъ окладовъ изъ общественныхъ суммъ, г. Глазуновъ, точно, мастеръ и охулки на руку не положитъ. Свѣдущіе люди высчитали, что онъ получалъ, въ сложности, до 50,000 руб. въ годъ за свои многотрудныя «засѣданія» въ городскомъ кредитномъ обществѣ, въ учетномъ банкѣ и пр. Неудивительно, что И. И. нынѣ пресытился и жажду наживы смѣнилъ въ немъ червь любочестія, вслѣдствіе чего онъ, при избраніи въ петербургскіе лорды-мэры, отказался отъ своихъ пятидесяти тысячъ, для скромнаго гонорара городскаго головы въ 12 тысячъ и почетнаго вѣнца его вожделѣній.

Глама-Мещерская — актриса, то, что называется—«прелестная», по миловидной внѣшности и обольстительности манеръ, чѣмъ и выкупаетъ от-

женщины... конечно, мифологическія; въ великій постъ—„Страшный судъ“; на масляницѣ—„Пиръ во время чумы“ и т. д.

Демидовъ, П. П., князь Санъ-Донато, — человѣкъ, которому ужасно скучно жить на свѣтѣ. Всю свою жизнь его сіятельство бѣгаетъ отъ скуки—сколько времени и капиталовъ на это убилъ, чего только не переиспыталъ, въ какихъ краяхъ и городахъ не перебывалъ, а скука, смертная скука пресыщенія не отстаетъ отъ него ни на шагъ. Онъ со скуки и филантропіей занимался, и меценатствомъ развлекался, и къ общественнымъ дѣламъ аппетитъ въ себѣ возбуждалъ; со скуки пробовалъ счастья и въ картахъ, и въ любви... петербургскихъ муниципаловъ, предложивъ имъ себя въ столичные городскіе головы; со скуки же надо полагать, въ послѣднее время онъ въ юдофильство ударился, выпустивъ подъ своимъ именемъ извѣстную брошюру въ защиту евреевъ, за которую евреи превознесли его до небесъ, а юдофобы забросали градомъ упрековъ и насмѣшекъ... И все напрасно! Даже г. Спичаковъ—на что ужь находчивый и изобрѣтательный мужчина, и тотъ не въ состояніи былъ разсѣять скуку его сіятельства: придумалъ онъ издавать на его счетъ и для его забавы отличную, большущую, на превосходной бумагѣ, газету, съ громкимъ названіемъ «Россія». Занимательная такая, казалось-бы, газета вышла, а князю, съ первыхъ-же нумеровъ, показалась прескучной... Что станете дѣлать? Г. Спичаковъ обидѣлся и прекратилъ газету, и тѣмъ поспѣшнѣе, что князю Санъ-Донато наскучило не только читать «Россію», но и выдавать на ея изданіе деньги. Словомъ, нашъ князь несчастнѣйшій въ мірѣ смертный. Говорятъ, одинъ мудрецъ совѣтовалъ ему, въ видѣ вѣрнаго лекарства отъ скуки, раззориться. Князь было и пробовалъ, да оказалось, что и эта отрада для него недостижима: богатъ онъ такъ, что, сколько-бъ ни раззорялся, никогда раззориться не можетъ... Просто, со скуки, хоть ложись въ гробъ и помирай—одно осталось!

Дендевиль—генералъ, запечатлѣвшій свое имя въ исторіи войны за независимость «братушекъ» двоякимъ образомъ: на полѣ брани и на полѣ чести или—какъ полководецъ и какъ филантропъ. Во время сербско-турецкой войны состоялъ на ея театрѣ главнымъ уполномоченнымъ нашего «общества Краснаго Креста», причемъ не миновалъ коварныхъ усчитываній и обличеній со стороны, такъ называвшейся, «туркофильской» печати de St.-Petersbourg, которыя перенесъ, впрочемъ, съ большимъ мужествомъ. Въ русско-турецкой войнѣ является главнымъ сподвижникомъ Гурки въ знаменитомъ зимнемъ переходѣ черезъ Балканы и, послѣ санъ-стефанскаго мира, возвращается въ отечество увѣнчанный лаврами.

Денкеръ, Теодоръ, — имя хорошо извѣстное петербургскимъ любителямъ «благородныхъ напитковъ» и, въ нѣкоторомъ родѣ, литературное, ибо печатается въ обширномъ числѣ оттисковъ на произведеніяхъ г. Денкера несомнѣнно его собственнаго *сочиненія*, такъ какъ денкеровскіе «хереса», «дрей-мадеры» и «портвейны très vieux» какъ нельзя болѣе *оригинальны* и самобытны, хотя и носятъ нечестивыя басурманскія клички. Рѣчь идетъ объ одномъ изъ главныхъ въ столицѣ виноторговцевъ.

Де-Пуле, М. И. — писатель-журналистъ, забытый нынѣче въ такой степени, что многіе просвѣщенные со-

временники едва-ли подозрѣваютъ его существованіе, и развѣ только одни воронежскіе старожилы вспоминаютъ еще о немъ съ благодарностью. Для Воронежа г. Де-Пуле былъ чѣмъ-то въ родѣ первоучителя и апостола просвѣщенія: тамъ онъ обучалъ юношество наукамъ, насаждалъ губернскую литературу, открывалъ губернскіе таланты и едва-ли не первый основалъ губернскій журналъ, подъ названіемъ «Воронежскій литературный сборникъ», который по началу обѣщалъ быть вполнѣ приличнымъ журналомъ, хоть для столицы. Все-бы шло хорошо и, быть можетъ, Воронежъ воздвигъ-бы уже теперь монументъ своему первоучителю, но, къ сожалѣнію, для благоденствія послѣдняго и насажденной имъ воронежской литературы нехватало пустяка — казенной субсидіи, ради которой г. Де-Пуле безжалостно измѣняетъ Воронежу для Вильны, гдѣ и является нѣкоторое время редакторомъ мѣстнаго субсидированнаго «Вѣстника». Прибавимъ, что свою литературную извѣстность г. Де-Пуле долго поддерживалъ многими критико - библіографическими статьями въ столичныхъ журналахъ, и одно время его имя пользовалось даже честью служить мишенью для полемическихъ и юмористическихъ стрѣлъ.

Де-Роберти, Евгеній,—петербургскій домовладѣлецъ, тверской помѣщикъ и россійскій Огюстъ Контъ, даже болѣе, чѣмъ россійскій, такъ какъ недавно г. Де-Роберти самъ себя произвелъ въ *международные* философы, что явствуетъ изъ приданнаго имъ своей книжкѣ («Соціологія») широковѣщательнаго титула: «Международная научная библіотека». Вообще, въ излишней скромности и застѣнчивости его упрекнуть нельзя. Правда, за то мудръ и ученъ нашъ Огюстъ Контъ неслыханно, невѣроятно, дерзновенію подобно, и — самъ покойный Литтре, котораго онъ въ своей книжкѣ снисходительно называетъ «довольно даровитымъ», говорятъ, на смертномъ одрѣ, когда друзья со слезами спросили его: «На кого ты насъ, великій учитель, покидаешь?»—сказалъ:—«На Де-Роберти... Успокойтесь, mes amis!» Съ ученой Европой г. Де-Роберти на самой короткой ногѣ и, обыкновенно, выражается такъ: «Я и Стюартъ Миль полагаемъ», «Мы съ Гербертомъ Спенсеромъ думаемъ», «Я и Шеффле сходимся», и т. д. Впрочемъ, еще чаще г. Де-Роберти трактуетъ ученую Европу свысока и, въ пику ей, сочинилъ свою настоящую, непогрѣшимую «соціологію», въ которой не только ученая Европа, но самъ чортъ ногу сломитъ; основалъ собственную свою де-робертіановскую школу позитивной философіи, непремѣнно выдумалъ-бы порохъ и открылъ-бы Америку, еслибъ только они не были раньше его выдуманы и открыты... Маленькій человѣкъ съ очень великими претензіями, ставящими его въ комическое положеніе, г. Де-Роберти, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ нѣкоторой признательности современниковъ, какъ одинъ изъ немногихъ истинно - просвѣщенныхъ сыновъ отечества, искренно готовый послужить ему и его преуспѣянію, умѣющій быть, по временамъ, даже очень краснорѣчивымъ (зри его знаменитую рѣчь въ тверскомъ дворянскомъ собраніи), но коснѣющій въ бездѣйствіи по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ.

Деспотъ-Зеновичъ — весьма популярное имя среди сибиряковъ. Вопреки своему прозвищу, оставилъ по себѣ память въ тобольской губерніи,

которою нѣкогда управлялъ, гуманнаго, просвѣщеннаго и дѣятельнаго губернатора. Въ Сибири-же, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, добро крѣпко помнятъ... Нынѣ г. Деспотъ-Зеновичъ, числясь при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, живетъ въ Петербургѣ, на покоѣ, въ качествѣ заштатнаго сановника, которому, впрочемъ, еще ничто человѣческое не чуждо.

Дестуниссъ—ученый мужъ отживающаго поколѣнія. Публикѣ мало знакомъ, но въ ученомъ мірѣ пользуется почтенной извѣстностью, какъ переводчикъ, комментаторъ и критикъ древнихъ византійскихъ историковъ. Услуги, оказанныя имъ этимъ путемъ русской исторіи, поистинѣ безцѣнны, и—мы отъ души приглашаемъ читателя хорошенько запомнить уважаемое имя Г. С. Дестуниса.

Доброславинъ, профессоръ,—извѣстный гигіенистъ, немножко напоминающій Собакевича, потому что всегда скажетъ что-нибудь такое о нашей пищѣ, питьѣ и проч., отъ чего людей, отличающихся брезгливостью Ѳеодуліи Ивановны, невольно стошнитъ. Своими химико-микроскопическими анализами и изслѣдованіями совершенно убилъ всякую иллюзію жизни, вообще, и петербургской, въ особенности, доказавъ, что въ столицѣ нѣтъ ни вершка незараженной почвы, нѣтъ ни глотка чистой воды и свѣжаго воздуха, и что самый петербуржецъ есть, въ сущности, ничто иное, какъ ходячее «тѣло, предавшееся гнилости». Для пропаганды этихъ вовсе непріятныхъ истинъ г. Доброславинъ и публичныя лекціи читалъ, и статейки въ газетахъ пописывалъ и, наконецъ, свой журналъ основалъ: «Здоровье», который, по его совершенно патологическому содержанію, вѣрнѣе было-бы назвать «Болѣзнью»... Журналъ, впрочемъ, хорошій и дѣльный.

Добротворскіе. — Есть нѣсколько болѣе или менѣе извѣстныхъ Добротворскихъ, про которыхъ, однако-же, нельзя сказать, чтобы они «на одномъ солнышкѣ онучи сушили».

Есть въ Петербургѣ докторъ *Добротворскій*, который, вопреки своей фамиліи, прославился жестокосердіемъ по отношенію къ больнымъ, обращающимся къ нему не въ указные для визитовъ часы.

Есть *Добротворскій* морякъ и изобрѣтатель фантастическаго «воздушнаго корабля» — не лермонтовскаго, а своего собственнаго, на которомъ, впрочемъ, до сихъ поръ не совершилъ еще ни одного плаванія.

Есть, наконецъ, *Добротворскій* ученый и писатель, основательно изучившій расколъ и бытъ раскольниковъ, о чемъ и повѣдалъ въ нѣсколькихъ дѣльныхъ монографіяхъ.

Дойниковъ—гостинодворскій волшебникъ, обращающій «умныхъ дѣтей» по сходной цѣнѣ (нужно торговаться) въ счастливыхъ обладателей великолѣпныхъ домовъ, которые никогда не проваливаются на чью-нибудь голову, блестящихъ экипажей и рысаковъ, которые никого не давятъ, честныхъ кухарокъ, которыя отлично стряпаютъ и никогда не крадутъ, прекрасныхъ барынь, которыя всегда добродѣтельны и не требуютъ на себя дорогаго содержанія, красавцевъ-гусаровъ, которые очень храбры и рыцарски-благородны, но, при всемъ томъ, скромны и не любятъ ни буйства, ни кутежей, и т. д. Жаль только, что весь этотъ чудесный народъ изъ очень непрочнаго матеріала, какъ папье-маше, вата, картонъ и пр., да

и дѣлается онъ у Дойникова прескверно.

Домонтовичъ, И. И. — Цицеронъ петербургской думы, пріобрѣвшій извѣстность и уваженіе согражданъ не столько, впрочемъ, за краснорѣчіе и таланты—весьма спорные, сколько за долголѣтнее, безпорочное и усердное толченіе ораторской воды въ ступѣ городскихъ вопросовъ. Заслуга не малая — говоримъ это серьезно — предъ исторіей нашего городскаго самоуправленія, которая, несомнѣнно, скажетъ объ Иванѣ Ивановичѣ, примѣрно, такъ: «бѣ мужъ честенъ, именемъ Іоаннъ Многоглаголивый, который, къ удивленію современниковъ и потомства, стоя у общественнаго пирога, не только не стремился выкусить изъ него ломоть на свою долю, но былъ даже того, на рѣдкость, мнѣнія, что общественные пироги, будто-бы, не для такой цѣли стряпаются, а «излюбленные» думцы, будто-бы, не для хищенія оныхъ выбираются, и посильно, со многими усугубленіями, проповѣдывалъ сію мечтательную теорію, хотя и вотще»... Кромѣ этой отрицательной заслуги, исторія, вѣроятно, затруднится найти еще какую-нибудь положительную въ благочестивомъ житіи г. Домонтовича. Не думаемъ также, чтобы перлы его краснорѣчія г. Филоновъ занесъ въ свою хрестоматію образцовъ ораторскаго искусства, хотя, безспорно, по неутомимости и болтливости, г. Домонтовичъ рѣшительно превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ ораторовъ. Въ думѣ онъ говоритъ всегда и обо всемъ, такъ что одна экономная коломенская кофейница искренно пожалѣла какъ-то, въ простотѣ души:—отчего-де языкъ И. И. не вставленъ въ кофейную мельницу—сколько-бы онъ цикорія намололъ, а то, вотъ, мелетъ попусту, на усыпленіе думскихъ «милостивыхъ государей» и на смѣхъ газетчиковъ... Жалко!

Дононъ — по приговору гастрономовъ, чуть-ли не единственный въ Петербургѣ ресторанъ, гдѣ «можно поѣсть», если не всегда со вкусомъ, то, по крайней мѣрѣ, безъ большаго риска отравиться. Цѣны умѣренныя—всего два рублика за обѣдецъ; но m-sieur Дононъ—хозяинъ очень предупредительный и имѣетъ обыкновеніе заранѣе спрашивать гостя: *какою* шампанскаго прикажетъ онъ подать себѣ къ жаркому? Цѣны опять-таки умѣренныя и выборъ обширный: у m-sieur Донона есть всякія, къ услугамъ гостя, иностранныя вина, исключая *никакого*. Это sine qua non дононовскихъ обѣдовъ... хотите—кушайте, хотите—нѣтъ!

Доротъ — соплеменная и однородная съ предшествовавшей, фирма загороднаго притона для фешенебельнаго обжорства и пропойства, но уже въ превосходной степени: съ «чертиками», съ «зелеными зміями», съ цыганской пляской, съ сокрушеніемъ зеркалъ, съ буйствомъ и скандаломъ, а подъ часъ и съ полицейскимъ протоколомъ. Въ то время, какъ у Донона кушаютъ люди солидные, у Дорота обычные гости—гулящіе богатые «соврасы» и «ташкентцы», да ворующіе кассиры (зри жизнеописанія Бритнева, Юханцева и др.). О цѣнахъ здѣсь не спрашиваютъ и «счеты» пишутъ вилами, но на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ. Лучшаго, словомъ, помѣщенія шальнымъ и краденымъ деньгамъ и найти невозможно!

Драгомировъ, М. И., генералъ,—популярный въ военномъ мірѣ начальникъ Академіи Генеральнаго Штаба, считается авторитетомъ тактики, превосходной науки, которая учитъ по-

бѣжать, а, въ случаѣ пораженій, «ретироваться», но «съ честью». Изъ этого еще не слѣдуетъ, однако, чтобы, напр., горбуновскій генералъ Дитятинъ, досконально изучивъ прекрасно составленныя «Лекціи тактики» г. Драгомирова, сталъ-бы, вдругъ, полководцемъ или, ставши имъ,—допустимъ такой, небезпримѣрный въ исторіи, капризъ судьбы, — никогда не проигрывалъ-бы сраженій. Впрочемъ, это лучше насъ знаетъ самъ почтенный генералъ, такъ какъ онъ—заслуженный боевой офицеръ, изучившій войну практически, и считается компетентнымъ ученымъ не только по тактикѣ, но и по военной исторіи, которая, съ точки зрѣнія военнаго искусства, есть, въ сущности, исторія *исключеній* изъ непогрѣшимыхъ *правилъ* тактики.

Дубасовъ.—Имя и подвигъ г. Дубасова столь громки и общеизвѣстны, что прибавить къ его популярности мы ничего не въ состояніи.

Думашевскій, А. Б. — юристъ не у дѣлъ и публицистъ - диллетантъ, пользующійся извѣстностью, но не въ томъ размѣрѣ, какой она могла-бы имѣть, еслибъ не оставлялъ свое прихотливое перо такъ часто и такъ подолгу сохнуть въ бездѣйствіи. Впрочемъ, въ свое время г. Думашевскій поработалъ не мало (на государственной службѣ, по адвокатурѣ, по изданію: «Судебнаго Вѣстника», «Сборника кассаціонныхъ рѣшеній» и пр.), и поработалъ весьма удачливо, если не для своей славы, то для составленія себѣ того блаженнаго и независимаго положенія, въ которомъ всего удобнѣе роль беззаботнаго «любителя просвѣщенія», снисходительнаго къ собственной бездѣятельности и очень строгаго къ дѣятельности другихъ, смакующаго литературныя занятія не какъ хлѣбъ насущный, а какъ умственный десертъ и отчасти какъ комнатную гимнастику для «разбитія мыслей», но въ глубинѣ души совершенно индиферентнаго ко всему на свѣтѣ, кромѣ своего личнаго благосостоянія и комфорта. L'homme d'esprit и скептикъ, по складу ума, закаленнаго въ юриспруденціи, г. Думашевскій — нужно отдать ему справедливость — бываетъ неумолимъ въ своихъ, неотразимо - логичныхъ и остроумныхъ, диллетантскихъ «обвинительныхъ актахъ» (таковъ ужь у него литературный жанръ) противъ всякаго рода «хищенія», беззаконія и «прелюбодѣйства мысли», встрѣчающихъ въ немъ проницательнаго изслѣдователя, близко и всесторонне знакомаго съ дѣломъ...

Дурдинъ—пивной заводчикъ, пріобрѣвшій извѣстность своею неукротимой назойливостью, съ которою онъ много уже лѣтъ старается споить своимъ пивомъ все столичное населеніе и, для этого, стремится украсить своими полпивными всѣ перекрестки въ Петербургѣ. Можетъ быть, это ему и удалось-бы, еслибъ только столичное населеніе утратило способность различать порченую невскую воду, сдобренную кукельваномъ, отъ дѣйствительнаго пива.

Душкинъ — водевильный актеръ Александринскаго театра, но, по настоящему, главное амплуа его не на сценѣ, а въ печати, гдѣ онъ, независимо отъ себя, съиздавна исполняетъ отнюдь не благодарную роль безъотвѣтнаго балаганнаго «турки» для рецензентскихъ тумановъ. Между тѣмъ, чего-бы, казалось, требовать отъ г. Душкина?—Мужчина онъ благообразный, голосъ имѣетъ звонкій, на сценѣ держится «съ ловкостью почти военнаго человѣка», брюки на немъ всегда послѣдняго фасона, и ес-

ли ему чего не хватаетъ, такъ развѣ только таланта; но, вѣдь, талантъ, къ сожалѣнію, нельзя заказать ни у Сарра, ни у Тедески.

Дюжикова — молодая даровитая актриса Александринскаго театра на драматическія роли. Обладая стройной представительной фигурой, выразительной физіономіей и внутреннимъ огонькомъ, г-жа Дюжикова особенно хороша въ роляхъ барынь горючаго темперамента, съ испорченной жизнью, и была-бы безъукоризненна, еслибъ въ сильныхъ, патетическихъ мѣстахъ ея игры зрителю не казалось постоянно, что у нея, какъ-будто, нестерпимо жметъ платье гдѣ-то подъ мышками и, какъ будто, она чѣмъ-то подавилась, отчего голосъ ея получаетъ апоплексическій тембръ, такъ что нервному зрителю иногда невольно хочется крикнуть: «Воды! Бога ради, воды г-жѣ Дюжиковой!..» Конечно, это ужь вина природы, а отчасти и театральной школы, воспитавшей г-жу Дюжикову и не позаботившейся своевременно сгладить въ ней рѣзкую грубоватость манеръ и негармоничность органа.

Дюссо — французско-татарскій аристократическій ресторанъ, въ томъ-же родѣ, какъ и Борель (зри нашу характеристику сего послѣдняго), и составляетъ съ нимъ, по мѣстоположенію на Большой Морской и по спеціальности, дружественное визави, не лишенное поучительной, напоминающей Голгофу, аллегоріи для петербургскаго бонвивана, соразмѣрно раззоряющагося въ нихъ обоихъ.

Дьяковъ-Незлобинъ... съ позволенія сказать: — фамилія и псевдонимъ литератора, если только можетъ называться литераторомъ спеціальный сочинитель, съ позволенія сказать, доносовъ и пасквилей самаго предательскаго свойства. Рукоположенный первоначально въ чинъ «нашего спеціальнаго» сикофанта г. Катковымъ, г. Незлобинъ, съ позволенія сказать, закончилъ курсъ своей «литературной» подготовки въ харьковскомъ острогѣ, откуда, по освобожденіи, принятъ былъ въ объятія г. Цитовичемъ и сталъ его «правой рукой» по редижированію газеты «Берегъ» и наполненію оной сквернословіемъ. Съ прекращеніемъ «Берега» и полученіемъ изъ его редакціи гонорара, г. Незлобинъ не замедлилъ заставить г. Цитовича на самомъ себѣ испытать цѣну того оружія, за которое онъ передъ тѣмъ такъ его приголубилъ: коротко сказать, г. Незлобинъ отплатилъ своему принципалу безпощаднымъ предательствомъ... Вообще, съ этой стороны, г. Дьяковъ, съ позволенія сказать, такую пріобрѣлъ прочную репутацію, что современный поэтъ только и нашелся написать къ его портрету:

Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ,
А въ томъ, кого онъ самъ туда упрячетъ?

Е.

Евтушевскій—даровитый преподаватель математики, необыкновенно искусно доказывающій, что дважды два — четыре для ученика и—пятіалтынный для преподавателя. Повторилъ эту истину въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ своихъ «руководствъ» по ариѳметикѣ, принятыхъ во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ, и стяжалъ соотвѣтственное тому число пятіалтынныхъ, а можетъ быть даже и рублей.

Егаревъ—бывшій содержатель общедоступнаго увеселительно-порнографич. заведенія, извѣстнаго подъ именемъ «Семейнаго сада»—въ насмѣшку, «Демидова»—ex officio, «Демидрона»—на языкѣ петербургскихъ журировъ и «Демидошки»—въ ласкательномъ тонѣ петербургскихъ «Нана». Есть еще клички, но уже не совсѣмъ цензурныя. До своего недавняго банкротства, г. Егаревъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ современниковъ, «и не токма въ Россѣи слава про насъ гремѣла, мы-ста и заграницей довольно даже были извѣстны, промежь ахтеровъ тамошнихъ и этихъ самихъ каскодралокъ-французинокъ... Мы и въ Парижѣ ихнемъ многорядь бывали и всякіе виды видали... Будемъ такъ говорить: линію свою мы соблюдали въ акуратѣ и, хоша сами понятіевъ большихъ въ пѣньи, музыкѣ и во всѣхъ энтихъ модныхъ биляндрясахъ не имѣли, одначе-жъ, въ существо дѣла вникали и, благодарить Всевышняго, завсегда на скусъ публики въ самый разъ потрафляли».

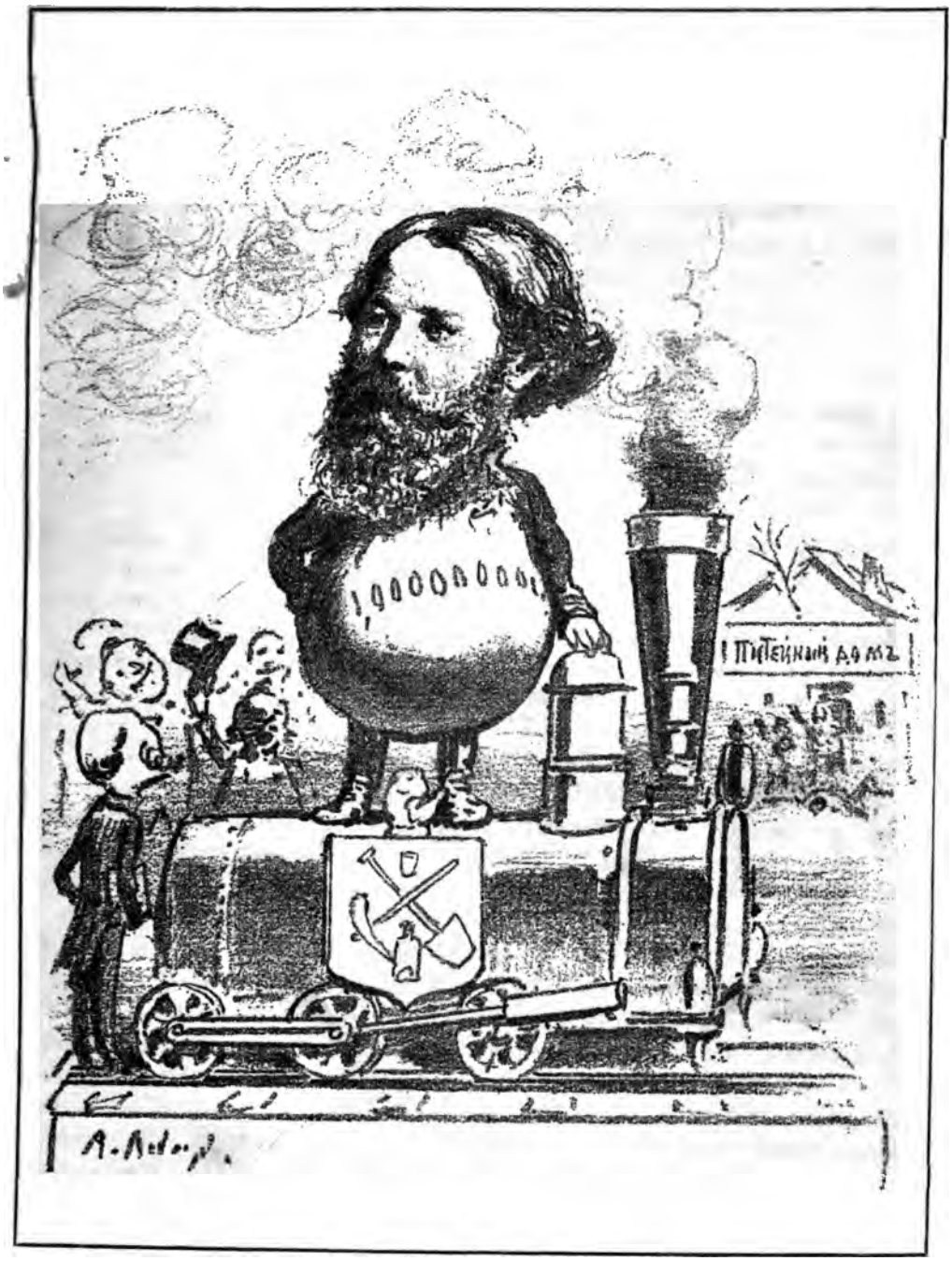
Езерскій—спеціалистъ по бухгалтеріи и большой мастеръ пускать о себѣ рекламы. Много и долго хвалился изобрѣтеніемъ новой системы счетоводства; но впишется-ли имя г. Езерскаго на одну доску съ именами Пиѳагора, Архимеда и Ньютона—намъ неизвѣстно. За то въ лѣтописяхъ «Русскаго техническаго общества», которое онъ потрясъ своей страстной, скандалезной оппозиціей произволу его вельможной администраціи, имя г. Езерскаго запечатлѣется неизгладимо.

Екшурскій—Брокгаузъ Щукина двора, прототипъ рыночныхъ книгопродавцевъ-маклаковъ, промышляющихъ книжнымъ «товаромъ», съ «изъян-

цемъ», съ «фальшецой», съ «подвохомъ», а случается—и, съ контрафакціей. Г. Екшурскій соперничаетъ съ московскими Леухиными и Манухиными, по изданію сѣрой макулатурной бумаги въ обертках, украшенныхъ забористыми заголовками («Самоновѣйшіе Оракулы», «Сонники», «Еруслаы Лазаревичи» и т. п.), и имѣетъ наивность думать, что онъ издаетъ *книги* «для народнаго чтенія». Но съ наивностью гг. Екшурскихъ еще можно было-бы помириться, а больно то, что фабрикуемая ими книжная дрянь находитъ въ народѣ массу читателей.

Елисеевъ, Григорій Захаровичъ,—одинъ изъ отцовъ и столбовъ россійскаго либерализма. Первоначально слава его возблистала въ Казани и, притомъ, на горизонтѣ не вольномыслія, а богословскаго смиренномудрія, преподавателемъ котораго Г. З. состоялъ въ мѣстной духовной академіи; но уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мы его видимъ въ ряду самыхъ рьяныхъ сотрудниковъ вольнодумнаго «Современника» и легкомысленной «Искры». Съ той поры и по наши дни г. Елисеевъ—нынѣ уже удрученный ветхостью ветеранъ—не оставлялъ ни знамени либерализма, ни поприща журналистики. Со времени перехода «Отечественныхъ Записокъ» къ Некрасову и послѣдовавшаго, при этомъ, раскола въ средѣ сотрудниковъ бывшаго «Современника», Г. З. примкнулъ къ лагерю «Отеч. Записокъ» и не разъ вступалъ въ жестокое ратоборство со своими старыми товарищами по «Современнику», гг. Антоновичемъ и Жуковскимъ, на немалый соблазнъ либеральной партіи и къ великому злорадству ретроградовъ. Какъ въ «Современникѣ», такъ и въ «Отеч. Запискахъ» г. Елисеевъ велъ «Внутреннее Обозрѣніе», и велъ его всегда умно, талантливо, въ неуклонно-свободолюбивомъ «направленіи», и всегда съ такимъ междустрочнымъ намекомъ, что онъ и не такое еще смѣлое сказалъ-бы «словечко, кабы не былъде волкъ недалечко»... Въ настоящее время Г. З., кажется, вовсе не пишетъ и, въ качествѣ заслуженнаго ветерана, почіетъ на лаврахъ, пользуясь обезпеченнымъ положеніемъ соредактора и пайщика «Отечественныхъ Записокъ».

Елисеевъ — фирма общеизвѣстнаго въ Петербургѣ фруктоваго магазина, изъ оконъ котораго уже во времена капитана Копѣйкина «выглядывали», въ нѣкоторомъ родѣ, семга адская, вишеньки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ адской высунулся и, такъ сказать, ищетъ дурака, который заплатилъ-бы за него сто рублей; словомъ—соблазнъ»... Все это исторически вѣрно и по наши дни, особенно, что касается елисеевскихъ цѣнъ, дѣйствительно разсчитанныхъ если не на дураковъ, то на расточителей и мотовъ. Главная, впрочемъ, статья торговли Елисеева — «иностранныя» вина болѣе или менѣе «внутренняго» приготовленія; однако-жъ, даже многоученый профессоръ Березинъ, въ своемъ, скупомъ на похвалы, «Энциклопедическомъ словарѣ», компетентно свидѣтельствуетъ, что «хереса Елисеева славятся во *всей* Россіи». Кажется, и та «губернская мадера», которою Сквозникъ-Дмухановскій подчивалъ Хлестакова и которая, по его аттестаціи, «не казиста на видъ, а и слона повалитъ съ ногъ», носила ярлыкъ елисеевскаго погреба. Несомнѣнно, что, по размѣру сбыта своихъ винъ, г. Елисеевъ первенствуетъ передъ всѣми россійскими виноторговцами. Вообще, его колоніальная



«Мышокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался».

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 1883 г.

и бакалейная торговля громадна, если вѣрить сказанію, что онъ однѣхъ таможенныхъ пошлинъ выплачиваетъ около милліона рублей. О размѣрѣ елисеевскихъ барышей и капиталовъ предоставляемъ уже составить смѣту воображенію читателя.

Енгалычева, княжна, — оперная и концертная пѣвица, если не «дива», то во всякомъ случаѣ *диво*, такъ какъ видѣть на театральныхъ подмосткахъ артисткомъ съ княжескимъ титуломъ не часто приходится. Кажется, въ титулѣ и главная достопримѣчательность княжны-пѣвицы, чего ради на нее охотно ходятъ дивиться въ ротозѣеватой провинціи, гдѣ она нынѣче по-преимуществу и подвизается. Впрочемъ, княжна пробовала очаровывать своимъ голосомъ и столицы, какъ отечественныя, такъ и иностранныя, но, сколько извѣстно, не успѣла исхитить пальму первенства ни у Патти, ни у Нильсонъ.

Ермолова, актриса, — юная краса московскаго драматическаго театра, кумиръ московскихъ театраловъ. Внѣшняя представительность и величавая пластичность тѣла, въ соединеніи съ женственной силой духа и сердечнымъ огнемъ дѣлаютъ г-жу Ермолову первоклассной, плѣнительной «любовницей»... драматической, конечно.

Есипова — знаменитая наша піанистка, искусной игрѣ которой удивлялись оба полушарія. Г-жа Есипова, какъ извѣстно, совершила чуть не кругосвѣтное артистическое путешествіе и всюду удостоивалась самыхъ лестныхъ отзывовъ. И точно, подъ ея могучими и волшебными перстами рояль (особенно, если хорошей фабрики) превращается въ совершенно живое существо, которое дышетъ и стонетъ, мыслитъ и чувствуетъ, поетъ и пляшетъ, хохочетъ и рыдаетъ, и только ѣсть не проситъ, но за то, послѣ каждаго концерта г-жи Есиповой, настоятельно требуетъ, чтобы его починили и настроили.

Есиповъ, Г. В. —«свой человѣкъ» въ государственныхъ архивахъ, изъ которыхъ и черпаетъ, съ трудолюбіемъ запасливой пчелы, архивный медъ для своего иждивенія. Благодаря этой, недоступной для другихъ изслѣдователей, привиллегіи, г. Есиповъ и за *историка* прослылъ, хотя всѣ его «труды» («Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», «Сборникъ документовъ по дѣлу царевича Алексѣя» и проч.) состоятъ, собственно, въ списываніи, нанизываньи и подшиваньи извлеченныхъ изъ архивовъ однородныхъ матеріаловъ, безъ всякой почти разработки. А, впрочемъ, и за то спасибо!

Есиповъ — наивный россіянинъ, издающій, подъ общимъ заголовкомъ «Шутъ», сальныя картинки, съ порнографическимъ текстомъ, и воображающій, что это онъ издаетъ «художественно-юмористическій журналъ».

Ефремовъ, П. А.—извѣстный библіографъ и библіофилъ. По-китайски трудолюбивый и по-нѣмецки точный, г. Ефремовъ съ непроходимой обстоятельностью просѣялъ сквозь самое густое библіографическое сито сочиненія Пушкина, Лермонтова, фонъ-Визина и др., привелъ въ извѣстность варіанты каждой ихъ строчки и чуть не каждаго знака препинанія, опредѣлилъ годы, мѣсяцы, дни, часы и минуты появленія каждаго ихъ стишка и даже то, какими чернилами и на какой бумагѣ онъ былъ написанъ, а также при какихъ обстоятельствахъ: легко или трудно варилъ у авторовъ въ эти минуты желудокъ? хорошо или дурно они спали? не было-ли у нихъ насморка? и т. д. Говорятъ, у него

въ портфелѣ имѣется любопытный трактатъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать найденную имъ въ одномъ дубликатѣ рукописи Пушкина лишнюю запятую: съ намѣреніемъ-ли она поставлена, и если съ намѣреніемъ, то съ какимъ именно, или случайно, но тогда—была-ли это случайность причинная или автоматическая, простая или сложная, логическая или грамматическая? и т. д. Наконецъ, не есть-ли сія загадочная запятая произведеніе мухи, запачкавшей рукопись геніальнаго поэта?.. Какъ угадать! Съ такой пунктуальностью — весьма похвальной, конечно,—г. Ефремовъ редактировалъ, между прочимъ, послѣднее исаковское изданіе Пушкина, причемъ, съ неменѣе похвальной стыдливостью замѣнилъ нескромныя словечка фривольныхъ стишковъ поэта отмѣнно цѣломудренными выраженіями собственнаго изобрѣтенія, во вкусѣ гоголевской «пріятной дамы». Какъ библіоманъ, г. Ефремовъ собралъ замѣчательную коллекцію рѣдкихъ изданій, портретовъ и автографовъ, въ томъ числѣ, какъ говорятъ, у него можно видѣть подлинные портреты, съ автографами, полковника Скалозуба, графа Нулина, Кифы Мокіевича, Козьмы Пруткова и другихъ историческихъ личностей. Сходство ихъ, говорятъ, изумительное!

Ж.

Ждановъ — фамилія весьма почтеннаго изобрѣтателя, но при ея произнесеніи возбуждается крайне неблагоуханное представленіе о, вошедшей въ пословицу, ждановской жидкости и о дезинфекціи. Вслѣдствіе этого, не принято, при дамахъ и особенно за обѣдомъ, упоминать имя г. Жданова; вслѣдствіе этого-же, былъ слухъ, что для самого г. Жданова фамилія его стала до того неблаговонной и противной, что онъ ходатайствовалъ о ея перемѣнѣ, а когда его спрашивали въ обществѣ, какъ его зовутъ, то онъ нерѣдко отвѣчалъ: «У меня пока нѣтъ фамиліи... Вотъ ужо я ее исходатайствую!»

Жемчужниковъ, А. М. — современный Чацкій, въ редакціи котораго извѣстный стихъ: «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ»,—вышелъ такъ:

И хочется сказать, что въ наши времена
Тотъ честный человѣкъ, кто родину не любитъ—

не любитъ ради тѣхъ, населяющихъ ее нынѣ, журнальныхъ «патріотовъ своего отечества», въ устахъ которыхъ «языкъ родной» «звучитъ такъ подло и такъ пошло»... На самомъ-же дѣлѣ, г. Жемчужниковъ родину очень любитъ, что и доказалъ, послуживши ей, во-первыхъ, въ качествѣ губернатора и, во-вторыхъ, какъ стихотворецъ и сатирикъ. Порою прошлой такія совмѣщенія были возможны. Г. Жемчужниковъ написалъ нѣсколько комедій въ стихахъ, но особенно отличился на поприщѣ сатиры и юмористики подъ безсмертнымъ псевдонимомъ Козьмы Пруткова, украшавшимъ собою страницы «Современника» и «Искры» въ эпоху медоваго мѣсяца россійскаго прогресса. Нынѣ г. Жемчужниковъ исполняетъ роль «честнаго человѣка» à la Чацкій, т. е., омерзѣвъ къ «родинѣ святой», праздно скитается по «заграницамъ»,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Есть еще другой Жемчужниковъ — В. А., братъ вышеписаннаго, то-же писатель отчасти: оба они значатся издателями вышедшаго недавно полнаго собранія сочиненій знаменитаго

Козьмы Пруткова, подъ именемъ котораго писали въ союзѣ съ покойнымъ графомъ А. К. Толстымъ.

Жемчужниковъ—«приличный молодой человѣкъ симпатичной наружности», пріобрѣвшій въ журналистикѣ неособенно завидную славу дѣятеля, попавшаго не въ свою тарелку. Г. Жемчужникову попритчилось, что достаточно быть «приличнымъ молодымъ человѣкомъ», обладать «симпатичной наружностью» и пачкой непроѣденныхъ еще выкупныхъ свидѣтельствъ, чтобы сдѣлаться редакторомъ-издателемъ журналовъ. Съ теченіемъ времени г. Жемчужниковъ успѣлъ, однако, разочароваться въ этой сладкой иллюзіи, оставивъ по себѣ въ исторіи русской журналистики грустное воспоминаніе, какъ о неудачномъ издателѣ двухъ скоропостижно умершихъ журналовъ «Молва» и «Слово».

Жижиленко — живописецъ-пейзажистъ, время отъ времени заявляющій о своемъ существованіи на годичныхъ академическихъ выставкахъ своими ландшафтами, замѣчательными тѣмъ, что на нихъ природа представлена какъ-бы вымытой миндальнымъ мыломъ, подчищенной и прилизанной: травка приглажена стебелекъ къ стебельку, какъ бакенбарда департаментскаго столоначальника, деревца припомажены, расчесаны и завиты парикмахеромъ... Словомъ, г. Жижиленко, по присущей ему стыдливости, не любитъ природу въ дезабильѣ.

Жилинскій, генералъ, — военный инженеръ, олицетворившій въ себѣ современнаго Цинцината, ибо вложенный ему въ руки военной наукой убійственный мечъ обратилъ въ миролюбивую лопату для борьбы со стихіями. По справедливости, можетъ назваться истиннымъ завоевателемъ знаменитыхъ и до него непроходимыхъ Пинскихъ болотъ, которыя онъ, своей канализаціонной «осушкой», мужественно отвоевалъ у природы и включилъ въ предѣлы Европы и Россійской Имперіи.

Жукова—граціозная корифейка петербургскаго балета, имѣющая значеніе, впрочемъ, не болѣе, какъ одной изъ безчисленныхъ очаровательныхъ улыбокъ Терпсихоры Большаго театра.

Жуковскій, Ю. Г.—публицистъ, политико-экономъ и чиновникъ министерства финансовъ. Былъ одной изъ главныхъ силъ покойнаго «Современника» и, можно сказать, спѣлъ его лебединую пѣснь, надѣлавшей шуму, рѣзкой и смѣлой статьей своею: «Вопросъ о молодомъ поколѣніи». Въ междоусобицѣ, возникшей въ рядахъ старой дружины «Современника», когда она собралась подъ гостепріимной крышей «Отечественныхъ Записокъ», г. Жуковскій всталъ подъ мятежное знамя, поднятое г. Антоновичемъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, открылъ печальной памяти полемическій походъ противъ Некрасова и К°. Сепаратизмъ этотъ повелъ къ непоправимому декадансу публицистической карьеры какъ г. Антоновича, такъ и г. Жуковскаго, хотя—нѣтъ худа безъ добра—не мало способствовалъ процвѣтанію служебной карьеры сего послѣдняго. Друзья до гроба, они пробовали было совокупными силами открыть свою «лавочку» на журнальномъ рынкѣ, подъ громкой вывѣской «Космосъ» (журналъ, изд. 1869 г.); но—увы!—гражданственный кличъ ихъ прозвучалъ малое время въ пустынѣ равнодушія публики и смолкнулъ. Послѣ того, Ю. Г. изрѣдка напоминалъ о своемъ существованіи на страницахъ «Вѣстника Европы» политико-экономическими статьями, какъ всегда у него, умными, дѣльными и отмѣнно-либеральны-

ми. Въ послѣднее же время г. Жуковскій, кажется, исключительно преуспѣваетъ на служебномъ поприщѣ, а можетъ быть достигъ на немъ уже такихъ «степеней извѣстныхъ», на вершинѣ которыхъ занятіе журналистикой—если не порокъ, то легкомысліе.

Жуковскій — присяжный повѣренный изъ категоріи тѣхъ, что зарѣзываютъ безъ посредства рѣжущихъ орудій, брѣютъ безъ бритвы, но за то и служатъ иногда надежнымъ громоотводомъ противъ прокурорскихъ перуновъ. Силенъ полемическимъ дарованіемъ и никогда не прощаетъ гг. прокурорамъ ахиллесовыхъ пятокъ. Обыкновенно начинаетъ свою «защиту» выраженіемъ почтительнаго удивленія къ талантливости, эрудиціи и краснорѣчію «слова» «высокоуважаемаго представителя обвиненія»; но затѣмъ неощутительно, съ видомъ ехидной невинности, не оставляетъ въ немъ камня на камнѣ и, въ концѣ концовъ, «высокоуважаемый представитель» является у него обнаженнымъ и отъ таланта, и отъ эрудиціи, и отъ краснорѣчія, а подсудимый, при этомъ, чуть не пляшетъ.

Жуковъ —угасшая знаменитость, на которой буквально сбылась мудрая истина, что слава есть дымъ. Нѣкогда вся культурная Россія курила ароматный жуковскій табакъ и, кажется, самъ Грибоѣдовъ, сказавшій, что «дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», подразумѣвалъ именно *дымъ* «Жукова». Но пошли новыя «вѣянія» и новые табаки,—дымъ жуковскаго «вакштафа» все рѣже сталъ коптить россійскіе поднебенья и потолки, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала испаряться и громкая слава фирмы Жукова. Нынѣ курить еще жуковскій табакъ едва-ли не одинъ генералъ Бетрищевъ, но—вотъ вопросъ: живъ-ли еще самъ Бетрищевъ?

Жулева—видная и заслуженная актриса Александринскаго театра. Любитъ играть владѣтельныхъ герцогинь и grandes dames, въ изображеніи которыхъ подавляетъ зрителя неслыханной аристократичностью тона и манеръ: гордый, уничтожающій взоръ, турнюръ Юноны, величавая поступь статуи командора въ «Каменномъ Гостѣ», произношеніе въ носъ и сквозь зубы, и—ужь «словечка въ простотѣ не скажетъ»... Королева, да и только! Въ патетическихъ-же мѣстахъ обнаруживаетъ такую истерическую порывистость и возвышенность чувствованій, что даже казенная мебель александринской сцены — кажется, прочная,—и та испытываетъ въ эти минуты глубокое потрясеніе. Мы-бы сказали, что г-жа Жулева истинно-хороша въ роляхъ того типа дамъ, которыхъ въ просторѣчіи называютъ *фуріями*, но боимся, что она не приметъ этого за чистосердечный комплиментъ.

Журавлевъ, Ф. С. академикъ,—даровитый живописецъ-жанристъ, сдѣлавшій себѣ имя двумя талантливыми картинами изъ купеческаго быта: «Поминки» и «Благословеніе невѣсты», замѣчательными своей художественной реальностью, правдивостью и сочной жизненностью типовъ. По этимъ качествамъ и по средѣ, которую г. Журавлевъ избралъ для штудированія, онъ является, въ своемъ родѣ, Островскимъ въ живописи и, во всякомъ случаѣ, дополняетъ и безподобно иллюстрируетъ «темное царство» нашего славнаго драматурга.

З.

Забѣлинъ, А. И. —мужъ благій и отчасти боговдохновенный. Представляетъ рѣдкій примѣръ партикулярнаго человѣка, основательно знакомаго съ духовной литературой и съ церковнымъ законодательствомъ, по части которыхъ написалъ для профановъ нѣсколько дѣльныхъ статей и книжекъ. Недавно перевелъ и издалъ «Избранныя бесѣды» извѣстнаго своимъ религіознымъ раціонализмомъ пастора Берсье, и уже по этому одному можемъ заключить о свойствѣ убѣжденій и симпатій г. Забѣлина, сдѣлавшихъ его, какъ говорятъ, «неудобнымъ» для продолженія безпорочной службы въ казенномъ зданіи, на углу сенатской площади и конно-гвардейскаго бульвара.

Забѣлинъ, И. Е. — талантливый, многосвѣдущій и плодовитый изслѣдователь-археологъ по русской исторіи, литературу которой обогатилъ нѣсколькими прекрасными и капитальными книгами: «Бытъ русскихъ царей» и «Бытъ русскихъ царицъ», «Кунцово и древній сѣтунскій станъ», «Исторія русской жизни», «Прямые и кривые Смутнаго времени», и проч.; кромѣ того, много писалъ и пишетъ въ журналахъ. Основательно знаетъ и помнитъ наизусть, сколько было въ гардеробѣ Ивана Калиты «серезей» и кафтановъ «червчатыхъ», «*объярин*ныхъ», «алтабасныхъ», да «золотныхъ съ травы», даже сколько на каждомъ изъ нихъ сидѣло пуговицъ; досконально изслѣдовалъ, сколько и какихъ именно сорочекъ, да «портищъ», да «ширинокъ» находилось въ походномъ чемоданѣ Дмитрія Донскаго, когда онъ ходилъ «подъ» Мамая; совершенно проникъ въ туалетныя тайны Марины Мнишекъ и можетъ съ достовѣрностью опредѣлить ароматъ, качества и цѣну мыла, которымъ мылась Марѳа Посадница... Вообще, археологическая эрудиція г. Забѣлина удивительна; но еще удивительнѣе то, что онъ не засохъ въ ея пыльной, мертвенной атмосферѣ, какъ это случается обыкновенно съ археологами, а сохранилъ живую воспріимчивость и эластичность ума, чуткаго къ жизненной правдѣ и умѣющаго прочитать ее подъ мертвыми буквами затхлыхъ свитковъ и памятниковъ. По политическимъ симпатіямъ, г. Забѣлинъ примыкаетъ слегка къ славянофильскому лагерю, но чуждъ его крайностей и его мракобѣсія. Поклонникъ москов-

ской старины, онъ, однакожь, не ея идолопоклонникъ; восхищается покроемъ «алтабасныхъ» «ферезей» Василія Темнаго, но не отказываетъ въ исторической законности и европейскому фасону кафтановъ Петра Великаго; любитъ Москву, но не лишаетъ правъ существованія и Петербургъ. Къ слову о Москвѣ: нынѣ г. Забѣлинъ трудится надъ ея исторіей, по порученію московской думы, и — наука ждетъ многаго отъ этого огромнаго труда неутомимаго историка.

Забѣлло, П. П., академикъ, — извѣстный скульпторъ новѣйшаго реалистическаго «направленія». Очень любитъ и—что особенно удивительно въ русскомъ художникѣ—даже знаетъ отечественную литературу, и вдохновляется главнымъ образомъ ея образцами и свѣтилами. Такъ, иллюстрировалъ «Евгенія Онѣгина» мраморнымъ изваяніемъ Татьяны — похожа капля въ каплю—и воздвигъ модель статуи самого Пушкина — одну изъ лучшихъ, какія только были представлены на конкурсъ памятника великому поэту. Затѣмъ, любителямъ скульптуры и изящной словесности хорошо извѣстны прекрасные бюсты г. Забѣлло нашихъ знаменитостей: Грибоѣдова, Тургенева, Петрова, Некрасова, Салтыкова и друг.

Завьяловъ въ Ворсмѣ,—кто на Руси не знаетъ этого имени и не прочитываетъ его ежедневно, съ признательностью и даже съ нѣкоторой патріотической гордостью, разрѣзывая, напр., котлетку, очиниван карандашъ или остригивая ногти? Говоримъ, конечно, о той Руси, которая настолько уже предалась «лакейству передъ Европой», что усвоила себѣ тлетворныя привычки кушать котлетки, обращаться съ карандашемъ и стричь ногти. Отсюда «Завьяловъ въ Ворсмѣ»—истинный піонеръ у насъ цивилизаціи и одно изъ нагляднѣйшихъ ея знаменій. Да множатся-же его перочинные ножики, аки песокъ морской, и да наполняютъ собой русскую землю! Что касается исторіи сей почтенной фирмы, то извѣстно, какъ это доказалъ, если не ошибаемся, археологъ-профессоръ Гаркави, что уже на томъ ножѣ, которымъ Авраамъ собирался «закласть» Исаака, ясно значилось: «Завьяловъ в Ворсме» (Завьяловское правописаніе тогда еще уступало достоинству завьяловской стали).

Загуляевъ—представитель того новѣйшаго типа писателей, которые могутъ назваться усовершенствованными газетными круподернями, готовыми *молоть* что угодно и какъ угодно, съ безразличной добросовѣстностью патентованной машины. Даровитый, свѣдущій и искусный «омъ-де-летръ» на всѣ руки, но пишетъ обыкновенно двумя одновременно: правой, напримѣръ, «политическое обозрѣніе» для «Новаго Времени» на русскомъ языкѣ и въ духѣ суворинскаго направленія (т. е., направленія—«чего извольте?»), а—лѣвой revue diplomatique для «Journal de St.-Petersbourg», по-французски, съ высшей точки зрѣнія «кабинета»... Ничего—и такъ и эдакъ выходитъ одинаково хорошо, гладко и убѣдительно!

Закъ—«человѣкъ, который имѣетъ солидныя отношенія къ»... къ иностраннымъ банкирамъ, какъ о томъ повѣдалъ однажды, ко всеобщему свѣдѣнію, одинъ изъ его панегиристовъ. И дѣйствительно, биржевая закулисная молва (которой, впрочемъ, немногаго стоитъ и приврать) не разъ приписывала г. Заку почетную роль полномочнаго посредника въ кое-какихъ «внѣшнихъ» и «внутреннихъ» займахъ. Несомнѣнно, г. Закъ—выдаю-

щееся свѣтило петербургской еврейской банкократіи, по смѣлой предпріимчивости и гэшефтмахерскому искусству на широкую ногу; состоитъ директоромъ Учетнаго и ссуднаго банка или, точнѣе сказать, его неограниченнымъ самодержцемъ.

Запольская—одна изъ шикарныхъ примадоннъ московской оперы-буффъ Лентовскаго, сводящихъ съ ума и петербургскихъ меломановъ той категоріи, которая въ антропологіи больше извѣстна подъ именемъ «мышиныхъ жеребчиковъ». Была увѣнчана лаврами, засыпана поднесеніями и цвѣтами, воспроизведена кистью художника Богданова и воспѣта въ мадригалѣ, начинавшемся стереотипнымъ вступленіемъ, которымъ аркадійскіе поэты попеременно привѣтствовали всѣхъ примадоннъ Лентовскаго:

О, Запольская дѣвица—
Вы суть премилая пѣвица!

Зарубинъ, П. А.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ И. С. Тургеневъ засвидѣтельствовалъ въ «Русской Старинѣ», что онъ не знаетъ болѣе правдиваго, болѣе точнаго и полнаго, по богатству и непосредственности наблюденій, беллетристическаго изображенія мѣщанской среды и жизни, какое далъ г. Зарубинъ въ своей прекрасной книгѣ «Темныя и свѣтлыя стороны русской жизни». Эта похвала не нуждается ни въ провѣркѣ, ни въ подтвержденіи. Добавимъ, что г. Зарубинъ, вообще, человѣкъ замѣчательный. Довольно сказать, что онъ всего достигъ самоучкой, и въ томъ числѣ высшихъ математическихъ познаній, сдѣлавшихъ его выдающимся механикомъ и авторомъ нѣсколькихъ, замѣченныхъ наукою, открытій и изобрѣтеній. Къ сожалѣнію, не очень давно ему пришла фантазія рѣшать, на основаніи теоріи зубчатыхъ колесъ и системы насосовъ, и соціально-политическія задачи русской жизни. Сочиненный имъ, при этомъ, вентиляторъ, для очистки спертаго смутой воздуха въ отечествѣ (зри его брошюру «Объ анархіи»), оказался такой чудовищно-ретроградной и ни съ чѣмъ несообразной машиной, что даже г. Катковъ ужаснулся. Впрочемъ, послѣ этого смѣлаго изобрѣтенія въ дѣлѣ общественной механики, г. Зарубинъ дальше не пошелъ, во-первыхъ, потому, что дальше «Геркулесовыхъ столбовъ» идти ужь некуда, а, во-вторыхъ, и потому, быть можетъ, что самъ онъ, съ трезвостью здороваго русскаго ума, устыдился своей ошибки.

Засодимскій — даровитый беллетристъ изъ школы «народниковъ», сотрудничаетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Народномъ Богатствѣ» и другихъ «толстыхъ» журналахъ. Родовыя примѣты: вѣроисповѣданія—альтрупетическаго (есть нынѣче такое), мыслитъ—«честно», чувствуетъ—одну лишь «гражданскую скорбь» и никакихъ другихъ чувствъ не признаетъ, пишетъ — красными чернилами, питается—акридами, и то съ угрызеніемъ совѣсти (ибо сколько есть бѣдняковъ, которые и акридъ не имѣютъ), и вдохновляется исключительно однимъ «мужичкомъ». Всѣ сіи примѣты тѣмъ болѣе почтенны, что вполнѣ искренни. Сочиненія г. Засодимскаго пространны, но ихъ содержаніе и характеръ могутъ быть воспроизведены въ такой краткой сценѣ:

Мужичекъ (изнуренный, изможденный, холодный и голодный, трудится въ потѣ лица на своей тощей нивѣ и поетъ):

Ахъ, ты доля моя,
Доля горррь-ка-я!

Баринъ (захудалый, въ протоптанныхъ ботинкахъ, праздно прогуливает-

«Давайте пить,
Плясать любить
О, въ этой жизни все такъ дивно!»

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 16 НОЯБРЯ 18

ся по своимъ запустѣлымъ и заложеннымъ въ поземельномъ банкѣ владѣніямъ и тяжко вздыхаетъ о крѣпостномъ правѣ. Обращаясь къ мужичку): О, неблагодарный пейзанъ! тебѣ дана гибельная свобода съ надѣломъ и—ты ропщешь, у меня отняли тебя, я раззоренъ и—я молчу... стражду и молчу... Ахъ! (вынимаетъ носовой платокъ и роняетъ въ него обильныя крѣпостническія слезы).

Разуваевъ (выѣзжаетъ на сытомъ меринѣ изъ муромскаго лѣса): Эге! да никакъ у мужичка на хребтѣ осталась еще рубашка, а у барина въ карманѣ—носовой платокъ?.. Стащимъ! (*объѣзжаетъ* мужичка и барина и, на законномъ основаніи, лишаетъ ихъ послѣдней рубашки и послѣдняго носоваго платка).

Авторъ (высовываясь изъ-за кулисъ и указывая перстомъ на совершившійся денной грабежъ): Читатель, разумѣй и чувствуй! все сіе съ подлиннымъ вѣрно... вотъ!

Все сіе, несомнѣнно, съ подлиннымъ вѣрно, и—цѣль этой шутливой пародіи вовсе не въ томъ заключается, чтобы умалить публицистическое и воспитательное значеніе правдивыхъ повѣствованій г. Засодимскаго.

Захарьинъ — медицинское свѣтило Москвы и одинъ изъ самыхъ рѣдкостныхъ ея типовъ. У замоскворѣцкаго купечества онъ составилъ себѣ совершенно легендарную репутацію: слабонервныя купчихи питаютъ къ нему суевѣрный страхъ и, при видѣ его, падаютъ въ обморокъ, а разсчетливые купцы, при одномъ имени г. Захарьина, хватаются за карманъ. Первыхъ онъ, говорятъ, излѣчиваетъ отъ всякихъ недуговъ нестолько медикаментами, сколько гипнотизирующей свирѣпостью обращенія и произнесеніемъ, по рецепту Островскаго, «страшныхъ» медицинскихъ словъ: «анатомія», «гистологія», «ампутація», «резекція» и т. под., а вторыхъ—баснословными цифрами своего гонорара.

— Ежели — говорятъ московскіе купцы — заплатить г. Захарьину за два, за три визита, — всякую охоту хворать, какъ рукой, съ тебя сниметъ... Не раззоряться-же стать изъ-за такого баловства!

Зеленскій — извѣстный петербургскій дѣтскій врачъ. Необыкновенно мягкій и сладкій господинъ, съ бархатными глазами и ласково-вкрадчивыми манерами не то кормилицы, не то кота-мурлыки. Языкъ у него тоже бархатный. Никогда не скажетъ, напр., «пупъ», а—«пупочекъ», и не «клистиръ», а—«клистирчикъ»... Дѣтей очень любитъ, особенно если ихъ родители хорошо платятъ за визиты; но благосклоненъ и къ старшему возрасту, въ образѣ эдакихъ свѣженькихъ, миловидныхъ боннъ и нянюшекъ. Жаль только, что между ними оказываются иногда такія строптивыя буки, которыя нѣжное врачебно-діагностическое вниманіе доктора къ ихъ тѣлосложенію истолковываютъ въ скандалезномъ смыслѣ, да еще печатаютъ о томъ въ газетахъ. Г. Зеленскій пользуется извѣстностью и въ литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ дѣльныхъ книгъ по психологіи.

Зеленый.—Всюду, гдѣ есть пресса, ее принято группировать, по политической окраскѣ, на три основныхъ цвѣта: «бѣлую» или консервативную, «черную» или клерикальную и «красную» или либеральную. Одесская пресса, отличающаяся, какъ извѣстно, необыкновенной предпріимчивостью и разъѣдаемая жестокимъ междоусобнымъ живоглотствомъ, довела эту классификацію политическихъ цвѣтовъ до рѣдкостнаго разнообразія. Въ ней,

напр., существуютъ «направленія»: гнѣдой масти, саврасой, сѣрой съ яблоками, фіолетовой, «цвѣта наваринской битвы съ искрой», столь любимаго Чичиковымъ, и моднаго „жандармскаго“ цвѣта, столь почитаемаго г. Озмидовымъ. Такимъ-то образомъ существуетъ въ Одессѣ и зеленая газета, съ зелено-либеральнымъ „направленіемъ“ и даже съ редакторомъ-издателемъ *Зеленымъ*. Кажется, впрочемъ, значащійся на старѣйшей и наиболѣе приличной въ Одессѣ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“ редакторъ-издатель Зеленый—изображаетъ собою не только цвѣтъ этого органа, но и имя собственное одного мѣстнаго любителя просвѣщенія, довольно твердо знающаго русскую грамоту, что въ средѣ провинціальныхъ журналистовъ явленіе не частое.

Зембрихъ—на петербургскихъ и московскихъ афишахъ, „Sémbrih née Kochanska“—на своихъ визитныхъ карточкахъ, и просто „pani Kochanska“ — для соотчичей-поляковъ, требующихъ даже отъ своихъ пѣвчихъ птицъ, чтобы онѣ прежде всего были добрыми патріотами. Вслѣдствіе этого польская пресса довольно косо посматриваетъ на блистательную космополитическую карьеру своей голосистой землячки и еще недавно упрекала ее за то, что она, съѣздивъ въ Петербургъ, „отморозила“ польскую половину своей фамиліи. Кажется, однако, г-жа Зембрихъ въ этомъ пунктѣ пребудетъ неисправимой, потому что обнаруживаетъ твердое намѣреніе и имѣетъ для того всѣ средства сдѣлаться достояніемъ всего міра, какъ первоклассная дива съ несравненнымъ голосомъ, да къ тому-жь экономная Варшава не станетъ-же платить ей по червонцу за каждую нотку, какъ платитъ, напр., расточительный Петербургъ.

Зиновьевъ, П. А.—профессоръ спб. музыкальной консерваторіи, піанистъ, немножко композиторъ и немножко писатель,—считается однимъ изъ жестокихъ музыкальныхъ критиковъ.

Зиссерманъ—кавказскій ветеранъ, промѣнявшій убійственную шашку на стальное перо, а карабахскаго скакуна на Пегаса, но неприкосновенно сохранившій на литературномъ поприщѣ свои карабахскія убѣжденія, осетинское міросозерцаніе, кабардинское остроуміе и владикавказскій патріотизмъ. Вся этого закала публицистическая аммуниція нашла себѣ широкое примѣненіе на страницахъ извѣстной части нашей прессы въ недавнія воинственныя времена, и—г. Зиссерманъ попалъ тогда въ большую моду. Стало входить даже въ обычай говорить: «патріотиченъ, какъ Зиссерманъ», «войнолюбивъ, какъ Зиссерманъ» и «братушекъ-славянъ любитъ, какъ Зиссерманъ»... У скептиковъ, впрочемъ, сложилось повѣрье, что никакого Зиссермана въ натурѣ нѣтъ, а это только псевдонимъ, подъ которымъ будто-бы скрывается — по однимъ, полковникъ Скалозубъ, по другимъ—Шамиль, а по третьемъ—подлинный генералъ Бумъ-Бумъ изъ оперетки Оффенбаха, что ужь совсѣмъ несообразно.

Златовратскій. — Объ этомъ беллетристѣ мы могли-бы ограничиться простой ссылкой на нашъ словарь — «зри: Засодимскій», такъ какъ оба они, по качеству дарованій, по школѣ и «направленію», по содержанію и манерѣ письма своихъ повѣствованій до того однородны, однокалиберны и одноцвѣтны, что самый проницательный читатель постоянно ихъ смѣшиваетъ и склоненъ думать, что это одинъ и тотъ-же авторъ, подъ разными только кличками. Есть даже такіе

простодушные читатели, что путаютъ подобнымъ манеромъ всю вообще плеяду новѣйшихъ беллетристовъ-«народниковъ» и воображаютъ, что всѣ эти «отечественно-записочные» гг. Саловы, Коронины, Златовратскіе и многіе другіе суть ничто иное, какъ ипостасія «такъ называемаго» Засодимскаго, имя котораго наиболѣе запечатлѣлось въ читательской памяти. Раскроетъ читатель повѣсть и чуть увидитъ, что угнетенная добродѣтель ходитъ не иначе, какъ въ лыковыхъ лаптяхъ, гражданская доблесть не иначе, какъ въ высокихъ сапогахъ дешеваго цѣлибѣевскаго дѣла, а порокъ и кривда не иначе, какъ въ модныхъ триковыхъ панталонахъ и въ опойковыхъ, со скрипомъ, полусапожкахъ «нѣмецкой работы»,—значитъ, сочиненіе кого-нибудь изъ «такъ называемыхъ» Засодимскихъ. Въ читателѣ до того вкоренился этотъ предразсудокъ, что онъ уже и съ подписями авторовъ не справляется. Критики, вникающіе въ суть вещей, признаютъ, однако, г. Златовратскаго наиболѣе талантливымъ въ плеядѣ названныхъ писателей. Есть еще одно отличіе: г. Златовратскій спеціализировалъ, такъ называемаго, «умственнаго» мужика и сочинилъ цѣлый рядъ раритетныхъ деревенскихъ, самородныхъ, въ лыковыхъ лаптяхъ, Прудоновъ, Лассалей и Марксовъ, а въ какой мѣрѣ они у него съ натурою вещей согласны — это особый вопросъ.

Зорина—Патти московской оперы-буфъ, кумиръ поклонниковъ цыганскаго пѣнія и цыганской пляски, которыя она, за вырожденіемъ рассы московскихъ Стешей и Парашей и декадансомъ классическаго цыганскаго искусства, возстановила и реставрировала во всей ихъ первобытной красѣ. Подобно тому, какъ въ древности семь греческихъ городовъ оспаривали Гомера, такъ современемъ Москва и Петербургъ будутъ спорить о томъ, кто изъ нихъ больше съ ума сходилъ отъ Зориной, глубже прочувствовалъ ея «Черртенка», выше оцѣнилъ и на большую сумму поднесъ ей цвѣтовъ и другихъ вещественныхъ знаковъ невещественнаго восторга? Споръ этотъ очень сконфузитъ г. Аксакова, и хотя онъ встанетъ, разумѣется, на сторону Москвы, но въ глубинѣ души долженъ будетъ сознаться, что для обрусенія Петербурга вовсе нѣтъ надобности переселять его въ Москву, а достаточно время отъ времени командировать въ него г-жу Зорину.

Зотовъ, В. Р.—достославенъ, во-первыхъ, самъ по себѣ, а, во-вторыхъ, какъ сынъ знаменитаго Рафаила Зотова, автора «Таинственнаго монаха», «Шапки юродиваго», «Фра-діаволо» и множества другихъ гишпанско-россійско-венеціанскихъ романовъ, которыми зачитывались нѣкогда наши бабушки. Владиміръ Рафаиловичъ первоначально пошелъ было по стопамъ родителя и началъ свою литературную карьеру романомъ: «Коломенская роза", въ которомъ воспѣвалъ гесперидскіе сады Коломны, ея идиллію и прелесть ея поэтически-невинныхъ пастушекъ. Но это было очень давно, ибо въ Коломнѣ никто уже теперь не помнитъ той счастливой эпохи, когда на „брегѣ" рѣчки Пряжки паслись овечки подъ наблюденіемъ аркадскихъ пастушекъ, а г. Зотовъ приходилъ ихъ изучать и описывать. Съ той поры В. Р. безпорочно прошелъ всѣ роды и ранги журнально-литературной карьеры: былъ репортеромъ, рецензентомъ, фельетонистомъ, секретаремъ редакціи, редакторомъ („Иллюстрированной Газеты"), писалъ куплеты и газетныя

„отмѣтки“, комедіи и театральные отчеты, историческія монографіи и поэмы, и навѣрно написалъ-бы „Исторію государства Россійскаго“ и „Евгенія Онѣгина“, если-бы первая не была написана ранѣе Карамзинымъ, а второй—Пушкинымъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что почтенный В. Р.—писатель замѣчательно трудолюбивый и энциклопедическій, а что касается его обширныхъ лингвистическихъ познаній, то достовѣрно, что если-бы ожидавшійся какъ-то отаитскій король Калакуа пріѣхалъ въ Петербургъ, то единственнымъ его собесѣдникомъ здѣсь на родномъ языкѣ могъ-бы быть только г. Зотовъ. Въ послѣднее время В. Р. состоялъ секретаремъ редакціи „Голоса“ и, кромѣ того, написалъ 101 томъ „Исторіи всемірной литературы“, по заказу, по мѣркѣ и по рецепту книгопродавца Вольфа, а въ часы отдохновенія не прочь отдать дань поклоненія веселымъ музамъ.

Зубаревъ или „Испорченная жизнь“—драма въ пяти актахъ, съ эпилогомъ, котораго придется долго ждать, потому что герой—молодой еще человѣкъ въ цвѣтѣ силъ. Симпатичный, даровитый и хорошо образованный человѣкъ, но человѣкъ, который „заплутался“ въ чаду безпутной клубской и театральной жизни. Нѣкогда членъ окружнаго суда, потомъ адвокатъ, г. Зубаренъ сохранилъ нынѣ отъ прежней своей профессіи только замѣчательный даръ—говорить кругло и гладко, не переводя духъ, битыхъ двадцать четыре часа о чемъ угодно, а, за неимѣніемъ трибуны, упражняется въ словосочиненіи на страницахъ „Сына Отечества“, какъ его политикъ и фельетонистъ.

Зубовъ — коллежскій совѣтникъ и актеръ александринскаго театра. Упоминаемъ о рангѣ г. Зубова, потому что онъ самъ любитъ величаться имъ и ослѣплять гостинодворцевъ, являясь къ нимъ въ парадѣ, въ регаліяхъ и чуть-ли не въ шпорахъ, съ обязательнымъ предложеніемъ билетиковъ на свой бенефисъ (исторически вѣрно). Это маленькое честолюбіе вполнѣ оправдывается въ г. Зубовѣ тѣмъ, что, кромѣ штабъ-офицерскаго ранга, ему похвастать нечѣмъ. Драматическое дарованіе у него когда-то было, но отъ долголѣтней безпорочной службы на казенной сценѣ все вышло, и — нынѣ г. Зубовъ принадлежитъ къ рѣдкостной коллекціи артистическихъ окаменѣлостей александринскаго храма музъ.

Зыковъ, С. П., генералъ-маіоръ,—военный писатель и издатель. Былъ-ли когда въ походахъ и сраженіяхъ—неизвѣстно, но на литературномъ поприщѣ совершилъ не мало молодецкихъ набѣговъ и смѣлыхъ завоеваній въ чужихъ трудахъ и книжкахъ, при составленіи своихъ компилятивныхъ и отчасти спекулятивныхъ изданій, тяжеловѣсныхъ по слогу и объему. Такимъ, именно, военно-стратегическимъ способомъ составилъ и издалъ: „Обзоръ компаніи 1815 года“, „Войну 1877 и 1878 годовъ“ и проч. Г. Зыковъ можетъ назваться отчасти и журналистомъ, поскольку редактированіе „Русскаго Инвалида“ можетъ относиться къ области журналистики. Впрочемъ, и „Рус. Инвалидъ“ г. Зыковъ редактировалъ во времена едвали не „очаковскія и покоренія Крыма».

Проектъ монумента великому историку.

И.

вановъ, **А. Ѳ.** — больше извѣстный по псевдониму *Классикъ* читателямъ бывшей «Искры», «Будильника», «Стрекозы», «Петерб. Листка» и другихъ органовъ, такъ называемой, «маленькой прессы». Стихотворецъ изъ категоріи «маленькихъ поэтовъ», выгодно выдѣляющійся изъ ихъ пестрой дружины теплотой и искренностью своего перышка, которое онъ, неуклонно посвящая всему доброму и свѣтлому на почвѣ родной, никогда не пачкалъ чернилами мракобѣсія и угодничества темнымъ инстинктамъ. Маленькая слава, но слава почтенная.

Ивановъ — музыкальный критикъ «Нов. Времени», постоянный квартирантъ его нижняго этажа по понедѣльникамъ. Понедѣльники считаются *тяжелыми* днями и въ газетномъ хозяйствѣ служатъ обыкновенно для выгрузки всего, завалявшагося за недѣлю, хлама. На этомъ основаніи, г. Ивановъ въ правѣ-бы считать свою понедѣльничную квартиру въ «Нов. Времени» за «одиночное заключеніе» или, своего рода, ссылку, и это тѣмъ болѣе, что его, всегда живые и занимательные, музыкальные фельетоны удобочитаемы даже и для непосвященныхъ въ тайны «генералъ-баса» и «контра-пункта».

Иверсенъ—штатный зоологъ «Вольнаго Экономическаго Общества», авторъ «Полной сельско-хозяйственной зоологіи», прославившійся агрономическими опытами во вкусѣ знаменитаго «Пикквикскаго клуба». Такъ, г. Иверсенъ, сколько извѣстно, проектировалъ насадить апельсинныя рощи на островѣ Голодаѣ, произвелъ, въ интересѣ птичнаго хозяйства, остроумную повѣсть гуся съ канарейкой, разводитъ съ перемѣннымъ успѣхомъ шелководство въ Петербургѣ и съ постояннымъ успѣхомъ «разводитъ бобы»—все это, разумѣется, на счетъ суммъ «Русскаго Экономическаго Общества» и съ его компетентнаго одобренія.

Иконниковъ, В. С. — профессоръ кіевскаго университета по русской исторіи и предсѣдатель мѣстнаго «историческаго общества лѣтописца Нестора». Во времена Нестора кіевляне жаловались: «не разумѣемъ книжная словеса и силы ихъ», вслѣдствіе чего къ нимъ изчужа были присланы «два

философа хитра». Нынѣ въ Кіевѣ столько расплодилось своихъ хитрыхъ философовъ и псторіографовъ, что изъ нихъ образовались цѣлыя общества, разработывающія «книжная словеса» съ неимовѣрной роскошью, какъ это можно заключить по лежащимъ предъ нами «Чтеніямъ» вышеназваннаго «общества лѣтописца Нестора». Здѣсь мы встрѣчаемъ «чтенія»: «О происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ», съ точнымъ разъясненіемъ—былъ-ли употреблявшійся въ этихъ баняхъ «квасъ усніянный»: «баварскій»-ли, «шереметевскій»-ли, или кислыя щи? «О мѣстонахожденіи Олеговой могилы» и о стилѣ монумента, который на ней былъ воздвигнутъ; «О костылѣ монаха Пересвѣта», съ которымъ онъ ходилъ на Мамая; «О кіевскихъ постройкахъ» временъ Кія, и проч. Общество имѣло засѣданія «частныя»,«общія» и «чрезвычайныя», на которыхъ члены его «слушали» «замѣчательные», «высокоталантливые» «труды» другъ друга и взаимно производили себя въ «знаменитыхъ», «высокоуважаемыхъ ученыхъ», къ свѣдѣнію, посредствомъ печатаемыхъ на казенный коштъ отчетовъ, всего образованнаго міра, который безъ этого никогда-бы, чего добраго, не узналъ о существованіи кіевскихъ псторіографовъ и философовъ хитрыхъ. Г. Иконниковъ, впрочемъ, могъ-бы обойтись и безъ этой ученой рекламы, ибо его книги: «О русской женщинѣ до-петровскаго періода», «Изслѣдованіе культурнаго значенія Византіи въ русской исторіи», «Графъ Мордвиновъ» и др., сами по себѣ, достаточно солидны и извѣстны.

Иловайскій, Д. И. — многогранная знаменитость Москвы: профессоръ, талантливый историографъ, педагогъ, издатель, публицистъ, ораторъ, свѣтскій „бель-омъ“, отлично танцующій, говорятъ, мазурку, эстетикъ-диллетантъ и, наконецъ, дуэлистъ, на пятьдесять шаговъ попадающій изъ пистолета въ бубноваго туза и чуть было не продырявившій такимъ-же образомъ бывшаго *туза* петербургской прессы, В. А. Полетику, когда вызывалъ его на станцію Бологое рѣшить литературный споръ пистолетными выстрѣлами. Серьезный ученый съ одного боку, оказавшій не малыя услуги русской исторіи своими „разысканіями“, съ другаго боку г. Иловайскій — человѣкъ совсѣмъ легкомысленный: мужъ зрѣлыхъ лѣтъ, онъ молодится и кокетничаетъ своей наружностью, мало понимая въ современныхъ соціальныхъ вопросахъ, онъ пыжится разъиграть роль авторитетнаго публициста и проговаривается иногда такими абсурдами, отъ которыхъ стыдно вчужѣ; профессоръ и ученый, онъ фабрикуетъ свои учебники по исторіи съ чисто апраксинской спѣшностью и предпріимчивостью... Странное подобіе Януса, одна голова котораго изображаетъ мудреца, а другая фута.

Ильинскій — врачъ-журналистъ: сочиняетъ, корректируетъ, редактируетъ, издаетъ, выписываетъ и читаетъ „Врачебныя Вѣдомости“, едвали не для собственнаго лишь удовольствія, такъ какъ въ читающей публикѣ газета его совершенно неизвѣстна. А жаль, потому что „Врачебныя Вѣдомости“—органъ необыкновенно ученый, живой, краснорѣчивый и до послѣдней крайности либеральный. Для доказательства, вотъ заглавіе одного изъ ихъ номеровъ: „Конституція одного мертворожденнаго“ — передовая статья *д-ра Ильинскаго*; „Пѣснь торжествующей везикаторіи“ — вольное подражаніе Тургеневу въ стихахъ *д-ра*

Ильинскаго; „Внутреннее обозрѣніе тифознаго отдѣленія N-ской больницы“ *д-ра Ильинскаго*; „Драма въ брюшинѣ“ — фельетонъ *д-ра Ильинскаго*; „Похожденія холеры“ — корреспонденція изъ Мекки *д-ра Ильинскаго*, и такъ далѣе.

Ильинская, М. В.—одно изъ свѣтилъ нашей драматической труппы, озаряющее нынѣ не особенно сильнымъ, но пріятнымъ для глаза блескомъ своего дарованія петербургскую сцену. Граціозная ingénue, живая, типичная въ водевильныхъ роляхъ, съ комической жилкой, обнаруживающая тонкость пониманія и изящество, г-жа Ильинская въ состояніи самаго мрачнаго мизантропа примирить съ печальнымъ состояніемъ современнаго русскаго театра.

Ильинъ, А. А. генералъ-маіоръ генеральнаго штаба:—«никакою административною частью, кромѣ своего картографическаго депо, онъ не завѣдываетъ»,—читаемъ въ обязательно-присланной намъ справкѣ о житіи г. Ильина, очевидно, однимъ изъ его почитателей. Но тогда интересно—не «завѣдываетъ»-ли почтенный генералъ какою-нибудь «частію» въ купеческомъ клубѣ, гдѣ его, по словамъ того-же источника, называютъ «нашимъ»?.. Впрочемъ, г. Ильинъ, взявъ на аренду всю россійскую географію, должно быть слишкомъ занятъ администраціей своего картографическаго заведенія и географическаго магазина, чтобы отдавать еще время службѣ. Главная спеціальность г. Ильина, какъ картографа,—Россійская Имперія, которую онъ издаетъ и продаетъ оптомъ и вразбродь или генерально и по частямъ, на аршины и вершки, по самой сходной цѣнѣ, особенно если взять то, что на изящныхъ и точныхъ картахъ г. Ильина въ отечествѣ нашемъ всегда все обстоитъ благополучно: сѣверная полоса изобилуетъ лѣсами, средняя—цвѣтетъ пышными урожаями, южная—изумрудными лугами и даже лакомыя «уфимскія земли» остаются отнюдь не расхищенными.

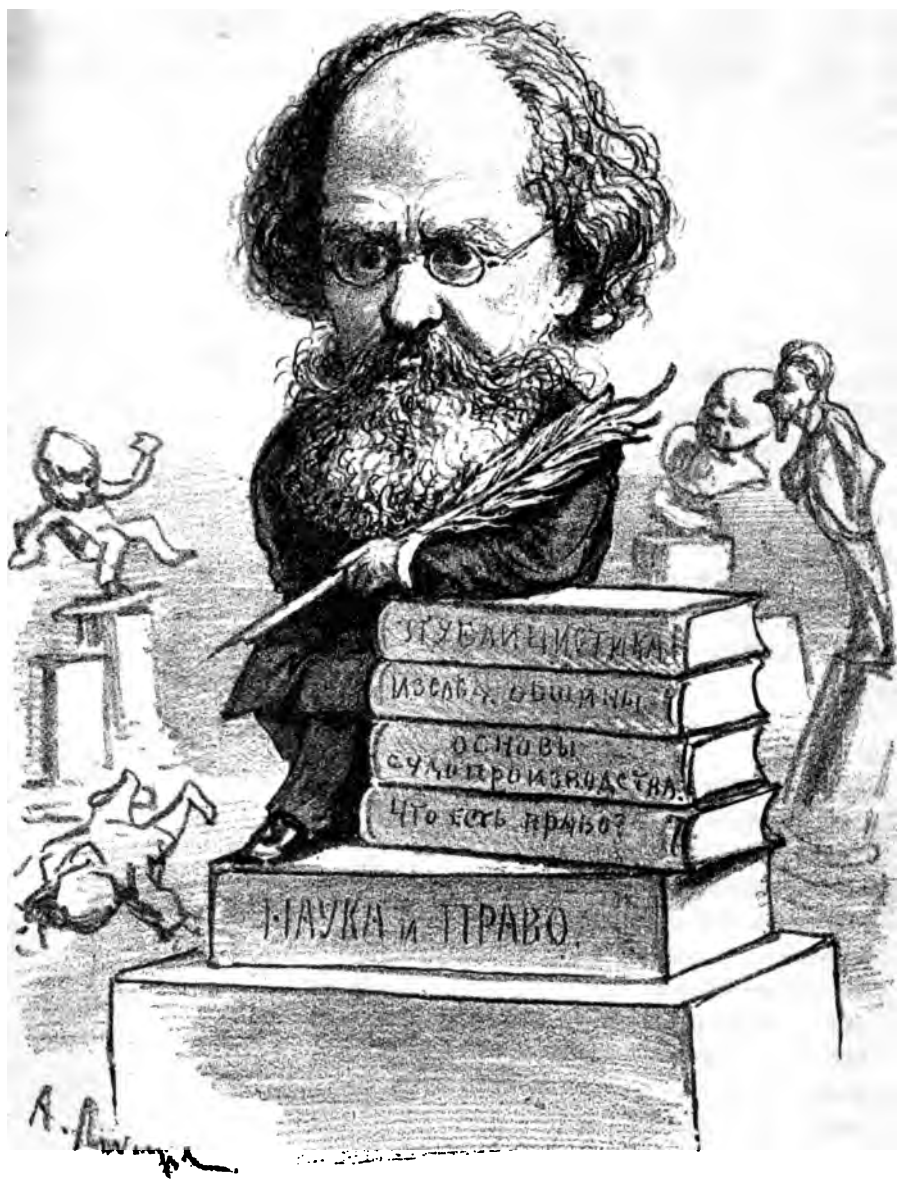
Ильишъ, Р. Ѳ.—петербургскій журналистъ новѣйшаго чекана; началъ карьеру въ скромной роли переводчика въ русскихъ газетахъ, потомъ былъ произведенъ въ рангъ «иностраннаго политика», какъ называютъ для краткости публицистовъ, вѣдающихъ газетную иностранную политику. Въ этомъ рангѣ г. Ильишъ подвизался въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Трубникова въ баймаковскихъ «Спб. Вѣдомостяхъ» и въ «Новостяхъ», постоянно съ проницательностью предвидѣлъ всѣ грядущія событія въ Европѣ и всегда заранѣе зналъ—будутъ-ли завтра на «политическомъ горизонтѣ» «тучи» и какія именно: съ громомъ-ли и съ молніей, съ дождемъ или съ снѣгомъ, или просто для одной лишь декораціи? На самомъ-же дѣлѣ, г. Ильишъ принадлежитъ къ тѣмъ мудрымъ политикамъ, которые всегда вполнѣ довольны и самими собою, и исторіей, и Европой и даже островомъ Мадагаскаромъ. Въ послѣднее время Р. Ѳ. оставилъ русскую журналистику для нѣмецкой и, начавъ писать, подъ псевдонимомъ Flaneur, ежедневные фельетоны въ «St.-Petersburger Herold», пріобрѣлъ огромную популярность среди петербургскихъ нѣмцевъ своей фельетонной живостью, бойкостью и остроуміемъ.

Іонъ—заслуживаетъ упоминанія спеціально для «людей свѣдущихъ» въ крѣпости и смакѣ разнаго рода настоекъ и наливокъ. Извѣстный петербургскій водочный заводчикъ.

К.

Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ, — одно изъ уважаемѣйшихъ и безпорочнѣйшихъ именъ петербургской науки, петербургской публицистики и петербургскаго либерализма. Замѣчательно, однако, что г. Кавелинъ, по своему воспитанію и, вообще, по корнямъ, принадлежитъ Москвѣ и нѣкогда товарищески преломлялъ духовный хлѣбъ съ г. Катковымъ, а, можетъ быть и съ г. Аксаковымъ; нынѣ же онъ съ ними ломаетъ перья, и еще недавно, «съ болью въ сердцѣ, съ грустью, но безъ колебаній», обозвалъ г. Каткова «лжецомъ и клеветникомъ»... Жестокій приговоръ въ устахъ такого человѣка, какъ К. Д.! Ученыя заслуги г. Кавелина обширны, замѣчательны и слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы о нихъ здѣсь распространяться. Русскій законовѣдъ и историкъ, К. Д. долго профессорствовалъ и написалъ нѣсколько капитальныхъ изслѣдованій, пріобрѣвшихъ классическое значеніе въ литературѣ гражданскаго права. Въ послѣднее время онъ все чаще сталъ покидать уединенную тишь чистой науки, для дѣятельнаго участія въ шумномъ, разноголосомъ и лихорадочно-подвижномъ хорѣ журналистики. И голосъ его здѣсь всегда выдѣляется, всегда раздается вѣско и значительно, хотя нѣсколько кабинетно и недостаточно экспансивно для журнальнаго солиста; но за то г. Кавелинъ всегда на сторонѣ права, свободы, просвѣщенія, народнаго блага и прогресса въ лучшемъ значеніи этихъ словъ.

Кази, М. И. — одинъ изъ самыхъ прыткихъ на ходу, проворныхъ на руку и скоропечатныхъ на языкѣ петербургскихъ «дѣльцовъ». Грекъ, по происхожденію, онъ представляетъ собою колонновожатая того гэшефтмахерскаго нашествія «двунадесяти языковъ» на наши «естественныя богатства», которое имѣетъ въ предметѣ конечное плѣненіе и «мужицкаго алтына» и «дворянскаго рубля». Г. Кази—«дѣлецъ» на всѣ руки: онъ и заводами управляетъ, и корабли строитъ, и на биржѣ «свой человѣкъ», и по части «проведенія» дѣлъ въ подлежащихъ сферахъ магъ и волшебникъ, и въ «обществѣ поощренія тор-



Твердая репутація.

Дозв. ценз. С.-Петерб., 17 окт. 188

говли и промышленности» — первый запѣвало и виртуозъ въ музыкѣ протекціонизма и капитализма.

Калачевъ, Н. В., заслуженный сенаторъ и еще болѣе заслуженный ученый, по справедливости, могущій назваться генералиссимусомъ и главнокомандующимъ современной русской археологіи. Подъ его командой, въ самомъ дѣлѣ, имѣется армія археологовъ, имъ-же самимъ созданная, мобилизированная, вымуштрованная и вооруженная всѣми орудіями археологическаго искусства. Говоримъ объ учрежденномъ и управляемомъ г. Калачовымъ археологическомъ институтѣ, обѣщающемъ сдѣлаться разсадникомъ россійскихъ Геродотовъ, Тацитовъ, Нибуровъ, Шамполліоновъ et cetera. Нѣкогда профессоръ московскаго университета, маститый археологъ, съ юности акклиматизировавшійся въ нѣдрахъ различныхъ казенныхъ архивовъ, Николай Васильевичъ обогатилъ литературу русской исторіи длиннымъ рядомъ весьма цѣнныхъ трудовъ и изысканій, главнымъ образомъ, по древнему русскому юридическому быту, начиная съ изслѣдованія «Русской Правды» и кончая, недавно изданнымъ подъ его редакціей, замѣчательнымъ трудомъ: «Бытъ русскаго государства» при Іоаннѣ Антоновичѣ, составленномъ по актамъ государственнаго архива.

Каменская, М. Д., примадонна современной петербургской русской оперы; владѣетъ такимъ медовымъ, сладкимъ меццо-сопрано, что отъ него засахариваются самыя кислыя и жесткія сердца музыкальныхъ критиковъ, и—до того мягкимъ и нѣжнымъ, что онъ вполнѣ годился бы, вмѣсто пуха, для той поэтической подушки, на которой стихотворецъ Лермонтовъ мечталъ «забыться и уснуть» подъ сѣнью «темнаго дуба». Кромѣ прекраснаго органа, обладая сценическимъ дарованіемъ, г-жа Каменская особенно прославилась въ роляхъ: Вани въ «Жизни за царя», Зибеля въ «Фаустѣ», «Рогнѣды» и др.

Капнистъ, графъ, — видный дѣятель въ районѣ народнаго просвѣщенія и одинъ изъ усерднѣйшихъ насадителей классической системы и спасительнаго сознанія въ юношахъ, что корень ученія горекъ и долженъ быть горекъ. Другъ и поклонникъ г. Каткова, графъ является непреклоннымъ представителемъ «трезвенныхъ мыслей», по термину Щедрина, что особенно хорошо знаетъ и крѣпко помнитъ, надо полагать, полтавское земство. Былъ такой казусъ: полтавское земство возъимѣло мысль купить нѣсколько тысячъ десятинъ земли и роздать ихъ мѣстнымъ малоземельнымъ любителямъ полтавскихъ галушекъ, въ которыхъ у нихъ чувствуется, говорятъ, оскудѣніе. Для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго проведенія этого проекта въ подлежащей сферѣ, земство обратилось къ просвѣщенному содѣйствію и вліянію графа Капниста, какъ своего земляка и полтавскаго землевладѣльца. Графъ, дѣйствительно, очень близко принялъ къ сердцу этотъ проектъ, но въ нѣсколько различномъ отъ полтавскихъ либераловъ смыслѣ: онъ усмотрѣлъ въ немъ крайне опасную «бредню» и, съ этой точки зрѣнія, такъ успѣшно повелъ свое «содѣйствіе», что въ результатѣ —вольнодумное земство осталось съ носомъ, полтавскіе малоземельные пейзане безъ галушекъ, а «трезвенныя мысли» съ новой блестящей побѣдой.

Каптеревъ — одинъ изъ ретивѣйшихъ дѣятелей и краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ петербургскаго земства. Имя его всегда красуется въ газет-

ныхъ отчетахъ каждой земской сессіи подъ необыкновенно прочувствованными, пламенно-гражданственными рѣчами объ осушкѣ болотъ и о превращеніи ихъ въ маисовыя плантаціи, о пользѣ петербургскаго «золота» для земледѣлія и объ организаціи его обмѣна на раціональныхъ началахъ, и т. п. Словомъ, онъ въ Римѣ былъ-бы трибуномъ — у насъ-же всего лишь просвѣщенный и краснорѣчивый ассенизаторъ.

Каразинъ, Н. Н. — бывшій ташкентскій герой, проливавшій «въ нѣкоторомъ родѣ кровь за отечество», и промѣнявшій нынѣ скорострѣльную винтовку на столь-же скорострѣльный карандашъ, вооруженный, вмѣсто штыка, острымъ стальнымъ перомъ. Вообще, человѣкъ неустрашимый и рѣшительный не только на «полѣ брани», но и на поприщѣ художествъ. Необыкновенно плодовито и скорострѣльно снабжая петербургскія иллюстраціи своими рисунками, г. Каразинъ безстрашно идетъ на встрѣчу всякимъ требованіямъ искусства и всякимъ задачамъ, и — блистательно оныя побѣждаетъ. Съ одного маху, «на память», воспроизводитъ и полярные льды, и степи Сахары, и штурмъ Карса и изверженіе Везувія, и «виды» Кордилльеровъ,—все это, никогда не видѣвши въ натурѣ, но до того схоже съ натурой, что, напр., историкъ Богдановичъ, говорятъ, по умозрительнымъ рисункамъ г. Каразина, написалъ исторію осады Карса.

Какъ рисовальщикъ, г. Каразинъ, по праву, могъ-бы назваться россійскимъ Дорэ, еслибъ только обладалъ однимъ пустячнымъ качествомъ своего образца—умѣньемъ рисовать. Безспорно даровитый самоучка, г. Каразинъ въ совершенствѣ усвоилъ у знаменитаго французскаго рисовальщика манеру эффектнаго освѣщенія и его контрастовъ; но, къ сожалѣнію, до того закабалился у гг. Гоппе и Маркса, что не находитъ досуга поучиться въ школѣ «поощренія художествъ» правильному *рисунку*. За то г. Каразинъ вполнѣ самобытенъ и совершененъ, какъ беллетристъ—авторъ цѣлаго ряда *ташкентскихъ* романовъ, повѣстей и автобіографическихъ признаній о томъ, какъ почтеннаго автора въ Туркестанѣ «бомбардировали, да не выбомбардировали».

Кардо-Сысоевъ—одинъ изъ тѣхъ благодѣтелей и просвѣтителей народа, которые умѣютъ чутко и непраздно, по выраженію поэта, встать «на стражѣ у мужицкаго алтына». Кто достигаетъ этой цѣли кулачествомъ и маклачествомъ, кто гласной кассой ссудъ, кто кабакомъ, а г. Кардо-Сысоевъ пробовалъ достигнуть этой цѣли своимъ журналомъ «Сельская Бесѣда», распространявшимся по деревнямъ при содѣйствіи становыхъ и урядниковъ, по сколько издатель успѣвалъ находить среди нихъ благосклонныхъ для себя меценатовъ. Утѣшительно было только то, что, по увѣренію корреспондентовъ, мужички «Сельскую Бесѣду» выписывать выписывали, находили даже, что она «очинно занятна» для сворачиванья «цыгарокъ», но чтобъ кто читалъ ее—не было примѣра.

Карновичъ, Е. П.—маститый и неутомимый дѣятель петербургской журналистики, бывшій редакторъ журнала «Отголоски», солидно и толково составлявшагося, но, къ сожалѣнію, очень мало читавшагося и потому прекратившаго свое существованіе. По времени дѣятельности, по слогу и манерѣ составленія статей, г. Карновичъ можетъ быть отнесенъ къ «отцамъ» и классикамъ современной публицистики. Врагъ отрывочнаго, прыгающаго чрезъ воскли-

цательные знаки, растрепаннаго стиля, коротенькихъ мыслей, коротенькихъ абзацовъ и коротенькихъ статеекъ новѣйшаго вкуса, Е. П.—мастеръ на статьи основательныя и тяжеловѣсныя, съ учеными цитатами и ссылками, съ закругленными пяти-этажными періодами, классически расположенныя по всѣмъ правиламъ теоріи о «высокой прозѣ» и всегда почти разсчитанныя на безконечныя «продолженія впредь». По нынѣшнему легкомысленному и нетерпѣливому времени, такихъ статей теперь никто не пишетъ, а что всего хуже—никто не читаетъ. Ихъ пересталъ писать, кажется, и самъ г. Карновичъ, давно уже, впрочемъ, посвящающій свое трудолюбивое перо и свою огромную начитанность историко-статистическимъ изслѣдованіямъ и монографіямъ, всегда отличающимся у него научной серьезностью и добросовѣстностью обработки. Изъ его трудовъ особенно извѣстны: «О разработкѣ статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи», «Петербургъ въ статистическомъ отношеніи», «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ», «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII столѣтія», «Мальтійскіе рыцари въ Россіи», и мн. др.

Картавовъ—человѣкъ, въ своемъ родѣ, знаменитый, который въ правѣ сказать о себѣ, что онъ до всего «своимъ умомъ дошелъ». Изъ нынѣшнихъ «завсегдатаевъ» его заведенія многіе помнятъ то еще недавнее время, когда они ему говорили: «Эй, челаэкъ, дай бутылку пива!», а теперь г. Картавовъ, случается, самъ на нихъ фамильярно покрикиваетъ: «Эй, вы!.. Какъ васъ?.. Что-жь вы *маво* кіатера не навѣщаете?» Такимъ образомъ, начавъ со скромной роли «человѣка», г. Картавовъ быстро дошелъ до «линіи» хозяина популярнаго заведенія «Ливадія», сдѣланнаго имъ нынѣ, такъ сказать, двуствольнымъ (зимнимъ и лѣтнимъ), «дошелъ» до капитала, «дошелъ» до извѣстности и, пріютивъ въ своемъ «кіатерѣ» русскую оперетку-буффъ, является тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ музыки и драматическаго искусства... все «своимъ умомъ»!

Катковъ, М. Н.—имя до того громкое и извѣстное, что сдѣлалось почти нарицательнымъ, въ смыслѣ «притчи во языцѣхъ». Имѣетъ, кромѣ того, цѣлый рядъ популярныхъ, вполнѣ уподобляющихъ его, синонимовъ, качественныхъ и количественныхъ. Качественные синонимы г. Каткова суть: «*Громовержецъ Страстнаго бульвара*», «*Профессоръ сикофантства*», «*Московскій Менцель*», «*Жрецъ мракобѣсія*», «*Будочникъ прессы*» и мног. друг. Количественные синонимы его суть: «*Число звѣрино*», *Тристаты злобы*», «*Ретроградный уксусъ сорока разбойниковъ*», «*Милліонъ терзаній*» и проч. Есть, впрочемъ, и благожелательные, хвалебные титулы у г. Каткова: «*Мудрецъ, макающій перо въ разумъ*» (онъ изображенъ на чернильницѣ, поднесенной ему признательнымъ отечествомъ), «*Искоренитель интриги и крамолы*», *Бичъ разбойниковъ пера и мошенниковъ печати*», «*Зиждитель лицея и архистратигъ классической системы*» и, наконецъ, просто—«*Спаситель отечества*». Послѣдній титулъ увѣнчанъ за г. Катковымъ даже въ энциклопедическомъ словарѣ профессора Березина, гдѣ прямо сказано, что г. Катковъ вмѣстѣ съ Леонтьевымъ «положили преграду польскому возстанію»—они одни и никто больше! Развѣ-жь не спасители отечества? Мы, однако, не станемъ здѣсь вдаваться въ прагматику всѣхъ публицистическихъ архиподвиговъ и архи-

пакостей г. Каткова—ихъ не впишешь и на столбцѣ, будь онъ длиною во весь Страстной бульваръ, а мы обязаны быть кратки. Бросимъ лишь бѣглый взоръ на важнѣйшія черты изъ жизни этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка. Сильный діалектическій умъ, блестящій публицистическій талантъ, обширное учено-философское образованіе, плодотворная профессорская дѣятельность, ревностное служеніе свѣту и истинѣ, добру и свободѣ, объ руку съ лучшими, передовыми русскими людьми. Таковъ былъ г. Катковъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, къ концу которыхъ онъ выступилъ, какъ извѣстно, въ «Русск. Вѣстникѣ» пламеннымъ проповѣдникомъ туманнаго либерализма аланглезъ.

Наступаютъ шестидесятые и семидесятые годы, теперь пошли восьмидесятые,—цѣлыхъ двадцать лѣтъ, изодня въ день, г. Катковъ съ ожесточеніемъ низвергаетъ то, чему поклонялся, и поклоняется тому, что низвергалъ. Въ немъ все тотъ-же умъ, та-же эрудиція, тотъ-же, хотя нѣсколько изветшавшій талантъ, но въ немъ, какъ будто подмѣнили душу: профессорскую вынули, а, вмѣсто нея, вложили пустосвята Никиты. Этимъ только можно объяснить, какимъ образомъ онъ, будучи самъ ученымъ, совѣтуетъ посадить науку на цѣпь; бывши гуманистомъ и прогрессистомъ, проповѣдуетъ намордники и застѣнки, внушаетъ систему подозрительности къ личности и къ обществу, и возводитъ доносъ въ патріотическій подвигъ; наконецъ, бывшій «либералъ», онъ нынѣ закипаетъ озлобленіемъ при одномъ этомъ словѣ, всякій проблескъ общественной самодѣятельности вмѣняетъ въ государственную измѣну и видитъ идеалъ гражданственности въ такой организаціи, въ которой всѣ функціи личной и общественной жизни регулируются управой благочинія. Помнится, кто-то назвалъ, а если не назвалъ, то мы, по справедливости, можемъ назвать г. Каткова *бѣлымъ нигилистомъ*. Изъ него, быть можетъ, формировался *красный* нигилистъ, но въ одну темную ночку у него выкрали либеральную душу, замѣнивъ ее никито-пустосвятской, и — изъ него вышелъ нигилистъ бѣлый или черный, какъ хотите. Однажды г. Катковъ самъ на этотъ счетъ откровенно обмолвился. На упрекъ, что онъ измѣнилъ исповѣдываемому имъ прежде либерализму, онъ, съ отличающимъ его цинизмомъ, возразилъ: «Измѣнилъ, точно; но, вѣдь, вашъ либерализмъ привелъ насъ къ нигилизму, къ крамолѣ, къ безбожію!» Очевидно, г. Катковъ хотѣлъ этимъ сказать, что, не измѣни онъ либерализму, онъ пришелъ-бы и къ нигилизму, и къ крамолѣ, и къ безбожію.

Кауфманъ, К. П. генералъ, — маститый, заслуженный полководецъ, мудрый администраторъ и очень добрый человѣкъ, по отзыву знавшихъ его лично. Его подвиги: завоевалъ Хиву, завоевалъ, въ качествѣ правителя Туркестанскаго края, симпатіи его халатнаго населенія, завоевалъ, наконецъ, признательность отечества, навѣки нерушимую. Вообще, фигура крупная и, несомнѣнно, историческая, полная обрисовка которой во весь ростъ принадлежитъ, конечно, перу будущаго Плутарха, болѣе компетентному и сильному, чѣмъ наше.

Кауфманъ — извѣстный политико-экономъ, авторъ нѣсколькихъ дѣльныхъ книгъ по своей спеціальности, одобренныхъ критикой за трезвость и научную серьезность ихъ содержанія.

Кашеварова-Руднева—знаменитая россіянка, которая никакъ не можетъ пожаловаться на невнимательность къ ней современниковъ, какъ не можетъ жаловаться и на то, чтобы ей отказали въ полномъ равноправіи съ представителями господствующаго пола. Увѣнчанная за свои ученыя заслуги титуломъ «доктора медицины», воспѣтая и превознесенная сторонниками женской эманципаціи, г-жа Кашеварова равнымъ образомъ познала на опытѣ колючесть шиповъ *мужской* извѣстности и неудобство для дамы *мужскаго* амплуа.

— А! вы — *самостоятельная* женщина, вы—«докторъ» и желаете состоять на *мужчинскомъ* положеніи... Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, пожалуйте, сударыня, на публичное позорище безъ всякихъ кисейныхъ вуалей!—сказали ей кое-какіе галантные рыцари, блюстители «женственности», и, дѣйствительно, довели непринужденность обращенія съ репутаціей и частной жизнью г-жи Кашеваровой до полнаго забвенія въ ея лицѣ женщины, до совершеннаго изъятія изъ ея гардероба виноградныхъ листиковъ.

Намекаемъ на хорошо памятный пасквиль и на воспослѣдовавшій изъ-за него скандалезный процессъ о «лакомой вдовѣ», доставившіе г-жѣ Кашеваровой громкую всероссійскую извѣстность—быть можетъ, болѣе громкую, чѣмъ-бы она того желала для славы своего имени, какъ *первой*, по времени, русской женщины-доктора.

Каширинъ—молодой актеръ александринской труппы и очень *высокій* актеръ... Вершковъ тринадцати, пожалуй, будетъ. Ростъ высокій, голосъ звонкій, волосъ тонкій, а дарованьице и того тоньше, такъ что безъ увеличительнаго стекла и замѣтить трудно.

Келлеръ, профессоръ академіи художествъ,—портретистъ, нѣкогда довольно извѣстный, но нынѣ вышедшій изъ моды. Общая участь куаферовъ, модистокъ и портретистовъ, которые, такъ или иначе, вынуждены подчиняться прихотямъ минуты и умѣть писать портреты свѣтскихъ людей «по модѣ», какъ модистка должна умѣть одѣвать ихъ, а куаферъ—причесывать. Немножко поотсталъ отъ моды и—конецъ успѣха! Цѣнители, впрочемъ, всегда помянутъ г. Келлера добрымъ словомъ за его строгій и правильный рисунокъ, свѣжесть красокъ и вѣрность портрета съ оригиналомъ.

Кенигъ—сахарозаводчикъ, пользующійся въ Петербургѣ очень *сладкой* репутаціей; но, точно-ли, г. Кенигъ лично такъ-же сладокъ, какъ его сахаръ—неизвѣстно и скорѣе подлежитъ сомнѣнію, судя по его дѣятельному участію въ послѣдней сахарной спекуляціи, отравившей горечью существованіе многимъ экономнымъ россіянамъ. Подъ фирмой Кенига существуетъ въ столицѣ огромный, едвали не первый въ Россіи, по размѣру производства, рафинадный заводъ и каждая петербургская хозяйка, спрашивая въ лавкахъ сахару, непремѣнно скажетъ: «Пожалуйста, дайте кениговскаго!»—такъ онъ, значитъ, добротенъ и сладокъ.

Кившенко—художникъ довольно рискованной славы. На его бѣду, въ послѣднее время его очень ужъ усердно популяризируютъ въ своихъ «изящныхъ изданіяхъ гг. Гоппе и Марксъ, которые положительно вступили въ соперничество съ академіей художествъ по раздачѣ дѣятелямъ русскаго искусства дипломовъ на великость и знаменитость. По своему вкусу помѣщая въ своихъ иллюстраціяхъ рисунки и снимки съ картинъ «сходныхъ» для

нихъ художниковъ, они неизбѣжно при этомъ рекламируютъ: «сей геніальный рисунокъ *нашего* славнаго Шпака», «сіе блистательное табло *нашего* великаго Каразина», «сей превосходный снимокъ съ талантливой картины *нашего* знаменитаго Кившенко», и т. д. Само собой разумѣется, что попасть въ число «нашихъ» у гг. Гоппе и Маркса знаменитостей, ими дипломованныхъ и закрѣпощенныхъ,—перспектива не особенно лестная для каждаго истиннаго художника. Г. Кившенко—живописецъ не безъ дарованія, которое онъ особенно ярко заявилъ въ своей большой исторической картинѣ изъ эпохи войны 12-го года: «Военный совѣтъ въ Филяхъ», написанной «по графу Л. Толстому».

Киселевскій—актеръ Александринскаго театра, въ карьерѣ котораго произошла маленькая превратность: пока онъ былъ «либителемъ» и игралъ на частныхъ сценахъ, критика его одобряла, а перешелъ на казенную—стала побранивать. Отчего-бы это?—Можетъ быть, виноватъ тутъ отчасти самъ г. Киселевскій, или, точнѣе сказать, виноваты «казенные хлѣба», за которыми искони водится такое свойство, что люди, попавъ на нихъ, спускаютъ, какъ говорится, рукава и теряютъ охоту совершенствоваться. За г. Киселевскимъ замѣчено, напр., что съ той поры, какъ онъ сталъ «казеннымъ» актеромъ, у него вдругъ ослабѣла память, вслѣдствіе чего онъ играетъ нерѣдко «по суфлеру», ни въ зубъ не зная роли. Во всякомъ, однако, случаѣ, г. Киселевскій — актеръ съ прекрасной сценической внѣшностью и съ несомнѣннымъ дарованіемъ, которое можно упрекнуть развѣ въ нѣкоторой деревянности. Очень хорошій Скалозубъ, удовлетворительный Кречинскій, онъ слабъ въ ролях, гдѣ нужны теплота и тонкость игры.

Кистеръ, баронъ, — сошедшій со сцены распорядитель судьбами петербургскихъ казенныхъ театровъ. Монументъ ему едва-ли будетъ воздвигнутъ, да, пожалуй, и исторія воздержится поставить *его время* на ряду съ временемъ Медичисовъ, по степени и размѣру услугъ, оказанныхъ процвѣтанію искусства. Въ какой мѣрѣ баронъ былъ «въ душѣ» знатокомъ и цѣнителемъ «свободныхъ художествъ», вообще, и драматическаго искусства, въ частности,—это осталось его секретомъ. Управляя театрами, онъ заявлялъ себя только со стороны непреклонной вѣрности рутинѣ и консерватизму въ дѣлѣ театральныхъ порядковъ, не взирая на то, что они давно стали невозможнымъ анахронизмомъ, по всеобщему признанію. Баронъ, напротивъ, находилъ, что они—верхъ совершенства и недопускалъ почти никакихъ нововведеній. Точно также не любилъ онъ и новыхъ людей, такъ что, при немъ, самымъ даровитымъ актерамъ со стороны легче было попасть въ царствіе небесное, чѣмъ на казенную сцену. Канцеляризмъ и затхлая неподвижность, прочнѣе китайской стѣны, загородили тогда нашъ театръ отъ всякихъ оживляющихъ «вѣяній» прогресса и духа времени, такъ что, напр., Александринскій театръ—alma mater русской драмы, подъ руковожденіемъ барона, сталъ превращаться не то въ богадѣльню для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, не то въ антикварный музей всевозможнаго «подержаннаго» хлама. Вотъ, каково мнѣніе современниковъ объ эпохѣ барона Кистера, а что скажетъ о ней исторія—не вѣдаемъ!

Клеверъ, академикъ — одинъ изъ лучшихъ пейзажистовъ; можетъ наз-

ваться пѣвцомъ, на полотнѣ, чухонской природы, которая преобладаетъ на его многочисленныхъ картинахъ и этюдахъ. Неприглядна, сѣра, безцвѣтна и бѣдна эта природа—также сѣры, по колориту, монотонны и не веселы всѣ эти г-на Клевера «Болота», «Дѣвственные лѣса», «Сумерки», «Ночи», «Осенніе» и «Весенніе розливы», «Эстляндскія хижины» и т. под. Конечно, г. Клеверъ могъ-бы посвятить свою даровитую кисть болѣе яркимъ и благодарнымъ сюжетамъ, но нужно же, чтобы и забытая Богомъ, жалкая чухонская природа имѣла своего Рюисдаля!

Кичеевъ, Н. П. — литераторъ, писавшійся недавно редакторомъ московскаго «сатирическаго» журнала, съ каррикатурами, «Будильникъ», имѣющаго одно большое сходство съ московскимъ царь-колоколомъ: и тотъ и другой давно уже никого не *будятъ* отчасти, конечно, «по обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ». Судя по внѣшности и содержанію этого журнала, патріархальные москвичи, видно, не усвоили еще себѣ различія между «сатирой» и вяземскимъ пряникомъ. Вѣроятно, въ угоду ихъ требованіямъ, «Будильникъ», подъ редакціей г. Кичеева, имѣлъ видъ и свойство такого, именно пряника — тисненнаго сусальнымъ золотомъ, «писаннаго» ярко раскрашенными, «потѣшными» фигурами и вавилонами, сладко-прѣснаго на вкусъ, съ духами клубничнаго букета и безъ всякой примѣси *соли*... Это говорится не въ укоръ г. Кичееву, ибо онъ только отпускалъ такой товаръ, какой у него спрашивали.

Клейстъ, баронъ, и Маховъ или «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»,—послѣднее изданіе, дополненное и исправленное публичными скандалами, доносами, членовредительствомъ и т. под. криминальнымъ гарниромъ. Какъ Иванъ Ивановичъ немыслимъ безъ Ивана Никифоровича, также немыслимъ баронъ Клейстъ безъ Махова и—обратно. Поссорившись изъ-за оскорбленной амбиціи и преслѣдуя другъ друга безконечными исками и кляузами, гг. Клейстъ и Маховъ пріобрѣли этимъ громкую извѣстность на всю Россію. На ихъ счетъ сложилось даже такое повѣрье, что когда они, наконецъ, исчерпали-бы все терпѣніе и всѣ инстанціи земнаго правосудія, тогда оба моментально должны были умереть въ одинъ и тотъ-же день и часъ, чтобы безъостановочно продолжать свою тяжбу на томъ свѣтѣ. Рельефнѣйшее знаменіе нашего кляузнаго и сутяжнаго времени!

Клодтъ, баронъ, — даровитый и плодовитый художникъ - пейзажистъ. За послѣднее двадцатилѣтіе его хорошенькія, старательно-написанныя картинки являлись неизбѣжно на каждой академической выставкѣ, неизбѣжно производили пріятное впечатлѣніе на любителей художествъ и также неизбѣжно забывались ими, какъ, обыкновенно, забывается все то, что не возвышается надъ уровнемъ «золотой средины».

Ключевскій — профессоръ московскаго университета, «изъ молодыхъ, да ранній». Пользуется извѣстностью талантливаго, смотрящаго «въ корень вещей» изслѣдователя по русской исторіи. Любитъ жгучіе, довлѣющіе «злобѣ дня» сюжеты и умѣетъ вычитывать въ архивныхъ граматахъ и въ «преданьяхъ старины глубокой» назиданія и указанія, бьющія въ нервъ современной минуты и отличающіяся отмѣннымъ свободомыслі-

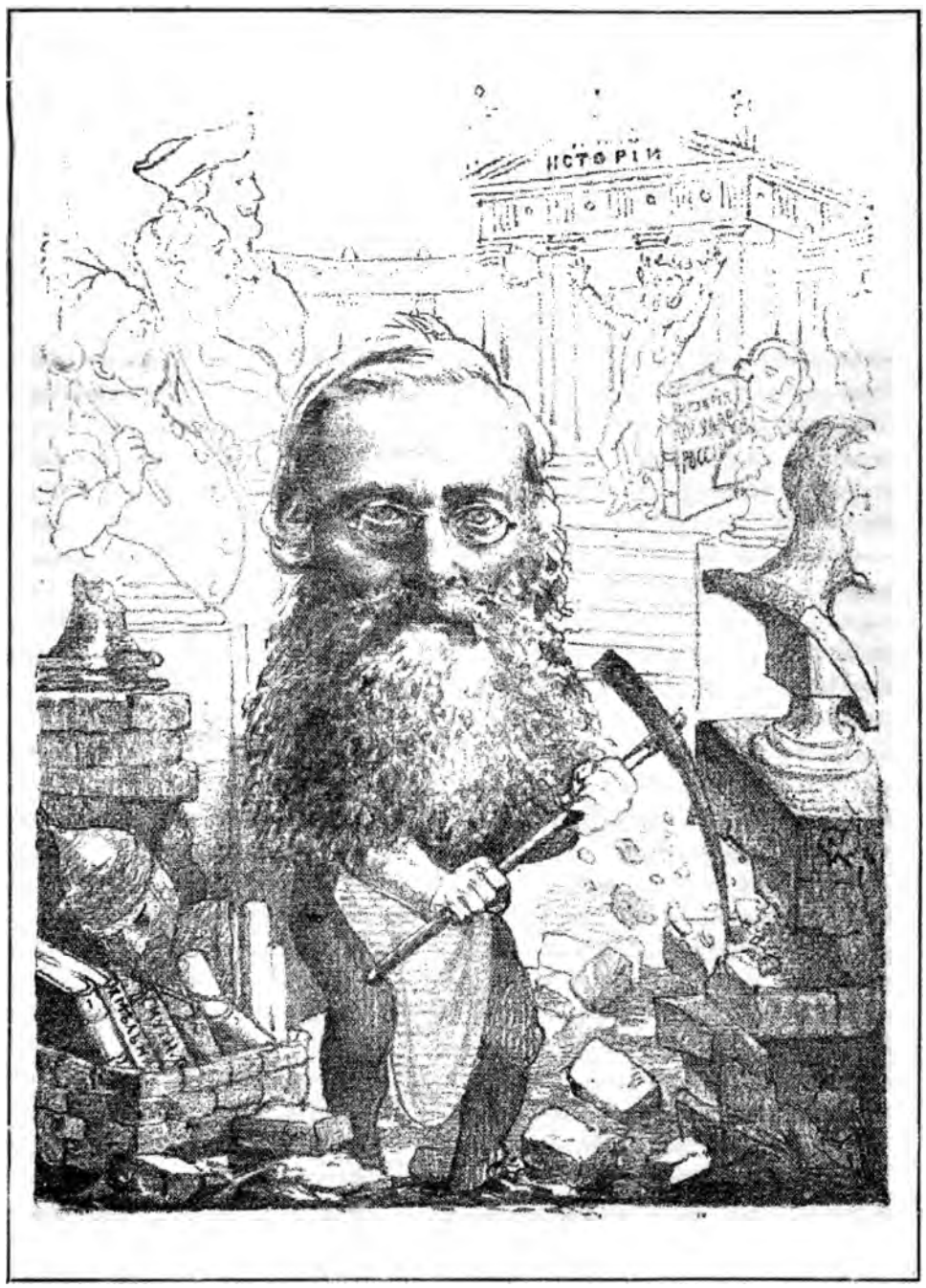
емъ. Такова была его замѣчательная рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная предъ лицомъ представителей всероссійской интеллигенціи на пушкинскомъ праздникѣ; такимъ-же направленіемъ проникнуто и его обширное ученое изслѣдованіе «Боярская Дума», напечатанное сперва въ журналѣ «Русская Мысль», а потомъ въ отдѣльной книгѣ.

Клюшниковъ — писатель, сразу составившій себѣ въ свое время имя извѣстнымъ романомъ «Марево», явившимся первоначально въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Нельзя сказать, чтобы столь быстро пріобрѣтенная г. Клюшниковымъ слава — была слава вполнѣ лестная и блестящая. Въ возложенномъ на его главу лавровомъ вѣнкѣ имѣлись пренепріятные, весьма колючіе шипы и занозы, вплетенные либеральной критикой, съ легкой руки покойнаго Писарева, умѣвшаго быть такимъ безпощаднымъ къ антипатичнымъ для него писателямъ. Не взлюбилъ-же онъ г. Клюшникова и его романъ за ихъ катковское «направленіе», за «художественную клевету на молодое поколѣніе» и за тому подобныя прегрѣшенія, которыя — напротивъ — въ лагерѣ «Руссаго Вѣстника» сошли за несомнѣнныя заслуги предъ отечествомъ и сдѣлали почетное имя г. Клюшникову. Исторія разберетъ — кто тутъ былъ правъ, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Клюшниковъ нынѣ принадлежитъ уже больше исторіи, такъ какъ въ послѣднее время совершенно почти скрылся съ горизонта россійской словесности. Собственно, сокрытіе его началось уже давно: его литературная карьера была карьера метеора. Въ своемъ первомъ романѣ «Марево», онъ весь высказался, весь вышелъ сполна; потомъ, по обыкновенію, онъ далъ нѣсколько его повтореній, одно другаго блѣднѣе; потомъ, размѣнялся на редактора и издателя мелкихъ иллюстрированныхъ журальчиковъ, въ родѣ «Нивы» и умершаго «Кругозора», потомъ, принялся за изданіе какихъ-то «Сокращенныхъ Энциклопедій», «Пространныхъ лечебниковъ» и чуть-ли даже не «Сонниковъ»; потомъ куда-то исчезъ и утонулъ въ пучинѣ безъизвѣстности, какъ «тонутъ маленькія дѣти, купаясь жаркою порой».

Книримъ — имя, при произнесеніи котораго у друзей «правоваго порядка» сердце радовалось, а у нарушителей онаго болѣзненно ёкало страхомъ изобличенія. Весьма извѣстный слѣдователь «по особо важнымъ дѣламъ», которыхъ онъ произвелъ безчисленное множество съ блестящимъ успѣхомъ. Человѣка съ нечистой совѣстью видѣлъ насквозь, а, при нѣкоторомъ усиліи воображенія, могъ видѣть и на аршинъ въ землю, на которой человѣкъ стоялъ...' Къ счастью, Книримъ былъ призванъ «читать въ сердцахъ» только пойманныхъ воровъ и татей, а то — можно представить себѣ, какое ужасное опустошеніе произвелъ-бы онъ въ рядахъ непойманныхъ... банкократовъ, кассировъ, желѣзнодорожниковъ, интендантовъ, таможенныхъ чиновниковъ и т. п. почтенныхъ охранителей казеннаго и общественнаго достоянія!

Кобеко — видный петербургскій бюрократъ, весьма удачно выступившій на поприще диллетантской исторической литературы интересной, умно и съ знаніемъ написанной книгой «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Въ короткое время книга г. Кобеко выдержала два изданія.

Ковако — пріобрѣвшій недавно извѣстность не только дома, но и загра-



«Многое изъ того, что мы привыкли считать достояніемъ исторіи, приходится, скрѣпя сердце, выбросить вонъ».

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ

ницей русскій гальванопластъ. Искусникъ, который, не страшась мудрой истины: «не все то золото, что блеститъ», съ неизмѣнной добросовѣстностью и мастерствомъ готовъ золотить и серебрить бронзовые образы и славныхъ Периклovъ и «презрительныхъ Терситовъ».

Козловъ, А. А. московскій оберъ-полиціймейстеръ,—человѣкъ, который меньше всѣхъ спитъ въ Москвѣ. Охранить семью въ семсотъ тысячъ взрослыхъ ребятъ отъ всяческой опасности, наблюсти за ихъ нравами, соблюсти среди нихъ тишину и порядокъ—какая нужна неусыпность и всеобъемлемость! Для московскаго оберъ-полиціймейстера эта забота усложняется еще дѣйствіемъ въ бѣлокаменной столицѣ «чрезвычайной охраны», присутствія которой—сказать къ слову и къ чести г. Козлова—благонравные москвичи вовсе не чувствуютъ, по сравненію съ обычнымъ режимомъ, если не считать неисправныхъ домовладѣльцевъ и ротозѣватыхъ дворниковъ, побуждаемыхъ нынѣ къ бдѣнію столь многочисленными штрафами. Если справедлива пословица: «бей мужика не дубьемъ, а рублемъ», то, надо полагать, эти штрафы оправдываются усиленіемъ въ Москвѣ порядка и безопасности, хотя вольнодумные москвичи, кажется, невысокаго на этотъ счетъ мнѣнія.

Козловъ, Н. А. — маститый патріархъ русской медицинской науки. Кромѣ многолѣтней военно-врачебной практики, Н. А. долго и плодотворно управлялъ медико-хирургической академіей. При немъ, между прочимъ, положено было основаніе женскимъ врачебнымъ курсамъ; его-же иниціативѣ обязано введеніе сестеръ милосердія въ военныхъ госпиталяхъ. Нельзя, наконецъ, не упомянуть, что почтенный Н. А. 25 лѣтъ былъ домашнимъ врачемъ и другомъ знаменитаго канцлера князя Горчакова.

Кокоревъ, В. А. коммерціи-совѣтникъ,—весьма извѣстная, вышедшая «въ люди», «черноземная сила», которой нельзя отказать въ «самобытности», характерѣ и тонкой торговой смѣтливости... Нельзя, впрочемъ, отказать и въ грѣхахъ, свойственныхъ поклонникамъ Ваала. Какъ коммерсантъ, г. Кокоревъ всегда отличался оборотливостью, находчивостью и — отсюда — «непрогораемостью», хотя «прогоралъ» онъ не разъ. Когда процвѣтали винные откупа, онъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ откупщиковъ и, во время отмѣны откупной системы, шелъ напроломъ, чтобы ее отстоять. Пошла полоса на желѣзнодорожныя концессіи — г. Кокоревъ сталъ концессіонеромъ; вошла въ моду бакинская нефть—онъ и къ ней плотно примостился; стала развиваться и закипать банковская часть—онъ и тутъ поспѣлъ и превратился въ заправскаго банкократа... Словомъ, мастеръ на всѣ руки! При всемъ томъ, краснословъ, любящій уснащать свое слово народными прибаутками и цитатами изъ «Писанія» и «св. отцовъ», поклонникъ «трезвенныхъ мыслей» и патріотъ изъ патріотовъ. Въ крымскую войну изъ своихъ рукъ поилъ водкой и кормилъ калачами ополченцевъ и всенародно кланялся имъ въ ноги отъ лица благодарнаго отечества, что не мѣшало ему одновременно то-же отечество опустошать посредствомъ своихъ кабаковъ. Позднѣе, во время обновленія и либеральныхъ «вѣяній», г. Кокоревъ очутился въ рядахъ «сочувствующихъ» россійскому прогрессу и запечатлѣлъ сіе, между прочимъ, тѣмъ, что далъ деньги на изданіе либерально-обличительной

«Искры» (фактъ исторически вѣрный), которая потомъ, расплатившись съ нимъ, его-же стала жечь своими стрѣлами, какъ-бы ужь въ видѣ процентовъ на капиталъ. Въ заключеніе, добавимъ, что г. Кокоревъ любитъ грандіозныя сооруженія: воздвигъ хорошо извѣстную въ Москвѣ исполинскую «Кокоревскую гостинницу» (давно не ему принадлежащую); превратилъ свое имѣніе въ Ушакахъ въ маленькую Швейцарію съ цѣлымъ городкомъ дачъ; намѣревался, говорятъ, построить вторую вавилонскую башню, чтобы съ вершины ея любоваться зрѣлищемъ милліона винокуренныхъ заводовъ, при посредствѣ которыхъ, по его мысли, столь краснорѣчиво проповѣдывавшейся имъ и въ печати и въ разныхъ «говорильняхъ», отечество превратилось-бы вдругъ въ счастливую Аркадію, но такъ какъ геніальный планъ этотъ пока не осуществился, то г. Кокоревъ и постройку вавилонской башни отложилъ на неопредѣленный срокъ.

Кокшаровъ, Н. И. — превосходительный и, безъ сравненія, превосходнѣйшій авторитетъ отечественной минералогіи; въ совершенствѣ изучилъ природу металловъ и сдѣлалъ не мало научныхъ открытій въ металургіи, однакожь не предусмотрѣлъ новѣйшаго изобрѣтенія *бронзовыхъ* векселей и «*мѣдныхъ* рублей», по терминy автора «Ваала». Заслуженный профессоръ, бывшій директоръ Горнаго института.

Колюпановъ, Н. П. — одинъ изъ наиболѣе дѣльныхъ «свѣдущихъ людей», принимавшихъ участіе въ недавнемъ «совѣщаніи» по питейному и переселенческому вопросамъ. «Свѣдущесть» г. Колюпанова выражается многообразно и многократно: онъ—человѣкъ университетскаго образованія, онъ, кромѣ того, изучалъ соціальные вопросы заграницей и даже съ самимъ Шульце-Деличемъ водилъ пріятное личное знакомство, а, можетъ быть, и Bruderschaft заключилъ, онъ — бывшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, онъ—бывшій исправникъ, онъ—бывшій журналистъ, поднесь не забросившій свое публицистическое перо, онъ—коренной костромской землевладѣлецъ, онъ—нынѣ предводитель дворянства, онъ—дѣятельный земецъ, и т. д. Кажется, тотъ, кто такъ много учился, такъ много служилъ на различныхъ поприщахъ, такъ много управлялъ и такъ близокъ къ «землѣ» и къ мужику, долженъ быть «свѣдущимъ человѣкомъ» на пять съ плюсомъ!

Комаровъ, А. В., генералъ,—герой присоединенія Мерва, ранѣе заявившій себя свѣдущимъ и энергическимъ дѣятелемъ по военно-организаторской части. Считается многостороннимъ знатокомъ нашего азіатскаго Востока, вообще, и Кавказа, въ особенности, на которомъ началъ подвизаться еще въ тѣ эпическія времена, когда дѣвицы томно пѣли, по адресу закавказскихъ героевъ:

Куда ты, ангелъ мой, стремишься
На тотъ погибельный Кавказъ?

Комаровъ, В. В.—полковникъ, по россійской табели о рангахъ, и генералъ—по сербской; къ сожалѣнію, вышелъ въ отставку, а то, навѣрное, дослужился бы до ранга Александра Македонскаго и непремѣнно прибилъ-бы свой щитъ къ вратамъ Царьграда, достигнуть которыхъ ему, однажды, оставалась самая малость. Разумѣемъ извѣстные его подвиги въ званіи начальника штаба сербской арміи и, въ особенности, устроенный имъ тогда знаменитый делиградскій «мѣшокъ», въ который долженъ былъ попасть,

какъ въ мышеловку, Керимъ-паша со всей турецкой арміей и неминуемо попалъ-бы, если-бы сидѣлъ смирно и не вздумалъ, лихой басурманъ, артачиться. Несомнѣнно великій тактикъ и дальновидный стратегикъ, г. Комаровъ довольно сомнителенъ, однако-жь, какъ журналистъ. Основатель печальной памяти «Русскаго Міра», потомъ, милостію аллаха, арендаторъ и редакторъ столь-же печальныхъ «Спб. Вѣдомостей»... Видно, г. Комаровъ, дѣйствительно, очень добродѣтельный человѣкъ, ибо неиначе, какъ только чудеснымъ содѣйствіемъ небесъ можно было объяснить бренное существованіе, подъ его редакціей, этой праматери россійскихъ газетъ, справедливо прозванной при немъ «старушечьими вѣдомостями». Ни таланта, ни своей мысли, ни физіономіи, ни содержанія, ни читателей, а—жила... еле дышала, но жила; платила-ли аренду—объ этомъ нужно справиться въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ послѣднее-же время несчастливый бракъ г. Комарова съ газетой-старухой Господь благословилъ приплодомъ, но такимъ тщедушнымъ, мизернымъ и жалкимъ, что и смотрѣть не на что. Малютка при крещеніи названа претенціознымъ именемъ «Свѣтъ», хотя, по настоящему, слѣдовало-бы назвать ее: «Плодъ любви несчастной». Впрочемъ, пусть живетъ, а умретъ—въ публичной библіотекѣ станетъ однимъ раритетомъ больше, по отдѣлу миніатюръ: миніатюрнѣе «Свѣта» — газетки еще не бывало. Въ данную минуту г. Комаровъ овдовѣлъ, оставшись при одномъ «Свѣтѣ», который—нельзя не упомянуть — сдѣлался, благодари совсѣмъ неправдоподобной дешевизнѣ, едва-ли не самой распространенной газетой.

Комиссаржевскій, Ѳ. К. — бывшій пѣвецъ петербургской русской оперы, для которой онъ къ ряду нѣсколько лѣтъ служилъ однимъ изъ украшеній и во многихъ меломанахъ, въ особенности нѣжнаго пола, оставилъ по себѣ нетлѣнную память. Вполнѣ артистическая натура, культивированная образованіемъ, пріятный пѣвецъ и хорошій актеръ, онъ, кажется, сдѣлался жертвой увлеченія невозможной «музыкой будущаго», презрѣвъ мелодію для речитатива и «Трубадура» для «Каменнаго гостя». Въ настоящее время г. Комиссаржевскій, утративъ голосъ, который у него никогда не былъ значительнымъ, жируетъ заграницей и даетъ уроки музыки.

Кони, А. Ф. — одинъ изъ выдающихся и популярнѣйшихъ жрецовъ Ѳемиды. Составилъ себѣ извѣстность еще въ медовые мѣсяцы новаго гласнаго суда, какъ талантливый, краснорѣчивый прокуроръ, потомъ, какъ членъ суда и предсѣдатель онаго, на каковомъ постѣ олицетворялъ собою неуклоненную законность, мудрость Соломона и безпристрастіе самой Ѳемиды.

Кононовъ—заслуживаетъ упоминанія не самъ по себѣ, а только потому, что въ его владѣніи находится, хорошо извѣстный всему Петербургу, такъ называемый, «кононовскій залъ», одинъ изъ обширнѣйшихъ въ столицѣ. Сдается оптомъ и въ раздробь подъ художественно-музыкально-танцовально-распивочно-увеселительныя собранія. Объ условіяхъ спросить управляющаго домомъ, г. Архарова—очень милаго и сговорчиваго джентльмена, которому, однако-жь, ноги въ ротъ класть не слѣдуетъ.

Кондоянаки — какъ всѣ «патріоты своего отечества» на Руси, съ именами, кончающимися на *аки*, принадлежитъ къ сливкамъ биржевой плу-

тократіи, имѣетъ торгово-банкирскую фирму, ворочаетъ милліонами, загребаетъ барыши лопатой, прячетъ ихъ въ крѣпкіе несгораемые шкапы, самъ огнеупоренъ—никогда не «прогораетъ» въ водѣ не тонетъ, мѣдныхъ трубъ не страшится; побаивается немножко страшнаго суда и огненной геены, но, во избѣжаніе оныхъ, всегда съ готовностью подаетъ копѣечку на бѣдныхъ, въ увѣренности, что всевидящее око, по своей благости, зачтетъ ее въ счетъ погашенія его, г. Кондоиваки, грѣховностей.

Кондратьевъ — режиссеръ петербургской русской оперы, нѣкогда кантартистъ, владѣвшій хорошимъ баритономъ и потрясавшій публику патетическимъ исполненіемъ «Руслана»— одной изъ лучшихъ его ролей. Нынѣ имя г. Кондратьева публика очень рѣдко слышитъ, а, вѣроятно, многіе изъ меломановъ маріинскаго театра не подозрѣваютъ даже его существованія... Такова ужь горькая судьба режиссера! Въ виду этого, считаемъ долгомъ пригласить читателей хорошенько запомнить имя г. Кондратьева, какъ знающаго, талантливаго и неутомимаго труженика, всего себя посвящающаго служенію искусству, и которому во многомъ обязано нынѣшнее цвѣтущее состояніе петербургской русской оперы.

Конради — довольно извѣстная въ литературномъ міркѣ писательница-публицистка, притомъ, одна изъ первыхъ представительницъ новаго молодаго поколѣнія женщинъ, и — что всего удивительнѣе — не перестаетъ быть и *новой* и *молодой*, не взирая на тлетворное время и его буржуазное вліяніе. Краснорѣчивая, свободолюбивая и честно-мыслящая, г-жа Конради обыкновенно выступаетъ (къ сожалѣнію, нынѣ очень рѣдко) со своими огненными статьями, когда нужно сразить на голову какого-нибудь закоренѣлаго буржуа или ненавистнаго ретрограда, особенно такого, который идетъ противъ женскихъ правъ. Прекрасныя статьи г-жи Конради имѣютъ ту особенность, что ихъ нужно читать не иначе, какъ басомъ, ставъ на возвышеніи, въ позѣ Демосѳена, готовящагося разодрать на себѣ одежды, и съ толковымъ словаремъ подъ мышкой для уразумѣнія ихъ трансцендентальнаго языка и поразительной учености.

Константиновъ — актеръ александринскаго театра на роли «восточныхъ человѣковъ» и цыганъ съ пѣніемъ. Славится, впрочемъ, больше не какъ актеръ, а какъ «душа общества», своей всегдашней готовностью и умѣньемъ потѣшить честную компанію игрой на гитарѣ, шансонетками, «армянскими сценами», передразниваньемъ жужжанія мухи, попавшей въ паутину, и т. под. увеселительными талантами изъ области «отламыванія кумедій и колѣнецъ».

Корзухинъ — художникъ-жанристъ, одинъ изъ выдающихся представителей молодой реальной школы русской живописи. Г. Корзухинъ — «народникъ», съ демократическимъ «направленіемъ», какъ и большинство его товарищей по школѣ. Это, конечно, очень хорошо, но бываетъ и очень худо — для интересовъ, собственно, искусства. Глядишь на иную картинку, хотя-бы того-же г. Корзухина, и—точно, газетную передовую статью видишь передъ собою въ лицахъ:— богатѣйшій «гражданскій мотивъ», бездна демократическаго чувства и— преплохая живопись въ техническомъ отношеніи! Можетъ быть, съ точки зрѣнія той эстетической теоріи, для которой сапоги лучше Шекспира, это

такъ и нужно:—главное, чтобъ *идея* была въ носъ, а на технику, молъ, плевать... Если и г. Корзухинъ исповѣдуетъ эту теорію, то объ этомъ нельзи не пожалѣть, потому что онъ художникъ съ дарованіемъ.

Корниловъ — соотечественникъ, который, безъ посредства алхиміи, превращаетъ простую глину въ золото, себѣ на потребу, да еще удостоивается большихъ и малыхъ медалей «за трудолюбіе и искусство». Извѣстный производитель и торговецъ фаянса и фарфора, признаваемыхъ почти равнаго достоинства съ севрскими и саксонскими издѣліями... особенно по цѣнѣ. Иной хорошенькій корниловскій сервизецъ—куча глины, въ сущности, въ которую онъ рано или поздно и обратится,—стоитъ десятковъ десятинъ глинозема въ какой-нибудь не слишкомъ урожайной губерніи.

Корнфельдъ — большой юмористъ и, своего рода, «припущенникъ» (зри юрисдикцію благопріобрѣтенія уфимскихъ земель) на плодородныхъ пажитяхъ русской журналистики. Патентованный спеціалистъ по вывѣсочной части, а еще болѣе по гэшефтмахерской, г. Корнфельдъ, въ одну прекрасную ночь совершенно неожиданно и химерически-неправдоподобно увидѣлъ себя во снѣ хозяиномъ-издателемъ русскаго „художественно-юмористическаго“ журнала „Стрекоза»... Каковъ онъ, какъ „художникъ“ —Богъ вѣсть (вывѣски онъ дѣлаетъ хорошо); но за то *юмористъ* въ немъ сказался несомнѣнный: свое химерическое сновидѣніе онъ принялъ въ серьезъ, реализировалъ его по всей формѣ и нынѣ, на смѣхъ и удивленіе современниковъ, въ самомъ дѣлѣ состоитъ хозяиномъ-издателемъ дѣйствительно существующаго „художественно-юмористическаго“ журнала „Стрекоза“, и даже очень распространеннаго, очень изящнаго и весьма старательно издаваемаго журнала.

Коровинъ — извѣстный въ Петербургѣ крупный торговецъ мебельными матеріями и коврами. Товаръ превосходный и безъ обмана: „Пожалуйте! у насъ покупали! Настоящіе французскіе кретоны московскаго дѣла! Ліонскіе бархаты изъ Серпухова! Англійскіе ковры ярославской работы!.. Пожалуйте! дешево продадимъ!..“ Вообразите, что у г. Коровина ничего подобнаго нѣтъ! Несмотря на то, что онъ торгуетъ въ столь краснорѣчивомъ Апраксиномъ рынкѣ, торговлю ведетъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, безъ обмана и на чистоту. Вотъ только скверно, что такой-же *чистоты* не соблюдаетъ онъ въ своихъ многочисленныхъ и очень грязныхъ домахъ.

Коровяковъ—статскій кавалергардъ: необыкновенно стройный и видный мужчина, съ военной осанкой, носитъ шпоры, усы, звѣрски завинченные, мундиръ — увы! не кавалерійскій, а приевоенный чиновникамъ аудиторіата,—и посвящаетъ свои весьма обильные досуги и таланты не манежу, а любительскому сценическому искусству, являясь очень дѣятельнымъ распорядителемъ въ «обществѣ любителей сценическаго искусства“.

Королевъ—знаменитый петербургскій башмачникъ или, лучше сказать, волшебникъ, ежедневно посрамляющій авторитетъ поэта Пушкина. Помните, Пушкинъ, признаваясь въ „любви“ къ дамскимъ „ножкамъ“, въ которыхъ онъ былъ такой компетентный цѣнитель, съ грустью завѣрялъ читателей:

. . . . . врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ!

Въ новомъ ефремовскомъ изданіи

Пушкина помѣщено, говорятъ, къ этимъ стихамъ такое „примѣчаніе“ г. Королева: „Въ настоящее время г. Пушкинъ не сказалъ-бы такой обидной для нашего башмачнаго сословія и русскаго патріотизма вещи. Нынѣ, точно, бываютъ въ Россіи и не „стройныя женскія ноги“, но это развѣ только тѣ, которыя еще не обуты въ ботинки работы башмачника Королева“ (Невскій проспектъ № 000).

Корпусъ — фирма магазина готоваго платья, хорошо извѣстная тѣмъ петербургскимъ франтамъ, которые любятъ одѣваться «дешево и сердито» или, смотря по вкусу, «дешево, да гнило». Не взирая на нѣмецкое происхожденіе и нѣмецкое имя, г. Корпусъ истинно русскій патріотъ: «французское трико», «англійскія сукна» и «приборъ» у него всегда неподдѣльно-московскаго дѣла, шьетъ онъ тоже по русской патентованной системѣ «тяпъ, да ляпъ», и даже дыры и прорѣхи на его пиджакахъ и сюртучкахъ являются съ совершенно русской скоропостижностью.

Корсаковъ, Д. А. — казанскій исторіографъ, заявившій себя серьезнымъ, трудолюбиво - обработаннымъ изслѣдованіемъ: «Воцареніе императрицы Анны Ивановны». Судя по этому труду, г. Корсаковъ обѣщаетъ пріумножить собою категорію тѣхъ историковъ, о которыхъ говорятъ, что они вносятъ «вкладъ» въ науку и, поэтому, титулуютъ, ихъ «нашими извѣстными», «почтенными», «заслуженными» и пр.

Корсаковъ-Римскій — потому - ли «римскій», что былъ въ Римѣ и, вопреки пословицѣ, папу видѣлъ, или потому, что знаетъ вкусъ въ знаменитомъ «римскомъ огурцѣ», описанномъ дѣдушкой-Крыловымъ, — сказать не умѣемъ, да и не въ этомъ дѣло. Именуясь *римскимъ*, г. Корсаковъ, по праву, долженъ-бы называться *россійскимъ* — напр., россійскимъ Моцартомъ, конечно, если взирать на его славу и талантъ сквозь большой пулковскій телескопъ — ошибки въ сравненіи тогда не будетъ. Основательный, образованный музыкантъ, вполнѣ «свѣдущій человѣкъ» въ тайнахъ контрапункта, г. Корсаковъ справедливо считается лучшимъ профессоромъ петербургской музыкальной консерваторіи. Что касается его композиторской дѣятельности, то едва-ли не лучшее ея достоинство плодовитость, если только это достоинство. Кажется, это-же думаетъ и нелицепріятная музыкальная критика, признающая отсутствіе «самостоятельнаго творчества», «изобрѣтательности» и «вдохновенія» во всѣхъ произведеніяхъ г. Корсакова, включительно до его новѣйшей оперы «Снѣгурочка», которая, какъ извѣстно, при великолѣпной постановкѣ великолѣпнѣйшимъ образомъ провалилась. Впрочемъ, г. Корсаковъ, какъ говорятъ, приписывалъ неуспѣхъ своей «Снѣгурочки» не плохой музыкѣ, а плохой погодѣ: дочь мороза и зимы, она, естественно, должна была *растаять* отъ ростепели... Можетъ быть, это и такъ.

Корфъ, Н. А., баронъ, — недавно скончавшійся популярный земскій дѣятель и еще болѣе извѣстный педагогъ — просвѣтитель народа, премированный даже на парижской выставкѣ «почетнымъ отзывомъ». Заслуги барона, по отношенію къ народной школѣ, дѣйствительно, весьма почтенны и плодотворны. Не въ примѣръ другихъ хитроумныхъ просвѣтителей народа, умудряющихся просвѣщать безъ свѣта, обучать, ничему не научая, и распространять народное образованіе по системѣ — шагъ впередъ и два на-

задъ, баронъ Корфъ заявилъ себя вполнѣ искреннимъ «другомъ» сельской школы, старался, по мѣрѣ силъ, возвысить ее, одухотворить и вывести изъ мертвящей рамки формализма, сколоченной педантической подозрительностью. Заявилъ онъ себя, кромѣ того, и просто — талантливымъ педагогомъ, какъ это можно судить по его извѣстной книгѣ, для школьнаго чтенія, «Нашъ Другъ», расходящейся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по рукамъ деревенскихъ ребятишекъ... Сколько «сѣрыхъ, карихъ, синихъ глазокъ», невинныхъ и ясныхъ, «какъ въ полѣ цвѣты», читаютъ страницы «Нашего Друга» и почерпаютъ въ нихъ драгоцѣнности знанія и истины! Какой завидный памятникъ въ народной признательности воздвигъ себѣ баронъ Корфъ—миръ праху его!

Корфъ, П. Л., баронъ, — бывшій петербургскій градской голова, нынѣ гласный петербургской думы и безсмѣнный членъ шлиссельбургскаго земства. Въ думѣ стоитъ въ числѣ вожаковъ «интеллигентной», сановной и чиновной «партіи», которая въ то же время составляетъ и думскую оппозицію. Питаетъ-ли Павелъ Леопольдовичъ оппозиціонно-узурпаторскіе замыслы противъ смѣнившаго его на предсѣдательскомъ креслѣ нынѣшняго нашего лордъ-мера, г. Глазунова,—неизвѣстно. Онъ слишкомъ благовоспитанный человѣкъ и слишкомъ «умѣренно-аккуратный» дѣятель, чтобы фрондировать рѣзко, открыто и рѣшительно. Этими же качествами, наряду съ добросовѣстнымъ прилежаніемъ и канцелярской усидчивостью по исполненію своихъ обязанностей, баронъ заявилъ себя и во время своего трехлѣтняго главенства. При немъ, въ нашемъ городскомъ управленіи, по возможности все обстояло благополучно, но въ то же время—ординарно, рутинно, потихоньку и полегоньку, какъ всегда, какъ и нынѣ. Впрочемъ, съ точки зрѣнія думской политики и думскаго прогресса, рѣшительно необъяснимо, почему баронъ Корфъ былъ забаллотированъ при выборахъ головы на новое трехлѣтіе? Онъ былъ безукоризненно *приличный* и просвѣщенный голова, гораздо приличнѣе и просвѣщеннѣе многихъ сихъ и оныхъ.

Костомаровъ, Н. И. Немного найдется русскихъ литераторовъ и ученыхъ, которые могли-бы съ большимъ правомъ, чѣмъ г. Костомаровъ, сказать о себѣ, что ихъ знаетъ вся читающая Россія, а—главное—что ихъ одинаково уважаютъ и цѣнятъ люди всѣхъ «партій» и всѣхъ «направленій». Безспорно, что, послѣ Карамзина, г. Костомаровъ является у насъ самымъ популярнымъ изъ всѣхъ русскихъ историковъ, не потому, чтобы онъ всѣхъ ихъ превосходилъ ученостью, талантомъ, цѣнностью «вкладовъ» въ науку, новизной открытій и взглядовъ, — нѣтъ! Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ очень многіе наши историки не только не уступятъ г. Костомарову, но даже и превзойдутъ его. Своей огромной популярностью Николай Ивановичъ обязанъ, во-первыхъ, тѣмъ, что, послѣ Карамзина, онъ у насъ является едва-ли не единственнымъ, по силѣ дарованія, *историкомъ-художникомъ*, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ, будучи кабинетнымъ ученымъ, не переставалъ быть живымъ человѣкомъ и мыслителемъ, отзывчивымъ къ современному росту и движенію русской общественности и русской мысли. Эта отзывчивость отразилась во всѣхъ его лучшихъ работахъ—не въ смыслѣ какой-нибудь преходящей тенденціозности (хотя бы-

ли критики, которые въ ней его упрекали), а въ самомъ методѣ и духѣ изслѣдованія. То, что дѣлали публицистика и литературная критика по отношенію къ отжившему хламу старыхъ предразсудковъ, суевѣрій и ложныхъ авторитетовъ въ области дѣйствительности, то самое — тотъ-же строгій анализъ, тотъ-же отрезвляющій духъ изслѣдованія и скептицизма внесъ г. Костомаровъ въ сферу нашей исторической науки, на велій скандалъ и гвалтъ такихъ ученыхъ старовѣровъ-фанатиковъ, какимъ былъ, напр., Погодинъ, одинъ изъ заядлѣйшихъ антагонистовъ Николая Ивановича... Подобно зодчему, изслѣдующему крѣпость зданія, г. Костомаровъ, въ своихъ блестящихъ «монографіяхъ и изслѣдованіяхъ», критически прошелся, такъ сказать, по всему своду русской исторіи — пытливой рукою ощупалъ и анализировалъ каждый въ немъ сомнительный кирпичъ, каждый столбикъ, не убоялся потрогать даже и прочность, такъ-называемыхъ, «краеугольныхъ камней». Будучи мастеромъ дѣла, онъ, конечно, долженъ былъ обнаружить много зыбкаго, непрочнаго и фальшиваго въ сооруженіяхъ нашей исторіографіи, и—въ этомъ его великая заслуга, нынѣ вполнѣ оцѣненная современниками.

Котляревскій — молодой русскій ученый, стяжавшій въ лѣто отъ Р. Хр. 1881-е громкую газетную извѣстность, благодаря просвѣщеннымъ Держиморднамъ славнаго города Карлсруэ, обязательно доставившимъ ему случай на личномъ опытѣ изучить комфортабельность германскихъ «кутузокъ» и цивилизованную безцеремонность нѣмецкой полиціи. Г. Котляревскій, безъ всякаго съ его стороны повода, былъ схваченъ и арестованъ по подозрѣнію въ «нигилизмѣ».

Кохановъ — имя весьма часто, съ вѣрой и надеждой повторявшееся въ послѣднее время и прессой и въ обществѣ прогрессивнаго лагеря. Почтенная популярность г. Коханова началась съ той минуты, какъ онъ сталъ предсѣдателемъ коммиссіи по выработкѣ проекта преобразованія мѣстнаго, областнаго управленія. Самая коммиссія эта и проектированная ею реформа стали называться «кохановскими» и, вѣроятно, подъ этимъ именемъ перейдутъ въ исторію въ числѣ другихъ, современныхъ намъ, но — увы!—не осуществившихся «благихъ начинаній».

Кочетова, З. Р. — московская примадонна и одна изъ лучшихъ молодыхъ «надеждъ» русской оперы, вообще—пока «звѣздочка», по опредѣленію одного астронома музыкальной критики, обѣщающая во благовременіи превратиться въ полную луну на горизонтѣ отечественнаго вокальнаго искусства. Сопрано Зои Разумовны «чистъ и нѣженъ, какъ флейта», по выраженію другаго музыкальнаго критика, а пѣніе ея подобно «свободному полету птицы въ недосягаемой высотѣ, подъ яркимъ солнцемъ лѣтняго полудня»... Если еще прибавить, что эта «волшебная флейта» помѣщена въ «безукоризненно-граціозной» фигурѣ, «съ выразительными сѣрыми глазами», то въ представленіи нашемъ получится одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній природы. Отъ себя добавимъ, что у Зои Разумовны, кромѣ флейтоподобнаго голоска и «выразительныхъ сѣрыхъ глазъ», есть еще и золотое сердце, отзывчивое къ добру и сострадательное къ неимущимъ, къ «оскорбленнымъ и униженнымъ»... Это хорошо знаетъ нуждающаяся учащаяся молодежь обѣихъ столицъ, для которой г-жа Кочетова не разъ покупала,

своимъ чарующимъ голосомъ, у сытыхъ и богатыхъ хлѣбъ насущный, право на существованіе и образованіе. Слава талантливой артисткѣ, но еще большая слава великодушной, человѣколюбивой женщинѣ!

Кочкуровъ — имя, при произнесеніи котораго у петербургскихъ «интеллигентныхъ» лакомокъ, преимущественно «младшаго возраста» и нѣжнаго пола, слюнки текутъ... Очень ужь сладки и вкусны конфекты и прочія кондитерскія издѣлія г. Кочкурова, признаваемаго знаменитымъ и неподражаемымъ въ своемъ родѣ! Изящная кочкуровская бонбоньерка составляетъ непремѣнную бутафорскую принадлежность въ каждомъ свѣтскомъ романѣ; не подлежитъ сомнѣнію, что самъ сатана, еслибы ему вторично пришлось искушать праматерь нашу, соблазнялъ-бы ее теперь не классическимъ яблокомъ, а хорошенькой бонбоньеркой отъ Кочкурова, и — тогда былъ-бы еще вопросъ: кто сталъ повиненъ въ грѣхопаденіи человѣчества — змій-ли искуситель, или кондитеръ Кочкуровъ? Во всякомъ случаѣ, на счетъ совѣсти послѣдняго должна быть отнесена не малая доля грѣхопаденій прекраснаго пола, которыхъ навѣрно не случилось-бы, не будь конфекты Кочкурова такъ лакомы, а его бонбоньерки столь роскошны.

Кошлаковъ, — профессоръ медико-хирургической академіи. Врачъ-спеціалистъ по горловымъ и головнымъ болѣзнямъ, прославившійся весьма счастливымъ ихъ излѣченіемъ; однакожъ, ни «Голоса» отъ хрипоты и періодическихъ утратъ органа, ни князя Мещерскаго отъ умственнаго головокруженія и «кошмарическихъ недоумѣній» почтенному г. Кошлакову излѣчить до сихъ поръ не удавалось.

Кояловичъ, М. О.—профессоръ по русской исторіи въ петербургской духовной академіи; стяжалъ литературную извѣстность своей книгой „Литовская церковная Унія“ и многими журнально-газетными статьями, статеечками и, просто, post-scriptum'ами. Послѣдними онъ, обыкновенно, предъувѣдомляетъ читателей наканунѣ большихъ праздниковъ о появленіи той или другой своей полемической статьи, какъ это онъ сдѣлалъ однажды, собравшись обличать евреевъ и великодушно пощадивъ ихъ на время Пасхи... Можно заключить изъ этого, насколько человѣконенавистны бываютъ статьи г. Кояловича, если онъ самъ признаетъ ихъ неудобными для праздничнаго чтенія! Съ другой стороны, это говоритъ, конечно, и въ пользу его благочестія. Вообще, почтенный профессоръ—непреклонный догматистъ и ревностный эклезіастъ, и если-бы родился столѣтія на три ранѣе, напр. въ Испаніи, то навѣрно прославился-бы не менѣе Петра Арбуэза. Заядлый полонофобъ, латинофобъ, юдофобъ... словомъ, *фобъ* вдоль и поперегъ, и равномѣрно ко всему инородческому и иновѣрческому, фанатически-нетерпимый и ретроградный по убѣжденіямъ, г. Кояловичъ посвятилъ свою многолѣтнюю учено-литературную дѣятельность на сѣяніе обильныхъ сѣмянъ племенной, религіозной и принципіальной вражды. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ своихъ публицистическихъ твореніяхъ онъ всегда инквизиторствуетъ, пророчествуетъ и проклинаетъ, благовѣствуетъ и достовѣрно лжесвидѣтельствуетъ съ учеными цитатами и ссылками, уличаетъ и инсинуируетъ, „тащитъ“ и „не пущаетъ“, и все это съ какимъ-то полицейскимъ лиризмомъ и съ іезуитскимъ крючкотворствомъ. Есть, впро-

чемъ, мнѣніе, что намъ такіе-то ученые и нужны.

Краевичъ—имя довольно извѣстное въ педагогической литературѣ и въ петербургскомъ учебномъ мірѣ. Типъ столичнаго педагога, по программѣ дѣятельности и карьерѣ: преподаетъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ для чиновъ и отличій, мечтая въ юности объ «округѣ», и—какъ знать? —о «портфелѣ» даже; ищетъ выгодныхъ уроковъ—для безбѣднаго иждивенія и связей съ сильными міра сего; сочиняетъ свое «руководство»—сперва «малое», потомъ «большое», или сперва «сокращенное», потомъ «пространное», а иногда наоборотъ—сперва «пространное», а потомъ «сокращенное»; конечно, и то, и другое удостоиваются одобренія «ученаго комитета» и выдерживаютъ безчисленное множество изданій; упрочившись и созрѣвъ, начинаетъ помышлять о литературно-педагогической славѣ: пишетъ статьи, публично читаетъ рефераты, и—что ни статья, то новоявленный Песталоцци, что ни рефератъ, то—громъ аплодисментовъ, а въ газетной «хроникѣ» сейчасъ «отчетъ»: «такъ и такъ, эра новая въ педагогіи... нашъ извѣстнѣйшій, уважаемѣйшій... привѣтствуемъ... удивляемся!» Ничего не остается — издавать свой журналъ. «Ученый комитетъ» одобряетъ и обѣщаетъ «предложить» для учебныхъ библіотекъ... Въ перспективѣ улыбается субсидія... Рѣшено, и—вотъ въ инвентарѣ россійской словесности однимъ ненужнымъ періодическимъ изданіемъ стало больше, а счастливый педагогъ-журналистъ почіетъ на лаврахъ.

Краевскій, А. А.—патріархъ и Мафусаилъ россійской журналистики, пережившій нѣсколько поколѣній и перепытавшій всяческія времена и „эры", всяческія „направленія" и „давленія". Вообще, Андрей Александровичъ ужасно много жилъ (да продлитъ Господь его дни и впредь!), и такъ какъ жилъ онъ все время превратной, придавленной жизнью русскаго „интеллигента" и русскаго журналиста — жизнью, исполненной на каждомъ шагу падающихъ сюрпризомъ на голову кирпичей съ карниза нашего общественнаго зданія, жизнью, подверженной всякимъ случайностямъ и пресѣченіямъ, а, порой, едва пользующейся правомъ терпимости, то, по истинѣ, нужно удивляться его живучести. Да онъ, въ этомъ отношеніи, и представляетъ собою единственный примѣръ въ исторіи русской литературы и журналистики... Разумѣется, кто такъ много жилъ, тотъ немало и нагрѣшилъ на своемъ вѣку, но сколько ни упрекали А. А. въ хамелеонствѣ и флюгарствѣ, по части „убѣжденій", въ канцеляризмѣ воззрѣній на внутренніе вопросы, въ гуттаперчевой извилистости его либерализма, въ тяготѣніи къ сильнымъ міра сего, въ наклонностяхъ къ кумовству, къ протекціи, къ сребролюбію и т. д., и какъ ни вѣски бывали иногда эти упреки,—исторія, нѣтъ сомнѣнія, вынесетъ ему вполнѣ оправдательный приговоръ, а, можетъ быть, еще и по головкѣ погладитъ. Мы ссылаемся на судъ исторіи, потому что г. Краевскій безспорно—историческая фигура, типичная и крупная, особенно по отношенію къ спеціальному району русской журналистики, въ которой онъ неутомимо подвизался цѣлое полстолѣтіе и всегда игралъ въ ней роль выдающагося дѣятеля—представителя лучшихъ ея органовъ. Довольно сказать, для удостовѣренія его заслугъ передъ русской журналистикой, что въ сороковыхъ годахъ онъ соз-

Современный Марій.

«Я пережилъ мои желанья,
Я разлюбилъ мои мечты».

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 9 НОЯБРЯ 1882

далъ лучшій, прогрессивнѣйшій для того времени, журналъ „Отечествен. Записки“, а съ шестидесятыхъ сталъ издавать лучшую, вліятельнѣйшую и, по времени, одну изъ *первыхъ* у насъ, „большую“ политическую газету „Голосъ“, который въ недавнее еще время стоилъ иной маленькой державы, по значенію, по числу подданныхъ (т. е., подписчиковъ) и по степени „независимости“, и безъ бытія которой иной русскій либералъ не могъ даже себѣ представить картину самого міроздания. Вообще, какъ организаторъ-*редакторъ* и *издатель* - журналистъ, Андрей Александровичъ имѣлъ немного соперниковъ, по изощренной опытности, практическому уму, такту и чутью къ прихотямъ барометра общественныхъ настроеній, а также и канцелярскихъ, разумѣется... Безъ соображенія съ послѣдними русскому издателю-журналисту трудненько жить на свѣтѣ. Этими-то качествами объясняется постоянный и постоянно большой успѣхъ изданій А. А., но объясняется также и шаткость его знамени, ненапрасно уподоблявшагося флюгеру, чувствительному къ перемѣнѣ вѣтровъ. Извѣстно, что г. Краевскій лично очень мало грѣшилъ перомъ, и извѣстно, что зоилы не разъ его за это осмѣивали. Осмѣяние самое неосновательное, уже потому, что истинному журналисту-редактору, преданному своему дѣлу, просто некогда самому писать; но, кромѣ того, у г. Краевскаго лично былъ талантъ, стоившій инаго писательскаго таланта: онъ всегда отлично зналъ для каждой данной минуты, *что* нужно писать, *о чемъ* писать и *какъ* писать, и его редакторское руководженіе въ этомъ смыслѣ бывало всегда безошибочнымъ. Талантъ — не такъ часто встрѣчающійся, какъ это могло-бы казаться съ перваго взгляда, что, вѣроятно, подтвердилъ-бы и самъ А. А., со вздохомъ оглянувшись кругомъ себя, на своихъ подмастерьевъ, послѣ того, какъ «Голосъ» постигла катастрофа. Къ слову о ней: подъ ея ударомъ, А. А. впалъ въ малодушіе и нанесъ не малый ущербъ своей гражданской славѣ тѣмъ, что изъ за корысти, вынесъ было свою журнальную фирму на торжище, сталъ ее продавать безразлично, на охотника, и чуть было не продалъ, себѣ на страмъ, извѣстному Ціону... Такъ гласила недобрая молва, а правду-ли—скажетъ исторія. Добавимъ, наконецъ, что, кромѣ журнальной дѣятельности, г. Краевскій причастенъ и муниципальной: его коренастую, благолѣпную и чистенькую фигурку, съ сѣдовласымъ, красивымъ и серьезнымъ лицомъ, украшеннымъ пушистыми сарматскими усами, можно видѣть почти на всѣхъ засѣданіяхъ петербургской думы. Тамъ онъ уже много лѣтъ добросовѣстно засѣдаетъ на одномъ и томъ-же креслѣ, въ рядахъ „интеллигентной партіи“, внимательно выслушиваетъ думскихъ ораторовъ, но самъ никогда почти не раскрываетъ рта, за то постоянно хранитъ видъ глубокомыслія и проникновенія въ корень вещей, такъ что, кажется, промолви онъ словечко, и это была-бы сама мудрость. Впрочемъ, не тратя словъ, г. Краевскій дѣятельно участвуетъ во многихъ думскихъ занятіяхъ и всегда подаетъ свой голосъ въ пользу прогресса и упорядоченія городскаго благоустройства.

Крамской, Н. Н., — талантливый художникъ, замѣчательное самородное дарованіе котораго было обрѣтено въ городѣ Острогожскѣ однимъ кочующимъ фотографомъ. Самоучкой набивъ руку въ рисованіи, онъ нѣсколько

лѣтъ былъ ретушеромъ и, можетъ быть, по сіе время выправлялъ-бы «патреты» острогожскихъ тупоносыхъ красавицъ и чревастыхъ острогожскихъ ситойеновъ, если-бы случай и личная энергія не вывели его въ «люди». Главная спеціальность г. Крамскаго—портреты, которыхъ онъ написалъ множество и всѣ съ отличающей его карандашъ и кисть живостью, экспрессіей и сочностью. Заявилъ онъ себя прекрасно, и какъ историческій живописецъ, извѣстной и замѣчательной картиной «Христосъ въ пустынѣ», гдѣ духовно-идеальныя черты Богочеловѣка изображены художникомъ съ поразительной реальностью и глубокой силой внутренняго выраженія. Уже одна эта картина создала-бы имя г. Крамскому.

Кренке, маститый инженерный генералъ, — видѣлъ кровь и, кажется, самъ проливалъ оную, былъ окуренъ порохомъ, участвовалъ въ осадахъ и блокадахъ, совершалъ походы и компаніи, содѣйствовалъ побѣдамъ и пораженіямъ супостатовъ едва-ли не во всѣхъ войнахъ послѣдняго полстолѣтія. Въ войну 1877 г. отличился, какъ организаторъ тыла нашей арміи въ Болгаріи. Нынѣ, отдыхая на лаврахъ, пишетъ и печатаетъ въ историческихъ журналахъ свои богатыя боевыя воспоминанія.

Кривенко, С. Н. — писатель-журналистъ, если сказать — «либеральнаго направленія», то г. Кривенко навѣрно обидится, не потому, чтобы онъ имѣлъ что-нибудь противъ liberté... о, нѣтъ! — совсѣмъ напротивъ, а потому, что г. Кривенко, такъ сказать, сугубо либераленъ, либераленъ въ квадратѣ, плюсъ — народолюбивъ и радикаленъ... Имя г. Кривенко, однако-жь, мало извѣстно и не встрѣчается въ печати, — только, вотъ, лѣтъ пять подрядъ на оберткѣ — «Отечественныхъ Записокъ» неизмѣнно встрѣчался такой анноncъ: «С. Н. *Кривенко*: Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія, Цѣна 1 р. 50 к. Складъ изданія въ кн. маг. Стасюлевича». Впрочемъ, это не значитъ, чтобы г. Кривенко опочилъ на своемъ «физическомъ трудѣ»: онъ дѣятельно участвуетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ послѣднее время въ нихъ исполняетъ должность г. Елисѣева, пожизненнаго внутренняго обозрѣвателя «Записокъ». Внутреннія обозрѣнія г. Кривенко читаются и съ удовольствіемъ и съ пользой, благодаря ихъ живому изложенію, мѣстами—съ публицистическимъ огонькомъ, трезвымъ взглядомъ и основательной группировкой фактовъ.

Красовскій, А. Я.—профессоръ медико-хирургической академіи, пользующійся громкой славой, особенно среди матерей семействъ, за свое „родовспомогательное“ трудолюбіе и искусство. Достовѣрно, что многіе изъ россійскихъ гражданъ молодаго поколѣнія обязаны ему своей жизнью—не какъ родителю, положимъ, а какъ искусному акушеру, содѣйствовавшему появленію ихъ на свѣтъ. Вообще, заслуги г. Красовскаго по пріумноженію рода человѣческаго внѣ всякаго сомнѣнія.

Крестовскій, Всеволодъ. Въ современной русской литературѣ извѣстны два Крестовскихъ: одинъ подлинный, другой — псевдонимъ, подъ которымъ скрывается извѣстная писательница г-жа Хвощинская, цѣломудренно охраняющая свой незапятнанный псевдонимъ отъ смѣшенія его съ Крестовскимъ не псевдонимомъ, изобличеннымъ въ кое-какихъ литературныхъ пятнышкахъ. Еще не очень давно г. Крестовскій былъ въ своемъ родѣ bête

Je prends mon bien, où je le trouve.

noire у либеральной прессы и на немъ изощряли сатирическія стрѣлы многіе ея критики и фельетонисты. Провинился г. Крестовскій предъ либеральной «партіей» тѣмъ, главнымъ образомъ, что эмигрировалъ изъ ея рядовъ и, безъ всякихъ интерваловъ, прямо перешелъ въ уланы. Затѣмъ, не мало доставалось ему на орѣхи изъ либеральнаго лагеря за его романы, въ родѣ «Панургова стада», спеціально посвященные изображенію «нигилизма» и «нигилистовъ», которые, дѣйствительно, нарисованы г. Крестовскимъ по тому-же плану и тою-же манерой, по какимъ суздальскіе богомазы малюютъ чорта; наконецъ, очень не одобряла либеральная критика стихотворныя шалости пера г. Крестовскаго, изданныя имъ подъ титуломъ «испанскихъ мотивовъ», существеннымъ *мотивомъ* которыхъ является очень яркая и сочная «шпанская» клубника... Во всякомъ случаѣ, г. Крестовскому нельзя отказать въ литературномъ талантѣ, особенно выгодно заявившемъ себя въ небольшихъ очеркахъ и повѣстяхъ, написанныхъ по непосредственнымъ наблюденіямъ. Оттого-то такъ хороши и корреспонденціи г. Крестовскаго (съ театра войны, съ кругосвѣтнаго плаванія и пр.), которымъ онъ нынѣ, главнымъ образомъ, посвящаетъ свое плодовитое перо. Славу же ему составилъ, особенно среди любителей беллетристической уголовщины, извѣстный объемистый романъ его «Петербургскія трущобы», въ которомъ г. Крестовскій явился достойнымъ соперникомъ Эженя Сю, Дюма и Понсонъ-дю-Террайля.

Кронебергъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ тузовъ банкократіи, просіявшій первоначально и акклиматизовавшійся въ Варшавѣ. Имъ построены и ему принадлежатъ многія желѣзныя дороги въ царствѣ Польскомъ, и, кажется, дороги фирмы Кронеберга однѣ изъ лучшихъ и прочнѣйшихъ въ Россіи.

Крутикова—пѣвица русской оперы, пріобрѣвшая долголѣтнимъ безпорочнымъ служеніемъ Мельпоменѣ и своимъ прочнымъ мелодическимъ контръ-альто лестную извѣстность въ обѣихъ столицахъ. Прежде плѣняла Петербургъ, нынѣ исторгаетъ восторги въ Москвѣ.

Крыловъ—не тотъ, который писалъ о „Демьяновой ухѣ“, а тотъ, который самъ такую „уху“ въ избыткѣ предлагаетъ россійской публикѣ, подъ видомъ своихъ многочисленныхъ драматическихъ произведеній. Г. Крыловъ—больше извѣстный по псевдониму Александровъ—одинъ изъ плодовитѣйшихъ и счастливѣйшихъ „фабрикантовъ“ современной русской драматургіи. Пьесъ его—оригинальныхъ, въ очень незначительномъ числѣ, *мнимо*-оригинальныхъ, завѣдомо-„заимствованныхъ“, въ большей части, и наконецъ, просто-переводныхъ,—поставлено множество на театральной сценѣ и почти всѣ онѣ пользуются прочнымъ успѣхомъ. Нужно отдать справедливость, г. Крыловъ—мастеръ своего дѣла: бѣдный творческимъ дарованіемъ, онъ обладаетъ прекраснымъ знаніемъ сцены и рѣдкимъ искусствомъ *дѣлать* пьесы изъ готоваго подходящаго матеріала, примѣнительно къ мѣсту, времени и вкусу публики. Его комедіи всегда сценичны, почти всегда умно скомпанованы и смотрятся съ удовольствіемъ, безъ обремененія головы и съ легкимъ сердцемъ.

Куинджи—магъ и чародѣй живописи, доведшій реализмъ изображенія природы до такой иллюзіи, что, напримѣръ, при видѣ его „березовой

рощи", зритель отчетливо слышитъ шелестъ листьевъ и обоняетъ запахъ березовыхъ почекъ, а, стоя передъ его картиной „Гроза", чувствуетъ неотложную потребность надѣть калоши и распустить надъ собой зонтикъ. Впрочемъ, необходимымъ условіемъ такой иллюзіи служитъ искусственное освѣщеніе, безъ котораго картины г. Куинджи много теряютъ въ своемъ волшебствѣ и оставляютъ очень многаго желать относительно техники и концепціи. Тайна очарованія картинъ г. Куинджи заключается въ его рѣдкомъ, удивительномъ искусствѣ *рисовать воздухъ* и всѣ *свѣты*, какіе только существуютъ въ природѣ, въ особенности-же лунный свѣтъ. (См. его «Ночь на Днѣпрѣ»). Въ этомъ отношеніи, онъ — неподражаемый виртузозъ и даже, можетъ быть, больше виртуозъ, чѣмъ художникъ-творецъ, какъ это сказали-бы вы о томъ скрипачѣ-концертантѣ, который сталъ-бы дивить васъ искусной игрою на одной струнѣ. Въ творческомъ аппаратѣ г. Куинджи точно также звучитъ пока одна лишь струна.

Кулишъ, П. А. — извѣстный писатель, авторъ прекрасной, классической, въ своемъ родѣ, книги „Записки о южной Руси" и основатель перваго, по времени, періодическаго изданія на малорусскомъ языкѣ, „Основа", къ сожалѣнію, недолго существовавшаго. Г. Кулишъ признается иниціаторомъ и главою того невиннаго филолого-этнографическаго движенія, въ пользу „самобытности" малороссійскаго слова, казацкой „чуприны", полтавскихъ галушекъ и такъ далѣе, включительно, конечно, до „горілки" и „варенухи", которое, подъ именемъ „украинофильства", заподозрѣно „Московскими Вѣдомостями" и Комп. въ стремленіи къ измѣнническому „сепаратизму", ради возстановленія, якобы, „гетьманщины", запорожской „Січи" и тому подобныхъ безвозвратныхъ архаизмовъ. Вслѣдствіе послѣдовавшей опалы на малорусскую словесность, г. Кулишъ очень долго молчалъ, проживая анахоретомъ на какомъ-то уединенномъ хуторѣ, а теперь, вдругъ, неожиданно объявился въ Львовѣ, гдѣ, какъ извѣщали газеты, принялъ дѣятельное участіе въ расхлебываніи той горячей междуплеменной полемической каши, которую заварили мѣстные украинофилы и полонофилы къ вящему удовольствію луканаго шваба, отлично знающаго толкъ въ мудрой политикѣ—divide et impera.

Кульковъ.—Въ ряду тѣхъ маленькихъ „самобытныхъ" Геростратиковъ, которые публично высказались противъ общественнаго чествованія памяти Тургенева потому-де, что онъ не „нашего" цеха и не „нашего" прихода, не сватъ „нашъ" и не братъ,—честь почина безспорно принадлежитъ представителю петербургскаго мѣщанскаго общества Кулькову, симъ и прославившемуся.

Кумбергъ — хозяинъ весьма популярнаго въ Петербургѣ, огромнаго „торговаго дома", который правильнѣе было-бы назвать мануфактурнымъ Ноевымъ ковчегомъ, такъ какъ у Кумберга можно найти почти все, что касается домашней обстановки, отъ роскошныхъ зеркалъ и англійскихъ ковровъ до сапожной щетки и кухонной чумички... Жаль только, что трудно найти у него что нибудь сходное по цѣнѣ.

Куропаткинъ, генералъ, — славный Патроклъ тристаты славнаго русскаго Ахилесса, такъ безвременно погибшаго для отечества. Г. Куропаткинъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ доблестный сподвижникъ, ближайшій товарищъ и помощникъ Скобелева во

всѣхъ почти его богатырскихъ походахъ. А кто такъ близко дѣлилъ подвиги героя, тотъ и самъ достоинъ „торжественнаго вѣнца“.

Курочкинъ, Н. С.—одинъ изъ послѣднихъ могиканъ блестящей журнально-литературной плеяды конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, центромъ которой служилъ, блаженной памяти, „Современникъ“. Это были люди „отрицанія и протеста“, по ходячей классификаціи, но будущій историкъ россійской словесности и публицистики назоветъ ихъ, по преимуществу, людьми юношески-горячей, даже мечтательной отчасти вѣры въ человѣка и въ добро, и широкихъ, благородныхъ гражданскихъ идеаловъ. Живымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить Николай Степановичъ, удивительнымъ образомъ сохранившій въ своей личности, не взирая на тяжелыя жизненныя испытанія и трудную, неисходную болѣзнь, всю моральную свѣжесть и чистоту, весь душевный закалъ и идейную складку этого симпатичнаго русскаго „культурнаго“ типа, принадлежащаго нынѣ уже больше исторіи и пока мало оцѣненнаго, но за то съ избыткомъ оклеветаннаго. Какъ писатель, г. Курочкинъ извѣстенъ своими прекрасными переводами, главнымъ образомъ, итальянскихъ поэтовъ, нѣсколькими повѣстями, но больше всего своими оригинальными стихотвореніями, проникнутыми задушевностью и гражданской скорбью, переходящей мѣстами въ язвительную иронію „музы мести и печали“.

Кшесинскій—старѣйшій и заслуженнѣйшій корифей петербургскаго балета, чуть не цѣлое полстолѣтіе мастерски отплясывающій съ неувядаемой энергіей, воздушностью и граціей. Началъ танцовать въ Варшавѣ, откуда въ началѣ 50-хъ гг., по волѣ императора Николая, былъ привезенъ на перекладныхъ, вмѣстѣ съ товарищами, въ Петербургъ и исполненіемъ мазурки въ „Крестьянской свадьбѣ“ составилъ себѣ карьеру. И до сихъ поръ г. Кшесинскій считается лучшимъ и самымъ „огненнымъ“ мазуристомъ въ столицѣ.

Кюи, Ц, А.— инженерный полковникъ, профессоръ фортификаціи, композиторъ и музыкальный критикъ... Довольно любопытное, но вовсе не рѣдкое въ карьерѣ русскихъ людей, смѣшеніе профессій и призваній. Впрочемъ, г. Кюи во всемъ успѣваетъ, и „генералъ-басъ“ у него очень мирно и любовно уживается съ фиртификаціонной „сапой“. Крѣпостей, правда, онъ не осаждалъ и не бралъ, сколько извѣстно, но признается не менѣе компетентнымъ спеціалистомъ въ фортификаціи, какъ и въ музыкѣ, особенно въ „музыкѣ будущаго“. Г. Кюи сочинилъ и поставилъ нѣсколько оперъ („Ратклифъ“, „Сынъ мандарина“, „Анджело“ и др.), весьма плохо оцѣненныхъ, однакоже, партіей мелодистовъ и профанами, пустившими было даже такую злую пародію, будто бы „лучшія мѣста“ въ операхъ г. Кюи суть тѣ, которыя, независимо отъ пера автора, были вдохновенно насижены мухами на страницахъ его нотныхъ тетрадей. Тѣмъ не менѣе, г. Кюи считается главой, столько разъ осмѣянной скалозубами прессы, „могучей кучки“ русскихъ вагнеристовъ —сторонниковъ и дѣятелей музыки будущаго. Какъ музыкальный критикъ, г. Кюи стяжалъ заслуженную извѣстность своей обширной эрудиціей, серьезностью взглядовъ и талантливостью изложенія.

„О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и Испаніи“, „Сербія и югославянскія провинціи Австріи“, „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра“, и мног. друг. И былъ-бы г. Ламанскій безпрекословно славенъ и авторитетенъ на любой аршинъ, еслибы въ немъ временами ученаго слависта не заслонялъ и не вытѣснялъ узко-тенденціозный, страстный и придирчивый доктринеръ-политикъ славянофильскаго толка, съ густымъ оттѣнкомъ панславизма. На этомъ основаніи, г. Ламанскій обращается съ братьями-славянами совершенно такъ, какъ воспитатель-моралистъ съ малыми ребятами: ставитъ имъ отмѣтки за поведеніе, поучаетъ, наставляетъ и сурово наказуетъ тѣхъ изъ нихъ, которые, на его взглядъ, недостаточно прониклись панславизмомъ и не выказываютъ большой охоты къ слитію въ „русскомъ морѣ“; въ случаѣ же упорства и закоренѣлости, безъ церемоніи хватаетъ ихъ за шиворотъ и выталкиваетъ вонъ изъ „славянской семьи“, какъ ея отщепенцевъ и „измѣнниковъ“ (Такъ, именно, распорядился онъ, между прочимъ, съ поляками). Въ силу той-же тенденціозности, г. Ламанскій въ дни великаго переселенія „добровольцевъ“ въ Сербію и потомъ распинался за непогрѣшимость „кружечной коммиссіи“ славянскаго общества, въ дѣлопроизводство котораго онъ, однакожъ, гораздо менѣе былъ посвященъ, чѣмъ въ тайны краледворской рукописи.

Ламанскій, Е. И.—еще недавно популярнѣйшій авторъ-издатель распространеннѣйшихъ въ мірѣ „сочиненій“, печатаемыхъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Но кромѣ того, что имя г. Ламанскаго въ теченіе двадцати лѣтъ повседневно прочитывалось съ довѣріемъ къ его авторской компетентности повсюду, куда только проникали русскія ассигнаціи, Евгеній Ивановичъ пользовался такой громкой, авторитетной извѣстностью, какъ государственный финансистъ и мощный руководитель банковаго кредита, которой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Какъ человѣкъ государственный, Е. И. принадлежитъ къ генераціи реформаторовъ и прогрессистовъ, связавшихъ свое имя и свою дѣятельность съ преобразовательной эпохой, начатой незабвеннымъ 19-мъ февраля. Много и жестоко критиковали финансовую политику г. Ламанскаго и его мѣры содѣйствія развитію кредитнаго дѣла въ Россіи; однакожъ, до него дѣло это никогда еще на Руси не было поставлено такъ широко и не оказывало такого ощутительнаго вліянія на оживленіе производительныхъ силъ страны. Правда, при немъ чрезмѣрно оживилась также банковская и биржевая спекуляція, находившая въ его кредитной политикѣ прочную для себя опору и поощреніе для своего разгула, разрѣшившагося потомъ стольними крушеніями, опустошеніями и скандалами; правда и то, что смѣлые и неудачные эксперименты г. Ламанскаго, по части улучшенія нашей валюты, обошлись очень дорого казнѣ; но, если это были ошибки, то скорѣе оттого, что вообще «мы еще несозрѣли», говоря достопамятнымъ афоризмомъ самого Е. И., для безошибочныхъ строго-систематическихъ сведеній концовъ съ концами въ нашихъ рессурсахъ. Лично-же г. Ламанскій безъ сомнѣнія всегда былъ одушевленъ найлучшими политико-экономическими намѣреніями, всегда былъ вѣренъ принципу блага и прогресса родной страны.

Лампе.—Арабы сложили мудрую пословицу, что для репутаціи женщины

лучше всего, когда о ней ничего не говорятъ. Если приложить эту мѣрку нравственности къ репутаціи нашихъ банкирскихъ конторъ, изъ коихъ о многихъ въ свое время было такъ много говорено и такъ много скандалезнаго, то банкирская фирма г. Лампе должна быть признана одной изъ добродѣтельнѣйшихъ. Она благополучно пережила всѣ треволненія биржевыхъ аферотажей и эпидемическихъ краховъ послѣднихъ лѣтъ, и въ то время, когда передъ дверями многихъ ея сосѣдокъ раздавались вопли: „караулъ! грабятъ!“, о ней никто ничего не говорилъ. На рынкѣ банкократской добродѣтели и это уже свою цѣну имѣетъ.

Ландау, А. Е. — одинъ изъ видныхъ и усерднѣйшихъ воздѣлывателей того тепличнаго, экзотическаго литературнаго растенія, которое довольно сомнительно процвѣтаетъ въ саду россійской словесности подъ ярлыкомъ спеціальной еврейской журналистики. Г. Ландау издавалъ съ перемѣннымъ успѣхомъ „Еврейскую Библіотеку“ — хорошій литературный сборникъ, въ которомъ, впрочемъ, было очень мало еврейскаго; нынѣ онъ издаетъ одноразнаго качества и характера журналъ „Восходъ“, имѣющій всѣ экзотическія свойства уже потому, что — вотъ, просвѣщенный читатель сихъ строкъ — бьюсь объ закладъ — и слыхомъ не слыхалъ о существованіи этого рѣдкостнаго журнала.

Ландсбергъ — нѣкогда блестящій гвардеецъ и салонный кавалеръ, нынѣ забытый и горестный обитатель острова Сахалина, громко и печально увѣковѣчившій свое имя памятнымъ кровавымъ „дѣяніемъ“ въ Саперномъ переулкѣ.

Ланинъ — авторъ „ланинскаго“ шампанскаго и издатель „ланинской“ газеты „Русскій Курьеръ“ въ Москвѣ. Надъ этимъ любопытнымъ совпаденіемъ и переплетомъ нѣсколько различныхъ между собою профессій и производствъ зубоскалы прессы и недоброжелатели г. Ланина не мало посмѣялись и посмѣиваются до сихъ поръ. Мы не послѣдуемъ ихъ примѣру и отдадимъ г. Ланину должную хвалу: во-первыхъ, его шампанское — несомнѣнно хорошій напитокъ уже потому, что, не будь его, у насъ было-бы одной хорошей газетою меньше, ибо, во-вторыхъ, „Русскій Курьеръ“ — газета несомнѣнно хорошая, по крайней мѣрѣ, по своимъ намѣреніямъ и тенденціямъ.

Лансере, Е. А.—выражаясь аксаковскимъ стилемъ, неподражаемый творецъ „бронзовой хвалы“ красотѣ и благородству лошадиной природы. Кто не восхищался на нашихъ академическихъ выставкахъ чудесными бронзовыми лошадками г. Лансере, схваченными въ наиболѣе патетическіе моменты лошадиныхъ драмъ, романовъ и кавалерійскихъ послужныхъ списковъ, притомъ, съ такой художественной живостью и натуральностью, выше которыхъ ничего не могъ-бы пожелать самый изысканный гиппоманъ?

Ларошъ, Г. А. — Г-ну Ларошу очень посчастливило на поприщѣ славы... по крайней мѣрѣ, въ словарѣ профессора Березина. Тамъ его жизнеописанію и музыкальнымъ заслугамъ отведено 24 строчки, тогда какъ Францу Листу только 32. Отсюда, читатель въ правѣ-бы заключить, что заслуги и знаменитость г. Ларошъ относятся къ заслугамъ и знаменитости Листа, какъ 24:32, или, что г. Ларошъ не дорось до Листа только на одну четверть колоссальнаго роста сего послѣдняго. Вотъ какой у насъ музыкальный богатырь г. Ларошъ! Однако, изъ того-

же достовѣрнаго источника не безъ удивленія узнаемъ, что всѣ музыкальные труды и заслуги г. Ларош исчерпываются, съ одной стороны, нѣсколькими музыкально-критическими фельетонами въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ и „Голосѣ“, въ которыхъ „нѣтъ опредѣленныхъ стремленій и идеаловъ“, за то много „противорѣчій“, а съ другой,—увертюрой къ неоконченной оперѣ „Кармозина“ и симфоническимъ Allegro, и—только... Такъ-то иногда очень большая гора разрѣшается очень маленькой мышкой.

Латкинъ, Н. В. — потомственный почетный гражданинъ, по званію, и несомнѣнно — одинъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ, засѣдающихъ въ петербургской думѣ, по своей дѣятельности и по чувству гражданской скорби, не разъ краснорѣчиво выраженному имъ предъ зрѣлищемъ неисправимой неряшливости столицы. «Излюбленный» санитаръ и статистикъ Литейной части, трудолюбиво изучилъ, сосчиталъ и измѣрилъ всѣ находящіяся въ ней выгребныя и помойныя ямы, ведетъ подробную вѣдомость прихода и расхода «золота» въ нихъ обращающагося, о чемъ время отъ времени даетъ любопытные отчеты въ газетахъ, и, основательно видя въ чрезмѣрномъ накопленіи этого добра источникъ высокой болѣзненности и смертности, мечтаетъ о превращеніи петербургскихъ клоакъ въ идеальные респираторы чистаго воздуха и амбре. Словомъ, г. Латкинъ не только дѣльный муниципалъ, но отчасти и поэтъ воздухоочистительнаго «направленія».

Лафермъ—знаменитость, завоевавшая было своими «пушками» едва-ли не полсвѣта. По крайней мѣрѣ, кто изъ русскихъ любителей папиросъ не закуривался лафермовскими «пушками» до послѣдняго времени, когда владычество надъ курящимъ міромъ стали дѣлить съ Лафермомъ вновь народившіяся безчисленныя папиросныя фирмы предпріимчивыхъ уроженцевъ поэтическаго Востока?

Лебедевъ, А. И.—извѣстный рисовальщикъ-карикатуристъ, о талантѣ котораго читатели этой книжицы могутъ составить наглядное представленіе по приложеннымъ къ ней картинкамъ. Г. Лебедевъ готовился къ болѣе широкому художественному поприщу и до сихъ поръ мечтаетъ о произведеніи большихъ «полотенъ», о большой славѣ и большихъ деньгахъ, а пока — снабжаетъ, въ невообразимомъ множествѣ, своими рисунками каррикатурно-юмористическіе листки и, по отличающей его скромности, не придаетъ имъ большой цѣны. Извѣстность даровитаго рисовальщика А. И. началъ пріобрѣтать еще въ 60-хъ г.г., дебютировавъ прекрасными иллюстраціями комедій Островскаго и пикантнымъ альбомомъ типовъ «погибшихъ, но милыхъ созданій».

Лебедевъ, Н. К.—беллетристъ новѣйшей натуралистической школы, почему-то именующійся *Морскимъ*, хотя, по силѣ дарованія, плаваетъ онъ не глубоко, дальнихъ плаваній не совершалъ, кружа вокругъ, да около «аристократіи гостиннаго двора»; правда, предпринялъ было одно „заграничное“ путешествіе въ „Содомъ“, но, перейдя границы приличій и всякой цензурности въ изображеніи содомскихъ грѣховъ, потерпѣлъ крушеніе у крутыхъ береговъ критики и общественной морали.

Левицкій,—славный петербургскій фотографъ, не имѣющій соперниковъ... по крайней мѣрѣ, по цѣнѣ своихъ портретовъ и по ихъ содержанію. Нѣтъ фотографа дороже г. Левицкаго и нѣтъ фотографа, который имѣлъ-бы счастье,

«Кто людей веселитъ, за того весь свѣтъ стоитъ».

Допущено цензурою. С.-Петербургъ, 2 ноября 1903 г.

какъ онъ, снять столько въ своемъ ателье государственныхъ фигуръ, олимпійскихъ ликовъ, внушительныхъ взоровъ, генеральскихъ эполетъ, звѣздъ, лентъ, шитыхъ мундировъ и дипломатическихъ фраковъ. Снявъ портреты нѣсколькихъ поколѣній сановниковъ, представителей большаго свѣта и разныхъ знаменитостей, г. Левицкій, естественно, самъ почувствовалъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, и знаменитостью, и аристократомъ.

Левкѣева—актриса александринскаго театра на роли кормилицъ, сытыхъ купецкихъ женъ и дочерей, и разъухабистыхъ, дебелыхъ бабъ-мѣщанокъ пошлепинскаго типа. Для блистательнаго исполненія этого сорта ролей г-жа Левкѣева обладаетъ не только внѣшними по истинѣ роскошными средствами, но и выдающимся художественнымъ дарованіемъ.

Леоръ, Г. А., генералъ,—недавно отпраздновавшій свое двадцатипятилѣтнее ревностное служеніе военной наукѣ, заслуженный профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба, въ которой онъ за этотъ срокъ изощрилъ въ тайнахъ «Положительной стратегіи» до 2000 своихъ учениковъ-офицеровъ, на погибель супостатовъ. Г. Леоръ считается авторитетнымъ спеціалистомъ не только въ стратегіи и тактикѣ, но и въ военной исторіи. Извѣстны его капитальныя лекціи—книги: «О войнѣ 1870 — 71 годовъ», «Петръ В., какъ полководецъ» и мн. др. Учено-литературная продуктивность почтеннаго профессора громадна: имъ написано и напечатано 43 сочиненія!

Лейкинъ, Н. А. — безъ сомнѣнія, наиболѣе читаемый и самый общедоступный изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей, а, можетъ быть, и самый изъ нихъ плодовитый. Вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ къ ряду онъ ежедневно смѣшитъ любителей «занятнаго» чтенія въ «маленькихъ» газетахъ и юмористическихъ листкахъ, а потомъ—вторично въ своихъ сборникахъ, изданныхъ имъ и раскупленныхъ публикою въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Нельзя, при этомъ, не удивляться искусству Николая Александровича, съ которымъ онъ безконечно тчетъ свои забавные разсказцы и сценки, утилизируя для того, въ сущности, весьма небогатый, довольно однообразный и избитый матеріалъ. Въ огромномъ большинствѣ его пьесокъ (а ихъ у него до пяти тысячъ!) однѣ и тѣ же дѣйствующія лица: неизбѣжный купецъ или «самъ», глупый, невѣжественный, грубый и пьяный, благодаря этимъ качествамъ попадающій въ разныя комическія положенія или еще чаще просто мелющій смѣшной вздоръ; жена его или «сама» — сырая купчиха, оказывающаяся на нѣсколько вершковъ глупѣе и невѣжественнѣе еще своего супруга; при нихъ, конечно, чады и домочадцы —такіе-же глупые какъ родители, но еще припорченные городской деморализаціей, фанфаронствомъ и бездѣльничествомъ, «саврасы безъ узды» обоего пола; наемные лавочные «молодцы»—плуты и штукари; разбитныя, вороватыя кухарки, обломы-дворники, сторожа и швейцары изъ отставныхъ унтеровъ, фигурно изъясняющіеся на солдатскомъ жаргонѣ; мелкіе чиновники, «коломенскія салопницы» и тому подобный людъ. Всѣ эти лица давно уже возведены г. Лейкинымъ въ законченные, превосходно отдѣланные типы, и теперь онъ только сводитъ ихъ на ежедневное rendez-vous, заставляетъ высказывать нелѣпости по поводу разныхъ газетныхъ фактовъ, и—въ этихъ уморительныхъ разговорахъ

все содержаніе и вся соль его сценокъ, при чтеніи которыхъ, однако-жъ, не возможно не посмѣяться. Что у г. Лейкина большой комическій талантъ —въ этомъ всѣ согласны; но строгіе критики упрекаютъ его въ томъ, во-первыхъ, что онъ очень ужъ незлобиво и безпричинно смѣется ради читательской лишь потѣхи, и, во вторыхъ, что онъ размѣнялъ свой талантъ на пустяки и мелочь, благодаря газетной ремесленной поденщинѣ. Должно, впрочемъ, сказать, что Н. А., взявъ въ удѣлъ себѣ смѣшить и тѣшить почтенную публику, никогда не употреблялъ своего смѣха во вредъ правдѣ, добру, прогрессу и просвѣщенію, и— это его положительная заслуга. Еще одна біографическая черта: г. Лейкинъ одинъ изъ немногихъ русскихъ писателей, удостоивавшихся когда нибудь чести попасть въ соборъ «излюбленныхъ» мужей петербургскаго муниципалитета, и какимъ-то невѣроятнымъ образомъ успѣваетъ, не покладая рукъ въ писательскомъ ремеслѣ, ревностно подвизаться и въ разныхъ думскихъ должностяхъ.

Ленскій—актеръ московской драматической труппы, весьма частый и дорогой гость на петербургскихъ сценахъ, на которыхъ фигурировалъ въ качествѣ, своего рода, знаменитости. Несомнѣнно, имѣетъ дарованіе толкъ и сценическую выправку, но также и претензіи, превышающія его средства. Любитъ „высокую“ драму и въ ней генеральныя роли „первыхъ любовниковъ“, хотя тутъ-то онъ и не „въ свои сани“ садится. Питаетъ нѣсколько преувеличенную пассію къ Шекспиру, къ Мольеру снисходителенъ, съ г. Александровымъ дружески преломлялъ хлѣбъ-соль въ „Европѣ“ (любимый актерами трактиръ); но, съ своей стороны, Шекспиръ не очень къ нему благоволитъ, Мольеръ любезенъ съ оттѣнкомъ иронiи, за то г. Александровъ души въ немъ не слышитъ.

Лентовскій.—Если есть государственные умы, государственные мужи и такъ далѣе, включительно до государственныхъ преступниковъ, то г. Лентовскій стремится доказать на себѣ, что у насъ могутъ быть и государственные увеселители. Уже въ настоящее время онъ можетъ назваться всероссійскимъ Излеромъ, серьезно намѣреваясь монополизировать каскадно-увеселительную часть „отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“. Талантливый знатокъ и организаторъ „комедійнаго дѣла“, энергическій предприниматель, г. Лентовскій, отчасти и политикъ, весьма опасный для партіи „Руси“: во-первыхъ, насадивъ въ Москвѣ французскую оперетку, онъ неотвратимо растлѣваетъ „самобытность“ замоскворѣцкаго купечества „лакействомъ передъ Европой“, и, во-вторыхъ, періодическимъ переселеніемъ своей труппы изъ Москвы въ Петербургъ, онъ явно уронилъ авторитетъ г. Аксакова и его радушное приглашеніе „домой“. Въ послѣднее время, однакожъ, въ «большомъ кораблѣ» увеселительной предпріимчивости г. Лентовскаго обнаружилась вдругъ сильная аварія, называемая въ вексельномъ уставѣ банкротствомъ, и онъ чуть было не пошелъ ко дну... Маленькая непріятность, неизбѣжная въ пышной карьерѣ нашихъ россійскихъ Барнумовъ!

Леонардъ — бессарабскій Прудонъ делювіальной формаціи, ни съ того, ни съ сего проповѣдывавшій одно время, при гомерическомъ смѣхѣ всей читающей публики, бессарабскую политическую экономію, бессарабское jus

Колоссъ по увеселительной части и, конечно, не Родосскій.

Дозв. ценз. С.-Петерб., 18 ноября 19

feudale, для замаскированной реставраціи крѣпостнаго права въ связи съ изобрѣтеніемъ особой машины, называемой «батракомъ», и — все это на совершенно бессарабскомъ языкѣ.

Леонидовъ—старѣйшій актеръ Александринскаго театра; достославенъ, какъ своего рода рариретъ, ибо олицетворяетъ въ себѣ *послѣдняго* трагика каратыгинской школы, ея, такъ сказать, посребыша. Впрочемъ, трагикъ онъ не важный. Играя трагическія роли, долженствующія внушать ужасъ и содроганіе, г. Леонидовъ производитъ обыкновенно невозмутимо-комическое впечатлѣніе просто добраго человѣка—настолько добраго и мягкаго, что онъ никакъ не въ состояніи даже притвориться злодѣемъ... За это, собственно, г. Леонидовъ и уважаетъ его знакомыми, которые, пожалуй, когда-нибудь и монументъ воздвигнутъ ему, если предположить, что г. Леонидовъ не безсмертенъ.

Леонова, Д. М.—знаменитая оперная пѣвица, чуднымъ голосомъ которой и драматическимъ талантомъ слишкомъ двадцать лѣтъ къ ряду восхищалась петербургская публика. Г-жа Леонова сошла съ казенной сцены въ 1873 г. еще въ полномъ обладаніи своихъ вокальныхъ средствъ, въ апогеѣ славы и популярности; но своенравные «поручики» театральнаго «приказа» на это не посмотрѣли и — выпустили даровитую артистку на всѣ четыре стороны, потому только, что «нашему вдраву нѣтъ препятствій». Столь не разсчетливая и расточительная въ другихъ случаяхъ, дирекція поскупилась дать за ангажементъ г-жѣ Леоновой лишнихъ, вполнѣ ею заслуженныхъ, двѣ, три тысячи, и — онѣ разстались. Съ той поры г-жа Леонова успѣла совершить чуть не кругосвѣтное артистическое путешествіе, всюду, даже въ немузыкальной Японіи, завоевавъ неувядаемые лавры. Вообще, лавровъ у Дарьи Михайловны накопилось очень много, и она на нихъ теперь вполнѣ успокоилась, недавно отпраздновавъ юбилей своего усерднаго служенія музамъ; но такъ какъ объ однихъ лаврахъ человѣкъ сытъ не бываетъ, то въ настоящее время заслуженная артистка вынуждена снискивать себѣ пропитаніе уроками пѣнія... Sic transit gloria!

Леонтьевъ—литературная прекрасная маска, объявившаяся въ Москвѣ и очень было заинтересовавшая любителей загадокъ своей исполненной изувѣрскаго пустосвятства, обличительной брошюркой: «Наши новые христіане—гр. Л. Н. Толстой и Ѳ. М. Достоевскій». Достоевскій очень мѣтко далъ цѣну этому памфлету, претендующему на ортодоксальность, сказавъ, что въ его «идеѣ есть нѣчто безразсудное и нечестивое». Если г. Леонтьевъ подвергаетъ анаѳемѣ даже Достоевскаго, то—посудите—какъ расправляется онъ, напр., съ «либералами»? Кратко сказать, онъ напросто рекомендуетъ пороть ихъ розгами, начавъ съ профессора Градовскаго, пока не закаются никогда больше не либеральничать!

Лермонтовъ — не тотъ, что сочинилъ «Демона» и «Героя нашего времени», но тоже, въ своемъ родѣ, представляетъ собою нѣкую спицу въ колесницѣ петербургскаго муниципалитета. Весьма видный мущина, исполненный отмѣнно либеральныхъ мыслей, съ каковыми и выступаетъ на арену думскихъ дебатовъ въ высокоторжественные моменты, и всегда съ такимъ разсчетомъ, чтобы стяжать признательность и удивленіе современниковъ и потомства, но съ довольно перемѣннымъ успѣхомъ.

Лесевичъ, В.—журнальный философъ, изъ категоріи тѣхъ, рѣзвыхъ на ходу и легкихъ на руку, россійскихъ философовъ, которые, не имѣя сами за душой ни одной оригинальной мысли и не создавъ ничего своего, кичливо фыркаютъ на вѣковые авторитеты и стремятся на пространствѣ журнальной статейки разрушить въ доскъ всѣ философскія системы и ученія. Съ аппломбомъ жестокихъ «критиковъ», они снисходительно хлопаютъ по классической лысинѣ неглупаго старичка Аристотеля, сурово обличаютъ развратника Бэкона въ дурномъ поведеніи, ни въ грошъ не ставятъ тупоумныхъ картезіанцевъ, какъ дважды два четыре, доказываютъ ограниченность угрюмаго нѣмчурки Канта и обскурантизмъ метафизическаго враля Гегеля, жалкимъ идіотикамъ Фихте, старшему и младшему, напяливаютъ на головы просто дурацкіе колпаки, тѣшатся парадоксами чудака Шопенгауэра, къ болтливому добряку Конту благосклонны, хотя находятъ его слишкомъ отсталымъ, за то безпощадны къ лицемѣрному буржуа Миллю. Такова, говоря вообще, «критика философіи» въ нашихъ толстыхъ—особенно прогрессивныхъ журналахъ, и на ея поприщѣ не мало потрудился г. Лесевичъ, нынѣ, вѣрочемъ, умолкшій, по обстоятельствамъ отъ него независящимъ и къ успокоенію бѣдныхъ, ниспровергнутыхъ имъ философовъ, которыхъ нужно же оставить хоть на сѣмена.

Лессаръ—одинъ изъ нашихъ штабныхъ Васко-де-Гама, совершающихъ смѣлыя путешествія по невѣдомымъ и необозримымъ пространствамъ Средней Азіи. Г. Лессаръ не только совершилъ среднеазіатское путешествіе, но и сдѣлалъ *открытіе* новаго кратчайшаго и совершенно удобнаго пути въ Индію, на страхъ «коварному» Альбіону!

Леухинъ — весьма извѣстный московскій книгопродавецъ и издатель въ огромномъ количествѣ того книжнаго «товара», который гораздо болѣе имѣетъ общаго съ дегтемъ, съ саломъ, съ паклей, съ чѣмъ угодно, чѣмъ съ литературой, въ настоящемъ смыслѣ слова. И чѣмъ инымъ, какъ не отупляющей паклей и нелѣпымъ мусоромъ могутъ начинивать любознательныя головы всѣ эти леухинскіе «соники», «оракулы», «лечебники», «самоучители» и т. под. дребедень, о которой, вдобавокъ, г. Леухинъ ежегодно оповѣщаетъ Россію такими забористыми, въ носъ и по лбу бьющими рекламами, что, при видѣ ихъ, любитель курьезовъ ахнетъ и подъ потолокъ подпрыгнетъ? Но, быть можетъ, подпрыгнетъ подъ потолокъ и голову себѣ расшибетъ отъ ужаса и будущій историкъ россійской словесности, когда узнаетъ, что въ наше время только одни почти Леухины и удовлетворили жажду къ просвѣщенію народа своимъ книжнымъ мусоромъ...

Ливенъ, князь.—Есть на свѣтѣ «мѣста»—для простыхъ смертныхъ, и есть «посты» — для олимпійцевъ. О первыхъ говорятъ: «не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ мѣсто». Совсѣмъ другое дѣло *постъ*, какъ это можно видѣть, между прочимъ, на примѣрѣ князя Ливена: онъ занималъ весьма непродолжительное время постъ министра государственныхъ имуществъ и, хотя за этотъ промежутокъ названныя имущества не процвѣли и не пріумножились, тѣмъ не менѣе имя князя, дотолѣ ничѣмъ не ознаменованное, окрасилось извѣстностью и, несомнѣнно, будетъ вписано въ исторію. Можетъ быть даже его свѣтлость заслужитъ признательность по-

Запосковрьцкій Галбетта.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 9 НОЯБРЯ 1905

томства, ибо извѣстно, что въ моментъ разоблаченія хищенія уѳимскихъ и иныхъ земель онъ самоотверженно отказался отъ благопріобрѣтеннаго имъ среди этихъ земель имѣнія.

Линниченко — одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ кіевскаго университета; преподаетъ исторію русской словесности, которую обогатилъ въ свое время нѣсколькими краткими и пространными «руководствами» и «курсами», никогда не пользовавшимися большой распространенностью, а нынѣ забытыми вѣроятно даже самимъ авторомъ. Боюсь, что для многихъ читателей самое имя г. Линниченко, пользующееся, впрочемъ, уваженіемъ въ Кіевѣ, окажется невѣдомымъ и неслыханнымъ.

Линевъ—упраздненный петербургскій Рокамболь изъ семейства Хлестаковыхъ и, въ довершеніе страма, «сочинитель»: увѣковѣчилъ свое имя художественнымъ изображеніемъ своихъ зазорныхъ похожденій, которое написалъ въ тиши «одиночнаго заключенія» въ Литовскомъ замкѣ и которое предпріимчивый Германъ Гопне тиснулъ въ своей «Всемірной Иллюстраціи», къ немалому соблазну благонравныхъ читателей.

Литвиновъ, Н. Н.—одинъ изъ думскихъ полковниковъ (извѣстно, что въ петербургской думѣ есть свои генералы, штабъ и оберъ-офицеры, колонно-вожатаи и рядовые), имѣетъ во рту исправно привѣшенный языкъ, можетъ говорить, знаетъ грамматику, но слабъ въ знакахъ препинанія, которые совершенно отсутствуютъ въ его скорострѣльныхъ рѣчахъ, такъ что зоилы называютъ его говорильной митральезой (г. Литвиновъ—артиллеристъ по профессіи). На этомъ основаніи, полковникъ признанъ искуснымъ ораторомъ и цѣнится думскими «партіями», познавшими неосновательность пословицы: «слово—серебро, а молчаніе — золото». Въ патетическіе моменты думскаго самоуправленія, особенно, когда пахнетъ чьей нибудь наживой, г. Литвиновъ ужь тутъ, какъ тутъ, во всеоружіи. Нельзя сказать, однако-жь, чтобы онъ всегда ратовалъ за интересы города, какъ это можно заключить, напр., по потраченному имъ краснорѣчію въ защиту копѣечной прибавки къ сбору на конно-желѣзныхъ дорогахъ.

Лихачевъ, В. И. — дофинъ петербургской думы, медленно, но настойчиво и твердо приближающійся къ креслу градскаго головы. Что дума рано или поздно увидитъ его на этомъ креслѣ—не подлежитъ почти сомнѣнію, потому что г. Лихачевъ человѣкъ ловкій, находчивый, при случаѣ — краснорѣчивый, изощренный образованіемъ и опытомъ дѣльца на разныхъ поприщахъ, отъ судейскаго до журнальнаго (на послѣднемъ, между прочимъ, породилъ, въ союзѣ съ г. Суворинымъ, днесь процвѣтающее «Новое Время», до сихъ поръ не остывшее къ нему въ родственныхъ чувствахъ). Изощренъ онъ также и неудачами, ибо до сихъ поръ его кандидатура на постъ градскаго головы и даже его товарища претерпѣвала фіаско. Менѣе упругій дѣятель спасовалъ-бы, конечно, отъ этого, но— «тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ»...

Лихачевы — послѣдніе могикане той блестящей рассы полнокровныхъ «широкихъ натуръ» «бѣлой кости», которыя во время оно плодились, множились, росли и расцвѣтали на тучной ролѣ крѣпостнаго права. Воронежско-тамбовскіе богачи—помѣщики, изъ коихъ особенно прославился одинъ и у

себя дома и въ столицахъ своими баснословными псарнями и конюшнями, своимъ фанфаронствомъ и барскимъ баловствомъ во вкусѣ фон-визинскаго Митрофана.

Лишинъ — вдохновенный композиторъ, смѣлый капельмейстеръ и пламенный лирикъ. Молодой человѣкъ съ «задатками», какъ говорится, но до сихъ поръ дальше сладенькихъ романсиковъ «Ей» и «Къ ней», изложенныхъ «стихою» и по нотѣ, не пошелъ и пойдетъ-ли когда-нибудь и куда-нибудь—покрыто мракомъ неизвѣстности. Написалъ, впрочемъ, и большую «штуку»—оперу «Графъ Нулинъ», помимо курьезности темы, замѣчательную тѣмъ, что нигдѣ и никакъ поставить ее и разъиграть никто не берется:—такъ критика и лишена возможности рѣшить, что это за «штука»?

Ломачъ — необычайно гостепріимный человѣкъ какъ для «господъ пріѣзжающихъ» въ столицу, такъ и для мѣстныхъ скитальцевъ, неизбалованныхъ чревоугодіемъ. Содержитъ нѣсколько гостинницъ и «табль-д'отовъ», не блестящее состояніе которыхъ съ избыткомъ восполняетъ роскошнымъ кулинарнымъ воображеніемъ, изысканнымъ слогомъ и замѣчательнымъ ариѳметическимъ остроуміемъ, при сочиненіи «счетовъ» и округленіи итоговъ. Въ пышныхъ меню его обѣдовъ все идетъ въ счетъ, отъ «конкомбровъ свѣжепросольныхъ» и «логлассе», до полосканья для зубовъ и радушныхъ улыбокъ метръ-д'отеля, и—все это по цѣнамъ «самымъ сходнымъ»... для г. Ломача, разумѣется.

Лопухинъ—цвѣтущихъ лѣтъ богословъ, авторъ нѣсколькихъ солидныхъ книгъ и интересныхъ корреспонденцій изъ Сѣверной Америки, гдѣ онъ состоитъ членомъ нашей православной миссіи. Серьезный ученый, свѣтскій человѣкъ и занимательный собесѣдникъ, г. Лопухинъ, безъ сомнѣнія, съ честью представляетъ русскую интеллигенцію и русское духовенство среди нашихъ «заатлантическихъ друзей», нравы и жизнь которыхъ, особенно жизнь религіозную, онъ, съ своей стороны, прекрасно изучилъ:—«Дѣльные люди, — говоритъ, — только большіе вольнодумцы и чудаки, чтобъ не сказать—нечестивцы!»

Лорисъ-Меликовъ, графъ М. Т.—Немного было русскихъ государственныхъ людей, которые успѣвали въ такое короткое время пріобрѣсти столь обширную, прочную и славную популярность, какую составилъ себѣ графъ Михаилъ Таріеловичъ, и не только въ отечествѣ, но и заграницей. Даже теперь, когда онъ не у дѣлъ, одно произнесеніе его имени производитъ повсюду громкую сенсацію, волнуетъ умы и оживляетъ сердца... Самое появленіе его—уже событіе и, было извѣстно, что заграницей графу приходилось бѣгать и скрываться подъ непроницаемымъ инкогнито отъ возбужденной его пріѣздомъ и недававшей ему проходу публики. Въ чемъ-же тайна славы и популярности графа Лорисъ-Меликова? Что онъ такое сдѣлалъ для ихъ пріобрѣтенія? Будущій біографъ затруднится указать на какіе нибудь капитальные законченные акты государственной дѣятельности графа во время его министерства, которое было, ктомужъ, слишкомъ для того кратковременное; но въ глазахъ какъ современниковъ, такъ и исторіи за графомъ останется одна существенная и огромная заслуга—иниціатора благотворной политики «примиренія», довѣрія къ обществу и народу, и дѣятельнаго единенія съ ихъ творческими, охранительными силами. Потребность такой политики давно назрѣвала, давно сознавалась

«Муж битвы и совьта».

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 9 НОЯБРЯ 1893 г.

лучшими русскими людьми и проводилась въ лучшей части русской литературы, но это были однѣ только, не всегда пользовавшіяся правомъ гражданства, «вѣянія» незримаго духа времени; графъ Лорисъ-Меликовъ не отвернулся отъ этихъ «вѣяній», не осудилъ ихъ на подспудное прозябаніе, а пошелъ имъ на встрѣчу, искусно пытался овладѣть ихъ кормиломъ, регулировать и обрѣсть въ нихъ прочную зиждительную опору порядка, мира и прогресса. Это была программа—смѣлая и новая, и, зная талантъ графа, ширину его ума и горячую любовь къ Россіи, можно было, казалось, смѣло ворожить счастливый исходъ его добрымъ намѣреніямъ, еслибы Россію, во всемъ ея организмѣ, не потрясла и не парализовала страшная мученическая смерть незабвеннаго Государя, благую мысль и волю котораго такъ достойно творилъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Лохвицкій—угасшее свѣтило на небѣ отечественной юриспруденціи и адвокатскаго языкоблудія. Одинъ изъ первыхъ, по времени и по знаменитости, «прелюбодѣевъ мысли», г. Лохвицкій неувядаемо блисталъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ на поприщѣ софистики, казуистики, анекдотистики, включительно чуть не до эквилибристики, неизмѣнно фигурировалъ своей плотной, хохлацкаго типа персоной, въ каррикатурахъ сатирическихъ листковъ и навлекалъ на себя жестокую критику фельетонистовъ, что, однакожь, не мѣшало ему невозмутимо срывать успѣхи, куши и цвѣты наслажденія. Несомнѣнно талантливый, блестяще образованный человѣкъ, онъ могъ-бы стать, какъ говорится, украшеніемъ отечественной науки и словесности, если-бы не сбѣжалъ съ профессорской каѳедры на адвокатскую трибуну и не продалъ свое остроумное публицистическое перо на рынкѣ сутяжничества. Въ юридической литературѣ пользуются извѣстностью книги г. Лохвицкаго: «Обзоръ современныхъ конституцій», «Курсъ уголовнаго права» и др.

Лукашевичъ—еще недавно полномочный хозяинъ русской казенной драматической сцены, въ рангѣ «начальника репертуарной части». Начальствовалъ г. Лукашевичъ недолго, благодареніе богамъ. Какъ всегда въ началѣ его управленія, отъ него ждали «реформъ», и такое ожиданіе онъ нѣкоторое время поддерживалъ, обнаруживая шумную и суетливую рьяность «новой метлы». По обыкновенію, метла скоро истрепалась на мелочахъ театральной субординаціи и перетасовкѣ закулиснаго фаворитизма, да, по справкѣ, оказалось, что и новыхъ-то прутьевъ въ ней ни крошки. Напротивъ, при ея взмахахъ сталъ слышаться, время отъ времени, жесткій свистъ какого-то застарѣлаго дубоваго шпицрутена эпохи Аракчеева и Красовскаго, по отношенію къ содержанію и смыслу драматическихъ произведеній. Извѣстно было, что г. Лукашевичъ, не довольствуясь бдительнымъ надзоромъ спеціальной театральной цензуры, самъ отъ себя еще, въ порывахъ пущей благонамѣренности, ревниво оскоплялъ репертуаръ отъ малѣйшихъ признаковъ вольномыслія. Безъ сомнѣнія, благодарное потомство оцѣнитъ по достоинству литературное цѣломудріе г. Лукашевича.

Лукинъ, А. П.—даровитый и едвали не единственный фельетонистъ первопрестольной Москвы съ окрестностями. Москва изобильна и богата всевозможными произведеніями отечественной природы и культуры, но только не журнальными писателями,

а въ особенности такими писателями, которые знаютъ грамату, не подвержены юродству, макаютъ перо свое, дѣйствительно, въ разумъ, а не въ чернильницу мракобѣсія либо въ охотнорядскую грязь, разсиропленную шантажемъ, и честно обращаются съ печатнымъ словомъ. Такихъ писателей въ московской, особенно—въ газетной журналистикѣ весьма немного, и въ ихъ числѣ видное мѣсто занимаетъ Александръ Петровичъ Лукинъ, составляющій главную силу въ одной изъ солиднѣйшихъ и порядочнѣйшихъ московскихъ газетъ—«Русскихъ Вѣдомостяхъ». А. П. прекрасно знаетъ Москву и ея нравы, бойко и остроумно умѣетъ фотографировать ихъ и освѣщать огонькомъ трезвой мысли и гражданскаго чувства.

Лѣсковъ, Н. С.—замѣчателенъ по крупному беллетристическому таланту и по литературной судьбѣ, и жестокой и благосклонной къ нему въ одно время.

Объясненіе его хорошо извѣстной, коловратной судьбы лежитъ отчасти въ немъ самомъ—въ его двойственной психической натурѣ въ немъ живутъ—и невсегда въ ладахъ между собою—беллетристъ-историкъ и моралистъ-обличитель. Тамъ, гдѣ онъ остается начисто беллетристомъ или историкомъ, въ сферѣ художественной наблюдательности и художественнаго творчества, онъ подкупаетъ въ свою пользу самаго предъубѣжденнаго къ нему читателя живостью, яркостью и правдивостью своихъ образовъ и картинъ, написанныхъ часто такимъ оригинальнымъ, картиннымъ языкомъ. Но читатель невольно охладѣваетъ къ нему, какъ скоро онъ дѣлается въ своихъ повѣствованіяхъ *преднамѣреннымъ* моралистомъ и начинаетъ обличать и поучать, тѣмъ болѣе, что часто очень трудно разобрать—во имя чего идутъ эти, иногда такія желчныя и пристрастныя изобличенія? Николай Семеновичъ не разъ говаривалъ намъ, что онъ ни къ какой *партіи* никогда не примыкалъ и не примыкаетъ. Вѣримъ ему; но можетъ быть въ томъ-то и роковое положеніе его въ данномъ отношеніи, что, съ одного боку, онъ доктринеръ, по складу ума, но, по обстоятельствамъ,—доктринеръ безъ доктрины, безъ «партіи», безъ опредѣленнаго «направленія». Отсюда совершенно понятно, почему онъ до сихъ поръ остается въ грустномъ недоумѣніи, изъ-за чего это лѣтъ двадцать тому назадъ и долго потомъ прогрессивная печать съ такимъ ожесточеніемъ терзала его и топтала его имя въ грязь, по поводу его извѣстнаго романа «Некуда»? Г. Лѣсковъ искренно считаетъ себя жертвой литературной борьбы партій, либеральной и ретроградной, въ то время, какъ онъ по его мнѣнію ни къ той, ни къ другой не принадлежитъ. Онъ думаетъ, что онъ былъ и есть—*самъ по себѣ*, и, на этомъ основаніи, совершенно независимо и въ равной степени критически, съ точки зрѣнія благонамѣренной морали, относился и относится ко всякимъ явленіямъ русской общественной жизни, безъ различія ихъ цвѣтовъ, ярлыковъ и флаговъ. И въ самомъ дѣлѣ: начавъ съ обличенія нигилистовъ, онъ пришелъ къ «Мелочамъ архіерейской жизни»; угодивъ консерваторамъ тамъ, онъ здѣсь поднялъ ихъ противъ себя. Вся разница въ томъ, что въ то время, какъ въ однихъ произведеніяхъ г. Лѣскова, спокойный читатель видитъ въ авторѣ объективнаго, безпристрастнаго наблюдателя—художника, въ другихъ какъ, «Некуда», тотъ-же авторъ яв-

ляется передъ читателемъ моралистомъ - обличителемъ, преднамѣренно освѣщающимъ въ невыгодномъ свѣтѣ извѣстную «партію», ея ученіе и идеалы. Къ сожалѣнію, у г. Лѣскова немного такихъ произведеній, которыя не испорчены тенденціей и морализированіемъ. Не безъупреченъ въ этомъ отношеніи даже лучшій изъ его романовъ—«Соборяне», гдѣ есть удивительные, по художественной силѣ, образы и картины. Въ этой книгѣ авторъ очевидно пытался воплотить свои положительные идеалы, въ лицѣ, напр., крайне идеализованнаго и неправдоподобнаго протопопа Туберозова,—идеалы слишкомъ неясные и недоговоренные, чтобы оставить въ читателѣ какое нибудь опредѣленное впечатлѣніе.

Любимовъ, Н. А., профессоръ-московскаго университета,—правая рука и alter ego г. Каткова по редактированію «Москов. Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» и наполненію оныхъ діатрибами желчнаго отрицанія эпохи освободительныхъ реформъ съ ихъ послѣдствіями; особенно-же много и съ блескомъ потрудился по изобрѣтенію мѣръ «обузданія» университетской науки.

Будучи естественникомъ ex professio и написавъ нѣсколько дѣльныхъ по своей спеціальности монографій, г. Любимовъ въ послѣднее время посвятилъ свое безспорно даровитое и еще болѣе ядовитое перо публицистикѣ или, говоря точнѣе, проповѣдыванію «фюить!», какъ редактировалъ это словцо г. Щедринъ. Онъ съ одинаковой компетентностью и успѣхомъ ниспровергаетъ и закавказскій транзитъ и университетскій уставъ 1863 г., и судъ присяжныхъ и фридредерскую теорію, и т. д. Въ свободные-же часы пишетъ, въ назиданіе современникамъ и потомству, безконечныя «бесѣды о революціи двухъ пріятелей», подъ заглавіемъ: «Противъ теченія», въ которыхъ неотразимо убѣдительно и остроумно доказываетъ, что будь, напримѣръ, онъ, Любимовъ, или—что одно и тоже— г. Катковъ, на мѣстѣ злосчастнаго Людовика XVI, то во Франціи никогда революціи не случилось-бы и вольнодумные французы не смѣли-бы и пикнуть... Что-жъ, можетъ быть это и правда?

М.

Магавли, И. Х., графъ, — весьма обходительный джентльменъ, съ подкупающей улыбкой и бархатными перстами, знакомство съ которымъ необыкновенно пріятно, но еще пріятнѣе не имѣть нужды съ нимъ знакомиться. Извѣстный глазной врачъ и антрепренеръ глазной лечебницы, превосходно излечиваетъ всѣ глазныя болѣзни, кромѣ неизлечимыхъ, и съ совершенствомъ уничтожаетъ близорукость, кромѣ той, которая дальше носа своего ничего не видитъ.

Маевъ—докторъ, весьма популярный въ Петербургѣ среди статскихъ юнкеровъ и юныхъ сыновъ Марса разнаго рода оружія, покупающихъ побѣды, подъ знаменемъ шаловливаго и не особенно разборчиваго Амура, цѣною слишкомъ *короткаго* знакомства съ «врачами-спеціалистами». Принимаетъ ежедневно, а въ экстренныхъ случаяхъ и еженочно.

Мазуринъ—краса замоскворѣчья, одинъ изъ именитѣйшихъ «совласовъ» Москвы, а можетъ—всей московской губерніи и даже всей Россійской имперіи. Обремененный баснословнымъ капиталомъ и снѣдаемый жаждой славы, любитъ все чрезвычайное и грандіозное въ предѣлахъ, конечно, разгула и дебоша. Нарочно даже ѣздилъ для этого въ Европу и пріятно удивилъ бывшую императрицу Евгенію, презентовавъ ей какого-то диковиннаго жеребца, едва-ли не того самаго, на которомъ Георгій Побѣдоносецъ поразилъ дракона. Впрочемъ, можетъ быть есть Мазурины и такіе и эдакіе, но что которому нибудь изъ нихъ сія характеристика вполнѣ къ лицу—за это ручаемся.

Майковъ, Аполлонъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и поэтъ.—Почитатели антологической лиры г. Майкова склонны думать, что онъ воспринялъ свое провиденціальное имя не отъ св. великомученика Аполлона, «иже пострада въ Египтѣ», а отъ языческаго бога того-же названія, иже вѣдалъ поэзію съ музами на Парнассѣ, откуда, за сокращеніемъ штата стихотворцевъ, какъ гласитъ преданіе, перешелъ въ управу благочинія, отпустивъ музъ на подножный кормъ въ «Демидронѣ». Это ошибка: г. Майковъ—примѣрный христіанинъ, вдохновенный патріотъ, не однажды призывавшій русскихъ богатырей—

Поэтъ—изъ тѣхъ, что созданы «для сладкихъ пѣсенъ и молитвъ».

ІЯ ЗНАКОМЫЕ. ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 14 ДЕКАБРЯ 1883 Г.

Возстановить святые алтари
И славу древней Византіи,

и благонамѣренный гражданинъ, что доказывается его долголѣтней безпорочной службой по цензурному вѣдомству. Намъ пріятно засвидѣтельствовать эту свѣтлую сторону добродѣтельнаго житія Аполлона Николаевича, такъ какъ она мало извѣстна читающей публикѣ, знающей его только какъ маститаго сладкогласнаго пѣвца, съ звонкими, антологическими струнами на лирѣ, съ вѣщимъ взоромъ, устремленнымъ въ лазурную высь, и съ кристально-чистыми помыслами, парящими въ эмпиреяхъ идеализма 40-хъ годовъ. Увы, нынѣче такіе поэты, спеціально созданные «для пѣсенъ и молитвъ», при обезпеченіи казенными окладами, не родятся больше! По роду и складу таланта, по школѣ и настроенію своего лиризма, г. Майковъ принадлежитъ къ вымирающему циклу истыхъ жрецовъ поэзіи для поэзіи, брезгающихъ всякими «злобами» и гражданскими скорбями «черни непросвѣщенной»,—той поэзіи, которая, по выраженію одного изъ ея отцовъ,—

... сладостна, пріятна,
Какъ лѣтомъ свѣжій лимонадъ...

И одно время А. Н. творилъ было буквально въ этомъ, именно, лимонадно-освѣжительномъ жанрѣ, орошая своими благоуханными дифирамбами разныя высокоторжественныя трапезы между жаркимъ и дессертомъ. Нынѣ г. Майковъ «томно строитъ лиру» свою все рѣже и рѣже, и, издавъ недавно полное собраніе своихъ сочиненій, опочилъ подъ сѣнію лавровъ.

Майковъ, А. А.—извѣстенъ какъ славистъ, а еще болѣе какъ неукротимый панславистъ, и, отсюда, шовинистъ и заклятый врагъ Европы. Къ счастію для Европы, въ особенности-же для Австріи, къ которой г. Майковъ, ужь совсѣмъ безпощаденъ, панславизмъ въ немъ не хроническій, а *возвратный*, подобно тому, какъ есть возвратныя лихорадки и горячки. Придетъ ни съ того ни съ сего пароксизмъ славянофильскаго неистовства, онъ отзвонитъ свое и—съ колокольни долой... Колокольней для г. Майкова служили въ послѣднее время унылыя «Спб. Вѣдомости», не особенно оживлявшіяся и отъ его звона, ибо пишетъ г. Майковъ свои жестокія іереміады длинно, вяло, неубѣдительно и невозбудительно; но за то, какъ отваляетъ съ дюжину статей, по двѣнадцати столбцевъ въ каждой, пароксизмъ у него какъ рукой сниметъ, а у читающей Европы точно гора съ плечъ свалиться!

Майновъ, В. Н.—симпатичный молодой человѣкъ, хорошій разсказчикъ и основательный этнографъ, съ намѣреніями прослыть за компетентнаго антрополога земли мордовской съ окрестностями, дѣльное изученіе которыхъ аппробовано въ немъ географическимъ обществомъ и поощрено даже французской академіей наукъ. Нынѣ, учительствуя въ Финляндіи, г. Майновъ основательно занялся ея изученіемъ, пишетъ въ газетахъ интересныя «финляндскія письма», въ которыхъ не нахвалится величіемъ, добродѣтелью и гражданской доблестью финской націи, и—все это въ пику намъ, россіянамъ!

Макалинскій—промышляетъ литературой на основаніяхъ извознаго промысла. Какъ у извощиковъ экипажи, такъ у г. Макалинскаго книги, *ходятъ* «на прокатъ» по часамъ, посуточно и помѣсячно. Хозяинъ довольно извѣстныхъ въ Петербургѣ кабинета и библіотеки для чтенія, которыхъ давай намъ Богъ побольше!

Макаровъ Н. П.—почтенный, но очень сердитый старичекъ, удрученный, по его собственному сознанію, «себи-

фобіей» и болтливостью, обильный полдъ которыхъ, подъ титуломъ—«Мои семидесятилѣтнія воспоминанія» (2 тома «стоновъ и слезъ», in octavo), съ самоотверженной откровенностью посвятилъ современникамъ и потомству. Неблагодарное потомство быть можетъ забудетъ г. Макарова, какъ неудачнаго беллетриста и мемуариста, но безъ сомнѣнія воздастъ ему дань хвалы за его основательные русско-французскіе словари.

Макаровъ-Юневъ—пѣвецъ-артистъ весьма сомнительнаго достоинства, пріобрѣвшій кое-какую извѣстность залихватскимъ исполненіемъ разныхъ крамбамбулистыхъ пѣсенокъ.

Маковскіе — счастливое семейство, на которомъ явно почіетъ благодать Божія: при своей многочисленности, оно на рѣдкость изобилуетъ замѣчательными дарованіями. По сіе число пока извѣстны съ этой стороны три брата и одна сестра Маковскіе, а сколько знаменитыхъ Маковскихъ сулитъ намъ грядущее ихъ поколѣніе—не сочтетъ и «умъ высокій». Желаемъ побольше, къ вящему процвѣтанію россійскаго художества, которому гг. Маковскіе оказали несомнѣнно важныя услуги, въ особенности два славнѣйшіе изъ нихъ: Константинъ и Владиміръ Егоровичи. При многочисленности гг. Маковскихъ, равно подвизающихся на одномъ и томъ-же поприщѣ, немудрено ихъ смѣшивать, однако-жь, на самомъ дѣлѣ они значительно различаются между собою, по силѣ и складу дарованія, также и по степени славы, а именно:

1) *К. Е. Маковскій*, профессоръ академіи художествъ, — прекрасный портретистъ, отличившійся и нѣсколькими большими картинами разнообразныхъ жанровъ. Хорошо извѣстны любителямъ его «Масляница» въ Петербургѣ, «Перенесеніе священнаго ковра изъ Мекки въ Каиръ», «Болгарскія мученицы» и друг.; потомъ большая, эффектная картина «Русалки», весьма извѣстная не только любителямъ, но и ротозѣямъ, лакомымъ до женскаго естества въ натурѣ, выборъ котораго по истинѣ роскошенъ на названной картинѣ. Послѣднее-же достославное произведеніе г. Маковскаго—«Свадебный пиръ» въ старинной Руси, тоже вещь очень эффектная, блещущая колоритностью, яркой пестротой пятенъ и красивыми женскими лицами, но строгіе эстетики и свѣдущіе историки находили въ ней много недостатковъ и очень мало серьезнаго, уважающаго себя искусства.

2) *В. Е. Маковскій*, не слѣдуя примѣру выше описаннаго брата, который больше любитъ поражать, ослѣплять и увеселять размѣромъ своихъ полотенъ, яркостью, чрезвычайностью ихъ содержанія и его внѣшней красотой, — привлекаетъ преимущественно *внутреннимъ* содержаніемъ своихъ небольшихъ по размѣру картинокъ. В. Е. —безподобный жанристъ, своего рода Гоголь въ живописи, съ неподражаемымъ искусствомъ, жизненностью и юморомъ изображающій «пошлость пошлой жизни», въ разнообразныхъ ея видахъ, моментахъ и типахъ. Его замѣчательныя въ этомъ отношеніи картинки: «Полученіе пенсіи», «Псаломщики», «Пріемная у доктора», «Посѣщеніе бѣдныхъ», «Оправданная», «За рѣшеткой» и мн. др., не только восхищаютъ своей реальностью и правдивостью, не только веселятъ глазъ своимъ юморомъ и бойкостью письма, но и заставляютъ задуматься надъ тѣми явленіями обыденной «пошлой» жизни, которыхъ вы не замѣчаете въ дѣйствительности. В. Е. Маковскій, словомъ, нетолько хорошій живописецъ, но и художникъ — мыслитель,

Свѣтила Русской оперы.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 9 НОЯБРЯ 133

Русская Графическая Мастерская М. А. Рудомитова, Старо-Петергофскій, № 10.

болѣе наблюдательный и глубокій, чѣмъ всѣ Маковскіе вмѣстѣ взятые, а можетъ—чѣмъ всѣ наши современные жанристы.

3) *Н. Е. Маковскій*—архитекторъ, забавляющійся—и не безъ вкуса—изображеніемъ разнообразныхъ, но почему-то исключительно египетскихъ «улицъ», «входовъ», и «выходовъ», «лавочекъ», «мечетей», «типовъ» и пр. А быть можетъ г. Маковскій увѣковѣчилъ на полотнѣ всѣ эти достопримѣчательности египетскихъ городовъ, въ предвидѣніи близкаго разрушенія ихъ англійскими пушками, тогда это, конечно, очень хорошо.

4) *А. Е. Маковская* — если не ошибаемся, еще начинающая художница, не совсѣмъ пока увѣренной кистью пробующая свои силы на маленькихъ «этюдикахъ» по пейзажной живописи—больше, кажется, для поддержанія фамильной художественной репутаціи, чѣмъ по личному призванію.

Максимовичъ—извѣстенъ не самъ по себѣ, а по своему громадному дому на Невскомъ пр., извѣстность котораго, ктому-жъ, въ такой степени не изъ цензурныхъ, что ни одинъ добрый семьянинъ ни за что не сознается женѣ, что у него есть знакомства въ домѣ Максимовича, хотя-бы—кого бѣсъ не путаетъ!—и точно имѣлъ въ немъ таковыя.

Максимовъ — художникъ—«народникъ», пріобрѣвшій благосклонность публики не только за свое модное «направленіе», но и за несомнѣнное дарованіе, за точное изученіе крестьянскаго быта и за старательное письмо. Русскіе мужики на его картинахъ удивительно жизненны, правдивы и типичны, съ чѣмъ вѣроятно согласятся всѣ, видѣвшіе, напр., «Бѣдный ужинъ», «Приходъ колдуна на свадьбу», «Семейный раздѣлъ» и друг. картины г. Максимова.

Максимовъ, Н. В.—молодой человѣкъ довольно превратной судьбы; могъ-бы назваться писателемъ и даже даровитымъ, еслибъ писалъ, что, впрочемъ, не всегда зависѣло отъ его лишь доброй воли. Пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ первыхъ, по времени, русскихъ «спеціальныхъ» военныхъ корреспондентовъ, такъ блистательно заявившихъ свои сочинительскія способности во время послѣдней русско-турецкой войны.

Максимовъ, С. В.—Есть этнографы не менѣе талантливые и заслуженные, чѣмъ Сергѣй Васильевичъ Максимовъ, но немного есть между ними такихъ, которые знали-бы такъ близко и глубоко русскій народъ и его территорію, и такъ задушевно были-бы влюблены въ него, какъ онъ знаетъ и какъ онъ влюбленъ,—именно влюбленъ, до готовности даже впадать порой въ увлеченія и преувеличенія славянофильскаго толка. Занимательнѣйшій собесѣдникъ и разсказчикъ, С. В. безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ симпатичныхъ современныхъ русскихъ писателей, и какъ писатель и какъ человѣкъ, обладающій эпически—незлобивой ясностью взглядовъ и неотразимо привлекательной сердечностью. Въ немъ есть типичныя черты истиннаго паломника, научившагося долгимъ скитальчествомъ понимать и любить людей во всевозможныхъ положеніяхъ и умѣть сходиться съ ними. И дѣйствительно, эту рѣдкую науку С. В. имѣлъ время пріобрѣсти, пропутешествовавъ вдоль и поперегъ по достолюбезному отечеству, во всѣ четыре конца свѣта: «Годъ на сѣверѣ», «Годъ на востокѣ»—уже давно изданные и хорошо извѣстные читающей публикѣ, «Годъ на югѣ» и «Годъ на западѣ» — выполненные на дѣлѣ и частью написанные, но пока

ожидающіе полнаго изданія. Славу г. Максимову сдѣлала его классическая въ своемъ родѣ, по богатству наблюденій и живости описаній, книга—«Годъ на сѣверѣ»; но цѣнны также и его другіе капитальные труды: «Сибирь и каторга», «Бродячая Русь» и др. Въ настоящее-же время онъ готовитъ роскошную, иллюстрированную политипажами, эпопею завоеванія Сибири въ память его трехсотлѣтняго юбилея.

Макушевъ, В. В., профессоръ — одинъ изъ ученѣйшихъ славистовъ, трудолюбиво разъискивающій въ памятникахъ древней письменности слѣды славянскихъ нарѣчій, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ предпринятаго имъ обширнаго изданія: «Monumenta historica Slavorum»... Почти убѣжденъ внутренно, что до смѣшенія языковъ, при столпотвореніи вавилонскомъ, человѣчество говорило на чистѣйшемъ ярославскомъ нарѣчіи. Впрочемъ, г. Макушевъ тѣмъ особенно и примѣчателенъ, что все-таки гораздо менѣе другихъ нашихъ славистовъ подверженъ подобнымъ лирическимъ напѣямъ и, вообще, изучая славянскія нарѣчія, рѣдко вдохновляется панславистическимъ мечтаніемъ о безъотлагательномъ ихъ «слитіи въ русскомъ морѣ». Занимая каѳедру въ варшавскомъ университетѣ, г. Макушевъ пріобрѣлъ еще извѣстность какъ знатокъ польской исторіи и литературы.

Макшеевъ — угасшій звѣздоносецъ или герой «Потеряннаго рая», спеціально для интендантовъ уготованнаго. Утративъ интендантскую невинность на берегахъ «тихаго» Дуная, изобличенный въ этой утратѣ на берегу рѣки Мойки, вынужденъ былъ оплакивать свое грѣхопаденіе на берегахъ Иртыша... увы! И это послѣ кассаціонной жалобы, послѣ потоковъ устнаго краснорѣчія и печатнаго въ нарочно для этой цѣли издававшейся имъ газетѣ »Эхо», въ которой г. Макшеевъ неотразимо доказалъ, что онъ невиненъ, какъ агнецъ, и только, какъ агнецъ, принесенъ въ жертву злоязычію вредоносной прессы, терроризовавшей и прокурора, и судъ и общественное мнѣніе на погибель добродѣтельнаго интендантскаго генерала.

Малафѣевъ—безъ сомнѣнія заслужитъ признательность потомства, какъ едва-ли не первый, по времени, творецъ *народнаго* театра, и это тѣмъ болѣе, что, вѣдь, потомство не будетъ уже видѣть воочію, что это такое малафѣевская балаганная «кумедь», «рассѣйскаго сочиненія», «въ гишпанскихъ костюмахъ», при бенгальскомъ освѣщеніи, съ мордобитіями, заушеніями и тому под. «механикой изъ Парижа»?

Малаховецъ—составительница довольно распространенной поваренной книги, съ нѣсколько преувеличенными авторскими претензіями. Увѣряетъ, что искусство приготовленія пищи на огнѣ ею впервые изобрѣтено и что, безъ руководства ея книгой, люди не знали-бы въ какое мѣсто тыкать ложкой и проносили-бы ее мимо рта. На этомъ основаніи, въ каждой тарелкѣ щей или каши, изготовленныхъ не по ея рецептамъ, расположена видѣть контрафакцію, а въ каждомъ потребителѣ, который пообѣдалъ не по ея книгѣ и не подавился,—личнаго себѣ врага.

Малкіель. Не мудрая, кажется, вещь —солдатская подошва, но г. Малкіель блистательно доказалъ, что, при нѣкоторомъ проворствѣ рукъ, изъ нея можно выкроить баснословное богатство, громкое, хотя и не весьма почетное имя, удивленіе современниковъ и даже безсмертіе въ потомствѣ. Все

это, конечно, при условіи, чтобы подошва была съ гнильцей, съ фальшецой и съ изъянцемъ, а, при удобной оказіи, и просто картонная, чему примѣры изъ исторіи интендантскихъ «хищеній» видимъ. Нынѣ г. Малкіель, пресытившись, повидимому, подошвой, налегаетъ больше на зодчество и, въ жаждѣ славы и наживы, сооружаетъ (въ Москвѣ) свои дворцы, театры, «Монрепо», «Монплезиры»», и навѣрно построилъ-бы и египетскія пирамиды, если бы онѣ не были уже воздвигнуты фараонами, а главное, если бы ихъ можно было отдавать въ наемъ за хорошую плату, въ родѣ той, какую г. Малкіель сорвалъ, напр., за помѣщеніе въ его домѣ во время коронаціи англійскаго посольства:—Москва, ужь на что «любитъ деньги», и та ахнула! Любитъ г. Малкіель презрѣнный металлъ, но любитъ и власть его. Подобно, какъ у поэта: «Все мое, сказало злато»,—г. Малкіель выражается обыкновенно такъ: «*мой* роскошный палацо», «*моя* прекрасная архитектура», «*мой* великолѣпный храмъ музъ» и даже—«*мои* музы», «*мое* драматическое искусство», какъ еще недавно онъ говаривалъ: «*мое* любезное интендантское управленіе», а о правителѣ его канцеляріи—«*мой* преданный другъ—правитель имярекъ», и т. д.

Мамонтовы—захудалые крезы. Въ Москвѣ до сихъ поръ слывутъ «мамонтовскіе дома», «мамонтовскія бани и гостинницы», «мамонтовская книжная торговля», но свѣдущіе люди говорятъ, что все это уже не болѣе, какъ звукъ пустой. Такъ иногда слава купеческая, вопреки латинской пословицѣ, переживаетъ бытіе купеческаго капитала! Въ послѣднее время имя одного изъ Мамонтовыхъ, подобно метеору, пронеслось съ трескомъ и блескомъ по горизонту московскаго городскаго самоуправленія. Нѣкоторые астрономы прессы, съ г. Иловайскимъ на челѣ, старались утвердить г. Мамонтова, въ качествѣ солидной муниципальной «неподвижной» звѣзды, на постѣ городскаго головы бѣлокаменной, но бѣлокаменная заупрямилась и г. Мамонтовъ стыдливо скрылся съ горизонта.

Манасеинъ, В. А. — профессоръ медико-хирургической академіи, изъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что они «читаютъ», т. е., слѣдятъ за литературой своей науки, чему вовсе не такъ часто привержены наши ученые эскулапы, какъ это казалось бы профанамъ. Продукты своей, какъ говорятъ, дѣйствительно рѣдкой начитанности г. Манасеинъ похвально утилизируетъ къ редактируемой имъ лучшей у насъ медицинской газетѣ «Врачъ» и, вообще, является ревностнѣйшимъ дѣятелемъ въ русской врачебной журналистикѣ, существованіе которой, сказать къ слову, принадлежитъ къ числу непостижимыхъ опытовъ физіологіи во вкусѣ доктора Таннера—жить безъ питанія, т. е., безъ подписчиковъ и почти безъ читателей... А еще говорятъ, будто медики—ужасные матеріалисты!

Маннъ — одинъ изъ мудрецовъ, только не греческихъ, а тѣхъ, что, на правахъ, воспѣтаго Пушкинымъ, усидчиваго князя Дундука, засѣдали до послѣдняго времени въ театрально-литературномъ комитетѣ, въ качествѣ верховныхъ судей и экспертовъ россійской драматургіи, къ вящему посрамленію ея и низведенію до безъискусственности діалоговъ «Петрушекъ» и масляничныхъ «дѣдовъ». За то имъ, какъ крыловскимъ музыкантамъ, нужно было отдать честь, что они «въ ротъ хмѣльнаго не брали и всѣ были съ прекраснымъ поведеніемъ»—въ такой высокой степени, что даже г. Катковъ какъ-то погладилъ ихъ по головкѣ за ихъ

«трезвенное» non possumus всякому духу новизны, прогресса и пуще всего либерализма въ драматическихъ сочиненіяхъ. Кромѣ «трезвенности» и безпорочности, г. Маннъ лично стяжалъ себѣ право судіи надъ драматургіей еще тѣмъ, что самъ написалъ нѣсколько піесъ, напр., «Паутина», которыя, конечно, были единодушно «одобрены къ представленію» театрально-литературнымъ комитетомъ, въ полномъ его составѣ... Какой-же больше похвалы?

Манухинъ—тоже, что Леухинъ (См. лит. Л.) и что многіе, однородные *ухины*, *укины*, *евы* и *овы* Никольской улицы въ Москвѣ и Щукина двора въ Петербургѣ, промышляющіе фабрикаціей и сбытомъ книжнаго гнилья и мусора.

Маркевичъ, Болеславъ,—штатный романистъ «Русскаго Вѣстника», при имени котораго стыдливые читатели морщатся, а читательницы—дамочки, мечтающія о поэтическомъ прелюбодѣяніи съ какимъ нибудь великосвѣтскимъ Малекъ-Аделемъ въ гусарской формѣ, сентиментально облизываются. Мастерски изображаетъ г. Маркевичъ салонный адюльтеръ—надо отдать ему справедливость и тѣмъ особенно онъ милъ и удобенъ для своихъ благовоспитанныхъ читательницъ, что всегда въ скоромныхъ повѣствованіяхъ своихъ хранитъ постную мину Тартюфа и всегда умѣетъ въ пору поставить застѣнчивое многоточіе... О, Болеславъ Маркевичъ—большой моралистъ! Если хотите, у него есть и «направленіе», но особенное—такъ сказать, эстетико-полицейское, ибо никто, какъ онъ, не умѣетъ писать, въ легкой беллетристической формѣ, такіе художественные доносы и пасквили. Въ этомъ искусствѣ онъ достигъ апогея въ своей послѣдней «правдивой исторіи» («Четверть вѣка назадъ»), примѣчательной особенно тѣмъ, что самъ авторъ ея, когда его приперли къ стѣнѣ, долженъ былъ покаяться въ «Моск. Вѣд.», что въ ней ничего нѣтъ *правдиваго*, что, значитъ, онъ только художественно лгалъ. Покаяніе г. Маркевичъ принесъ тѣмъ чистосердечнѣе, что ему пришлось въ этомъ случаѣ виниться въ оклеветаніи кое-кого изъ сильныхъ міра сего, передъ которыми онъ всегда падалъ до ногъ. Тутъ въ немъ сказался истый гоголевскій Осипъ—раболѣпствующій передъ «господами», превозносящій ихъ добродѣтели, благородство и элегантность (чѣмъ отличаются всѣ романы Болеслава Маркевича), и въ то-же время дерзающій иногда согрубить имъ, до перваго пинка... Впрочемъ, получать пинки и каяться г. Маркевичу не привыкать стать съ той поры, какъ онъ прослылъ въ beau monde'ѣ «падшимъ ангеломъ», а у простыхъ смертныхъ хапугой, изобличеннымъ въ постыдной сдѣлкѣ съ г. Баймаковымъ во время злосчастнаго арендованія симъ послѣднимъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»... Это бываетъ съ салонными идеалистами—жрецами будуарнаго искусства для искусства.

Маркевичъ, М. А.—талантливая писательница, пріобрѣвшая впервые громкую извѣстность, подъ псевдонимомъ Марко Вовчокъ, своими теплыми, поэтическими, хотя нѣсколько сентиментальными разсказами, на малорусскомъ языкѣ, изъ народной, крестьянской жизни временъ крѣпостнаго права. Разсказы эти, теперь забытые, при первомъ своемъ появленіи, когда симпатія къ мужику и признаніе въ немъ «подъ шубой овечьей души человѣчьей» были вновѣ и переживали, свой медовый мѣсяцъ, — разсказы г-жи Маркевичъ производили чрезвычайное впечатлѣніе и читались съ упоеніемъ, особенно молодежью. Потомъ,

г-жа Маркевичъ написала нѣсколько недурныхъ романовъ и повѣстей, но они уже имѣли только succès d'éstime; въ послѣднее время она занялась изданіемъ переводовъ—тоже безъ большаго успѣха, а нынѣ о ней нигдѣ ничего не слышно и въ литературѣ ее нигдѣ не видно.

Марковъ, В. М.—залежалый романистъ загоскинской школы. Всѣ и даже библіографы считали его было давно умершимъ, а онъ вдругъ объявился нынѣ, послѣ долголѣтняго безмолвія, и съ необычайной плодовитостью сталъ наполнять своими завалящими романами журналы, нуждающіеся въ матеріалѣ и резонно разсуждающіе, что, если на безрыбьи и ракъ рыба, то почему-бы и г. Маркову, при нынѣшнемъ оскудѣніи талантовъ, не сойти за беллетриста?

Марковъ, Евгеній.—Сладко поютъ курскіе соловьи, «легко пишутъ», по увѣренію Гоголя, курскіе помѣщики, но всѣхъ ихъ окончательно затмилъ своимъ краснорѣчіемъ и легкостью слога г. Марковъ, не будучи, кажется, ни курскимъ соловьемъ, ни курскимъ помѣщикомъ. Можемъ одно сказать: въ Римѣ былъ Цицеронъ, а у насъ, слава Богу, есть Евгеній Марковъ! Будетъ-ли удивляться потомство г. Маркову, какъ публицисту, этнографу и романисту, какъ педагогу и философу, какъ земскому дѣятелю и «свѣдущему человѣку», — неизвѣстно; но что онъ попадетъ въ хрестоматію образцовыхъ россійскихъ стилистовъ— не подлежитъ сомнѣнію. Уже одни, измышленныя г. Марковымъ и вошедшія въ общее обращеніе, ѣдкія и образныя клейма адвокатовъ— «прелюбодѣи мысли», «софисты XIX столѣтія» и пр..—навѣрно переживутъ его. Безспорно талантливый и «свѣдущій» писатель, г. Марковъ, однако-же, по преимуществу изобрѣтатель вычурныхъ словечекъ и красивыхъ, закругленныхъ фразъ, носящихъ претенціозную маску новыхъ, глубокихъ мыслей, но, обыкновенно, подъ этой маской скрываются весьма ординарныя «общія мѣста» и весьма умѣренные либерально-буржуазные идеальчики, окрашенные, въ добавокъ, въ послѣднее время легенькимъ славянофильствомъ. Въ этомъ отношеніи, г. Марковъ вполнѣ вскрылъ свою пышную маску на достопамятномъ, по своему безплодію, «совѣщаніи свѣдущихъ людей».

Мартенсъ, Ѳ. Ѳ. — былъ-бы поэтомъ-идилликомъ, если-бы не сдѣлался профессоромъ и жаркимъ апостоломъ того мечтательнаго, мнимаго *права,* которое называется международнымъ: его всѣ превозносятъ и признаютъ на бумагѣ, но еще не было примѣра, чтобы оно пресѣкло и ограничило какое-либо международное безправіе, краснорѣчиво поддержанное стальными адвокатами, заряжающимися съ казенной части. Это, впрочемъ, не помѣшало г. Мартенсу, лично, на призрачномъ международномъ правѣ построить себѣ какъ нельзя болѣе прочное, видное положеніе и лестную славу трудолюбиваго ученаго и профессора, даровитаго публициста и компетентнаго эксперта по дипломатической части, не разъ съ честью представлявшаго собой Россію въ Европѣ на разныхъ международныхъ ученo-политическихъ конференціяхъ. Одно время г. Мартенсъ дѣятельно подвизался въ газетной политикѣ и каждый разъ, какъ на «политическомъ горизонтѣ» Европы появлялись «черныя точки», онъ спѣшилъ выступить со своимъ увлекательно-примирительнымъ словомъ и—«черныя точки таяли», таяли дипломаты, таяли и читатели «Голоса» отъ умиленія.

Мартыновы — отдѣнно любезные

братья - книгопродавцы, изъ «образованныхъ», своего рода либералы въ книжномъ дѣлѣ, ибо усиливаются торговать безъ обмана и доставлять покупателямъ всевозможныя удобства и удовольствія, а себѣ—одни только барыши.

Мартьяновъ — военный человѣкъ, составившій себѣ въ литературѣ курьезную извѣстность, въ pendant къ «Солдату-балагуру», — «поэта - солдата», какъ онъ самъ себя титулуетъ. Въ часы свободные отъ службы настрочилъ и, для собственнаго удовольствія, предалъ тисненію цѣлый томъ вполнѣ солдатскихъ виршей, въ которыхъ вдохновенно воспѣлъ свой халатъ и туфли, кисетъ съ чубукомъ, добрый «шнапсъ» и т. под. общеармейскіе сюжеты, главнѣе-же: — гдѣ, когда и при какихъ, именно, скабрезныхъ обстоятельствахъ, авторъ побѣдоносно разстегивалъ «шемизетки» у разныхъ расхожихъ про солдатскій обиходъ красавицъ. Достойно примѣчанія, что г. Мартьяновъ, будучи по призванію порнографомъ, фигурировалъ въ числѣ видныхъ дѣятелей столичной филантропіи и, набивъ руку спеціально въ ревизіи «шемизетокъ», явился рьянымъ и нещаднымъ ревизоромъ достопамятной «кружечной коммиссіи» славянскаго общества.

Марцинкевичъ—своего рода Геростратъ, по безсмертію. Давно сошедшій въ царство тѣней, основатель едва-ли не перваго въ столицѣ танцъ-класса съ *«этими* дамами», со скандалами и дебошами, «Марцинкевичъ» сталъ нынѣ нарицательной кличкой непозволительныхъ этого сорта заведеній... Тоже, вѣдь слава, если хотите!

Махина — примадонна московской русской оперы, пользуется успѣхомъ; но, кажется, ей неизвѣстно одно пошловато-мудрое обобщеніе голоса пѣвцовъ съ веревкой: оба—чѣмъ тоньше, тѣмъ скорѣе рвутся! У г-жи Махиной очень тонкій и звонкій сопрано, но, по обвиненію критики, она его вовсе не бережетъ, добросовѣстно истрепывая на всякихъ роляхъ, какія ей не навязываютъ, отъ Антониды и Людмилы до чуть-чуть не басовыхъ партій колоратурнаго жанра... Не надорвалась-бы даровитая артистка!

Межовъ, В. И.—Слѣдуя совѣту Юлія Цезаря: «лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ», г. Межовъ выбралъ себѣ скромное поприще книговѣдѣнія и—достигъ славы *перваго* у насъ, по трудолюбію и обширности свѣдѣній, библіографа. Онъ одинъ въ правѣ сказать, что знаетъ всю, до послѣдней книжонки, новѣйшую русскую литературу, хотя знаетъ ее онъ, конечно, больше по корешкамъ и оберткамъ. За то въ классификаціи книжекъ онъ своего рода Кювье, цѣлые десятки тысячъ ихъ, по нюху, на основаніи лишь названій, разбивъ на библіографическіе классы, роды, виды и разновидности, и приведя въ стройную систематическую извѣстность всѣ плоды россійскаго генія и россійской глупости, конечно, за послѣднія 30 лѣтъ. Многочисленные «межовскіе» каталоги, представляя собою послѣднее слово библіографіи, поистинѣ—неоцѣнимая услуга отечественной словесности. Чего ужь вамъ больше, если даже наша, столь скупая на лавры русскимъ дарованіямъ, де-сіансъ-академія признала г. Межова, заслуживающимъ ея «признательности»!

Мей, С.—извѣстна, вопервыхъ, какъ вдова талантливаго поэта, а, вовторыхъ, какъ издательница «Моднаго магазина» и переводныхъ романовъ. Конечно, этого не много для славы,

но воздадимъ должное г-жѣ Мей, какъ одной изъ первыхъ русскихъ образованныхъ женщинъ, дѣльно и практически разрѣшившихъ вопросъ о самостоятельномъ женскомъ трудѣ, и какъ одной изъ первыхъ женщинъ-журналистокъ.

Меккъ, фонъ,—одно изъ тѣхъ славныхъ именъ, которыя стали какъ-бы неподвижными звѣздами на горизонтѣ концесіонерской трясины и о времени образованія которыхъ, составляющемъ періодъ эпоса въ желѣзнодорожной исторіи, позднѣйшіе концессіонеры пигмеи съ благоговѣйнымъ вздохомъ говорятъ: «Да, то былъ вѣкъ богатырей!..» Фонъ-Меккъ возсіялъ милліонами, нажитыми имъ отъ постройки и эксплоатаціи либаво-роменской дороги; но съ той поры отъ фонъ-Мекка и отъ самой либаво-роменской дороги остались одни бренные останки, столь опрометчиво подобранные г. Закомъ на разживу, а имя фонъ-Мекка все блеститъ неувядаемо. Процвѣтающіе днесь фонъ-Мекки стараются поддержать блескъ своей фамиліи, какъ говорятъ, широкимъ гостепріимствомъ, во вкусѣ Сарданапала, и отчасти поощреніемъ россійской словесности, чѣмъ жестоко попрекалъ какъ-то завистливый г. Катковъ одну московскую «большую» газету, пользовавшуюся, будто-бы, даяніями отъ одного изъ Мекковъ.

Мельниковъ—извѣстный пѣвецъ-артистъ русской оперы, лѣтъ десять къ ряду съ блестящимъ успѣхомъ потрясавшій потолки и сердца въ Маріинскомъ театрѣ своимъ звучнымъ, медовымъ баритономъ. Будемъ надѣяться, что и съ переселеніемъ русской оперы въ Большой театръ его потолки и сердца точно также перечувствуютъ на себѣ еще много лѣтъ неувядаемую силу органа г. Мельникова.

Менгденъ, графиня,—владѣтельница дома въ Малой Садовой улицѣ, пріобрѣвшаго столь печальную извѣстность фабриковавшимися въ немъ адскими «кобозевскими сырами».

Менделѣевъ, Д. И.—профессоръ петербургскаго университета и былъ-бы давно академикомъ, если-бъ родился нѣмцемъ и, притомъ, племянникомъ котораго-нибудь изъ академическихъ «дядюшекъ», а еще лучше—всѣхъ ихъ, порознь и вкупѣ. Всѣмъ хорошо памятна скандалезная исторія съ забаллотировкой г. Менделѣева нашей академіей наукъ, за что, впрочемъ, почтенный профессоръ могъ-бы только чувствительно поблагодарить академію, такъ какъ нанесенная ею обида ему послужила поводомъ для такого восторженнаго прославленія его и почета со стороны всѣхъ русскихъ ученыхъ in corpore и для такой громкой популярности среди всей публики, какіе и во снѣ не пригрезятся самому экстра-ординарнѣйшему академику—«дядюшкѣ!» Поистинѣ, немногимъ химикамъ, будь они столь-же учены и замѣчательны, какъ г. Менделѣевъ, выпадала гдѣ-нибудь и когда-нибудь такая блестящая общественная слава! Свой ученый кабинетъ и лабораторію г. Менделѣевъ покидаетъ иногда для практическихъ вопросовъ и «злобъ дня». Такъ, памятны его публичныя лекціи о спиритизмѣ, нанесшія пораженіе адептамъ «спиритической вѣры»; потомъ онъ имѣлъ какое-то соприкосновеніе съ пресловутой бакинской нефтью и даже, будто-бы, какъ болтали сплетники, съ алхимическими превращеніями «иностранныхъ» винъ братьевъ Елисеевыхъ.

Меньшикова.—Если, вообще, говорятъ, ничто не вѣчно подъ луною, то это въ особенности нужно сказать о славѣ кантартистовъ. Не очень еще

давно популярная примадонна русской оперы, нынѣ г-жа Меньшикова—не болѣе, какъ пріятное лишь воспоминаніе петербургскихъ меломановъ, и если еще плѣняетъ кого своимъ голосомъ, то однихъ захолустныхъ скучающихъ провинціаловъ.

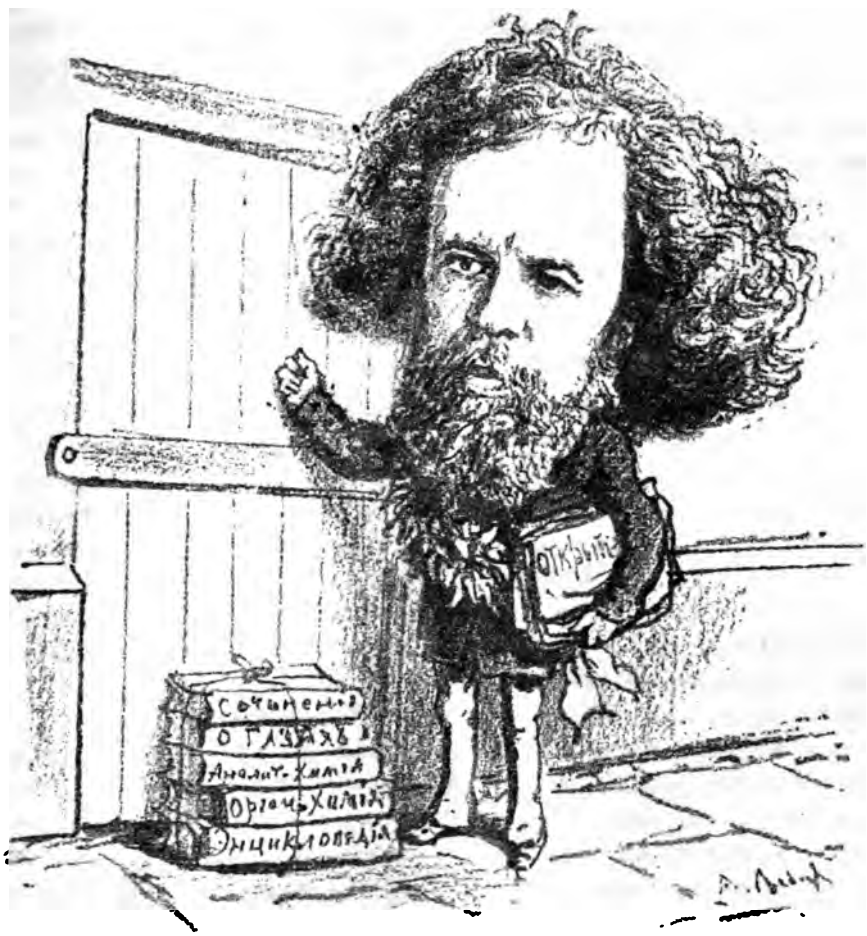
Мержеевскій, И. П.—профессоръ той курьезной науки, которая разсматриваетъ *безуміе*, какъ болѣзнь, а не какъ нормальное состояніе интеллекта человѣческаго. Если-же это болѣзнь, то—самая древняя и неизлечимая, ибо еще Шекспиръ сказалъ, что «съ званіемъ безумца человѣкъ на свѣтъ родился». Нельзя, однако, не замѣтить, что въ послѣднее время у насъ стали что-то очень размножаться «извѣстные» психіатры, къ числу которыхъ принадлежитъ и г. Мержеевскій, имѣющій, какъ говорятъ, обширную практику; но отчего: безуміе-ли, или психіатрія дѣлаютъ у насъ быстрые успѣхи?—вотъ вопросъ!

Мессарошъ—своеобразная ревнительница «женскихъ правъ». Снѣдаемая жаждой дамскаго «правоваго порядка», а также славы, г-жа Мессарошъ лѣтъ 15 тому назадъ выступила на литературное поприще съ журналомъ «Женскій Вѣстникъ», но потерпѣла фіаско; позднѣе, и уже съ блестящимъ успѣхомъ, явилась *сочинительницей* безчисленнаго множества кляузныхъ, скандалезныхъ процессовъ, и—самъ петербургскій мировой съѣздъ единодушно и неоднократно признавалъ: «вотъ такъ бой-баба!»

Мечниковъ, И. И.—бывшій профессоръ новороссійскаго университета, удалившійся нынѣ, «по обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ», dahin, dahin, wo die Zitronen blühen! Серьезный ученый, замѣченный въ наукѣ своими трудами по біологіи и зоологіи, г. Мечниковъ хорошо извѣстенъ и читателямъ нашихъ «толстыхъ» журналовъ, по крайней мѣрѣ, по имени. Его дѣльныя, научнаго содержанія статьи, преимущественно по вопросамъ этнологическимъ, считаются «скучными», поэтому нѣкоторые издатели морщатся, принимая ихъ, и помѣщаютъ больше «для мебели», какъ ханжи вѣшаютъ у себя на стѣнѣ «бога», поддѣлываясь подъ людей истинно вѣрующихъ: «Пускай-де не говорятъ, что мы не серьозны и не слѣднмъ за наукой!».

Мещерскій, профессоръ академіи художествъ,—извѣстный, плодовитый пейзажистъ, не лишенный таланта, но отличающійся какою-то грузной тяжеловѣсностью кисти. Взглянувъ на его пейзажи, прежде всего хочется воскликнуть: «какая *прочная* работа!». И въ самомъ дѣлѣ, у г. Мещерскаго деревья точно высѣчены изъ гранита, сводъ небесъ кажется сложеннымъ изъ огнеупорныхъ изразцовъ, вода—скованною морозомъ, хоть на конькахъ катайся, а если, для оживленія ландшафта, онъ помѣститъ въ немъ какого-нибудь идиллическаго пастушка, то ужь настоящаго Собакевича, по комплекціи.

Мещерскій, В. П., князь,—отрицательная знаменитость, несомнѣнно будетъ сопричисленъ благодарнымъ потомствомъ къ лику Магницкихъ, Фотіевъ, Бурачковъ и Аскоченскихъ. Впрочемъ, князь—«молодецъ на свой образецъ», представляющій собой рѣдкостное соединеніе французско-нижегородскаго маркиза съ Иваномъ Яковлевичемъ Корейшей, съ одной стороны, и, съ другой,—Марата съ московской просфирней. Въ иное время, напр., лѣтъ 20 назадъ, кн. Мещерскій со своими непостижимо-дикими «кололацами», извергаемыми, притомъ, столь безграмотно въ его журналѣ



«Толцыте, толците и»... не отверзется вам!

«Гражданинъ»,—былъ-бы принятъ за нѣчто ископаемое, былъ-бы почти немыслимъ; ну, а въ настоящее время—на его улицѣ праздникъ. Юродивые и изступленные всегда бывали, но увидѣть „блаженна мужа“ въ тогѣ общественнаго учителя и пророка—зрѣлище рѣдкое и зловѣщее! Не въ пустынѣ же онъ вопіетъ и кликушествуетъ—есть, значитъ, у него своя аудиторія въ обществѣ, есть, стало быть, „благосклонные“ читатели его курьезнаго органа!

Миклуха-Маклай, Н. Н.—человѣкъ почти фабулезный, сдѣлавшій привычку путешествовать на край свѣта, въ невѣдомыя страны съ такою-же легкостью, съ какою былые русскіе естествоиспытатели - крѣпостники ѣздили къ себѣ въ Мордасы. Въ своемъ путешествіи добрался, кажется, до того самаго мѣста, гдѣ

Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ;

видѣлъ пупъ земли и опускался на дно его, видѣлъ трехъ китовъ, на которыхъ міръ стоитъ, и открылъ наконецъ натуральныхъ людей съ песьими головами—тѣхъ самыхъ, что такъ интересовали нашихъ Гумбольдтовъ временъ Даніила Заточника. По крайней мѣрѣ, таковы, приблизительно, сказанія о чудесныхъ географическихъ и антропологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ г. Миклухою-Маклаемъ во время его тринадцатилѣтнихъ странствій по дикимъ странамъ Полинезіи, такъ какъ онъ очень скупъ на положительныя извѣстія на этотъ счетъ и все ищетъ капиталовъ на приведеніе въ порядокъ своихъ коллекцій и изданіе своихъ изысканій, что составляетъ даже, въ нѣкоторомъ родѣ, одинъ изъ насущныхъ международныхъ вопросовъ. Съ этой цѣлью недавно онъ и «сладкимъ дымомъ отечества» пріѣзжалъ подышать, и въ географическомъ обществѣ восторги исторгалъ и хлѣбосольную Москву навѣстилъ, гдѣ его именитые купцы чествовали и кулебяками кормили, но, увы, далѣе овацій и кулебякъ «вещественные знаки» оказаннаго родиной гостепріимства г. Миклухѣ не простирались. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать этому, очевидно, не столько ученому естествоиспытателю, сколько страстному любителю дѣвственной природы полнаго успѣха въ достиженіи его цѣли, пока онъ живъ и здоровъ, а то вѣдь,—почемъ знать?—весьма, положимъ, любятъ его эти самые новогвинейскіе туземцы съ песьими головами, какъ онъ разсказывалъ и какъ видно изъ того, что они недавно чуть не провозгласили его своимъ королемъ, но вдругъ въ одно прекрасное утро возьмутъ, да и скушаютъ «нашего знаменитаго путешественника»... Что съ нихъ взять?

Микѣшинъ, М. О., классный академикъ живописи.—По части, собственно, *академической* живописи г. Микѣшинъ очень скуденъ и, кажется, за всю свою артистическую карьеру произвелъ всего лишь одну большую картину въ батальномъ жанрѣ—что-то, въ родѣ „битвы русскихъ съ кабардинцами“. Благосклонная къ г. Микѣшину волшебница-бабка наворожила ему стяжать лавры, земныя блага и даже ордена на поприщѣ монументныхъ дѣлъ: имъ проектированы и воздвигнуты памятники тысячелѣтія Россіи, Екатерины II и друг., отличающіеся, между прочимъ, тѣмъ, что почти всѣ они приближаются къ грузной формѣ колокола. Ворожба доброй бабки тѣмъ удивительнѣе въ этомъ случаѣ, что г. Микѣшинъ вовсе не скульпторъ, а только рисовальщикъ, правда, очень бойкій, эффектный и талантли-

вый, въ чемъ любители художествъ могли многократно убѣдиться по его картинкамъ, разбросаннымъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Искушался г. Микѣшинъ и въ журналистикѣ: по крайней мѣрѣ, совокупно съ г. Гіероглифовымъ въ кратчайшее время похоронилъ „художественный“ журналъ „Пчелу“, и похоронилъ въ своемъ родѣ *художественно*... Долго и горько плакали при погребеніи „Пчелы“ ея подписчики, еще горьче и безутѣшнѣе плакали ихъ денежки!

Миллеръ, О. Ѳ. профессоръ петербургскаго университета по русской словесности. — Весьма трудолюбивый ученый буквоѣдъ, написавшій такіе ужасающаго объема фоліанты комментарій на русскій эпосъ, что ими можно было-бы сшибить съ дуба Соловья-разбойника и убить наповалъ самого Илью-муромца; добросовѣстный профессоръ, изрядный чтецъ, добрый лично человѣкъ, какъ говорятъ, но — совершенно нестерпимый и невозможный публицистъ. Вообще, внѣ своей профессорской и буквоѣдной дѣятельности, Орестъ Ѳедоровичъ является преназойливымъ маленькимъ человѣчкомъ съ непомѣрно большими претензіями на выдающееся общественное значеніе. Тщеславный, но недостаточно даровитый для того, чтобъ изобрѣсти что нибудь свое, хотя-бы хлесткую фразу, для своего прославленія, онъ, подобно пауку въ баснѣ Крылова, цѣпляется обыкновенно къ хвосту разныхъ знаменитостей, отъ Байрона до Достоевскаго и Аксакова, и, идолопоклонически стукая передъ ними скорбнымъ лбомъ, поддакивая имъ и публично читая ихъ произведенія, клюетъ падающія съ ихъ стола крохи славы на свою бѣдность. Такимъ образомъ, послѣ смерти Достоевскаго, онъ съ такимъ ужасающимъ усердіемъ сталъ эксплоатировать его славу, непрерывно читая его сочиненія и письма передъ публикой и посвойски коментируя ихъ въ печати, что навѣрно бѣдный Достоевскій перевернулся въ гробу, ибо самый злѣйшій врагъ его не могъ-бы болѣе постараться остудить къ нему общественное вниманіе, чѣмъ это сдѣлалъ Орестъ Ѳедоровичъ съ добрымъ намѣреніемъ. Всего уморительнѣе г. Миллеръ, какъ панславистъ и славянофилъ: никто и никогда изъ публицистовъ этой партіи не доводилъ ея ученія до такихъ абсурдовъ и на такомъ деревянномъ языкѣ, какъ Орестъ Миллеръ, доболтавшійся до отождествленія европейской цивилизаціи на русской почвѣ съ неслыханной «вѣрой въ убійство», съ одной стороны, и, съ другой, до курьезнѣйшаго посланія, отъ лица всей Россіи, къ «милорду» Гладстону въ такихъ смыслахъ, что онъ, Орестъ Миллеръ, не одобряетъ-де англійской политики въ славянскомъ вопросѣ. Несомнѣнно, полученіе этого письма доставило «милорду» Гладстону одну изъ самыхъ веселыхъ минутъ въ жизни.

Миллеръ — старѣйшій изъ петербургскихъ табачныхъ фабрикантовъ, нѣкогда продовольствовавшій своими сигарками «non plus ultra», изъ «гаванскаго» табаку нѣжинскихъ плантацій, и папиросками «Бафра», изъ чертовски-крѣпкихъ «турецкихъ дюбековъ» тогоже происхожденія, едва-ли не всю культурную Россію. Нынѣ въ упадкѣ и находитъ сбытъ своихъ произведеній только у заклятыхъ противниковъ пореформенной эпохи, отрицающихъ всякія новыя «вѣянія», въ томъ числѣ и табачныя.

Миллеръ—гвардіи поручикъ, могущій сказать о себѣ словами Чичикова, что жизнь его есть чёлнъ, волнами судьбы метаемый. Сперва о немъ за

говорили, какъ о жертвѣ какого-то темнаго произвола, вслѣдствіе котораго онъ былъ засаженъ въ сумасшедшій домъ; потомъ, и уже въ наши дни, г. Миллеръ оживленно самъ о себѣ заговорилъ въ газетахъ, рекомендуя себя самоотверженнымъ и безкорыстнымъ судебнымъ ходатаемъ и защитникомъ жертвъ кукуевской катастрофы... Защитилъ-ли ихъ, или нѣтъ г. Миллеръ, но лестную извѣстность себѣ составилъ, которую еще болѣе пріумножили какіе-то путейскіе баши-бузуки, по образу и подобію пресловутыхъ Свѣнтицкаго и Уземблo, покушавшіеся поломать ребра мужественному поручику—адвокату, но, однако-жъ, не поломавшіе.

Мильбретъ —весьма популярное имя у петербуржцевъ, сдѣлавшихъ скверную привычку столоваться съ такимъ экономическимъ разсчетомъ, чтобы за умѣренную цѣну пріобрѣтать прочный желудочный катаръ. Фирма извѣстной кухмистерской.

Милюковъ А. П. — симпатичный педагогъ и заслуженный литературный ветеранъ, никогда, впрочемъ, ни съ кѣмъ не воевавшій. Пишетъ г. Милюковъ очень давно, написалъ очень много и—чего, чего только онъ не писалъ! Стихи, повѣсти, путевые очерки, историческіе разсказы, критическія статьи, мемуары и т. д. Изъ всего, однако-жъ, имъ написаннаго помнятся современниками и, вѣроятно, не забудутся и потомствомъ его прекрасные, единственные въ свое время «Очерки исторіи русской поэзіи», на которыхъ нѣсколько подростающихъ поколѣній къ ряду познавали впервые красоты и сокровища отечественнаго Парнаса.

Милютинъ, Д. А. графъ. Въ исторіи нашей внутренней политики не много было государственныхъ дѣятелей, которые пользовались-бы такой огромной почетной популярностью при жизни и имѣли-бы столько правъ на признательность потомства, какъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ. Важны и достопамятны его труды, какъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ и искреннѣйшихъ сподвижниковъ Царя-реформатора въ эпоху преобразованія Россіи, почтенны его вклады въ военную науку, какъ ученаго писателя и профессора, достойна удивленія его многолѣтняя, неутомимая и обширная работа по управленію и организаціи громаднаго военнаго вѣдомства; но выше всего и всего незабвеннѣе услуга, оказанная имъ божескому и человѣческому праву введеніемъ гуманнаго обращенія съ русскимъ солдатомъ, признаніемъ въ немъ личности, превращеніемъ его изъ безсрочной плацъ-парадной машины и облеченнаго въ казенный мундиръ «пушечнаго мяса» —въ гражданина русской земли, въ сознательнаго, не изъ подъ палки, ея защитника. Чтобы ни говорили объ ошибкахъ графа Милютина въ созданной имъ и, точно, погрѣшавшей, быть можетъ, излишней бюрократичностью системѣ военнаго управленія, сколько-бы ни старались умалить его военныя преобразованія современные Скалозубы и Бетрищевы, но въ исторіи и въ народѣ навсегда останутся памятными проведенныя имъ и осуществленныя такія гуманитарныя установленія, какъ, напримѣръ, всесословная воинская повинность, краткіе сроки солдатской службы, отмѣна произвольнаго тѣлеснаго наказанія и пр. Что это такъ— мы могли убѣдиться воочію, когда недавно, по поводу пятидесятилѣтняго юбилея службы графа Димитрія Алексѣевича, ему возданы были дружныя всеобщія привѣтствія со всѣхъ сторонъ.

Минаевъ, Д. Д.—весьма извѣст-

ный, неутомимый и изумительно-плодовитый стихотворецъ. «Реветъ-ли звѣрь» какой въ нашемъ общественномъ звѣринцѣ, «трубитъ-ли рогъ» славнаго или безславнаго побѣдителя на литературной аренѣ, «гремитъ-ли громъ» ораторскій изъ тучи-ли, или изъ неблаговонной кучи, «поетъ-ли дѣва» веселую арійку изъ «Корневильскихъ колоколовъ»,— «свой откликъ въ воздухѣ пустомъ» моментально, съ быстротой телефона, «родитъ» г. Минаевъ и всегда въ легкихъ, бойкихъ и остроумныхъ стишкахъ! Мастерски владѣя стихомъ и обладая необычайной способностью стихослагательства до того, что онъ можетъ импровизировать въ стихахъ обыденный пріятельскій разговоръ за кружкой пива, Дмитрій Дмитріевичъ отличается также юмористической отзывчивостью ко всякимъ «злобамъ дня». Юморъ его не глубокій, не тотъ, что сверкаетъ «сквозь незримыя міру слезы», но, всегда острый, веселый, мѣтко язвитъ своими летучими стрѣлами все смѣшное, уродливое и комическое. Оттого г. Минаевъ всего лучше владѣетъ «эпиграммой-хохотуньей, эпиграммой-егозой», и—нѣкоторыя изъ его эпиграммъ дѣлались иногда ходячей монетой петербургской молвы. По міровоззрѣнію, Д. Д. относится къ людямъ 60-хъ гг. и всегда писалъ въ отмѣнно-либеральномъ духѣ въ „Искрѣ“, „Будильникѣ“, „Рус. Словѣ“, „Дѣлѣ“„Современникѣ“ и т. д.; нынѣ-же пишетъ главнымъ образомъ въ „Петербургской Газетѣ“. Пробовалъ свои силы Д. Д. и въ драматургіи, удостоился даже академической преміи за свою пьесу „Спѣтая пѣсня“, написанную прекрасными стихами, но довольно ординарную по мысли и характерамъ. Главная-же заслуга Д. Д.—его безчисленные переводы иностранныхъ поэтовъ: Данте, Байрона, Мольера, Гейне, Мицкевича, Сырокомли и др. Переводы эти, хотя и не отличаются, по отзыву критики, точностью, тѣмъ не менѣе, благодаря рѣдкому художественному чутью г. Минаева, очень близко передаютъ духъ и букетъ подлинниковъ.

Минаевъ, И. П. — профессоръ сравнительнаго языкознанія въ петербургскомъ университетѣ и писатель.— Вотъ человѣкъ, который можетъ безъ хвастовства сказать о себѣ, что онъ единственный въ своемъ родѣ и не имѣетъ соперниковъ во всей Россійской имперіи! Довольно сказать, что г. Минаевъ знаетъ санскритскій языкъ и знаетъ его такъ, что съ нимъ едвали могъ бы разговориться на этомъ рѣдкостномъ языкѣ другой какой нибудь россіянинъ. Вообще, почтенный профессоръ, не менѣе свѣдущій въ китайскомъ и другихъ азіатскихъ языкахъ, считается глубокимъ знатокомъ Востока, въ особенности Индіи, и не только литературно, но и наглядно, такъ какъ онъ совершилъ путешествіе въ «Коровье царство», гдѣ всего болѣе облюбовалъ и изучилъ диковинный островъ Цейлонъ. Своими богатыми оріенталистическими свѣдѣніями г. Минаевъ время отъ времени дѣлится съ читателями журналовъ.

Миропольскій — педагогъ-писатель. Нынѣшніе педагоги очень льстятся литературной славой и, обыкновенно, написавъ «краткое руководство», да два, три «письма въ редакцію», мнятъ себя уже представителями «ученой» литературы. Г. Миропольскій нѣсколько большія имѣетъ права на эту славу, благодаря уже недавно изданной имъ хорошей книгѣ по изученію и преподаванію русской музыки.

Михайловскій, Н. К. — штатный «молодой» философъ «Отечественныхъ Записокъ». Со временъ Бѣлинскаго

Изъ эпопеи «Миклухіада».

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно!“

дозв. ценз. с.-петерв., 17 окт. 1884 г.

въ русской журналистикѣ установилась какъ-бы особая должность *перваго* критика, нѣчто въ родѣ оберъ-прокурора «изящной словесности», авторитетно раздававшаго однимъ писателямъ лавровые вѣнки, другимъ—ослиныя шапки, смотря по заслугамъ, и руководившаго общимъ мнѣніемъ въ этой области. Должность эта доставалась, разумѣется, людямъ высоко-талантливымъ, такимъ, какими были, напр., Бѣлинскій, Добролюбовъ, Григорьевъ, Писаревъ; но со смерти послѣдняго, къ огорченію читателей, вакансія оставалась незанятой. Слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ, когда явился г. Михайловскій, читателямъ и ему самому показалось было, что у насъ, вотъ-вотъ, слава Богу, явится новый *первый* критикъ, достойный своихъ предшественниковъ. На него, именно, взглянули, какъ на «молодаго», подающаго большія надежды кандидата на эту вакансію, и онъ самъ о себѣ въ такомъ смыслѣ заявилъ... Но—странная вещь! «годы проходятъ, все лучшіе годы», у г. Михайловскаго уже сѣдина въ бородѣ, уже онъ успѣлъ издать «полное собраніе» своихъ сочиненій и въ «прострацiи» силъ сознаться, но о сю пору все онъ слыветъ у насъ за «молодую надежду», а—настоящаго, зрѣлаго *перваго* критика все изъ него не выходитъ! Репутація неувядаемо-«молодаго» философа, конечно, весьма пріятна, особенно, если философъ дорожитъ вниманіемъ прекраснаго пола (хвалился-же какъ-то г. Михайловскій, что къ нему «молодыя дамы за совѣтами» ходятъ!), но, съ другой стороны, какъ будто, немножко и обидная... Впрочемъ, если не считать «молодыхъ дамъ», взирающихъ еще на г. Михайловскаго, какъ на оракула, читатели давно разочаровались въ его величіи и видятъ въ немъ не болѣе, какъ бойкаго, свѣдущаго, временами остроумнаго фельетониста-«обозрѣвателя», либерально и горячо трактующаго о прогрессѣ, о народномъ благѣ, о молодомъ поколѣніи, о томъ, что есть истина, и наконецъ о томъ, что есмь *я* — «молодой» философъ имярекъ. Миссія, право, не дурная-бы, заслуживающая всяческаго поощренія, но едва-ли г. Михайловскій, по сіе время содержащій такую мину, какъ будто въ глубинѣ его «я» хранятся не высказанныя еще «силы мощныя души», дешево разстанется съ иллюзіей «молодаго» кандидата въ оберъ-прокуроры россійской словесности.

Михаловскій, Д. Л. — стихотворецъ, котораго можно назвать виньеточнымъ. Г. Михаловскій вдохновляется рѣдко и умѣренно, пишетъ чистенькія, благонравныя, не особенно глубокія, но всегда изящно отточенныя стихотвореньица не длиннѣе одной странички, которыя и находятъ себѣ радушное гостепріимство въ толстыхъ журналахъ, въ видѣ увеселительныхъ виньетокъ къ тексту.

Михельсонъ, М. И. — одинъ изъ думскихъ статскихъ генераловъ, прославившійся, впрочемъ, не генеральскими заслугами (о которыхъ ничего не извѣстно), а своей невообразимой муниципальной болтливостью. Даже г. Домонтовичъ, даже думскій фонтанъ въ александровскомъ скверѣ уступаютъ г. Михельсону въ обиліи изверженія ораторской воды, да и разница между ними существенная въ результатахъ: въ то время, какъ г. Домонтовичъ и фонтанъ журчатъ, такъ сказать, платонически, г. Михельсонъ болтаетъ, болтаетъ,—анъ, смотришь! — тепленькое мѣстечко себѣ и выболталъ въ какой нибудь изъ думскихъ коммиссій, ублаготворенныхъ окладами. Но если, положимъ, г. Михельсонъ не забываетъ

о себѣ (всѣ мы—люди, человѣки!), то справедливость требуетъ сказать, что онъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ думскихъ дѣятелей на пользу общую и не разъ заявилъ себя бдительнымъ стражемъ интересовъ города Санктъ-Петербурга, чѣмъ, безъ сомнѣнія, и заслуживаетъ его признательность.

Модестовъ, В. И. — классикъ не у дѣлъ, по причинѣ обуревающаго его духа сомнѣнія и строптивости. Профессоръ римской словесности, засвидѣтельствовавшій солидность своихъ классическихъ познаній рядомъ ученыхъ изслѣдованій и руководствъ, г. Модестовъ въ недобрый часъ усомнился въ спасительности классической системы образованія и въ существующемъ порядкѣ университетской жизни, о чемъ и повѣдалъ во всеобщее свѣдѣніе на страницахъ „Голоса“. Послѣдствіемъ этого было то, что г. Модестовъ вынужденъ былъ оставить каѳедру и начать скитаться, для пропитанія, по редакціямъ газетъ и журналовъ, въ поискѣ за вакансіей штатнаго либеральнаго публициста-передовика. Несомнѣнно, у журналистики одною хорошей силой стало больше, тогда какъ россійскій классицизмъ потерялъ въ г. Модестовѣ такого преподавателя, какихъ у насъ немного.

Мозеръ — извѣстный въ Петербургѣ часовой фабрикантъ, патентованныя издѣлія котораго представляютъ у насъ, сказать правду, одно изъ самыхъ несвоевременныхъ позаимствованій у Европы. Слава Богу, мы безъ особеннаго вреда для себя искони ошибались во времясчисленіи, преблагополучно опаздывали на цѣлыя столѣтія и времени никогда не считали, а тутъ вдругъ г. Мозеръ претендуетъ навязать намъ пунктуально вѣрныя, съ европейскимъ ходомъ, да еще (о, ужасъ!) въ самой Женевѣ состряпанные часики, которые никогда не опаздываютъ. Право, это похоже даже на издѣвательство и на стремленіе подорвать наши «самобытныя» основы, особенно, если взглянуть на миссію г. Мозера «трезвенными» очами г. Аксакова!

Молчановъ — «сочинитель», прославившійся рѣдкой «легкостью мыслей» и ногъ, въ качествѣ «спеціальнаго», вездѣсущаго корреспондента «Новаго Времени». О немъ можно сказать словами пѣсни о полку Игоря, что онъ «растекается» и «мыслію по древу, и сѣрымъ волкомъ по земли, и сизымъ орломъ подъ облаки», притомъ, — все это одновременно и все это «вдругъ», какъ у Хлестакова. Вчера напр. г. Молчановъ „вдругъ“ очутился въ Парижѣ и бесѣдовалъ съ Гамбеттой, сегодня — глядь — онъ „вдругъ“ въ Балахнѣ калякаетъ съ волжскими бурлаками, завтра „вдругъ“ пришлетъ телеграмму изъ Каира о политикѣ Араби-паши, а послѣ завтра въ Вѣнѣ „вдругъ“ австрійскій генеральный штабъ повѣдаетъ ему тайны своихъ военно-стратегическихъ плановъ. Немудрено, что, при такой чертовской смѣнѣ впечатлѣній, „нашъ спеціальный“ корреспондентъ „вдругъ“ и проврется. Сообщаетъ, напр., г. Молчановъ про интереснѣйшій разговоръ свой въ Москвѣ съ знаменитой m-me Аданъ, не забывъ упомянуть и объ ея декольте, и „вдругъ“ сама редакція „Нов. Вр.“самоотверженно изобличаетъ его, что Аданъ онъ и въ глаза не видалъ. Если такова „достовѣрность“ корреспонденцій г. Молчанова у себя дома, то — судите — какую игривую „легкость мыслей“ долженъ пріобрѣтать онъ за моремъ!

Монтеверде, П. А. — онъ-же Петръ Петровъ, онъ-же Amicus: бойкій и необыкновенно плодовитый фельстонистъ

„Петербургской Газеты“. Пишетъ ежедневныя „бесѣды“, но, въ случаѣ надобности, безъ труда можетъ писать всю газету цѣликомъ, весь номеръ, на всѣ четыре полосы... Справится! Нарочно ѣздилъ въ Парижъ учиться писать обѣими руками, а, по нуждѣ, и обѣими ногами. Замѣчателенъ еще тѣмъ, что пишетъ совершенно пофранцузски на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ. Литературную карьеру началъ парижскими письмами въ „Москов. Вѣд.“ и „Рус. Вѣстникѣ“; въ послѣднемъ помѣщалъ также беллетристическіе очерки житья-бытья въ Парижѣ нашей русской эмиграціи и не щадилъ мрачныхъ тенденціозныхъ красокъ на изображеніе ея пороковъ. Отличался г. Монтеверде и какъ человѣкъ военный, въ качествѣ старшаго адъютанта генерала Черняева въ достопамятную Сербскую войну, но, кажется, не вывезъ изъ нея лавровъ.

Мордовцевъ, Д. Л.—или заблудшій сынъ исторіографіи. Талантливый изслѣдователь „Пугачевщины“ и „Гайдамачины“, г. Мордовцевъ, на старости лѣтъ, залепеталъ вдругъ бабушкины сказки младенческимъ языкомъ фельетонныхъ „историческихъ“ романистовъ „Нивы“, „Иллюстраціи“ и т. п. Ослабѣвшая рука историка стала искушаться въ ремесленномъ живописаніи разныхъ Еруслановъ Лазаревичей и Милитриссъ Кирбитьевнъ суздальскаго стиля. Въ короткое время г. Мордовцевъ съ ужасающей быстротою отфабриковалъ сотни пудовъ плохихъ „историческихъ“ романовъ и повѣстей и имѣлъ мужество оправдываться тѣмъ, что „товаръ“-де этотъ прибыльнѣе и ходчѣе серьезныхъ историческихъ трудовъ. Недавно г. Мордовцевъ взбирался на гору Араратъ,—подождемъ, не вынесъ-ли онъ съ нея прояснѣніе и навращеніе на путь истины и науки?

Морозовъ, П.—симпатичный молодой словесникъ, изъ категоріи подающихъ надежды, но, кажется, до сихъ поръ остается безъ аудиторіи, потому, быть можетъ, что имѣетъ одинъ огромный недостатокъ: исповѣдуетъ «лжелиберализмъ» и, что всего хуже, пописываетъ въ того-же исповѣданія журналахъ и газетахъ. Въ довершеніе-же своей дурной славы, дерзнулъ высокопреосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, духовную особу, тоже сопричислить къ русскимъ либераламъ, на велій соблазнъ и гнѣвъ профессора Кояловича съ братіей. Разумѣемъ обширную и очень старательно написанную диссертацію г. Морозова: «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель».

Морозовы—весьма громкая фамилія въ области россійской мануфактуры и торговли. Есть нѣсколько Морозовыхъ. Въ Петербургѣ извѣстенъ богатый галантерейный магазинъ Морозова—образецъ гостиннодворскаго вкуса, гостиннодворской элегантности и гостиннодворскаго «прификса», который, однакоже, весьма кусается, собака. Всего же знаменитѣе и, такъ сказать, морозистѣе Савва Морозовъ съ сыновьями—фирма, фигурировавшая на послѣдней московской выставкѣ какимъ-то грандіознымъ, античнымъ храмомъ славы, сооруженнымъ изъ миткалей, ситцевъ, коленкоровъ и т. п. хлопчатобумажныхъ виссоновъ и пурпуровъ неслыханной «добротности», производимыхъ морозовскими фабриками въ баснословномъ количествѣ.

Морозова—отпрыскъ вышеописанной именитой фамиліи, богатая вдова, олицетворяющая въ себѣ Марѳу-посадницу новѣйшей, культурной формаціи. Величественно-прекрасная жена, бойкая купчиха-фабрикантша и въ тоже-

время элегантная, просвѣщенная хозяйка одного изъ интеллигентнѣйшихъ салоновъ въ Москвѣ; утромъ щелкаетъ въ конторѣ костяжками на счетахъ, вечеромъ—извлекаетъ тѣми-же перстами волшебныя шопеновскія мелодіи, бесѣдуетъ о теоріи Карла Маркса и зачитывается новѣйшими философами и публицистами, въ особенности-же П. Д. Боборыкинымъ, изобразившимъ ее отчасти въ своемъ романѣ «Китай-городъ». Свое сочувствіе просвѣщенію г-жа Морозова выразила и на дѣлѣ, вызвавшись поддержать своимъ капиталомъ женскіе врачебные курсы и пожертвовавъ 10 т. на учрежденіе школы имени Тургенева.

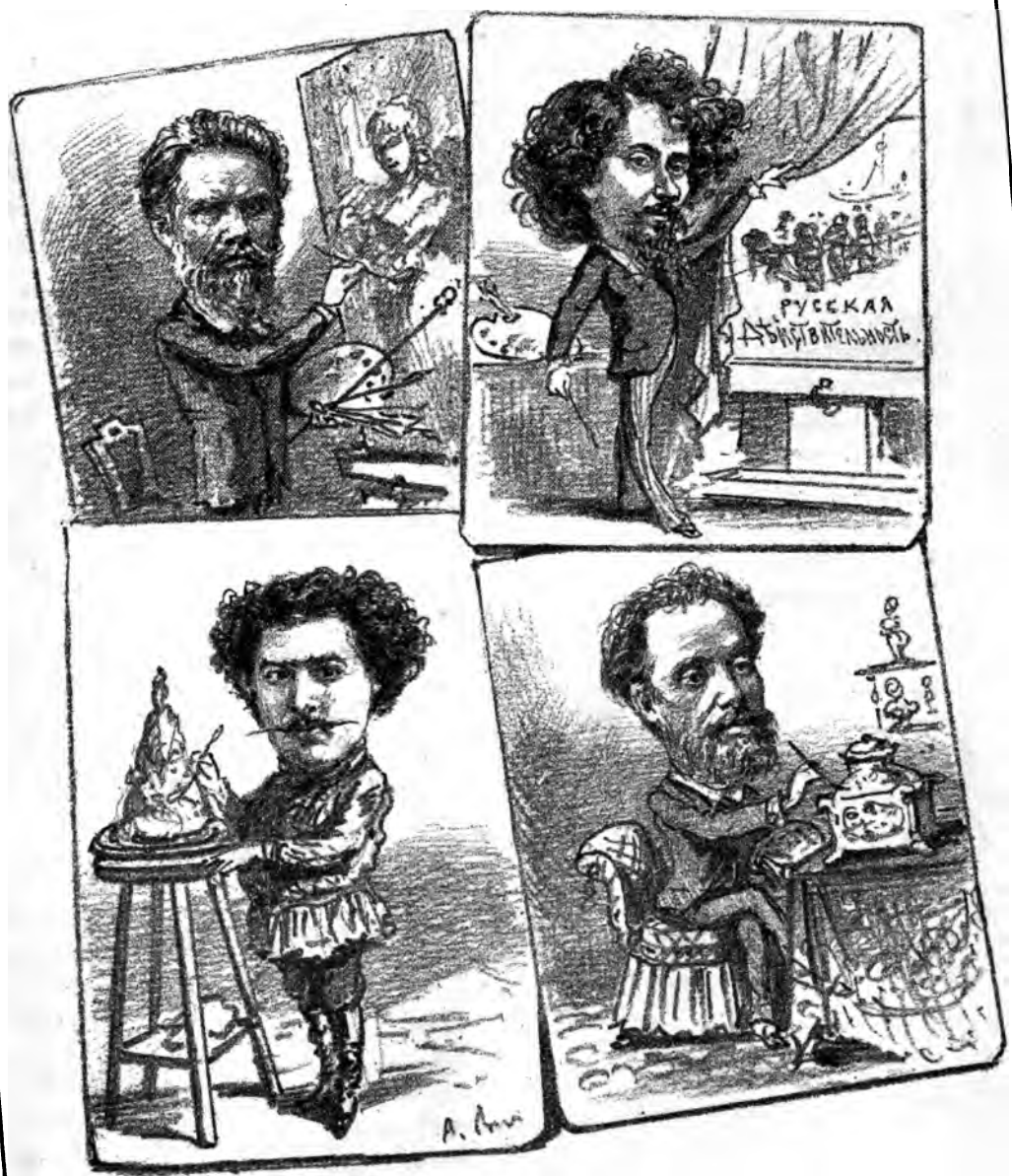
Муравьевъ—одинъ изъ немногихъ русскихъ ораторовъ, умныя рѣчи котораго всегда пріятно слушать, но только, разумѣется, не со скамьи подсудимыхъ. Талантливый и неподдѣльно краснорѣчивый прокуроръ с.-петербургскаго окружнаго суда, хотя—Богъ вѣсть!—не больше-ли царила-бы «милость въ судахъ», еслибъ господа прокуроры поменьше блистали талантливостью и ораторской мощью?

Мураневичъ—одинъ изъ наиболѣе догадливыхъ «братушекъ»-болгаръ: наигрывая на звонкой струнѣ всеславянскаго братства, повелъ было стремительную атаку на россійскіе скудные рубли, подъ видомъ организаціи, при содѣйствіи русской казны, «объединительнаго» сбыта въ Болгаріи вяземскихъ пряниковъ, московскихъ калачей, осташковскихъ сапоговъ, тульскихъ самоваровъ и проч., съ тѣмъ патріотическимъ разсчетомъ, чтобы вытѣснить съ родныхъ рынковъ постылаго шваба. Почему-то доблестная миссія г. Мураневича какъ-то затерялась.

Мурузи, князь.—Семирамида прославилась висячими садами, Хеопсъ—пирамидой, Титъ—Колизеемъ, а, вотъ, заѣзжій кн. Мурузи увѣковѣчилъ себя въ Петербургѣ сооруженіемъ огромнаго дома во вкусѣ новѣйшей кондитерской архитектуры, да такъ прочно, что онъ давно ужь имъ и владѣть пересталъ и самъ—живъ-ли—неизвѣстно, а другаго названія сооруженію его нѣтъ, какъ «домъ Мурузи». Справьтесь у любаго извощика.

Мясоѣдовъ, Г. Г., академикъ,—даровитый художникъ, отличающійся прихотливостью кисти въ выборѣ жанровъ и сюжетовъ для своихъ картинъ: то онъ выступитъ бытовымъ живописцемъ, то вдругъ на ландшафты начнетъ налегать, то онъ русскую деревню и ея типы штудируетъ («Опахиванье», «По ягоду» и пр.), то неожиданно переноситъ зрителя въ парижскую мансарду («Во время осады»), либо съ поджарыхъ неаполитанцевъ «этюды» принимается писать. Въ послѣдней-же своей большой картинѣ «Самосожженіе», взятой изъ исторіи русскаго раскола, онъ обнаружилъ новую наклонность—къ мелодраматической «бенгаликѣ» во вкусѣ Каульбаха. Неизвѣстно, означаетъ-ли сіе отзывчивость живаго творчества, или г. Мясоѣдовъ просто не установился еще въ выборѣ себѣ мѣста въ ряду отечественныхъ Апеллесовъ, хотя пора-бы.

Мясоѣдовъ, П. А. — Репетиловъ петербургской думы, нынѣ почему-то безмолствующій, но еще недавно шумно заявлявшій себя въ муниципальной говорильнѣ пламенными рѣчами, смѣлыми прожектами и необычайно прогрессивными заявленіями. Смолкъ-же и опустился г. Мясоѣдовъ, какъ говорятъ, вотъ по какой причинѣ. Однажды, послѣ блестящаго дебюта, встрѣтилъ



Кто во что горазд.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 20 СЕНТ.

онъ въ думскихъ сѣняхъ Чацкаго, полюбопытствовавшаго узнать, отчего онъ такъ сіяетъ?—«Шумимъ, братецъ, шумимъ!“—торжественно отвѣтилъ г. Мясоѣдовъ.—«Шумите вы и—только!» —укоризненно сказалъ Чацкій. Г. Мясоѣдову стало совѣстно и онъ умолкъ съ той поры!

Н.

Набоковъ, Д. Н., д. т. с., министръ юстиціи.—Интересно и знаменательно, что изъ всѣхъ нашихъ министерствъ одно только, стоящее на стражѣ закона и справедливости, министерство *юстиціи* окрещено иноязычнымъ именемъ и символизируется иноземнаго изобрѣтенія эмблемой, въ образѣ эллинской богини Ѳемиды, которая, къ тому-жь, не православнаго и даже не христіанскаго вѣроисповѣданія. Можно было-бы подумать, что въ русскомъ языкѣ и, слѣдственно, въ русскомъ міровоззрѣніи вовсе не выработалась самостоятельно идея правосудія... Дѣйствительно, исторія свидѣтельствуетъ, что русскій человѣкъ правосудіемъ не былъ избалованъ и не всегда находилъ отождествленіе идеи правды въ судахъ, пока «царство» ея не было торжественно возвѣщено незабвеннымъ Монархомъ драгоцѣнной судебной реформой 1864 года. Г. Набоковъ—третій, по счету, министръ юстиціи со времени этой великой эры, когда иноземка Ѳемида натурализовалась на Руси въ нашу землячку и слово «юстиція» стало общепонятнымъ и получило право гражданства въ «карманномъ словарѣ» русскаго человѣка. Вся задача теперь въ томъ, чтобы сохранить и соблюсти неприкосновенно этотъ великій даръ прошлаго царствованія!

Навроцкій—генералъ, пріобрѣвшій въ журналистикѣ извѣстность весьма оригинальной и дорого стоющей прихотью. Питая непреоборимую страсть къ стихоплетству, г. Навроцкій сочинилъ нѣсколько ужасающихъ, во вкусѣ «Телемахиды», драмъ и трагедій, которыя не находили себѣ ни помѣщенія, ни читателей; тогда онъ догадался и предпринялъ собственное періодическое изданіе «Русская Рѣчь», спеціально для опубликованія своихъ снотворныхъ сочиненій. Для этого потребовалось около двухъ лѣтъ и теперь, отпечатавъ всѣ свои драмы и, такимъ образомъ, удовлетворивъ свое авторское самолюбіе, г. Навроцкій закрылъ лавочку и возлегъ на лаврахъ. Что-жь, если бароны могутъ имѣть свои фантазіи, то почему не имѣть ихъ и генераламъ въ часы свободные отъ службы?

Натарова—добросовѣстная и замѣчу-

женная актриса александринскаго театра, играющая кухарокъ и, притомъ, спеціально изъ Никольскаго рынка: цѣна три цѣлковыхъ «съ горячимъ»... зовутъ Матреной... грубіянка и рохля... жретъ за четверыхъ и, кромѣ битья посуды, ничего дѣлать не умѣетъ. Типъ!

Наумовъ, Н. И.—авторъ нѣсколькихъ хорошихъ разсказовъ изъ сибирскаго народнаго быта, несомнѣнно даровитый, но очень скудный сочинительской изобрѣтательностью и объемомъ наблюденій, давно имъ исчерпанныхъ и вновь необогащаемыхъ. Отсюда—нѣкоторое однообразіе и повторяемость однихъ и тѣхъ же типовъ и положеній въ разсказахъ г. Наумова, такъ что, прочитавъ одинъ изъ нихъ, напр., «Мірской учетъ»—едва-ли не самый лучшій, остальныхъ можно и не читать. Успѣхомъ своимъ, особенно въ мнѣніи «народниковъ», г. Наумовъ обязанъ главнѣе содержанію и характеру своихъ разсказовъ, а также народолюбивому отношенію къ своимъ героямъ—жертвамъ кривды и борцамъ за правду, за мірское благо. Такая литературная миссія, конечно, стоитъ успѣха.

Невревъ,—подвизающійся въ Москвѣ, но не безъизвѣстный и въ Петербургѣ историческій живописецъ. Весьма искусенъ въ воспроизведеніи на полотнѣ старинныхъ «алтабасовъ», «парчей съ травами», «аксамитовъ», ковровъ, братинъ, кубковъ и, вообще, всей гардеробной рухляди и домашней утвари временъ котошихинскихъ. Вслѣдствіе этого, его картины («Самозванецъ у короля Сигизмунда», «Смерть князя Гвоздева», «Представленіе Ксеніи Годуновой Самозванцу» и др.), со стороны костюмерской, не оставляютъ желать ничего лучшаго; что-же касается ихъ содержанія... Впрочемъ, у г. Неврева, какъ и у многихъ другихъ нашихъ историческихъ живописцевъ, въ костюмахъ и заключается почти все содержаніе картинъ; историческія-же лица на нихъ большею частью играютъ роль только гардеробныхъ вѣшалокъ, да, если правду сказать, многія изъ нихъ болѣе «отвѣтственной» роли и не стоютъ, по своему значенію.

Незелоновъ, А.—профессоръ петербургскаго университета, заявившій себя въ литературѣ обстоятельнымъ и дѣльнымъ изслѣдованіемъ: «Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ журналистъ». Весьма дурнаго мнѣнія г. Незеленовъ о хваленомъ «златомъ вѣкѣ» и весьма благоволитъ къ Новикову за его либерализмъ—едва-ли не въ немъ одномъ бывшій искреннимъ въ то «вольтеріанское» время. Нынѣ г. Незеленовъ подвизается изрѣдка въ журналистикѣ и засѣдаетъ въ театрально-литературномъ комитетѣ, въ числѣ судей, призванныхъ судить россійскую драму, подбирая въ ней перлы созданія и отметая плевелы.

Нелюбова—опереточная актриса александринскаго театра, представляющая собою довольно любопытное явленіе природы: Юнона, по фигурѣ и тѣлосложенію, г-жа Нелюбова—грудной младенецъ, по канареечному діапазону своего голоса, не лишеннаго, впрочемъ, пріятности. Сценическаго таланта, при заключеніи контракта съ г-жей Нелюбовой, дирекція безъ сомнѣнія не спрашивала.

Неклюдовы, Н. А. и С. М.—Есть имена, которыя произносятся всѣми съ уваженіемъ, хотя немногіе могутъ опредѣлить съ точностью, что именно они собой выражаютъ? Просто—хорошіе люди. Такою репутаціей «хорошихъ людей» пользуются и гг. Неклюдовы, весьма популярные въ средѣ петербургской интеллигенціи. По про-

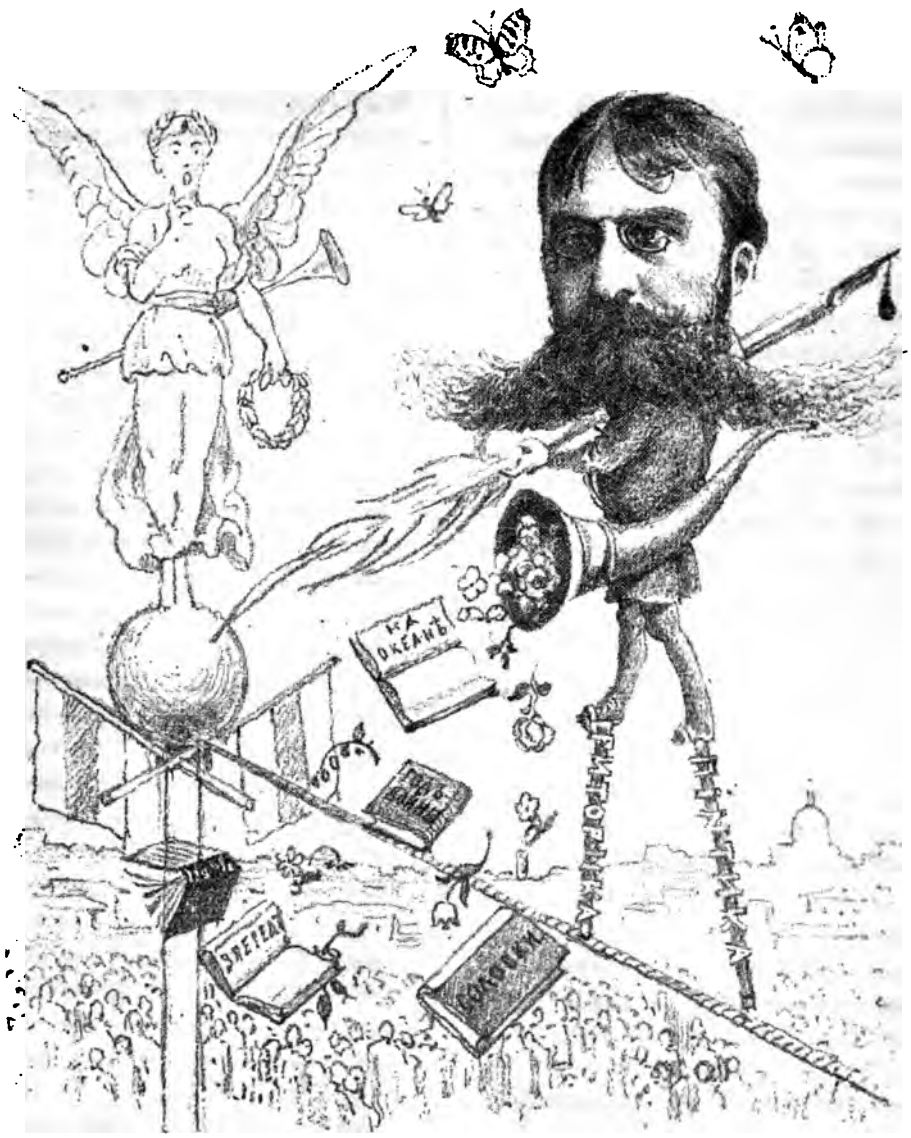
фессіи, они—юриспруденты: одинъ—компетентный оберъ-прокуроръ касаціон. д-товъ, заявившій себя примѣрнымъ праведничествомъ, другой—присяжный повѣренный, который, положимъ, взять «кушъ»—возьметъ, но, по крайней мѣрѣ, не продастъ кліента за тридцать сребренниковъ.

Немировичъ-Данченко, В. И.—интересный молодой человѣкъ, который очень много испыталъ и очень много видѣлъ; какъ писатель, пользуется лестной извѣстностью за свою плодовитую талантливость, а отчасти и за лирическое легкомыслiе. Натура художественная, Василій Ивановичъ въ своихъ произведеніяхъ является прежде всего рабомъ красоты и слога. Вездѣ и всюду—и въ тундрахъ Лапландіи, и въ долинахъ Балкановъ, и подъ сѣнью могучихъ чинаровъ Кавказа, и въ жидкой тѣни сухопарыхъ липъ Лѣтняго сада—онъ ищетъ пластической красоты, а, гдѣ она отсутствуетъ, восполняетъ ее своимъ пылкимъ воображеніемъ и увлекательнымъ, картиннымъ слогомъ. Положительно, со временъ Марлинскаго, никто у насъ такъ красиво не писалъ и не пишетъ, какъ авторъ «Соловковъ», «У океана», «Святыхъ горъ», «Года войны» и проч. Оттого, съ невообразимой быстротой выпекаемые г. Немировичемъ томы легко читаются, полны поэзіи и, если угодно, художественной правды, но возбуждаютъ сомнѣніе со стороны достовѣрности исторической и географической. Кто-то назвалъ г. Немировича «беллетристомъ-этнографомъ»; можетъ быть, это была шутка, но несомнѣнно, что г. Немировичъ—беллетристъ попреимуществу, и, поэтому, всѣ его этнографическіе и историко-описательные разсказы имѣютъ лишь цѣну яркихъ иллюстрацій для тѣхъ мѣстъ, лицъ и событій, которыя онъ когда-либо изображалъ. Добавимъ въ заключеніе, что Василій Ивановичъ—премилый товарищъ, добрый малый и отмѣнно-любезный дамскій кавалеръ, обладающій «ловкостью почти военнаго человѣка».

Неустроевъ, А. Н.—раритетная извѣстность, о которой знаютъ только библіофилы и ученые. Любитель-библіографъ, трудолюбиво перерывшій всю, до послѣдняго листика, журналистику XVIII столѣтія и написавшій о ней объемистое и весьма подробное «разысканіе», которое правильнѣе было-бы назвать «розыскомъ», ибо г. Неустроевъ, помимо приведенія въ извѣстность талантовъ и ихъ произведеній, безпощадно «всякими сысками сыскиваетъ» и авторовъ всякихъ глупостей, не взирая на ихъ тщательное укрывательство отъ суда потомства подъ таинственными звѣздочками, анаграммами и псевдонимами.

Нефедовъ—одинъ изъ «мучениковъ» московскаго «лже-либерализма». Хорошо памятенъ прискорбный incident съ г. Нефедовымъ, приведшій его къ трогательной разлукѣ съ г. Ланинымъ, въ газетѣ котораго г. Нефедовъ состоялъ редакторомъ, и къ временному вынужденному уединенію въ «мѣстѣ злачнѣмъ», благодаря облыжному сикофантству мѣстныхъ Загорѣцкихъ и Булюбашей. Ранѣе этого г. Нефедовъ составилъ себѣ извѣстность дѣльными этнографическими очерками и изслѣдованіями, съ каковыми и до сихъ поръ время отъ времени выступаетъ въ журналахъ.

Никитинъ, В. Н.—извѣстный тюрьмовѣдъ и писатель, взявшій на себя благородную задачу повѣдать тепло и правдиво о «невидимыхъ міру слезахъ», страданіяхъ, нравахъ и бытѣ разнаго рода «несчастненькихъ», которыхъ такъ много на святой Руси. Читающей публикѣ хорошо извѣстны его очерки и



Скользкій путь къ славѣ.

дозв. ценз. с.-петерб., 2 нояб. 1883

Типографія Эд. Гонна, Возн. пр., 59.

разсказы о кантонистахъ, о заключенныхъ, вообще, о безчисленныхъ жертвахъ «Тюрьмы и ссылки». Главное и очень цѣнное достоинство этихъ разсказовъ—непосредственность наблюденій и близкое знакомство автора со своимъ предметомъ, знакомство, вынесенное имъ, между прочимъ, изъ многолѣтней тюремно-благотворительной практики, въ которой г. Никитинъ сказать къ слову, составилъ себѣ репомэ неподкупнаго и, поэтому, «безпокойнаго» блюстителя филантропическаго грошика, подстерегаемаго обыкновенно стольними хапугами. Оттого, быть можетъ, В. Н. и усвоилъ себѣ отчасти мрачный взглядъ Собакевича на человѣчество.

Николадзе—enfant terrible кавказской прессы, при одномъ имени котораго мѣстные цензоры хватаются за карандаши и съ ожесточеніемъ ихъ заостриваютъ. Подвизаясь въ роли писателя, потомъ редактора недолговѣчной ультра-либеральной тифлисской газеты «Обзоръ», г. Николадзе прославился своими рьяными пререканіями съ мѣстной цензурой, окончившимися надѣлавшимъ шуму процессомъ. Воинствующій либерализмъ, публицистическій задоръ и краснорѣчіе составили г-ну Николадзе репутацію не то кавказскаго Рошфора, не то—литературнаго Хаджи-Абрека. Впрочемъ, г. Николадзе скоро спохватился, что самая громкая литературная слава—тлѣнъ, а, спохватившись, благоразумно пристроился на тепломъ мѣстечкѣ въ желѣзнодорожномъ мірѣ и, въ то-же время, «какъ намъ сообщаютъ», заявилъ себя энергическимъ нефтянымъ «дѣльцомъ», проповѣдующимъ, подъ знаменемъ мечтательнаго «государственнаго соціализма» кабардинской школы, самую реальную нефтяную монополію въ пользу пославшихъ его патроновъ... Для Рошфора, хотя-бы даже и поти-тифлисскаго, прыжокъ отъ радикализма къ плутократизму немножко неожиданный!

Николаи, баронъ,—маститый сановникъ, много потрудившійся на пользу россійскаго просвѣщенія; былъ министромъ онаго, насаждалъ сѣмена благихъ начинаній, но, по кратковременности своего управленія, насадить ихъ изобильно не успѣлъ и опочилъ въ «Монрепо»—только не въ щедринскомъ, а въ собственномъ, расположенномъ близъ Выборга и славящемся своимъ роскошнѣйшимъ паркомъ.

Никольскій, Ѳ.—совершенно стихійный субъектъ, безъ вкуса и таланта, служившій нѣкоторое время футляромъ для великолѣпнаго органа, изумлявшаго и восхищавшаго любителей русской оперы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ чудный органъ былъ разбитъ и весь вышелъ; тотчасъ-же, разумѣется, футляръ его получилъ отставку и нынѣ преданъ полному забвенію.

Нильскій, актеръ, еще недавно премьеръ александринской труппы.—Въ маленькой прессѣ г. Нильскаго часто «дразнили» *нильскимъ* крокодиломъ, производя его имя отъ р. Нила; но ужь если пошло на сравненія съ африканской фауной, то г. Нильскаго остроумнѣе было-бы сравнить съ дромадеромъ, окончившимъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ театральномъ училищѣ. Съ истинно—верблюжьимъ трудолюбіемъ и ретивостью, г. Нильскій перетаскалъ на себѣ до пятисотъ ролей, подвизаясь во всевозможныхъ амплуа: былъ трагикомъ, комикомъ, первымъ любовникомъ, резонеромъ и т. д., но всего чаще и всего превосходнѣе былъ самимъ собою—цвѣтущимъ мужчиной статнаго тѣлосложенія, не взирая на переодѣванье и искусную гримировку, которою онъ,

надо отдать справедливость, владѣетъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Цѣлые годы г. Нильскій, какъ говорится, вывозилъ на себѣ чуть не весь наличный театральный репертуаръ и, если не возилъ, ужь заодно, и театральныхъ каретъ, то, быть можетъ, потому только, что поспектакльная плата театральныхъ клячъ слишкомъ низка. Вообще, его артистическая карьера любопытна и служитъ лучшимъ доказательствомъ, что трудолюбіемъ все преодолѣвается, даже бездарность. Слишкомъ двадцать лѣтъ, сплошь, критика единодушно его хаяла и освистывала, а онъ все игралъ себѣ, да игралъ, пока, наконецъ, не нашелъ своего настоящаго призванія въ амплуа резонеровъ. Нынѣ г. Нильскій выигрался въ положительно-хорошаго актера, выигралъ въ мнѣніи критики и даже выигралъ въ лоттерею внутренняго займа семдесятъ пять тысячъ, какъ-бы въ награду за трудолюбіе, терпѣніе и искусство.

Нильскій, И. Ѳ., профессоръ и инспекторъ петербургской духовной академіи,—извѣстный многосвѣдущій знатокъ русскаго раскола, который онъ изучилъ не только литературно, но и непосредственно, по личнымъ наблюденіямъ. Изъ трудовъ г. Нильскаго особенно цѣнится его изслѣдованіе о семейной жизни въ расколѣ.

Нобель—нефтяное свѣтило первой величины, не только успѣшно соперничающее съ знаменитымъ «американскимъ свѣтомъ», но едвали не вожделѣющее у самого солнца исхитить концессію на исключительное освѣщеніе всей Россійской имперіи. Извѣстная нефтепромышленная фирма — братья Нобель, изъ коихъ особенно предпріимчивъ и энергиченъ старшій, тотъ самый, что какъ-то въ стѣнахъ соляного городка съ аппломбомъ повѣдалъ просвѣщенной публикѣ свои грандіозные планы радикальнѣйшаго и наискорѣйшаго опустошенія бакинскихъ нефтяныхъ богатствъ. Другаго названія нельзя дать нобелевской системѣ эксплуатаціи этихъ богатствъ, при которой, по вычисленію проф. Менделѣева, три четверти ихъ идутъ въ отбросъ ни за понюшку табаку.

Новиковъ, Н. И. — жертва медвѣжьей услужливости добрыхъ друзей. Предшествуемый раздутой друзьями молвою о своемъ громадномъ, неслыханномъ сценическомъ талантѣ, явился г. Новиковъ на александринской сценѣ дивить столицу. Столица собралась дивиться, но—увы!—узрѣла передъ собою заурядняго лицедѣя, къ тому-жь, съ дурными привычками актеровъ ярмарочныхъ театровъ. Послѣдовало взаимное разочарованіе: г. Новикова въ столицѣ и столицы въ г. Новиковѣ, а въ хроникѣ театральныхъ анекдотовъ лишній разъ повторилась грустно-комическая басня о синицѣ, обѣщавшей море сжечь.

Новинскій — представитель петербургскаго именитаго купечества и излюбленный верховный жрецъ въ культѣ «взаимнаго выдаиванія золотаго тельца» въ с.-петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита. Какъ финансистъ «зеркальной линіи», торгующій шубами, г. Новинскій «діонръ» знаетъ достаточно, знаетъ, что полтина меньше рубля и цѣлый пирогъ больше своей половины, что блестяще доказалъ въ вопросѣ о сокращеніи окладовъ членовъ правленія, отстоявъ ихъ высшіе размѣры; знаетъ, вѣроятно, и грамоту, но объ этомъ достовѣрныхъ извѣстій нѣтъ. Какъ предсѣдатель правленія общества взаимнаго кредита, въ исторіи сего послѣдняго, послѣ хищеній исаковской эпохи, г. Новинскій олицетворяетъ собой эпоху умѣренности и аккуратности, сквалыжническаго уче-

та и заплатыванья балансовыхъ дыръ по системѣ Коробочки, чинки и окраски кассовыхъ сундуковъ и привѣшиванья къ нимъ чертовски-крѣпкихъ замковъ.

Норденшильдъ, профессоръ, —знаменитость, собственно, иностранная; но, вѣдь, иностранцы были и тѣ древніе соотечественники г. Норденшильда, которыхъ призвалъ Гостомыслъ «володѣти» нами, а, между тѣмъ, безъ нихъ, можетъ быть, самой «исторіи государства россійскаго» вовсе не значилось-бы въ каталогахъ г. Межова. Достославный путешественникъ тоже варягъ, тоже былъ призванъ купцомъ Сидоровымъ и тоже водворилъ «порядокъ», своими важными открытіями, въ географіи нашихъ богатыхъ и обильныхъ странъ гиперборейскихъ, «володѣти» которыми мы сами до сихъ поръ не угораздились. На этихъ основаніяхъ, г. Норденшильду безспорно принадлежитъ почетное мѣсто въ пантеонѣ русскихъ знаменитостей.

Нотовичъ, О. К. —постоянный и самый прилежный читатель газеты „Новости“, лучше которой онъ ничего во всемірной литературѣ не находитъ. О. К. Нотовичъ имѣетъ несомнѣнное право на мѣсто въ лѣтописи современной русской журналистики, во-первыхъ, какъ бывшій издатель-редакторъ „Новаго Времени“, во вторыхъ, какъ редакторъ-издатель нынѣшнихъ „Новостей“—органа прогрессивнаго и честнаго, безспорно обязаннаго его энергіи и предпріимчивости своимъ упроченнымъ существованіемъ и своей распространенностью. Благонамѣренъ, либераленъ, но съ оглядкой, вѣритъ въ „правовой порядокъ“, но вѣритъ также и въ главное управленіе по дѣламъ печати, въ остальномъ уповаетъ на Господа Бога и стремится соревновать Ему въ непогрѣшимости и творчествѣ: по крайней мѣрѣ, самъ того мнѣнія, что онъ „создаетъ“ идеи для передовыхъ статей и, для ихъ написанія, „создаетъ“ сотрудниковъ, не будучи ихъ родителемъ по крови; „создалъ“ двѣ драмы, „создалъ“ „Основы реформъ“, поставившія автора на ряду чуть чуть не съ Солономъ, и, наконецъ, дѣйствительно„ создалъ“ газету „Новости“ въ ея настоящемъ видѣ. Извѣстно, что Творецъ создалъ міръ изъ *ничего;* бываютъ примѣры, что и газеты создаются изъ ничего, но это несравненно легче, чѣмъ изъ оплеваннаго, скомпрометтированнаго и всѣми презиравшагося листка создать опрятную, большую и серьезную газету, которая завоевала-бы себѣ извѣстное положеніе и довѣріе въ читающей публикѣ. Такое, именно, пересозданіе совершилъ О. К. съ «Новостями» въ теченіе семилѣтняго редижированія ими, превративъ ихъ изъ шрейеровско-мордуховскаго безъизвѣстнаго уличнаго листка въ одинъ изъ распространенныхъ органовъ, который даже враги перестали презрительно обзывать «газеткой».

О.

Оболенскій —любитель словесности, возведенный друзьями въ рангъ штатнаго поэта «Пушкинскаго кружка», который, какъ извѣстно, пріобрѣлъ, съ разрѣшенія начальства, компетенцію Парнаса въ предѣлахъ бассейна рѣчки Лиговки. Внѣ «Пушкинскаго кружка» стихотворная слава г. Оболенскаго пока неособенно громка, но въ его поэтической будущности «кружокъ» не отчаивается, ибо онъ—мужчина плотный и полный силъ. Нѣсколько болѣе извѣстенъ г. Оболенскій какъ издатель-редакторъ «учено-литературнаго» журнала «Русское Богатство» тоненькаго извнѣ, но чреватаго внутреннимъ кудревато-фельетоннымъ содержаніемъ столь-же кудреватаго «направленія», вмѣщающаго въ себѣ Луи Блана и Петра Бланка, Карла Маркса и Ореста Миллера, Максима Бѣлинскаго и чуть-ли не Авсѣенка. Впрочемъ, въ послѣднее время главнымъ и почти единственнымъ сотрудникомъ «Богатства» является самъ г. Оболенскій, выказавъ себя литературнымъ мастеромъ на всѣ руки.

Обручевъ, Н. Н., генералъ лейтенантъ,—былъ-бы поэтомъ или философомъ, если-бы не предпочелъ быть нашимъ россійскимъ Мольтке. Вѣдь, военная стратегія—родная сестра поэзіи и метафизики; не даромъ она и называется—«искусствомъ». Разница только въ томъ, что стратегическія поэмы и умозрительныя теоріи идеальныхъ войнъ, создаваемыя въ тиши кабинетовъ генеральнаго штаба, при выходѣ въ свѣтъ, печатаются не на бумагѣ и не типографскими чернилами, а на поляхъ сраженій человѣческой кровью, и, при печатаніи, наборщикъ, грубый опытъ, до того искажаетъ ихъ нерѣдко опечатками, что послѣднія какъ-бы предвосхищаютъ въ нихъ самое авторство. Безъ сомнѣнія, генералъ Обручевъ, и по профессіи и по должности начальника главнаго штаба, создалъ и обработалъ много грандіозныхъ стратегическихъ плановъ «будущаго», которые тѣмъ болѣе должны быть блестящи, что авторъ ихъ, кромѣ творческаго таланта и опыта, обладаетъ рѣдкой военно-ученой эрудиціей. Будутъ-ли, или—дастъ Богъ—не будутъ изданы въ свѣтъ эти шѣдевры

стратегіи, но, во всякомъ случаѣ, за г. Обручевымъ останется прочная и неоспоримая слава ученаго систематизатора, обогатившаго, между прочимъ, наше отчизновѣдѣніе такимъ огромнымъ, прекраснымъ трудомъ, какъ «Военно-статистическій сборникъ Россіи», изданный подъ его редакціей.

Обрѣзковъ, М. Д., отставной генералъ-маіоръ,—современникъ, достославный лишь тѣмъ, что его всѣ знаютъ и онъ всѣхъ знаетъ въ интеллигентномъ Петербургѣ, особенно-же, въ Петербургѣ балетно-театральномъ, кафе-шантанномъ и demi monde'номъ, гдѣ онъ «свой человѣкъ». Отживающій типъ бонтоннаго фланера, г. Обрѣзковъ пріобрѣлъ такую публичность, что безъ присутствія его осанистой фигуры, съ добродушно-вялымъ лицомъ, нельзя представить себѣ ни одного спектакля, ни одного зрѣлища, ни одного гулянья, ни одного увеселенія... Какъ ужъ онъ поспѣваетъ всюду обернуться—Аллахъ вѣдаетъ! Безъ сомнѣнія, когда онъ умретъ, въ некрологѣ его будетъ сказано: «вотъ доблестный гражданинъ, который износилъ на своемъ вѣку сапоговъ больше всѣхъ своихъ современниковъ»!

Овсянниковъ, Ф. В., академикъ и профессоръ, замѣчательный ученый физіологъ, пользующійся европейской извѣстностью, что, какъ извѣстно, очень рѣдко выпадаетъ на долю людей науки съ русскими именами. Пріятно и достойно удивленія, что ученая Европа признала заслуги нашего соотечественника—кровнаго русака, но какъ должны быть несомнѣнны, важны и блестящи эти заслуги, если ихъ признала въ г. Овсянниковѣ даже наша де-сіансъ академія и удостоила его даже посадить въ синедріонъ своихъ «дядюшекъ»! Впрочемъ, въ глазахъ ихъ, «смягчающимъ вину» русскаго происхожденія г. Овсянникова должно служить то обстоятельство, что онъ большую часть своихъ ученыхъ изслѣдованій писалъ понѣмецки и печаталъ въ заграничныхъ изданіяхъ.

Овсянниковъ, Т. Г., или Марій на развалинахъ... фейгинской мельницы. Сорокъ лѣтъ жилъ онъ «подъ однимъ нумеромъ», сорокъ лѣтъ объегоривалъ казну на подрядахъ, сорокъ лѣтъ приколачивалъ гвоздемъ «тыщи» къ «тыщамъ», скопленнымъ правдами и неправдами, сорокъ лѣтъ все сходило у него съ рукъ благополучно и, вдругъ, на сорокъ первомъ «сорвалось»! Жестокій урокъ настоящимъ и грядущимъ Разуваевымъ и Колупаевымъ, еслибъ только они могли вникнуть въ него и очувствоваться!

Одинцовъ— фруктовый магазинъ, гдѣ менѣе всего спрашиваютъ фруктовъ и гдѣ коммерція поддерживается въ заднихъ «кабинетикахъ» обильнымъ распивочнымъ потребленіемъ болѣе или менѣе «благородныхъ» напитковъ, съ разрѣшенія, впрочемъ, акцизнаго вѣдомства. Такихъ «фруктовыхъ» кабачковъ въ Петербургѣ много и Одинцовъ ничѣмъ отъ нихъ не отличается; въ словарь-же нашъ мы занесли его къ свѣдѣнію читателей г. Щедрина, увѣковѣчившаго магазинъ Одинцова въ своихъ сатирахъ и сдѣлавшаго его, такимъ образомъ, историческимъ.

Одноушевскіе—фирма извѣстнаго въ Петербургѣ мѣховаго магазина, гдѣ, нужно полагать, шьютъ очень хорошія и теплыя шубы, какъ свидѣтельствуетъ компетентный профессоръ Березинъ въ своемъ ученомъ «Словарѣ».

Оголейтъ—одна изъ очаровательнѣйшихъ «розовыхъ ваннибалокъ», какъ называетъ В. Гюго балетныхъ танцовщицъ; воплощенная мечта художника, отыскивающаго контуры античныхъ

грацій «въ живомъ движеньи естества», какъ выразился-бы «свѣдущій человѣкъ» по балетной части, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скальковскій.

Огородниковъ — маленькій «неистовый Роландъ» въ поручичьемъ чинѣ, большой любитель „исторій“ либерально-кадетскаго оттѣнка и авторъ многихъ изъ нихъ. Въ былое время такіе необузданные поручики стремились „на тотъ погибельный Кавказъ“, а нынѣ, вонъ, г. Огородниковъ ни съ того, ни съ сего устремился, вдругъ, въ С. Америку и, совершивъ тамъ въ кратчайшее время рядъ „исторій“ и дебошей, возвратился въ отечество и предалъ тисненію свои отнюдь не занимательныя похожденія, подъ громкимъ титуломъ: „Въ странѣ свободы“. Его-же перу принадлежитъ скучнѣйшій „Дневникъ заключеннаго“, напечатанный въ одномъ изъ историческихъ журналовъ.

Окрейцъ, С. С. — патріотъ изъ патріотовъ того утробнаго, плотояднаго «направленія», въ программу котораго входитъ возбуждать грубые и дикіе инстинкты въ неразвитой массѣ. Г. Окрейцъ — журналистъ, издатель неопрятнаго листка «Лучъ» съ картинками, которыя въ немъ напоминаютъ скорѣе оттиски грязнаго сапога, прогулявшагося по бумагѣ, чѣмъ на что нибудь похожія «иллюстраціи». Г. Окрейцъ, впрочемъ, беретъ не столько художествомъ и литературой, сколько вышеозначеннымъ «патріотизмомъ», который въ немъ тѣмъ болѣе антипатиченъ, что не искрененъ и есть дѣло простаго, вполнѣ жидовскаго гэшефта — ничего, что самъ г. Окрейцъ заядло травитъ «жидову» на всякіе манеры!

Оливье — недавно умершій верховный жрецъ московскаго чревоугодія и, къ вящему посрамленію московской „самобытности“, — кровный французъ. Жаль, что во времена Ѳедора Глинки, воспѣвшаго красоты Москвы, не было еще Оливье, а то поэтъ, навѣрно, послѣ извѣстнаго стиха: „Кто царь-колоколъ подыметъ? кто царь-пушку повернетъ?“, сказалъ-бы: „Оливье кто одолѣетъ во трапезномъ мастерствѣ?“ По крайней мѣрѣ, нынѣшняя вся сытая, чревоугодливая Москва знаетъ и очень любитъ основанное Оливье первѣйшее и изысканнѣйшее въ Бѣлокаменной обжорно-распивочное заведеніе „Эрмитажъ“.

Опекушинъ, А. М., академикъ, — талантливый скульпторъ, прославившійся рѣдкой честью и рѣдкимъ счастьемъ быть авторомъ памятника первому на Руси народному поэту. Говоримъ о памятникѣ Пушкину въ Москвѣ, воздвигнутомъ, какъ извѣстно, по проекту и по модели г. Опекушина. Знаменательно въ этомъ случаѣ, что самъ А. М. — сынъ народа и, слѣдовательно, въ его лицѣ, народъ какъ бы воздалъ уже дань признательности поэту за то, что онъ „чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ“... Нельзя, однако, не пожалѣть, что, послѣ пушкинскаго монумента, авторъ его словно выронилъ изъ рукъ творческій рѣзецъ, судя потому, что о новыхъ произведеніяхъ г. Опекушина ничего не слышно.

Орловскій, профессоръ художественной академіи, — извѣстный пейзажистъ, въ безчисленномъ множествѣ „лѣсовъ“ котораго, „дубравъ“, „степей“, сжатыхъ и не сжатыхъ „полей“, „сѣнокосовъ“ и пр. заблудился-бы самый опытный топографъ и затерялся бы самый неутомимый „завсегдатай“ художественныхъ выставокъ. Впрочемъ, опытный глазъ легко отличаетъ полотна г. Орловскаго, по ихъ яркому, блестящему колориту, свѣжести красокъ и по какому-то, лежащему на нихъ, улыбающемуся тону черноземнаго обилія

и довольства. Ужь если на картинѣ г. Орловскаго «жатва» — такъ не менѣе, какъ самъ-тридцатъ, урожай такой, что сердце радуется; если лѣсъ — такъ „заповѣдный", съ вѣковыми деревьями, сажень въ обхватѣ, подъ сѣнь которыхъ еще и не заглядывалъ ни одинъ лѣсопромышленникъ... Удивляешься только, гдѣ даровитый художникъ находитъ на оскудѣвшей нынѣ Руси эдакіе благодатные уголки?

Орловскій, К. — недавно объявившійся на страницахъ «Русскаго Вѣстника» новый беллетристъ маркевичевско-авсѣенковской школы (Романы: «Внѣ колеи», «Блудный братъ»). Это все та-же приторная беллетристическая розовая водица, взболтанная все тѣмъ же обличительнымъ мелевомъ по адресу «либераловъ» въ «коленкоровыхъ манишкахъ»,—разница только въ томъ, что у г. Орловскаго она еще жиже, еще безвкуснѣе, чѣмъ у его учителей.

Орловъ,—пѣвецъ русской оперы, изъ категоріи тѣхъ, которыхъ слушаютъ не безъ удовольствія, хвалятъ въ антрактахъ и, главнымъ образомъ, за „добросовѣстность", но, по выходѣ изъ театра, совершенно забываютъ объ ихъ существованіи.

Орловъ, князь,—одинъ изъ популярнѣйшихъ русскихъ людей въ Европѣ, особенно въ Европѣ правящей, государственной и дипломатической. Князь—едва-ли не старѣйшій изъ современныхъ нашихъ дипломатовъ—большую часть своей службы доблестно представлялъ собою Россію, въ качествѣ посла при кабинетахъ различныхъ «великихъ державъ», и въ особенности выдвинулся, какъ вліятельный миротворецъ, какъ достойнѣйшій сынъ и слуга отечества, въ послѣднее время. Его назначеніе на высокій постъ посла при германскомъ дворѣ составило важное событіе въ международной политикѣ и было понято, какъ залогъ возстановленія нашихъ добрыхъ отношеній съ воинственными сосѣдями. Лично, какъ русскій человѣкъ, князь Орловъ принадлежитъ къ лучшимъ, благороднѣйшимъ государственнымъ людямъ преобразовательной эпохи, и всегда стоялъ за мирное развитіе, за прогрессъ и счастье Россіи, какъ это выразилось въ его замѣчательной запискѣ покойному Государю, недавно опубликованной въ «Русской Старинѣ».

Осининъ, И. Т.—свѣжевѣнчанный лавреатъ, недавно отпраздновавшій, по игривому выраженію городскаго головы, г. Глазунова, свою серебряную свадьбу съ женскимъ образованіемъ. Слѣдуя этому сравненію, г. Глазуновъ долженъ былъ сказать, что это была одновременно серебряная свадьба почтеннаго юбиляра и съ богословской наукой; но онъ этого не сказалъ, благочестиво сообразивъ во время, что тогда г. Осининъ вышелъ-бы двоеженцемъ... Несомнѣнно, однакожь, что ученое сердце г. Осинина носитъ въ себѣ нѣкоторую профессіональную раздвоенность: ученый богословъ, по призванію, влюбленный въ свою науку до того, что съ нею ему «трудно разстаться», по его выраженію, онъ въ то-же время отдаетъ большую часть своихъ силъ хлопотливому дѣлу высшаго руководженія женскимъ образованіемъ, которое еще—Богъ вѣсть!—благопотребно-ли? Судя, впрочемъ, по тѣмъ стоустымъ выраженіямъ горячей признательности, которыми были почтены и ученыя, и педагогическія заслуги г. Осинина на его юбилеѣ, слѣдуетъ заключить, что г. Глазуновъ безъ колебаній могъ-бы воздать долю хвалы и удивленія, равно счастливому и плодотворному, двойному сожительству юбиляра—и съ доброй нѣмкой-педаго-

гіей, и съ строго-каѳолической аскетской богословской мудростью.

Осокинъ — даровитый актеръ-любитель на комическія роли. Нынѣ принятъ въ александринскую казенную труппу, гдѣ и обреченъ пока на роль вполнѣ *комическую*—бездѣйствующаго за ненадобностью актера, получающаго за бездѣйствіе хорошій окладъ изъ государственнаго казначейства.

Островскій, А. Н.—Написавъ имя Александра Николаевича, можно былобы поставить точку и—на томъ кончить его характеристику. Есть имена, запечатлѣнные неизгладимыми, сверкающими буквами на живой скрижали общественной памяти, на которыя достаточно указать перстомъ, чтобы каждый мимондущій «патріотъ своего отечества», не спрашивая, почтительно склонилъ предъ ними голову. Такимъ именемъ обладаетъ и г. Островскій, которое онъ, на славу себѣ и русскому театру, выковалъ изъ чистаго золота рѣдкаго таланта и труда сорокалѣтнимъ почти, неутомимымъ и плодовитымъ творчествомъ. Его слава—не «праздничный сонъ до обѣда» вульгарной музы дюжинныхъ драматурговъ, и—не «неожиданный случай». Можно смѣло сказать, что до него у русской бытовой комедіи «не было ни гроша и—сталъ алтынъ», съ появленіемъ его чудесныхъ «семейныхъ картинъ» и «очерковъ Замоскворѣчья». Онъ первый глубоко заглянулъ въ «пучину» темнаго царства и—потрясающей «грозой» были для «волковъ и овецъ», для «шутниковъ», для Дикихъ, Кабановыхъ, Титъ Титычей, Подхалюзиныхъ, Юсовыхъ и для цѣлой толпы застарѣлыхъ самодуровъ, кулаковъ, грабителей, лихоимцевъ и сутягъ его блистательныя художественныя студіи, проникнутыя здоровымъ юморомъ и безпощаднымъ анализомъ. Подъ неотразимыми ударами сатирическаго бича мощнаго бытописателя, темное царство почувствовало, что «не все коту масляница», что для него настали «тяжелые дни» сознанія и стыда своей нравственной дикости. Заскорузлый Титъ Титычъ понялъ, что—«не такъ живи, какъ хочется», и что ему нельзя ужь отговариваться оправданіемъ самодуровъ: «грѣхъ, да бѣда на кого, молъ, не живетъ» и «свои люди—сочтемся»... Въ послѣднее время критика упрекала Александра Николаевича въ томъ, что онъ сталъ повторяться. Во-первыхъ, слѣдовало-бы прежде всего винить жизнь, упрямо повторяющую одни и тѣ-же отрицательные типы, а, во-вторыхъ, типы, первоначально воспроизведенные кистью г. Островскаго, — такіе широкіе, полные, родовые типы, что тутъ дальше идти ужь некуда, и художнику остается только оттѣнять и подмалевывать ихъ частности, подробности и разновидности. Забываютъ, что разнообразіе типовъ въ жизни весьма ограниченное, а, въ особенности, въ такой бѣдной, безцвѣтной и вялой жизни, какъ наша, и тѣмъ болѣе какъ жизнь замоскворѣцкая. Нельзя не воздать Н. А. особую хвалу за то, что онъ, въ сущности, первый создалъ у насъ истинно-національный театръ, выведя на сцену *народъ* во всей его цѣлокупности, со всѣмъ его добромъ и зломъ, съ его рѣчью, нравами и бытомъ, во всей яркости ихъ естественныхъ красокъ; кромѣ того, онъ первый далъ намъ не только отрицательные (какъ Фонвизинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь), но и *положительные* русскіе типы, имъ первымъ геніально открытые въ пучинахъ «темнаго царства».

Островскій, М. Н.—родной братъ вышеописаннаго, поддерживающій славу семейнаго имени на поприщѣ ад-

«Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ окружилъ!»

Наши знакомые.

Дозв. ценз. С.-Петерб., 9 ноября 1883 г.

Русская Графическая Мастерская М. И. Рукомитова. Старо-Петергофскій, № 10.

министраціи. М. Н. Островскій — нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ, радѣющій объ ихъ пріумноженіи и, главное, о сохраненіи въ цѣлости. Управленіе г. Островскаго, начавшееся послѣ скандалезнаго разоблаченія хищенія уфимскихъ и иныхъ государственныхъ имуществъ, знаменуетъ собою отрадное наступленіе новой эпохи въ распоряженіи этими имуществами — эпохи бережливости, строгой отчетности, умѣренности и аккуратности... Такое, по крайней мѣрѣ, сложилось въ обществѣ мнѣніе (конечно, безошибочное) о хозяйственной дѣятельности нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ.

Острогорскій, В. П.—то, что называется «душа-человѣкъ» и натура художественная: «вѣчно вдохновленный взоръ»,

Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженная рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

Занимается педагогіей и, безъ сомнѣнія, преподаетъ русскую словесность, безъ сомнѣнія, съ любовью и увлеченіемъ, и, безъ сомнѣнія, любимъ своими учениками, въ особенности-же, ученицами. Впрочемъ, всегда добродушно-веселый, неувядаемо-юный и юношески-чистый Викторъ Петровичъ равно любимъ всѣми, кто его знаетъ, а его знаютъ во всѣхъ почти петербургскихъ художественно-литературныхъ кружкахъ. Поэтъ и артистъ въ душѣ, онъ мастеръ на всѣ руки: редактируетъ журналъ «Дѣтское Чтеніе» и самъ пишетъ прелестные дѣтскіе разсказы, написалъ нѣсколько дѣльныхъ критическихъ трактатовъ, прорывается нерѣдко горячими лирическими импровизаціями, сочиняетъ комедіи и самъ въ нихъ играетъ, знаетъ толкъ въ музыкѣ и, подъ веселую минуту, среди друзей, то хватитъ за сердце задушевной «думой», то разсмѣшитъ юмористической вокальной шалостью... Душа—человѣкъ!

П.

Палечекъ —прочно акклиматизовавшійся у насъ братъ — чехъ и, повидимому, очень довольный своимъ вторымъ отечествомъ, да и отечество наше, съ своей стороны, вполнѣ довольно его усыновленіемъ. Г. Палечекъ—талантливый музыкантъ и энергическій капельмейстеръ, блестяще развившій и заявившій свои способности на службѣ петербургской русской оперѣ, въ качествѣ ея дирижера.

Пальминъ, Л. И. — даровитый московскій стихотворецъ, только безъ московскаго «отпечатка», пишетъ въ «толстыхъ» и тонкихъ журналахъ, пишетъ много и отличается ювеналовской жилкой; довольно, впрочемъ, однообразенъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, впервые на страницахъ «Искры», настроивъ «томно» лиру на «гражданскіе мотивы», подъ либерально-обличительный ладъ, г. Пальминъ такъ на этихъ мотивахъ и застылъ. И то сказать—мотивы, сами по себѣ, хорошіе, да, къ тому-жъ, иныхъ пока на Руси «пѣсенъ нѣтъ, пѣсенъ нѣтъ»... Г. Пальминъ стяжалъ себѣ еще извѣстность искуснаго переводчика иностранныхъ поэтовъ, въ особенности-же Сырокомли.

Пальмъ, А. И. — Видали-ли вы «Стараго барина» на сценѣ — этого типичнаго представителя людей сороковыхъ годовъ, благообразнаго, хорошо воспитаннаго, мягкаго, милаго и увѣтливаго, идеалиста и эстетика, по школѣ и міровоззрѣнію, сочувствующаго, впрочемъ, и новымъ прогрессивнымъ «вѣяніямъ», и «новымъ» людямъ; но, въ то-же время, слишкомъ идеалиста и слишкомъ барина, чтобы, при столкновеніи съ бурными треволненіями житейскаго моря, удержать въ рукахъ кормило и весло и не потерпѣть крушенія?.. Какъ-то, по поводу одного несчастья въ жизни г. Пальма, остроумный г. Спасовичъ, въ защиту его сославшись на его комедію «Старый баринъ», указывалъ на то, что въ лицѣ послѣдняго авторъ во многомъ изобразилъ самого себя. Имѣя удовольствіе лично знать почтеннаго Александра Инановича, можемъ подтвердить, что сходство, дѣйствительно, есть, особенно, что касается симпатичныхъ чертъ милаго «Стараго барина». Быть можетъ, будущій біографъ А. И. еще больше найдетъ автобіографическихъ очертаній его личности и жизни въ любо-

пытной хроникѣ «Слободина», напечатанной г. Пальмомъ въ „Вѣстникѣ Европы". Въ послѣднее время г. Пальмъ прославилъ себя нѣсколькими талантливыми романами и комедіями („Гражданка", „Вольные люди", „Нашъ другъ Неклюжевъ" и др.). Пробовалъ онъ счастья и въ журналистикѣ, предпринявъ годъ тому назадъ недѣльное періодическое изданіе "Театръ", которое, однако-жъ, недолго продержалось, къ сожалѣнію, и — все по той-же, свойственной «старому барину», непрактичности.

Панаевъ, Ипполитъ, — то-же, въ своемъ родѣ, „старый баринъ", только ужь больше сродни полковнику Кошкареву по мужской линіи, а по женской—Бобчинскому. Подобно сему послѣднему, захотѣлось г. Панаеву, чтобы о немъ въ столицахъ стало извѣстно, и, дѣйствительно, въ кратчайшее время его имя какимъ-то чудовищно-химерическимъ курьезомъ пробѣжало сквозь строй не только отечественной, но даже парижской прессы, при дружномъ международномъ хохотѣ. Возжелалъ г. Панаевъ прослыть философомъ и „розыскателемъ" твердыхъ „началъ раціоналистическаго міровоззрѣнія", которое „враги" его сочли, однако, за малограмотный бредъ однопредметнаго умопомѣшательства, — и прослылъ! Прослыть ему было тѣмъ легче, что онъ оказался — философъ не „безъ огурцовъ". Нахвативъ кушей съ подрядовъ и концессій, онъ не щадилъ издержекъ на печатаніе и распространеніе своего „міровоззрѣнія". Одно помѣшало его громкой славѣ—лютые „враги", которыхъ онъ встрѣчалъ всюду во всѣхъ здравомыслящихъ людяхъ, начиная съ Луи Блана, обвиненнаго имъ за это чуть-ли не въ тасканіи изъ его кармановъ носовыхъ платковъ. Нынѣ г. Панаевъ умолкъ и, вѣроятно, наверстываетъ гдѣ-нибудь въ тиши свои философскія обиды, протори и убытки на новыхъ сытныхъ подрядахъ.

Пассекъ, Т. П.—Вопреки законамъ естества и увѣренію поэта, что «не цвѣтутъ цвѣты поздней осенью», литературная слава г-жи Пассекъ прозябла и расцвѣла на склонѣ дней. Проживъ долгую, полную любопытныхъ встрѣчъ и событій жизнь, Т. П. разсказала ее въ своихъ извѣстныхъ мемуарахъ «Изъ дальнихъ лѣтъ», и—въ русской словесности стало одной хорошей книгой больше. Кромѣ литературныхъ достоинствъ, книга г-жи Пассекъ еще болѣе цѣнна, какъ живая, яркая и граціозная историческая иллюстрація къ интереснѣйшей эпохѣ въ русской интеллектуальной жизни, вообще, и къ біографіи одного изъ талантливѣйшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ людей, въ частности. Знатоки говорятъ, впрочемъ, что въ изображеніи своего главнаго героя — достопамятнаго *Саши,* г-жа Пассекъ непринужденно воспользовалась, притомъ не всегда къ его выгодѣ, неопубликованными автобіографическими записками его; но это ужь разберетъ исторія... Литературный хлѣбъ разлакомилъ г-жу Пассекъ и она предприняла изданіе дѣтскаго, на розовой бумажкѣ, журнальчика «Игрушечка», имѣющаго, однако, весьма малое литературное значеніе; правда, и издается онъ для самыхъ малыхъ дѣтокъ, которыя какъ извѣстно, не взыскательны.

Патти—очаровательнѣйшая изъ тысячи и одной сказокъ нашей театральной Шехеразады. Сказка уже разсказана и, быть можетъ, никогда ужь больше не повторится; но вспоминаніе о ней, конечно, будетъ завѣщано исторіи опернаго искусства въ Россіи.

Не будучи россіянкой, Патти, однако, сдѣлала у насъ положительно эпоху не только на сценѣ, но, быть можетъ, отчасти и во «внутренней политикѣ». Кто знаетъ, сколькимъ стремительнымъ Редедямъ смягчила она нравы своимъ елейнымъ сопрано и скольких петербургскихъ «западниковъ» заставила, дивнымъ исполненіемъ русскаго «Соловья», познать впервые сокровища народной мелодіи, полюбить отечество, подписаться на газету «Русь» и сдѣлаться добрыми патріотами?

Пахманъ, профессоръ,—извѣстный цивилистъ, обѣщающій стяжать современемъ славу россійскаго Солона. Къ этому представилась въ данную минуту весьма удобная оказія—пересмотръ нашего гражданскаго законодательства, въ которомъ г. Пахманъ принимаетъ дѣятельное и авторитетное участіе, собственно, по части теоретическаго начертанія, такъ сказать, «духа законовъ». Пока, впрочемъ, на этомъ поприщѣ лавры у него оспариваетъ весьма опасный соперникъ, почтенный профессоръ Кавелинъ. Споръ между ними большой и существенный: г. Пахманъ стоитъ за старое, техническое дѣленіе гражданскаго права на право *частное* и *публичное*; г. Кавелинъ отвергаетъ это дѣленіе, требуя, чтобы «казна» передъ судомъ поровнялась съ «обывателемъ», отказавшись отъ своихъ традиціонныхъ привиллегій... Кто побѣдитъ на практикѣ—неизвѣстно; но, конечно, патріоты склонятся на сторону г. Пахмана, ибо статочное-ли дѣло, чтобы передъ вельможнымъ господиномъ, «казеннымъ интересомъ», не пасовалъ повсечасно плебей-интересикъ какой-нибудь жалкой «платежной единицы»?

Пашино, П. И.—блаженъ мужъ, замѣчательно легкій на ходу, не взирая на хромоногость; благодаря этой способности, прослылъ за всемірнаго путешественника, и хотя, точно, объѣздилъ весь свѣтъ, «все видѣлъ, высмотрѣлъ», но любопытно то, именно, что отъ всѣхъ путешествій «на челѣ его высокомъ не отразилось ничего». Такое по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе производятъ его на рѣдкость безсодержательныя путевыя воспоминанія, за изъятіемъ развѣ тѣхъ только, довольно, впрочемъ, многочисленныхъ эпизодовъ, живо и художественно описанныхъ, гдѣ нашему «всемірному путешественнику» наносились международные побои («Туркестантскій край», «Поѣздка въ Коровье царство» и пр.) Въ послѣднее время г. Пашино не путешествуетъ, слѣдовательно, его не бьютъ и, слѣдовательно, писать ему не о чемъ. А до какой степени оскудѣлъ онъ матеріаломъ, доказывать любопытное кругосвѣтное путешествіе его послѣдняго произведенія по столичнымъ редакціямъ — это курьезныя литературныя воспоминанія, которыя г. Пашино какъ-то умудрился перепечатать поочередно въ нѣсколькихъ изданіяхъ и, вѣроятно, съ каждаго получить построчную мзду.

Пашковъ,—прослывшій подъ титуломъ «генерала-апостола», хотя и состоитъ всего лишь въ полковничьемъ чинѣ. Низложенный іереси́архъ раскассированной «новой вѣры» Сергіевской улицы. Новѣйшая интересная разновидность Манилова, порожденная барской скукой и пустотой салонной жизни на выкупныя свидѣтельства. Несомнѣнно добрый, человѣколюбивый и богоносный мужъ, но припорченный салонно-еретической неледой разныхъ заморскихъ Редстоковъ и маниловскими фанаберіями. Ежели молиться Богу, такъ непремѣнно надо сдѣлать изъ этого сенсаціонное, чревовѣщательное зрѣлище съ теат-

ральными нюансами; ежели дѣлать добро, такъ не иначе, какъ съ вывертами и «жалкими словами». Тѣмъ не менѣе, нельзя не воздать долгъ признательности г. Пашкову, что онъ, кромѣ потѣшной и изрядно соблазнительной игры въ апостольство и чревовѣщательное кликушество, сдѣлалъ таки и доброе дѣло, основавъ популярную нынѣ въ Петербургѣ „дешевую кухмистерскую".

Песковскій, М. Л.—даровитый и трудолюбивый публицистъ, принадлежащій къ непризнанному журнальному собору апостоловъ „правоваго порядка" и тому подобныхъ „славныхъ бубновъ за горами". Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, М. Л. помирился-бы и на одномъ лишь „правовомъ порядкѣ", охотно отказавшись отъ прочихъ „бубновъ", ибо умудренъ опытомъ и всегда мудро предпочтетъ осязательную для рукъ синицу, чѣмъ журавля въ небѣ, говоря вообще. М. Л.—журналистъ еще бодрый и полный силъ, но уже въ редакціяхъ посѣдѣлый: участвовалъ разновременно въ „Голосѣ" „Молвѣ", „Русскомъ Обозрѣніи", „Порядкѣ" и пр. Нынѣ работаетъ въ „Новостяхъ" и „Наблюдателѣ", а втайнѣ вздыхаетъ о своемъ педагогическомъ призваніи, которое вынужденъ былъ покинуть „по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ".

Петипа.—Артистическое семейство, дарящее столичнымъ меломанамъ уже второе поколѣніе примѣчательныхъ актеровъ. Въ настоящее время дѣйствуютъ: 1) Петипа—отецъ, славный балетмейстеръ, аккуратно, каждый почти сезонъ снабжающій большой театръ новыми, своего сочиненія, балетами, въ которыхъ всегда очень много картинъ и группъ, болѣе или менѣе живописныхъ, очень много „характерныхъ" танцевъ, очень много рутины, очень мало содержанія и еще меньше человѣческаго смысла, каковыхъ, впрочемъ, отъ балетовъ и не требуется; 2) Петипа—балерина для пластическихъ ролей, гдѣ надобны красивыя формы, настолько округленныя и осязательныя, чтобы на вооруженный глазъ любопытнаго зрителя первыхъ рядовъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ реальности; 3) Петипа—актеръ александринскаго театра, съ разнообразнымъ репертуаромъ и съ довольно упроченной будущностью. Весьма средственный драматическій любовникъ, очень недуренъ въ роляхъ фатовъ и хлыщей. Хлестакова, напримѣръ, игралъ съ успѣхомъ. Вообще, работаетъ надъ собой, любитъ искусство и несомнѣнно совершенствуется. Кромѣ этого, обладая смазливой внѣшностью, пользуется въ ложахъ всѣхъ ярусовъ репутаціей „душки" и съ честью ее поддерживаетъ.

Петровскій—одинъ изъ ветерановъ александринской труппы, о долголѣтней артистической карьерѣ котораго можно сказать кратко словами Гамлета, хотя и не въ гамлетовскомъ смыслѣ: „*Человѣкъ* онъ былъ!" Г. Петровскій—актеръ на роли лакеевъ. Игралъ какъ-то принца... аркадскаго, въ „Орфеѣ въ аду", и съ большимъ успѣхомъ.

Петровъ, Н. И., профессоръ кіевской духовной академіи,—sui generis литературный Колумбъ: лѣта отъ Р. Хр. 1880-го и въ послѣдующія открылъ, обмежевалъ и привелъ въ извѣстность никому невѣдомую до него „украинскую словесность". Просвѣщенные читатели „Историч. Вѣстника„ съ пріятнымъ изумленіемъ узнали впервые, что на свѣтѣ существуютъ не только полтавскія галушки, но и полтавскіе лирики, прозаики, драматурги и философы. На самомъ

дѣлѣ, пытливый г. Петровъ извлекъ изъ забвенія печатавшихся въ разное время на общерусскомъ литературномъ діалектѣ большею частью не мудрящихъ писателей изъ уроженцевъ поэтической Малороссіи, и—такимъ родомъ у него неожиданно создалась цѣлая „украинская литература“. Не удивимся, если, по счастливому почину остроумнаго профессора, у насъ заведутся „литературы“—костромская, пошехонская, ярославская, и т. д., включительно до французско-нижегородской.

Петровъ, П. Н.—литературный труженикъ, который неутомимо десятки лѣтъ „все пишетъ, пишетъ и ниоткуда похвалъ себѣ не слышитъ“; правда, не слышитъ также и порицаній:—общая участь компиляторовъ. Представляя собою ходячій энциклопедическій словарь, г. Петровъ—компиляторъ всеобъемлющій, скоропечатный и на всѣ руки. Составлялъ во множествѣ, поштучно, на вѣсъ и на аршины: «исторіи» (напр., «Исторію Петра В.»), «календари» (между прочимъ, календарь Гоппе), «обзоры искусствъ», «статистики», «біографіи», «лексиконы», кажется, «поваренныя книги» и даже «сонники», а если сихъ послѣднихъ, быть можетъ, не составлялъ, то только потому, что заказа такого не было.

Петровъ—весьма популярный «народникъ». Вотъ, кто въ полномъ правѣ сказать о себѣ, что народъ,—по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Петербурга съ окрестностями,—знаетъ его и горячо любитъ, а, если не его самого, лично, то его національныя, веселящія духъ издѣлія, установленныхъ градусовъ! Петровская «очищенная»—самый распространенный въ столицѣ напитокъ, и былъ-бы распространеннѣе даже невской воды, еслибъ послѣдняя, въ свою очередь, не составляла въ немъ огромной дозы; но это химическій секретъ заводчика.

Петровы, К. и П., братья, — извѣстные папиросные фабриканты, пріобрѣвшіе отчасти и литературную извѣстность своими оберточными эпистолами, въ которыхъ они многократно и краснорѣчиво увѣщали почтеннѣйшую публику—избави Богъ!—не смѣшивать ихъ съ какими-бы ни было иными Константинами и Павлами братьями Петровыми, а тѣмъ менѣе съ Сидоровыми и Карповыми. Страхъ узурпаціи своего достославнаго имени объяснялся въ гг. Петровыхъ, дѣйствительно, огромной нѣкогда распространенностью ихъ фабрикатовъ, и—если хотите—демократическая, общедоступная «петровская папироска» будетъ зачислена исторіей россійской культуры въ счетъ характеристическихъ знаменій достопамятнаго «нашего времени, когда»...

Петрушевскій, Ѳ. Ѳ., профессоръ петербургскаго университета, — ученый физикъ-естественникъ, изъ тѣхъ, которые, и по достиженіи «степеней извѣстныхъ», не выпускаютъ изъ рукъ ввѣренный имъ наукой ключъ къ тайнамъ природы и, не давая ему заржавѣть, понемножку обнажаютъ послѣднюю отъ ея густыхъ завѣсъ и покрововъ. Г. Петрушевскій, главнымъ образомъ, испытываетъ тайны электричества и, по этому предмету, написалъ не мало трактатовъ и изслѣдованій, и даже сдѣлалъ, говорятъ, нѣсколько «открытій». Пользуясь извѣстностью въ ученомъ мірѣ, онъ довольно часто искушается дешевой популярностью и среди интеллигентной „черни“: обыкновенно, публичныя лекціи профессора Петрушевскаго, въ которыхъ онъ жесткіе, малосъѣдобные плоды науки искусно приправляетъ

„Скучая миромъ, ...
Вкушаешь праздный ты покой“.

Довв. ценз. С.-Петерб., 17 окт. 1884.

общедоступнымъ, сладкимъ соусомъ увеселительной эрудиціи, входятъ въ репертуаръ обычныхъ развлеченій петербургскаго сезона... Популяризація науки, хотя-бы и увеселительная,— безъ сомнѣнія, дѣло доброе и даже патріотическое!

Писаревскій—маститый, убѣленный сѣдинами «покоющійся трудолюбецъ» журнально-литературнаго цѣха. Полковникъ генеральнаго штаба (давно отставной), г. Писаревскій принадлежалъ къ генераціи тѣхъ, увлеченныхъ духомъ времени, сыновъ Марса 50-хъ и 60-хъ годовъ, которые подъ военными доспѣхами питали совершенно цивическія наклонности и, нося мечъ на бедрѣ, для проформы и по привычкѣ, дѣятельно проливали... чернила за отечество, но никогда не проливали крови, мечтали о славѣ, но — отнюдь не Александра Македонскаго, а о славѣ литературной и гражданской. Такихъ «полковниковъ», не считая оберъ-офицеровъ, много было въ русской литературѣ и журналистикѣ, были между ними и замѣчательные. Г. Писаревскій началъ съ популяризаціи прикладныхъ наукъ и, кажется, магазинъ Вольфа до сихъ поръ рекомендуетъ просвѣщенной публикѣ, для праздничныхъ подарковъ, его «Общепонятную физику» и «Общедоступную механику», не совсѣмъ свѣжаго, но за то прочнаго и фундаментальнаго составленія. Постоянно работая въ журналистикѣ, г. Писаревскій былъ редакторомъ «Русскаго Инвалида», потомъ «Современнаго Слова», потомъ «Русскаго Міра» (издававшагося генераломъ Черняевымъ), потомъ опочилъ на лаврахъ.

Писаревъ — довольно извѣстный провинціальный актеръ, прославившійся частію и въ столицахъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что безъотлучно состоялъ при г-жѣ Стрепетовой въ періодъ восхожденія ея артистической звѣзды, нѣсколько лучей которой, естественно, упали и на него. Впрочемъ, и самъ по себѣ, г. Писаревъ—изрядный трагикъ мощнаго тѣлосложенія, «свирѣпъ лицомъ, съ яркимъ пламенемъ во взорѣ».

Пихно—одна изъ фотографическихъ, по духу, копій Каткова позднѣйшаго тисненія, отпечатавшаяся въ Кіевѣ іота въ іоту, съ нѣкоторыми лишь мѣстными варіантами. Кіевскіе физіономисты, кромѣ того, находятъ въ г. Пихнѣ большое духовное сходство съ блаженной памяти Магницкимъ, съ одного боку, и съ другаго, — съ гайдамацкимъ «ватажкомъ» Перебійносомъ. Каткова г. Пихно фотографируетъ собой по образу мыслей и направленію публицистической дѣятельности, на страницахъ издаваемаго имъ „Кіевлянина“, представляющаго, въ сущности, филіальный подголосокъ „Московскихъ Вѣдомостей“: та-же жестокая нетерпимость къ малѣйшимъ признакамъ либерализма и общественности, та-же проповѣдь полицейскихъ идеаловъ во вкусѣ Держиморды, тѣже пылкія взыванія къ «властной рукѣ» и вожделѣніе отъ нея подачекъ, въ видѣ, напр., субсидій, съ гордой похвальбой принимаемыхъ; наконецъ, то-же сердечное влеченіе къ доносамъ и возведеніе ихъ въ подвиги патріотизма и гражданской доблести. Магницкій воскресъ въ г. Пихнѣ-профессорѣ (ибо, къ ужасу будущаго историка россійскаго просвѣщенія и къ грусти современнаго почтеннаго ученаго г. Кистяковскаго, опротестовавшаго недавно ученое непотребство г. Пихно, своего бывшаго ученика, сей послѣдній, точно, профессоръ, да еще профессоръ *права!*). Г. Пихно на поприщѣ науки принадлежитъ къ „партіи“ тѣхъ „ученыхъ“ (особенно многочисленныхъ въ Кіевѣ),

которые, способствуя упадку университетской науки и университетской корпораціи, блистательно интригуютъ по службѣ, талантливо спекулируютъ и банкократствуютъ, а, случается, и къ *банкокрадствамъ* весьма близкое прикосновеніе имѣютъ (зри крахъ кіевскаго комерч. банка!). Тождественность-же г. Пихна съ героическимъ Перебійносомъ доказывается его чистогайдамацкой необузданностью и свирѣпой, слѣпой ненавистью къ „ляхамъ“ и „жидамъ“, а въ послѣднее время и къ невиннымъ мечтателямъ-украинофиламъ.

Плещеевъ, А. Н. — Справка изъ словаря Березина: „Современный русскій писатель, началъ литературное поприще стихотвореніями, въ 1846 г. издалъ томъ стихотвореній, но съ 1848 по 1855 г. былъ солдатомъ въ оренбургскомъ краѣ, потомъ поселился въ Москвѣ, выпустилъ еще два изданія стихотвореній; множество повѣстей его напечатано въ журналахъ; написалъ нѣсколько піесъ и для сцены».

Одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ русскихъ писателей, и какъ писатель, и какъ человѣкъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ и не имѣющій даже литературныхъ враговъ. Немного было и есть у насъ такихъ кристаллически-чистыхъ литературныхъ и гражданскихъ репутацій, какую составилъ себѣ и выдержалъ до склона дней почтенный Алексѣй Николаевичъ, не смотря на то, что жизнь его прошла

...средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній,

ради общественныхъ идеаловъ. За то немногіе писатели пользуются и такой популярностью. Нужно видѣть то постоянное горячее сочувствіе, съ какимъ публика всѣхъ возрастовъ встрѣчаетъ на литературныхъ чтеніяхъ, какъ лектора, типичную и маститую фигуру А. Н., съ юношески-бѣлокурой, шиллеровскаго профиля головою, озаренной мягкимъ и кроткимъ свѣтомъ того грустно-задушевнаго раздумья, которое такъ трогаетъ и въ его пѣсняхъ. Какъ поэтъ, г. Плещеевъ по преимуществу пѣвецъ гражданской печали и тоскливыхъ сожалѣній о потраченныхъ напрасно силахъ и разбитыхъ надеждахъ людей его поколѣнія; но, порой, и онъ срываетъ со своихъ унылыхъ струнъ такіе, напр., бодрые призывные звуки:

Друзья! дадимъ другъ другу руки
И дружно двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и ростетъ.

Плещеевъ, А. А. — сынъ вышеописаннаго, нѣсколько извѣстный въ журнальномъ мірѣ подъ названіемъ «маленькаго Плещеева», что довольно вѣрно и въ смыслѣ измѣренія литературнаго роста. Пріятный молодой человѣкъ, дѣятельно сотрудничающій въ «маленькой» прессѣ во всевозможныхъ увеселительныхъ родахъ, а съ нынѣшняго года угораздившійся завести и свой собственный увеселительный органчикъ: «Театральный мірокъ».

Погребовъ—весьма громкое въ Петербургѣ имя, запечатлѣнное въ исторіи нашего муниципалитета, вѣчной памяти, градскимъ головою блаженнымъ Николаемъ Ивановичемъ Погребовымъ. Недавно—увы!—это имя красовалось въ спискѣ привлеченныхъ къ суду прямыхъ участниковъ и попустителей великаго декаданса «спб. общества взаимнаго кредита» въ исаковскую эпоху, изъ коихъ—

Ахъ, сколько нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ!

Г. Погребовъ, бывшій мѣняло по профессіи, привлеченъ былъ оплакивать увлеченія «веселыхъ, молодыхъ»

«Друзья! дадимъ другъ другу руки
И дружно двинемся впередъ!»

дозв. ценз. с.-петерб., 2 ноября 1883 г.

Русская Графическая Мастерская М. Д. Рудомитова, Старо-Петергофскій, № 10.

и «на утрѣ дней» угасшихъ Бритневыхъ и Касаткиныхъ, какъ бывшій членъ правленія названнаго общества.

Пожалостинъ, И. П., академикъ,—извѣстный художникъ-граверъ, талантъ котораго, по выраженію его заказчика и біографа М. И. Семевскаго, «проявляется въ каждой складкѣ одежды, въ каждой морщинкѣ лица его портретовъ». Особенно плѣненъ тотъ-же компетентный цѣнитель искусствомъ г. Пожалостина въвоспроизведеніи военныхъ мундировъ, эполетъ, орденовъ и пр., въ чемъ, по его мнѣнію, выразился, «такъ сказать, національный характеръ» дарованія художника. Раздѣлимъ охотно съ издателемъ «Русск. Старины» и дань удивленія къ г. Пожалостину за то, что онъ, будучи сыномъ народа, самоучкой началъ рисовать и «исторгнулъ себя, силою своего таланта, изъ темныхъ нѣдръ крестьянства» (краснорѣчиво пишетъ г. Семевскій!). Г. Пожалостинъ, по профессіи,—офортистъ на мѣди и, подобно своему знаменитому учителю Іордану, блистаетъ не количествомъ, а качествомъ своихъ, дѣйствительно замѣчательныхъ гравюръ.

Познякъ, Ѳ. Ф. — натуральный комикъ-буффъ на подмосткахъ муниципальнаго «позорища». Никто и нигдѣ, со временъ вавилонскаго смѣшенія языковъ, не пользовался такъ широко драгоцѣннымъ правомъ публично молоть вздоръ и сквернословить въ точныхъ границахъ «Городоваго положенія», какъ это дѣлалъ г. Познякъ. Мало того: г. Познякъ стремился еще оградить свое словоизверженіе отъ всякой критики, выступивъ съ достопамятнымъ биллемъ объ изгнаніи газетныхъ репортеровъ изъ стѣнъ петербургской думы. Стенографированныя рѣчи г. Познякa могли-бы представить высокій филологическій интересъ: совершенно независимыя отъ правилъ логики и синтаксиса, свободныя отъ путъ знаковъ препинанія и лишенныя подлежащихъ и сказуемыхъ, онѣ послужили-бы блестящимъ образцомъ той примитивной формы человѣческаго слова, когда оно только-что стало переходить изъ блеянья въ членораздѣльные звуки.

Полежаевъ, П. В. — представитель литературныхъ сиротъ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ казанскими сиротами. Жертва «любви несчастной» къ письменности и исторіи, г. Полежаевъ — круглый литературный неудачникъ и какъ сочинитель, и какъ журналистъ, профершпилившійся на изданіи мизернаго, непризнаннаго журнальчика «Историческая Библіотека». Только въ послѣднее время этотъ бѣдный сиротка нашелъ радушное гостепріимство своимъ «историческимъ повѣстямъ» и «стихотвореніямъ» въ журнальныхъ сиропитательныхъ ясляхъ, ежемѣсячно издаваемыхъ, для собственнаго развлеченія и къ крайнему недоумѣнію любителей россійской словесности, М. И. Филипповымъ, подъ названіемъ—«Вѣкъ.»

Полевой, П. Н.—извѣстенъ, какъ *сынъ* знаменитаго Полеваго, унаслѣдовавшій отъ отца литературное трудолюбіе и издательскую предпріимчивость. Бывшій профессоръ русской словесности, написавшій по ея исторіи дѣльное руководство, нынѣ П. Н. Полевой подвизается, главнымъ образомъ, въ искусствѣ «составленія», редактированія и издательства разныхъ ходкихъ произведеній печати, рекомендаціей которыхъ должно служить то, что г. Полевой—человѣкъ хорошо образованный и очень начитанный. Съ прошлаго года г. Полевой издаетъ журналъ «Живописное Обозрѣніе» отличающійся подъ его редакціей безупречной литературностью, и, кромѣ

того, положилъ начало своеобразному художественному откупу: онъ скупаетъ у лучшихъ живописцевъ право на исключительное изданіе снимковъ съ ихъ картинъ и, такимъ образомъ, если ему Богъ поможетъ, монополизируетъ въ будущемъ все россійское художество.

Полетика, В. А.—типъ добраго, умнаго, просвѣщеннаго интеллигента-барина; какъ общественный дѣятель,—человѣкъ двухъ карьеръ и двухъ репутацій. По призванію, талантливый «дѣлецъ»—ловкій, оборотливый мастеръ «проводить дѣла», создавать большія промышленныя предпріятія и быстро, поамерикански, наживать съ нихъ большіе куши. По волѣ неисповѣдимыхъ судебъ, а отчасти по коварству г. Трубникова, случайный журналистъ-издатель купленныхъ у послѣдняго за баснословную сумму «Биржевыхъ Вѣдомостей», перекрещенныхъ потомъ въ «Молву», подъ каковымъ именемъ газета эта и скончалась отъ истощенія, къ душевному прискорбію либеральной партіи. Находчивый и счастливый дотолѣ заводчикъ, Василій Аполлоновичъ прошелъ по журнальному поприщу какимъ-то злополучнымъ Лиромъ: онъ отдалъ всего себя, всѣ свои средства неблагодарной къ нему журналистикѣ, твердо и честно несъ знамя прогресса и «правоваго порядка» и, не смотря на все это, вынужденъ былъ закрыть лавочку, а, затѣмъ, снова возвратиться на арену промышленной предпріимчивости для поправленія своихъ обстоятельствъ. Нужно отдать справедливость, В. А. вынесъ свой журнальный искусъ съ большимъ достоинствомъ, и—его неудача стоитъ иного успѣха. Не измѣняя своему благодушію, философически покуривая свою трубочку съ жуковымъ табачкомъ, онъ раззорялся вполнѣ поджентльменски, и—то обстоятельство, что раззорялся онъ здѣсь на благое дѣло распространенія въ отечествѣ свѣта истины, добра и знанія, составляетъ его несомнѣнную общественную заслугу. Г. Полетика—самъ писатель и, кромѣ того, пользуется извѣстностью краснорѣчиваго, дѣльнаго оратора. Нынѣ онъ пристроился къ компаніи братьевъ Нобель, по воздѣлыванію бакинской нефти, и не ропщетъ на судьбу.

Половцовъ, В. А.—сенаторъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и свѣдущихъ; въ благодарной памяти современниковъ стоитъ въ ряду тѣхъ полномочныхъ Гарунъ-аль-Рашидовъ, которые входили въ составъ послѣдней знаменитой сенаторской ревизіи, пролили обильный елей сладкихъ надеждъ на «улучшеніе быта» въ самарско-оренбургскія, козловско-воронежскія и иныя унылыя сердца и обогатили россійскую оффиціальную литературу новымъ, значительно дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ тысячи и одной сказокъ о томъ, «кому на Руси жить хорошо», а также—кому и не хорошо... Чудныя сказки эти до сихъ поръ не опубликованы. Сушь и проза сенатскаго законовѣдѣнія не исключаютъ въ г. Половцовѣ любителя художествъ съ изящнымъ вкусомъ, а его салонъ считается однимъ изъ самыхъ фешіонебельныхъ и элегантныхъ въ столичномъ бо-мондѣ.

Половцовъ А. А.—диллетантъ-исторіографъ, которому принадлежитъ честь, вмѣстѣ съ другими «учредителями», основанія «Императорскаго Историческаго Общества», въ короткое, сравнительно, время обогатившаго отечественную исторію тридцатью тремя томами «Сборника» матеріаловъ, и—что ни томъ, то спасибо, за толщину, содержательность и старатель-

Кузнечикъ-музыкантъ.

«Подъ бременемъ безплодныхъ лѣтъ
Изныло мой духъ, увяла радость...»

ность изданія! Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ «Общества», г. Половцовъ былъ долгое время секретаремъ его, а нынѣ состоитъ предсѣдателемъ, усердно содѣйствуя и личными архивными изысканіями вящему процвѣтанію этого почтеннаго учрежденія.

Полонскій, Л. А., статскій совѣтникъ и публицистъ, — редакторъ издатель существующей, но безмолвствующей газеты «Страна», въ которой игралъ роль фланговаго делибаша авангарда либерализма — роль выдающуюся, но рискованную и не всегда благодарную, въ чемъ, вѣроятно, и убѣждается нынѣ съ горечью. Впрочемъ, роль—ролью, но, на самомъ дѣлѣ, г. Полонскій, при всей смѣлости своихъ оппозиціонныхъ аллюровъ, по натурѣ и по складу, скорѣе осмотрительный, разсчетливый Улиссъ, чѣмъ воспѣтый поэтомъ, пылкій и отчаянный делибашъ, во что бы ни стало рвущійся «къ лавѣ». Это сказывается даже въ его пропорціонально-симметрической фигурѣ, въ его благолѣпной лысинѣ академическаго стиля, въ товкомъ, дипломатичномъ взглядѣ холодныхъ глазъ, въ сдержанныхъ, мягкихъ манерахъ. Такія фигуры въ заграничной оправѣ называются парламентарными; у насъ-же, по недоразумѣнію, сходятъ иногда за трагическія, тогда какъ это просто—благодушные «резонеры». Какъ публицистъ, г. Полонскій — публицистъ несомнѣнно умный, свѣдущій и талантливый. Онъ давно работаетъ въ журналистикѣ, но составилъ себѣ имя, главнымъ образомъ, въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ нѣсколько лѣтъ кряду велъ «внутреннее обозрѣніе», въ отмѣнно либеральномъ направленіи и съ блестящимъ мастерствомъ. Съ такимъ-же мастерствомъ, завоевывая вниманіе публики смѣлыми летучими экскурсіями въ область «правоваго порядка», повелъ онъ, за собственный рискъ, и свою газету; но... журнальная смѣлость такая штука, что иной разъ города беретъ, а иной —на «предостереженіе» наскакиваетъ. Г. Полонскій составилъ себѣ извѣстность и въ беллетристикѣ — нѣсколькими своими разсказами, умно и изящно написанными.

Полонскій, Я. П., — едва-ли не самый старѣйшій изъ существующихъ нашихъ лириковъ. Уже сорокъ лѣтъ онъ, говоря стихомъ Дмитріева,

Томно строитъ лиру —
Пѣть скорбь, объявшу духъ...

И точно, лира Якова Петровича очень часто пѣла скорбь, но только не «гражданскую» въ рутинномъ смыслѣ слова, а ту «томную», мечтательно-неопредѣленную, романтическаго оттѣнка, которая возноситъ задумчивый взоръ къ звѣздамъ и вздыхаетъ объ идеалахъ вѣчной красоты. Въ такомъ жанрѣ у г. Полонскаго множество прелестнѣйшихъ стихотвореній; но онъ не отворачивался и отъ юдоли земной, съ ея плачемъ и скверной, облекая ихъ реальныя явленія въ красивыя, причудливыя одежды изъ легкой серебристой дымки своей богатой фантазіи. Такова, между прочимъ, его чудесная поэтическая шутка «Кузнечикъ-музыкантъ», поэма «Ночь въ Лѣтнемъ саду» и проч. Неподражаемъ онъ также въ изображеніи природы, воспроизводя ея картинки сквозь душевную призму какого-то тихаго, раздумчиваго созерцанія. Кромѣ стиховъ, Я. П. много написалъ повѣстей въ прозѣ изъ современной жизни, выказавъ въ нихъ недюжинный беллетристическій талантъ. Лучшимъ считается его романъ «Признанія Сергѣя Чалыгина».

Поповицкій, А. И., — издатель-редакторъ «Церковно-Общественнаго

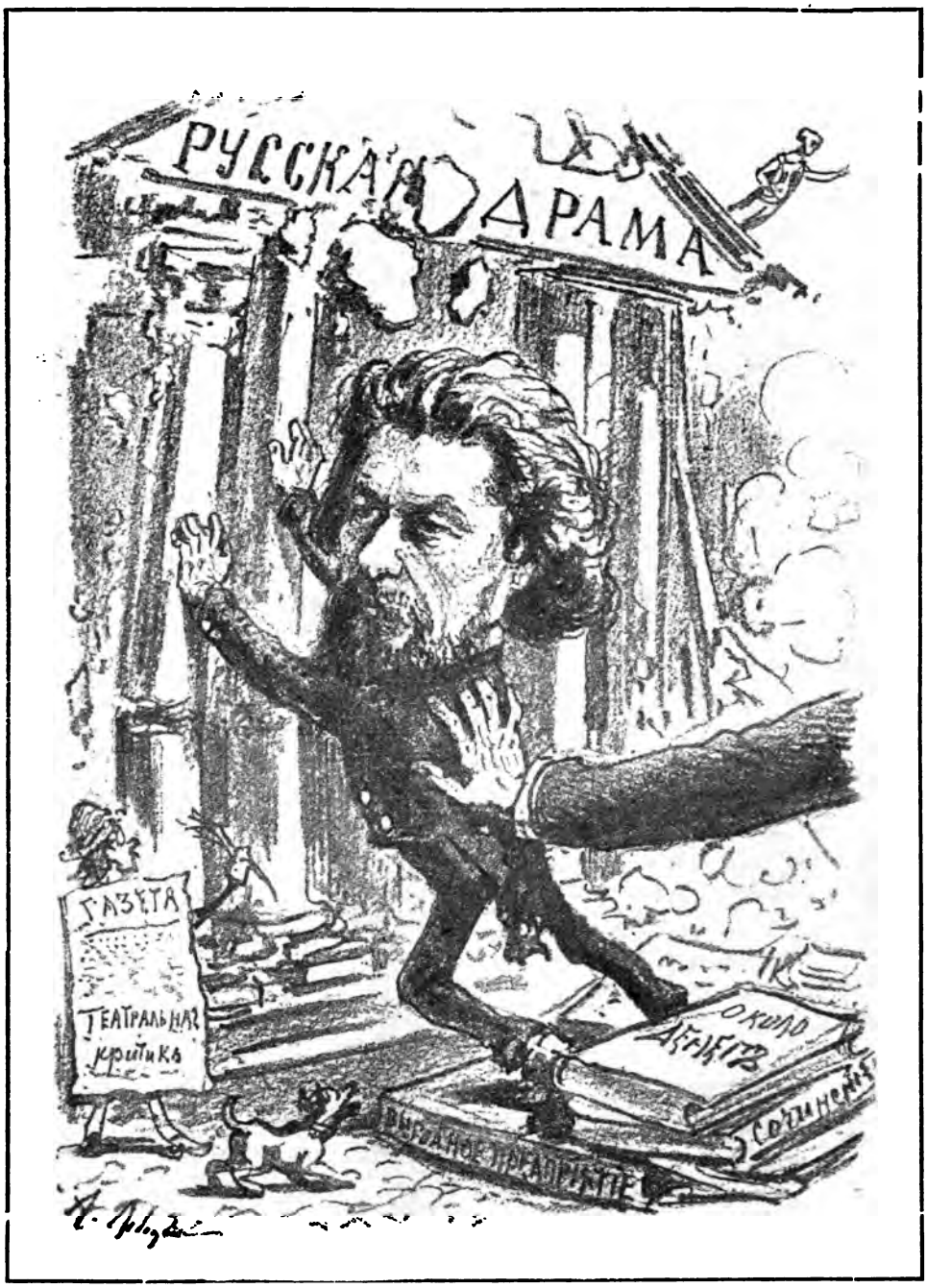
Вѣстника», симпатичный, свѣжій и благолѣпный старецъ, ничего византійско-аскетическаго въ себѣ не заключающій. Отъ «Европы» не открэщивается, отъ цивилизаціи не отплевывается, науку и прогрессъ не предаетъ анаѳемѣ, будучи самъ знающимъ, просвѣщеннымъ человѣкомъ. Чего-жъ больше для того, чтобы стяжать обвиненіе въ «нигилизмѣ» съ фарисейскихъ устъ изувѣровъ печати, въ родѣ гг. Елагиныхъ, Мещерскихъ и т. п.?! Порадуемся, что клэуза эта не причиняетъ, повидимому, никакого ущерба ни цвѣтущему здоровью г. Поповицкаго, ни заслуженному успѣху его газеты, трезво и дѣльно разрабатывающей церковные вопросы на широкой общественной почвѣ, насколько, впрочемъ, она у насъ дѣйствительно широка.

Поповъ, адмиралъ,—имя, которое въ потомствѣ сдѣлается положительно библейскимъ, такъ что нетвердые въ исторіи интеллигенты станутъ смѣшивать адмирала Попова, съ одной стороны, съ патріархомъ Ноемъ, съ другой—съ пророкомъ Іоной. Дѣло въ томъ, что въ исторіи мореплаванія навсегда и въ равной степени останутся непостижимыми и чудесно-загадочными три великихъ эксперимента генія человѣческаго, вспомоществуемаго промысломъ Божіимъ: 1-е, конструкція и «водоизмѣстимость» Ноева ковчега: 2-е, плаваніе Іоны во чревѣ кита; и 3-е, возможность реальнаго бытія фантастической «поповки»... Маленькая только разница есть между этими чудами: первыя два изъ нихъ, по свидѣтельству Библіи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, между тѣмъ какъ «поповка», не взирая на лестное свидѣтельство благодарныхъ англійскихъ и голландскихъ инженеровъ, все еще признается профанами очень дорого-стоющей кораблестроительной фантазіей.

Поповъ—извѣстная чайная фирма, торгующая необыкновенно «высокими» и «душистыми» Лянъ-Синами и Санъ-Синами съ собственныхъ подмосковныхъ... то, бишь: — китайскихъ плантацій. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ самая фирма г. Поповыхъ въ изданномъ ею дѣльномъ сочиненіи «О чаѣ» (1870 г.).

Португаловъ, Веніаминъ, хотя точнѣе было бы называть его «Іосифомъ прекраснымъ», такъ какъ питаетъ въ себѣ незыблемое врачебно-гражданское цѣломудріе, вотще искушаемое земскими управами, беззаботными по части народной гигіены. Извѣстный земскій врачъ, болѣе извѣстный какъ врачъ-публицистъ и «народникъ», любовно мечтающій о томъ, чтобы въ каждой веси была воздвигнута своя врачебная управа, а у каждаго «мужика» имѣлась своя домашняя аптека и состоялъ свой домашній докторъ. Во всякомъ случаѣ, г. Португаловъ — нельзя не отдать справедливости—много и основательно потрудился по разработкѣ насущныхъ вопросовъ о сохраненіи народнаго здравія, которое и по сіе время предоставлено у насъ, большею частью, на волю Божью.

Посьетъ, К. Н., —министръ путей сообщенія, съ конца 70-хъ годовъ. До вступленія на этотъ важный постъ г. Посьетъ проходилъ морскую службу и принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ и заслуженныхъ нашихъ моряковъ, прежней блистательной школы, питомцамъ которой исторія нашего флота обязана столькими славными страницами. Г. Посьетъ во флотѣ дослужился до ранга адмирала и былъ удостоенъ высокой чести — состоять воспитателемъ Е. И. В. великаго князя Алексѣя Александровича, нынѣшняго генералъ-адмирала. На постѣ министра путей сообщенія г. Посьетъ пред-



Новый Атлантъ для поддержанія русской драмы... Поддержитъ-ли?

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 1903

принялъ рядъ существенныхъ административныхъ мѣропріятій, преимущественно въ области желѣзнодорожнаго дѣла. При немъ же приведены въ исполненіе и капитальныя сооруженія по усовершенствованію водяныхъ сообщеній, какъ, напр.: ладожскій каналъ Императора Александра II, Александровскій мостъ на Невѣ, Петербургскій портъ съ морскимъ каналомъ, и пр.

Потанинъ—не особенно извѣстный, однако-же солидный писатель-этнографъ, по достоинству оцѣненный географическимъ обществомъ за свои труды по изученію далекаго Сѣвера. Въ глазахъ своихъ земляковъ имѣетъ еще одно спеціальное достоинство—то, что онъ сибирякъ и, слѣдовательно, пріумножаетъ собою счетъ знаменитостей, составляющихъ «гордость» Сибири... Мы ровно ничего не имѣемъ противъ сооруженія, въ такомъ вкусѣ, особаго сибирскаго Пантеона, а также и противъ помѣщенія въ его стѣнахъ почтеннаго г. Потанина.

Потѣхины — благословенное семейство, состоящее изъ многочисленныхъ братьевъ, племянниковъ и племянницъ, подвизающихся съ бо́льшимъ или мѣньшимъ успѣхомъ на различныхъ поприщахъ искусства и практики во славу отечества, вообще, и Костромской губерніи (ихъ родины), въ особенности, но, при всемъ томъ, не забывающихъ и о себѣ лично. Замѣчательно, что въ распредѣленіи своей семейной славы гг. Потѣхины соблюдаютъ патріархальный порядокъ первородства.

Такимъ образомъ, наибольшей извѣстностью, но также наибольшей даровитостью и заслуженностью отличается между ними старшій братъ — *Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ*, авторъ множества повѣстей, романовъ и драматическихъ пьесъ, составившихъ въ совокупности восемь томовъ его «полнаго собранія сочиненій». Какъ беллетристъ, А. А. преимущественно силенъ и удачливъ въ изображеніи народнаго быта, гдѣ онъ полный хозяинъ, по мѣткости и реальности наблюденій; его драматическія пьесы, въ большинствѣ, носятъ отпечатокъ нѣкоторой искусственности и тенденціозности, всегда, впрочемъ, либеральной; но между ними есть и такія, которыя, яркой оригинальностью характеровъ и жизненностью драматическихъ мотивовъ завоевали себѣ прочное положеніе въ репертуарѣ русскаго театра (напр., «Около денегъ» — пьеса, передѣланная изъ романа того-же имени). Страстный театралъ и художникъ въ душѣ, А. А. далъ уговорить себя принять скользкія, эластическія бразды управленія русскимъ казеннымъ драматическимъ театромъ, и — въ кратчайшее время нажилъ себѣ столько ожесточенныхъ враговъ и хулителей въ прессѣ и среди актеровъ, сколько ихъ можетъ имѣть человѣкъ, попавшій подъ перекрестный огонь сотни мелочныхъ самолюбій, эгоистическихъ притязаній, капризовъ и сплетенъ, гдѣ, при всемъ добромъ желаніи со всѣми ладить, нѣтъ возможности «на всякое чиханье наздравствоваться» — просто, по законамъ естества. Какъ человѣкъ новый на этомъ горючемъ постѣ, А. А., конечно, не могъ избѣжать ошибокъ и промаховъ, но онъ, безспорно, внесъ въ это дѣло искреннюю любовь къ искусству, пылкое желаніе поднять русскій театръ на подобающую высоту, и — пока еще никакъ нельзя сказать, чтобы «благія начинанія» г. Потѣхина попали въ коллекцію тѣхъ тщетныхъ добрыхъ намѣреній, которыми, говорятъ, адъ устланъ.

Слѣдующій, по старшинству и по размѣру извѣстности, выдвигается среди Потѣхиныхъ — ходкій, распространенный драматургъ *Николай Антиповичъ Потѣхинъ*, ставшій притчею во языцѣхъ и козломъ искупленія за общіе грѣхи новѣйшей безвкусной «вульгаризаторской» драматической школы, начало которой положилъ покойный Дьяченко, а послѣднее слово» ея сказалъ г. Аверкіевъ своей вульгарнѣйшей драмой «Трогирскій воевода», такъ что отнынѣ и вся школа сія, вѣроятно, назовется *трогирскою* или-же трогирско малафѣевскою. Козломъ же искупленія собратій по перу Н. А. сталъ потому, что на его долю выпалъ наибольшій успѣхъ, да, пожалуй, онъ и талантливѣе всѣхъ «вульгаризаторовъ», хотя, строго говоря, онъ не — драматургъ, а только ловкій, искусный, отлично приспособившійся и къ сценѣ, и къ «райку», и къ капризамъ сезона, фабрикантъ и поставщикъ мелодраматическихъ «піесъ», всегда сценичныхъ, всегда въ мѣру преисполненныхъ эффектныхъ картинокъ разнообразнаго, галантерейнаго прелюбодѣянія, удачно скроенныхъ изъ повыдерганныхъ отвсюду лоскутковъ чужаго творчества, но въ которыхъ очень мало авторской оригинальности и живыхъ наблюденій дѣйствительности. Таковы, между прочими, пьесы г. Потѣхина: — «Мертвая петля» и «Злоба дня», имѣвшія большой успѣхъ, и — «Богатырь нашего вѣка» и «Мученики любви», потерпѣвшія большое фіаско, хотя жестокая критика равно всѣхъ ихъ нанизала на одну и ту-же острую иглу язвительнаго порицанія.

Третій, по нисходящей линіи, *Потѣхинъ — Павелъ Антиповичъ* избралъ для своей дѣятельности благодарное поле адвокатуры, на которомъ лавры попадаются, правда, рѣдко, но за то въ изобиліи произрастаютъ жирные «куши», величиной подъ часъ—чтобъ не соврать— въ фабулёзный «римскій огурецъ» дѣдушки Крылова. И точно, П. А. Потѣхинъ, не смотря на свою талантливость и краснорѣчіе, лестной славы не нажилъ и даже—случалось — изобличался въ постыдномъ «прелюбодѣяніи мысли» (знаменитѣе всего въ этомъ отношеніи его крючкотворскій экспериментъ въ водопроводномъ дѣлѣ); но «кушей» — съ «римскій» огурецъ» — сорвалъ и срываетъ себѣ на потребу количество немалое, сколько можно припомнить, напр., о размѣрѣ «гонорара», полученнаго имъ съ знаменитаго Овсянникова за ссылку сего послѣдняго въ мѣста отдаленныя, вопреки, впрочемъ, ходатайству г. Потѣхина.

Объ остальныхъ Потѣхиныхъ кратко скажемъ, что всѣ они на отличной дорогѣ, но пока до титула достославныхъ знаменитостей нашихъ дней еще не дотанцовались.

Праведный, зубной врачъ,—въ самомъ дѣлѣ праведный, поскольку это возможно для врача, вообще, и для зубнаго, въ особенности. Г. Праведный — древнѣйшій изъ петербургскихъ дантистовъ и въ свое время рвалъ зубы съ такимъ трудолюбіемъ, искусствомъ и даже съ благотворительностью, что многіе простодушные паціенты считали его фамилію безъ каламбура благопріобрѣтеннымъ почетнымъ эпитетомъ, по крайней мѣрѣ — до личнаго съ нимъ знакомства.

Прангъ — замѣчательно сохранившійся, съ розовыми щеками, старецъ, годящійся для модели купидона, если-бы только купидонъ былъ сѣдъ и носилъ бороду. Менѣе замѣчателенъ, какъ архитекторъ; едва-ли не зна-

менитѣйшимъ произведеніемъ его архитектурнаго творчества была памятная, на подобіе половинки разрѣзаннаго вдоль турецкаго барабана, тріумфальная арка для встрѣчи гвардіи, возвращавшейся изъ Санъ-Стефано въ 1878 г. Тѣмъ не менѣе, г. Пранга навѣрно знаетъ лично пол-Петербурга, страхующаго свое имущество отъ огня. Онъ—страховой архитекторъ и, если не совсѣмъ можетъ быть твердъ въ различеніи стилей, зато непогрѣшимъ въ оцѣнкѣ недвижимостей и движимостей.

Премацци—извѣстный художникъ-жанристъ, преимущественно-же миніатюристъ. Есть художники—льстецы, съ особенной любовью изображающіе портреты Меценатовъ; г. Премацци въ этомъ отношеніи весьма оригиналенъ:—онъ пишетъ не самихъ Меценатовъ, а стѣны ихъ чертоговъ, и съ такимъ артистическимъ тщаніемъ, съ такой изумительной точностью въ воспроизведеніи мебели, утвари и всего убранства, и, притомъ, съ такимъ торжественнымъ блескомъ, что каждая его въ этомъ родѣ картинка просто—какая-то хвалебная ода богатству, роскоши и эпикурейству.

Пржевальскій, Н. М.—нашъ россійскій Васко-де-Гама, по смѣлости и чудесности своихъ путешествій въ невѣдомыхъ странахъ Азіи; что-же касается ихъ научно-практическихъ результатовъ, то извѣстно, что г. Пржевальскій, богатствомъ своихъ наблюденій и коллекцій, затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Мало того: онъ, по нашему мнѣнію, затмилъ и многихъ прославленныхъ паче мѣры завоевателей не только потому, что, съ „командой“ въ 3½ казака, заставилъ чуть не всю китайскую имперію уважать себя и, прослывъ среди азіатовъ за сверхъестественнаго русскаго богатыря, могъ-бы, пожалуй, безъ труда покорить мимоходомъ одно, другое ханство; но, главнымъ образомъ, потому, что онъ, безъ грома и звона, широко раздвинулъ мирныя завоеванія русской науки, которыхъ ужь никакіе супостаты не отымутъ и на защиту которыхъ не нужно тратить ни одного солдатика.

Пржевальскій—московскій присяжный повѣренный высшаго сорта, братъ вышеописаннаго; тоже прославился на свой ладъ завоеваніями, вопервыхъ, добрыхъ „кушей“ въ новѣйшихъ муромскихъ лѣсахъ, какъ называетъ г. Щедринъ дебри адвокатской практики, и, во-вторыхъ, чувствительныхъ къ адвокатскому краснорѣчію дамскихъ сердецъ, какъ засвидѣтельствовалъ извѣстный скандалезно-романическій процессъ одной „страшно-близорукой“ дѣвы, пытавшейся подстрѣлить коварнаго г. Пржевальскаго, но чуть было не ухлопавшей, по близорукости, его невиннаго помощника. Конечно, былъ молодцу не укоръ.

Пржецлавскій, О. А. — древнѣйшій ветеранъ цензуры (главнымъ образомъ, по польской прессѣ), петербургскій старожилъ, едва-ли не послѣдній изъ очевидцевъ знаменитыхъ „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“, а также тѣхъ славныхъ “свѣжихъ преданій“, которымъ теперь „вѣрится съ трудомъ“ (нельзя сказать, чтобы съ очень ужь большимъ). Примѣчательно, что г. Пржецлавскій не только много жилъ и много видѣлъ, но и имѣетъ свои воспоминанія, особенно интересныя что касается «покойной (?) цензуры», въ «біографіи» которой онъ, по его выраженію, «вправѣ считать себя вполнѣ свѣдущимъ». Какъ и многіе другіе достославные дѣятели цензуры, г. Пржецлавскій предварительно испыталъ ея дѣйствіе на себѣ: ему принадлежитъ честь осно-

ванія первой, по времени, польской газеты въ Петербургѣ («Tygodnik»), которую онъ, съ благословенія и при содѣйствіи знаменитаго Мицкевича, издавалъ съ 20-хъ по 50-е годы, пока не предпочелъ поступить въ главное управленіе по дѣламъ печати. Излишне говорить, что находчивая редакція «Русской Старины» выжала изъ г. Пржецлавскаго всѣ его «воспоминанія» до послѣдней капли, и тѣмъ повергла его въ полное безмолвіе.

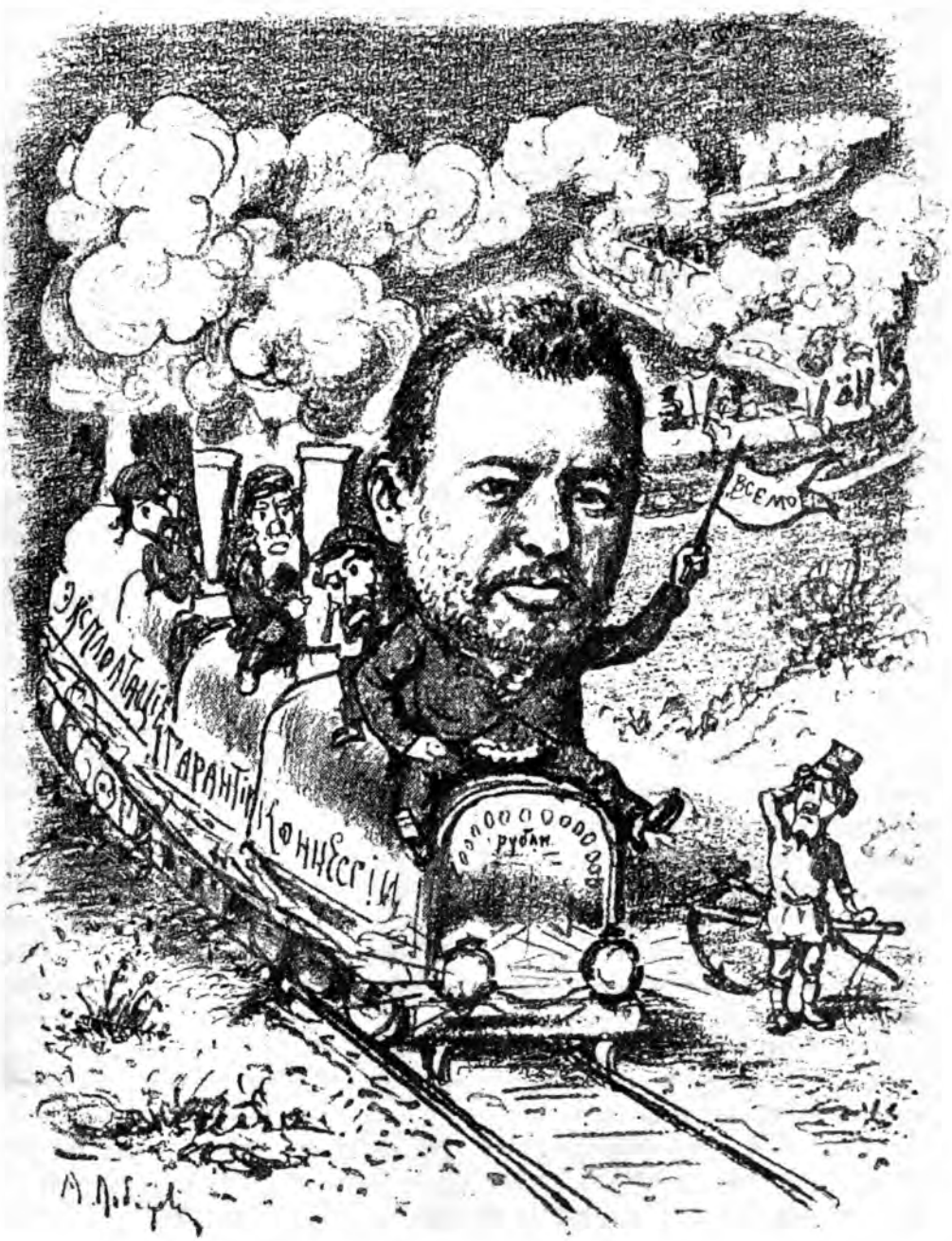
Прибытковъ — редакторъ-издатель курьезнаго «загадочнаго» листка «Ребусъ», въ которомъ, дѣйствительно, все *загадочно* и химерично: и тайна его существованія, и его статьи о какой-то спиритической чертовщинѣ, и конструкція его стиховъ, и самая его грамматика. Самъ г. Прибытковъ — неразрѣшимѣйшая, въ литературномъ отношеніи, загадка: кто подозрѣваетъ въ немъ «матеріализованно» Мартына Задеку, кто—«говорящую машину» изъ музея Лента, а кто того даже мнѣнія, что никакого Прибыткова нѣтъ, а это просто —замысловатая шарада, пущенная для „разбитія мыслей“ праздныхъ умовъ.

Пригожій—еще недавно былъ, точно, очень пригожій и ловкій мужчина, о которомъ можно было сказать, не кривя совѣстью, что онъ, по части художествъ, „и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ“. Довольно извѣстный актеръ, музыкантъ, антрепренеръ и, отчасти, даже обруситель, такъ какъ самоотверженно, но не безъ казенной, однако, субсидіи, содержалъ русскій театръ въ Вильнѣ.

Приклонскій — даровитый московскій публицистъ, обратившій на себя вниманіе своими бойкими «внутренними обозрѣніями» въ журналѣ «Русская Мысль». Г. Приклонскій и хорошій этнографъ, заявившій себя съ этой стороны дѣльной книги «Народная жизнь на Сѣверѣ», въ которой, разсказавъ свои личныя безъотрадныя наблюденія надъ разнообразными видами «прижимки» мужичка, помножилъ собою, такимъ образомъ, ряды литературныхъ «печальниковъ горя народнаго».

Протопоповъ—есть такой критикъ, о которомъ можно сказать: „не велика птичка, да ноготокъ остеръ“. Обладая „ноготкомъ“ остроумія и такою же пропорціей эрудиціи, г. Протопоповъ преисполненъ за то неустрашимости и отваги если не богатыря, то, во всякомъ случаѣ, новорожденнаго здороваго младенца, безтрепетно и рѣшительно изрекающаго свои критическія „бя-бя-бя-ки“ о чемъ угодно и чаще всего о томъ, въ пониманіи чего младенецъ-критикъ невиненъ, какъ ангельчикъ. Такая „независимая“, смѣлая и бойкая „критика“ допускается, для увеселенія страницъ, и въ солидныхъ „толстыхъ“ журналахъ (каковы, напр., „Отеч. Записки“ и „Дѣло“); нужно только, чтобы критикъ-ангельчикъ понаторѣлъ „бякать“ въ чертѣ „направленія“ и умѣлъ потрафлять во вкусъ и въ мысли своихъ редакціонныхъ принципаловъ; что-же касается знанія и серьезнаго изученія критикуемыхъ литературныхъ явленій, такъ, вѣдь, на то есть „скучные“, ископаемые, младенцами не читаемые, ученые Гроты, Пыпины, Сухомлиновы и имъ подобные „отсталые буквоѣды!“.

Пругавинъ — сочинитель, молодой, но—изъ раннихъ; заявилъ себя серьезнымъ, по непосредственнымъ наблюденіямъ, изученіемъ нашего сектантства, преимущественно—его раціоналистическихъ фракцій. Его живые объ этомъ предметѣ разсказы, проникнутые народолюбіемъ и либерализмомъ, хорошо извѣстны читателямъ газетъ.



Дозв. ценз. с.-Петерб., 17 окт. 188

Путилинъ—знаменитость почти легендарной, притомъ, ужасающей репутаціи, какъ нѣкій, закутанный въ зловѣщее ,,гороховое пальто", пронзительный ,,сердцевѣдецъ", вездѣсущій, всевидящій и всезнающій, особенно что касается дурнаго поведенія неблагонадежныхъ обывателей. Извѣстный дѣятель сыскной полиціи; въ настоящее время, кажется, не у дѣлъ, а, впрочемъ, аллахъ его вѣдаетъ.

Пушкаревъ — писатель, стихотворецъ изъ плеяды обличительныхъ Гейне и Беранже, взлелѣянныхъ покойной ,,Искрой". Въ послѣднее время г. Пушкаревъ скудный удѣлъ поэта промѣнялъ на обезпеченное положеніе издателя и, кажется, съ отличнымъ для себя профитомъ, издаетъ въ Москвѣ иллюстрированный, ученолитературно-юмористическій журналъ ,,Свѣтъ и Тѣни", довольно, однако-жь, плоховатый.

Пясецкій, докторъ,—знаменитость довольно обоюдоострая. Дивилась публика на любопытныя китайскія коллекціи г. Пясецкаго, дивилась и на его скандалезную полемику съ полковникомъ Сосновскимъ, его начальникомъ и товарищемъ по путешествію въ Китай. Кто изъ нихъ двухъ правъ, кто виноватъ,—рѣшитъ, говорятъ, судъ; но, на глазомѣръ простаго наблюдателя, казалось, что г. Пясецкій—ловкій и коварный Іаковъ, а г. Сосновскій—простодушный Исавъ, неощутительно для себя пропустившій межъ пальцевъ свое принципальство въ пріобрѣтеніи славы россійскаго Ливингстона, и теперь, спохватившись, закричавшій по этому поводу «караулъ»!. Конечно, какъ для публики, такъ и для интересовъ географіи споръ этотъ не имѣетъ никакого значенія, особенно, когда выставка г. Пясецкаго —хороша и когда онъ докажетъ, что въ книгѣ его не все «наврано», какъ утверждаетъ его противникъ.

Пятковскій, А. П.—извѣстный писатель, журналистъ, педагогъ, отчасти филантропъ и, при всемъ томъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. На поприщѣ педагогіи г. Пятковскій былъ преподавателемъ русской словесности, писалъ педагогическія статьи и предпринялъ, по сіе время благополучно имъ издаваемый, педагогическій журналъ «Народная школа». Въ филантропіи онъ заявилъ себя, какъ ревностный попечитель и директоръ перваго въ Россіи пріюта для арестантскихъ дѣтей. Въ литературѣ А. П. подвизался, втеченіе своего 25-ти лѣтняго безпорочнаго ей служенія, и какъ историкъ (Опытъ исторіи воспитательнаго дома, «Очерки исторіи русской журналистики»), и какъ критикъ, и какъ стихотворецъ и какъ фельетонистъ. Принадлежа къ поколѣнію прогрессистовъ 60-хъ гг., А. П. писалъ преимущественно въ либеральныхъ органахъ (въ «Современникѣ», «Дѣлѣ», «Отечествен. запискахъ», «Вѣстникѣ Европы» и пр.), что, однако-жь, не препятствовало ему и быстро подвигаться по табели о рангахъ на службѣ въ канцеляріи Гос. Совѣта. Въ недавнее-же время г. Пятковскій основалъ свой собственный ежемѣсячный органъ умѣренно-прогрессивнаго направленія, «Наблюдатель», и, повидимому, авансируетъ въ издательствѣ съ такимъ-же не шибкимъ, не ослѣпительнымъ, но ровнымъ и солиднымъ успѣхомъ, какимъ отличается и вся его многосторонняя карьера.

Пыляевъ, М. И.—новѣйшая любопытная разновидность купеческаго типа, тронутаго дѣйствіемъ цивилизаціи. Мягкая, сдобная, изнѣженная внѣшность купчихи, гостинодворская сладость вкрадчиво-деликатныхъ манеръ,

легкая наклонность къ бонвиванству купеческаго сынка, „влеченье—родъ недуга“ къ писателямъ и артистамъ и, при этомъ, художественно-литературный диллетантизмъ дѣйствительнаго „любителя просвѣщенія“. Бывшій парфюмеръ, нынѣ г. Пыляевъ—театралъ и знатокъ исторіи театра, а что касается *исторій* изъ столичной „скандальной хроники“, то съ нимъ „не надобно газетъ“. Главная-же его спеціальность — ученоювелирная. Онъ—знатокъ драгоцѣнныхъ камней, крупнѣйшіе изъ нихъ знаетъ на перечетъ, знаетъ и тѣхъ, кто ихъ носитъ; интересная-же книга г. Пыляева о драгоцѣнныхъ камняхъ на счету и у минералоговъ.

Пыпинъ, А. Н.—пользующійся заслуженной почетной извѣстностью мужъ науки, оставившій, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, профессорскую каѳедру для широкой и плодотворной журнальной дѣятельности. Владѣя огромной ученой эрудиціей по исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія, неутомимый и плодовитый труженикъ-писатель, основательный публицистъ прогрессивно-освободительнаго направленія, Александръ Николаевичъ съ первыхъ-же шаговъ своихъ на журнальномъ поприщѣ занялъ выдающуюся роль премьера и руководителя сперва въ блаженной памяти «Современникѣ», потомъ въ „Вѣстникѣ Европы“, въ которомъ и понынѣ составляетъ главную силу, какъ сотрудникъ и какъ редакторъ. Всѣ его историческіе труды, сравнительно съ современными легкими и бѣглыми журнальными „очерками“, „этюдами“ и „эскизами“ иныхъ писателей, поистинѣ, могутъ назваться *начертаніями*, по обилію и новизнѣ матеріаловъ, по академической основательности и зрѣлости изслѣдованія. Таковы его, между прочимъ: „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I“, „Біографія Бѣлинскаго“, „Національность въ русской литературѣ“ и многія другія, не считая научно-библіографическихъ изслѣдованій и изысканій по древней русской письменности. Наибольшей-же извѣстностью пользуется, совмѣстный съ г. Спасовичемъ, капитальный трудъ г. Пыпина: „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“. Что касается, собственно, славянскаго вопроса, то, принимая постоянно дѣятельное участіе въ его ученомъ разъясненіи и освѣщеніи, А. Н. всегда былъ противъ національнаго и племеннаго живоглотства и стоялъ всегда за самобытность, за свободу и вольное, полюбовное братство славянъ. Это независимое, либеральное отношеніе къ славянскому вопросу стяжало г. Пыпину почетную извѣстность и среди просвѣщенныхъ «братушекъ» разныхъ наименованій. Вообще, какъ ученый и какъ публицистъ, А. Н. чуждъ ученыхъ предразсудковъ и политическихъ суевѣрій, крѣпко стоитъ на почвѣ раціонализма и смотритъ въ корень вещей яснымъ, изостреннымъ наукою взоромъ.

Главный зодчій „Вѣстника Европы“.

Дозв. ценз. С.-ПЕТЕРБ., 21 МАРТА 1884 г.

Р.

Раабъ—примадонна петербургской русской оперы, въ данную минуту, кажется, уже на положеніи «бывшей», т. е. упраздненной. Благодаря Бога и молитвамъ своихъ почитателей, г-жа Раабъ жива и здорова, находится въ цвѣтѣ силъ, голоса не утратила, пѣть не разучилась; но—что дѣлать?—бытіе пѣвицъ отечественной оперы, имѣющей единственную почти сцену, зависитъ отъ росчерка пера прихотливой и всемогущей дирекціи: подпишетъ она контрактъ съ артисткой—артистка существуетъ, нѣтъ—артисткѣ крестъ. Госпожа Раабъ, прославилась какъ талантливая исполнительница вагнеровскаго репертуара, не говоря о многихъ роляхъ въ операхъ другихъ композиторовъ, успѣшно созданныхъ ею за слишкомъ десятилѣтнюю службу.

Рабонъ—десертная знаменитость, неизбѣжно присутствующая или, во всякомъ случаѣ, долженствующая присутствовать въ великосвѣтскихъ романахъ Болеслава Маркевича и въ салонныхъ пьесахъ Виктора Александрова. Достовѣрно одно, что ни одинъ бонтонный, счастливый романъ немыслимъ безъ обольстительныхъ бонбоньерокъ отъ Рабона, а великосвѣтскую любовь даже представить себѣ нельзя, чтобы она не заѣдалась сладкими, тающими на языкѣ, рабоновскими конфектами. Извѣстная въ Петербургѣ кондитерская... то, бишь!—confiserie parisienne.

Рагозины.—Есть два Рагозиныхъ: «В. И. Рагозинъ и компанія», и Е. И. Рагозинъ solo; кажется, они братья—однакожъ, не «братья разбойники», во всякомъ случаѣ, о, нѣтъ! Напротивъ, оба они извѣстны, какъ просвѣщенные джентельмены, свѣдущіе апостолы культурнаго капитализма и рьяные ревнители по воздѣлыванію «непочатыхъ естественныхъ богатствъ» любезнаго отечества по такой превосходной системѣ, чтобы въ наикратчайшее время богатства эти сполна перемѣстились въ карманы хозяевъ-предпринимателей, а тамъ, гдѣ они найдены, стало-бы мѣсто пусто. Есть между ними и разница: «В..И. Рагозинъ и комп.»—практикъ и дѣлецъ на большую руку, успѣвшій уже дойти до милліоннаго краха; Е. И. Рагозинъ,

до краха не доходившій,—человѣкъ слова, не только пріятный собесѣдникъ съ литературными наклонностями (эти наклонности у нихъ, впрочемъ, семейныя), но и велерѣчивый, несмотря на косноязычіе, ораторъ, дѣятельно подвизающійся въ говорильняхъ «общества содѣйствія русской промышленности и торговли», «вольнаго экономическаго общества» и даже на пресловутыхъ «экономическихъ обѣдахъ». Такимъ образомъ, въ то время, какъ Е. И. Рагозинъ «содѣйствуетъ» воздѣлыванію «естественныхъ богатствъ» больше языкомъ за веселыми обѣдами, «В. И. Рагозинъ и К°» ревностно прикладываетъ къ нимъ цѣпкія руки, затѣявъ на берегахъ Волги, къ вящему ея засоренію, грандіозное производство минеральныхъ маслъ, грандіозно и скандалезно недавно лопнувшее, но, при этомъ, благодаря своей наклонности къ литературѣ, онъ совершилъ и нѣчто прочное, именно—издалъ роскошное, обширное и дѣльное описаніе Волги.

Радецкій, генералъ,—одинъ изъ популярнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ героевъ послѣдней русско-турецкой войны. Съ его именемъ связана славнѣйшая страница этой войны, написанная сплошь русской кровью. Въ заголовкѣ этой страницы стоитъ: «Шипка», ознаменованная героическимъ страстотерпствомъ русскаго солдата подъ командой Радецкаго... Не забудется въ народной памяти Шипка, не забудется и ея полководецъ! Кстати, припомнимъ здѣсь, что генералу Радецкому были предложены въ свое время вещественные знаки общественной признательности (почетное гражданство отъ Петербурга, адресъ, шпага), отъ которыхъ онъ частію отказался, по отличающей истиннаго героя скромности. Еще одна существенная черта въ біографіи г. Радецкаго: прямой воинъ, онъ, сколько извѣстно, управлялъ лишь военными «частями», совершалъ походы лишь въ непріятельскихъ земляхъ и одерживалъ побѣды лишь надъ внѣшними врагами.

Радина—неувядаемая краса петербургскаго балета, хотя и подвизается въ немъ, кажется, второе уже двадцатипятилѣтіе. Чудесный типъ величественной русской красавицы, пластичная, граціозная и огненная, г-жа Радина неподражаема въ характерныхъ національныхъ танцахъ и уже одно появленіе ея на сценѣ приводитъ въ сладчайшее изступленіе балетомановъ.

Разумовскій, профессоръ московской консерваторіи,—единственный въ своемъ родѣ музыкантъ-археологъ, пытливо изслѣдовавшій тайны «крюковаго» козлогласованія временъ Кирилла Туровскаго и Максима Грека, и ничего мелодичнѣе древняго «демественнаго» пѣнія въ мірѣ музыкй не находящій. Авторъ прекраснаго, обстоятельнаго историческаго изслѣдованія: «Церковное пѣніе въ Россіи».

Раппопортъ—имя сдѣлавшееся почти нарицательнымъ въ журналистикѣ для музыкально-театральныхъ критиковъ, ставшихъ таковыми по вдохновенію и въ силу того резоннаго соображенія, что, если напр., всякій баронъ можетъ имѣть свою фантазію, то почему-же и всякій *раппопортъ* не можетъ имѣть своего мнѣнія о томъ или другомъ сценическомъ произведеніи? Къ тому-жъ, сама природа такъ устроила г. Раппопорта, что онъ неизмѣнно хранитъ видъ добросовѣстнаго критика, внимательно прислушивающагося къ «воплю Мельпомены», даже и тогда, когда слушать нечего. За всѣмъ тѣмъ, г. Раппопортъ принадлежитъ къ тому поколѣнію, когда лю-

ди, ничего не смыслящіе въ искусствѣ, еще не дерзали «смѣть свое сужденіе имѣть» о немъ. Музыку онъ знаетъ и, въ пониманіи ея, имѣетъ за собой долголѣтній опытъ; разновременно предпринималъ изданіе театрально-музыкальныхъ органовъ, но, къ сожалѣнію, они имѣли успѣхъ не большій, чѣмъ злосчастная антреприза г. Раппопорта кронштадтскаго театра.

Раппъ, Е. К. — журнальный несчастливецъ, неумолимо преслѣдуемый жестокимъ рокомъ. Сынъ Марса по призванію, г. Раппъ имѣлъ несчастье стать военнымъ корреспондентомъ во время сербской войны; искусившись журнальнымъ хлѣбомъ, онъ сталъ потомъ издателемъ «Русскаго Міра» и— провалился. Спустя немного, мы видимъ его сотрудникомъ «Порядка», но тутъ уже «Порядокъ» провалился, и г. Раппъ сдѣлался однимъ изъ безпріютныхъ скитальцевъ литературнаго пролетаріата.

Ратьковъ-Рожновъ, М. А. — просвѣщенный практикъ-дѣлецъ, «въ чинахъ, съ орденами»,—изъ тѣхъ, которыхъ, по характеристикѣ Некрасова,

. . . . . видитъ столица
Въ сенатѣ, въ палатахъ, въ судахъ.
Служа безупречно и пользуясь вѣсомъ,
Они посвящаютъ досугъ интересамъ
Комерческихъ фирмъ на паяхъ.

Какъ плющъ около мощнаго дуба, г. Ратьковъ - Рожновъ примостился вначалѣ къ комерческой фирмѣ Громовыхъ, въ качествѣ какой-то маленькой служебной спицы въ колесницѣ; потомъ спица сдѣлалась цѣлой осью всей колесницы, а нынѣ, когда громовская фирма разсыпалась, упитанный ею и частію унаслѣдовавшій ея богатыя достоянія г. Ратьковъ - Рожновъ процвѣлъ вполнѣ, «яко кринъ». Онъ и въ петербургскомъ муниципалитетѣ процвѣтаетъ, въ ряду наиболѣе видныхъ, краснорѣчивыхъ и предпріимчивыхъ его дѣятелей, а что касается, напр., «скотобойнаго вопроса», то Аллахъ вѣдаетъ, былъ - ли бы, наконецъ, воздвигнутъ приличный жертвенникъ чреву Петербурга, въ видѣ пресловутыхъ новыхъ боень, еслибъ къ нему не приложилъ своихъ энергическихъ рукъ г. Ратьковъ-Рожновъ?

Регель, Э. В. — счастливецъ, которому не нужно было-бы платить возвышенной паспортной пошлины (если - бы она осуществилась) для мечтательныхъ путешествій «dahin, dahin, wo die Zitronen blühen!» Благословенный Эдемъ, гдѣ цвѣтутъ и цитроны, и апельсины и всякіе плоды земные, чуть-ли не включительно до небесныхъ миндалей, расположенъ къ услугамъ г. Регеля на берегахъ... не Тигра и Ефрата, а скромной рѣчки Карповки, въ предѣлахъ злачнаго Аптекарскаго острова. Это—ботаническій садъ, управляемый и культивируемый г. Регелемъ съ чувствомъ, толкомъ и усердіемъ, заслуживающими всяческаго уваженія. Посѣтители садовыхъ выставокъ знаютъ, какіе почти противуестественные растительные кунстштюки производитъ г. Регель, какъ садоводъ; но онъ, кромѣ того, извѣстенъ и какъ ученый ботаникъ, авторъ многихъ сочиненій («Русская дендрологія», «Русская помологія» и др.).

Редстокъ—извѣстный подъ оригинальнымъ титуломъ «лорда-апостола»; хотя и не нашего поля ягода, тѣмъ не менѣе, долженъ быть сопричисленъ къ лику первоучителей нашей новѣйшей великосвѣтской ереси и, слѣдственно, занять почетное мѣсто и въ словарѣ отечественныхъ знаменитостей. Во всякомъ случаѣ, будемъ помнить, что у насъ былъ просто — апостолъ Андрей «первозванный» и былъ «лордъ-апостолъ» Редстокъ. И тогда,

какъ историческія сказанія о первомъ скудны и сбивчивы, — проповѣдническое посланничество послѣдняго въ салонахъ и будуарахъ петербургскихъ элегантныхъ язычницъ нашло себѣ такого точнаго, обстоятельнаго и краснорѣчиваго евангелиста, какъ князь В. П. Мещерскій (См. его романъ: «Лордъ-апостолъ»).

Рейнбольдъ — Орфей клуба прикащиковъ, подъ забористую музыку котораго нѣсколько къ ряду поколѣній гостиннодворскихъ «аркадскихъ принцевъ» и плѣнительныхъ Эвридикъ изъ модныхъ и бѣлошвейныхъ магазиновъ плясали и пляшутъ *до упаду*, понимая это слово и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ. Извѣстный въ Петербургѣ капельмейстеръ и отчасти композиторъ, авторъ рысистыхъ полекъ, каскадныхъ вальсовъ и т. п. дребедени.

Рейтернъ, М. Х. — громкое имя, изъ тѣхъ, которыми историки озаглавливаютъ обыкновенно цѣлыя эпохи: «Такой-то и *его* время». Безъ сомнѣнія, рано или поздно въ литературѣ исторіи русскихъ финансовъ явится книга и, быть можетъ, въ нѣсколькихъ томахъ: «Рейтернъ и его время». Можно заранѣе предсказать, что книга эта не будетъ безусловной апологіей. По всѣмъ вѣроятіямъ, историкъ будетъ осуждать шаткость системы своего героя, чрезмѣрное распространеніе при немъ популярныхъ изданій экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и проч. Но, съ другой стороны, безпристрастный историкъ признаетъ въ г. Рейтернѣ одного изъ наиболѣе доброжелательныхъ, даровитыхъ и прогрессивныхъ государственныхъ дѣятелей славной преобразовательной эпохи, онъ зачтетъ ему въ неувядаемую заслугу цѣлый рядъ положительныхъ улучшеній и реформъ, касавшихся и финансоваго управленія, и торгово-промышленнаго развитія страны, онъ, наконецъ, приметъ во вниманіе ту прискорбную, но часто забываемую истину, что чинить финансовыя прорѣхи нельзя мановеніемъ волшебнаго жезла и что, если самого жезла этого не имѣлось, положимъ, въ министерскомъ портфелѣ г. Рейтерна, то объ этомъ можно на досугѣ повздыхать и пожалѣть, но ставить его отсутствіе въ упрекъ кому-бы ни было — вовсе нерезонно. Въ заключеніе-же историкъ долженъ будетъ замѣтить, что на долю г. Рейтерна выпало быть министромъ финансовъ въ одну изъ самыхъ трудныхъ эпохъ, когда въ Россіи, только что покончившей тягостную и раззорительную крымскую войну, совершался огромный переворотъ всего экономическаго строя, вслѣдствіе отмѣны крѣпостнаго права.

Риццони, А. А., профессоръ академіи художествъ, — извѣстный живописецъ - жанристъ и миніатюристъ, весьма цѣнимый любителями манернаго письма и условнаго стиля въ письмѣ, конечно, всегда рутиннаго. Хотя г. Риццони питомецъ и профессоръ россійской академіи художествъ, Россіей вскормленный и вспоенный, однако-же, онъ намъ—сказать ему не въ упрекъ — совершенный чужанинъ и по характеру обработки своего дарованія, и по школѣ и манерѣ письма, и даже по содержанію своихъ, всегда изящныхъ картинокъ. Онъ всецѣло тяготѣетъ къ Италіи, и ея быту почти исключительно посвящаетъ свою кисть, что свидѣтельствуютъ его картины, включая сюда и недавно явившееся на передвижной выставкѣ его послѣднее мастерское произведеніе: «Совѣтъ кардиналовъ». Къ слову: г. Риццони почему-то особенно любитъ изоб-

ражать католическихъ поповъ разныхъ степеней, а также «внугренности» ихъ жилищъ и даже ихъ конюшень... Это—фактъ.

Ровинскій, Д. А., сенаторъ.—Влюбляются люди въ женщинъ, въ золото, въ славу, въ науку, а вотъ г. Ровинскій безъ памяти влюбился въ старую гравюру, притомъ чѣмъ старѣе она—тѣмъ ему любезнѣе, притомъ питаетъ онъ такую пламенную и постоянную нѣжность къ предмету своей страсти, съ которою можетъ сравниться развѣ только любовь Ромео къ Джульеттѣ. Онъ истратилъ десятки тысячъ на предметъ своей пассіи, собралъ съ большимъ знаніемъ и вкусомъ огромныя коллекціи рѣдкихъ старинныхъ гравюръ всевозможныхъ школъ и временъ, всецѣло отдался ихъ учено-художественному смакованію и къ наиболѣе дорогимъ и рѣдкимъ изъ нихъ питаетъ такую ревнивую, страстную привязанность, что, говорятъ, ни на минуту съ ними не разстается. Слабость невинная и даже почтенная, тѣмъ болѣе, что г. Ровинскій съ истинно-ученымъ безкорыстіемъ дѣлится своими сокровищами съ образованной публикой и, съ этой цѣлью, обогатилъ нашу литературу цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ и прекрасныхъ изданій, каковы, напр.: «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII в.», «Русскіе граверы и ихъ произведенія», «Портреты московскихъ государей», «Н. И. Уткинъ и его произведенія», Русскія народныя картины», и мн. др.

Родивановскій, Н. И., военный инженеръ, — человѣкъ вовсе не воинственный, но для супостатовъ страшенъ своими адскими знаніями и адскимъ искусствомъ по части примѣненія разрушительныхъ перуновъ новѣйшей пиротехники, передъ грозной силой которыхъ какіе-нибудь классическіе перуны олимпійскаго громовержца не болѣе, какъ дѣтская игрушка. Г. Родивановскій—на счету опытныхъ спеціалистовъ, вѣдающихъ взрывчатыя вещества, и написалъ объ этой матеріи хорошую, обстоятельную книгу, разумѣется, не для «легкаго чтенія».

Родиславскій, В. Н. — Долженъ чистосердечно покаяться въ моемъ невѣжествѣ: не смотря на всѣ розысканія, для меня остается неизвѣстнымъ, чѣмъ, какими великими твореніями г. Родиславскій пріобрѣлъ свою громкую извѣстность и чѣмъ ее по наши дни поддерживаетъ? Нѣсколько театральныхъ «взглядовъ и нѣчто», съ полдюжины біографическихъ замѣтокъ, два, три перевода, да столько же передѣлокъ, согласитесь, вѣсятъ очень немного для такой прочной славы, и — однакожь, г. Родиславскій несомнѣнно знаменитъ, да еще, кромѣ лавровъ, получаетъ за свою знаменитость весьма солидный дивидендъ размѣнной монетою! Остается объяснить этотъ секретъ развѣ только тѣмъ, что г. Родиславскому, во-первыхъ, бабка наворожила счастье на роду, а, во-вторыхъ, что ему первому пришла въ голову счастливая идея основать общество русскихъ драматурговъ, и онъ, въ качествѣ его учредителя, сталъ распоряжаться его судьбами, какъ безсмѣнный секретарь общества и агентъ по сборамъ гонорара за пьесы членовъ-драматурговъ. Мѣстечко это оказалось и довольно хлѣбнымъ, благодаря процентамъ по сборамъ за агентуру, и очень благодарнымъ въ отношеніи пріобрѣтенія почета и славы — славы какого-то генералъ-интенданта отъ драматургіи.

Родзевичъ — человѣкъ, такъ сказать, метеорной извѣстности. Вызванный къ издательской дѣятельности эпохой «вѣяній», онъ заявилъ себя

предпринимателемъ широкаго размаха, но, кажется, мало сообразился со своими средствами, съ равнодушіемъ публики и съ «независящими обстоятельствами», вслѣдствіе чего прошелъ по усѣянному рытвинами и волчьими ямами журнальному поприщу какимъ-то «трехнедѣльнымъ удальцомъ» — прошелъ, спотыкаясь, бѣглымъ шагомъ и нынѣ исчезъ безслѣдно. Какъ писатель и публицистъ, г. Родзевичъ не составилъ себѣ никакой репутаціи, даже неизвѣстно—былъ-ли онъ, лично, грѣшенъ хоть въ одной строчкѣ тѣхъ, на цензурный глазомѣръ, «продерзостей», за которыя издававшійся имъ «Московскій Телеграфъ» большую часть своего кратковременнаго существованія пребывалъ въ вынужденномъ молчаніи, причемъ, по странному капризу судьбы, дававшему пищу злымъ языкамъ, молчаніе это почти всегда совпадало съ періодомъ прекращенія подписки на газеты... Какъ рыцарь разсѣянной рати журнальнаго либерализма, г. Родзевичъ, по отношенію къ знамени, былъ точно рыцаремъ безъ страха и упрека; но, увы!—

И погромче насъ были витіи,
Да не сдѣлали пользы перомъ...

Розенблюмъ —докторъ, хотя и «секретный», котораго даже пресловутую брошюрку «Секретные совѣты для мужчинъ» любознательные, но стыдливые мужчины читали секретно, тѣмъ не менѣе пріобрѣлъ весьма откровенную и громкую извѣстность въ Петербургѣ. Едва-ли не первый, по времени, «врачъ-спеціалистъ» по «секретнымъ болѣзнямъ», начавшій, къ соблазну медицинскаго міра, печатать въ газетахъ сугубыя рекламы о своемъ цѣлебномъ искусствѣ. Былъ-ли д-ръ Розенблюмъ компетентенъ въ заразительныхъ болѣзняхъ — невѣдомо, но примѣръ его безспорно оказался заразительнымъ.

Розенгеймъ, М. П.—когда-то весьма извѣстный и плодовитый стихотворецъ, нынѣ всего лишь ветеранъ, служащій по военно-судебному вѣдомству и только изрѣдка въ высокоторжественные случаи бряцающій хвалебныя оды. Родъ изящной словесности, въ которой прославился г. Розенгеймъ, былъ особенный, довольно мелкій и пошловатый сатирико-обличительный родъ, разцвѣвшій «въ наше время, когда»..., т. е., со второй половины 50 годовъ, и имѣвшій своимъ сюжетомъ откупщиковъ, взяточниковъ, мелкихъ казнокрадовъ и пр. Г. Розенгеймъ былъ однимъ изъ первыхъ, по времени, воздѣлывателей этого благодарнаго рода, первый набилъ имъ и оскомину читателямъ, заслуживъ насмѣшливую кличку Занозенгеймана (онъ издавалъ юмористическій листокъ «Занозу»), первый понесъ за него первые жестокіе удары критики съ нелегкой руки Добролюбова и первый-же, кажется, изъ всѣхъ обличительныхъ поэтовъ бросилъ этотъ жанръ во время.

Розенталь, Леонъ, — человѣчекъ неладно скроенный, да крѣпко сшитый, не блистателенъ, но мудръ, «яко змій», однакожь, нельзя сказать — «яко голубь» кротокъ и цѣломудренъ. Слыветъ, впрочемъ, за благодѣтеля рода человѣческаго, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. Въ прямомъ — г. Розенталь несомнѣнно одинъ изъ видныхъ и щедрыхъ въ столицѣ филантроповъ по отношенію ко всему страждущему человѣчеству, вообще, изъ *политики*, и, по преимуществу, къ человѣчеству іудейскому изъ племеннаго патріотизма, за что и гремитъ его слава среди еврейской «націи» отъ Петербурга до Шклова

«Я памятник воздвиг себѣ....»

ЗАКОННЫЕ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 12 НОЯБРЯ 1883 Г.

и отъ Шклова до Бердичева. И то сказать — «жертвовать» грошики на бѣдныхъ ему есть изъ чего, ибо, какъ благодѣтель рода человѣческаго въ фигуральномъ смыслѣ, г. Розенталь принадлежитъ къ козырнымъ тузамъ нашей банкократіи, не сѣетъ, не жнетъ, но въ житницу собираетъ обильную жатву процентовъ, «премій», «куртажей», «коммиссій» и т. п. естественныхъ произведеній денежнаго барышничества, и неурожаевъ не знаетъ. Изъ его гешефтовъ достойно упоминанія дѣятельное участіе въ учрежденіи пресловутаго «Центральнаго поземельнаго банка», имѣвшаго цѣлью взять подъ залогъ чуть-ли не всю Россійскую имперію, но, кажется, не вполнѣ удовлетворившаго аппетиты своихъ учредителей.

Роллеръ, А. А., профессоръ академіи художествъ.— Живописную производительность г. Роллера слѣдовало-бы измѣрять верстами и квадратными милями... Безъ шутокъ! Онъ — спеціалистъ по декоративной живописи, и всѣ тѣ волшебные чертоги, храмы и кіоски фантастической архитектуры, которыми восхищались въ балетахъ и операхъ за послѣдніе лѣтъ двадцать зрители Большаго театра, дѣло рукъ Роллера и его мастерской. Онъ-же управляетъ и сверхъестественными стихіями Большаго театра, вѣдая его механику.

Ротины — необыкновенно радушные хлѣбосолы, горячо, дешево и сердито предлагающіе яства и питія въ своихъ ресторанахъ и во всякое время дня и ночи оказывающіе въ своихъ комфортабельныхъ «отеляхъ» трогательное гостепріимство для «господъ пріѣзжающихъ» съ Невскаго проспекта, изъ кафе-шантановъ и танцъ-классовъ для интимныхъ, на скорую руку, эпилоговъ своихъ экстренныхъ и счастливыхъ романовъ. Древле у грековъ для такой пріятной цѣли существовалъ, говорятъ, островъ Цитера, а теперь въ Петербургѣ, видимъ, для той-же цѣли имѣются «Москва» и «Викторія», благодаря предупредительности гг. Ротиныхъ, хотя классицизму они, кажется, и не обучались.

Рохель, докторъ. — Подобно древнимъ варяжскимъ завоевателямъ, а можетъ и сродни съ ними, доблій Рохель, какъ сказалъ-бы о немъ преподобный Несторъ, «иде по Волхову и сѣде въ Старой Руссѣ, и устави повосты и уклады, и, иже придутъ гостье, емлетъ съ нихъ дани многы». Дѣло въ томъ, что г. Рохель, ставъ директоромъ минеральныхъ водъ въ Старой Руссѣ, «володѣетъ» ими, съ ихъ «повостами» и угодьями на державно монопольныхъ правахъ, такъ называемаго, «водянаго генерала». Результатъ: извѣстно, что старорусскіе источники—соленые, и, точно, какъ свидѣтельствуютъ многократные отзывы, они очень *солоны* выходятъ для пріѣзжающихъ паціентовъ, за то необычайно сладки и цѣлебны для здравія и кармана самого г. Рохеля.

Ру — загостившійся въ Петербургѣ французикъ, пріобрѣвшій право на сопричисленіе къ отечественнымъ знаменитостямъ долголѣтнимъ смѣходѣйственнымъ увеселеніемъ столичныхъ виверовъ — любителей сценическихъ пряныхъ фарсовъ. Даровитый комикъ-гротескъ и, хотя поетъ бѣлугой, но составляетъ главную и непремѣнную силу французской оперы-буффъ, едва-ли не съ первыхъ дней ея основанія въ Петербургѣ.

Рубецъ — музыкальный дѣятель не особенно громкой, но почтенной извѣстности, главнымъ образомъ, какъ композиторъ-этнографъ. Г. Рубецъ собралъ, со вкусомъ аранжировалъ и издалъ нѣ-

сколько тетрадей народныхъ пѣсенъ своей пѣснолюбивой родины Малороссіи.

Рубинштейнъ, А. Г. — смертный, который никоимъ родомъ не можетъ пожаловаться на судьбу и на непризнаніе своихъ заслугъ и таланта современниками. Напротивъ, Антонъ Григорьевичъ едва-ли не жалуется на избытокъ даровъ фортуны, славы и публичнаго поклоненія, бремя которыхъ начинаетъ, кажется, его удручать, и онъ готовъ-бы сказать, если не сказалъ уже: «довольно!» Правда, въ предѣлахъ земнаго имъ все уже совершено и заполучено, и впереди ему развѣ осталось только желать побольше для себя здоровья. Удача, слава, а, главное, мода съ дѣтства неразлучно сопровождали г. Рубинштейна: онѣ нашли его гдѣ-то въ волынской деревушкѣ отрокомъ въ нѣдрахъ музыкальной еврейской семьи, подхватили и помчали его по свѣту на своихъ крыльяхъ, и съ той поры чуть не цѣлое полстолѣтіе непрерывно убаюкивали съ материнской нѣжностью. Десяти лѣтъ онъ уже давалъ публичные концерты и вкусилъ сладость популярности. Все ему давалось легко и успѣшно: захотѣлъ онъ быть въ числѣ первыхъ XIX столѣтія виртуозовъ-піанистовъ — былъ, и съ каждымъ новымъ концертомъ мода на него росла въ геометрической прогрессіи, въ такой-же прогрессіи росло, конечно, и его матеріальное благосостояніе; пожелалось ему прославиться въ качествѣ дирижера-капельмейстера — прославился, хотя на этомъ поприщѣ онъ и не возвышался надъ уровнемъ ординарности; почувствовалъ аппетитъ къ композиторству и — къ нему моментально явилась и усѣлась за его пюпитръ такая неслыханно-ретивая и неутомимо-плодовитая муза, какой другой съ фонаремъ поискать въ исторіи музыкальнаго искусства; цѣлые потоки и, можно сказать, хляби ораторій, симфоній, хоровъ, сонатъ, романсовъ и иного сорта пьесъ вылились изъ подъ пера г. Рубинштейна. Если къ этому присоединить болѣе двадцати написанныхъ имъ, не всегда удачныхъ оперъ, то, поистинѣ, исполинскую продуктивность музы г. Рубинштейна слѣдуетъ мѣрять на пуды и берковцы; но, кажется, изъ этихъ обильныхъ «звуковъ лиры и трубы» очень немногіе переживутъ своего автора, и, во всякомъ случаѣ, слава его не столько въ нихъ, сколько въ удивительномъ искусствѣ исторгать волшебные, полные огня и поэзіи звуки изъ клавишей, которое, впрочемъ, тоже не можетъ пережить автора-виртуоза, по законамъ естества.

Рузановъ—туалетная знаменитость познаваемая обоняніемъ, даже при самомъ сильномъ насморкѣ. Поклонники современной россійской Киприды, входя въ ея чертогъ, уже не говорятъ, какъ во время оно: «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!» а съ пріятностью замѣчаютъ: «здѣсь рузановскій духъ, здѣсь Рузановымъ пахнетъ!» Извѣстный въ Петербургѣ парфюмерный магазинъ, предлагающій «англійскіе» духи и «французскіе» косметики собственнаго россійскаго издѣлія.

Румянцовъ — человѣкъ въ нѣкоторомъ родѣ ископаемый: живя тѣломъ въ концѣ XIX вѣка, витаетъ духомъ во мракѣ XVI и XVII, гдѣ онъ, впрочемъ, полный хозяинъ. Замѣчательный археологъ, «уставщикъ» и распорядитель московской синодальной типографіи и одинъ изъ главныхъ творцовъ-реставраторовъ курьезнаго «печатнаго двора» въ Москвѣ временъ дьяка Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславцева. Авторъ прекрасно-написаннаго и великолѣпно изданнаго археоло-

гическаго труда по исторіи книгопечатанія въ Россіи.

Рыкачевъ—мореплаватель, не безъ искусства лавирующій по суху, аки по морю, подъ флагомъ «Кронштадтскаго Вѣстника», оффиціальнаго органа морскаго вѣдомства, коего онъ состоитъ благополучнымъ редакторомъ.

Рыковъ — знаменитый скопинскій самородный Джонъ Лоу, происходящій по прямой линіи отъ Стеньки Разина. Во времена оны Стенька Разинъ и ему подобные герои, въ простотѣ души, дѣйствовали на большихъ дорогахъ и въ Муромскихъ лѣсахъ; «въ наше время, когда»... того-же пошиба герои, въ лицѣ «именитыхъ» и «излюбленныхъ» мужей, во всеоружіи полномочій, грабятъ и разбойничаютъ въ банкахъ, съ такимъ удобствомъ и въ такомъ размѣрѣ, о какихъ Стенька Разинъ и помышлять не смѣлъ. Рыковъ, напримѣръ, правя скопинскимъ городскимъ банкомъ, проворовался на нѣсколько милліоновъ, ограбилъ тысячи довѣрчивыхъ вкладчиковъ и самый городъ Скопинъ поставилъ на смарку съ лица земли, сдѣлавъ его неоплатнымъ за себя должникомъ. Скопинскій Рыковъ нынѣ пойманъ и пресѣченъ, но сколько-же еще «непойманныхъ» Рыковыхъ опустошаютъ Россійскую землю!

Рѣпинъ, И. Е. — большая художественная сила, произведенія которой составляютъ чуть не событія. Такое огромное впечатлѣніе произвели извѣстныя всей Россіи картины г. Рѣпина: «Бурлаки на Волгѣ» и «Крестный ходъ». Еслибы онъ больше ничего не написалъ, то уже эти двѣ вещи упрочили-бы за нимъ неувядаемую славу въ лѣтописяхъ русскаго искусства, а между тѣмъ у г. Рѣпина, судя по его молодости, впереди еще большая будущность. Онъ справедливо признается самымъ крупнымъ и самымъ даровитымъ представителемъ молодой русской реальной школы живописи, по глубинѣ наблюдательности, по жизненной рельефности воспроизводимыхъ его кистью типовъ и положеній, и по внутренней бытовой содержательности его картинъ. Каждое большое произведеніе г. Рѣпина — цѣлая эпопея, цѣлая драма (напр., его картина «Не ждали», производившая необыкновенно сильное впечатлѣніе), безъ всякой вымученности и дѣланности, съ удивительной простотой и естественностью выраженія!

С.

Сабанѣевъ— ученый зоологъ, посвятившій себя изученію главнымъ образомъ такихъ естественныхъ произведеній, которыя интересны и для профановъ, любящихъ покупать. Г. Сабанѣевъ очень обстоятельно описалъ «Рыбъ Россіи», описывалъ разную дичь (безъ всякихъ каламбуровъ!) и способы ея добычи, для чего издавалъ одно время интересное періодическое изданіе «Природа и охота«.

Сабуровы — выдающіеся государственные мужи современной эпохи. Хорошо всѣмъ памятенъ министръ народнаго просвѣщенія *Сабуровъ* — человѣкъ просвѣщенный, добрый и исполненный наилучшихъ намѣреній, но, къ сожалѣнію, не обладавшій достаточнымъ опытомъ и выдержкой, чтобы совладать съ тѣмъ труднымъ положеніемъ, которое выпало на его долю:—соблюсти систему и примирить недовольныхъ ею, быть твердымъ безъ послабленія и пріобрѣсти популярность снисходительностью. Вмѣсто счастливаго разрѣшенія такой дилеммы, вышла полоса колебаній, никого неудовлетворившая. — Извѣстенъ *Сабуровъ*—дипломатъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей Россіи въ Европѣ. Г. Сабуровъ былъ посломъ при разныхъ дворахъ, въ послѣднее же время, до недавней замѣны его княземъ Орловымъ, съ честію занималъ высокій постъ повѣреннаго нашего кабинета въ Берлинѣ. Кромѣ дипломатіи, г. Сабуровъ составилъ себѣ извѣстность въ археологическомъ мірѣ, какъ тонкій знатокъ—любитель художественныхъ антиковъ, которыхъ онъ собралъ богатую и рѣдкую коллекцію, составляющую предметъ любопытства и зависти для международныхъ антикваріевъ.

Савина, М. Г. —верховная, самодержавная властительница сердецъ и думъ современнаго поколѣнія петербургскихъ театраловъ. Десять лѣтъ она безспорно, абсолютно царствуетъ на александринской сценѣ и—конечно, изъ всѣхъ своихъ ролей ни одной не знаетъ она такъ твердо и не исполняетъ съ такимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, какъ роль *любимицы* пуб-

То, что называется—«звѣзда первой величины.»

дозв. ценз. С.-Петерб., 8 ноября 1883 г.

лики. Обыкновенно каждый ея выходъ встрѣчается бурей аплодисментовъ и каждый разъ Марья Гавриловна, съ милой граціей кивая прелестной головкой по адресу своихъ поклонниковъ, какъ-бы хочетъ сказать: «Благодарю васъ, господа, но, вѣдь, иначе это и быть не можетъ... Посмотрѣла бы я, какъ могли-бы вы не поклонятьсяся мнѣ»? Истинная царица! Природа все дала г-жѣ Савиной для деспотической власти надъ нами: плѣнительную внѣшнюю красоту и очаровательную грацію, удивительную мимическую способность и внутреннее тонкое изящество въ выраженіи душевныхъ движеній и поэтическихъ свойствъ женской индивидуальности, въ особенности что касается чертъ дѣвичьей чистоты, цѣломудренности, наивности и рѣзвости. Словомъ, лучшую ingenue нельзя себѣ представить, и—Марья Гавриловна въ такой степени владѣетъ вышеочерченными сценическими качествами, что заставляетъ забывать свои недостатки, напр., нѣкоторую однотонность своего органа и ограниченность своего репертуара, исчерпываемаго, въ сущности, очень немногими родовыми ролями. Генеральныя роли г-жи Савиной наперечетъ въ слѣдующихъ, между прочимъ, пьесахъ: «Виноватая», «Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Злоба дня», «Маіорша», «Женитьба Бѣлугина», «Нищіе духомъ», «Чудовище», «Марусся» и др.

Савичъ, А. Н., маститый академикъ, полувѣковая плодовитая ученая дѣятельность котораго стяжала ему признательность и уваженіе въ средѣ россійскихъ и европейскихъ жрецовъ науки и даже среди велемудрыхъ академическихъ «дядюшекъ». Глубокій математикъ и астрономъ, авторъ множества ученыхъ трактатовъ, остроумныхъ изслѣдованій и открытій, г. Савичъ слишкомъ мудрецъ, слишкомъ спеціалистъ, весь свой вѣкъ парившій въ отвлеченныхъ эмпиреяхъ высшей науки, чтобы пользоваться среди «черни» просвѣщенной извѣстностью, которая, къ тому-жь, нерѣдко «вещь довольно безобразная», какъ глубоко замѣтилъ Викторъ Гюго.

Сазиковъ — хозяинъ очень извѣстной мастерской, искусно превращающей «презрѣнные» металлы въ удивительные художественные шедевры чеканнаго дѣла. Серебряныя и золотыя издѣлія сазиковской работы славятся и высоко цѣнятся не только въ Петербургѣ и во всей Россіи, но и заграницей, гдѣ они не разъ были награждены «почетными отзывами» и медалями на разныхъ всемірныхъ выставкахъ. Любопытно и замѣчательно что, благодаря Сазиковымъ, Хлѣбниковымъ и Овчинниковымъ, обработка драгоцѣнныхъ металловъ доведена у насъ до такого несравненнаго совершенства какъ разъ въ то время, когда мы такъ оскудѣли этими именно металлами.

Сазоновъ — талантливый корифей александринскаго театра, въ которомъ подвизается болѣе двадцати лѣтъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Вѣроятно, благодаря постоянному успѣху и добродѣтельному житію, г. Сазоновъ мало старится, такъ что и теперь еще вполнѣ на мѣстѣ въ совершенно юношескихъ роляхъ (напр., въ «Милочкѣ» г. Пальма), а у «лакомыхъ» дамочекъ бель-этажа все еще слыветъ за восхитительнаго «бель-ома». Благодаря же своей счастливой внѣшности и пріятному органу, г. Сазоновъ въ свое время очаровывалъ публику въ роли Париса въ «Прекрасной Еленѣ» и дѣлилъ лавры съ знаменитой Лядовой. Собственно съ этой роли началсяся его прочный успѣхъ, преимущественно въ опереткѣ; но въ немъ

оказалось настолько художественнаго чутья, что онъ во время бросилъ этотъ фальшивый жанръ и перешелъ на комедію, въ которой занялъ выдающееся мѣсто, по трудолюбію и искусству. Г. Сазоновъ — что рѣдко между русскими актерами—всегда почти добросовѣстно изучалъ роли и всегда выполнялъ ихъ съ примѣрнымъ прилежаніемъ. Хорошихъ ролей у него много, но всего удачнѣе были у него: Молчалинъ и отчасти Чацкій, Бѣлугинъ, Красовъ (въ «Ошибкахъ молодости»), Сергѣй Петровичъ (въ «Злобѣ дня»), Фролъ Скабѣевъ, Тартюфъ, Уріель Акоста и пр.

Саккети — доцентъ петербургской музыкальной консерваторіи, разносторонне свѣдущій человѣкъ въ музыкально-сценическомъ искусствѣ, притомъ, и самъ музыкантъ «въ душѣ». Написалъ опытъ всеобщей исторіи музыки—опытъ компилятивный, но грамотно и толково обработанный.

Салтыковъ, М. Е., прославившійся у современниковъ и увѣковѣчившій себя для потомства подъ псевдонимомъ *Щедринъ*. Говоря академическимъ стилемъ, — перворазрядное свѣтило русской словесности нашего времени, особенно ярко и искристо возблиставшее въ послѣдніе годы, когда Михаилъ Евграфовичъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ и популярнѣйшихъ писателей нашихъ. Этимъ онъ обязанъ, помимо своего большого таланта, роду и содержанію своего творчества. Ничто такъ не подкупаетъ людей, какъ смѣхъ, а русскихъ людей въ особенности «смѣхъ надъ самими собою», составляющій нашу національную черту и краше котораго нѣтъ смѣха и по смыслу нашей народной мудрости. Тѣмъ болѣе должны были заслушиваться всѣ щедринскаго истинно-русскаго глумливаго смѣха, что онъ всегда былъ такой живой и остроумный, такой трезвый и неотразимо-мѣткій въ своихъ сатирическихъ ударахъ и юмористическихъ шуткахъ. Въ pendant къ исторически-характерной некрасовской музѣ «мести и печали», муза Щедрина, не менѣе запечатлѣнная нашей эпохой и ее собой, съ своей стороны, запечатлѣвшая, является по преимуществу музой *смѣха и отрицанія*. Въ сущности, муза у нихъ обоихъ одна и та-же, рожденная и повитая однимъ и тѣмъ-же историческимъ моментомъ, — передъ нами только различные ея профили: у Некрасова онъ зловѣщій и скорбный, у Щедрина — скептически-острый, сверкающій ироніей.

Обаяніе щедринскаго смѣха было неотразимо. Хотя онъ носилъ отчасти печать «партіи» и служилъ исключительно прогрессивному «направленію», тѣмъ не менѣе, щедринскими сатирами зачитывалась вся грамотная, культурная Россія безъ различія политическихъ толковъ; всѣхъ читателей онѣ равно смѣшили, даже тѣхъ, кого онѣ непосредственно разили своими стрѣлами не въ бровь, а въ глазъ. Очень ужъ близка и сродна, по духу, современному россіянину была эта язвительная хохотунья-муза, неотступно, шагъ за шагомъ осмѣивавшая всю текущую русскую дѣйствительность, никого и ничего не щадя — подчасъ даже «своихъ». Строгая критика упрекала нашего сатирика, во-первыхъ, въ фельетонномъ характерѣ его творчества и наклонности къ каррикатурѣ и, во-вторыхъ, въ неопредѣленности его слога въ тѣхъ случаяхъ, когда Михаилъ Евграфовичъ писалъ езоповскимъ «рабьимъ», по его собственному жестокому выраженію, языкомъ. Нѣтъ спора, что кое-что изъ написаннаго имъ, въ особенности его философско-публицистическія нравоученія часто оставались

Изъ былины «Илья-Муромецъ и Змѣй»:

„Гой ты старый казакъ, да Илья-Муромецъ,
Тебѣ гдѣ-же побить тую силу великую?“

Дозв. ценз. С.-ПЕТЕРБ., 11 янв. 1884 г.

темны для читателей (а можетъ и для самого автора) и лѣтъ черезъ тридцать, сорокъ будутъ и вовсе непонятны грядущему поколѣнію. Вѣрно отчасти и то, что М. Е. съ той поры, какъ принялъ дѣятельное участіе въ журналахъ (сперва въ «Современникѣ», потомъ въ «Отечественныхъ Записках»), расточалъ нерѣдко свое творчество, въ ущербъ ему, на фельетонную мелочь и смѣхотворный шаржъ, примѣнительно къ минутнымъ, скоропреходящимъ «злобамъ»; однакожь, его «Губернскіе очерки», его «Семейство Головлевыхъ» навсегда останутся лучшими перлами нашей художественной литературы. Никогда не забудутся также, съ такой несравненной сатирической силой заклейменные въ сознаніи современниковъ, многочисленные щедринскіе типы—всѣ эти, ставшіе нарицательными кличками, «Господа Ташкентцы», Разуваевы и Колупаевы, Дыбы и Удавы, Пафнутьевы и Граціановы, Балалайкины, Подхалимовы и мн. др. Это — цѣлая каррикатурно-портретная галерея гогартовскаго пошиба типичныхъ разновидностей всего отрицательнаго, хищнаго, криводушнаго, подлаго и пошлаго, что было порождено нашей хаотической, межеумочной пореформенной эпохой, и — безъ сомнѣнія, она имѣетъ не только художественно-сатирическій, но и историческій интересъ, какъ бойкая, мастерская иллюстрація нашей общественной лѣтописи.

Сальясъ-де-Турнимеръ, графъ, сынъ писательницы, пользовавшейся извѣстностью въ 50-хъ годахъ подъ псевдонимомъ *Евгеніи Туръ*. Пойдя по стопамъ матери, графъ выгодно заявилъ себя сначала занимательнымъ разсказчикомъ въ письмахъ изъ Испаніи, печатавшихся въ «Голосѣ», а потомъ блистательно дебютировалъ, какъ романистъ, интереснымъ историческимъ романомъ «Пугачевцы», хотя и скалывающимъ во многомъ письмо и манеру гр. Льва Толстаго, но несомнѣнно талантливымъ. Къ сожалѣнію, послѣдующіе историческіе романы графа оказались гораздо плоше его перваго дебюта и не возвышались надъ художественнымъ ординаромъ журнальной въ этомъ благодарномъ родѣ меледы, столь обильно предлагаемой въ разныхъ «Нивахъ» и «Иллюстраціяхъ». Графъ Сальясъ дебютировалъ и въ журналистикѣ, какъ редакторъ и издатель, но ужь совсѣмъ плачевно. Нельзя было бы нарочно, съ злымъ умысломъ, такъ быстро и безнадежно уронить популярный органъ бездарнымъ и безтактнымъ его веденіемъ, какъ уронилъ гр. Сальясъ, съ добрыми намѣреніями, «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ кратковременное и злополучное арендованіе ихъ г. Баймаковымъ. Потомъ графъ основалъ собственный литературно-историческій журналъ подъ претенціознымъ названіемъ «Полярная Звѣзда». Журнальная *звѣзда* эта, промерцавъ малое время крайне тускло и неопредѣленно, потухла, никѣмъ не замѣченная.

Самаринъ—заслуженный патріархъ московской драматической труппы и хранитель ея добрыхъ преданій, недавно отпраздновавшій свою «золотую свадьбу» съ русской Таліей, у которой онъ всегда былъ «первымъ любовникомъ». За свою долголѣтнюю артистическую дѣятельность Самаринъ смѣнилъ нѣсколько репертуаровъ и амплуа, и въ каждомъ изъ нихъ былъ превосходенъ; правда, и школа у него была удивительная: вѣдь онъ видѣлъ передъ собою такіе высокіе образцы, какъ Каратыгинъ, Мочаловъ, Щепкинъ, Садовскій, и немудрено, что, соревнуя имъ, самъ сдѣлался образцомъ для послѣдующихъ поколѣній актеровъ.

Самаринъ — славенъ не столько самъ по себѣ, сколько по брату, знаменитому Юрію Самарину, отъ котораго унаслѣдовалъ значеніе одного изъ столбовъ московскаго славянофильства; однако-жь, нельзя сказать, чтобы съ особенной честію его поддерживалъ. Въ то время какъ покойный Самаринъ являлся пламеннымъ сторонникомъ крестьянъ и ихъ освобожденія, Самаринъ, здравствующій днесь, не менѣе пламенно высказался на страницахъ «Руси» за сокращеніе мужика, доказывая вздорность его жалобъ на обезземелѣніе, а въ средѣ московскаго дворянскаго собранія, гдѣ г. Самаринъ стоитъ въ рядахъ ландъ-лордской партіи, онъ не очень давно безмолвно согласился съ достопамятнымъ смѣлымъ биллемъ о реставраціи розги для мужика.

Самойловъ, В. В. — доживающій свой долгій и счастливый вѣкъ на розахъ и лаврахъ сценическій геній въ отставкѣ, послѣ полувѣковой почти ревностной и славной службы русскому театру. Богатымъ и разностороннимъ талантомъ Василія Васильевича (трагизмъ, впрочемъ, не былъ его стороной или былъ его слабой стороной) восхищались кряду нѣсколько поколѣній во всевозможныхъ репертуарахъ и амплуа и во множествѣ «отвѣтственныхъ» ролей, которыя онъ до конца своей карьеры «создавалъ» съ удивительнымъ, несравненнымъ мастерствомъ. Удивительна была эта нестарѣющая наблюдательная воспріимчивость артиста ко всѣмъ характернымъ измѣненіямъ, вѣяніямъ и оттѣнкамъ времени, отражавшимся на воспроизводимыхъ имъ образахъ... А какихъ перемѣнъ и метаморфозъ не произошло на Руси за пятьдесятъ лѣтъ! — Г. Самойловъ, съ неизмѣнной художественной реальностью и съ тонкимъ, гдѣ нужно, комизмомъ, всегда умно, типично и изящно игралъ Чацкихъ и Молчалиныхъ, Хлестаковыхъ и Маниловыхъ, Рудиныхъ и Кречинскихъ, Курчаевыхъ («Испорченная жизнь») и Жадовыхъ («Доходное мѣсто»), Кирсановыхъ (напр., въ «Старомъ баринѣ») и Базаровыхъ (хотя-бы роль Новоникольскаго въ «Гражданскомъ бракѣ»)... Потомъ съ такою-же жизненностью и яркостью онъ создалъ массу общихъ типовъ и историческихъ характеровъ: Шейлока, Ришельё, Кромвеля, Дмитрія Самозванца, Воеводу, Фрола Скабѣева, Ростаковскаго, Михѣича («Ночное»), Дарси («Гувернеръ») и мн. др. Извѣстно, что В. В., хорошо рисующій, самъ изобразилъ себя кистью во всѣхъ, игранныхъ имъ когда-нибудь, роляхъ. Должно надѣяться, что эта живописная автобіографія сдѣлается современемъ общимъ достояніемъ: она драгоцѣнна не только какъ образное увѣковѣченіе сценическаго творчества одного изъ величайшихъ нашихъ актеровъ, но и какъ историческая иллюстрація нашей общественной жизни и типичныхъ разновидностей русской интеллигенціи за цѣлое полустолѣтіе. На казенной сценѣ В. В. подвизался ровно сорокъ лѣтъ, и празднованіе по этому поводу его юбилея въ Александринскомъ театрѣ (1875 г.) было ознаменовано такимъ восторженнымъ со стороны публики выраженіемъ признательности къ заслуженному артисту, какихъ немного было и будетъ въ театральныхъ лѣтописяхъ. Увы! голосъ публики ровно ничего не значилъ для канцелярскихъ олимпійцевъ, завѣдывавшихъ тогда судьбами нашего театра, и — они горделиво, безъ церемоніи выпроводили г. Самойлова въ отвѣтъ на его просьбу объ увеличеніи оклада на какихъ-то двѣ тысячи. В. В. послѣ того продолжалъ время отъ времени встрѣчать-

„Лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой“.

дозв. ценз. с.-петерб., 17 окт. 1884 г.

ся съ неизмѣнно-любившей его публикой на клубскихъ и загородныхъ сценахъ; нынѣ-же, за дряхлостью, не играетъ уже болѣе.

Самоквасовъ, профессоръ. — Діогенъ искалъ *человѣка* среди своихъ современниковъ на поверхности земли и — не нашелъ его; г. Самоквасовъ счастливѣе: онъ ищетъ *человѣка*, ископаемаго и доисторическаго, въ нѣдрахъ земли и — нерѣдко находитъ его въ курганахъ и городищахъ съ совершеннымъ для себя удовольствіемъ. Заслуженный историкъ-археологъ, пріобрѣвшій извѣстность — конечно, не среди любителей «легкаго чтенія», — своими многоученными изслѣдованіями и трудолюбивыми, съ большимъ чувствомъ произведенными, раскопками. Его труды: «Условія научнаго изслѣдованія кургановъ и городищъ», «Значеніе кургановъ, какъ историческихъ источниковъ», «Древніе города Россіи» и мн. др.

Санъ-Галли — чугунный заводчикъ въ Петербургѣ, прославившійся своими превосходными чугунными издѣліями, а еще болѣе своимъ муниципальнымъ чугуннымъ краснорѣчіемъ. Только ничѣмъ несмущающійся «металла звонъ», можетъ сравниться съ ораторскимъ діапазономъ и апломбомъ, съ которыми г. Санъ-Галли, засѣдая въ нашей думѣ, неутомимо мелетъ вздоръ,— изрѣдка проговариваясь, впрочемъ, и неглупыми замѣчаніями, но всегда на безподобномъ тарабарскомъ языкѣ, выдаваемомъ ораторомъ — Богъ ему судья! — за настоящій русскій (Г. Санъ-Галли полуобрусѣвшій иностранецъ). Справедливость требуетъ сказать, что г. Санъ-Галли — одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ муниципаловъ, особенно по техническимъ вопросамъ, въ которыхъ знаетъ толкъ. Знаетъ толкъ онъ также и въ солидныхъ городскихъ подрядахъ, какъ можно заключить между прочимъ по принятой имъ на себя постройкѣ чугуннаго рынка на Сѣнной, солидно и сооруженнаго, повидимому.

Сара — волшебникъ, который вправѣ былъ-бы написать на своей вывѣскѣ: «Здѣсь кроятъ и изготовляютъ по послѣднимъ парижскимъ картинкамъ изящный вкусъ, престижъ порядочности, благородную осанку и джентльмэнскій видъ». Извѣстный въ Петербургѣ, очень дорогой, модный портной, и — сколько истыхъ хамовъ слывутъ за «порядочныхъ людей» и «аристократовъ» только потому, что одѣваются у мосьё Сара!

Сверчковъ, Н. Е., профессоръ академіи художествъ и кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, полученнаго имъ — на гордость россійскаго художества — отъ блаженной памяти Наполеона III за свои картины на парижской выставкѣ. Г. Сверчковъ — исключительно лошадиный портретистъ (Въ самомъ дѣлѣ, въ спискѣ его картинъ многія такъ и значатся: «портретъ» такого-то жеребца, «портретъ» такой-то, имярекъ, кобылы); даже въ его жанровыхъ и батальныхъ картинахъ главными сюжетами и героями являются лошади, потомъ собаки и иные звѣри, а уже потомъ — природа и люди, не болѣе какъ въ видѣ детальнаго аксессуара, по значенію и письму. Въ то время какъ всякое звѣрье, въ особенности-же лошади, въ изображеніи которыхъ г. Сверчковъ — надо сказать — не знаетъ соперниковъ, всегда на его картинахъ выписаны вдохновенно и старательно, съ замѣчательной правдивостью и экспрессіей, — люди и некрасивы, и кое-какъ наляпаны, съ явнымъ пренебреженіемъ ихъ человѣческаго достоинства. Можно-бы подумать, что даровитый профессоръ недоволенъ мірозданіемъ и, вопреки Господу Богу,

тщится вѣнцомъ и царемъ земной твари поставить не человѣка, а лошадь.

Свѣдомскій, П. А. — молодой даровитый художникъ, картины котораго— «Москва горитъ» и «Римская вакханалія» — составили ему извѣстность. Картины эффектныя, старательно и мастерски написанныя, во вкусѣ новѣйшаго художественнаго реализма, сюжеты пикантные, полотна саженныя,— чего-жь больше нужно для того, чтобы заслужить у г. Стасова вѣнецъ «генія»?!

Свѣдѣнцовъ, Г. Н., преподаватель драматическаго искусства въ петербургской театральной школѣ. — Если о талантѣ и искусствѣ учителей судить по степени приспособленности въ данной наукѣ ихъ учениковъ, то г. Свѣдѣнцовъ едва-ли вправѣ разсчитывать на обильные лавры за свое преподаваніе, ибо огромное большинство выпускаемыхъ изъ нашего театральнаго училища актеровъ обыкновенно никакого *драматическаго искусства* въ себѣ не обнаруживаютъ. Г. Свѣдѣнцовъ издалъ по своему предмету обширное руководство, — кажется, единственное въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ и не совсѣмъ ужь такое плохое и безтолковое, какъ усиливались доказать нѣкіе зоилы.

Свѣнтицкій и Уземблo — маленькіе Геростратики изъ сословія «кукуевцевъ» (т. е. желѣзнодорожныхъ инженеровъ), постыдно обезсмертившіе себя палочнымъ возраженіемъ изъ за угла издателю «Русскаго Курьера»—г. Ланину, въ защиту невинности героевъ приснопамятной кукуевской катастрофы.

Семевскій, В. И., доцентъ петербургскаго университета по русской исторіи, — молодой ученый, весьма одобряемый читателями и критикой за свои трудолюбивыя изслѣдованія о ходѣ и процвѣтаніи на Руси той «вѣковой истомы», которая называлась крѣпостнымъ состояніемъ. Г. Семевскій разрабатываетъ свой излюбленный сюжетъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ XVIII столѣтія и написалъ, не считая множества статей, очень хорошую книгу: «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», хотя и доставившую ему дипломъ магистра, однако-жь испытавшую довольно жестокую кастрацію отъ рукъ цѣломудренныхъ жрецовъ факультетской науки.

Семевскій, М. И. — Говорятъ, счастливый человѣкъ родится въ сорочкѣ, а вотъ почтенный Михаилъ Ивановичъ родился, можно сказать, заразъ въ трехъ сорочкахъ: онъ и въ государственной службѣ блестяще успѣлъ, дослужившись до высокихъ генеральскихъ ранговъ, звѣздъ и отличій; онъ и въ думѣ на виду и въ почетѣ, занявъ недавно высокое кресло съ высокой спинкой товарища городскаго головы; онъ и въ журналистикѣ на рѣдкость удачливъ, и какъ писатель, и какъ редакторъ-издатель, обильно срывающій цвѣты и плоды на этой тѣсной и тернистой стезѣ, но ни разу не оцарапавшійся о ея колючки, ни разу не споткнувшійся на ея препонахъ и ухабахъ... Счастливецъ! Человѣкъ общественный, дѣятельный, честный и искренно преданный общему благу, но и о себѣ не забывающій, М. И. изъ тѣхъ «золотыхъ» и пріятныхъ людей, которые всюду на мѣстѣ, всюду поспѣваютъ и успѣваютъ. Съ молоду облюбовавъ историческую литературу, г. Семевскій обрѣлъ въ ней себѣ и славу, и хлѣбъ (съ масломъ... очень сытный!), отечественную исторію снабдилъ цѣнными вкладами, ея любителей — занимательнымъ ежемѣсячнымъ чтеніемъ въ издаваемой имъ «Русской Старинѣ», а открывъ гостепріимно страницы сей послѣдней семейнымъ архивамъ и автобіографіямъ знаменитостей, дѣйстви-

тельныхъ и — еще чаще—мнящихъ себя таковыми, догадливо задѣлъ въ нихъ струну славолюбія и заставилъ ихъ работать на себя. Теперь всѣ почти штатные и заштатные Периклы и Эпаминонды на досугѣ пишутъ свои «Воспоминанія», поскольку они не растерялись въ нихъ отъ долголѣтняго безпорочнаго дѣланія «исторіи государства Россійскаго», и обязательно адресуютъ и завѣщаютъ ихъ Михаилу Ивановичу для «Русской Старины»,—конечно, безвозмездно. Такимъ образомъ, въ портфеляхъ г. Семевскаго накопилось этого драгоцѣннаго «историческаго матеріала» для наполненія его журнала, говорятъ, лѣтъ на пятьдесятъ впередъ... Счастливецъ! Какъ писатель, М. И. пріобрѣлъ извѣстность своими дѣльными, прекрасно обработанными изслѣдованіями и монографіями: «Царица Прасковья», «Семейство Монсовъ», «Историческіе разсказы» и мн. др.

Семеновъ, П. П. — генералъ, но только не отъ кавалеріи и не отъ инфантеріи, а отъ географіи, въ штатѣ каковой можетъ назваться даже генералиссимусомъ. Вице-президентъ русскаго географическаго общества и директоръ центральнаго статистическаго комитета, стяжавшій эти титулы многими солидными трудами, г. Семеновъ командуетъ арміей россійскихъ географовъ, этнографовъ и статистиковъ, руководитъ ихъ экспедиціями и на челѣ ихъ дѣлаетъ неутомимыя завоеванія, но, по совѣсти, нельзя сказать, чтобы ему удалось до сихъ поръ вполнѣ завоевать для науки всѣ наши отечественныя пространныя terrae incognitae.

Семенковскій, Р. И.—одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ писателей, подвизающихся въ текущей журналистикѣ, и, къ сожалѣнію, очень мало до сихъ поръ оцѣненный, тогда какъ кругомъ столько откровенныхъ невѣждъ и пустыхъ краснобаевъ слывутъ «извѣстностями» и «талантами»! Многосторонне-свѣдущій, серьезный публицистъ, честный, прекрасный человѣкъ, Ростиславъ Ивановичъ достоинъ былъ бы занять выдающееся мѣсто въ журналистикѣ, а между тѣмъ, по скромности и благодушію, онъ мирится съ незавидной долей газетнаго поденщика... Добавимъ еще, что онъ можетъ считаться среди современныхъ нашихъ писателей лучшимъ, компетентнѣйшимъ знатокомъ польской жизни и польской литературы, съ которыми постоянно знакомитъ русскихъ читателей въ замѣчательныхъ статьяхъ и талантливыхъ переводахъ избранныхъ польскихъ беллетристовъ (см. его книгу «Польская Библіотека»).

Семирадскій, Г. И., профессоръ академіи художествъ, — международная знаменитость, такъ какъ картины г. Семирадскаго видѣла и признала замѣчательными вся Европа; самый талантъ г. Семирадскаго и содержаніе его картинъ тоже международны, общечеловѣчны, а не національны, какъ равно до сихъ поръ не рѣшено — какой національности и самъ авторъ «Свѣточей»: русскіе считаютъ его *своимъ*, а поляки *своимъ* и, кажется, съ одинаковымъ правомъ. Не все-ли это, впрочемъ, равно: вѣдь, эти удивительныя по своей яркости и живости краски, эта вдохновенная зрѣлость художественныхъ замысловъ, выполненныхъ съ такой силой, знаніемъ и мастерствомъ, эта античная красота группъ, фигуръ и одеждъ, чѣмъ блещутъ лучшія картины г. Семирадскаго («Христосъ и грѣшница», «Оргія временъ Тиверія», «Свѣточи христіанства» и др.), одинаково доставляютъ эстетическое наслажденіе всѣмъ, кто способенъ его испытывать, безъ различія племенъ и нарѣчій!

Сергѣевичъ, В. И., профессоръ петербургскаго университета, — глубокій

ученый, въ головѣ котораго утонуло, вскипятилось и переварилось все русское право, со всей его обширной литературой. Время отъ времени почтенный профессоръ опускается на дно своей глубокой учености и извлекаетъ изъ ея пучинъ на общую пользу цѣнные перлы эрудиціи и историко-юридической мудрости, каковы, напр., извѣстныя его книги: «Вѣче и князь»; «О земскихъ соборахъ»; «Задача и методъ государственныхъ наукъ» и проч. Подъ его редакціей изданы также русскимъ историческимъ обществомъ обширные и поучительные матеріалы екатерининской учредительной коммиссіи.

Сибиряковъ — милліонщикъ, принадлежащій къ новѣйшей генераціи просвѣщенныхъ купцовъ, таровато поощряющихъ своими деньгами науки и искусства, иногда и невпопадъ или ради купецкой бахвальной амбиціи, но во всякомъ случаѣ это несравненно благороднѣе и похвальнѣе, чѣмъ расточать нажитыя «тятеньками» «тыщи» на цыганъ, пропиваться и бить зеркала у Яра и въ «Самаркандѣ». Сибиряковъ меценатствуетъ съ чувствомъ, толкомъ и знаніемъ: онъ основывалъ безплатныя «народныя» библіотеки, содѣйствовалъ прогрессивной журналистикѣ, главная же его заслуга — разностороннія заботы о нашемъ Сѣверѣ, его родинѣ, интересы котораго онъ ревностно защищаетъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ и ученыхъ «говорильняхъ» и содѣйствуетъ ихъ преуспѣянію на мѣстѣ, снаряжаетъ и поощряетъ дальнія географическія экспедиціи и чрезъ это связываетъ, между прочимъ, свое имя съ славнымъ именемъ знаменитаго Норденшильда.

Сименсъ. — Какъ во время оно Америго Веспуччи воспользовался открытіемъ Колумба, такъ и Сименсъ пожалъ плоды изобрѣтенія Лодыгиныхъ и Яблочковыхъ и — большое ему за то спасибо! Какъ предпріимчивый дѣлецъ, онъ вывелъ новое прекрасное дѣло электрическаго освѣщенія изъ области теоретическихъ мечтаній и неудачныхъ прожектовъ на твердую практическую почву и, благодаря ему, у насъ теперь цѣлыя улицы горятъ волшебными электрическими фонарями.

Синебрюховы — громкая фамилія среди столичнаго именитаго купечества, но немножко скандалезной славы. Лѣтъ десять тому назадъ Синебрюховы ломали кости петербуржцевъ въ адской конструкціи уличныхъ дилижансахъ; позднѣе Синебрюховы стали фигурировать въ банкократскихъ взломахъ и «крахахъ» (Зри: дѣло о растратѣ въ «спб. общ. вз. кредита», дѣло о расхищеніи «кронштадт. город. кредитн. банка» и т. д.).

Синельниковъ — почившій нынѣ на покоѣ престарѣлый генералъ, имя котораго еще недавно произносилось съ интересомъ и уваженіемъ «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до стѣнъ недвижнаго Китая.» Бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, много и ревностно потрудившійся для водворенія въ ней гражданственности, порядка и правосудія, но, кажется, безъ особеннаго успѣха, ибо, какъ «намъ пишутъ», Сибирь все ждетъ и по сіе время, выражаясь словами поэта, «апостоловъ правды и науки...»

Скабичевскій — писатель, обратившій на себя вниманіе, какъ критикъ, бойкимъ, остроумнымъ, но немножко рѣзкимъ и тенденціозно-парціальнымъ разборомъ «Дыма» Тургенева въ «Отеч. Запискахъ», въ первый годъ изданія ихъ Некрасовымъ. Съ той поры г. Скабичевскій оставался неукоснительно крѣпокъ этому журналу и его знамени до конца ихъ дней. Чаявшіе, по первой его статьѣ, увидѣть въ немъ «вели-

итика-публициста, равнаго Бѣ-
и Добролюбову, не дождались
два-ли дождутся, тѣмъ болѣе,
г. Скабичевскій вовсе почти
критику текущихъ произве-
щной словесности для обшир-
апитальныхъ трудовъ по исто-
кой литературы, каковы его:
новѣйшей русской литера-
«Очерки исторіи цензуры въ
и проч.

ковскій, К. А. — геніально
трѣнный Гоголемъ, а нынѣ от-
конченный типъ петербургскаго
ннаго карьериста, ожидающій
лнаго образнаго увѣковѣченія
гристикѣ, на полотнѣ, въ тер-
— почемъ знать?— можетъ быть
монументальной бронзѣ, на
потомству. Отличительныя чер-
типа—не г. Скальковскаго, а
суть: энциклопедическая «лег-
ыслей» и претенціозная болт-
«ташкентская» философія и
ые вкусы, фанфаронство и
безграничная нецеремонность,
мъ тѣмъ, глядь — забубенный
шъ, въ то время какъ настоя-
ецы топчутся на одномъ мѣстѣ,
въ гору да въ гору, и преуспѣ-
блистаетъ. Каковъ г. Скаль-
какъ горный инженеръ, чинов-
«государственный умъ» (онъ—
екторъ горнаго департамента),
ъ; мы его знаемъ какъ фра-
оратора въ «обществѣ содѣй-
товнѣ... то, бишь! — торговлѣ
шленности»; знаемъ какъ без-
о туриста и лакомаго естество-
ля женской пластики, нарочно
го экспериментально изучать
Египтѣ и баядерокъ въ Индіи,
панію — смотрѣть, какъ «шу-
житъ Гвадалквивиръ» и какъ
ъ «испанка молодая» «ски-
съ себя «мантилью», о чемъ
и разсказано имъ смачно и занимательно въ цѣлыхъ томахъ «путевыхъ записокъ»; знаемъ, наконецъ, какъ веселаго, остроумнаго фельетониста «откровеннаго направленія», вѣрнаго сподвижника «нововременцевъ» (анонимнаго, впрочемъ, съ той поры, какъ онъ сталъ генераломъ), съ одинаковой непринужденностью и игривостью трактующаго о желѣзныхъ дорогахъ и о «желѣзномъ поскѣ» г-жи Ваземъ, о хлѣбныхъ «элеваторахъ» и о хореграфической «элеваціи», о вредѣ свободы торговли и о пользѣ свободы балетныхъ костюмовъ, о международной индустріи и о «международныхъ дамахъ»... Справедливость требуетъ, однако, сказать, что г. Скальковскій на литературномъ поприщѣ гораздо компетентнѣе въ балетномъ искусствѣ, чѣмъ въ политической экономіи, что и доказалъ своей ученой книгой: «Балетъ и его исторія» (1882 г.).

Скарятинъ — энергическій усмиритель, громко прославившійся въ недавнюю бытность свою начальникомъ Казанской губерніи, гдѣ онъ мастерски сочинялъ «бунты» среди мѣстныхъ татаръ и — надо полагать, въ отмщеніе имъ, басурманамъ, за Батыевскій погромъ — доблестно перепоролъ цѣлую ихъ орду. Къ сожалѣнію, распорядительная доблесть г. Скарятина была плохо оцѣнена начальствомъ и современниками, за исключеніемъ г. Каткова и одного акклиматизовавшагося въ Казани честнаго нѣмца, прусскаго подданнаго Тальквиста: г. Катковъ посвятилъ въ «Москов. Вѣд.» много теплыхъ, краснорѣчивыхъ строкъ въ защиту г. Скарятина и въ похвалу его подвига, а г. Тальквистъ сочувственно повѣсилъ ихъ обоихъ въ своей Bierhalle... то-есть, не самихъ гг. Скарятина и Каткова, — разумѣется, — а ихъ портреты.

Склифасовскій, профессоръ медицинскаго факультета въ Москвѣ, — знаменитый хирургъ, прославившійся первоначально въ Петербургѣ. Обладаетъ такой «легкой» рукой, когда она у него вооружается хирургическимъ ножемъ, и полосуетъ человѣческое тѣло съ такимъ чувствомъ, толкомъ и искусствомъ, что не знаетъ отбоя отъ охотниковъ испытать на себѣ ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе его операцій, не взирая на ихъ дороговизну. Славный хирургъ знаетъ себѣ цѣну и знаетъ счетъ денежкѣ.

Славина — выдающаяся пѣвица петербургской русской оперы. Мелодическое, хорошо обработанное меццо-сопрано, стройная, представительная наружность и сценическая грація — не такъ часто встрѣчаются среди нашихъ артистокъ, чтобы обладающая ими г-жа Славина осталась незамѣченной.

Славянскій — удачно и во-время подобранный, прогремѣвшій по всей Россіи, у «братушекъ»-славянъ, въ Парижѣ и даже у «заатлантическихъ друзей», увеселительный псевдонимъ одного находчиваго и оборотливаго соотечественника, настоящее имя котораго — Агреневъ. Г. Славянскій, нѣкогда питомецъ Марса, давно выступилъ на увеселительное поле, какъ пѣвецъ, но, не обладая ни голосомъ, ни талантомъ, долго оставался въ безъизвѣстности, пока не догадался сколотить свой кочующій хоръ и подладиться своимъ концертнымъ репертуаромъ и своими концертными пестрыми костюмами къ модной струѣ славянолюбія и дешеваго «народничества». Репертуаръ его, состоящій изъ русскихъ и славянскихъ забористыхъ мотивчиковъ часто сомнительнаго вкуса, не одобряется знатоками истинной народной пѣсни, его хоры-монстры, наряженные въ театральные «русскіе» костюмы котошихинскаго покроя, бьютъ на рекламу и грубый эффектъ, но это-то и нравится невзыскательной толпѣ, угодить которой и составляетъ всю цѣль *искусства* г. Славянскаго!

Слонимскій — молодой юристъ и соціологъ, обнаруживший изрядное прилежаніе, начитанность и реформаторскій огонекъ въ своихъ — немногихъ пока — «взглядахъ и нѣчто», являвшихся въ «Вѣстникѣ Европы» и другихъ толстыхъ журналахъ. Соревнуя Лассалю, Прудону и Карлу Марксу, г. Слонимскій стремится порѣшить окончательно всѣ современные соціальные «проклятые» вопросы, и недавно начерталъ провиденціальный планъ скораго и спасительнаго практическаго приложенія государственнаго соціализма къ руководству Европѣ, вообще, и князю Бисмарку, въ особенности. Такимъ родомъ, теперь въ устраненіи заразъ всѣхъ соціальныхъ золъ остановка лишь за европейскими правительствами, вообще, и княземъ Бисмаркомъ, въ особенности; г. Слонимскій-же, съ своей стороны, сдѣлалъ все, отъ него зависящее, для спасенія человѣчества!

Случевскій — писатель, но несравненно болѣе салонный кавалеръ и вдохновенный чиновникъ, слишкомъ счастливый своими рангами, отличіями и успѣхами, чтобы считать литературу призваніемъ и дѣломъ. За то и литературная муза, съ своей стороны, «не терпитъ суеты», по выраженію Пушкина, и очень ревнивая къ своимъ жрецамъ, часто не прощаетъ имъ такого раздѣла сердца и безцеремонно поворачивается къ нимъ спиною, когда они не всецѣло ей отдаются, а только слегка, диллетантски заигрываютъ съ нею въ часы досуга и вмѣсто десерта. Такой именно аффронтъ испыталъ на себѣ г. Случевскій. Лѣтъ двадцать тому назадъ, вначалѣ своей литературной

Дѣло мастера боится.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., НОЯБРЯ 1883

карьеры, онъ подавалъ большія надежды, какъ талантливый поэтъ, но потомъ, по мѣрѣ своего отвлеченія отъ литературной профессіи и пріобрѣтенія успѣховъ въ свѣтѣ и по табели о рангахъ, онъ постепенно оскудѣвалъ и мельчалъ въ своей поэтической производительности, а возлагавшая на него надежды критика махнула на него рукою. Тѣмъ не менѣе, г. Случевскій неутолимо жаждетъ литературной славы и ради нея все пишетъ и пишетъ, и въ стихахъ и въ прозѣ, издавая томъ за томомъ свои стихотворенія, едва-ли находящія многихъ читателей, и это тогда, какъ онъ самъ въ одной своей позднѣйшей пьесѣ сознается, что въ его «сердцѣ холодъ, въ мысли ледъ», что въ немъ —

Почти что умерли въ безмолвномъ сердцѣ боли,
Рожденныя изъ чувствъ, по мѣрѣ бытія.

И далѣе покаянно продолжаетъ:

Я чувства убивалъ! одно другимъ терзая,
Изъ сердца вытравлялъ! а много было ихъ!..

Да, было, но быльемъ поросло! Нынѣче даже «сердитый» для другихъ и искательно-льстивый къ г. Случевскому критикъ «Новаго Времени» только и нашелся, въ похвалу ему, «не отказать въ замѣчательной производительности и въ замѣчательной для нашихъ дней любви къ своему дѣлу» .. И — только!

Смирнова — писательница, на которой неожиданно оправдались ветхозавѣтныя русскія максимы про роль женщины: «вышла замужъ — что посхимилась», «бабья дорога (карьера) — отъ печки до порога» и т. п. Молодая даровитая писательница начала свою литературную карьеру очень горячо и дѣятельно; ея имя не сходило съ журнальныхъ обложекъ и въ короткое время она написала нѣсколько большихъ повѣстей и романовъ (не считая мелкихъ очерковъ и фельетоновъ), какъ вдругъ заводится у нея свой собственный романъ съ извѣстнымъ актеромъ Сазоновымъ, благополучно разрѣшающійся счастливымъ бракомъ, и — наша романистка, въ самомъ дѣлѣ, точно посхимилась для литературныхъ «грѣховъ»: вотъ ужь нѣсколько лѣтъ въ текущей словесности о ней ни слуху, ни духу!

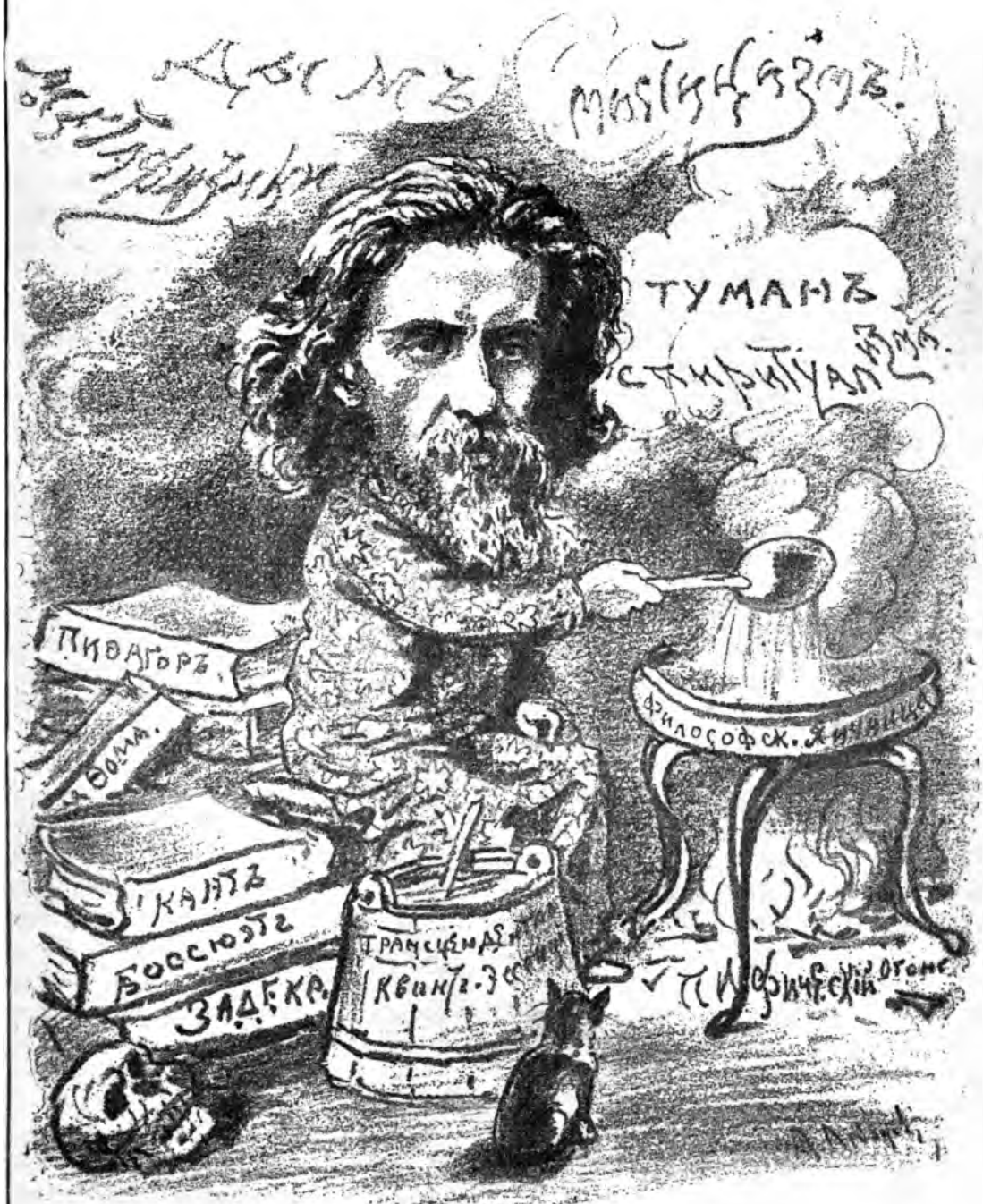
Соболевскій — отвѣтственный редакторъ-издатель «Русскихъ Вѣдомостей», представляющихъ собою одну изъ порядочнѣйшихъ и солиднѣйшихъ, прогрессивнаго направленія, газетъ не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи. Добрую славу за «Русскими Вѣдомостями», только безъ добраго намѣренія, призналъ даже г. Катковъ, наименовавъ ихъ какъ-то «профессорской газетой» — комплиментъ коварный, но для слишкомъ ужь проницательныхъ читателей, ибо немудрствующимъ лукаво читателямъ было только пріятно узнать, что въ названной газетѣ работаютъ просвѣщенные, знающіе московскіе профессора, какъ это есть и на самомъ дѣлѣ. Пріятно также будетъ, вѣроятно, многимъ читателямъ узнать, что самое изданіе «Русскихъ Вѣдомостей» въ настоящее время ведется артельнымъ порядкомъ между участвующими въ нихъ сотрудниками, являющимися, такимъ образомъ, одновременно и хозяевами газеты. Это у насъ первый удачный опытъ въ этомъ родѣ, иниціатива и организація котораго принадлежатъ отчасти г. Соболевскому, который вообще является вполнѣ достойнымъ представителемъ «профессорской газеты», какъ человѣкъ хорошо образованный (онъ самъ былъ профессоромъ Демидовскаго лицея), порядочный, мастеръ и дѣло дѣлать и увеселительнымъ бездѣльемъ съ пріятелями побаловаться.

Соколовъ, А. А., писатель-журналистъ, — даровитый, выдающійся и типичный представитель петербургской «маленькой прессы», расцвѣту которой, а также, правду сказать, и деморализаціи онъ много съ успѣхомъ содѣйствовалъ втеченіи своей двадцатилѣтней литературной карьеры. Г. Соколовъ, по справедливости, можетъ считаться дѣйствительнымъ основателемъ у насъ того типа летучаго, съ бѣглымъ, пестрымъ содержаніемъ, увеселительно-обличительнаго городскаго («уличнаго», по термину зоиловъ) листка, который въ настоящее время имѣетъ столько разновидностей, въ томъ числѣ столько пошлыхъ, неопрятныхъ, завѣдомо-шантажныхъ, и такое огромное распространеніе среди малограмотной массы, отчасти, безспорно, просвѣщая ее, а отчасти помрачая и развращая. Первообразомъ этого рода «прессы» явился «Петербургскій Листокъ» съ той именно поры, когда г. Соколовъ сталъ его редакторомъ и полнымъ хозяиномъ его столбцовъ, которые онъ-же главнымъ образомъ и наполнялъ постоянно, съ изумительной плодовитостью и скороспѣлостью неистоваго борзописца, своей фельетонной словесностью обо всѣмъ и обо вся — иногда мѣтко и остроумно, часто вкривь и вкось, вульгарно и плоско, и еще чаще пристрастно и крайне нецеремонно въ пасквилянтскомъ злоязычіи на однихъ лицъ и грубомъ восхваленіи другихъ; но во всѣхъ случаяхъ — съ комически-невозмутимымъ апломбомъ всезнайства, правоты и гражданской доблести, которыя въ г. Соколовѣ, однако, нерѣдко подвергались жестокому сомнѣнію со стороны скептиковъ . . .

Соколовъ, И. И., профессоръ академіи художествъ, — спеціалистъ по изображенію охоты, преимущественно псовой, поэтому и цѣнить вполнѣ поэзію, драматизмъ и правдивость картинъ г. Соколова могутъ только спеціалисты «борзятники» изъ «Общества любителей охоты», — намъ-же сіе не дано.

Солдатенковъ, К. Т. — благочестивый и благолѣпный московскій купецъ-богачъ, не смотря на свое старовѣрство, почувствовавшій грѣховное влеченіе къ свѣтскимъ, европейскаго чекана, наукамъ, искусствамъ и просвѣщенію, и очень краснорѣчиво сіе засвидѣтельствовавшій цѣлымъ рядомъ тароватыхъ поощреній и содѣйствій во вкусѣ Мецената. Г. Солдатенковъ обогатилъ отечественную литературу прекраснымъ изданіемъ на свой счетъ многихъ дорогихъ, полезныхъ книгъ лучшихъ русскихъ писателей и ученыхъ. Солдатенковская картинная галлерея, составленная изъ выдающихся произведеній новѣйшей русской живописи и непрерывно пополняемая съ толкомъ и вкусомъ новыми картинами, очень немного имѣетъ себѣ подобныхъ по богатству не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи. Г. Солдатенковъ въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ такую лестную репутацію знатока и цѣнителя талантовъ, что нашимъ художникамъ, почитай, и слава не въ славу, если онъ не поощритъ ихъ покупкой той или другой ихъ картинки для своей галлереи.

Соллогубъ, графъ, — молодой человѣкъ, возмнившій, что довольно имѣть родителя — талантливаго, заслуженно-извѣстнаго писателя, чтобы и самому, по наслѣдству, прослыть за таковаго-же, не имѣя ни литературнаго дарованія, ни даже достаточно твердаго знанія русской грамоты. Кажется, впрочемъ, наивный графъ послѣ нѣсколькихъ плачевныхъ опытовъ (въ родѣ скоропостижно предпринятаго имъ и



. . . . . «Жизнь я ощущаю,
Несытымъ никакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты». З.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 20 НОЯБРЯ 18

«Женитьба Бѣлугина» можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе выдающихся произведеній нашей драматургіи; она и до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара, выдержавъ въ одномъ Александринскомъ театрѣ болѣе 60-ти представленій. Г. Соловьевъ написалъ потомъ еще нѣсколько пьесъ, тоже недурныхъ, но, по обычаю многихъ русскихъ писателей, — уже слабѣе первой его вещи. Нельзя не упрекнуть его также въ повадкѣ морализировать и въ нѣкоторой странной, квасной тенденціи — доказать образно, на своихъ герояхъ, духовное превосходство, якобы, замоскворѣцкой, нетронутой цивилизаціей, «самобытности» передъ «петербургскимъ» интеллигентнымъ европействомъ. Тенденція эта проведена уже въ «Женитьбѣ Бѣлугина», и еслибы даже она была основательна, то и тогда не мѣсто-бы этой чисто-публицистической струѣ въ чистомъ художествѣ.

Соловьевъ, Н. Ф. — профессоръ петербургской музыкальной консерваторіи и композиторъ, хранящій въ глубинѣ своей музыкальной души много превосходнѣйшихъ оперъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни одной изъ нихъ не собравшійся окончательно положить на ноты, а вѣдь «годы проходятъ, все лучшіе годы» . . . Композиторскому таланту г. Соловьева мы обязаны, между прочимъ, окончаніемъ и постановкой прекрасной «Рогнѣды» Сѣрова. Завсѣмъ тѣмъ въ г. Соловьевѣ газетная журналистика имѣетъ образованнаго, компетентнаго и неподкупно-справедливаго музыкальнаго критика.

Солодовниковъ — московскій купецъ-милліонщикъ, прославившійся на всю православную Русь какъ жестоковыйный сквалыга - прелюбодѣй, въ знаменитомъ скандалезномъ процессѣ съ одной изъ жертвъ своего сластолюбія, которую онъ, вмѣстѣ съ многочисленнымъ приплодомъ отъ него-же, безсердечно выбросилъ на улицу, поскупившись обезпечить пропитаніемъ.

Сольскій, Д. М., дѣйств. тайный совѣтникъ, — видный и популярный государственный мужъ, отличавшійся на разныхъ постахъ петербургской высшей администраціи; нынѣ начальствуетъ въ томъ почтенномъ учрежденіи, которое, являясь органомъ финансовой «умѣренности и аккуратности», порядка и отчетности, стоитъ на стражѣ государственной денежки, болѣе всякой другой, по народному присловью, «любящей счетъ» и «крѣпкой счетомъ». Г. Сольскій — государственный контролеръ.

Сомовъ, А. И., «почетный вольный общникъ академіи художествъ», какъ онъ титуловалъ себя на нѣкоторыхъ своихъ изданіяхъ. Титулъ этотъ г. Сомовъ заслужилъ не художественной производительностью, а литературно-канцелярской, искусству посвященной. Составилъ, между прочимъ, дѣльный каталогъ русской живописи въ стѣнахъ академіи; нынѣ редактируетъ хорошій журналъ «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ».

Спасовичъ, В. Д., бывшій профессоръ уголовнаго права въ петербургскомъ университетѣ, адвокатъ, ораторъ и писатель, — человѣкъ большой извѣстности и крупнаго масштаба, по гибкому, острому, діалектическому уму и замѣчательному литературно-ораторскому таланту, по учености и многосторонней энергической дѣятельности, а также, можетъ быть, и по своимъ отрицательнымъ качествамъ. Въ юриспруденціи Владиміръ Даниловичъ — неоспоримый авторитетъ и какъ теоретикъ, заявившій себя многими учеными изслѣдованіями въ области права, и какъ счастливый дѣлецъ-адвокатъ, изощренный въ законовѣдѣніи

Опытъ междуплеменнаго дуализма или искусство держаться межъ двухъ стульевъ.

и софистикѣ, краснорѣчивый, находчивый и, по всему этому, не имѣющій почти соперниковъ въ искусствѣ «судоговоренія», а равно — нельзя не сказать — и въ «прелюбодѣйствѣ мысли», въ каковомъ онъ не разъ изобличался, безстрашно, въ ущербъ своей доброй славѣ, защищая сомнительныя дѣла изъ-за соблазнительныхъ «кушей». Впрочемъ, юриспруденція у г. Спасовича — послѣднее, черное дѣло для хлѣба; задушевнѣйшія-же его симпатіи принадлежатъ литературѣ, искусству и политикѣ. Онъ, напр., пламенный «шекспиристъ», глубоко изучившій великаго англійскаго сердцевѣда и прочитавшій о немъ нѣсколько интересныхъ публичныхъ лекцій. Онъ написалъ, вмѣстѣ съ г. Пыпинымъ, солидную, прекрасную книгу «Обзоръ славянскихъ литературъ» и считается большимъ знатокомъ особенно польской литературы, вящему процвѣтанію которой содѣйствуетъ, между прочимъ, изданіемъ на свой счетъ въ Варшавѣ, на польскомъ языкѣ, учено-литературнаго журнала «Ateneum». Въ этомъ пунктѣ въ Спасовичѣ-писателѣ начинается Спасовичъ-политикъ,—политикъ весьма рискованнаго и даже немножко противуестественнаго «направленія». Г. Спасовичъ раздѣлилъ свое сердце между Русью и Польшей на двѣ равныя, (а можетъ, и не совсѣмъ равныя) половинки: — отсюда тщетное усиліе усѣсться на двухъ стульяхъ, стянутыхъ тоненькой ниточкой призрачнаго національнаго «примиренія», и трагическая неизбѣжность висѣть между ними, а то и очень больно шлепаться; отсюда неавантажное положеніе перемудрившей сороки-опортюнистки, «отъ воронъ отставшей и къ павамъ неприставшей». Вообще, въ этомъ щекотливомъ вопросѣ г. Спасовичъ, по существу — космополитъ, является апостоломъ любопытнаго и поучительнаго, но неудачнаго исповѣданія національнаго дуализма. Хотя онъ несомнѣнно искрененъ въ своей вѣрѣ, но адептовъ ей не пріобрѣлъ и кончилъ тѣмъ, что и русскіе и поляки одинаково не стали признавать его своимъ. Особенно обидно трактуютъ его поляки, у которыхъ Спасовичъ сталъ даже нарицательнымъ эпитетомъ плохаго патріота. И точно, нельзя одновременно поклоняться двумъ богамъ, нельзя одинаково любить заразъ и попа, и попадью и попову дочку!

Станюковичъ, К. М. — даровитый фельетонистъ (зри его остроумные фельетоны въ «Дѣлѣ», подъ псевдонимомъ «Откровеннаго писателя»), покушающійся не безъ успѣха и на амплуа романиста. Покушался г. Станюковичъ въ свое время сдѣлаться и мореплавателемъ (онъ бывшій морской офицеръ), и банкократомъ (былъ директоромъ поземельнаго банка), но, влекомый писательскимъ призваніемъ и пылкимъ либерализмомъ, избралъ въ концѣ концовъ трудный и опасный жребій журналиста. Свою журнальную карьеру онъ началъ въ «Петербургской Газетѣ», работалъ потомъ въ «Новостяхъ», «Молвѣ» и «Порядкѣ», а въ послѣднее время прочно основался въ журналѣ «Дѣло» и сдѣлался было даже, послѣ смерти Благосвѣтлова, изъ сотрудниковъ его издателемъ, но тутъ, къ сожалѣнію, прочность самого «Дѣла» поколебалась.

Старчевскій, А. В. — журнальный Велизарій: былъ нѣкогда славенъ и богатъ, владѣлъ распространеннѣйшей въ Россіи газетой, приносившей ему десятки тысячъ, владѣлъ нѣсколькими громадными домами, въ томъ числѣ знаменитымъ роскошнымъ палаццо Монферана, въ которомъ самъ покоролевски обиталъ, кушалъ на севрскомъ фарфорѣ короля Людовика

XV-го, спалъ на королевской кровати Маріи-Антуанеты и снились ему чуднеѣйшіе королевскіе сны. Разъ ему приснилось, будто онъ уже столь великъ и знаменитъ, что заживо можетъ занять пьедесталъ въ россійскомъ Пантеонѣ, въ каковой увѣренности и подарилъ обязательно подписчикамъ свой портретъ, во множествѣ экземпляровъ оттиснутый.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь! . . .

Г. Старчевскій слишкомъ увлекся королевскими снами въ чаяніи стать Крезомъ, запутался въ паутинѣ аферистики и жестоко обанкрутился, въ кратчайшее время потерявъ все — и дома, и свое палаццо, и кровать Маріи-Антуанеты и доходную газету. Это случилось въ срединѣ 60-хъ годовъ, и съ той поры г. Старчевскій являетъ собою поучительно-драматическое зрѣлище журнальнаго Велизарія въ декадансѣ, мужественно переносящаго превратности судьбы и нигдѣ не находящаго себѣ прочнаго пристанища. Очень жаль, ибо А. В. несомнѣнно заслуживалъ-бы лучшей доли, какъ старый, опытный, хорошо образованный журналистъ — основатель первой у насъ, по времени, дешевой, популярной, хотя и компилятивной, но грамотной и приличной газеты. Говоримъ о «Сынѣ Отечества», который подъ редакціей г. Старчевскаго сдѣлался-было самой распространенной у насъ газетой, доходивъ до безпримѣрной дотолѣ цифры — тридцати тысячъ экземпляровъ. Въ литературѣ А. В. заявилъ себя, главнымъ образомъ, неукротимымъ лексикологомъ, хотя и не особенно блистательнымъ, какъ это можно судить по самому капитальному и законченному его въ этомъ родѣ опыту — «Справочному Энциклопедическому Словарю» (изд. Края), вошедшему въ притчу по своимъ безчисленнымъ промахамъ и нелѣпостямъ.

Стасовъ, В. В. — вѣдаетъ художественно-археологическій отдѣлъ въ императорской публичной библіотекѣ и слыветъ авторитетнымъ знатокомъ искусства, преимущественно — отечественнаго, какъ о томъ гласятъ уже его многочисленныя журнальныя статьи, статейки и статеечки: «О значеніи Брюлова и Иванова», «Автографы музыкантовъ въ Публичной Библіотекѣ», «Фотографія и гравюра», «О голландской живописи», «О происхожденіи русскихъ сказокъ», «О русской музыкѣ», «Воспоминанія» о Глинкѣ, Даргомыжскомъ и Сѣровѣ, и прочая, и проч. и пр. Сводъ всего написаннаго г. Стасовымъ составилъ-бы обширный, вдохновенно набросанный брульйонъ исторіи русскаго искусства за послѣднія двадцать, тридцать лѣтъ, изъ котораго, при провѣркѣ и переписке набѣло, многое, конечно, пришлось-бы выкинуть, но многое и оставить для потомства, какъ достовѣрный и цѣнный лѣтописно-критическій матеріалъ. Образованный, съ изощреннымъ вкусомъ, убѣжденный и смѣлый критикъ, глубоко изучившій старое искусство и знающій вдоль и поперекъ новое, г. Стасовъ по праву занялъ въ журналистикѣ видный постъ верховнаго судіи и вѣщаго пророка по части эстетики. Судъ его, всегда рѣшительный и безповоротный, часто окончательно установлялъ въ общественномъ мнѣніи и славу и безславіе многихъ художниковъ и художественныхъ произведеній. Изрекаетъ человѣкъ свое сужденіе громко, докторально, искренно и съ азартомъ, какъ это всегда дѣлаетъ г. Стасовъ, — чего-жь больше для того, чтобы прослыть руководящимъ авторитетомъ у нашей публики, такой робкой и безгласной, такой легковѣрной и малознающей!

На мотивъ: «Эй, дубинушка, ухнемъ!»

Правда, звонкій и страстный голосъ г. Стасова рѣдко звучалъ фальшивыми нотами, хотя порой это былъ просто — праздный и болтливый «кимвалъ бряцаяй». Не смотря на свои крайнія пристрастія и тенденціозныя увлеченія (напр., «могучей кучкой» въ музыкѣ, реализмомъ въ живописи) и проистекающіе отсюда, съ одной стороны, фаворитизмъ, а съ другой — нетерпимость, въ которыхъ г. Стасовъ такъ часто изобличался, не смотря, наконецъ, на всегдашнія преувеличенія своихъ неистовыхъ похвалъ и порицаній, онъ въ большинствѣ случаевъ мѣтко и правильно, съ одного взгляда и прежде всѣхъ, оцѣнивалъ выдающіяся художественныя вещи и вѣрно угадывалъ объемъ и значеніе новыхъ талантовъ. Это-то и цѣнно въ немъ; его-же слабости и промахи, вѣроятно, не будутъ зачтены ему въ вину на страшномъ судѣ передъ той горячей, вдохновенной, истинно-патріотической любовью къ русскому искусству, которою всегда горѣлъ и горитъ г. Стасовъ.

Стасюлевичъ, М. М., докторъ исторіи, бывшій профессоръ, писатель, издатель-журналистъ и думскій дѣятель. — Г. Стасюлевичъ представляетъ, своимъ личнымъ характеромъ, образомъ мыслей и дѣятельностью, рѣдкій на Руси образецъ человѣка вполнѣ парламентарнаго, т. е., не въ какомъ нибудь — избави Богъ! — непцензурномъ смыслѣ (хотя находятся указующіе персты, которые въ такомъ смыслѣ на него инсинуируютъ), а въ такомъ, что это человѣкъ строгой законности, порядка, труда, приличія и просвѣщенной средины во всемъ и вездѣ — и у себя дома, и на профессорской каѳедрѣ, и за редакторской конторкой и на публичной трибунѣ. Даже благообразная, вполнѣ парламентарная наружность М. М., его средній ростъ, среднія лѣта, все знаменуетъ въ немъ такую именно стройную индивидуальную пропорціональность склада и воспитанія, приспособленныхъ къ мирному, не особенно бойкому, а среднему, ни шаткому, ни валкому режиму. Замѣчательно, что г. Стасюлевичъ даже въ своей наукѣ держался больше средины, въ хронологическомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи: онъ преподавалъ среднюю исторію, написалъ превосходную «Исторію среднихъ вѣковъ» — обширнѣйшій и лучшій изъ его ученыхъ трудовъ. Вся его трудолюбивая дѣятельность и всѣ предпріятія, не блистая какой-нибудь чрезвычайностью, носятъ печать солидности, обдуманной зрѣлости и безупречной порядочности. Таковъ, основанный имъ, журналъ «Вѣстникъ Европы», который никогда не былъ особенно яркимъ ни по направленію, ни по содержанію, но всегда былъ и остается академически-приличнымъ, серьезнымъ, просвѣщеннымъ, неукоснительно стоящимъ на высотѣ науки и европейскаго прогресса. Такой же респектабельный характеръ имѣла и основанная г. Стасюлевичемъ, но, къ сожалѣнію, недолго существовавшая газета «Порядокъ», выкинувшая знамя пресловутаго «правоваго порядка», столь искаженнаго и оклеветаннаго партіей «упразднителей». Въ городской думѣ г. Стасюлевичъ положительно самый парламентарный изъ гласныхъ и самый выдающійся изъ вождей ея интеллигентной «партіи». Онъ принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ думскихъ занятіяхъ, бдительно стоитъ на стражѣ городскихъ интересовъ и его спокойныя, дѣльныя, мастерскія по формѣ думскія рѣчи — образецъ парламентарнаго краснорѣчія. Такіе люди, какъ г. Стасюлевичъ, всегда и вездѣ драгоцѣнны, тѣмъ болѣе у насъ, при нашемъ «безлюдьи», восполняе-

момъ сплошь и рядомъ невѣждами, шарлатанами и хапугами.

Стаховичъ — извѣстный конный заводчикъ, четвероногіе летучіе питомцы котораго съ честью поддерживаютъ репутацію своего хозяина на царскосельскихъ и иныхъ скачкахъ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи сихъ послѣднихъ.

Стахѣевъ, Д. И., плодовитый сочинитель, имя котораго уже лѣтъ двадцать кряду безсмѣнно фигурируетъ на обложкахъ толстыхъ журналовъ въ отдѣлѣ «Изящной Словесности». Г. Стахѣевъ пишетъ романы, повѣсти, разсказы, и написалъ ихъ множество, но едва-ли самые прилежные читатели твердо помнятъ что-нибудь изъ сочиненій г. Стахѣева. Беллетристъ онъ легко читаемый, интересный, но изъ тѣхъ, которые лишены своего «особаго отпечатка», своей оригинальной физіономіи, и которымъ потомство монументовъ на площадяхъ не ставитъ.

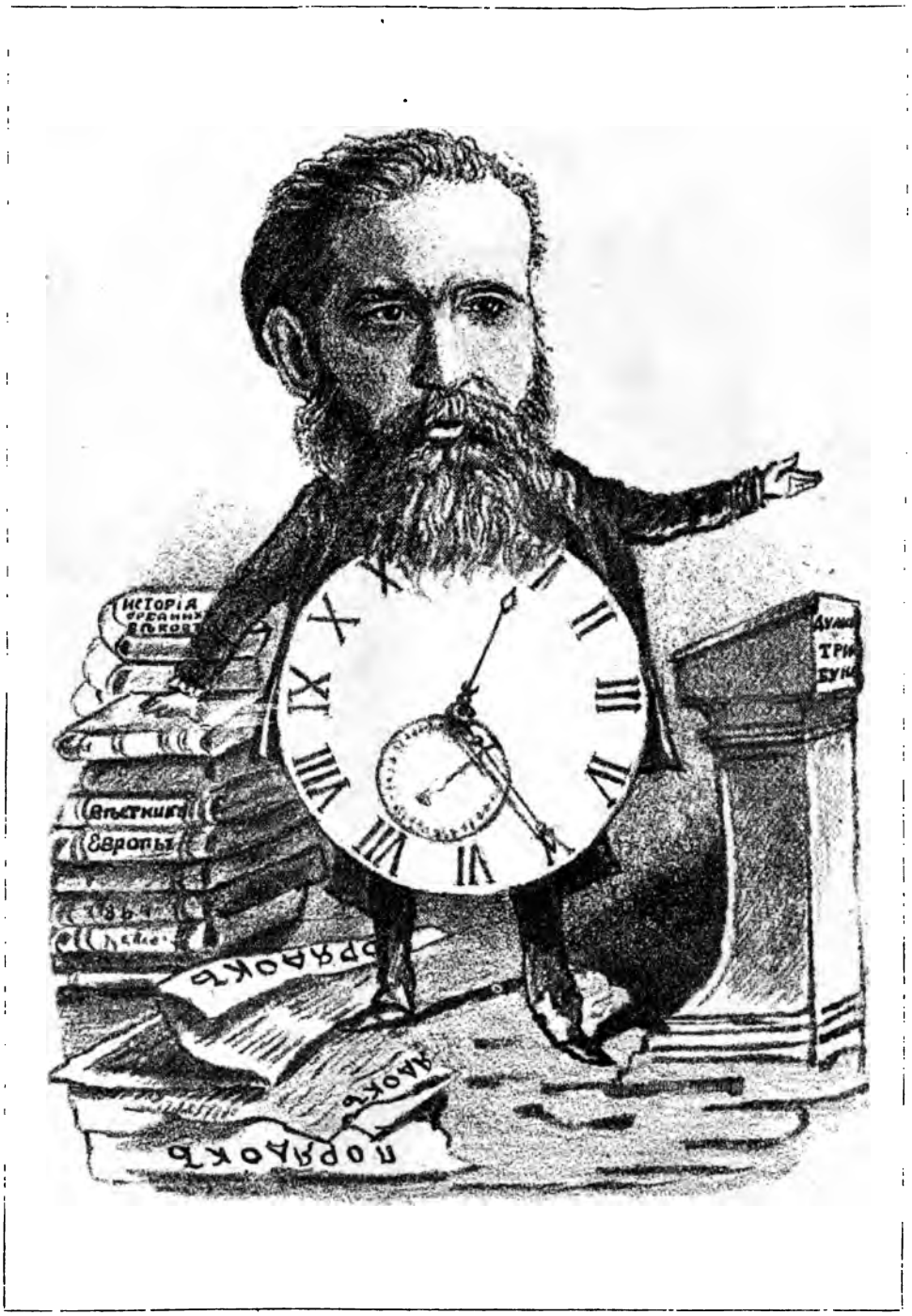
Стелловскій — нынѣ успокоившійся, а еще не слишкомъ давно очень предпріимчивый и очень извѣстный — со сторонъ, однако, не совсѣмъ достославныхъ — петербургскій издатель русскихъ литературно-музыкальныхъ произведеній. Понынѣ состоитъ монопольнымъ хозяиномъ-издателемъ безсмертныхъ твореній Глинки и иныхъ нашихъ композиторовъ, скупленныхъ имъ за безцѣнокъ.

Стоюнинъ, В. Я., маститый педагогъ, содержатель частной образцовой гимназіи, много и плодотворно потрудившійся на поприщѣ учебной и журнально-ученой литературы, главнымъ образомъ по исторіи русской словесности. Статьямъ его, руководствамъ и изслѣдованіямъ нѣсть числа; изъ послѣднихъ его трудовъ наиболѣе памятны солидно обработанныя, объемистыя монографіи о Шишковѣ и о Пушкинѣ. Памятенъ также его реформаторскій походъ въ началѣ 60-хъ гг. противъ *ѳиты*, *ижицы* и другихъ безполезно-бременящихъ русскую азбуку литеръ — походъ, доблестно предпринятый въ интересѣ упрощенія нашего правописанія, но неувѣнчавшійся успѣхомъ и только позабавившій въ свое время легкомысленныхъ скалозубовъ.

Стояновскій Н. И., дѣйств. тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, — глубокій законовѣдъ, какъ теоретикъ и какъ практикъ, пользующійся доброй извѣстностью и въ ученолитературномъ мірѣ, съ которымъ поддерживаетъ связи съ ревностью истиннаго любителя просвѣщенія: самъ — писатель и ученый, онъ предупредительно является на разныхъ ученолитературныхъ именинахъ въ числѣ почетныхъ гостей (Юбилей акад. Грота, юбилей кіевскаго университета). Эти связи у г. Стояновскаго давнія: онъ былъ близокъ съ знаменитымъ Олениннымъ, породнился съ нимъ и трудолюбиво обработалъ его біографію.

Стояновъ, А. Н., профессоръ права въ харьковскомъ университетѣ, начертавшій пользующіеся у юристовъ извѣстностью «Очерки исторіи и догматики международнаго права». Читающей массѣ г. Стояновъ сталъ нѣсколько извѣстенъ, лѣтъ пять тому назадъ, основавъ въ Харьковѣ поднесь существующую ежедневную газету «Южный Край», которая подъ его, къ сожалѣнію, кратковременной редакціей, была однимъ изъ наиболѣе грамотныхъ, толковыхъ и приличнѣйшихъ органовъ провинціальной прессы.

Стравинскій, первый баритонъ петербургской русской оперы, весьма и по справедливости одобряемый музыкальной критикой и столичными меломанами за хорошій органъ, за умѣнье пѣть и лицедѣйствовать на сценѣ.



— *Да здравствуютъ порядокъ, умѣренность и аккуратность!*

Наши Знакомые.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 21 МАРТА 1884 г

Типографія Эд. Гоппе, Возн. пр., 53.

Страховъ, Н. И. — философъ славянофильской школы, на *нѣмцахъ* вскормленный, какъ и самое славянофильство, впрочемъ, которое запарилось, взбродило и выпеклось на дрожжахъ нѣмецкой философіи, но только не хочетъ въ этомъ сознаться. Обладая большой ученостью и широкимъ, хорошо вышколеннымъ въ отвлеченномъ мышленіи умомъ, но нѣсколько тяжеловѣснымъ умомъ гелертера, а не публициста, г. Страховъ никогда не пользовался ни въ наукѣ, ни въ литературѣ большимъ вліяніемъ, даже на службѣ своей «партіи» сдѣлалъ гораздо менѣе, чѣмъ можно было отъ него ожидать. Наиболѣе содержательнымъ и замѣтнымъ моментомъ въ его житіи была пора его дѣятельнаго, руководящаго участія въ журналахъ «Время» и «Эпоха», когда онъ, вмѣстѣ съ Достоевскимъ, горячо возвѣстилъ открытіе пресловутой «почвы», на которой они — не всегда побѣдоносно — столько переломали копій съ «Современникомъ». Тогда-же Н. И. написалъ рядъ мало оцѣненныхъ, замѣчательныхъ философско-критическихъ разборовъ Тургенева, Толстаго и другихъ писателей. Его же перу принадлежала и надѣлавшая въ свое время большаго шума, искренняя статья о польскомъ вопросѣ, въ разгаръ польскаго возстанія, которая, однако-жь, стоила жизни самой «Эпохѣ». Съ той поры г. Страховъ, какъ истый философъ, началъ предаваться уединенію, сталъ особнякомъ, совсѣмъ почти «въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ» журналистики, пишетъ, переводитъ и издаетъ глубокомысленныя и ученыя книги—надо полагать — больше для потомства, такъ какъ современники, къ сожалѣнію, очень мало ихъ читаютъ.

Стрепетова, П. А., актриса Александринскаго театра, — изъ категоріи тѣхъ сценическихъ талантовъ, которые называются «самородными» и «нутряными». Никакой школы, очень мало искусства и до-нельзя преувеличенныя упованія на свое художественное «нутро», на его чуткость и творческую способность, — таковы суть отличительныя качества нашихъ «самородковъ» вообще и г-жи Стрепетовой въ особенности. Поэтому игра г-жи Стрепетовой крайне неровна: она хороша лишь въ сильныхъ драматическихъ мѣстахъ и то, когда артисткѣ не отказываются служить ея нервность и сердечность, безъ возбужденія которыхъ она въ такихъ мѣстахъ банальна, ходульна и отдаетъ дурнымъ вкусомъ провинціальныхъ актеровъ. Поэтому и репертуаръ г-жи Стрепетовой очень ограниченъ и исчерпывается, въ сущности, однимъ лишь типомъ простой русской женщины — крестьянки и мѣщанки, притомъ въ драматическомъ положеніи горя, страданія и несчастья. Славу г-жѣ Стрепетовой составила игра ея въ «Горькой судьбинѣ». И этого, конечно, довольно-бы для признательности съ нашей стороны; но, къ сожалѣнію, г-жу Стрепетову, какъ говорится, «захвалили» слишкомъ увлекающіеся поклонники и внушили ей увѣренность, что она велика безъ сравненія, что ей всякія роли по плечу. Отсюда рядъ рискованныхъ и просто неудачныхъ дебютовъ артистки въ трагическихъ роляхъ античныхъ героинь и королевъ, для изображенія которыхъ у нея не хватаетъ и внѣшнихъ сценическихъ средствъ — представительности, красоты, граціи.

Строгановъ, А. Г., графъ, генералъ, членъ государственнаго совѣта,— представитель древняго и славнаго рода, съ именемъ котораго связана, между прочимъ, исторія завоеванія Сибири. Строгановы всегда были первыми богачами (Екатерина II о современ-

номъ ей Строгановѣ говорила, что сколько-бы онъ ни раззорялся — разориться не въ состояніи), а въ позднѣйшее время отличались любовью къ искусствамъ и наукамъ и покровительствомъ очнмъ. Строгановская картинная галлерея, помѣщающаяся въ одномъ изъ старинѣйшихъ въ Петербургѣ, великолѣпномъ фамильномъ домѣ графа, признается весьма замѣчательной, особенно по обилію и рѣдкости историческихъ портретовъ. Петербуржцы, обитающіе на берегахъ Черной рѣчки, ежедневно и многократно съ признательностью упоминаютъ имя Строгановыхъ, пользуясь Строгановымъ мостомъ и великолѣпнымъ Строгановымъ садомъ.

Струве, А. Э., инженеръ-генералъ-маіоръ, — человѣкъ военный и вполнѣ обладаетъ той воинственной смѣлостью, которая, по пословицѣ, «города беретъ», — онъ же съ ея помощью, по его собственному горделиво-воинственному выраженію, побѣдоносно «покоряетъ и заковываетъ» строптивыя рѣки, т. е., говоря гражданскимъ стилемъ, мосты строитъ. Жаль только, что мостики его превосходительства (напр., петербургскій) иногда обходятся дороже смѣты милліончика на два, на три; но за то, правда, о нихъ можно сказать: «дорого, да мило». Зри его великолѣпные и грандіозные Кіевскій на Днѣпрѣ и Александровскій на Невѣ мосты, прочность которыхъ, къ тому-жъ, настолько, повидимому, несомнѣнна, что пройти по нимъ отважился-бы даже и крыловскій лгунъ безъ большаго риска провалиться.

Струве, О. В., академикъ, — сынъ знаменитаго астронома, унаслѣдовавшій отъ родителя талантъ звѣздочетства, ученое прилежаніе и высокій постъ директора Пулковской обсерваторіи (выше Пулкова нѣтъ точки въ Петербургѣ и его окрестностяхъ). Почтенный академикъ самъ давно уже на счету замѣчательныхъ астрономовъ, какъ удостовѣряетъ и ученый, но не всегда грамотный профессоръ Березинъ въ своемъ словарѣ, приписывая г-ну Струве «открытіе одного изъ спутниковъ Урана», «обнародованіе точныхъ наблюденій кометъ» (т. е., надъ кометами, ибо еще не открыто, чтобы кометы дѣлали, съ своей стороны, наблюденія) и «опредѣленіе постоянной процессіи» (?!).

Струйская Е. П. — нынѣ забытая неблагодарными современниками, а еще недавно исторгавшая у нихъ восторги отставная «премьерша» Александринскаго театра, оттертая съ этого поста г-жей Савиной. Г-жа Струйская отличалась главнымъ образомъ въ репертуарѣ незабвеннаго Дьяченка и, хотя большаго таланта не выказывала, за то столько пролила на сценѣ мелодраматическихъ слезъ, что еслибы ихъ копили, то въ ихъ пучинѣ можно былобы потопить въ свое время всего Дьяченка со всѣми его твореніями. Слезливѣе актрисы міръ не видѣлъ!

Стрѣльская — заслуженная и даровитая актриса Александринскаго театра, унаслѣдовавшая репертуаръ незабвенной Линской и съ честью его исполняющая. Въ нынѣшней труппѣ незамѣнима для ролей разбитныхъ и языкастыхъ бабъ-мѣщанокъ, купеческихъ свахъ и «салопницъ» изъ комедій Островскаго.

Субботинъ — московскій писатель, знатокъ раскола и его исторіи, о которыхъ написалъ нѣсколько книжекъ; нынѣ издаетъ журналъ «Братское Слово», въ которомъ, однако-жъ, проявляетъ далеко не братскія чувства къ московскимъ старообрядцамъ, краснорѣчиво обнося ихъ время отъ времени злостными кляузами и инсинуаціями.

Безъ кормила и весла.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2

Типографія Эд. Гоппе, Вознес. пр., 52

Суворинъ, А. С. — вотъ человѣкъ, которому икается можетъ быть болѣе, чѣмъ кому нибудь изъ современниковъ, —икается потому, что о немъ говорятъ очень много и — нельзя скрыть — говорятъ больше нехорошо! Самъ г. Суворинъ знаетъ, что о немъ говорятъ нехорошо, близко принимаетъ это къ сердцу — порой съ острымъ удовольствіемъ, когда ему сдается, что это и есть то, что называется славой съ ея терніями, а порой его осѣняетъ можетъ быть и тайное сознаніе нѣкоторой заслуженности порицаній. Можетъ онъ, впрочемъ, и отучился уже чувствовать такое спасительное сомнѣніе, ибо большая, хотя-бы и дешевая удача ослѣпляетъ и надмеваетъ людей, особенно такихъ нестойкихъ и безпринципныхъ, какъ онъ. Вообще, г. Суворинъ — личность очень сложная, исполненная глубочайшихъ противорѣчій. Рядомъ съ его отрицательными качествами и многими литературно-политическими прегрѣшеніями, совершонными съ такимъ легкимъ сердцемъ, въ немъ есть несомнѣнно привлекательныя черты, за нимъ есть и безспорныя заслуги. Говорятъ, онъ — добрый, сердечный, способный и на великодушіе человѣкъ, чему имѣются примѣры и на виду. Его литературный талантъ внѣ спора. Въ свое время его фельетоны въ «СПб. Вѣд.», изданія Корша, жадно читались и одобрялись всей интеллигенціей, за живость, остроуміе и, главнымъ образомъ, за ту, ставшую нынѣ насмѣшливой притчей, «откровенность» чувства и мысли, согрѣтыхъ публицистическимъ огонькомъ, которою г. Суворинъ и понынѣ нерѣдко подкупаетъ читателя въ минуты своихъ добрыхъ вдохновеній. Его фельетоны въ «СПб. Вѣд.» сдѣлали ему имя, а также репутацію либерала, въ такой мѣрѣ опаснаго, что даже теперь, когда онъ давно и такъ рѣшительно исправился отъ вольнодумныхъ «ошибокъ молодости», сборникъ его тогдашнихъ фельетоновъ попалъ въ списокъ запрещенныхъ въ библіотекахъ книгъ... У литературной судьбы немного бывало такихъ ироній. Потомъ г. Суворинъ безспорно заправскій литературныхъ дѣлъ мастеръ на всѣ руки, имѣющій въ предметѣ не только наживу, но и процвѣтаніе родной словесности: имъ учрежденъ образцовый книжный магазинъ; онъ основательно и съ разборомъ издалъ множество книгъ, въ томъ числѣ нѣсколько капитальныхъ и великолѣпныхъ, каковы, напр., иллюстрированныя «Исторія Петра Велик.», «Исторія Екатерины II», «Нашъ Вѣкъ» и друг.; издаетъ хорошій календарь («Русскій»), издаетъ журналъ «Историческій Вѣстникъ». Наиболѣе-же ловкимъ мастеромъ заявилъ онъ себя въ газетномъ дѣлѣ, создавъ чудовищное «Новое Время» — чудовищное по пестротѣ, величинѣ и успѣху, а еще болѣе по своимъ погрѣшностямъ. Можно быть на ножахъ съ г. Суворинымъ и его газетой, но нельзя не признать, что онъ— талантливый, находчивый журналистъ и что «Новое Время» стряпается бойко и занимательно. Впрочемъ, это обстоятельство скорѣе отягчаетъ, чѣмъ смягчаетъ вину г. Суворина передъ исторіей русской общественной мысли. Вина-же его въ томъ, что онъ — плохой и переметчивый политикъ, а всего болѣе въ томъ, что онъ поступился благородной воспитательной миссіей, которую искони несла лучшая русская журналистика и которая у насъ, при незрѣлости и шаткости нашего общественнаго сознанія, болѣе, чѣмъ гдѣнибудь, обязательна для журналиста, особенно для такого отвѣтственнаго, какъ г. Суворинъ, въ силу максимы: кому много дано, съ того много и спро-

сится. Опытъ «Новаго Времени» чрезвычайно поучительный: онъ показалъ возможность у насъ блестящаго успѣха органа, который не уважаетъ публики и котораго публика не уважаетъ, — органа сплошнаго легкомыслія, верхоглядства, безшабашности и шутовства, органа семи пятницъ на недѣлѣ, мѣняющаго взгляды и симпатіи съ юркостью арлекина, по каждому вѣтру, и всегда готоваго плыть за толпой и льстить безъ разбора ея инстинктамъ. Никто не измѣритъ, сколько «Новое Время», обязанное своей ходкостью указаннымъ качествамъ, да фельетонной живости и задорности изложенія, способствовало распространенію той умственной сутолоки, того самодовольно-глупаго хихиканья, напр., надъ «Европой» и ея идеалами, и того всеопошливающаго пустомельства, которыми характеризуется наше безвременье! Нужно сказать, что и роль самого г. Суворина очень поучительна, даже отчасти драматична. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ au fond — человѣкъ чуткій, доброжелательный и горячо любитъ родину, но бѣда его въ томъ, что онъ сталъ и рабомъ и жертвой своего безславнаго успѣха, какъ это часто случается даже съ хорошими русскими людьми, при нашей умственной распущенности и нравственной рыхлости. Безъ руководящаго плана отчаливъ на свой рискъ отъ твердаго берега, онъ тотчасъ-же сбился съ пути и случайно, на удачу, попавъ въ струю, доставившую ему «большое плаваніе», поплылъ по ней безъ оглядки. Пусть струя и не совсѣмъ свѣтлая и не совсѣмъ прямая, пусть и болотцемъ отъ нея попахиваетъ, но плывется по ея теченію легко, удобно и безопасно, — какая-же нужда съ нея сворачивать, да и какъ это сдѣлать, когда въ рукахъ пловца нѣтъ ни кормила ни весла? Такихъ заблудшихъ пловцовъ могла-бы еще дисциплинировать нравственная власть общества, но — гдѣ у насъ эта власть?

Судковскій, Р. — даровитый маринистъ, пріобрѣвшій нѣсколько вздутую и скоропостижную извѣстность, благодаря тому, что г. Судковскій не изъ тѣхъ застѣнчивыхъ и простоватыхъ жрецовъ искусства, которые даютъ о себѣ забыть. Г. Судковскій напишетъ двѣ, три картинки и сейчасъ изъ нихъ парадную «выставку» устроитъ на Невскомъ проспектѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ саженными вывѣсками, съ газетными рекламами и лестными критическими отзывами дружескихъ перьевъ. По городу гвалтъ: «Видѣли Судковскаго выставку?.. Прелесть! очарованіе! Волны, небеса, колоритъ... удивительно! Совсѣмъ, совсѣмъ, какъ у Айвазовскаго»!..

Суриковъ В. И. — молодой художникъ, отличившійся большой, мрачной по содержанію и мрачно написанной, сугубо-мрачнаго колорита картиной: «Утро стрѣлецкой казни» (при Петрѣ). По истинѣ, нужно имѣть жестокое воображеніе, чтобы вдохновиться такимъ скорѣе врачебно-полицейскимъ, чѣмъ художественнымъ сюжетомъ и трудолюбиво изобразить его на картинѣ!

Суслова, Н. П. — славная уже тѣмъ, что въ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, счастливаго разрѣшенія, такъ называемаго, «женскаго вопроса» займетъ первое мѣсто на первой страницѣ, какъ первая, по времени, русская женщина-врачъ. Подвигъ г-жи Сусловой, сильно поколебавшій твердыни домостроевскаго предубѣжденія противъ женской самостоятельности, тѣмъ болѣе славенъ, что онъ безупреченъ, достался упорнымъ трудомъ, талантомъ и любовью къ наукѣ. Дипломъ доктора г-жа Суслова получила въ Цюрихѣ и

заявила себя въ медицинскомъ мірѣ нѣсколькими учеными работами. Нынѣ практикуетъ въ Петербургѣ и пользуется большой, заслуженной популярностью среди столичныхъ дамъ.

Сухово-Кобылинъ — краснорѣчивый примѣръ, что писательскую славу дѣлаетъ не количество, а качество сочиненій. Г. Сухово-Кобылинъ лѣтъ тридцать назадъ написалъ, ставшую классической въ нашемъ драматическомъ репертуарѣ, комедію «Свадьба Кречинскаго» и на ней одной весь истощился, но за то ею и обезсмертилъ себя. Послѣ этой первой своей превосходной вещи г. Сухово Кобылинъ написалъ еще нѣсколько пьесъ, но уже много слабѣе; лучшая изъ нихъ — «Дѣло», замѣчательная тѣмъ, что слишкомъ 20 лѣтъ была подъ запретомъ театральной цензуры.

Сухомлиновъ, М. И., академикъ и профессоръ петербургскаго университета, — перворазрядный авторитетъ по славяно-русской филологіи и исторіи русской словесности, что и засвидѣтельствовалъ во множествѣ трактатовъ и журнальныхъ статей. Со смерти Пекарскаго усидчиво занимается начертаніемъ циклопической, по объему, «Исторіи Россійской Академіи». Трудолюбивъ, непроходимо-ученъ, мудръ и добродѣтеленъ, пишетъ пространно строгимъ академическимъ стилемъ и никогда не улыбается.

Сухоровскій, художникъ, — обмолвился картинкой, какія въ былое болѣе стыдливое время живописцы писали не иначе, какъ «при закрытыхъ дверяхъ», а цѣнители-аматеры прятали подъ занавѣсками и въ потайныхъ ящикахъ, любуясь ими лишь въ глубокомъ уединеніи. Ну, а г. Сухоровскій безъ всякихъ церемоній сдѣлалъ позорную обмолвку своей кисти обще-европейскимъ публичнымъ позорищемъ и, вмѣсто того, чтобы быть закиданнымъ гнилыми яблоками, какъ можно было-бы чаять, нажилъ громкую славу — правда, скандалёзную, но за то оплаченную неслыханно-богатымъ гонораромъ! Говоримъ объ извѣстной соблазнительной картинѣ г. Сухоровскаго «Нана», которую вся Европа ходила смотрѣть, сквернословя и отплевываясь, но платя чистыя деньги, а въ заключеніе какой-то глупый англичанинъ съ шальными капиталами купилъ за сто тысячъ франковъ... Вѣрно сказалъ поэтъ: «Бывали времена хуже, но не было подлѣй!»

Сущовъ — сибаритъ и бонвиванъ, прославившій въ недавнюю эпоху концессіонерско-банкократской вакханаліи великимъ и всемогущимъ «дѣльцомъ» — мастеромъ сочинять и проводить хитроумные, уснащенные крючками и лазейками, уставы и договоры въ интересѣ наилучшаго объегориванія казны и быстрѣйшаго опустошенія общественнаго кармана на законномъ основаніи. За это-то искусство г. Сущовъ рвалъ, говорятъ, уму непостижимые «куши», священнодѣйствуя въ роли «учредителя» разныхъ въ такомъ родѣ разбойничьихъ притоновъ подъ золотописными вывѣсками и съ зеркальными окнами. Геній г. Сущова уже не разъ имѣли случай съ благодарностью оцѣнить его заказчики, какъ показалъ свѣжій примѣръ петербургскаго водопроводнаго общества, которое, въ своей распрѣ съ городомъ, оказалось огражденнымъ такимъ чудеснымъ контрактомъ, что подъ его прикрытіемъ цѣлые годы оставалось неуязвимымъ ни для закона и совѣсти, ни для требованій здраваго смысла и общественнаго здравія. Авторомъ же этого контракта былъ именно г. Сущовъ! Зри объ этомъ славномъ мужѣ подробнѣе и образнѣе въ романѣ г. Боборыкина «Дѣльцы».

Сѣдовъ Г. С., академикъ, — историческій живописецъ не безъ дарованія, но и не выдвигающійся надъ однородными художниками, эксплоатирующими парадную, пеструю, нарядно-лоскутную сторону нашей котошихинской старины. Въ такомъ театральномъ жанрѣ г. Сѣдовымъ написаны «Василиса Мелентьевна и Иванъ Грозный», «Царь Алексѣй Михаиловичъ выбираетъ невѣсту», и пр. Жанръ этотъ и пріѣлся и фальшивъ, ибо, если судить о русской старинѣ по вылизаннымъ картинамъ современныхъ нашихъ «историческихъ» живописцевъ, то выходитъ, какъ будто старо-московская Русь рядилась только въ бархатъ, атласъ и золото, да только то и дѣлала, что забавлялась романической любовью.

Сѣтовы, отецъ и дочь,—извѣстные представители нашей артистической, музыкально - сценической вольницы. «Папа» Сѣтовъ началъ свою карьеру въ юности на сценѣ петербургской русской оперы и составилъ себѣ тогда славу искуснаго пѣвца—до того искуснаго, что продолжалъ пѣть даже и тогда, когда у него совсѣмъ не стало голоса. Потомъ онъ занялся антрепризой, и нынѣ является однимъ изъ самыхъ солидныхъ, просвѣщенныхъ и знающихъ частныхъ предпринимателей театральнаго дѣла въ Россіи. Г. Сѣтовъ содержитъ лирико-драматическій театръ въ Кіевѣ зимою, а лѣтомъ, съ недавняго времени, имѣетъ резиденцію въ петербургской «Аркадіи», гдѣ веселитъ насъ россійской опереткой. Г-жа Сѣтова—дочь, оперная пѣвица, но извѣстность пріобрѣла въ опереткѣ и стоитъ на счету звѣздъ «Аркадіи», кажется, впрочемъ, скорѣе изъ уваженія къ положенію и заслугамъ ея «папа», чѣмъ по ея личному таланту и искусству, оспариваемымъ театральными скептиками.

Сѣченовъ, И. М., профессоръ физіологіи,— гордость и слава россійской науки, общепризнанное перворазрядное свѣтило европейской. Вѣроятно, немногимъ почитателямъ нашего знаменитаго физіолога извѣстно, что онъ началъ свое гражданское поприще на плацъ-парадѣ учебнымъ маршемъ: «Лѣвой! правой! лѣвой! правой!» Къ довершенію каприза судьбы, Иванъ Михайловичъ оказывалъ тогда весьма сомнительные успѣхи въ «наукахъ» и не выдержалъ экзамена въ офицерскихъ классахъ инженернаго училища, почему и былъ выпущенъ прапорщикомъ въ армію. Вѣроятно, и служакой онъ былъ плохимъ, потому что вскорѣ вышелъ въ отставку и поступилъ въ московскій университетъ, по окончаніи котораго поѣхалъ доучиваться у нѣмцевъ и былъ удостоенъ докторской степени. Вскорѣ, столь постыдно обрѣзавшійся въ офицерскихъ наукахъ, молодой человѣкъ обнаружилъ такія глубокія знанія, такой талантъ и такую пытливость мысли въ физіологіи, что о немъ заговорили въ ученомъ мірѣ и тогда-же медико хирургическая академія предложила ему каѳедру по его предмету. Нужно вспомнить, что въ тотъ моментъ (конецъ 50-хъ гг.) физіологія, какъ молодая, расцвѣтающая наука, была почти совершенной новостью у насъ, даже въ храмахъ науки, и—г. Сѣченову выпала честь стать ея первозваннымъ апостоломъ въ Россіи. Быстро росла его слава и очень скоро переросла академическіе своды, выбѣжала на улицу и сдѣлалась достояніемъ всей просвѣщенной «черни,» увлекавшейся въ то время модой на естествознаніе. Публичныя лекціи Ивана Михайловича, его замѣчательныя работы («О нервномъ электричествѣ», «О центрахъ, задерживающихъ рефлексы», «Физіологія нервной системы»), въ особенности-же

Sic itur ad astra!

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 21 МАРТА 1884 Г.

знаменитые «Рефлексы головнаго мозга» сдѣлали его имя однимъ изъ популярнѣйшихъ въ ряду именъ тогдашнихъ пророковъ, хотя онъ, кажется, лично этого не добивался. «Рефлексы мозга» стали чѣмъ-то въ родѣ евангелія нашихъ скороспѣлыхъ матеріалистовъ, и—сколько молодыхъ, горячихъ головъ искали въ этой брошюркѣ откровенія на мучившія ихъ сомнѣнія и вычитывали изъ нея такія смѣлыя рѣшенія по разнымъ мудренымъ вопросамъ, какія самому автору и не снились! Впрочемъ, этотъ летучій дымъ прихотливой моды (мода вѣдь существуетъ, какъ давно замѣчено, не только на шляпы и панталоны, но и на мысли и книги) скоро развѣялся; «Рефлексы мозга» теперь мало спрашиваются въ библіотекахъ для чтенія, и г. Сѣченовъ, утративъ навязанное ему дешевое обаяніе уличнаго пророка, остался лишь тѣмъ, чѣмъ онъ есть—великимъ кабинетнымъ ученымъ.

Сюзоръ — имя апокрифическихъ графовъ (они не признаны нашей геральдіей), прочно акклиматизовавшихся въ Петербургѣ. Извѣстны два Сюзора—père и fils. Сюзоръ-père прославился какъ лекторъ, и еще недавно въ столичномъ beau monde'ѣ возбуждали нѣкоторое вниманіе его великопостныя публичныя conversations о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ;—лекторъ просто старался поддержать добрую славу старой французской болтовни, но, кажется, признательности французской республики за этотъ подвигъ патріотизма не заслужилъ. Сюзоръ-fils—извѣстный петербургскій архитекторъ, дѣлецъ и отчасти ораторъ, имѣетъ близкое прикосновеніе къ городскому хозяйству (онъ—думскій гласный) и къ распорядкамъ въ столь потрясенныхъ нынѣ стѣнахъ городскаго кредитнаго общества.

Т.

Таганцевъ, Н. С. — талантливый и авторитетный криминалистъ, на лекціяхъ и руководствѣ котораго («Курсъ Русскаго Уголовнаго Права») воспиталось съ полнымъ успѣхомъ столько современныхъ Языкоблудиныхъ, Балалайкиныхъ и «прелюбодѣевъ мысли»! Кажется, впрочемъ, въ педагогическія намѣренія почтеннаго профессора входило воспитать своихъ учениковъ «прежде всего человѣками, дорожащими своимъ человѣческимъ достоинствомъ», какъ это онъ недавно, съ суровой укоризной, заявилъ имъ на устроенныхъ ему проводахъ по случаю оставленія имъ каѳедры въ петербургскомъ университетѣ.

Тамберликъ — заносимъ знаменитаго пѣвца въ нашъ словарь, посвященный исключительно россіянамъ, тѣмъ охотнѣе, что самъ monsieur Тамберликъ торжественно, да еще въ стихахъ, назвалъ Россію своимъ вторымъ любезнѣйшимъ отечествомъ. И та Россія, которая абонируется на итальянскую оперу, усыновила Тамберлика такъ прочно и съ такимъ самоотверженіемъ, что, когда онъ въ послѣдній разъ (1883 г.) пріѣхалъ къ ней въ гости, она такъ же благосклонно и щедро наградила и лаврами и рублями его старческое шамканье, какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ награждала его феноменальный Ut-diez. Свой русскій патріотизмъ Тамберликъ скрѣпилъ исполненіемъ имъ-же увѣковѣченныхъ романсовъ: «Скажите ей» и «Когда-бъ онъ зналъ».

Танѣевъ, капитанъ, — по всѣмъ вѣроятіямъ кавалеристъ, несомнѣнно отличается «ловкостью военнаго человѣка», прекрасно танцуетъ, лихо сидитъ на конѣ и обладаетъ иными блестящими общекавалерійскими достоинствами. Чего-же больше нужно для того, чтобы выступить рѣшительнымъ дѣятелемъ en grand на любомъ гражданскомъ поприщѣ! Г. Танѣевъ — человѣкъ скромный: онъ ограничился всего лишь тѣмъ, что въ одно прекрасное утро возмнилъ себя призваннымъ создать у насъ народный театръ, и, кажется, до сихъ поръ въ этой претензіи не разочаровался, не смотря на большія неудачи, въ родѣ постигшей основанный имъ въ Москвѣ «общедоступный театръ» или

въ родѣ той, какою кончился его широкій проектъ акціонернаго общества для устройства подобнаго-же театра въ Петербургѣ. Г. Танѣевъ въ полномъ правѣ пенять на жестокость къ нему судьбы, ибо сколькихъ-же не болѣе его мудрыхъ капитановъ мгновенно превращала она, какъ видимъ изъ исторіи, не то, что въ распорядителей плевой увеселительной части, а въ полномочныхъ Солоновъ, Перикловъ, Неккеровъ, Меттерниховъ...

Тарасова домъ—величайшій и извѣстнѣйшій въ Петербургѣ. Собственно, это не домъ, а цѣлый городъ, съ улицами, лавками, банями и даже съ публичнымъ увеселительнымъ садомъ. Въ немъ три тысячи жителей, т. е., побольше, чѣмъ во многихъ богоспасаемыхъ уѣздныхъ городахъ, и, конечно, онъ доходнѣе инаго владѣтельнаго нѣмецкаго княжества.

Тарасовъ — ученый правовѣдъ, пріобрѣвшій печальную извѣстность своими скитаніями за каѳедрой. Особенно не посчастливилось ему въ кіевскомъ университетѣ, благодаря интригѣ г. Пихно съ братіей, пристрастно забраковавшихъ его диссертацію, что̀ и сдѣлалось предметомъ жестокой печатной полемики на соблазнъ ученаго міра.

Тарновскіе—малороссійская аристократическая фамилія, имѣющая множество развѣтвленій, въ томъ числѣ много захудалыхъ. Есть Тарновскіе кіевскіе, полтавскіе, черниговскіе, не считая польско-католическихъ Тарновскихъ. Въ Малороссіи часто встрѣчаются селенія — Тарновщины, Тарновки. Словомъ, если бросить палку и допустить, что она пролетитъ по прямой линіи чрезъ всю Малороссію, то немыслимо, чтобы она не зацѣпила хотя одного Тарновскаго.

Тарновскіе, Веніаминъ и Ипполитъ, братья Михайловичи, братски дѣлящіеся врачебной славой въ столицѣ: оба — доктора медицины и профессора, оба спеціализировали врачеваніе деликатныхъ и секретныхъ органовъ человѣческаго естества, оба равно искусны, знамениты и высоко цѣнятся паціентами, особенно когда сами осчастливливаютъ ихъ своими визитами. В. М. Тарновскій — профессоръ медико-хирургической академіи и въ календарномъ спискѣ «врачей-спеціалистовъ» стоитъ во главѣ спеціалистовъ по «болѣзнямъ мочеполовыхъ органовъ»; написалъ по своей спеціальности нѣсколько глубокомысленныхъ и интересныхъ книгъ, которыя, однако-же, не могутъ быть рекомендованы для чтенія дѣвицамъ.— И. М. Тарновскій вѣдаетъ Родовспомогательное заведеніе и слыветъ искуснымъ, легкимъ на руку, акушеромъ.

Тархановъ, профессоръ медико-хирургической академіи, — молодая медицинская слава съ черными львиными кудрями, породистымъ армянскимъ носомъ и въ такой, вообще, красивой тѣлесной оправѣ, какъ если-бы предусмотрительная природа нарочно создала г. Тарханова апостоломъ сухой науки среди неофитокъ Солянаго городка. Это показалъ опытъ читанныхъ имъ недавно публичныхъ лекцій о вліяніи психическихъ аффектовъ на отправленія органовъ, привлекавшихъ массу публики, особенно дамской. Популярный профессоръ спеціализируетъ физіологію нервовъ и считается въ этой области авторитетомъ.

Тедески, славный и, comme de raison, безсмысленно-дорогой петербургскій штатскій портной. Древній философъ изрекъ: «Скажи — съ кѣмъ ты знакомъ, и я отвѣчу — кто ты самъ таковъ»! Нынѣ эта максима редактируется петербургскими паркетными философами такъ: «Скажи, у кого ты одѣваешься, и если скажешь—у Те-

дески, я заключу, что ты вполнѣ *порядочный* человѣкъ»!

Терпигоревъ, С. Н., именующійся Сергѣемъ Атавой. Тацитъ Тамбовской губерніи. Подобно античному Тациту, описавшему декадансъ Рима, г. Терпигоревъ изобразилъ таковой же декадансъ и «оскудѣніе» Тамбовской губерніи — дворянской и помѣщичьей, вслѣдъ за отмѣной крѣпостнаго права. И нѣтъ сомнѣнія, что извѣстная, талантливая, полная юмора, книга г. Терпигорева, «Оскудѣніе», получитъ для исторіи подломаннаго реформой помѣщичьяго быта въ Россіи значеніе такого же почти драгоцѣннаго «источника», какое имѣетъ Тацитова «Лѣтопись» для римской исторіи. Послѣ вышеназванной книги, сперва печатавшейся по частямъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Терпигоревъ написалъ еще нѣсколько книгъ и постоянно помѣщаетъ фельетоны въ «Новомъ Времени» все о тѣхъ же «лихихъ болѣстяхъ» упавшаго, разворованнаго и измельчавшаго барства, но, въ литературно-творческомъ отношеніи, все это уже не болѣе какъ варіанты, подмалевки и отдѣлки подробностей — часто мастерскія — первой его оригинальной, широко набросанной картины.

Тиманова — восходящая концертная звѣзда, даровитая и искусная піанистка, по заведенному порядку, смягчающая своей сладкой музыкой жестокіе нравы петербургскихъ язычниковъ въ теченіе великопостныхъ сезоновъ.

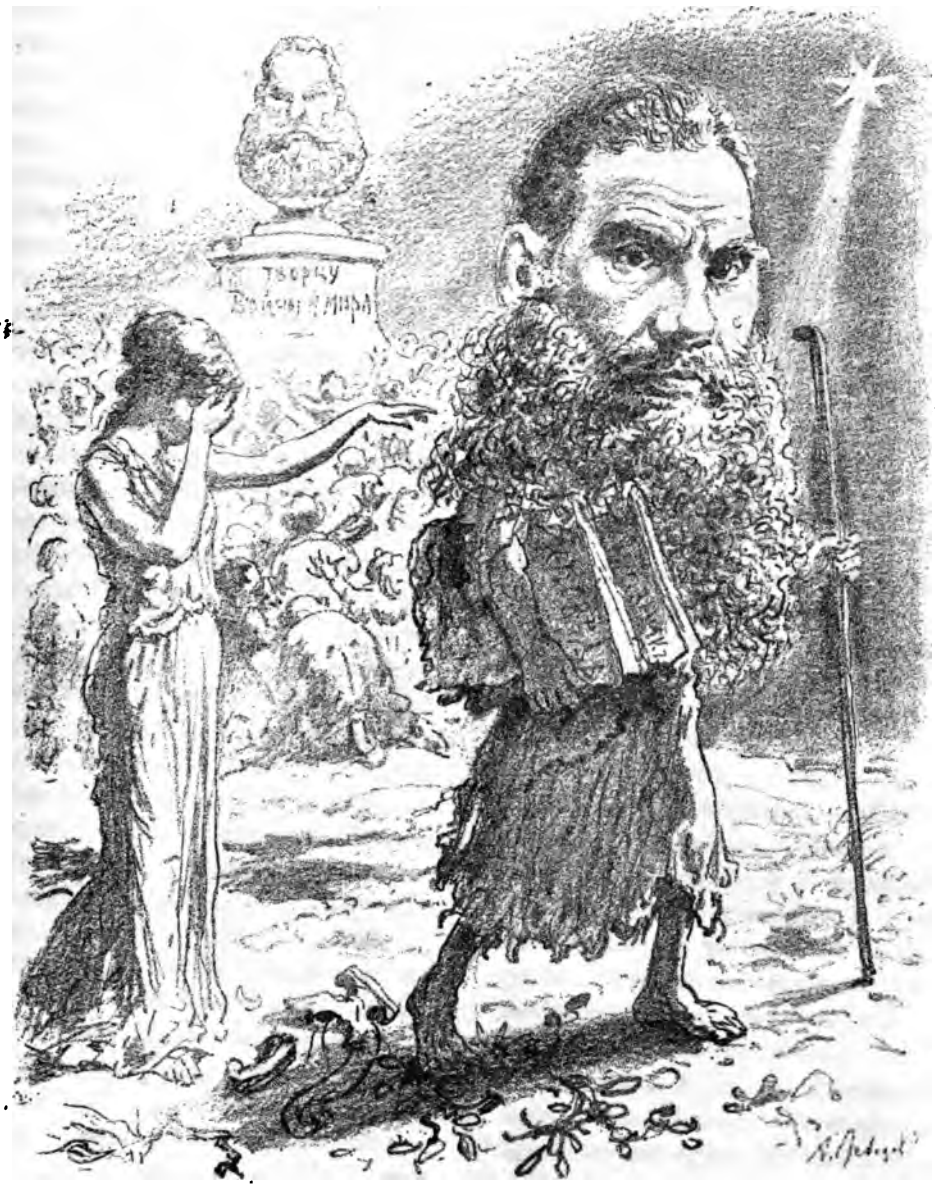
Тимашевъ, А. Е., генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, извѣстенъ въ художественномъ мірѣ, какъ талантливый диллетантъ-скульпторъ. Его работы прекрасный, изящнотопкій мраморный бюстъ покойнаго Императора Александра Николаевича удостоилась видѣть и публика на одной изъ академическихъ выставокъ. Артистической славѣ генерала Тимашева предшествовала административная: онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ теченіе семидесятыхъ годовъ.

Тимирязевъ, почетный мировой судья — одинъ изъ старѣйшихъ и праведнѣйшихъ въ Петербургѣ. Суровъ, горячъ и строптивъ, но «нѣмѣетъ предъ закономъ», каковымъ вооруженъ отъ темени до пятокъ на страхъ «неправедныхъ и злыхъ» всего XIV участка. Часы досуга посвящаетъ литературѣ и считается мастеромъ по части компиляцій и переводовъ иноязычныхъ авторовъ. Сотрудничалъ въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и проч.

Тихонравовъ, Н. С., профессоръ и ректоръ московскаго университета. — Маститый, заслуженный ученый, давно признанный однимъ изъ авторитетнѣйшихъ знатоковъ русской старинной письменности. Помимо многихъ замѣчательныхъ изслѣдованій г. Тихонравова, печатавшихся въ журналахъ, отечественная литература обязана ему тщательнымъ, прекраснымъ изданіемъ драгоцѣнныхъ историческихъ источниковъ и матеріаловъ, каковы, напр.: «Житіе протопопа Аввакума», «Старинный русскій театръ», «О Россіи», сочиненіе Олеарія, и масса другихъ, воедино собранныхъ имъ въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности».

Тогольскій, Д., писатель, извѣстный въ «малой» прессѣ подъ псевдонимомъ «Дядя Митяй» — одинъ изъ болѣе даровитыхъ подражателей г. Лейкина въ стряпнѣ балагурныхъ «сценъ» смѣходѣйственнаго жанра.

Токаревъ, — достопамятный администраторъ, бывшій минскій губернаторъ, злоупотребившій своей высокой властью для беззаконной наживы. Какъ извѣстно, онъ обобралъ и обезземелилъ въ свою пользу цѣлую Логишинскую волость и, когда обобранные осмѣлива-



«Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій
И вотъ въ пустынь я живу...»

лись жаловаться, жестоко ихъ «усмирялъ», пока, наконецъ, ихъ вопли не дошли до высшей власти, положившей предѣлъ этому «хищенію» и самого виновника его подвергшей нелицепріятному суду.

Толстой, графъ Д. А., министръ внутреннихъ дѣлъ.—Одинъ мыслитель глубоко замѣтилъ, что «мудрость заключается въ *сосредоточеніи* мысли и силы», которое, уже по натурѣ вещей, предполагаетъ и ея односторонность. Можетъ быть это болѣе всего должно сказать о государственной мудрости. Таковы, по крайней мѣрѣ, ея классическіе признаки съ древнѣйшихъ временъ—случалось, конечно, и обманчивые. Всѣ прославленные въ исторіи правители и организаторы отличались, именно, упругостью мысли и воли, сосредоточенныхъ на одной, разъ намѣченной, опредѣленной цѣли, когда эта цѣль, разумѣется, имѣла въ предметѣ общіе государственные интересы, а не насыщеніе личнаго тщеславія и властолюбія.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія, графъ Дмитрій Андреевичъ является однимъ изъ наиболѣе *сосредоточенныхъ*, если можно такъ выразиться, министровъ-политиковъ, какихъ только имѣла Россія со времени учрежденія въ ней министерствъ. Многолѣтняя, обширная и чрезвычайно ревностная государственная дѣятельность графа слишкомъ дальновидна, по своей политикѣ, а ея процессъ слишкомъ близокъ къ намъ, современникамъ, и сами мы по отношенію къ ней являемся слишкомъ заинтересованной стороной, чтобы возможно было теперь спокойно оцѣнить ее во всемъ объемѣ: — конечные ея результаты въ будущемъ, безпристрастный судъ надъ ней принадлежитъ исторіи! Но уже и теперь можно съ увѣренностью намѣтить основныя характеристическія черты историческаго портрета графа Толстаго, а именно: строгую опредѣленность его руководящей идеи и проистекающую отсюда сосредоточенную стройность созданной имъ системы, непоколебимую твердость въ ея проведеніи и убѣжденную вѣрность себѣ, своей миссіи, — вѣрность, ни разу ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ не погрѣшившую уступками и компромиссами, какъ это краснорѣчиво показалъ онъ многократными, нерѣдко суровыми примѣрами... Черты рѣдкія въ русскихъ людяхъ и даже въ русскихъ министрахъ! И только ими можно объяснить ту рѣшительную побѣду, которую графъ Толстой одержалъ—въ дѣлѣ реформы по его системѣ русской школы—надъ всевозможными, иногда очень сильными, противными теченіями и вверху, и внизу, послѣ многолѣтней упорной борьбы. Тѣ-же черты еще болѣе ярко обнаружилъ графъ Дмитрій Андреевичъ въ послѣднее время на постѣ министра внутреннихъ дѣлъ, давъ примѣръ той «властной руки», которую призывалъ къ дѣйствію его вѣрный вѣстникъ г. Катковъ. Послѣдовательность, твердость и всеобъемлемость административной руки графа въ установленіи охраны и систематическомъ искорененіи революціонныхъ началъ, какъ въ очевидныхъ ихъ проявленіяхъ, такъ и во всемъ, въ чемъ они подразумѣваются даже болѣе или менѣе гадательно, — феноменальны и произвели на общество глубокое впечатлѣніе, послѣ того, какъ оно видѣло надъ собой столько колебаній и блужданій, столько быстрыхъ смѣнъ одного направленія другимъ.

Психологически, такого закала характеръ предполагаетъ въ себѣ страстность—ту, которая обусловливаетъ въ государственномъ дѣятелѣ fortiter in re по латинской максимѣ; но для самыхъ замысловъ такого объема и такой за-

конченности нуженъ строгій, систематическій умъ, изощренный мышленіемъ и знаніемъ. Извѣстно, что графъ Толстой заявилъ себя рядомъ ученыхъ трудовъ (каковы, напр., «Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи», «Исторія католицизма въ Россіи» и пр.) и нынѣ принимаетъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ академіи наукъ, въ качествѣ ея президента.

Толстой, графъ Левъ Николаевичъ,—одинъ изъ величайшихъ и симпатичнѣйшихъ русскихъ «всечеловѣковъ» и «скитальцевъ», говоря опредѣленіями Достоевскаго. «Всечеловѣчность» гр. Толстаго выразилась съ необычайной силой не только въ его художественномъ всеобъемлющемъ творчествѣ, въ которомъ онъ является «какимъ-то слономъ» по таланту, какъ выразился о немъ Тургеневъ, и продукты котораго имѣютъ міровое значеніе, но и въ настроеніи, въ самомъ полетѣ его орлиной мысли, удивительно чуткой къ біенію пульса человѣчества, словно-бы чрезъ его сердце проходитъ экваторъ живаго духовнаго міра, по метафорѣ Гейне. Немного было такихъ чудныхъ примѣровъ, гдѣ-бы русскій геній, оставаясь истинно-русскимъ во всемъ, проявилъ-бы съ такой оригинальностью и полнотой свою способность обнять, вмѣстить и отожествить въ себѣ все человѣческое. Художественно эта способность графа Льва Николаевича съ наибольшей яркостью обнаружилась въ его великой эпопеѣ «Война и миръ»; но всего глубже чувствуется она въ философской подкладкѣ какъ этого, такъ и другихъ его произведеній. Извѣстно, что гр. Толстой не имѣетъ себѣ почти равнаго во всей современной литературѣ по силѣ и тонкости художественнаго анализа, часто поражающаго въ немъ какимъ-то дивнымъ ясновидѣніемъ; но анализъ его идетъ дальше препарированія осязаемыхъ, пластическихъ элементовъ души и сердца человѣка. За этимъ, воспроизведеннымъ съ такою почти страшной правдивостью, міромъ добра и зла, наполняющими и движущими человѣческую жизнь, ощутительно и неотступно, точно тѣнь, проходитъ нѣчто стихійное и роковое, стоящее внѣ воли человѣка и имъ незримо управляющее, какъ въ индивидуальныхъ, такъ и въ массовыхъ движеніяхъ. Это нѣчто, безъ сомнѣнія, существующее, какъ верховное тайное соотношеніе человѣческихъ судебъ въ ихъ частныхъ и общихъ столкновеніяхъ, никѣмъ еще изъ мыслителей не было угадано съ такимъ геніальнымъ проникновеніемъ и никѣмъ изъ поэтовъ не было положено на картину, въ видѣ ея общаго тона, съ такой художественной мощью, какъ это сдѣлано Львомъ Николаевичемъ. Критика хотѣла видѣть въ этой удивительной чертѣ генія графа Толстаго, выражавшейся иногда — вполнѣ естественно—въ мистическихъ формахъ, исповѣданіе стараго фатализма; но, конечно, приговоръ этотъ былъ слишкомъ поспѣшенъ и близорукъ. Что графъ Л. Н. — не фаталистъ и, вообще, не способенъ успокоиваться на какихъ-бы то ни было религіозно-философскихъ квіэтическихъ формулахъ, показываетъ его глубоко-трагическая «Исповѣдь» и вся та необыкновенная внутренняя мучительная драма, которую онъ пережилъ въ послѣднее время. Его прекрасная, безпощадно-искренняя душа, удрученная безъисходнымъ Weltschmerz, алчетъ высшей міровой истины, и — тутъ въ немъ начинается русскій, по духу, «скиталецъ» Достоевскаго. Иначе, какъ «скитаніями» нельзя назвать эти полные самоотреченія, страданія и подвига, поиски живаго Бога въ добрѣ и правдѣ, какими потрясаетъ и

трогаетъ насъ графъ Толстой въ своей «Исповѣди» и въ своемъ «Толкованіи Евангелія»...

Толченовъ—артистъ-ветеранъ драматической сцены, время отъ времени напоминающій, что онъ все еще живъ, слава Богу, опубликованіемъ въ печати своихъ скучноватыхъ театральныхъ изъ далекаго прошлаго

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Толычева — кажется, единственная пара «синихъ чулокъ» въ составѣ суровой редакціи «Русскаго Вѣстника», столько разъ съ ожесточеніемъ высказывавшейся противъ женщинъ, которыя покушаются на участіе въ «либеральныхъ профессіяхъ» и «макаютъ свои перья въ разумъ», а не въ эссъ-букэ. Впрочемъ, г-жа Толычева имѣетъ за собой нѣкоторыя вполнѣ смягчающія ея вину обстоятельства, а именно: ей, если не ошибаемся, за полтораста лѣтъ отъ роду, она ортодоксально вѣрна принципамъ своей ровесницы княгини Маріи Алексѣевны и пространно разсказываетъ такія невинныя, полныя умиленія бабушкины сказки о блаженныхъ, добрыхъ «временахъ очаковскихъ», что самъ Фамусовъ непремѣнно изъялъ-бы ихъ изъ числа «всѣхъ книгъ», обреченныхъ имъ на сожженіе.

Топоровъ, А. В. — скромный и вѣрный Патроклъ И. С. Тургенева, ревностно управлявшій его имѣніемъ и дѣлами, чѣмъ и стяжалъ себѣ, въ моментъ смерти Ивана Сергѣевича, извѣстность и признательность всѣхъ, кому дорога память сего послѣдняго. Зри о семъ интересную переписку Тургенева съ г. Топоровымъ въ «Русской Старинѣ» за 1883 г.

Торнтонъ—фирма весьма извѣстной въ Петербургѣ суконной фабрики, чудовищно-громадныя зданія которой на берегу Невы наглядно удостовѣряютъ архитектурную возможность построенія вавилонской башни. Такъ-ли основательны и прочны сукна торнтоновской фабрики, какъ и ея стѣны—сказать не умѣемъ.

Трачевскій, А. С., профессоръ одесскаго университета,—всеобщій историкъ, извѣстный и въ журналистикѣ, которую, преимущественно на страницахъ «Вѣстника Европы», украсилъ нѣсколькими любопытными, основательно обработанными изслѣдованіями, каковы: «Польское безкоролевье», «Прусская политика» и др. Въ послѣднее время предпринялъ свое «руководство» по всеобщей исторіи для «средняго возраста», оригинально задуманное по такому плану, чтобы горькій корень изученія этой науки сдѣлать для юнцовъ возможно лакомымъ. Г. Трачевскій излагаетъ больше бытъ и культуру историческихъ народовъ.

Треповъ, Ѳ. Ѳ., генералъ-адъютантъ. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ всему Петербургу была очень хорошо извѣстна маленькая, бодрая, необыкновенно подвижная, непрерывно скакавшая по городу, нерѣдко стоя на дрожкахъ, фигурка «генерала», какъ титуловала не безъ трепета столичная полиція начальствовавшаго надъ ней г. Трепова, и—просто Ѳедора Ѳедоровича, какъ сочувственно именовали его обыватели. За свое съ небольшимъ десятилѣтнее полицейское хозяйничанье въ Петербургѣ г. Треповъ пріобрѣлъ такую широкую популярность у его жителей и такую славу почти сверхъестественнаго, по неусыпности и энергіи, блюстителя, какихъ достигали очень немногіе столичные градоправители. И нужно отдать справедливость Ѳедору Ѳедоровичу: онъ за свое управленіе настолько подтянулъ и реформировалъ полицію и полицейскіе порядки, настолько поднялъ внѣшнее благообразіе, благоустройство и благочиніе въ городѣ,

что Петербургъ при немъ во многомъ сталъ неузнаваемъ къ лучшему, сравнительно съ до-треповской эпохой. Правда, г. Треповъ пользовался для этого чрезвычайными средствами и полномочіями: стоимость полиціи при немъ возросла до огромной, небывалой прежде цифры; затѣмъ, онъ исходатайствовалъ учрежденіе въ Петербургѣ градоначальства, весьма расширившаго власть и компетенцію начальника столичной полиціи. До Петербурга г. Треповъ, бывшій жандармскій офицеръ въ Кіевѣ, прославился на постѣ варшавскаго полиціймейстера во время польскаго возстанія. Послѣ печальной памяти покушенія на него Засуличъ, живетъ на покоѣ, пользуясь плодами своей многолѣтней безпорочной службы.

Третьяковъ, П. М.—видный представитель московскаго именитаго купечества, занимавшій недавно постъ городскаго головы бѣлокаменной безъ особенныхъ, впрочемъ, отличій. Любопытнымъ путешественникамъ, посѣщающимъ Москву, рекомендуется, въ числѣ ея достопримѣчательностей, взглянуть, во-первыхъ, на роскошныя, великолѣпно-вычурныя палаты г. Третьякова въ русскомъ стилѣ и, во-вторыхъ, на третьяковскую картинную галлерею, въ которой личнымъ стараніемъ ея тароватаго хозяина и съ меценатскимъ вкусомъ собрано много прекрасныхъ картинъ русскихъ и иностранныхъ мастеровъ.

Трироговъ, В. Г.—директоръ департамента «общихъ дѣлъ» въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ многостороннемъ знаніи которыхъ считается авторитетомъ не только въ своемъ вѣдомствѣ, но и въ литературѣ. Всего лучше знаетъ г. Трироговъ, по личнымъ наблюденіямъ, крестьянскую общину и крестьянскій земледѣльческій бытъ съ экономической стороны, какъ это засвидѣтельствовано имъ во многихъ основательныхъ журнальныхъ статьяхъ (преимущественно въ «Отеч. Запискахъ»), частію изданныхъ въ отдѣльной книгѣ: «Община и подать» (1882 г.).

Трофимовъ — двухстороннее дарованіе, равно отточенное съ обѣихъ сторонъ: съ одной — г. Трофимовъ даровитый актеръ-комикъ Александринской сцены, съ другой — онъ не менѣе даровитый «маленькій» писатель — мастеръ на маленькія жанровыя сценки изъ жизни маленькихъ людишекъ петербургскихъ захолустьевъ. Имъ написано также нѣсколько комедій, но на *комедію* г. Трофимова не хватаетъ.

Трубецкая, княгиня, — салонно-политическая знаменитость, больше, впрочемъ, извѣстная Парижу, чѣмъ Россіи. Пожалуй, княгиня больше и француженка, чѣмъ россіянка. Она почти безвыѣздно живетъ въ Парижѣ, гдѣ и просіяла, какъ перворазрядная звѣзда парижскаго beau monde'a, еще въ блаженные дни второй имперіи. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ княгиня возымѣла идею натурализоваться въ Россіи и, движимая патріотизмомъ, открыла было въ Петербургѣ обще-доступный свѣтско-литературно-политическій салонъ, съ цѣлью цивилизовать и объединить въ немъ варваровъ-соотечественниковъ; но, кажется, подвигъ ея сіятельства былъ плохо оцѣненъ неблагодарными петербуржцами, и она опять возвратилась въ милый Парижъ. Княгиня пишетъ, конечно, по-французски. Недавно въ «Nouvelle Revue» явилась ея историческая статья: «И. И. Бецкій» (предокъ княгини по мужу), нѣсколько памфлетнаго содержанія и довольно беззаботная по части исторической достовѣрности.

Трубниковъ, К. В.—на диво огнеупорный человѣкъ. Сколько разъ обжи-

гался, горѣлъ и прогоралъ—и все существуетъ, и все продолжаетъ измышлять издательскіе гешефты! Нынѣ, напр., показалось было, что онъ совсѣмъ сгинулъ, анъ, вдругъ, едва въ осеннемъ воздухѣ запахло годичной подпиской, г. Трубниковъ ужъ тутъ, какъ тутъ съ новой журнальной удочкой («Русскій Экономистъ») и съ неувядаемымъ аппетитомъ къ читательскому рублю! Въ такомъ родѣ онъ охотится за подписчиками лѣтъ тридцать кряду въ святой вѣрѣ на ихъ незлопамятность. За это время чрезъ его проворныя руки прошло множество изданій («Акціонеръ», «Биржевыя Вѣдомости», «Биржевая Газета», «Новое Время», «Телеграфъ» и т. д.) всякаго вида, формата и направленія (включительно до откупщицкаго), а одно время онъ бойко торговалъ ими, какъ петербургскій татаринъ халатами, — кроилъ, фабриковалъ, покупалъ и продавалъ, и не всегда чисто. Самый крупный и ловкій его гешефтъ былъ съ «Биржевыми Вѣдомостями» (Весьма чуткій къ «металла звону», г. Трубниковъ на этомъ основаніи резонно мнитъ себя ученымъ финансистомъ и постоянно тяготѣетъ къ биржѣ.) Основанныя имъ «Биржевыя Вѣдомости» во второй половинѣ 60-хъ гг. имѣли временный эфемерный успѣхъ, но, какъ только онъ началъ падать, г. Трубниковъ тотчасъ же продалъ свою газету г. Полетикѣ, чисто по-апраксински набивъ на нее неслыханно-дорогую цѣну (200 т.). Въ довершеніе своей торгашеской развязности, онъ не постыдился, года два спустя, поддѣлать такъ дорого проданный этикетъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», основавъ ихъ имитацію — «Биржевую Газету», что и дало поводъ г. Полетикѣ переименовать тогда свою неудачную покупку въ «Молву». Говорить о г. Трубниковѣ, какъ о писателѣ, какъ о публицистѣ, — было-бы ужь очень наивно и забавно.

Трутовскій, К. А., академикъ, — жанристъ не особенно блистательный, грубоватаго рисунка и нѣсколько аляповатой кисти, но былъ нѣкоторое время очень модными и распрославленнымъ, благодаря, главнымъ образомъ, содержанію своихъ картинокъ (*Картинъ* въ настоящемъ смыслѣ слова у г. Трутовскаго нѣтъ ни одной, даже по объему). Публикѣ нравились его картинки съ «направленіемъ» (напр., «Чтеніе газеты») и еще болѣе нравились, по новизнѣ, живости и реальности, его многочисленные этюды обитателей поэтической Малороссіи—чумазыхъ «хохловъ» и чернобровыхъ «хохлушекъ» въ разнообразныхъ сценахъ ихъ быта. Г. Трутовскій былъ однимъ изъ первыхъ по времени реалистовъ въ русской живописи, и въ этомъ — секретъ его большаго успѣха.

Турба — одинъ изъ многихъ, нецеремонныхъ и ничего неимѣющихъ общаго съ литературой издателей, предупредительно явившихся на развивающійся на Руси спросъ въ чтеніи и бдительно ставшихъ «на стражѣ у мужицкаго алтына и дворянскаго рубля». Издаетъ «Иллюстрированный Міръ», принадлежащій къ тѣмъ дешевымъ періодическимъ сборникамъ сплошныхъ перепечатокъ, съ избитыми, многократно повторенными клише, которыя, по существу, ближе къ макулатурѣ, чѣмъ къ журналистикѣ.

У.

Уайненсъ — самый намъ *дорогой* и близкій изъ «заатлантическихъ друзей» нашихъ, да и самый изъ нихъ достопамятный на Руси! Крѣпко и долго помнить будемъ мы, современники, мистера Уайненса, а когда умремъ, его не забудетъ потомство, и будущій историкъ отведетъ ему самое почетное мѣсто въ лѣтописяхъ россійскихъ «хищеній». Лѣтъ двадцать тому назадъ Уайненсъ прибылъ въ Россію шить себѣ панталоны въ скромной роли кузнечнаго мастера, въ качествѣ каковаго и поступилъ на службу въ «Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ»; спустя-же съ небольшимъ десять лѣтъ случился такой чародѣйскій, съ божіей помощью, переворотъ, что уже не Уайненсъ у общества, а общество у Уайненса оказалось на службѣ, и болѣе того—самыя «россійскія дороги» общества очутились въ его безраздѣльномъ почти обладаніи! Случилось это благодаря американскому остроумію нашего героя, вспомоществуемому русской «простотой», а отчасти, вѣроятно, и русской продажностью. Правители и инженеры названнаго общества заключили съ Уайненсомъ такой чудесный контрактецъ на какіе-то, съ виду, пустяки, въ родѣ смазки колесъ подвижнаго состава, что онъ сталъ класть себѣ въ карманъ *треть* валоваго сбора съ Николаевской дороги. Ничего, терпѣли, потому что, вѣдь, казна-матушка расплачивалась; а когда казнѣ стало наконецъ не втерпежъ, нарушили контрактъ, уплативъ Уайненсу неустойку — какихъ-то тамъ всего шесть милліоновъ. Въ качествѣ «заатлантическаго друга», мистеръ Уайненсъ оказался очень признательнымъ къ намъ человѣкомъ, который добро помнитъ: нажитые въ Россіи милліоны онъ въ Россіи и оставилъ, взявъ себѣ взамѣнъ ихъ только бумажки — акціи «Главнаго Общества», что, впрочемъ, сдѣлало его чуть не самодержавнымъ хозяиномъ и самого общества и всѣхъ его дорогъ... Нут-ка, какая Шехеразада разскажетъ вамъ такую удивительную сказку?

Уваровъ, графъ А. С. сынъ знаменитаго въ свое время министра

народнаго просвѣщенія, самъ—человѣкъ горячо заинтересованный въ просвѣщеніи и наукѣ. Графъ Уваровъ признается нашимъ первостепеннымъ археологомъ, какъ по личному глубокому знанію русской древности, такъ и по разностороннему меценатскому содѣйствію процвѣтанію отечественной археологіи. Имъ трудолюбиво произведено множество раскопокъ, написано и издано, съ роскошными иллюстраціями, нѣсколько капитальныхъ изслѣдованій, вѣнцомъ которыхъ не очень давно явилась прекрасная объемистая книга: «Каменный періодъ» — первое звено широко задуманнаго изданія полной «Археологіи Россіи». Въ дѣлѣ содѣйствія наукѣ графу А. С. принадлежитъ, между прочимъ, иниціатива археологическихъ съѣздовъ, въ которыхъ онъ обыкновенно и предсѣдательствуетъ со всею ревностью и прилежаніемъ завзятаго, по страсти, археолога. Ему-же принадлежитъ извѣстная, его именемъ окрещенная, академическая «уваровская премія», выдаваемая за лучшія произведенія по русской исторіи и беллетристикѣ.

Уманецъ, Ѳ. М. — профессоръ и писатель нѣсколько разбросаннаго содержанія и характера. Пишетъ и тяжеловѣсныя изслѣдованія по исторіи («Возрожденіе Польши» — книга), и бѣглыя наблюденія надъ современной дѣйствительностью («Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу» — книга), и журнальныя статьи по публицистикѣ и даже фельетонныя замѣтки «нововременскаго» стиля и пошиба. Несмотря, однако, на такую сангвиническую плодовитость, г. Уманецъ все еще, какъ будто, не успѣлъ опредѣлиться: кто онъ—ученый-ли, или фельетонистъ? талантливъ или «такъ себѣ»? какого лагеря, какого по крайней мѣрѣ слога—высокаго-ли, низкаго или средняго?

Унковскій, А. М. — мужъ испытанной гражданской доблести, каковую проявилъ первоначально на постѣ тверскаго предводителя дворянства въ достопамятную эпоху освобожденія крестьянъ. А. М. стоялъ въ числѣ немногихъ среди дворянъ искреннихъ друзей великой реформы и дѣятельно поревновалъ скорѣйшему и справедливѣйшему ея осуществленію въ предѣлахъ своихъ полномочій. Покончивъ съ этимъ, онъ примѣнилъ свои силы и свои богатыя юридическія познанія къ проведенію и истолкованію другой славной реформы прошлаго царствованія — судебной. Здѣсь онъ плодовисто потрудился перомъ, разработывая юридическіе вопросы въ журналахъ и издавъ къ моменту судебной реформы нѣсколько переводовъ иностранныхъ авторитетовъ въ наукѣ права, въ томъ числѣ знаменитаго Миттермайера. Со введеніемъ реформы А. М. явился въ числѣ первыхъ по времени присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ—тогда такихъ еще свѣжихъ, невинныхъ, вдохновленныхъ такими высокими гражданскими намѣреніями, которыми потомъ чортъ устилалъ, устилалъ адъ и, наконецъ, плюнулъ! Должно сказать, что г. Унковскій, непрерывно съ той поры адвокатствуя, едва-ли не менѣе всѣхъ своихъ товарищей поддавался искушеніямъ и по наши дни съумѣлъ соблюсти свою добрую репутацію.

Есть еще другой Унковскій — 2-й (С. В.), тоже петербургскій адвокатъ, о которомъ не умѣю ничего сказать, и упоминаю о немъ лишь для того, чтобы читатель не смѣшивалъ его съ вышеизображеннымъ, какъ это многіе по невѣдѣнію дѣлаютъ.

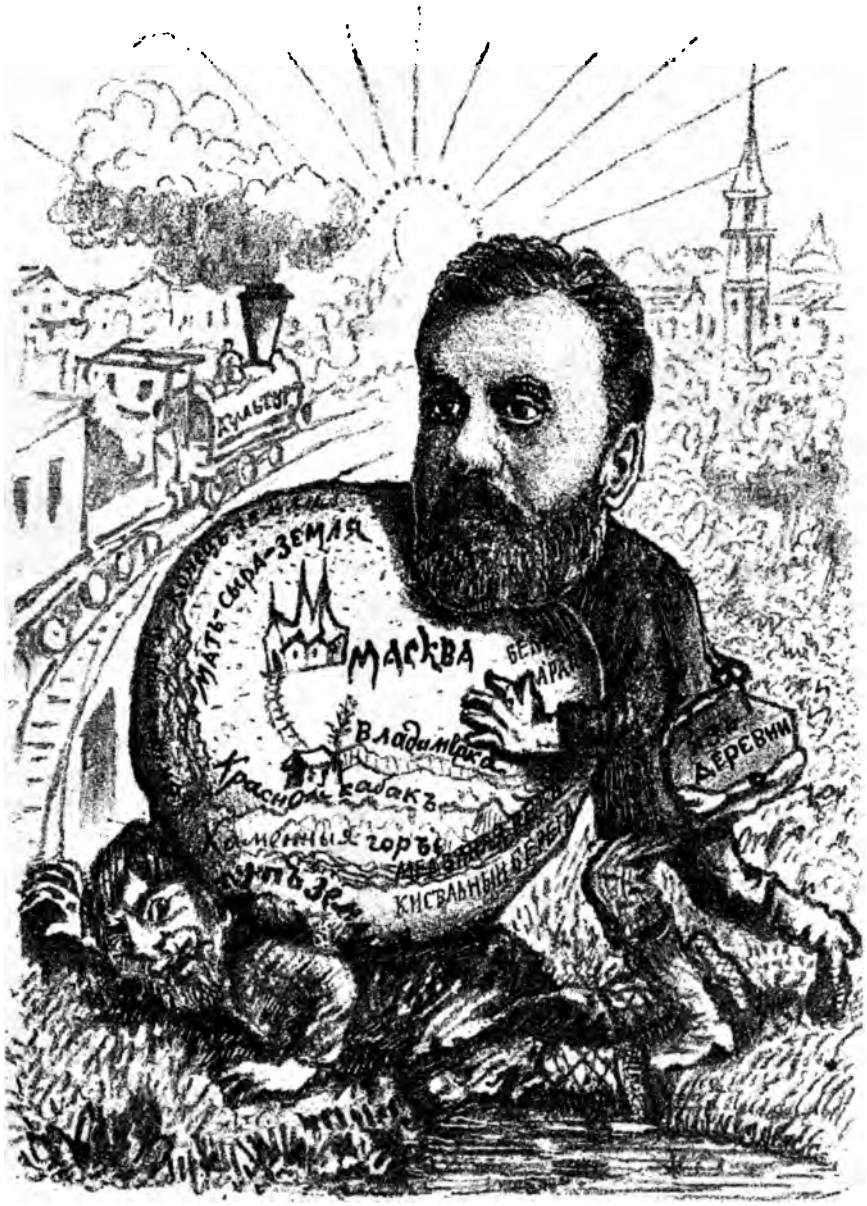
Урлаубъ, Е. Ѳ. — вѣнчанная золотою медалью надежда академіи художествъ, до сихъ поръ, впрочемъ, медлящая оправдать себя. Лѣтъ двѣнад-

цать тому назадъ г. Урлаубъ далъ хорошую картину—«Христосъ воскрешаетъ дочь Іаира», и съ той поры воздерживается дать что-нибудь равнозначащее. Видно слѣдуетъ мудрой поговоркѣ: «хорошенькаго понемножку»...

Урусовъ, князь А. И. — одно изъ украшеній петербургской адвокатуры, хотя, по свойству своего остраго критическаго ума и стремительнаго дара краснорѣчія, князь больше призванъ нападать и обвинять, чѣмъ защищать и оправдывать. Онъ съ этого было и началъ, выступивъ съ первыхъ шаговъ своей юридической карьеры на прокурорской трибунѣ. Его блистательныя прокурорскія рѣчи и славу ему сдѣлали; но мудрый князь вскорѣ сообразилъ, что изъ одной славы шубы не сошьешь, и—въ одно прекрасное утро перекочевалъ съ высокой прокурорской трибуны на адвокатскую скамью, хотя и не столь возвышенную, да сидится на ней тепленько и къ «кушамъ» поближе. — Сидишь, сидишь, да вдругъ, на счастье, явится какая-нибудь угнетенная невинность въ интендантскомъ мундирѣ: «Обѣлите, ваше сіятельство!», —и сейчасъ на столъ бумажникъ величиною въ интендантскій фургонъ — нѣчто такое, чего прокурорское воображеніе и обнять не въ состояніи. Впрочемъ, князь Урусовъ не только интендантовъ защищаетъ (зри дѣло Россицкаго «съ товарищи»), но и свой развитой эстетитескій вкусъ изощряетъ диллетантскими экскурсіями въ область искусства, преимущественно драматическаго. Онъ «шекспиристъ» и «золаистъ», немножко самъ поэтъ, немножко драматургъ и немножко критикъ (между прочимъ, велъ театральную критику въ «Порядкѣ»).

Усовъ, П. С.— старѣйшій изъ инвалидовъ петербургской журнальной рати, и до сихъ поръ еще не положившій пера. Роль г. Усова въ журналистикѣ была довольно трагическая, —онъ прошелъ по ея полю какимъ-то зловѣщимъ гробокопателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ только то и дѣлалъ, что трудолюбиво рылъ могилы редижируемымъ имъ изданіямъ и добросовѣстно хоронилъ ихъ, не роняя ни слезинки, съ невозмутимымъ, отличающимъ его, смиренномудріемъ. Такъ погребъ онъ навѣки достопамятную «Сѣверную Пчелу», редактируя ее послѣ Греча; затѣмъ, послѣдовательно справилъ похороны газетамъ «Биржа» и «Нашъ Вѣкъ»; дѣятельно участвовалъ въ рытьѣ могилы «С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ» послѣ Корша и если не отправилъ ихъ на тотъ свѣтъ, то только изъ уваженія къ казенной собственности («Вѣдомости»—казенное изданіе)... Легкая рука у г. Усова на этотъ счетъ, и—можетъ быть, благодаря отчасти тому, что рука его близко прикасалась также къ «Голосу» (въ «Голосѣ» онъ вѣдалъ телеграммы въ 70-хъ гг.), и сей послѣдній съ теченіемъ времени «общей не ушелъ судьбы»... Въ послѣднее время г. Усовъ началъ печатать свои воспоминанія; воспоминанія-то у него богатыя, да жаль — разказчикъ онъ неважный.

Успенскій, Глѣбъ,—одинъ изъ искреннѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ русскихъ писателей, вообще, и писателей «народниковъ», въ частности. Изъ первыхъ по времени «народниковъ» въ нашей литературѣ, Глѣбъ Ивановичъ безспорно первенствуетъ среди нихъ, и по силѣ таланта и по многостороннему знанію народа, деревни. Написалъ онъ, сравнительно, немного и не написалъ ничего крупнаго, капитальнаго; но во всѣхъ его разсказахъ льется черезъ край и поражаетъ своимъ богатствомъ глубокая, чуткая, любовная наблюдательность.



«Народъ до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій, кроткій типъ, пока надъ нимъ стоитъ власть земли». . . . . .

дозв. ценз. с.-петерб., 14 дек. 1883 г.

Эти сжатыя, часто на-спѣхъ, безъ отдѣлки набросанныя картинки захватываютъ всего читателя своей, бьющей ключомъ содержательностью, своей яркой правдивостью и какой-то горючей теплотой колорита, съ проблесками того грустнаго юмора, который сквозитъ чрезъ «незримыя міру слезы». Въ послѣднее время г. Успенскій оставилъ шаблонную беллетристическую форму и выработалъ оригинальную художественно-публицистическую монографію, въ которой пытается обобщать свои живыя образныя наблюденія, философски изслѣдовывая ихъ въ интересѣ широкихъ историко-соціологическихъ выводовъ. Эстетики видятъ въ этомъ изобрѣтеніи досадное отступничество г. Успенскаго отъ его истиннаго призванія художника, а публицисты сожалѣютъ, что пытливая мысль г. Успенскаго недостаточно подготовлена философски, и потому онъ нерѣдко напрягается открыть Америку, не подозрѣвая, что она давно уже открыта. Можетъ быть въ упрекахъ этихъ есть и доля правды; но уже то, что Г. И., достигнувъ большой извѣстности, не успокоивается и не повторяется, какъ это бываетъ съ нашими талантами, что мысль въ немъ мучительно и напряженно работаетъ надъ «проклятыми» вопросами жизни,—всецѣло подкупаетъ насъ въ его пользу. Притомъ же въ своихъ этюдахъ народной жизни, плѣняющихъ своей неподкупной, безстрашной искренностью—безстрашной даже передъ толкомъ своего прихода («народники» не разъ вѣдь косились на Г. И. за его слишкомъ *натуральную* «мужика»), г. Успенскій наслѣживаетъ иногда глубокія, хотя и жестокія истины, почти открытія. Вспомнимъ его «Власть земли», возбудившую столько толковъ въ журналистикѣ и всѣхъ изумившую смѣлостью и оригинальностью своей мысли, что русскій мужикъ-де безъ земли и ея «власти» надъ нимъ — погибъ.

Успенскій, И. И. — Баснописецъ разсказалъ легенду, какъ однажды осиновое бревно попало въ цари. Иванъ Ивановичъ Успенскій далъ въявѣ еще болѣе легендарный примѣръ, какъ можно, вовсе не зная русской грамоты и съ трудомъ различая, гдѣ правая нога и гдѣ лѣвая, попасть въ журналисты, да еще въ руководящую роль редактора «политической, литературной и ученой» газеты, и процвѣтать въ этой роли десятки лѣтъ, наживая дома и капиталы. Случилось это очень просто. Бывшій архіерейскій служка, г. Успенскій пристроился конторщикомъ при «Сынѣ Отечества», и когда издатель его, г. Старчевскій, былъ наканунѣ банкротства, прибралъ эту газету къ рукамъ по закладной за 20 т., т. е., дешевле пареной рѣпы. Самъ по себѣ Иванъ Ивановичъ процвѣсть-то процвѣлъ, но его баснословное «лѣдахторство» не прошло безнаказанно для газеты. «Сынъ Отечества», нѣкогда самая распространенная у насъ газета, нынѣ годъ отъ году теряетъ подписчиковъ, и дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что его будетъ выписывать и читать одинъ Иванъ Ивановичъ (предполагается, что за время своего редакторства онъ настолько-то подучился грамотѣ.)

Успенскій Н. В., писатель, — авторъ деревенскихъ «сценъ» изъ народнаго и причетническаго быта, правдиво, но слишкомъ поверхностно схваченныхъ и освѣщенныхъ мелкимъ, холоднымъ, издѣвающимся смѣхомъ ради смѣха. Нынѣ «сцены» г. Успенскаго проходятъ незамѣченными, а между тѣмъ первыя изъ нихъ, появившіяся въ «Современникѣ» конца 50-хъ гг., были встрѣчены съ пересахаренными

хвалами, какъ нѣкое откровеніе, какъ «новое слово», и г. Успенскій вдругъ попалъ въ великіе, многообѣщающіе таланты. У г. Успенскаго явилось тогда множество подражателей, главнымъ образомъ по языку—по той бывшей тогда вновѣ и скоро пріѣвшейся, какъ все фальшивое, «помаленьку мужицкой» рѣчи, имитирующей народный областной говоръ, честь изобрѣтенія которой въ литературѣ безраздѣльно принадлежитъ, кажется, г. Успенскому.

Устряловъ, Θ. Н., сынъ извѣстнаго историка, автора «Исторіи Петра Великаго», скромный литературный дѣятель, пользующійся въ журналистикѣ репутаціей хорошаго, толковаго переводчика. Пробовалъ сдѣлаться драматургомъ и написалъ нѣсколько пьесъ («Слово и дѣло», «Чужая вина» и др.),—увы, провалившихся; пробовалъ стать журналистомъ (г. Устрялову принадлежитъ честь основанія «Новаго Времени»), но несчастливый опытъ этотъ стоилъ ему всего состоянія и самой газеты, попавшей въ другія руки; наконецъ, только въ послѣдніе дни г. Устрялову улыбнулся нѣкоторый литературный успѣхъ, какъ мемуаристу. Его университетскія воспоминанія, явившіяся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1884 г.), читались и одобрялись.

Утины — фамилія, прославившаяся со времени блаженной памяти откуповъ. Родоначальникъ ея, іерусалимскій дворянинъ, откупщикъ - богачъ гремѣлъ въ Петербургѣ своими роскошными палатами, дачами и иными напыщенными сарданапальскими затѣями, пока не захудалъ съ отмѣной откуповъ.—Нынѣ славятся его сыновья, но уже на поприщѣ не суетнаго плутократскаго бахвальства, а интеллигентности, законовѣдѣнія и словесности. *Я. И. Утинъ* — видный государственный мужъ, священнодѣйствующій въ сенатѣ, на постѣ оберъ-прокурора межеваго департамента.—*Е. И. Утинъ* —не менѣе видный представитель «адвокатскаго сословія» въ Петербургѣ; прославился либерально - сентиментальнымъ краснорѣчіемъ: никто, какъ онъ, не умѣетъ съ такимъ чувствомъ и задушевностью проливать болѣе или менѣе «крокодиловы слезы» въ рѣчахъ, посвященныхъ защитѣ подсудимыхъ, не только умѣющихъ быть благодарными, но и просто интересныхъ для адвокатской славы. Сверхъ того, Е. И. Утинъ — писатель, постоянный сотрудникъ «Вѣстника Европы», время отъ времени украшающій его страницы критиками, публицистическими этюдами, путевыми записками (о Болгаріи, напр., во время русско-турецкой войны) и пр. Пишетъ онъ всегда отмѣнно либерально, пространно, краснорѣчиво, съ аппломбомъ знанія и убѣжденности, но въ немъ чувствуется не настоящій заправскій писатель, а — диллетантъ, диллетантски поверхностный.

Ф.

Фаминцыны, братья.— *А. С. Фаминцынъ* — замѣчательный естествоиспытатель, профессоръ физіологіи растеній въ петербургскомъ университетѣ, одинъ изъ немногихъ счастливцевъ среди заслуженныхъ русскихъ ученыхъ, которые замѣчены и синедріономъ академическихъ «дядюшекъ». Г. Фаминцынъ замѣченъ «дядюшками» и титуломъ академика почтенъ можетъ быть потому, что пишетъ свои ученые «мемуары» на образцовомъ нѣмецкомъ языкѣ. Это—не случайность. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть академиковъ-русскихъ писали и пишутъ по-нѣмецки и, можетъ быть, сами немножко онѣмечиваются, какъ это можно заключить, между прочимъ, по тому, что среди нихъ встрѣчаются носящіе коренную русскую фамилію и оказывающіеся, къ удивленію, *Карлами* Ивановичами (напр., Карлъ Ивановичъ Максимовичъ). Впрочемъ, и сами по себѣ ученыя заслуги г. Фаминцына важны и существенны. Прославился онъ главнымъ образомъ кропотливымъ изученіемъ животворныхъ чудесъ, производимыхъ дѣйствіемъ свѣта на растенія, — спеціальность тѣмъ болѣе почтенная, что у насъ польза свѣта для жизни вообще— истина, весьма и весьма нуждающаяся еще въ доказательствахъ.—*Ал-дръ С. Фаминцынъ*, профессоръ музыкальной консерваторіи,— большой знатокъ музыки и ея исторіи, самъ музыкантъ и композиторъ, но не изъ особенно счастливыхъ, судя по злосчастной судьбѣ его оперы «Сарданапалъ». Свои неудачи въ композиторствѣ вознаграждаетъ отрадой нещаднаго суда въ печати произведеній своихъ соперниковъ. Г. Фаминцынъ—музыкальный критикъ и жестокій критикъ, но почему-то пишетъ больше по-нѣмецки въ петербургскихъ нѣмецкихъ газетахъ.

Федоровъ, Михаилъ Павловичъ, въ отличіе отъ множества однофамильцевъ шутливо именуемый *Эмъ-Пе-Фе*: должно быть, ради той-же тщеславной цѣли, а можетъ и для доказательства своей полной независимости — независимости даже отъ требованій русской грамматики—пишется не чрезъ *ять*. Первое

было-бы напрасно, ибо почтенный Михаилъ Павловичъ единствененъ въ своемъ родѣ, и по рѣдкостному общественному положенію, и по невозмутимой философіи, съ точки зрѣнія которой «желудокъ есть вещь, а прочее все гиль», и даже по внѣшности, немножко напоминающей Фальстафа. Вотъ что касается независимости г. Федорова, какъ *отвѣтственнаго* редактора «Новаго Времени», то это вещь очень спорная и—нѣтъ сомнѣнія, что на страшномъ судѣ многія прегрѣшенія этой газеты не будутъ зачтены на совѣсть благодушнаго М. П., хотя онъ и скрѣплялъ ихъ самоотверженно своей подписью. Можетъ даже онъ и въ рай попадетъ за то, что судъ земной, въ серьезъ принимая его «отвѣтственность», столько разъ безвинно тягалъ и упекалъ его, яко многострадальнаго козла искупленія криминаловъ «Новаго Времени». Кажется, однако, въ этомъ и заключается главнымъ образомъ служба нашего друга у г. Суворина, запасливо обрѣвшаго себѣ въ немъ какъ-бы родъ подушки отъ непосредственныхъ ударовъ меча Ѳемиды. Какъ писатель, М. П. посвящаетъ свое перо преимущественно театру и увеселительной части вообще. Имъ написано и переведено нѣсколько бойкихъ, сценичныхъ пьесъ; онъ — опытный, свѣдущій театральный критикъ со вкусомъ и пониманіемъ.

Фейкъ. — Если, говорятъ, слава —дымъ, то г. Фейкъ воочію насъ убѣждаетъ, что, съ своей стороны, дымъ можетъ служить источникомъ очень прочной славы и прекраснаго дохода. Фейкъ — извѣстная въ Петербургѣ и Москвѣ лучшая фирма, спеціально торгующая гаванскими сигарами болѣе или менѣе гамбургскаго издѣлія.

Фену — оборотливый педагогъ, во время и кстати, съ благословенія достославной коммиссіи Солянаго Городка, открывшій лавочку учебниковъ и учебныхъ пособій. Нынѣ владѣетъ на Невскомъ богатымъ книжнымъ базаромъ, обилующимъ всевозможными педагогическими «пособіями», чуть-ли не включительно до тѣхъ, какія нужны, напр., чтобы повѣситься по мудрой фребелевской системѣ.

Фетъ, А. А. (Шеншинъ) — благоуханный, сладкозвучный лирикъ, нѣсколько увядшій и обезкураженный отъ суровыхъ «вѣяній» нашего прозаическаго времени, а главное — отъ безжалостной къ нему критики. Въ 60-хъ гг. г. Фетъ и его граціозная, деликатная муза были однимъ изъ «любимыхъ мотивовъ» журнальнаго смѣха и злоязычія за ихъ, дѣйствительно, немножко тепличный идеализмъ и брезгливость къ мукамъ и злобамъ жизни для эгоистическаго паренія въ эмпиреяхъ эстетики. Г. Фетъ, однакоже, мужественно остался вѣренъ своей музѣ и — такой горделивый отвѣтъ далъ своимъ зоиламъ:

Пускай клянутъ, волнуяся и споря,
Пусть говорятъ: то бредъ души больной;
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря
Отважною, нетонущей ногой!

Точь въ точь, какъ Іисусъ Христосъ по волнамъ галилейскимъ... Конечно, поэтъ, столь чудесно легкій на ногу, въ полномъ правѣ считать себя «не отъ міра сего». Нельзя, впрочемъ, не вспомнить съ благодарностью, что г. Фетъ, кромѣ поэтическаго «бреда души больной», вылившагося у него въ безподобныхъ по формѣ стихахъ, превосходно перевелъ оды Горація, «Фауста» Гете, двѣ пьесы Шекспира и многія вещи Шиллера.

Фигнеръ — потомокъ знаменитаго партизана, унаслѣдовавшій отъ него отчасти наѣздническія наклонности только въ примѣненіи не къ «полю

брани», а къ мирному поприщу спекуляціи театральной антрепризой. Жаль только, что г. Фигнеръ менѣе своего предка счастливъ, какъ показываютъ его храбрые, но неудачные прожекты по основанію театровъ и по отчужденію уже существующихъ (зри его отвергнутую судомъ претензію на овладѣніе Малымъ театромъ).

Филиппо — вошедшее въ притчу и ставшее почти историческимъ имя демидронной каскадной знаменитости въ отставкѣ. Кто изъ столичныхъ «ташкентцевъ» и мышиныхъ жеребчиковъ 60-хъ и 70-хъ гг. не млѣлъ художественно и не впадалъ въ эротическое изступленіе отъ постыдной памяти «Лямура» «симпатичной» m-selle Филиппо («L'amour, qu'est ce donc que cela?»), исполнявшагося ею съ такой исключавшей всякіе фиговые листики физіологической наглядностью?

Филипповъ, М. А.—человѣкъ превратной и очень странной литературной карьеры. Извѣстенъ сталъ вначалѣ 60-хъ гг. своими дѣльными, обратившими на себя общее вниманіе либерально-юридическими статьями въ «Современникѣ» о брачныхъ законахъ, о нашемъ судоустройствѣ и пр. Прослылъ г. Филипповъ заправскимъ, просвѣщеннымъ литераторомъ, какъ вдругъ, на свое несчастье, основываетъ онъ въ началѣ 80-хъ гг. свой журналъ «Вѣкъ», въ которомъ обнаруживаетъ такую феноменальную безграмотность, такую круглую неспособность и неумѣлость, что всѣ диву дались: да точно-ли это тотъ самый «извѣстный» Филипповъ? Оказалось, что тотъ самый, и—теперь остается признать одно изъ двухъ: либо г. Филипповъ притворялся литераторомъ до изданія «Вѣка», никогда имъ не бывъ на самомъ дѣлѣ, либо онъ, послѣ своего сотрудничества въ «Современникѣ», разучился и грамотѣ и всему, что зналъ. Конечно, «Вѣкъ», вопреки своему названію, оказался недолговѣчнымъ, и современемъ попадетъ въ библіографическіе раритеты по своей высокой, невиданной анти-литературности.

Филипповъ, Т. И.—Мужъ, исполненный ревности о православіи, и въ этомъ смыслѣ составившій себѣ въ высшихъ духовно-свѣтскихъ сферахъ лестную репутацію. Засѣдаетъ въ разныхъ духовно-благотворительныхъ обществахъ, а также и въ Славянскомъ, ибо Тертій Ивановичъ, само собой разумѣется, и славянолюбецъ. Онъ и человѣколюбецъ примѣрный, какъ доказалъ это своимъ заступничествомъ за несчастную жертву свирѣпой вдовы Булахъ.

Филипповъ — знаменитый московскій хлѣбопекарь, дѣятельно содѣйствующій своими единственными въ своемъ родѣ калачами обрусѣнію европейца-Петербурга. Положительно, одинъ изъ наиболѣе надежныхъ столповъ московской «самобытности» и — нѣтъ сомнѣнія, еслибы г. Аксаковъ догадался печатать свой зовъ «Домой! домой!» на филипповскихъ, напр., «плюшкахъ», то всѣ петербургскіе «европейцы» давно были-бы уже «дома».

Филоновъ, А., педагогъ, на законномъ основаніи и съ одобренія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, составившій себѣ и славу, и состояніе чужою литературною собственностью. Въ мірѣ, впрочемъ, все условно: съ педагогической цѣлью составленное изъ выемокъ и вырѣзокъ изъ чужихъ образцовыхъ сочиненій изданіе принято называть не плагіа-

томъ, а — хрестоматіей. Будемъ благодарны г. Филонову за то, что его хрестоматіи по русской словесности составлены по крайней мѣрѣ со вкусомъ и толкомъ.

Философова, А. П., — изъ столичныхъ «благотворительныхъ дамъ» наиболѣе извѣстная, интересная и дѣятельная, но нынѣ, кажется, уже поохладѣвшая немножко въ своей человѣколюбивой ревности по устройству филантропическихъ баловъ и спектаклей и по сооруженію чертоговъ для сирыхъ и убогихъ (она предсѣдательствуетъ въ «Обществѣ дешевыхъ квартиръ»). Какъ и отчего это произошло—можно видѣть отчасти изъ опубликованныхъ любопытныхъ писемъ къ г-жѣ Философовой Тургенева и Достоевскаго, а также и изъ пессимистическаго афоризма, вложеннаго ей въ уста г. Мартьяновымъ: «Никто не получалъ, чего хотѣлъ и что любилъ» (зри его книгу «Умныя рѣчи»). Не ради плохаго каламбура, можно сказать, что г-жа Философова вообще большая философка съ «прекраснымъ умнымъ сердцемъ», по свидѣтельству Достоевскаго. Она зналась съ литераторами и мыслителями, горячо покровительствовала учащейся молодежи и искала среди нея геніевъ — правда, не всегда удачно, какъ свидѣтельствуетъ Тургеневъ и какъ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ ея собственныхъ словъ.

Флеровскій — вышедшее изъ обращенія въ текущей литературѣ имя автора извѣстной апокрифической книги о рабочемъ вопросѣ въ Россіи. Это одна изъ прибасокъ на замысловатый вопросъ: «кому на Руси жить хорошо?», и въ смыслѣ отрицательномъ по отношенію къ житью-бытью русскаго рабочаго. Ну, а на счетъ прибасокъ есть пословица: «всякая прибаска живетъ прикраской»...

Флиге — хорошо извѣстный въ Петербургѣ нынѣ придворный капельмейстеръ. Любители музыки, не имѣющіе пріѣзда ко двору, пользуются возможностью цѣнить искусство г. Флиге лѣтомъ въ Петергофскомъ паркѣ, гдѣ въ извѣстные дни играетъ его оркестръ для публики, являясь очень опаснымъ конкуррентомъ пресловутой павловской музыкѣ.

Фойницкій — профессоръ права, но, кажетси, небольшой праведникъ, какъ можно судить по нѣсколько двусмысленной роли, сыгранной имъ однажды въ нѣдрахъ петербургскаго тюремнаго комитета, о чемъ въ свое время было разсказано въ газетахъ. Заявилъ себя въ юридической литературѣ «руководствами» и дѣльными работами по изученію русскаго обычнаго права.

Фонбергъ. — Странные бываютъ сюрпризы у судьбы! Прожилъ г. Фонбергъ маѳусаиловы лѣта въ безъизвѣстности, какъ, вотъ, совершается юбилей кіевскаго университета, и по этому поводу г. Фонбергу поютъ славу, о г. Фонбергѣ узнаетъ весь православный міръ. Заслуга его въ томъ, что онъ оказался старѣйшимъ изъ профессоровъ названнаго университета... Значитъ, и дряхлая старость на что-нибудь годится.

Фонтана — оборотливый петербургскій архитекторъ, построившій довольно ординарно Малый театръ, но съ очень большими претензіями. Питаетъ г. Фонтана претензію и на основаніе русскаго «народнаго» театра; вѣроятно, онъ не прочь былъ-бы и двѣсти тысячъ въ лотерею выиграть, да

жаль — не все то зубъ имѣтъ, что око видитъ.

Фридериксъ, баронъ,— богатѣйшій въ столицѣ домовладѣлецъ, но симпатизируетъ всѣмъ сердцемъ бѣднякамъ, къ услугамъ которыхъ и обратилъ нѣкоторые свои громадные дома въ коммунистическія фаланги по плану Фурье —конечно, въ одномъ лишь архитектурномъ отношеніи. Боже сохрани насъ пріобщить барона къ коммунистамъ! Онъ — мужъ трезвеннаго образа мыслей и «нѣмѣетъ предъ закономъ», какъ это можно заключить по его непреклонному торизму и суровому краснорѣчію въ стѣнахъ городской думы.

Фругъ — молодой самородокъ-поэтъ, обратившій на себя вниманіе пока не многими стихотвореніями, несовсѣмъ заурядными по внутреннему огоньку и красотѣ формы. Еврей по происхожденію, мало знакомый съ европейской и русской литературой, г. Фругъ паритъ духомъ больше къ вершинамъ Сіона и Синая и строитъ свою лиру всего чаще на ладъ еврейско-библейской «гражданской скорби». Это пока — маленькій Іеремія современнаго россійскаго Израиля.

X.

Харламовъ, Ѳ. С., академикъ, талантливый художникъ. — Началъ въ 1868 г. съ библейскаго «Возвращенія блуднаго сына въ родительскій домъ», за каковое получилъ золотую медаль, и легкомысленно перешелъ на аппетитно-смазливыя, современныхъ гривуазныхъ типовъ, «женскія головки», которыхъ далъ роскошную коллекцію. Вообще г. Харламовъ какъ-тодальше «головокъ» и «этюдиковъ»—правда, всегда мастерскихъ у него—не идетъ, а пора-бы разрѣшиться и чѣмъ-нибудь болѣе капитальнымъ. Г. Харламовъ оправдывается тѣмъ, что онъ все еще продолжаетъ учиться и «штудировать», для чего и живетъ больше въ веселомъ Парижѣ... Съ русскими талантами бываютъ не въ рѣдкость такіе казусы, что они и полысѣютъ, и зубы съѣдятъ и на тотъ свѣтъ отправятся, не расцвѣвъ и не созрѣвъ.

Хартулари, К. Ѳ., присяжный повѣренный съ нѣкоторой извѣстностью, тѣмъ болѣе патетической въ мнѣніи петербуржцевъ, что г. Хартулари бдительно стоялъ на стражѣ ихъ общихъ интересовъ отъ всякихъ сутяжническихъ покушеній. Онъ—бывшій юристъ-консультъ петербургской думы.

Хвольсонъ, Д. А., профессоръ еврейскаго языка въ петербургскомъ университетѣ,—знатокъ и даже, по выраженію г. Березина, энтузіастъ семитическихъ языковъ. Съ неменьшимъ энтузіазмомъ симпатизируетъ г. Хвольсонъ, по кровному родству, и самимъ семитамъ въ ермолкахъ, какъ это показалъ онъ, между прочимъ, своей горячей ученo-публицистической защитою ихъ въ печати отъ нелѣпаго обвиненія въ потребленіи христіанской крови. Свои семитическія симпатіи почтенный профессоръ обнаружилъ отчасти и въ своихъ ученыхъ историческихъ изысканіяхъ, посвященныхъ древней еврейской письменности. Напр., почти въ каждой, ознаменовавшей себя воинственностью, загадочной народности, толкавшейся въ доисторическія времена на юго-востокѣ Европы, г. Хвольсонъ склоненъ прозрѣвать болѣе или менѣе

отдаленныхъ родственниковъ іудейскаго племени (см. его «Извѣстія о хозарахъ и другихъ народахъ»). — У г. Хвольсона - гебраиста есть сынъ, тоже ученый, обратившій уже на себя нѣкоторое вниманіе въ литературѣ. *Хвольсонъ*-сынъ—натуралистъ.

Хвощинская, Н. Д., прославившаяся подъ псевдонимомъ *Всеволодъ Крестовскій*, который курьезно встрѣтился въ литературѣ съ извѣстнымъ натуральнымъ Всеволодомъ Крестовскимъ, къ немалой досадѣ поклонниковъ нашей талантливой, симпатичной писательницы. Недавно просвѣщенныя столичныя дамы сдѣлали г-жѣ Хвощинской интимную сердечную овацію, съ поднесеніемъ адреса и лаврового вѣнка, по поводу тридцатипятилѣтія ея литературной дѣятельности. Можно пожалѣть, что овація эта произошла негласно и въ тѣсномъ кругу. Безъ сомнѣнія, въ ней приняли-бы горячее участіе всѣ русскія образованныя женщины, и никогда не была-бы она болѣе заслуженной. Русская женщина вправѣ гордиться г-жей Хвощинской, которая съ такимъ блескомъ показала, что въ области художественнаго творчества, наблюдательности, психологическаго анализа и трезвости мысли, женское литературное перо можетъ не уступать перьямъ самыхъ талантливыхъ писателей-мужчинъ. Честь доказательства этой истины безспорно принадлежитъ г-жѣ Хвощинской болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ, вкупѣ взятымъ, русскимъ писательницамъ, когда-нибудь являвшимся. За 35 лѣтъ она написала очень много, съ замѣчательной живучестью сохранивъ и развивъ свой прекрасный талантъ. Главный сюжетъ романовъ и повѣстей г-жи Хвощинской —женская жизнь русскихъ интеллигентныхъ, преимущественно провинціальныхъ барынь и барышень, исчерпанныхъ романисткой во всемъ пестромъ разнообразіи ихъ типичныхъ разновидностей съ удивительной правдивостью. Конечно, и жизнь эта, и эти типы не таковы, чтобы годились для идеальной поэмы. Г-жа Хвощинская безпощадно обрисовала всю ихъ пустоту, мелкоту, суетность и пошлость, и—нѣтъ сомнѣнія, что ея повѣсти, помимо своего эстетическаго значенія, оказали большое отрезвляющее и облагораживающее вліяніе на многихъ чуткихъ русскихъ женщинъ, отвративъ ихъ отъ того моральнаго и умственнаго въ мишурной оболочкѣ, ничтожества, въ которомъ прозябало столько поколѣній нашихъ барынекъ.

Хилкова, княгиня, — очень оригинально и вполнѣ аристократично разрѣшила вопросъ о женской эмансипаціи. Въ то время какъ худородныя представительницы прекраснаго пола, ради этого рѣшенія, налегли на мущинскія науки и занятія, ея сіятельство эмансипировала себя для непосредственнаго участія въ мущинской потѣхѣ — лошадиномъ спортѣ. Вся Москва ее знаетъ, какъ заядлую лошадятницу, и видитъ на всѣхъ московскихъ скачкахъ. Княгиня организовала прекрасный конскій заводъ (увы, недавно сгорѣвшій!), пускаетъ на бѣга своихъ скакуновъ и — не знаемъ — можетъ сама скачетъ, съ азартомъ агитируетъ у тотализаторовъ и вообще, входитъ во всѣ тонкости заправскаго спорта... Тоже, вѣдь, въ своемъ родѣ — нигилистка!

Хлудовы — именитый купеческій родъ, пользующійся громкой, хотя и нѣсколько скандалезной извѣстностью. Есть разные Хлудовы — московскіе, смоленскіе, ташкентскіе, и всѣ они, кажется, одинаково нравные, со сноровкой къ самодурству. Напр., смо-

ленскіе Хлудовы прославились своевластіемъ въ земствѣ, подкупами на выборахъ и т. под. «художествами». Изъ московскихъ Хлудовыхъ - богачей одинъ пріобрѣлъ отчасти даже европейскую извѣстность. Онъ участвовалъ въ достопамятномъ походѣ «добровольцевъ» въ сербско-турецкую войну и состоялъ при генералѣ Черняевѣ въ качествѣ не то штатскаго адъютанта не то виночерпія, не то шталмейстера (онъ ему презентовалъ привезенную изъ Москвы русскую тройку съ бубенчиками, на которой храбрый генералъ совершилъ свою знаменитую делиградскую кампанію). Потомъ г. Хлудовъ очутился въ Парижѣ и своими кутежами и мотовствомъ далъ вооче столицѣ міра блистательный примѣръ — что такое называется помосковски «соврасъ безъ узды».

Хлѣбникова — молодая актриса александринской труппы, изъ тѣхъ, которыхъ театральные критики называютъ симпатичными. И точно, въ г-жѣ Хлѣбниковой все симпатично: и чисто русская, крупныхъ штриховъ, миловидность, и артистическое прилежаніе и сценическій талантикъ въ чертѣ ролей провинціальныхъ барышень, купеческихъ дочекъ и «хай-дѣвокъ» мѣщанской среды.

Хлѣбниковъ — одинъ изъ главныхъ соревнователей славы московскаго чеканносеребрянаго дѣла. Особенно славятся хлѣбниковскія серебряныя блюда, имѣющія такое чудесное свойство, что подносимые на нихъ хлѣбъ-соль дѣлаются слаще вяземскихъ пряниковъ для чествуемыхъ ими сильныхъ міра сего.

Хойнацкій, А. Ѳ. — выдвинулся изъ рядовъ скромныхъ губернскихъ литераторовъ, кропотливыми историко-библіографическими изысканіями и очерками въ столичныхъ историческихъ журналахъ; до нѣкоторой всероссійской извѣстности. Извѣстна его книга: «Очерки изъ исторіи православной церкви на Волыни». Журнальныя его статейки большею частью носятъ характеръ примѣчаній и заголовки ихъ начинаются обыкновенно съ «къ...»: «Къ біографіи Гоголя», «Къ жизнеописанію Варлама Шишацкаго», и т. д.

Худековъ, С. Н., извѣстный журналистъ — хозяинъ одной изъ нашихъ маленькихъ газетъ («Петербургской»), о которой можно сказать: «малъ золотникъ, да дорогъ». Маленькая газета г. Худекова стоитъ иного большаго золотоноснаго пріиска: она — самая распространенная и, можетъ быть, самая доходная изъ всѣхъ нынѣшнихъ русскихъ ежедневныхъ газетъ. Нельзя не отдать справедливости, г. Худековъ очень чутко и ловко угадалъ и умственный уровень, и эстетическіе вкусы и похотливость къ скандальчику, къ сплетнѣ интеллигентной «черни», то-есть, сказать правду, девяноста сотыхъ всей нашей читающей публики. Этимъ и объясняется огромный успѣхъ «Петербургской Газеты», съ ея коротенькими статеечками и коротенькими мыслями, съ ея увеселительными куплетиками, каламбурчиками и лейкинскими смѣхотворными сценками, съ ея пестрой энциклопедіей справокъ, извѣстій, обличеній, слуховъ и, такъ называемыхъ, «фактовъ» изъ скандалезной хроники столицы. Все это подается читателю горячо, живо, легко, съ перцемъ и солью—не всегда аттической, но всегда обильной, и была-бы эта журнальная пряная стряпня à la «Figaro» не хуже всякой другой, еслибы немножко приподнять ея тонъ, немножко прибавить ей той руководящей осмысленности, имѣющей въ предметѣ не

потѣху лишь, а воспитаніе малоразвитаго читателя въ здравыхъ понятіяхъ которая, по настоящему, гораздо обязательнѣе для «малой» прессы, чѣмъ для «большой», особенно у насъ на Руси. Г. Худековъ также и драматургъ, но менѣе счастливый, чѣмъ журналистъ: ему принадлежитъ нѣсколько пьесъ, изъ коихъ наиболѣе прочнымъ успѣхомъ пользовался написанный имъ въ союзѣ съ покойнымъ Жулевымъ бойкій, обличительно-водевильный анекдотъ «Петербургскія когти».

Ц.

Цабель, Г. — единственный въ своемъ родѣ виртуозъ, послѣ царя Давида не имѣющій, кажется, себѣ равнаго въ исторіи музыки. Славный арфистъ — придворный солистъ, плѣняющій своей игрою петербургскую публику на оперныхъ и балетныхъ спектакляхъ и каждый разъ заставляющій истинныхъ любителей музыки отъ души сожалѣть, что такой чудесный, такой исторически-заслуженный инструментъ, какъ арфа, вышелъ нынѣ изъ моды.

Цебрикова, М. К. — мужественная жена, которую никакъ нельзя упрекнуть въ презрѣнной «кисейности». Представительница новой, радикальной женщины, почтенная М. К. уже одной своей суровой, монументальной внѣшностью краснорѣчиво опровергаетъ глупый предразсудокъ о неравенствѣ якобы между полами мужскимъ и женскимъ. Еще болѣе утвердила г-жа Цебрикова женскія права своей разносторонней плодовитой литературной дѣятельностью и своимъ ревностнымъ содѣйствіемъ процвѣтанію высшаго женскаго образованія. Въ ней мы имѣемъ едва-ли не первую въ исторіи русской литературы даму-публицистку, даму-философа и даму-политика, не уступающую въ гражданской доблести, талантливости и пытливости мысли и многимъ бородатымъ философамъ въ панталонахъ. Пишетъ она больше въ толстыхъ журналахъ и преимущественно о вопросахъ соціальныхъ и педагогическихъ, пишетъ пространно, обстоятельно, съ большимъ прилежаніемъ и пламенной силой убѣжденія въ духѣ благовѣрнѣйшаго либерализма. Кромѣ философіи и публицистики, г-жа Цебрикова посвящаетъ свое перо также педагогіи и написала нѣсколько хорошихъ популярныхъ книгъ для дѣтей.

Цедербаумъ — новоявленный израильскій Исаія, европейски цивилизованный. Извѣстный апостолъ правовѣрнаго іудейства, пророчествующій въ издаваемой имъ въ Петербургѣ на старо-еврейскомъ языкѣ газетѣ «Гамелицъ», и пророчествующій вѣроятно не въ пустынѣ.

Ценковскій, Л. С., профессоръ, — одинъ изъ многочисленнѣйшихъ послѣдователей знаменитаго французскаго

ученаго Пастера въ его великомъ и въ то-же время убійственномъ для поэзіи ученіи о бактеріяхъ. Знать, что самая прелестнѣйшая, напр., женщина есть въ сущности не что иное, какъ питательная территорія для миріадъ кишащихъ на ней и въ ней омерзительнѣйшихъ паразитовъ - насѣкомыхъ . . . . бррр... — вѣдь, это смертельный ударъ всѣмъ эстетико-романическимъ иллюзіямъ! Послѣ этого, право, не знаемъ— слѣдуетъ-ли благодарить г. Ценковскаго за то, что онъ прилежно разрабатываетъ и распространяетъ это отвратительное ученіе (См. его книгу: «Микроорганизмы»)?

Цертелева, княгиня (См. Лавровская).

Циммерманъ—имя, ставшее нарицательнымъ у петербургскихъ щеголей, которые обыкновенно выражаются такъ: «Я надѣлъ на голову мой циммерманъ»; «Онъ прогуливался въ великолѣпномъ модномъ циммерманѣ», и т. п. Это означаетъ не то, конечно, чтобы щеголи носили на своихъ крѣпкихъ головахъ натуральныхъ нѣмцевъ Циммермановъ, а лишь то, что они запасаются дорогими шляпами у извѣстнаго столичнаго шляпнаго фабриканта Циммермана.

Цимсенъ, А. В., тайный совѣтникъ, — самое наипопулярнѣйшее изъ всѣхъ современныхъ литературно-издательскихъ именъ, являющихся въ печати. За верховной редакторской подписью г. Цимсена издаются безчисленныя произведенія Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, т. е., ассигнаціи. Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что г. Цимсенъ на занимаемомъ имъ постѣ директора государственнаго банка далеко еще не достигъ той огромной извѣстности и того значенія, какими пользовался его знаменитый предшественникъ Е. И. Ламанскій. Обстоятельство это можетъ быть скорѣе говоритъ въ пользу г. Цимсена— въ пользу его скромной, сдержанной, осторожной кредитной политики, чуждой блистательно-рискованныхъ tours de force'овъ, которыми грѣшило управленіе г. Ламанскаго. Нѣкоторая благоразумная реакція прежней смѣлости, которая подъ-часъ города беретъ, а подъ-часъ и на безплодныя потери нарывается, была необходима въ дѣятельности нашего государственнаго банка, и—г. Цимсенъ оказался какъ разъ на ея высотѣ.

Цитовичъ—новый Эдипъ, только безъ Антигоны, за то гораздо запасливѣе своего классическаго прототипа и скорѣе годится для оперетки, чѣмъ для трагедіи. Кровный сынъ нигилизма по всему складу, онъ неожиданно возсталъ противъ него изъ личной мести и нанесъ ему смертельные удары въ извѣстныхъ горячихъ брошюрахъ, произведшихъ въ свое время большое впечатлѣніе. Засимъ онъ счастливо пожинаетъ обильные плоды и лавры своего славнаго подвига: въ ореолѣ героя, призваннаго сокрушить гидру нигилизма, является въ столицу, обмундировывается и опоясывается мечемъ на казенный счетъ и открываетъ походъ въ нарочно основанной для него субсидированной газетѣ «Берегъ». Все это имѣло очень тріумфальный, многообѣщающій видъ... Патріоты замерли въ ожиданіи желаннаго спасенія отечества новоявленнымъ Эдипомъ, но тутъ начинается роковой поворотъ въ его судьбѣ. Къ удивленію, въ этомъ, казавшемся съ виду, богатырѣ оказалась самая заурядная, вялая посредственность, за истощеніемъ личной злости, ничего за душой неимѣвшая. Начатый съ громкой помпой походъ кончился болѣе чѣмъ плачевно. «Берегъ» никакого успѣха не имѣлъ и, спустя годъ, прекратился, а его раз-

вѣнчанный редакторъ-Эдипъ, положивъ въ карманъ остатки субсидіи, съ горя бѣжалъ—только не въ рощу Эвменидъ, а, къ довершенію курьеза, въ гостепріимный орденъ іезуитовъ. Видно, не очень гостепріимный, однако, ибо г. Цитовичъ нынѣ возвратился, говорятъ, въ отечество, нѣсколько разочарованный въ спасительности іезуитизма, и, пользуясь новымъ университетскимъ уставомъ, ищетъ каѳедру гражданскаго права, каковую онъ занималъ и ранѣе въ одесскомъ университетѣ до своей публицистической эпопеи.

Ціонъ—эксъ-профессоръ, а въ сущности и эксъ-россіянинъ: онъ настолько офранцузился, что и свою русско-еврейскую фамилію перекрестилъ въ благозвучно-галльскую, съ прибавкой кавалерскаго *де*: *де-Ціонъ*. Просто Ціонъ преподавалъ въ медико-хирургической академіи физіологію, но кончилъ *исторіей* и, какъ говорили, очень скверной для его слушателей, — въ результатѣ которой долженъ былъ оставить каѳедру. Послѣ этого онъ удалился въ Парижъ, гдѣ сперва числился въ какой-то «командировкѣ» отъ военнаго министерства и писалъ корреспонденціи въ «Голосъ», пока не женился богато на дочери извѣстнаго военнаго поставщика Малкіеля и не эмансипировался тѣмъ отъ варварской Россіи.—Шевалье де-Ціонъ мелькаетъ передъ нами изъ «прекраснаго далека» въ разнообразныхъ видахъ: онъ то пишетъ въ французскихъ журналахъ разнообразные «артикли» о Россіи, то издаетъ парижскую газету «Gaulois», то открываетъ гостинницу для «знатныхъ иностранцевъ»... Послѣднимъ его, несостоявшимся, впрочемъ, гешефтомъ была попытка купить «Голосъ». Можно представить себѣ, что такое сдѣлалъ-бы изъ русской газеты предпріимчивый шевалье де-Ціонъ, для котораго, очевидно, ubi bene ibi patria!

Цѣлибѣевы — многочленная гостиннодворская фирма, хорошо извѣстная экономнымъ петербуржцамъ, вотще отыскивающимъ секретъ — носить сапоги и не изнашивать. Можетъ, такіе сапоги и дѣлаются гдѣ-нибудь, только ужь, разумѣется, не въ Кимрахъ, снабжающихъ цѣлибѣевскіе магазины «петербургскимъ» товаромъ «нѣмецкой работы».

Цѣхановецкій, Г. М., профессоръ кіевскаго университета, считается знатокомъ той мудреной науки, у которой дважды-два — и четыре и стеариновая свѣчка, какъ кому удобнѣе для оправданія разнообразныхъ видовъ и «направленій» живоглотства. Наука эта называется политической экономіей.

Оберъ-композиторъ русской оперы.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 20 СЕНТ. 1884 г.

Наши Знакомые.

Типографія Эд. Гоппе, Возн. пр., 53.

Ч.

Чаевъ, Н. — одинъ изъ благовѣрнѣйшихъ «любителей россійской словесности» въ Москвѣ, кажется — чуть-ли и не старѣйшій изъ членовъ этого почтеннаго «общества», свято блюдущаго въ неприкосновенности державинскій лиризмъ, высокій карамзинскій слогъ и погодинскую философію. По крайней мѣрѣ, имъ неизмѣнно вѣренъ г. Чаевъ въ своихъ классическихъ историко-піитическихъ «сказаніяхъ», которыя онъ обыкновенно высиживаетъ по штукѣ въ каждую четверть столѣтія. Такъ, имъ высижены до сихъ поръ: «Дмитрій Самозванецъ» — драматическая хроника; «Богатыри» — романъ; «Сватъ Фатѣевичъ»—преданіе въ лицахъ, и проч. Написано все это очень старательно, очень литературно, но и очень книжно, тяжеловато.

Чайковскій, И. И. — Знатоки утверждаютъ, что въ данную минуту ни одна страна не можетъ указать композитора равнаго, по блеску и силѣ таланта, г. Чайковскому, а, между тѣмъ, онъ только вступилъ въ расцвѣтъ своего творчества. Знатоки же говорятъ въ упрекъ русской публикѣ, что Чайковскій до сихъ поръ еще не оцѣненъ у насъ во всю ширь и высь его гармоническаго генія, съ особенной прелестью вылившагося въ небольшихъ симфоническихъ вещахъ, которыя-то и наименѣе извѣстны. Съ 1874 года г. Чайковскій началъ давать оперы, и съ каждой новой—развитіе его творчества и слава растутъ чрезвычайно и достигаютъ апогея на «Дѣвѣ Орлеанской», изумившей всѣхъ музыкальной мощью своей композиціи. Г. Чайковскій работаетъ неутомимо и уже внесъ цѣлый міръ на подмостки русской оперы ярко-очерченныхъ мелодически образовъ въ «Опричникѣ», «Кузнецѣ Вакулѣ», «Мазепѣ» и пр.

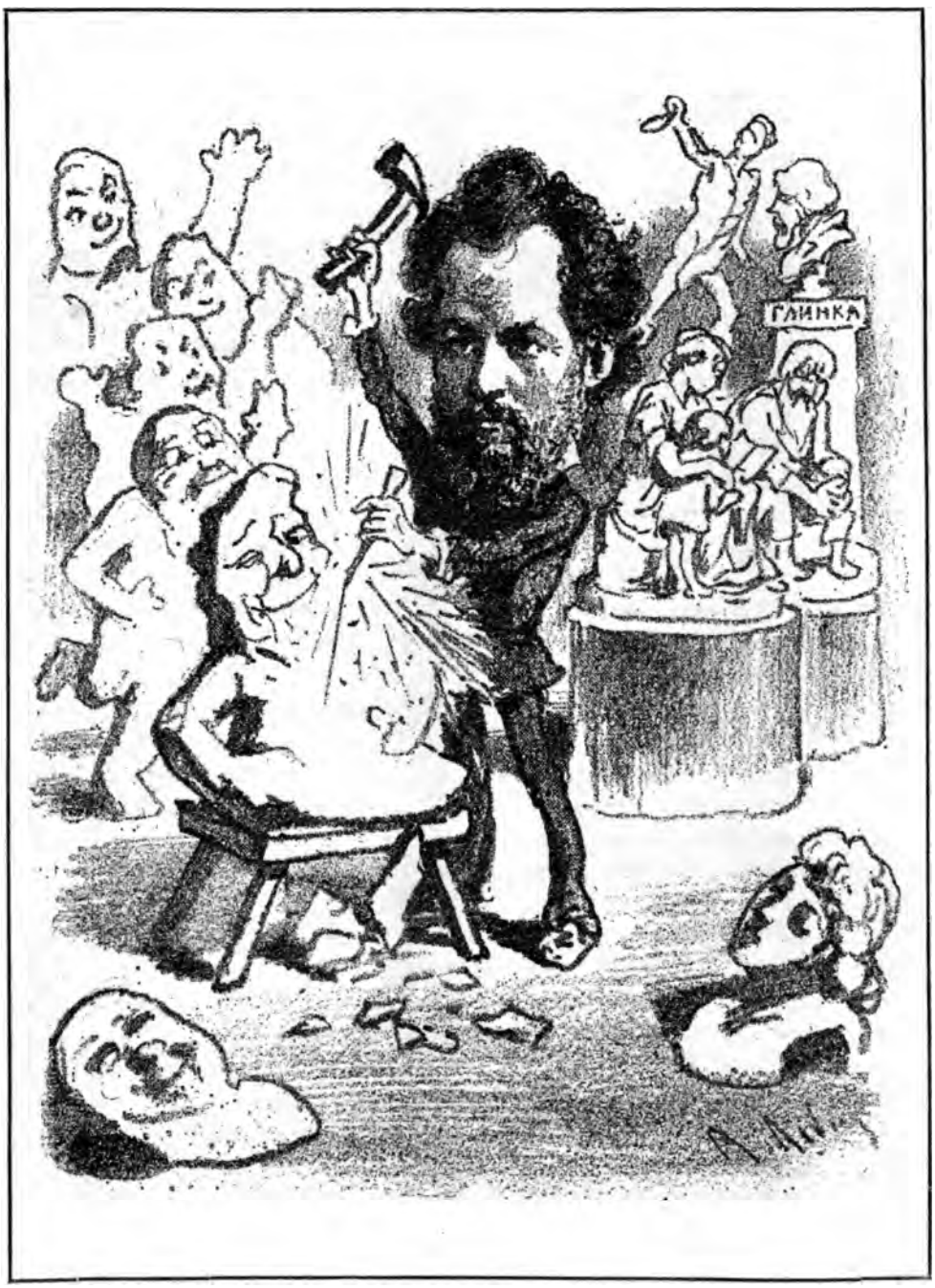
Чайковскій, М. С., именуемый Садыкъ-пашей,—извѣстный престарѣлый авантюристъ, который по личному опыту прекрасно знаетъ, что̀ такое значитъ бывать на конѣ и подъ конемъ. Участникъ польскаго возстанія въ 1831 г., бѣжавшій потомъ въ Турцію, отуречившійся и достигшій въ рядахъ защитниковъ Порты титула паши, г. Чайковскій въ 60-хъ годахъ принесъ по-

винную русскому правительству и, помилованный, возвратился тогда-же въ Россію. Еще до своихъ бранныхъ похожденій, г. Чайковскій пріобрѣлъ нѣкоторую литературную извѣстность своими украинскими разсказами на польскомъ языкѣ. Въ послѣднее время, на покоѣ, онъ опять взялся за перо и сталъ писать порусски. Пишетъ онъ исключительно въ изданіяхъ г. Каткова, который его придерживаетъ, кажется, больше для рѣдкости; еще недавно рѣдкостный старецъ забавлялъ читателей «Московскихъ Вѣдомостей» своими болтливыми «турецкими анекдотами».

Черкесовъ—нынѣ «звукъ пустой», но почему-то упорно навязываемый петербургскими любителями просвѣщенія извѣстной, обширнѣйшей въ столицѣ частной библіотекѣ для чтенія. Точно, Черкесовъ лѣтъ 15 назадъ владѣлъ и этой библіотекой и огромнымъ книжнымъ магазиномъ, возымѣвъ идею поставить русское книжное дѣло на «новыхъ началахъ»; но планы его не ушли общей плачевной судьбы скороспѣлыхъ «благихъ начинаній». Кончилъ Черкесовъ банкротствомъ.

Черняевъ, В. В. — одинъ изъ тѣхъ пореформенной эпохи свѣдущихъ агрономовъ, которые съ необычайной ретивостью обработываютъ сельское хозяйство языкомъ въ разныхъ столичныхъ говорильняхъ и тѣмъ извѣстность себѣ наживаютъ. Часто слушаешь, читаешь и думаешь: что еслибы такой дѣятельный языкъ да въ лопату превратить—сколько-бы грядъ онъ выпахалъ!

Черняевъ, М. Г. — Можетъ быть, одинъ только Илья Муромецъ потягался-бы съ генераломъ Черняевымъ въ степени народной популярности на Руси въ ряду другихъ «большихъ» и «малыхъ» богатырей всѣхъ временъ. Извѣстно, что многіе оспариваютъ заслуженность громкой, счастливой славы Михаила Григорьевича. И дѣйствительно: ничего особенно великаго и героическаго онъ не совершилъ, никакихъ чрезвычайныхъ талантовъ не обнаружилъ. Безспорно храбрый боевой генералъ, онъ ни разу не выказалъ съ достаточной рельефностью генія полководца. Добрый, мягкій, нестойкаго характера человѣкъ — онъ и военнымъ организаторомъ заправскимъ никогда не былъ, напротивъ — вокругъ него всегда происходила сумятица. Гражданскій администраторъ онъ совсѣмъ ужь неважный, какъ показали его кратковременные, къ счастью, опыты въ Туркестанѣ. Наиболѣе прославленная страница въ житіи почтеннаго генерала—Сербская кампанія—что грѣха таить? — съ исторической дистанціи представляетъ мало блеска и, взамѣнъ того, изобилуетъ кляксами и описками въ военно-политическомъ отношеніи. Но что нужды?—Вѣдь, безъ сомнѣнія, и Илья Муромецъ никогда не поднималъ «меча-кладенца въ полтораста пудъ» и, вообще, не совершалъ тѣхъ сверхъестественныхъ подвиговъ, которые ему приписываетъ благодарная народная память. Народу нужны герои и—жалокъ тотъ народъ, въ которомъ угасаетъ эта патріотическая потребность! Въ апоѳеозъ возводитъ народъ своихъ героевъ, конечно, не по формулярнымъ о нихъ спискамъ, даже не по дѣйствительнымъ ихъ заслугамъ, а по тому лишь, въ какой степени они затронули и выразили тотъ или другой дремлющій въ народной душѣ идеалъ. Въ русскомъ народѣ живетъ безсознательное стремленіе къ освобожденію православныхъ одноплеменниковъ отъ нечестиваго мусульманскаго ига. Г. Черняевъ за свой рискъ поднялъ стягъ этого освобожденія съ героической безкорыстной искренностью—что въ немъ



Волшебникъ, заставляющій жить и говорить камни.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 9 ноября 1883 г.

драгоцѣнно—и этого было уже довольно, чтобы народъ призналъ его и возвелъ въ герои, по своему идеализировавъ его образъ и его дѣянія. Это — такъ естественно.

Чечотъ, О. А., докторъ,—извѣстный петербургскій психіатръ, мудрость котораго въ распознаваніи душевныхъ болѣзней многократно искушалась на судѣ, всегда съ торжествомъ для нея и для истины. Въ каждой почти судебно-психіатрической экспертизѣ г. Чечотъ фигурируетъ, въ качествѣ авторитета, и—отсюда его извѣстность. Сострадателенъ и гуманенъ, но, чтобы испытать его человѣколюбіе, нужно сперва съума сойти. Вообще, всей душой сочувствуетъ душевно-скорбящимъ, что̀ и засвидѣтельствовалъ ревностнымъ содѣйствіемъ пріумноженію и упорядоченію сумасшедшихъ домовъ въ столицѣ.

Чигоринъ—знаменитость единственная въ своемъ родѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Россійской имперіи. Г. Чигоринъ—нашъ первый шахматистъ и—гордись имъ отечество!—съ успѣхомъ оспаривалъ побѣды у всесвѣтныхъ великихъ мастеровъ этого замысловатаго бездѣлья на международныхъ шахматныхъ конгрессахъ и конкурсахъ.

Чижовъ, М. А., академикъ,—славный ваятель, ученикъ знаменитаго Рамазанова, увѣковѣчившій свой рѣзецъ для грядущихъ поколѣній на горельефахъ памятника тысячелѣтія Россіи и фигурахъ вельможъ монумента Екатерины. На вкусъ же любителей особенно цѣнны его полныя мысли, граціи и внутренней выразительности жанровыя группы: «Игра въ жмурки», «Мать съ дочерью», «Рѣзвушка», «У колодца» и проч., въ особенности-же лучшая его вещь—«Крестьянинъ въ бѣдѣ». Г. Чижовъ—реалистъ и едва-ли не первый «народникъ» въ скульптурѣ. И въ темахъ, и въ образахъ онъ съ любовью вдохновляется преимущественно русской народной жизнью, русскими деревенскими типами, русской красотой, и—еще никто не олицетворялъ ихъ художественно въ мраморѣ и глинѣ въ такихъ благородныхъ, симпатичныхъ формахъ, съ соблюденіемъ притомъ такой жизненной правдивости. Въ этомъ отношеніи за Чижовымъ безспорная пальма первенства среди нашихъ скульпторовъ.

Чиколевъ, Д.—родись въ эпическія времена, навѣрное предвосхитилъ-бы у Прометея славный подвигъ кражи огня у боговъ; нынѣ-же, за распространеніемъ этой стихіи во всеобщее употребленіе, г. Чиколевъ ухищряется прославить свой пиротехническій талантъ разными изобрѣтеніями больше по части потѣшныхъ огней и даже пишетъ объ этомъ ученыя руководства.

Чистовичъ, И. А.—извѣстный ученый, былъ профессоромъ петербургской духовной академіи, трудолюбиво писалъ серьезныя книги, но, достигнувъ извѣстности на поприщѣ науки, перемѣнилъ тогу ученаго на канцелярскій вицъ-мундиръ, который носитъ, впрочемъ, съ отличіемъ:—нынѣ вице-директоръ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. Изъ разнообразныхъ богословско-историческихъ трудовъ г. Чистовича самымъ прочнымъ и наиболѣе извѣстнымъ можно назвать его солидно обработанную «Исторію спб. духовной академіи».

Чистовичъ, Я. А. — профессоръ медико-хирургической академіи, тоже историкъ отчасти. Его перу принадлежитъ, между прочимъ, очень хорошая, интересная книга: «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», удостоенная уваровской преміи отъ академіи наукъ.

Чистяковъ, М. Б., предсѣдатель учебнаго комитета по учрежденіямъ Императрицы Маріи, — маститый, за-

служенный пѣстунъ петербургской педагогіи вообще и женскаго средняго образованія въ особенности. Это торжественно засвидѣтельствовалъ весь столичный педагогическій міръ на празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея Михаила Борисовича въ 1883 г. Въ своей многолѣтней безпорочной службѣ по воспитанію и образованію подростающихъ поколѣній г. Чистяковъ не былъ только исполнительнымъ, добросовѣстнымъ чиновникомъ, какъ девяносто сотыхъ педагоговъ, а—истинно-призваннымъ къ этому святому дѣлу, ревностнымъ и талантливымъ дѣятелемъ. Кромѣ труда преподаванія и воспитанія, онъ обогатилъ нашу дѣтскую литературу множествомъ мастерски написанныхъ учебниковъ и книжекъ для чтенія, а одно время издавалъ хорошій «Журналъ для дѣтей».

Чистяковъ, П. П., профессоръ академіи художествъ.—Въ началѣ 60-хъ гг. была принята, какъ событіе, большая, съ знаніемъ и талантомъ написанная, историческая картина г. Чистякова: «Ссора на свадьбѣ Василія Темнаго». Картина эта сразу сдѣлала имя ея автору, тогда начинающему художнику; но съ той поры—можетъ, по причинѣ болѣзни—онъ рѣдко является на выставкахъ и ничего не даетъ ни большаго, ни даже равнаго первородному своему творенію. Художественныя кумушки, впрочемъ, болтаютъ, что онъ пишетъ удивительную вещь—«Смерть Мессалины», пишетъ давно, да все она не выписывается окончательно.

Читау. — Есть двѣ Читау—мать и дочь или 1-я и 2-я, обѣ актрисы: 1-я нынѣ въ отставкѣ, нѣкогда пользовалась успѣхомъ и являла худороднымъ посѣтительницамъ Александринки высокій образецъ бонтона, жеманства и истерической нервности въ драматическихъ роляхъ свѣтскихъ дамъ (а позднѣе—старухъ)—всеэтопровинціальнаго пошиба и съ такимъ напряженнымъ пересоломъ, что порой впечатлительныхъ зрителей морозъ по кожѣ дралъ.—2-я Читау, унаслѣдовавшая отъ maman напряженную дѣланность игры, занимаетъ въ александринской труппѣ амплуа второй, водевильной ingénue и, сравнительно съ Читау 1-й, по дарованію, будетъ пониже сортомъ (подлинныя фамиліи г-жъ Читау, по мужьямъ:—1-й Огарева, 2-й—Панчина).

Чихачевъ, вице-адмиралъ, — Почему-то славное имя г. Чихачева не вносилось въ готскій альманахъ, въ списокъ владѣтельныхъ персонъ, а, между тѣмъ, онъ, по всѣмъ правамъ, могъ считаться полномочнѣйшимъ самодержцемъ самой счастливѣйшей въ свѣтѣ морской державы. Держава эта—«Русское Общество пароходства и торговли», безраздѣльно владѣющее въ предѣлахъ Россіи Чернымъ моремъ со всѣми его портами на правахъ монополіи, да еще взимающее за сіе съ государственнаго казначейства обширную дань. Во главѣ-то этого могущественнаго акціонернаго государства въ государствѣ и стоялъ serenissime Чихачевъ, нынѣ уже оставившій это главенство для поста начальника штаба нарождающагося вновь черноморскаго военнаго флота.

Чичеринъ, Б. Н. — дѣятель двухъ карьеръ одинаково пройденныхъ имъ небезслѣдно. Въ первой половинѣ своего житія (50-е и 60-е гг.) профессорствовалъ и писалъ, и какъ на каѳедрѣ, такъ и въ своихъ сочиненіяхъ выказалъ несомнѣнный талантъ, но и нѣкоторое своенравіе, составляющее вообще характеристическую черту г. Чичерина. Его «Областныя учрежденія въ Россіи XVII ст.», «Собственность и государство», не упоминая о другихъ книгахъ, считаются классическими въ своемъ родѣ

и стоятъ на ряду авторитетныхъ «источниковъ» въ наукѣ русскаго права. По своимъ политическимъ взглядамъ, Б. Н. признавался сторонникомъ гегемоническихъ стремленій крупныхъ землевладѣльцевъ и заядлымъ антагонистомъ общественной самодѣятельности сверху донизу, какъ въ сельскомъ «мірѣ», такъ и въ земствѣ. Говорили, что на этомъ основаніи онъ упорно уклонялся отъ выборныхъ должностей въ тамбовскомъ земствѣ, въ районѣ котораго водворился по оставленіи каѳедры. Словомъ, г. Чичеринъ такъ рѣшительно прослылъ крайнимъ «консерваторомъ» и крутымъ «государственникомъ», что, когда его неожиданно позвали въ Москву на постъ ея градскаго головы, то всѣ московскіе либералы впали въ отчаяніе и ужасъ, едва-ли не равные тѣмъ, какіе испытали ихъ предки при нашествіи истребительнаго Девлетъ-Гирея. Паника московскихъ либераловъ была тѣмъ сильнѣе, что самой личности г. Чичерина приписывались жестокія черты «чиновнаго изверга», исполненнаго самоувѣренности, нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ и наклонности къ самовластію. Не взирая на протесты либераловъ, Б. Н. сѣлъ на курульское кресло московскаго лорда-мэра, но, увы, сидѣлъ на немъ безъ году недѣлю и также внезапно (послѣ своей извѣстной апокрифической застольной рѣчи) сошелъ съ него, какъ и взошелъ! Въ результатѣ, кажется, всѣ въ немъ немножко ошиблись: и призывавшіе его «охранители», возлагавшіе на него миссію «оздоровленія корней», и либералы, почитавшіе его реакціонернымъ страшилищемъ, но потомъ увидѣвшіе, что «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ».

Чуйко, В. В. — журнальный трудолюбецъ, исполняющій должность россійскаго Тэна, вакансія котораго столько ужь лѣтъ остается у насъ порожней. Г. Чуйко—литературный критикъ, очень добросовѣстный, начитанный, съ изощренными вкусомъ и пониманіемъ, но—странно—читая его интересные фельетонные этюды, вы чувствуете, что самъ авторъ, какъ будто, не придаетъ своимъ приговорамъ серьезнаго, рѣшающаго значенія, что мнѣнія его, хотя часто мѣткія, поверхностны и зыбки, точно схвачены на-спѣхъ, въ моментъ подготовительнаго ихъ назрѣванія, когда самому критику еще неясно: такъ-ли то, что онъ утверждаетъ, а не сякъ-ли, не этакъ-ли? Вообще, перо у г. Чуйко словно голубиное, мягкое, податливое и «безъ малѣйшей злобы»—свойство, безспорно, почтенное, но обезсиливающее и обезцвѣчивающее самую критику. Характеристично еще и то, что В. В., по своимъ познаніямъ и симпатіямъ, едва-ли не болѣе свой человѣкъ въ иностранной, преимущественно французской литературѣ, чѣмъ въ русской, что́ объясняется отчасти его долгимъ пребываніемъ за-границей. Это не упрекъ—избави Богъ!—тѣмъ болѣе, что г. Чуйко изъ своего короткаго знакомства съ «знатными иностранцами» сдѣлалъ вполнѣ патріотическое употребленіе: онъ предпринялъ и энергично ведетъ прекрасное по мысли, просвѣтительное, общедоступное изданіе — «Библіотеку европейскихъ писателей и мыслителей».

Ш.

Шамшинъ, П. М., ректоръ академіи художествъ, патріархъ, по лѣтамъ, въ семьѣ современныхъ русскихъ живописцевъ и едва-ли не послѣдній ревнитель ветхозавѣтнаго высокопарнаго стиля. Суровый старецъ, неблагосклонно взирающій, какъ на художественную ересь, на простомыслiе и «вольности» новаго реалистическаго письма. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ нынѣшніе художники пишутъ разныхъ сиволапыхъ да замарашекъ, г. Шамшинъ вдохновенно изображалъ такіе, напр., возвышенные сюжеты: «Гекторъ въ ложницѣ Елены упрекаетъ Париса въ бездѣйствіи»; «Избіеніе дѣтей Ніобеи»; «Агарь въ пустынѣ»; Константинъ Великій»; «Петръ Великій на Лахтѣ»; «Призваніе Михаила Ѳедоровича на царство», и т. д. Главнымъ же образомъ свою трудолюбивую и благолѣпную кисть почтенный профессоръ посвящалъ церковной иконописи: его образа и стѣнныя изображенія во множествѣ украшаютъ петербургскіе и иногородные, даже иноземные (напр., въ Аѳинахъ) церкви и соборы.

Шапиро, извѣстный петербургскій фотографъ, сколько искусный, столько-же и предпріимчивый, — совершилъ нѣчто болѣе сверхъестественное, чѣмъ библейскій Ной. Ной собралъ, съ помощью Божіей, въ своемъ ковчегѣ всѣхъ чистыхъ и нечистыхъ тварей. Это—удивительно; но г. Шапиро, собравъ воедино въ своей интересной портретной «галлереѣ» всѣхъ россійскихъ писателей, столь разрозненныхъ всяческой враждою, далъ примѣръ несравненно удивительнѣйшій. Вообще, г. Шапиро по праву можетъ титуловаться лейбъ-фотографомъ русской литературы и русскаго искусства. Увѣковѣчиваетъ онъ не только самихъ дѣятелей этихъ профессій, но и ихъ творенія, какъ это показалъ его замѣчательный опытъ изображенія гоголевскаго Поприщина въ исполненіи актера Андреева-Бурлака.

Шарлемань, А. І., профессоръ академіи художествъ.—Картины г. Шарлеманя, батальныя и историческія, малоизвѣстны; лучшей и капитальнѣйшей изъ нихъ признается театрально-эффектная: «Екатерина II въ мастерской у Фальконэ». Популярность г. Шарлемань пріобрѣлъ своимъ талантливымъ карандашомъ: его многочисленными, всегда бойкими, изящ-

Маститый столпъ и оберъ-публицистъ «Дѣла».

Дозв. ценз. С.-Петерб., 8 янв. 1884 г.

ными рисунками восхищались, безъ сомнѣнія, всѣ читатели различныхъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій.

Шауманъ—гласный петербургской думы, пылкій, стремительный, въ карманъ за словомъ не лазитъ, голосъ имѣетъ звучный, манеры непринужденныя и застѣнчивостью не грѣшитъ,—чего-же больше нужно, чтобы прослыть у насъ ораторомъ и дѣятелемъ? Апогея своей славы достигъ въ стѣнахъ городскаго кредитнаго общества въ моментъ декаданса послѣдняго, гдѣ онъ разыгралъ роль маленькаго Дантона, собравшись произвести рѣшительный coup d'état, но легко успокоился на подставленномъ ему въ правленіи креслѣ, что вѣроятно и требовалось доказать.

Шелгуновъ, Н. В.,—говоря его собственными словами, хотя и не о себѣ сказанными,—«чистый продуктъ 60-хъ гг., одинъ изъ послѣднихъ могикановъ этого времени, полнаго жизни, блеска, порыва, выставившаго массу людей идейныхъ, талантливыхъ, съ характеромъ». А вотъ его послужной списокъ: извѣстный публицистъ, самый заслуженный и плодовитый изъ колонновожатыхъ журнала «Дѣло» съ тѣхъ еще дней, когда оно именовалось «Рускимъ Словомъ». Полковникъ корпуса лѣсничихъ, Н. В. молодость свою провелъ среди дебрей и лѣсовъ дремучихъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, и не безплодно: имъ было написано тогда нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій и «руководствъ» по лѣсоводству (напр., «Исторія русскаго лѣснаго законодательства», «Лѣсоводство», «Руководство для лѣсовладѣльцевъ». и пр.). Во второй половинѣ 50-хъ гг., ко времени крестьянской реформы, г. Шелгуновъ, чутко заслышавъ раздавшіеся тогда вдоль всей Руси громкіе звуки «пѣсни освобожденія», оставляетъ мирную сѣнь лѣсовъ и окончательно вступаетъ на трудное, безпокойное поприще журналистики.—«Если родишься въ Россіи и сунешься на писательское поприще съ честными желаніями—проси мать слѣпить тебя изъ гранита и чугуна»,—писалъ Николаю Васильевичу въ 60-хъ гг. покойный Благосвѣтловъ, говоря объ ихъ общей долѣ. Можно рѣзко расходиться съ «направленіемъ», исповѣдуемымъ г. Шелгуновымъ («направленіемъ» отнюдь не такимъ *крайнимъ*, какъ оно аттестовано), но, конечно, даже враги признаютъ, что желанія его всегда были безупречно честныя—искреннія, горячія желанія блага родинѣ, изъ чего и слѣдъ заключить-бы, по вышеизложенному афоризму, что онъ «слѣпленъ изъ гранита и чугуна», подъ отличающими его личность симпатичными чертами неувядаемой ясности духа и чисто-русской незлобивости.... Въ «Дѣлѣ» г. Шелгуновъ велъ «внутреннее обозрѣніе», но, кромѣ того, много писалъ по разнымъ соціально-экономическимъ вопросамъ, всегда съ знаніемъ, толково и талантливо (его сочиненія вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ нѣсколькихъ томахъ).

Шеллеръ, А. К., пишущійся подъ псевдонимомъ *А. Михайловъ*,—другой изъ соратниковъ Благосвѣтлова, давно оставившій, впрочемъ, «Дѣло» для самостоятельнаго редакторства въ «Живописномъ Обозрѣніи». Хорошо образованный, плодовитый и разносторонній писатель. Съ одинаковымъ искуствомъ, всегда идейно, въ либеральномъ духѣ, г. Шеллеръ пишетъ и стихи, и публицистическіе этюды, и романы и культурно-историческія монографіи. Попреимуществу-же г. Шеллеръ—беллетристъ, съ несомнѣннымъ художественныхъ дарованіемъ. Его первые романы, явившіеся въ «Совре-

менникѣ» (вначалѣ 60 хъ, гг.), «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова»—особенно первый—произвели очень хорошее въ свое время впечатлѣніе. Послѣдующіе романы г. Шеллера (а онъ написалъ ихъ множество) обнаруживали уже нѣкоторую спѣшность работы, подражательность въ манерѣ (Диккенсу, напр.) и тенденціозную преднамѣренность, пригнанную по «направленію» «Дѣла»,—быть можетъ, подъ давленіемъ благосвѣтловскаго руководительства. Тѣмъ не менѣе, г. Шеллеръ до сихъ поръ остается однимъ изъ симпатичнѣйшихъ современныхъ нашихъ бѣлетристовъ.

Шеншинъ (см. Фетъ).

Шереметевъ, графъ, — представитель древняго, исторически-знаменитаго рода и хозяинъ того самаго пресловутаго «Шереметевскаго» богатства, о громадности котораго сложилось столько баснословій на Руси. Извѣстна игрецкая шутливая поговорка: «играть на шереметевскій счетъ», говорятъ, нѣкогда въ дѣйствительности на какихъ-то игрокахъ оправдавшаяся. Нынѣ же на «Шереметевскій счетъ» поддерживается, между прочимъ, процвѣтаніе русской исторіи. Современный гр. Шереметевъ—большой ихъ любитель. Въ стѣнахъ его великолѣпнаго дворца на Фонтанкѣ нашло себѣ соотвѣтственно-орнаментированное, снабженное музеемъ, гостепріимное помѣщеніе «Общество любителей древней письменности», коего графъ состоитъ и учредителемъ. По иниціативѣ графа и на его счетъ изданы сочиненія кн. Петра Вяземскаго и издается съ необычайной роскошью обширное изслѣдованіе: «Родъ Шереметевыхъ».

Шестаковы — знаменитости современнаго русскаго флота.—*Шестаковъ* 1-й, вице-адмиралъ, маститый, заслуженный морякъ, управляетъ нынѣ морскимъ министерствомъ и, какъ слышно, трудится надъ проектомъ обширной коренной реформы нашего флота.—*Шестаковъ* 2-й, капитанъ-лейтенантъ—сподвижникъ Дубасова въ извѣстномъ героическомъ взрывѣ на Дунаѣ турецкаго броненосца, и едва-ли не Шестакову болѣе всего обязано это славное предпріятіе своимъ побѣдоноснымъ исходомъ.

Шишковъ, И. А. — талантливый художникъ, о которомъ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ размѣнялся *на мелочь*:—трудолюбиво и во множествѣ написанныя имъ полотна измѣряются квадратными саженями. Извѣстный декораторъ петербургскихъ императорскихъ театровъ, недавно отпраздновавшій свой 35-ти-лѣтній юбилей. Чтобы судить о громадной производительности г. Шишкова, довольно сказать, что имъ написаны декораціи болѣе чѣмъ къ 50-ти операмъ, балетамъ и драмамъ.

Шишкинъ, И. И., профессоръ академіи художествъ, — славный пейзажистъ, спеціально лѣсной. Всѣ и большія, и малыя картины г. Шишкина, а имъ написано ихъ множество,—изображаютъ исключительно русскую лѣсную флору всякихъ родовъ и видовъ, всегда съ удивительной художественной обстоятельностью и точностью, но часто въ сѣроватомъ, сухомъ колоритѣ. Плодовитая спеціальность г. Шишкина вытекаетъ, можетъ быть, изъ патріотизма, — можетъ, онъ торопится снять для потомства русскіе «дремучіе» лѣса, пока они не вырублены до тла оборотливыми лѣсопромышленниками.

Шопенъ— старѣйшій въ Петербургѣ и достославнѣйшій изъ производителей художественной бронзы всякихъ видовъ. Шопеновская работа—лучшій аттестатъ

но только для подсвѣчниковъ и пепельницъ, но и для монументовъ (т. е., для бронзовыхъ статуй на нихъ).

Шохинъ Н. В., скульпторъ,—большой мастеръ на маленькія вещи. Его крошечныя изъ глины и воску фигуры и группы евреевъ и хохловъ, въ разныхъ житейскихъ, чаще всего комическихъ положеніяхъ, превосходны по правдивости, экспрессіи и юмору.

Шпажинскій, И. В.—подлинное-же и совсѣмъ безъизвѣстное имя сего славнаго драматурга—Безовскій. Г. Шпажинскій выступилъ впервые на оскудѣвшую ниву нашей драматургіи въ концѣ 70-хъ гг., и его оригинально задуманная, бойко написанная, обставленная свѣжими интересными характерами, драма «Маіорша» сразу сдѣлала ему имя и очень всѣмъ понравилась. «Маіоршѣ» г. Шпажинскаго такъ посчастливило, что чуть не всѣ наши наличные драматурги пустились списывать съ нея копіи, и даже самъ авторъ. Съ той поры г. Шпажинскій аккуратно къ каждому театральному сезону выпекаетъ новую пьесу, иногда по двѣ заразъ. Немудрено, что при такой спѣшной стряпнѣ иной блинъ и комомъ выйдетъ. Лучшими, послѣ «Маіорши», у г. Шпажинскаго вышли «Фофанъ» и «Поздній расцвѣтъ».

Шпилевскій, С. М., профессоръ исторіи русскаго права въ казанскомъ университетѣ, пріобрѣвшій нѣкоторую извѣстность не какъ ученый, а какъ остроумный «пѣнкосниматель». Возымѣлъ однажды счастливую мысль предпринять губернскую газету съ казенной субсидіей, заставить ее читать или, по крайней мѣрѣ, подписываться на нее всю Казанскую губернію, при меценатскомъ содѣйствіи становыхъ и урядниковъ, а въ заключеніе, послѣ смерти, удостоиться отъ благодарной родины монумента въ Казани, рядомъ съ Державинымъ. Почему-то патріотическій проэктъ этотъ не выгорѣлъ, и г. Шпилевскій покрылся угрюмымъ «мракомъ неизвѣстности».

Шпилевъ.—Есть такія созданія, которыя мстятъ врагу своей смертью. Г. Шпилевъ—изъ ихъ числа: понеся на выборахъ въ столичные мировые судьи смертельный ударъ отъ могучей руки предсѣдателя мироваго съѣзда, В. И. Лихачева, г. Шпилевъ безпощадно отомстилъ ему знаменитымъ, скандалезнымъ обличеніемъ его въ жирной наживѣ съ заработка «милыхъ, но погибшихъ созданій», нашедшихъ себѣ гостепріимство въ домѣ г. Лихачева.

Шредеръ—имя близко и хорошо знакомое безчисленнымъ россійскимъ піанисткамъ. Извѣстный и едва-ли не самый производительный въ Россіи петербургскій фортепіанный фабрикантъ. Патентованные шредеровскіе рояли славятся музыкальною доброкачественностью и такой прочностью «нѣмецкой работы», что даже отъ сокрушительныхъ акордовъ «музыки будущаго» не разрушаются.

Шрейеръ Ю. О., титулуемый «королемъ репортеровъ», хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ охотно предпочелъ-бы лестному королевскому титулу обладаніе тѣмъ, горячо вожделѣемымъ имъ, волшебнымъ рублемъ, который сколько ни издерживай—все цѣлехонекъ. Юлій Осиповичъ во многомъ человѣкъ замѣчательный, прошедшій, какъ говорится, сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Нѣкогда штабный офицеръ, потомъ предсѣдатель цензурнаго комитета въ Варшавѣ, онъ кончилъ тѣмъ, что въ 70-хъ гг. прикомандировался къ петербургской прессѣ, въ качествѣ какого-то литературнаго Бобчинскаго, и

менникѣ» (вначалѣ 60-хъ, гг.), «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова»—особенно первый—произвели очень хорошее въ свое время впечатлѣніе. Послѣдующіе романы г. Шеллера (а онъ написалъ ихъ множество) обнаруживали уже нѣкоторую спѣшность работы, подражательность въ манерѣ (Диккенсу, напр.) и тенденціозную преднамѣренность, пригнанную по «направленію» «Дѣла»,—быть можетъ, подъ давленіе благосвѣтловскаго руководител[illegible] Тѣмъ не менѣе, г. Шеллеръ [illegible] поръ остается однимъ из[illegible] нѣйшихъ современныхъ [illegible] тристовъ.

Шеншинъ (с[illegible]

Шеремете[illegible] тель древ[illegible] таго ро[illegible] словут[illegible] гро[illegible] ба[illegible]

[illegible] офицеръ корпуса топо- [illegible] обмолвившійся какъ-то до- [illegible] ординарной по мысли, но благо- [illegible] для актерской игры комедіей [illegible] молодости» и симъ просла- [illegible]

Штиглицъ, баронъ, — россійскій Ротшильдъ не у дѣлъ. О милліонахъ Штиглица, нажитыхъ отъ патріотическихъ банкирскихъ коммиссій и услугъ русскому правительству въ царствованіе императора Николая, ходятъ баснословныя розсказни. Говорятъ, имъ и счета нѣтъ. Нѣкоторымъ указателемъ состоянія барона можетъ отчасти служить достойный пріятнаго удивленія фактъ пожертвованія имъ милліона на учрежденіе днесь существующей въ Петербургѣ великолѣпной рисовальной школы его имени.

Штриттеръ — нѣмецъ, вѣрно никогда и не читалъ лѣтописца Нестора о томъ, что Руси искони «веселіе есть пити», а между тѣмъ, какъ мастерски прислужился намъ въ этомъ смыслѣ! Петербургскій водочный заводчикъ, прославившійся добротностью и радикальностью своихъ напитковъ.

Шубертъ — актриса Александринскаго театра на роли старухъ, изъ ка-

ный морякъ, упра[illegible] [illegible]и, которы[illegible] скимъ министерс[illegible] со «школой [illegible] но, трудится в[illegible] [illegible], полковникъ. [illegible] коренной р[illegible] [illegible]суги отъ госуда[illegible] *стаковъ?* [illegible] исторической лите[illegible] движ[illegible] [illegible]мъ прилежаніемъ и лю[illegible] ро[illegible] [illegible]стоятельномъ, всесторон[illegible] [illegible] русской исторіи, особенно [illegible] лѣтія, г. Шубинскій, по спра[illegible] [illegible]ги, можетъ считаться автори[illegible] [illegible]. Съ этой стороны онъ давно уже [illegible]ріобрѣлъ въ литературѣ заслуженную извѣстность многими интересными изслѣдованіями и монографіями («Дворъ Анны Ивановны», «Очерки и разсказы» изъ исторіи XVIII в., «Иностранные писатели о Россіи», «Анекдоты о Потемкинѣ» и пр.). Въ 1870-хъ гг. по его мысли и подъ его редакціей былъ основанъ очень хорошій журналъ «Древняя и новая Россія», вскорѣ прекратившійся и въ 1880 г. возродившійся вновь въ болѣе прочной и успѣшной метаморфозѣ, подъ титуломъ «Историческаго Вѣстника». «Историческій Вѣстникъ» благополучно издается уже пятый годъ г. Суворинымъ подъ редакціей С. Н. Шубинскаго. За это-же время по мысли и подъ редакціей С. Н. предприняты и изданы г. Суворинымъ великолѣпныя, съ большимъ знаніемъ и вкусомъ иллюстрированныя, капитальныя по объему «Исторіи» Петра Великаго и Екатерины II.

Шуваловы, графы, по сказаніямъ молвы, вожди петербургской аристократической «партіи», лелѣющей узко-сословные олигархическіе идеалы въ англійской оправѣ. «Партія» эта давно не въ авантажѣ, какъ и главный, по сказаніямъ, вождь ея—графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, какъ-то неощутительно стушевавшійся послѣ злосчастнаго Берлинскаго конгреса. Передъ этимъ же онъ постоянно былъ на

виду, въ числѣ самыхъ вліятельныхъ государственныхъ людей прошлаго царствованія. Особенно важны два момента его дѣятельности:—по внутренней политикѣ начальствованіе III-мъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, въ 60-хъ гг., и по политикѣ иностранной, позднѣе, представительство въ Лондонѣ, въ качествѣ русскаго посла.

Имя Шуваловыхъ весьма популярно у петербуржцевъ по той причинѣ, что въ окрестностяхъ столицы къ ихъ услугамъ есть великолѣпный *Шуваловскій* паркъ и обширное дачное поселеніе *Шувалово*.

Щ.

Щебальскій, П. К. — администраторъ-обруситель, диллетантски занявшійся русской исторіей и чуть-чуть было не сдѣлавшійся цѣлымъ историографомъ. Въ 50-хъ и 60-хъ гг. онъ наводнялъ «Русскій Вѣстникъ» своими пространными, трудолюбивыми, ультраблагонамѣренными, но не особенно блестящими историческими изслѣдованіями («Правленіе царевны Софьи», «О Россіи, какою оставилъ ее Петръ В.», «Князь Меньшиковъ и Морицъ Саксонскій», «Польско-русскій вопросъ» и т. д.). Пробовалъ онъ и литературную критику вести въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но обнаружилъ лишь философію обозленной Коробочки. Литературничанье г. Щебальскаго было не только платоническимъ диллетантствомъ, но и чиновнической тактикой. Пописывая статейки и пріобрѣтая ими славу ревностнаго соумышленника г. Каткова, онъ тѣмъ временемъ все выглядывалъ и выжидалъ теплаго мѣстечка въ оффиціальной журналистикѣ. Такъ, одно время онъ дѣятельно искалъ мѣста редактора «Русскаго Инвалида» и, наконецъ, дождался своего:—нынѣ мы видимъ его на постѣ редактора субсидированнаго казной, оффиціальнаго «Варшавскаго Дневника», который онъ взялся поднять и одухотворить. И точно, послѣ вялаго, безграмотнаго веденія этой газеты княземъ Голицынымъ, г. Щебальскій прибавилъ ей и значенія, и интереса процентовъ на пятьдесятъ.

Щербакъ, А. В., докторъ медицины,—изъ тѣхъ энергическихъ, непосѣдливыхъ человѣколюбцевъ, что вѣчно «ищутъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Г. Щербакъ подвизался съ честію, въ качествѣ военнаго врача, на театрахъ сербско-турецкой и русско-турецкой войнъ и, наконецъ, ахалъ-тэкинской кампаніи. Движимый призваніемъ и любовью къ ближнему, особенно въ сѣрой солдатской шинели, благодушный и симпатичный, почтенный докторъ оказалъ неоцѣнимыя услуги человѣчеству. Какъ-то успѣвалъ онъ, среди лагерныхъ хирургическихъ занятій, писать еще и военныя корреспонденціи. Недавно онъ издалъ свои корреспонденціи объ ахалъ-тэкинской экспедиціи

отдѣльно,—получилась интересная, живая книжка.

Щиглевъ, В. Р.—самъ себя упразднившій писатель, поэтому имя его такъ мало извѣстно, что, напр., въ спискѣ драматурговъ, въ извѣстной «Хроникѣ» г. Вольфа, оно дважды переврано: изъ одного *Щиглева* образовалось тамъ какимъ-то чудомъ два драматурга-самозванца—*Щиловъ* и *Щировъ*. А между тѣмъ, въ то время, когда даже свѣдущіе въ театральной хроникѣ историки забыли имя г. Щиглева,—кто изъ публики не знаетъ его безподобной, полной юмора, не сходящей съ репертуара, «Помолвки въ Галерной Гавани»?!

Э.

Эберманъ, А. Л. — извѣстный петербургскій «врачъ-спеціалистъ», въ такой степени компетентный и знаменитый, что удостоился благосклоннаго вниманія даже профессора Березина, гостепріимно давшаго ему мѣсто въ своемъ «Словарѣ»... Честь немалая! Д-ръ Эберманъ спеціально лечитъ, а можетъ быть, при счастьи, и исцѣляетъ «секретныя» болѣзни мочевыхъ путей. Во всякомъ случаѣ имѣетъ такую обширную практику, что вынужденъ былъ превратить ее изъ кустарной какъ-бы въ фабричную, путемъ учрежденія своихъ лечебницъ. Написалъ книгу: «Руководство діагностики болѣзней мочеваго канала».

Эвальдъ — литературный «скиталецъ» безъ выслуги; скитается уже лѣтъ тридцать и по парадньмъ, и по чернымъ лѣстницамъ петербургской журналистики, и до сихъ поръ не нашелъ прочнаго пристанища. Недавно основалъ было свою газету («Эхо»), но въ кратчайшее время явились какіе-то ловкачи, которые деликатно высадили его съ издательскаго кресла, и — г. Эвальдъ опять сдѣлался безпріютнымъ «скитальцемъ».

Эйхвальдъ, Э. Э. — первостепенное свѣтило петербургской медицинской науки; питомецъ и профессоръ медико-хирургической академіи, которую онъ самъ, при разставаніи, назвалъ «своей дорогой матерью». Это разставанье, случившееся въ 1883 г., было очень трогательно и торжественно, да и по заслугамъ. Почтенный профессоръ пользовался общей любовью и товарищей, и слушателей и пацієнтовъ. «Меня—сказалъ онъ въ своей прощальной рѣчи—никогда не покидали три мысли: первая, что совмѣстная научная дѣятельность не можетъ быть плодотворна безъ искреннихъ и сердечныхъ отношеній между преподавателями и учениками; вторая, что профессора существуютъ для студентовъ, а не наоборотъ, и третья, что мы учимся для жизни, а не для школы».

Прекрасныя мысли—и г. Эйхвальдъ всегда слѣдовалъ имъ, по общему сви-

дѣтельству. Тонкій діагностъ и счастливый цѣлитель внутреннихъ болѣзней, г. Эйхвальдъ всегда имѣлъ огромную практику и—вотъ какъ относился онъ, по отзыву товарищей, къ своимъ паціентамъ: «въ его задачу всегда входило внести въ отношеніе врача къ больному правду и сердечную теплоту; онъ желалъ, чтобы врачъ, получающій плату за свой трудъ, говоря словами Сенеки, «оставался должникомъ сердца» больнаго... Желаніе почтенное».

Какъ ученый преимущественно, какъ клиницистъ, г. Эйхвальдъ пользуется европейской извѣстностью. Имъ, между прочимъ, написана «Общая Терапія».

Энгель. — Въ средѣ петербургскихъ «садовыхъ» капельмейстеровъ съ именемъ, г. Энгель, дирижирующій лѣтомъ въ «Озеркахъ», пользуется репутаціей самаго ультра-нѣмецкаго, по репертуару, а, слѣдовательно, самаго скучнаго.

Энгельгардтъ, А. Н. — дѣятель довольно превратной судьбы. Бывшій артиллерійскій офицеръ, потомъ профессоръ химіи и агрономіи въ земледѣльческомъ институтѣ, г. Энгельгардтъ въ началѣ 70-хъ гг. внезапно уединяется въ свою смоленскую деревню и превращается въ заправскаго Цинцината. Талантливый, просвѣщенный человѣкъ, съ сердцемъ, любящимъ человѣка и родину, нигдѣ не затеряется. Это краснорѣчиво доказалъ г. Энгельгардтъ; даже, можно сказать, въ деревнѣ, именно, въ роли агронома онъ нашелъ и свое истинное призваніе, и хлѣбъ насущный и свою россійскую заслуженную славу. Его счастливые сельскохозяйственные опыты оказались превосходнымъ практическимъ урокомъ и для помѣщиковъ и для крестьянъ. Г. Энгельгардтъ вполнѣ оправдалъ ими высокій завѣтъ поэта:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Своими-же интересными, талантливыми, сердечно-искренними «Письмами изъ деревни» (печатались сперва въ «Отеч. Запискахъ», а въ 1882 г. вышли книгой), въ которыхъ г. Энгельгардтъ выказалъ глубокое, любовное изученіе крестьянина, его міросозерцанія, его быта и нравовъ, — онъ безспорно внесъ въ общественное сознаніе много свѣта въ дѣлѣ истиннаго пониманія русскаго народа, его невысказанной думы и того сложнаго преобразовательнаго хозяйственно-бытоваго процесса, который переживаетъ народъ со времени крестьянской реформы.

Эрисманъ, д-ръ, — авторъ сколько любопытнаго, столько-же и убійственнаго сочиненія. Д-ръ Эрисманъ имѣлъ мужество лично изслѣдовать петербургскіе жилые подвалы и описалъ ихъ научнымъ образомъ. Данте сдѣлалъ-бы изъ этого матеріала лишнюю и, можетъ быть, самую потрясающую главу въ своемъ «Адѣ». Развѣ Вельзевулъ въ состояніи былъ-бы выдумать что-нибудь болѣе адское, болѣе омерзительное для кары грѣшниковъ, какъ петербургскіе жилые подвалы, въ которыхъ, однако-же, добровольно толпятся тысячи правоспособныхъ обывателей, да еще и деньги за это платятъ!

Эртель, — бытописатель, обратившій на себя вниманіе съ недавняго времени талантливыми разсказами въ «Вѣстникѣ Европы». Это—извѣстныя «Записки Степняка», во многомъ рабски подражающія Тургеневу, особенно—его «Запискамъ Охотника». Впечатлѣніе онѣ произвели довольно странное: пока

печатались порознь, каждый разсказъ очень нравился и сходилъ за новый; но когда г. Эртель собралъ ихъ вкупѣ въ одну книгу—оказалось, что они у него ужасно однообразны, однозвучны и одноцвѣтны, такъ что прилично было-бы дать имъ эпиграфъ: «Все тѣхъ-же щей, да пожиже влей». Потомъ г. Эртель далъ романъ «Волхонская барышня», тоже не составившій особеннаго «событія» въ литературѣ.

Эфрусси — одесско-петербургскіе аристократы могучаго банкирскаго Израиля, ослѣпляющіе своими «карбованцами» и своей цивилизованностью и парижскій beau-monde.

Ю.

Южаковъ — эксъ-этнографъ. Это звучитъ нѣсколько странно, но, къ сожалѣнію, вполнѣ согласно съ обстоятельствами дѣла. Г. Южаковъ, въ числѣ первыхъ писателей-«народниковъ», объявившихся въ концѣ 50-хъ гг., ходилъ въ народъ и далъ въ «Современникѣ» рядъ талантливыхъ и интересныхъ очерковъ народнаго быта. Отдавъ эту дань времени, г. Южаковъ позднѣе украшалъ своимъ именемъ страницы одесской прессы, яко публицистъ, а нынѣ и тамъ его не стало видно.

Юзефовичъ — издатель-редакторъ газеты «Южный Край», издаваемой въ Харьковѣ; человѣкъ, видно, очень покладистый и сговорчивый: начавъ свою газету въ либеральномъ направленіи, заблагоразсудилъ позднѣе, съ уходомъ товарища своего по редакціи, профессора Стоянова, прицѣпить ее къ хвосту «Московскихъ Вѣдомостей». Такъ оно, и въ правду, спокойнѣе и для души спасительнѣе!

Юнге, Э. А., бывшій профессоръ офтальмологіи, — извѣстный петербургскій окулистъ. Деликатная врачебная спеціальность и, должно быть, вполнѣ обезпечивающая самого спеціалиста отъ грѣховныхъ искушеній. Вѣдь для него, по настоящему, самые красивые, очаровательные глазки настолько лишь интересны, насколько нуждаются во врачебной помощи. Затѣмъ, при обширности практики, какую имѣетъ, напр., г. Юнге, онъ только и видитъ одни порченые, слѣпые и больные глаза, — до искушенія-ли тутъ?

Юневичъ — примадонна московской русской оперы, пользующаяся нѣкоторой извѣстностью и въ Петербургѣ. Одна изъ многочисленныхъ золотыхъ посредственностей современной нашей оперы, столь скудной нынче большими талантами, особенно женскими.

Юргенсонъ — петербургско-московская фирма торговли нотами — «товаромъ» совсѣмъ химерическимъ, который съ полокъ музыкальнаго магазина идетъ на вѣсъ золота, а за его дверью падаетъ до цѣнности оберточной бумаги. Впрочемъ, популярные у любителей музыки нотные магазины г. Юргенсона считаются наилучше снабженными и отмѣнно добросовѣстными.

Юрьевъ, С. П. — московскій литераторъ изъ тѣхъ, которыхъ называютъ «маститыми» и «извѣстными». Извѣстенъ г. Юрьевъ въ литературѣ старательными, изящными переводами немногихъ пьесъ Шекспира и другихъ,

преимущественно испанскихъ драматурговъ. Пьесы-ли эти, или ихъ юрьевскіе переводы имѣютъ одно большое сходство съ московскимъ царь-колоколомъ: какъ въ послѣдній неудобно звонить, такъ первыя неудобны для постановки на сценѣ. Одинъ изъ могикановъ знаменитаго кружка «Москвитянина» и «Бесѣды», г. Юрьевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ возымѣлъ мысль, по соблазнительному примѣру своего стараго соратника по славянофильскому лагерю, г. Аксакова, основать свой органъ. Почти одновременно съ аксаковской «Русью», народилась въ Москвѣ юрьевская «Русская Мысль». Славянофилы возликовали, думая, что какъ «Русь», такъ и «Русская Мысль» пойдутъ рука объ руку, подъ однимъ знаменемъ и девизомъ: «Домой и Европу долой!». Такъ мнили славянофилы и публика, такъ мнилъ г. Аксаковъ и даже самъ г. Юрьевъ; но на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Въ «Русскую Мысль» впряглись молодыя силы и невдолгѣ занесли неощутительно и ее, и самого ея редактора совсѣмъ въ противоположную сторону. Г. Юрьевъ очутился въ траги-комическомъ положеніи мольеровскаго le médecin malgré lui. Инертивно съ колеи славянофильства онъ далъ себя свезти на покатые рельсы либерализма и чуть не «западничества», и въ одно прекрасное утро неожиданно увидѣлъ и себя, и свой журналъ на походѣ противъ «Руси». Произошла враждебная стычка, къ горести и соблазну всѣхъ славянофиловъ. Г. Юрьевъ нашелся:—онъ соблюлъ мину вождя увлекшей его молодой дружины, самоотверженно всталъ на челѣ ея и не поколебался даже собственноручно нанести тяжкіе удары своему старому товарищу по знамени.

Юсуповъ, князь Н. Б., — потомокъ ногайскаго владѣтельнаго рода, богатѣйшій изъ представителей нынѣшняго русскаго вельможнаго барства. Молва считаетъ чуть не въ два милліона годовой доходъ князя съ его неисчислимыхъ капиталовъ, земель и домовъ; при этомъ молва сплетничаетъ, будто его сіятельство скупъ, какъ Гарпагонъ, и разноситъ на этотъ счетъ много забавныхъ анекдотовъ. Князья Юсуповы отличались прежде любовью къ художествамъ, меценатствамъ, и собрали много сокровищъ искусства, каковыми и славится понынѣ великолѣпный юсуповскій дворецъ на Мойкѣ. Нынѣшній представитель рода благочестивѣе своихъ предковъ: онъ питаетъ наклонность къ теологіи и посвящаетъ свои досуги сочиненію «апологетическихъ изложеній». Такъ, по крайней мѣрѣ, назвалъ онъ свою брошюру «Духовная жизнь», пущенную въ свѣтъ въ 1883 г., но, кажется, незамѣченную суетнымъ свѣтомъ.

Юханцевъ — новѣйшій Геростратъ, существенно разнящійся отъ классическаго тѣмъ, что тотъ, какъ ни такъ, былъ поэтъ, его одушевляла платоническая жажда славы, тогда какъ Юханцевы—просто-на-просто ошалѣлые хапуги, настолько лишенные смысла и воображенія, что украденные милліоны не умѣютъ ни спрятать, ни промотать со вкусомъ и идеей. Юханцевъ, напр., потому только и знаменитостью сдѣланъ и имя его стало нарицательнымъ, что имѣлъ случай украсть не рубль, а милліонъ—въ этомъ все его отличіе отъ простаго воришки!

Я.

Яблонскій, П. О. — безсмѣнный и дѣятельнѣйшій членъ петербургской городской управы и несомнѣнно полезнѣйшій изъ нихъ: знаетъ основательно столичное хозяйство, знаетъ русскую грамоту и можетъ говорить съ соблюденіемъ синтаксиса и знаковъ препинанія, что далеко не часто встрѣчается въ нашихъ муниципальныхъ ораторахъ. О г. Яблонскомъ много писалось, и не всегда въ хвалебномъ духѣ; газеты его «дразнили» маленькимъ думскимъ Гамбеттой, за властолюбіе и кліентизмъ. Такъ какъ Гамбетта умеръ, то теперь г. Яблонскаго довлѣло-бы назвать нашимъ муниципальнымъ Ферри, коль скоро ужь нужны сравненія. Подобно французскому премьеру, онъ такой-же ловкій и юркій опортюнистъ, отлично приладивающійся ко всякимъ преходящимъ богамъ, режимамъ и «партіямъ» въ думѣ.

Яблочкины — артистическое семейство, лѣтъ десять тому назадъ процвѣтавшее на александринской сценѣ, но внезапно получившее отставку за нелишенный остроумія опытъ: числиться на службѣ въ казенной труппѣ, получать отъ казны жалованье и работать на себя въ своемъ собственномъ театрѣ гдѣ-нибудь въ Тифлисѣ. Для александринской сцены это была потеря: въ г. Яблочкинѣ она лишилась замѣчательнаго, опытнаго режиссера, въ его молодой супругѣ—представительной красавицы, а въ его дочери—талантливой актрисы. Съ тѣхъ поръ они кочуютъ по частнымъ сценамъ. Въ послѣднее время г. Яблочкинъ режиссерствовалъ въ «Ливадіи». Незабвенно то, что онъ первый догадался пересадить оперетку на русскую сцену (въ Александринскомъ театрѣ) и рука у него оказалась очень легкая: наркотическое растеніе это разрослось у насъ, какъ видимъ, съ пышной плодучестью чертополоха!

Яблочковъ, П. Н. — нашъ россійскій Прометей, первый осуществившій практическое примѣненіе еще недавно мечтательнаго электрическаго освѣщенія. Умъ острый и изобрѣтательный, но, кажется, не въ дѣловыхъ операціяхъ. Извѣстно, что основанная г. Яблочковымъ парижская компанія электрическаго освѣщенія потерпѣла фіаско, и теперь изобрѣтеніе его утилизируется уже другими, безъ всякаго съ его сто-

роны участія. Впрочемъ, гонораръ свой г. Яблочковъ взялъ, и, говорятъ, очень хорошій гонораръ.

Ягичъ, профессоръ,—филологъ-славистъ, пользующійся европейской извѣстностью. Г. Ягичъ—австрійскій славянинъ. Началъ свою ученую карьеру въ Загребѣ, потомъ профессорствовалъ въ Берлинѣ и Одессѣ, а нынѣ преподаетъ славянскія нарѣчія въ петербургскомъ университетѣ. По свидѣтельству знатоковъ, въ глубокомъ знаніи славянской филологіи, исторіи и литературы и славянскаго быта г. Ягичъ въ настоящее время у насъ раздѣляетъ первенство съ однимъ лишь В. И. Ламанскимъ, не раздѣляя, кажется, его славянофильской ярости и панславистическихъ увлеченій.

Ядринцевъ, Н. М., писатель, — правовѣрнѣйшій сибирякъ, въ личное себѣ одолженіе принимающій каждую даруемую Сибири реформу, какъ каждую въ ней кривду оплакивающій горючими гражданскими слезами, каждаго сибиряка-писателя возводящій чуть не въ геніи и ничего въ мірѣ превосходнѣе и вкуснѣе сибирскихъ «пельменей» не находящій! Такой областной патріотизмъ тѣмъ болѣе симпатиченъ и почтенъ, что очень рѣдокъ среди нашихъ интеллигентныхъ «всечеловѣковъ»; притомъ-же въ г. Ядринцевѣ онъ—не платоническая фраза, а серьезное, хорошее дѣло. Движимый горячей, дѣятельной любовью къ своей угрюмой, суровой родинѣ, г. Ядринцевъ издаетъ для нея въ Петербургѣ дѣльную, честную, толковую газету «Восточное Обозрѣніе», необходимость и польза которой явствуютъ уже изъ того, что въ самой Сибири нѣтъ вовсе, да и не можетъ быть пока независимой, безцензурной печати. Немножко странно, конечно, что голосъ общественнаго мнѣнія Сибири раздается за тысячи верстъ, въ Петербургѣ, но благо, что хоть это есть, спасибо и на томъ издателю «Восточнаго Обозрѣнія»! Г. Ядринцевъ—одинъ изъ компетентныхъ у насъ знатоковъ тюрьмы и ссылки, и еще въ 60-хъ гг. пріобрѣлъ извѣстность въ литературѣ своей интересной, проникнутой гуманизмомъ книгой: «Русская Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ».

Языковъ, В. Н., петербургскій адвокатъ изъ «извѣстныхъ». Несомнѣнно, что имя г. Языкова и его пылкое краснорѣчіе, столько разъ изощрявшееся въ софистикѣ изъ за «кушей», послужили сатирику мотивомъ для созданія типа Языкоблудина, вошедшаго нынѣ въ пословицу.

Якобій, В. И., профессоръ академіи художествъ, — талантливый художникъ съ живымъ, изысканнымъ и отчасти прихотливымъ воображеніемъ. Г. Якобій любитъ скандалёзно-пикантныя и эффектно-драматическія историческія темы, умѣетъ ихъ выбирать и придумывать, умѣетъ и выполнять мастерски. Впервые извѣстность себѣ онъ составилъ лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ смѣлымъ для того времени, полнымъ неприкрашеннаго, жестко-реальнаго драматизма, «Приваломъ арестантовъ», который произвелъ большое впечатлѣніе и до сихъ поръ остается едва-ли не лучшимъ произведеніемъ плодовитаго профессора. Съ той поры у г. Якобія пошли во множествѣ «историческія» картины — одна другой задорнѣе, эффектнѣе и интереснѣе: «Варѳоломеевская ночь», «Смерть Робеспьера», «Ледяной домъ», «Биронъ и Волынскій», «Пушкинъ въ с. Михайловскомъ», и т. д., включительно до знаменитыхъ «Шутовъ Анны Ивановны», написанныхъ во вкусѣ такого откровеннаго историческаго дезабилье, что картину эту не пустили на выставку. Все это очень нравилось публикѣ, но все это, правду сказать,

не серьезно, преднамѣренно бьетъ на эффектъ, фельетонно и вычурно какъ по мысли, такъ и по письму. Вообще, г. Якобія можно-бы назвать историкомъ-анекдотистомъ на полотнѣ.

Якушкинъ, Е., профессоръ ярославскаго лицея, — авторъ замѣчательной книги: «Обычное Право», къ сожалѣнію, неоконченной.

Янжулъ, И. И.—политико-экономъ и публицистъ, очень основательный, но мало извѣстный. Изъ трудовъ его особенно достойны вниманія изслѣдованія, по личнымъ наблюденіямъ, фабрично-рабочаго быта въ московскомъ районѣ. Дѣятельное, ревностное участіе выказалъ г. Янжулъ и по организаціи инспекторскаго надзора надъ фабриками, въ интересахъ улучшенія быта рабочихъ и къ сокращенію произвола и эксплоатаціи фабрикантовъ-Разуваевыхъ.

Янсонъ, Ю. Э. — профессоръ несуществующей пока у насъ науки. Г. Янсонъ преподаетъ въ петербургскомъ университетѣ статистику всеобщую и русскую, хотя ему, конечно, болѣе, чѣмъ кому другому, извѣстно, что русская статистика въ большинствѣ случаевъ писана или вилами на водѣ, или —что одно и тоже—вдохновенными канцелярскими перьями, какъ Богъ имъ на душу положитъ, ради «отписки». Г. Янсонъ, впрочемъ, сдѣлалъ серьезную попытку положить прочное основаніе у насъ настоящей статистикѣ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Петербурга. По его плану и подъ его руководствомъ произведена послѣдняя (1881 г.) перепись нашей столицы, съ такою чисто-нѣмецкой обстоятельностью, что на многихъ непривычныхъ къ статистикѣ жителей она произвела панику и была понята ими, какъ жестокій «повальный обыскъ». За основаніе у насъ статистики г. Янсонъ взялся серьезно: по его мысли и подъ его началомъ организовано также постоянное статистическое бюро въ петербургской думѣ, которое внимательно и систематически ведетъ теперь счетъ каждой ревизской душѣ въ столицѣ, каждому съѣденному ею фунту говядины и хлѣба, каждому приключенію и происшествію... Пожелаемъ г. Янсону долго здравствовать: вѣдь, этакъ онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ заведетъ у насъ статистику, если поживетъ вдосталь! Еще одно важное ручательство въ этомъ — замѣчательная, хорошо извѣстная книга г. Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ». Книга эта, указывающая на отрицательныя явленія въ крестьянскомъ земельномъ устройствѣ, была обнесена quasi-охранителями, яко политически-неблагонадежная, но, видно, правительство этого не нашло, допустивъ недавно второе ея изданіе.

Янышевъ, И. Л., протопресвитеръ, недавно еще ректоръ петербургской духовной академіи, передъ тѣмъ—профессоръ богословія и философіи въ петербургскомъ университетѣ, а ранѣе—посольскій священникъ въ Висбаденѣ. Ученый богословъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, интеллигентный, тонкій и изящный человѣкъ, о. Янышевъ справедливо пользуется большою популярностью въ Петербургѣ и считается украшеніемъ своего сословія. Въ духовной литературѣ извѣстна его книга: «Историческій взглядъ на постепенное отдѣленіе Западной церкви отъ Православной».

Ярошенко — молодой художникъ-диллетантъ не особенно пока искусный, за то исполненный самой горючей «гражданской скорби». Можно сказать даже, что онъ пишетъ свои картины не красками, а этой, именно,

«скорбью», отчего онѣ и выходятъ у него иногда такими безцвѣтными, мертвенными. Такова, напр., его извѣстная большая картина съ крошечнымъ содержаніемъ—«У Литовскаго замка». Лучшая его вещь, которою онъ началъ, —«Невскій проспектъ вечеромъ» съ его вечерними бабочками. Въ прошломъ году онъ выставилъ два хорошихъ портрета: г-жи Стрепетовой и Глѣба Успенскаго, но особенный успѣхъ тогда же имѣла его картина съ «направленіемъ», того-же скорбно-гражданскаго колорита: «Причины неизвѣстны». Изображенъ похолодѣвшій трупъ молодой дѣвушки, труженицы-курсистки, только что покончившей самоубійствомъ... Картина полна трагизма и такъ какъ, къ сожалѣнію, сюжетъ ея вѣренъ дѣйствительности, то она и получила интересъ «злобы дня».

Ясинскій—беллетристъ, пріобрѣвшій нѣкоторую извѣстность подъ псевдонимомъ *Максимъ Бѣлинскій*. Г. Ясинскій подвизается въ литературѣ уже лѣтъ десять; его интереснымъ повѣстямъ и разсказамъ—больше изъ малоизвѣстнаго русской публикѣ быта провинціальнаго шляхетства и чиновничества западныхъ губерній — давалось мѣсто въ лучшихъ толстыхъ журналахъ («Отечеств. Записки», «Слово«, «Русская Мысль» и пр.); сочиненія его читались, нравились даже — главнѣе опрятностью мысли и гражданской честностью; но до сихъ поръ по совѣсти трудно сказать—есть-ли у Максима Бѣлинскаго беллетристическій талантъ или—одно лишь «раздраженье мысли плѣнной» и непреоборимая охота къ словосочиненію? — Подождемъ: авось современемъ г. Ясинскій выпишется въ форменнаго беллетриста!

Яхонтовъ—одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ жрецовъ Аполлона, дожившій до того періода поэтической карьеры, когда лирики, за истощеніемъ творчества, собираютъ и издаютъ «полныя собранія» своихъ сочиненій. Г. Яхонтовъ никогда не пользовался особенной славой; онъ на счету второстепенныхъ, дарованіе его больше подражательное, за то изъ множества подражателей Некрасову, по формѣ, по духу и либеральному направленію, г. Яхонтовъ—самый удачный, самый вѣрный подлиннику.

Легко быть великимъ среди пигмеевъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБ., 2 НОЯБРЯ 1903 г.

Θ.

Едорова — молодая, миловидная актриса александринской сцены, не безъ дарованія. Ея амплуа—вторая драматическая ingénue, но по нуждѣ, за болѣзнію или отсутствіемъ «премьершъ», г-жа Θедорова можетъ сносно исполнять и должность.... Такъ, въ качествѣ овной актрисы на первые сюжеты, и содержится больше. Позиція не выгодныхъ.

Едотова, Г. Н. — славная московактриса, которая по праву моназваться *великой* среди актрисъ ь временъ и народовъ и *величай*среди своихъ современныхъ росихъ соперницъ. Таковъ о ней populi. Кромѣ большаго, разнонняго таланта, у Гликеріи Никоы есть одно существенное, важное мущество передъ другими на «премьершами»:—у нея есть *а*; она съ дѣтства много и серьезно отовлялась къ сценической дѣюсти подъ руководствомъ людей знающихъ, въ томъ числѣ такого превосходнаго учителя, какъ И. В. Самаринъ; она, наконецъ, выступила на московскую сцену (1862 г.), въ ту пору, когда послѣдняя блистала дарованіями и находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Отсюда — изумительное техническое мастерство г-жи Θедотовой. Она овладѣваетъ зрителемъ сколько своимъ блестящимъ талантомъ, столько-же и неподражаемымъ искусствомъ. Надѣленная прелестнымъ отъ природы органомъ, она владѣетъ имъ съ такой изящной выразительностью, съ такой тонкой, чарующей музыкальностью, выше которыхъ ничего нельзя себѣ представить. Рядомъ съ мастерствомъ дикціи, въ ней высоко развиты мимика и внѣшняя пластика всей фигуры. Эти богатыя средства и ихъ художественная выправка даютъ Гликеріи Николаевнѣ способность съ равнымъ успѣхомъ воспроизводить всевозможные женскіе типы и разнообразныя характерныя черты женской индивидуальности—плѣнительную нѣжность и кротость, разсчетливое кокетство и шлкую

страстность, «кисейную» слабость и царственную силу. Ролей у Г. Н. множество, отъ Шекспира и Островскаго до Дьяченка и Виктора Александрова, и—неудачныхъ ролей критика за ней не знаетъ. Интересно прошлое Г. Н.: она — орловская уроженка, съ 2-хъ лѣтъ сирота, воспитанная чужими добрыми людьми; въ театральное училище въ Москвѣ она поступила изъ-за привязанности къ своей товаркѣ по пансіону. Въ дѣвичествѣ она называлась Позняковой — фамиліей своихъ воспитателей; въ 1863 г. приняла фамилію Θедотовой по мужу, выйдя замужъ на 17-мъ году жизни.

Θедотовъ, А. Ф. — мужъ вышеизображенной знаменитости и тѣмъ самымъ уже ставшій, въ свою очередь, знаменитымъ. Впрочемъ, г. Θедотовъ и самъ по себѣ имѣетъ нѣкоторыя права на извѣстность и на артистическій вѣнецъ. Въ юности, прямо со скамьи московскаго университета онъ поступилъ на сцену по призванію и сдѣлался недурнымъ актеромъ. Одновременно почти онъ началъ пробовать свои силы и въ драматургіи, и — еще на этихъ дняхъ его стихотворная à la Грибоѣдовъ комедія: «Про бѣлаго бычка», поставленная на александринской сценѣ, изобличила въ немъ сколько банальнаго стихотворца, столько-же и средственнаго драматурга. Г. Θедотовъ искушался также театральной антрепризой и одно время содержалъ въ Петербургѣ французскій театръ Буффъ. Петербуржцы ему обязаны знакомствомъ съ первоклассными звѣздами парижской оперетки—Шнейдеръ, Жюдикъ и др.

Θеоктистовъ, Е. М. — Замѣчательная случайность: слѣдуя требованіямъ алфавитнаго порядка, мы начали сей нашъ словарь начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати (Абаза Н. С.), и начальникомъ того же управленія намъ приходится теперь его кончить! Въ этомъ, можетъ быть, есть нѣчто провиденціальное. Не ясно-ли, что мы, современные россіяне, подъ Богомъ ходимъ, имѣя и *началомъ* и *концомъ* попечительное начальство?

Евгеній Михайловичъ Θеоктистовъ—седьмой по счету верховный начальникъ надъ русской литературой и ея судьбами со времени дарованія ей льготъ и причисленія главнаго управленія по дѣламъ печати къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Много воды утекло съ той поры и многое унесла она на своихъ перемѣнчивыхъ волнахъ. Правленіе г. Θеоктистова ознаменовалось важными и рѣшительными мѣрами въ охранительномъ духѣ: извѣстная часть журналистики такъ называемаго «либеральнаго направленія» потерпѣла крушеніе; контрабандная *междустрочная* словесность, съ успѣхомъ провозившаяся прежде чрезъ цензурную таможню, нынѣ, подвергнутая тщательному досмотру, пресѣчена; столь процвѣтавшій еще недавно *езоповскій* языкъ вовсе изъятъ изъ обращенія на печатныхъ листахъ. Вообще, нужно отдать справедливость, никогда еще наша цензура не стояла въ такой степени на высотѣ своего призванія, никогда она не была такъ проницательна, такъ бдительна и строга, какъ подъ руководствомъ г. Θеоктистова.

Е. М.—самъ опытный, разностороннеобразованный и много потрудившійся литераторъ. Въ 50-хъ и 60-хъ гг. онъ усердно сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова, въ «Русской Рѣчи» Евг. Туръ и др. изданіяхъ, главнымъ образомъ по критикѣ и исторіи. Писалъ онъ о Токвилѣ, о Гизо, о Каннингѣ, о стачкахъ англій-

скихъ рабочихъ, и проч., и пр. Болѣе обширные, капитальные его труды—«Борьба Греціи за независимость», «Очерки исторіи Венгріи», «Магницкій»—вышли отдѣльными книгами; изъ нихъ особенно замѣчательна и важна монографія о Магницкомъ, какъ матеріалъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Г. Θеоктистовъ редактировалъ одно время «Русскую Рѣчь», позднѣе былъ редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», отличавшагося дѣльностью и серьезностью содержанія.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Абаза А. А., членъ государственнаго совѣта. — Извѣстный своей апокрифической книгой Викторъ Лаферте, характеризуя государственныхъ людей послѣднихъ дней царствованія Александра II, выставляетъ г. Абазу «человѣкомъ замѣчательнымъ, съ независимымъ характеромъ, крѣпкихъ, стойкихъ убѣжденій съ широкими просвѣщенными взглядами»,—словомъ, человѣкомъ, вполнѣ отвѣчавшимъ высокому посту министра финансовъ, на который онъ былъ призванъ въ концѣ 80-го года. Дѣйствительно, г. Абаза пользуется репутаціей блестяще образованнаго человѣка, особенно компетентнаго въ вопросахъ финансоваго и экономическаго хозяйства Россіи. Онъ много жилъ, много видѣлъ, многое изучилъ непосредственнымъ опытомъ. Храбрый офицеръ въ молодости, позднѣе сельскій хозяинъ-практикъ, потомъ человѣкъ придворный, дипломатъ, предсѣдатель главнаго общества рос. ж. дорогъ, членъ совѣта министерства финансовъ, государственный контролеръ и, наконецъ, министръ. Въ кратковременное управленіе министерствомъ финансовъ г. Абаза успѣлъ выполнить нѣсколько важныхъ мѣропріятій, изъ коихъ особенно памятна отмѣна соляного налога.

Альбертини, Н. В. — заслуженная журнальная «полезность», изъ тѣхъ», которыхъ публика мало знаетъ, не смотря на то, что они-то и составляютъ обыкновенно главную рабочую силу періодическихъ изданій. Г. Альбертини взялъ себѣ въ удѣлъ неблагодарный трудъ безъимяннаго «передовика», внутренняго «обозрѣвателя» и редакціоннаго подмастерья на всѣ руки. Въ этой роли онъ подвизался въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», позднѣе въ «Голосѣ», а нынѣ состоитъ въ редакціонномъ штатѣ «Новаго Времени».

Альбовъ—одна изъ болѣе надежныхъ силъ послѣдней новѣйшей генераціи россійскихъ беллетристовъ. Нельзя не сказать, что у большинства представителей этой генераціи, въ томъ числѣ и у г. Альбова, муза какая-то заморенная, хворая, скорбная, до мозга разъѣденная ядовитой рефлексіей и сомнѣніемъ. Въ ней мало поэзіи и точно она никогда не была молода. Правда, народилась она отнюдь не въ веселое время. Откуда-жь было взять ей радостныхъ пѣсень жизни? Подчи-

няясь этому току, г. Альбовъ, напр., ударился въ подражаніе Достоевскому, что касается манеры и того аматерскаго мучительнаго ковырянія въ тинѣ человѣческой души, которое должно-бы претить юному здоровому міровоззрѣнію начинающаго художника, жаднаго къ идеаламъ красоты.

Апраксинъ, графъ. — Характеристическая черта Петербурга: какъ на его стѣнахъ вообще неизгладимо лежатъ слѣды творческой руки Петра, такъ его подробности, улицы, урочища и пр., увѣковѣчили имена славнѣйшихъ Петровыхъ «птенцовъ». Такимъ родомъ именемъ графа Апраксина—знаменитаго сподвижника Петра, потомки котораго не играли и не играютъ видной роли—окрещены въ столицѣ цѣлый огромный рынокъ и людный переулокъ. *Апраксинъ дворъ*, по сіе время составляющій собственность графовъ Апраксиныхъ, не пользуется, однако, доброй славой. *Апраксинская* коммерція, *апраксинскій* товаръ, *апраксинская* честность, самый, наконецъ, *апраксинецъ*—эпитеты отнюдь не лестные въ устахъ бывалаго петербуржца.

Архангельскіе. —Есть два извѣстныхъ Архангельскихъ: — петербургскій врачъ—санитаръ, человѣкъ безпокойный и пытливый относительно всякой дряни и нечисти въ районѣ столицы. Его хорошо знаетъ городская дума, и еще лучше знаетъ и долго будетъ помнить петербургское водопроводное общество, изобличенію грязи котораго, выдаваемой за чистую воду, онъ съ усердіемъ содѣйствовалъ.—Другой *Архангельскій*—музыкантъ, знатокъ стариннаго крюковаго пѣнія и русской народной пѣсни, ничего выше и гармоничнѣе «Небѣлыхъ снѣговъ» и «Лучинушки» не признающій во всемірной музыкѣ. Фанатикъ-славянофилъ въ области мелодіи, г. Архангельскій пытался противоборствовать въ Петербургѣ музыкѣ «гнилаго» запада дѣятельной пропагандой «Березыньки» и «Небѣлыхъ снѣговъ». Съ этой цѣлью онъ агитировалъ и въ газетахъ и въ музыкальныхъ корпораціяхъ, заключилъ союзъ съ достопамятнымъ «хоромъ нижегородцевъ» и, ополчившись, давалъ во главѣ огромной капеллы концерты, но,—увы!—музыкально-патріотическая миссія его не имѣла большаго успѣха.

Бакстъ, О. И., петербургскій книгопродавецъ-издатель — одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ среди своей братіи. Много издалъ дѣльныхъ, преимущественно-переводныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ, всегда чутко предупреждая моду. Была мода на естествознаніе—г. Бакстъ давалъ Шлейдена, Фигье, Тиндаля; пошла мода на политическія науки—онъ сталъ прислуживаться Дреппером, Гервинусомъ, Блунчли, Шерромъ, и т. д. Нынѣ-же г. Бакстъ благоразумно налегаетъ больше на беллетристовъ и, уже отвѣчая своимъ личнымъ симпатіямъ, издаетъ, pour la bonne bouche, юдофиловъ и настоящихъ іудеевъ, въ родѣ Гехта и Гретца.

Балабуха —имя достойное признательности и памяти со стороны всѣхъ любителей «кіевскаго варенья». Какъ во всякомъ искусствѣ, въ искусствѣ изготовленія «кіевскаго варенья» школа Балабухи считается древнѣйшей и превосходнѣйшей. Есть пикантно-интересныя страницы въ дневникѣ Аскоченскаго о прелести и сладости—только ужь не балабуховскихъ вареній, а самихъ Балабухъ прекраснаго пола.

Берже, А. П. —кавказскій исторіографъ; предсѣдатель тифлисскаго археологическаго общества, дѣятельно по-

множающій его «труды». Извѣстенъ читателямъ историческихъ журналовъ своими замѣтками и воспоминаніями о разныхъ болѣе или менѣе достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ кавказскаго прошлаго.

Бернштамъ — молодой скульпторъ, заявившій свое недюжинное дарованіе въ цѣлой коллекціи бюстовъ художественно-литературныхъ знаменитостей: Достоевскаго, Гончарова, Рубинштейна, Полонскаго, Островскаго и др. Ихъ видѣла публика. Учится, старается, ищетъ и—вѣроятно—обрящетъ современемъ славу россійскаго Фидія.

Богдановъ, Н. Г. — даровитый художникъ-жанристъ, мастеръ схватывать русскія будни, русскіе будничные типы и находить въ нихъ нѣчто прекрасное. Смотри его: «Сторожа желѣзной дороги», «Изъ гаваньской жизни», «Послѣ войны» и пр.

Борель, П. Ѳ. — старѣйшій изъ петербургскихъ рисовальщиковъ и, можетъ быть, наиболѣе изъ нихъ подъученный и искусный. Его карандашу принадлежитъ множество виньетокъ и картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Нынѣ изображаетъ больше парады и церемоніи.

Бородинъ, П. А., профессоръ,—широкая, замѣчательно одаренная натура. Ученый и артистъ, химикъ и музыкантъ, медикъ и композиторъ, равно талантливый и свѣдущій во всѣхъ этихъ профессіяхъ. Въ химіи г. Бородинъ считается авторитетомъ, и его изслѣдованія и открытія дали ему европейскую извѣстность. Его музыкальное творчество обнаружилось въ 70-хъ гг. и съ такимъ блескомъ, что онъ, по общему признанію, занялъ видное мѣсто среди современныхъ русскихъ композиторовъ.

Брикнеръ, А. Г., профессоръ русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ. Одинъ изъ тѣхъ достопочтенныхъ ученыхъ нѣмцевъ, которымъ наша исторія обязана своей разработкой едвали не болѣе, чѣмъ русскимъ историкамъ. Довольно вспомнить Миллера, Шлецера, Круга, не говоря о множествѣ менѣе знаменитыхъ именъ. Въ настоящее-же время традиціонную роль русскаго исторіографа-нѣмца исполняетъ г. Брикнеръ, и исполняетъ съ неусыпнымъ прилежаніемъ, чрезвычайно добросовѣстно и плодовито. Множество его монографій и изслѣдованій по русской исторіи, преимущественно XVIII вѣка, помѣщено въ нашихъ толстыхъ журналахъ. Въ послѣднее-же время имъ написаны обширныя, обстоятельныя «исторіи» — Петра Великаго и Екатерины II, роскошно изданныя г. Суворинымъ. Въ работахъ его цѣнны обиліе и полнота источниковъ, особенно иностранныхъ. Г. Брикнеръ пишетъ понѣмецки и, обыкновенно, сочиненія его являются заразъ—въ оригиналѣ въ разныхъ заграничныхъ Allgemeinen Uebersichten, — въ переводѣ на русскій въ нашей литературѣ.

Булахъ — печальной извѣстности дама, явившая міру образецъ такого свирѣпаго жестокосердія, которое въ представительницѣ нѣжнаго пола какъ будто даже противуестественно. А, впрочемъ, жестокость въ женщинѣ вещь нерѣдкая, и ужь если женщина жестока, то она и самаго крутаго мужчину переще-голяетъ. Еще у всѣхъ свѣжо въ памяти громкое дѣло Булахъ: овладѣвъ богатой дѣвушкой-сиротой Мазуриной, она, путемъ двадцатилѣтняго утонченнаго и систематическаго истязанія, довела ее до потери воли, до идіотизма, ради того, чтобы ограбить ее до нитки, и ограбила.

Булгаковъ Ѳ. И. — писатель, у котораго нѣтъ ничего своего, но который можетъ писать обо всемъ литера-

турно и прилично, а порой даже и съ декорумомъ глубокомыслія. Безцѣнный работникъ въ журнальной круподернѣ! Г. Булгаковъ помѣщаетъ свои безчисленныя компиляціи — краткія въ «Новомъ Времени», а пространныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Бюлеръ, баронъ Ѳ. А., директоръ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Баронъ стяжалъ себѣ почетную извѣстность тѣмъ, что онъ относится къ своей должности не какъ чиновникъ, а какъ знатокъ и любитель архивныхъ сокровищъ. Московскій архивъ обязанъ ему своимъ ученымъ благоустройствомъ, а отечественная исторія приведеніемъ въ извѣстность и извлеченіемъ изъ подъ архивной пыли многихъ цѣнныхъ матеріаловъ. Обыкновенно, нынѣшніе наши историки въ предисловіяхъ къ своимъ трудамъ непремѣнно упоминаютъ барона Бюлера «съ признательностью» за его архивное гостепріимство и теплое ученое содѣйствіе.

Введенскій, Аристархъ, — литературный критикъ, процвѣвшій первоначально на страницахъ «Голоса», а нынѣ пріютившійся въ московскихъ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Новыхъ перспективъ въ эстетикѣ, новыхъ критическихъ точекъ зрѣнія и новыхъ вѣщихъ словъ отъ г. Введенскаго мы до сихъ поръ не видѣли и не слышали, да и напрасно стали-бы ждать; спасибо ужь и на томъ, что онъ беретъ вещи горячо и искренно и, по силѣ-мѣрѣ, поддерживаетъ добрыя традиціи лучшихъ дней русской критики.

Вересай, Остапъ, — знаменитый и едва-ли не послѣдній пѣвецъ-кобзарь пѣснелюбивой Малороссіи, по образу Баяна. Да и по нынѣшнему строгому времени самъ авторъ Пѣсни о полку Игоря былъ-бы ни-что иное, какъ праздношатай, «не имѣющій опредѣленныхъ занятій», если не прямой бродяга, слѣдственно, подлежалъ-бы нещадному пресѣченію. Недавно такое пресѣченіе испыталъ на себѣ и Вересай въ Кіевѣ; отъ злачной кутузки спасла его табакерка, пожалованная ему Е. И. В. великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Вересай хорошо извѣстенъ литературно-ученому Петербургу, передъ которымъ лѣтъ десять тому назадъ онъ пѣлъ свои «думы».

Верещагинъ, Н. И.—Въ медовые дни россійскаго прогресса, по освобожденіи крестьянъ, г. Верещагинъ, измысливший тогда артельное сыроваренiе, былъ принятъ за какого-то мессію, а его идея—за новое великое откровеніе. Верещагинскій артельный сыръ сдѣлался въ глазахъ «печальниковъ горя народнаго» чѣмъ-то въ родѣ философскаго камня искомаго благоденствія «мужичка». Его превозносили экономисты, его воспѣвали поэты, съ нимъ носились соціологи... Конечно, какъ и во всемъ и всегда, вскорѣ за этими восторгами послѣдовало разочарованіе. Къ горести прогрессивныхъ Маниловыхъ, артельное сыроваренiе не сдѣлало «мужичковъ» крезами и вдобавокъ отняло у ихъ дѣтишекъ молочишко — единственный кормъ, чѣмъ они жили, а хваленые верещагинскіе сыры—«швейцарскіе», «голландскіе» и «честеры» — оказались на вкусъ несравненно болѣе схожими съ казанскимъ мыломъ, чѣмъ со своими заморскими оригиналами.

Вильдъ, Г. И., академикъ, директоръ славной Пулковской обсерваторіи; несомнѣнно, великій астрономъ, хотя, кажется, круговращеніе земли вокругъ солнца, законъ тяготѣнія и система Лапласа не имъ открыты и изобрѣтены. Хотимъ сказать, что въ русской литературѣ вовсе неизвѣстны труды г. Виль-

да и даже неизвѣстно есть-ли за нимъ таковые. Русская наука, тѣмъ не менѣе, обязана г. Вильду образцовымъ благоустройствомъ нашей главной обсерваторіи и снабженіемъ оной новымъ, замѣчательнымъ телескопомъ, однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ.

Вольфъ, А. И. — литературная, въ своемъ родѣ, Коробочка, отнюдь не во гнѣвъ сказать это почтенному автору драгоцѣнной «Хроники петербургскихъ театровъ». Скопидомная страсть Коробочки нашла въ г. Вольфѣ прекрасное приложеніе. Онъ пятьдесятъ лѣтъ кряду съ нѣмецкой пунктуальностью копилъ театральныя афиши и театральныя рецензіи, лично слѣдилъ за театрами, за всѣми театральными «звѣздами» и событіями, —въ результатѣ получился богатый, достовѣрный, цѣнный матеріалъ по исторіи театра за цѣлое полустолѣтіе, которое г. Вольфъ и опубликовалъ недавно во всеобщее свѣдѣніе.

Вяземскаго князя домъ — иначе «Петербургскія Трущобы» или, на юмористическомъ жаргонѣ его жильцовъ, петербургскихъ санкюлотовъ,—«Вяземская Лавра». Личность князя нѣсколько загадочна, да и не въ ней здѣсь сила, а въ его знаменитыхъ владѣніяхъ, составляющихъ въ центрѣ столицы цѣлый городъ, населенный подонками городскаго плебса. Должно, однако, сказать, что въ послѣднее время, благодаря полицейскимъ строгостямъ, воспѣтыя Вс. Крестовскимъ вяземскія «трущобы» значительно утратили свой прежній уголовно-романическій престижъ, свою адскую таинственность и неряшливость.

Вяземскій, князь П. П., сынъ знаменитаго писателя Вяземскаго, друга и товарища Пушкина. Есть прелестный экспромтъ Пушкина, посвященный «Павлушѣ» Вяземскому, т. е., тому, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Князь Павелъ Петровичъ отчасти унаслѣдовалъ отъ отца литературное призваніе; онъ участвовалъ въ «Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія» и, между прочимъ, написалъ «Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ»—серьезное и цѣнное изслѣдованіе, пользующееся извѣстностью въ литературѣ. Князь служилъ по учебному вѣдомству, а съ 1881 по 1882 г. занималъ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, никому не угодивъ неопредѣленностью и неровностью своего образа дѣйствій.

Гезеліусъ, редакторъ распространенной, живо и толково составляемой нѣмецкой петербургской газеты «St. Petersb. Herold». Для истаго петербургскаго нѣмца «Herold» сталъ необходимъ почти такъ-же, какъ кружка пива. Г. Гезеліусъ очень удачно угадалъ запросы своихъ читателей. Вотъ программа газеты: оставаясь добрымъ нѣмцемъ, нужно быть искреннимъ русскимъ патріотомъ; тяготѣя умственно къ тевтонскому Vaterland'у, должно быть вѣрнымъ Россіи и любить ее, какъ второе отечество; интересуясь германскими и міровыми новостями дня, слѣдить внимательно за россійской лѣтописью и за буднишней дребеденью петербургской жизни... Мудреная дилемма, но вѣдь не даромъ-же нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

Гейденъ, графъ Ѳ. Л., генералъ-губернаторъ Финляндіи. До своего назначенія въ 80-мъ г. на нынѣшній высокій постъ, графъ 20 лѣтъ прослужилъ «счастливо и пріятно», по его собственному выраженію, начальникомъ главнаго штаба. При прощаніи съ нимъ, извѣстный генералъ Обручевъ, отъ лица всѣхъ бывшихъ подчиненныхъ графа, сказалъ, между прочимъ,

что его сіятельство былъ для нихъ всегда «примѣромъ святой преданности престолу и отечеству и самой горячей любви къ интересамъ арміи», что личность его сіятельства «была всегда самымъ свѣтлымъ для нихъ образомъ, привлекавшимъ и побуждавшимъ ихъ» на славныя дѣянія. Къ этой характеристикѣ нечего прибавить—развѣ только то, что графъ Гейденъ и его супруга весьма усердно содѣйствовали въ Петербургѣ умноженію благотворительныхъ лептъ на пользу страждущимъ воинамъ и ихъ семействамъ. О дѣятельности графа въ Финляндіи, можетъ быть, самымъ лучшимъ аттестатомъ служитъ то, что о ней ничего не говорятъ...

Гирсъ Н. К., д. т. с., министръ иностранныхъ дѣлъ. Министерскаго портфеля Николай Карловичъ Гирсъ достигъ пятидесятилѣтней трудолюбивой, многосторонней дипломатической службой и въ посольскихъ миссіяхъ, и въ кабинетныхъ работахъ и въ управленіи дѣлами министерства. Составивъ себѣ репутацію опытнаго дипломата, Н. К. прославился также какъ искренній другъ мира. Поэтому назначеніе его въ 1882 г. на постъ министра было сочувственно встрѣчено и Россіей и Европой, какъ торжественная манифестація миролюбивой политики, твердо принятой нашимъ правительствомъ. И какъ видимъ, г. Гирсъ прекрасно оправдываетъ возлагаемыя на него надежды: насажденная имъ на колебавшейся было политической почвѣ масличная вѣтвь пустила, повидимому, прочные корни, ростетъ, цвѣтетъ и благоухаетъ.

Голенищевъ-Кутузовъ, графъ П. А., негласный редакторъ московской газеты «Русскій Курьеръ», издаваемой г. Лапинымъ,—очень еще молодой человѣкъ, отличающійся и въ мышленіи, и въ «направленіи» и въ слогѣ плѣнительными качествами ранней юности—пылкостью, «лирическимъ безпорядкомъ» мыслей, наивностью либерализма и вдохновеннымъ краснорѣчіемъ высокопарнаго строя. Эти милыя черты графъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ сообщилъ и редактируемой имъ газетѣ, что косившаяся было на нее цензура почувствовала къ ней отеческое снисхожденіе: «Чѣмъ-бы, молъ, дѣти нетѣшились...»

Голубинскій, Е., профессоръ московской духовной академіи, — пріобрѣлъ литературно-ученую извѣстность своимъ замѣчательнымъ, въ исполинскихъ размѣрахъ задуманнымъ трудомъ: «Исторія Русской Церкви». Почтенный историкъ проявилъ въ своей книгѣ такую огромную эрудицію, такое трудолюбіе и пытливость мысли, что даже наша де-сіансъ академія пришла въ удивленіе и наградила его лестной преміей. Г. Голубинскій оригинально и ново подошелъ къ своему предмету: подвергнувъ безпощадной, можно бы сказать, пронырливой критикѣ источники и откинувъ рутинный апологическій пріемъ, онъ ищетъ подлинной исторической правды, какова она была дѣйствительно, во всей ея реальной простотѣ. Такимъ образомъ онъ описалъ, напр., и истолковалъ крещеніе Руси, выставивъ этотъ великій просвѣтительный актъ въ нашей исторіи въ совершенно новомъ свѣтѣ. Въ немъ чувствуется историкъ-раціоналистъ, стоящій на высотѣ современныхъ требованій науки.

Горнъ—редакторъ нашей дипломатической газеты «Journal de St. Pétersbourg». Квасные патріоты нашей журналистики часто упрекаютъ г. Горна въ томъ, что онъ иноземецъ, венгерецъ или даже «венгерскій еврей»,— значитъ, не можетъ чувствовать и не чувствуетъ сыновней любви къ Россіи.

Въ такой формѣ обвиненіе это, конечно, нелѣпое, ибо сколько было у Россіи вѣрнѣйшихъ слугъ изъ иноземцевъ! Также вѣренъ ей несомнѣнно и г. Горнъ, да и не въ немъ тутъ сила. Хорошо вѣдь извѣстно, что всѣ значительныя политическія статьи и «сообщенія» французской газеты, такія всегда дипломатически-замысловатыя, тонкія и мастерски-отточенныя, принадлежатъ иниціативѣ и перу вовсе не г. Горна. Хорошо знаютъ это и патріоты, и обыкновенно когда нападаютъ на г. Горна, то мѣтятъ рикошетомъ совсѣмъ по другому адресу; г. Горнъ въ этихъ случаяхъ представляетъ для нихъ только какъ-бы мишень для прицѣла, да въ этомъ, можетъ быть, и заключается вся его *отвѣтственная* роль.

Грессеръ, П. А., генералъ-лейтенантъ,—градоначальникъ Санктъ-Петербурга съ 1882 г., стяжавшій себѣ во всеобщемъ мнѣніи титулъ «энергическаго». Дѣйствительно, г. Грессеръ въ короткое время, какъ говорится, «подтянулъ» и полицію и полицейскіе порядки въ столицѣ, къ общему удовольствію жителей и къ горькому неудовольствію полиціантовъ-лежебоковъ и тѣхъ обывателей изъ домовладѣльцевъ и торгашей, которые, по русскому обычаю, беззаботны на счетъ чистоты, благоустройства и закона. Никогда «чистка» не производилась въ Петербургѣ энергичнѣе, какъ при г. Грессерѣ; никогда житель не чувствовалъ на себѣ болѣе блюстительное око во всѣхъ своихъ похожденіяхъ; никогда полицейская литература приказовъ и распоряженій не процвѣтала въ такой мѣрѣ на страницахъ «Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальства»; никогда «проштрафившійся» обыватель не раскошеливался такъ часто и обильно за свои вины... До вступленія на нынѣшній постъ г. Грессеръ прошелъ богатую, разностороннюю административную школу всѣхъ степеней—отъ чиновника особыхъ порученій до губернатора (въ Каменцѣ и Харьковѣ).

Грейгъ, С. А., генералъ, членъ государственнаго совѣта. Много лѣтъ отличался на полѣ брани и на полѣ чести, былъ кратковременно министромъ финансовъ, публикѣ же извѣстенъ больше, какъ просвѣщенный садоводъ, ревностно содѣйствующій насажденію и процвѣтанію *культурныхъ* растеній на почвѣ родной. Состоитъ предсѣдателемъ петербургскаго общества садоводства.

Дашковъ, П. Я.—библіофилъ, хорошо извѣстный авторамъ и издателямъ историческихъ сочиненій съ картинками. Его коллекціи русскихъ гравюръ и автографовъ единственны въ своемъ родѣ по полнотѣ и богатству.

Деляновъ, Д. Д., д. т. с., министръ народнаго просвѣщенія. Прошлая многолѣтняя дѣятельность г. Делянова имѣетъ два періода: первый—посвященный законовѣдѣнію и законоуложенію: (Служба И. Д. во II Отдѣленіи), второй—народному просвѣщенію; въ первомъ г. Деляновъ былъ ученикомъ и сотрудникомъ знаменитаго Блудова, во второмъ—графа Д. А. Толстаго. Изъ болѣе видныхъ служебныхъ постовъ, занимавшихся г. Деляновымъ до назначенія его министромъ, отмѣтимъ должности попечителя петербургскаго учебнаго округа, директора публичной библіотеки, опекуна IV Отдѣленія и товарища министра народнаго просвѣщенія.

Дитятинъ, профессоръ харьковскаго университета,—даровитый ученый, вышедшій изъ народа, заявилъ себя большимъ знатокомъ русскаго права. Публика узнала о немъ по слѣдующему характеристическому эпизоду. На

блестящемъ диспутѣ г. Дитятина въ петербургскомъ университетѣ былъ замѣченъ въ числѣ присутствовавшихъ почтенный старичокъ крестьянинъ, живо интересовавшійся ходомъ диспута. Оказалось, что это отецъ диспутанта—простой петербургскій извощикъ. Трогательный примѣръ кровнаго единенія интеллигентности съ самобытностью!

Дмитріевы.—Прежде водились у насъ полководцы италійскіе, забалканскіе, эриванскіе, а теперь, съ легкой руки гг. Дмитріевыхъ, у насъ пошли и художники—кавказскіе, оренбургскіе и проч.—Два даровитыхъ художника однофамильца, однородные отчасти и по манерѣ и жанру письма. Оба они по преимуществу художники-этнографы. *Дмитріевъ-Кавказскій* далъ рядъ замѣчательныхъ этюдовъ живописной природы и типовъ родины Тамары. *Дмитріевъ-Оренбургскій* въ томъ же родѣ иллюстрировалъ туркестантскую этнографію, а отчасти—послѣднюю русско-турецкую войну. Ему же принадлежатъ хорошія картины изъ быта русской деревни: «Утопленникъ», «Водосвятіе» и проч.

Долгоруковъ, князь В. А., московскій генералъ-губернаторъ. Князь начальствуетъ надъ порфирородною вдовой уже давно, и москвичи въ такой степени сроднились съ нимъ и съ его ровной, спокойной, «отеческой» властью, что называютъ запросто «нашимъ княземъ». «Нашъ князь» очень популяренъ и любимъ въ Москвѣ, хотя долголѣтнее управленіе его не ознаменовалось особенно важными и большими усовершенствованіями въ благоустройствѣ бѣлокаменной, да москвичи за этимъ и не гонятся.

Ефименко, Александра,—писательница, о которой читающая публика знаетъ очень мало, хотя по праву она замѣчательнѣе и заслуженнѣе многихъ нашихъ «извѣстныхъ» женщинъ-литераторовъ. Объясняется это тѣмъ, что г-жа Ефименко—не беллетристка, а серьезная изслѣдовательница народной жизни и живетъ въ провинціи. По ея собственному признанію она «принадлежитъ къ самымъ крайнимъ поклонникамъ народа и его общины», и къ самымъ—слѣдуетъ добавить—глубокимъ ихъ знатокамъ. Свое дѣятельное «народничество» г-жа Ефименко засвидѣтельствовала рядомъ превосходныхъ трудовъ, являвшихся частію въ журналахъ. Нынѣ она предприняла обширное изданіе подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія народной жизни»; вышелъ пока первый выпускъ: «Обычное право».

Жуковскій, Н. Н.—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ петербургскихъ мировыхъ Соломоновъ и едва-ли не первый изъ нихъ, украшенный настоящей, 56-й пробы, золотой судейской цѣпью, поднесенной ему благодарными обывателями, на велій соблазнъ всего мироваго института. И въ самомъ дѣлѣ, примѣръ соблазнительный: сегодня—золотая цѣпь, завтра — серебряный сервизъ и т. д., а тамъ и просто натуральный барашекъ въ бумажкѣ.

Завалишинъ—здравствующій понынѣ одинъ изъ немногихъ, оставшихся еще въ живыхъ, «декабристовъ»; имя г. Завалишина часто встрѣчалось въ 60-хъ—70-хъ годахъ въ историческихъ журналахъ, которыя онъ снабжалъ своими пространными, не всегда, однако-же, интересными воспоминаніями о далекомъ прошломъ.

Зарудный, А. — уголовной извѣстности дѣятель, одна изъ запоздалыхъ жертвъ упраздненія крѣпостнаго права. Помѣщикъ, баринъ съ большимъ, изысканнымъ апетитомъ, для его удовлетворенія кинувшійся во всѣ нелегкія

аферистики и скорой наживы. Шагъ за шагомъ, отъ преступленія къ преступленію, отъ судебной камеры до путешествія въ мѣста отдаленныя, дошелъ до громкой и прочной репутаціи криминальной знаменитости 1-го ранга.

Здекауеръ, Н. Ѳ., профессоръ и лейбъ-медикъ, — заслуженнѣйшій и популярнѣйшій въ ряду петербургскихъ эскулаповъ, и какъ ученый и какъ врачъ. Недавно одинъ изъ его учениковъ и товарищей, славнѣйшій между ними, пилъ за здоровье г. Здекауера, какъ «за человѣка, который нынѣ относится къ прогрессу такъ же сочувственно, какъ четверть вѣка тому назадъ, какъ за представителя вѣчно-юной, вѣчно-сильной и достойной медицины». Г. Здекауеръ славится искусствомъ леченія внутреннихъ болѣзней, въ особенности же болѣзней сердца. Надо, впрочемъ, думать, что практика по цѣленію послѣдняго у почтеннаго доктора значительно упала въ наши дни, характеризуемые распространеніемъ безсердечія. Г. Здекауеръ—и патріотъ образцовый: онъ много содѣйствовалъ популяризаціи отечественныхъ минеральныхъ водъ среди своихъ паціентовъ, взамѣнъ заграничныхъ Баденовъ.

Зейдлицъ — скромный остзейскій нѣмецъ, пріобрѣвшій внезапную извѣстность у русской публики въ моментъ празднованія столѣтняго юбилея Жуковскаго. Г. Зейдлицъ — одинъ изъ немногихъ живыхъ друзей знаменитаго поэта; написалъ о немъ очень интересную, богатую біографическими данными, книжку по-нѣмецки, которая была переведена на русскій ко дню юбилея Жуковскаго и сдѣлала имя ея автору.

Зичи, М. А., профессоръ академіи художествъ, придворный живописецъ, — венгерецъ родомъ, совершенно акклиматизовавшійся въ Россіи, и вѣроятно не имѣетъ причины сожалѣть о своемъ прежнемъ отечествѣ. Г. Зичи славится, какъ великолѣпный акварелистъ и рисовальщикъ. Его чудесныя, полныя поэзіи и граціи, акварельныя иллюстраціи лермонтовскаго «Демона» знаетъ вся Россія.

Игнатьевъ, графъ Н. П., — знаменитый государственный мужъ, нынѣ не у дѣлъ, но еще недавно стоявшій на высотѣ самыхъ близкихъ къ кормилу правленія и наиболѣе дѣятельныхъ царскихъ слугъ. «Отвѣтственная», видная роль графа Игнатьева въ нашей внутренней и всего болѣе во внѣшней политикѣ началась очень рано. Ему еще не совершилось тридцати лѣтъ, когда онъ былъ уже генералъ-адъютантомъ и директоромъ азіатскаго департамента — одного изъ важнѣйшихъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Достигъ онъ этого своими успѣшными, замѣчательными дипломатическими миссіями въ Туркестанъ и Китай. Въ 1864 г. онъ получилъ первостепенный дипломатическій постъ—чрезвычайнаго посла въ Константинополѣ и составилъ себѣ не только въ Россіи, но и въ Европѣ громкую, блестящую извѣстность искуснаго, энергическаго и вліятельнаго дипломата, бдительно стоящаго на стражѣ достоинства Россіи и интересовъ славянства. Сами турки и уважали и побаивались «дженерала Иньятева». Безъ сомнѣнія, рѣшеніе начать войну въ 1877 г. въ значительной долѣ зависѣло отъ компетентнаго голоса графа, какъ тогда же приписывали ему и распространеніе въ нашихъ высшихъ военныхъ сферахъ мнѣнія—къ сожалѣнію, не оправдавшагося и ставшаго очень опаснымъ — о полномъ, будто-бы, безсиліи турокъ и о легкости побѣды надъ ними. По окончаніи этой трудной

войны на долю гр. Н. П. выпала тяжелая обязанность заключенія обиднаго для Россіи, печальной памяти Санъ-Стефанскаго договора, на которомъ и кончается дипломатическая служба графа. Съ 1879 г. онъ начинаетъ принимать участіе во внутренней политикѣ — сперва какъ нижегородскій генералъ-губернаторъ, потомъ какъ министръ государственныхъ имуществъ и, наконецъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Памятно воззваніе графа, которымъ онъ началъ свое управленіе на послѣднемъ постѣ и которое, обличая неправду, кривду и «хищенія», намѣчало главныя основанія его программы. Программу свою, въ духѣ, такъ называемой, «народной политики» славянофильскаго оттѣнка, гр. Игнатьевъ не успѣлъ развить, да можетъ быть она и въ теоріи еще не была достаточно зрѣла, какъ показалъ, между прочимъ, неудачный, безплодный опытъ созыва «свѣдущихъ людей»—опытъ самый характеристическій изъ всѣхъ «благихъ начинаній» графа.

Иностранцевъ, профессоръ. Въ то время, какъ всѣ мы возимся съ современнымъ человѣкомъ и его «лихими болѣстями», профессоръ Иностранцевъ ушелъ отъ современности на нѣсколько тысячелѣтій и отыскиваетъ въ курганахъ и пещерахъ доисторическаго человѣка. Смотри его интересную ученую книгу: «Доисторическій человѣкъ каменнаго періода».

Іогансонъ—юная восходящая звѣзда первой величины въ планетной системѣ петербургской Терпсихоры по планетнику балетомановъ Большаго Театра; очаровательная блондинка и граціозная танцовщица, г-жа Іогансонъ въ соотвѣтствующемъ костюмѣ и обстановкѣ — краснорѣчивѣйшій адвокатъ «женскихъ правъ» на вѣнецъ первенства въ мірозданіи!

Каменскій, Ѳ. Ѳ., академикъ, — лучшій изъ нашихъ скульпторовъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ сразу завоевавшій славу своимъ мраморнымъ «Первымъ шагомъ». Это—первый шагъ ребенка подъ руководствомъ молодой матери. Группа сколько граціозная по исполненію, столько же и патетическая по мысли! Потомъ г. Каменскій ее повторилъ въ видоизмѣненіи: «Вдова съ сыномъ», но, какъ всякое подражаніе хотя-бы самому себѣ,—вещь эта не имѣла уже такого успѣха, какъ не имѣли таковаго въ той-же степени и послѣдующія, прекрасныя сами по себѣ, работы г. Каменскаго.

Ковалевскіе.—Есть нѣсколько Ковалевскихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ; отмѣтимъ двухъ: 1) *А. О. Ковалевскій*, профессоръ одесскаго университета, — ученый зоологъ, въ такой мѣрѣ превосходный, что его серьезно хотѣла сманить отъ насъ Франція, заславъ ему очень соблазнительное предложеніе на каѳедру въ Марсель; но, кажется, г. Ковалевскій устоялъ искушенію и пребылъ добрымъ «патріотомъ своего отечества». 2) *М. М. Ковалевскій*, тоже профессоръ (московскій), тоже посвятилъ себя изученію царства животнаго, но въ тѣсной рамкѣ одного лишь его класса, именуемаго homo sapiens—Богъ вѣсть, достовѣрно-ли? Г. Ковалевскій пользуется почетной извѣстностью въ наукѣ и литературѣ, какъ даровитый, глубокій изслѣдователь патріархальнаго народнаго быта, по непосредственнымъ наблюденіямъ. Чтобы отыскать этотъ бытъ въ нетронутой чистотѣ, онъ обратился къ полудикимъ горцамъ Кавказа. Получились драгоцѣнныя изысканія. Въ литературѣ извѣстны книги г. Ковалевскаго: «О сословно-поземельныхъ отношеніяхъ на Кавказѣ», «Общинное землевладѣніе», и пр.

Кондратенко—молодой пейзажистъ

съ дарованіемъ; изъ его опытовъ особенное впечатлѣніе сдѣлала «Ночь въ Бахчисараѣ»—одно изъ наиболѣе удачныхъ и своеобразныхъ подражаній удивительнымъ «ночамъ» Куинджи.

Кохановская—извѣстная писательница-славянофилка и, разумѣется, съ дамскимъ пересоломъ въ одушевляющемъ ее квасномъ патріотизмѣ. Написала нѣсколько талантливыхъ повѣстей и разсказовъ о дальней старинѣ, которую «обожаетъ» съ институтской беззавѣтностью. Лучшая изъ ея повѣстей—«Гайка». Въ послѣднее время имя г-жи Кохановской нигдѣ не являлось и о ней забыли, какъ вдругъ неожиданно выступила она на страницахъ «Гражданина» съ ожесточенной богословской критикой «Исповѣди» графа Л. Н. Толстаго. Въ сущности, это была не критика, а болтливый, безсильно-злостный доносъ на графа въ безбожіи, тѣмъ болѣе неприличный, что «Исповѣдь» не напечатана. Изступленная діатриба благочестивой старушки произвела очень дурное впечатлѣніе,—не для графа Л. Н., конечно, а для самой г-жи Кохановской. Повторилась извѣстная басня Крылова о комическомъ нападеніи на слона самоувѣренно-злаго созданія, отъ котораго онъ даже и не почесался.

Кошелевъ, Н. А., профессоръ академіи художествъ, — живописецъ-богословъ, много и даровито потрудившійся для украшенія отечественныхъ храмовъ (преимущественно — собора Спасителя въ Москвѣ). Академическая строгость письма, евангелическая ясность образовъ и внѣшняя картинность концепціи и красокъ—суть отличительныя черты иконописныхъ произведеній г. Кошелева; наиболѣе выдающіяся изъ нихъ—«Погребеніе Христа», «Христосъ въ іерусалимскомъ храмѣ» и др.

Левашевы, графы,—два брата, два генерала, два земскихъ и думскихъ гласныхъ въ Петербургѣ. Одинъ изъ нихъ былъ одно время петербургскимъ губернаторомъ. Для петербуржцевъ, впрочемъ, несравненно болѣе самихъ графовъ, интересно ихъ роскошное, съ великолѣпнымъ паркомъ, помѣстье *Левашово* по финляндской дорогѣ—одна изъ любимыхъ дачныхъ резиденцій.

Леманъ—почтенная фирма, содѣйствующая процвѣтанію русскаго печатнаго дѣла. Лемановская словолитня считается лучшей въ Россіи, а лемановскіе шрифты—наиболѣе прочными и изящными.

Лодій—пѣвецъ русской оперы съ небольшимъ голосомъ, но мастеръ своего дѣла. Въ послѣднее время, не сойдясь въ цѣнѣ съ дирекціей казенныхъ театровъ, пріютился въ московскомъ опереточномъ «Эрмитажѣ» Лентовскаго, на соблазнъ своихъ прежнихъ товарищей по оперѣ.

Лысенко—восторгъ и гордость щирыхъ поклонниковъ полтавскихъ галушекъ, «гречаниковъ» и «гопака» Г. Лысенко едва-ли не первый малороссійскій композиторъ, притомъ, знающій музыку и даровитый. Написалъ нѣсколько оперъ и иныхъ пьесъ на мотивы своей мелодической родины.

Мальцевъ. — Исполинское богатство Мальцева заслуживаетъ удивленія, но несравненно удивительнѣе его источники. Въ предѣлахъ Брянскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Мальцевы владѣютъ цѣлымъ, величиною въ иное нѣмецкое королевство, огромнымъ фабрично-заводскимъ царствомъ. Здѣсь сосредоточены десятки фабрикъ и заводовъ разнообразнѣйшихъ производствъ: механическаго, чугунно-литейнаго, желѣзнодорожнаго, хрустальнаго и зеркальнаго, винокуреннаго, канатнаго,

фарфороваго, кожевеннаго, и т. д. и т. д. Въ мальцевскихъ заведеніяхъ до 15 т. рабочихъ, а ихъ производительность доходитъ до 8 милл. ежегодно. Словомъ, это цѣлая фабричная «великая держава».

Матушевичъ — хорошо извѣстенъ художникамъ, которые его и уважаютъ, и побаиваются. Г. Матушевичъ—наиболѣе компетентный, свѣдущій и проницательный изъ нашихъ художественныхъ критиковъ. Писалъ въ‹ Голосѣ›, а нынѣ—гдѣ придется.

Михельсонъ. Возвращаемся къ г. Михельсону, извѣстному дѣятелю петербургскаго муниципалитета, чтобы взять назадъ нѣсколько опрометчивыхъ словъ о немъ. Въ нашей характеристикѣ, между прочимъ, сказано: «г. Михельсонъ болтаетъ, болтаетъ,—анъ, смотришь!—*тепленькое мѣстечко* себѣ и выболталъ въ какой-нибудь изъ думскихъ коммиссій». Мы съ удовольствіемъ узнали, что, хотя г. Михельсонъ, точно, работаетъ во многихъ коммиссіяхъ, но вполнѣ безкорыстно и ни разу не занималъ еще ни одного «тепленькаго мѣстечка», т. е., обезпеченнаго окладомъ изъ городской кассы. Просимъ г. Михельсона извинить намъ эту обмолвку!

Морозовъ—достойный хвалы новаторъ среди Леухиныхъ, Манухиныхъ и имъ подобныхъ издателей-книгопродавцевъ Никольскаго ряда, затемняющихъ народный разумъ печатной белибердой. Г. Морозовъ едва-ли не первый изъ своихъ собратій въ Москвѣ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ за эксплоатацію народнаго невѣжества «Милордами Милотами», «Гуаками», «Панами Твардовскими» и пр. Онъ поднялъ и содержаніе такъ называемыхъ «народныхъ» лубочныхъ изданій, сдѣлавъ его воспитательнымъ, толковымъ и грамотнымъ, и ихъ внѣшнее исполненіе. Особенно славятся нынѣ своимъ техническимъ совершенствомъ, даже изяществомъ литографированныя иконы и картинки г. Морозова, которыхъ онъ ежегодно выпекаетъ нѣсколько милліоновъ и пускаетъ въ ходъ по баснословно дешевой цѣнѣ.

Муромцевъ, профессоръ московскаго университета,—одинъ изъ выдающихся московскихъ публицистовъ либеральнаго толка; имѣетъ свою «партію» и въ московскомъ муниципалитетѣ, однажды выставившую его кандидатомъ въ городскіе головы, но—безуспѣшно; нынѣ выбранъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ бѣлокаменной и—это принято мѣстными либералами за нѣкоторую какъ-бы побѣду ихъ лагеря.

Направникъ. — Вслѣдствіе очень странной, невольной описки, которая со всякимъ возможна, но необъяснима, мы смѣшали славнаго капельмейстера нашей оперы, г. Направника, съ пѣвцомъ той-же оперы—г. Палечекомъ. Правда, оба они—равно родные намъ братья, оба—земляки-чехи... Приглашаемъ читателя замѣнить въ текстѣ имя *Палечека—Направникомъ*, къ каковому и относится, цѣликомъ ошибочно приписанная первому, характеристика (См. 166 стр.).

Неклюдовъ—третій по счету; бывшій петербургскій мировой судья, забаллотированный на послѣднихъ выборахъ и очень за это разсердившійся на В. И. Лихачева, на избирателей и на весь городъ Санктъ-Петербургъ. Извѣстны его офиціальная жалоба на неправильность якобы выборовъ, его «протесты» въ газетахъ и его обѣдъ съ друзьями у Палкина, превращенный, съ помощью пылкаго воображенія и краснорѣчія газетныхъ репортеровъ, въ цѣлую демонстрацію противъ столицы: — какого-де великаго, просвѣщен-

наго, неколебимо-праведнаго судію лишается она въ лицѣ г. Неклюдова!

Новикова-Кирѣева—извѣстная дипломатическая дама не только по мужу-послу, но и сама по себѣ—своимъ дѣятельнымъ литературнымъ участіемъ въ текущей политикѣ. Г-жа Новикова написала нѣсколько брошюръ и книгъ на французскомъ языкѣ, изданныхъ за-границей. Нельзя не пожалѣть, что онѣ мало извѣстны въ Россіи; г-жа Новикова — талантливая писательница, большая патріотка и славянофилка, и ея сужденія, хотя не всегда вѣрныя, оригинальны и интересны.

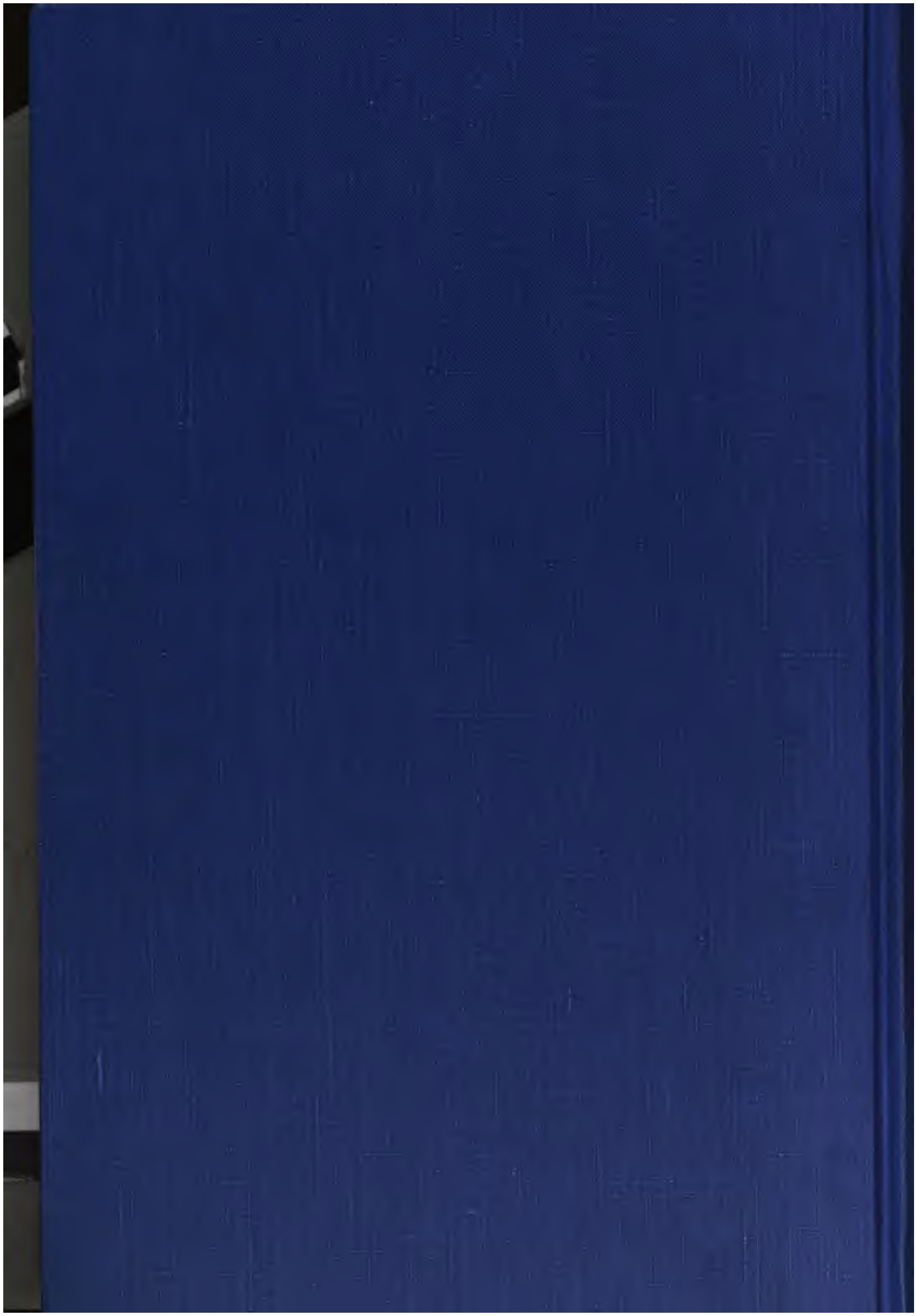
Новосельскій, Н. А. — партикулярный Неккеръ, усердно себя рекламирующій въ «сферахъ» и въ печати, и соблюдающій вотъ уже года два такую отмѣнно-предупредительную мину, что онъ съ патріотическимъ самоотверженіемъ готовъ былъ-бы во всякую минуту принять тяжкій портфель министра финансовъ. Напишетъ г. Новосельскій «докладную записку» или статейку въ укоризну нынѣшнему финансовому режиму, тиснетъ въ «Москов. Вѣдомостяхъ», сядетъ у окошечка и смотритъ, не скачутъ-ли къ нему «курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать-пять тысячъ курьеровъ»!.. Увы, сколько ни старается г. Новосельскій раскритиковать существующее финансовое управленіе и противопоставить ему свои геніальные планы, сколько ни рекомендуютъ его «Московскія Вѣдомости», а курьеровъ все нѣтъ, какъ нѣтъ! Скептики даже того мнѣнія, что если нашъ самодѣльный кандидатъ въ Неккеры и вовсе не дождется курьеровъ, то и — слава Богу! Что такое, сами по себѣ, финансовыя, «своимъ умомъ» изобрѣтенныя предначертанія г. Новосельскаго —можно судить уже потому, что ихъ раздѣляетъ и аттестуетъ г. Катковъ. За г. Новосельскимъ имѣется крикливое, хотя не особенно блестящее прошлое крупнаго «дѣльца» на всѣ руки. Онъ правилъ «Обществомъ пароходства и торговли», къ вящему разворенію казны, потомъ былъ городскимъ головою Одессы, на каковомъ постѣ отличался только представительностью и церемоніймейстерскимъ искусствомъ, недешево обходившимся для городской казны, и, наконецъ, во время послѣдней войны принималъ дѣятельное участіе на ряду съ оравой хищныхъ подрядчиковъ и маркитантовъ, въ алчной погонѣ за казеннымъ пирогомъ, офицерскимъ рублемъ и солдатскою копѣйкой. Таковы суть главныя дѣянія г. Новосельскаго, какъ видитъ читатель, не Богъ вѣсть сколь достославныя.

Озмидовъ, издатель редакторъ «Новороссійскаго Телеграфа», который правильнѣе было-бы назвать «Одесскими Московскими Вѣдомостями.» Впрочемъ, г. Озмидовъ—человѣкъ разносторонній и оборотливый. Въ существѣ дѣла ему безразличны всякіе «консерватизмы», «либерализмы», и иные «измы» —онъ на все согласенъ, глядя по сезону, лишь бы его газетка шла ходко. Непреклонно вѣренъ г. Озмидовъ только самому себѣ, своей прочно установившейся репутаціи журнальнаго Собакевича, каковою и пользуется себѣ не въ убытокъ.

Пастуховъ — новѣйшая самородная метаморфоза того историческаго московскаго типа, который въ старину назывался «ярыгой», позднѣе—«ябедникомъ», а въ наши просвѣщенные дни зовется иногда «лѣтіраторомъ» и даже «лѣдахторомъ». Что касается умственно-литературнаго ценза, истый «сынъ природы», какъ называлъ себя его достопамятный предтеча — Кузьмичевъ, авторъ «Битвы русскихъ съ кабардинцами», г. Пастуховъ началъ свою журналь-

ную миссію чуть не за стойкой питейнаго заведенія и постепенно дошелъ до счастливой мысли основанія своей... думаете—гостинницы «для господъ пріѣзжающихъ»? — нѣтъ! — своей газеты... И—таковъ уровень «просвѣщенной публики»—газета г. Пастухова, «Московскій Листокъ», нынѣче чуть не первая на Москвѣ по распространенности! Да и почему не такъ, если въ г. Пастуховѣ оказались всѣ потребныя для данной минуты призванія: онъ—фаворитъ г. Каткова; онъ — гроза московскихъ кабатчиковъ и трактирщиковъ («Обличу, такіе-сякіе!»); онъ — всезнающій Жиль-Блазъ Замоскворѣчья; онъ—наконецъ, истый выразитель и истолкователь философіи Охотнаго ряда!

Пильцъ —издатель-редакторъ единственной по сю сторону Вислы польской газеты «Kraj», подлинный хозяинъ которой, какъ болтаютъ «свѣдущіе люды», вовсе не г. Пильцъ, а — г. Спасовичъ. Газета «Kraj» возникла въ Петербургѣ, кажется, одновременно съ появленіемъ на столичномъ рынкѣ смачныхъ польскихъ «кѣлбасъ», «старой вудки», «стараго меду» и иныхъ деликатесовъ польскаго національнаго стола. Это были піонеры начавшагося русско-польскаго «примиренія» и братскаго «объединенія», и, кажется, всѣ они успѣшно исполнили свою миссію. «Kraj» существуетъ уже нѣсколько лѣтъ, издается умно, тактично и отмѣнно-литературно, но — вотъ въ чемъ печаль его! Когда недавно, на обѣдѣ въ честь г. Рачки, г. Пильцъ заявилъ, что «Kraj» есть кровная колонія коренной польской прессы, а г. Спасовичъ при этомъ показалъ ея знамя съ девизомъ: «Національная культура безъ политики!», то своенравная метрополія очень остро и желчно отреклась отъ всякаго родства съ ними... Выходитъ для «Kraj'я» довольно грустная позиція какого-то, въ своемъ родѣ, «уединеннаго пошехонца».

Пихлеръ. —Недавно администрація нашей Публичной Библіотеки издала нѣчто въ родѣ манифеста, въ которомъ горько сѣтуетъ на распространеніе хищническаго вандализма среди своихъ читателей по отношенію къ ея сокровищамъ. Своевременно, поэтому, вспомнить перваго и самаго жестокаго вандала, свирѣпствовавшаго въ той-же Библіотекѣ лѣтъ 10 назадъ. Это былъ достопамятный ученый докторъ Пихлеръ, аккуратный нѣмецъ съ очень запасливыми карманами, въ которыхъ онъ, будучи довѣрчиво припущенъ къ сокровищамъ Библіотеки для пользы науки, перетаскалъ ихъ цѣлые возы. Къ счастью, воровство это было пресѣчено (Богъ вѣсть только—на которомъ возѣ?), и ученый воръ попалъ подъ судъ.

Поляковъ, С. С., или нашъ современный желѣзнодорожный Змѣй Горынычъ, каковымъ онъ и изображенъ схематически на посвященной ему въ этой книгѣ картинкѣ. Педанты исторической достовѣрности, можетъ быть, замѣтятъ: отчего-же нарисованъ онъ не въ ермолкѣ?.. — Fi donc! — Мы съ Самуиломъ Соломоновичемъ съ той поры, какъ сидѣли гдѣ-то въ корчмѣ и «гандлевали» на мѣдныя деньги, въ такой мѣрѣ цивилизовались и эмансипировались отъ «жидовства», что не только ермолку забросили, но даже «шабасъ» перестали справлять. Судьба г. Полякова по истинѣ баснословна и высоко-поучительна! Человѣкъ безъ образованія, безъ особенныхъ какихъ-нибудь дарованій, ничтожество, какими кишитъ земной шаръ, и—вдругъ, точно въ сказкѣ объ «Иванѣ-дурачкѣ», съ волшебней быстротой выростаетъ въ огромную, властную, возвеличенную почестями силу, владѣющую милліонами и предержащую подъ своей рукой тысячи